
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00589945 5

ИСТОРІЯ

СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ВНОВЬ ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ДВА ТОМА

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе типографіи М. М. Стасюлевича.

1879.

(419)

СОДЕРЖАНІЕ.

Настоящая книга предположена была какъ второе изданіе „Обзора исторіи славянскихъ литературъ“ (1865), давно уже вышедшаго изъ продажи; но приступивъ къ пересмотру его, я увидѣлъ необходимость значительно его расширить: надо было пополнить пробѣлы, зависѣвшіе, въ первомъ изданіи, между прочимъ просто отъ недостатка книгъ — теперь въ этомъ отношеніи я былъ болѣе обезпеченъ; надо было внести изслѣдованія, появившіяся съ того времени, и дать во многихъ случаяхъ болѣе полныя историческія объясненія и библіографію; наконецъ, надо было дать мѣсто новѣйшимъ фактамъ самой литературы. Въ результатѣ — книга была написана почти вновь, и объемъ ея увеличился до двухъ томовъ. Назначеніе настоящей книги остается то же: не входя въ частныя изслѣдованія, для которыхъ нѣтъ мѣста въ подобной рамкѣ, дать общій обзоръ для читателей неспеціалистовъ, и вмѣстѣ руководство, указаніе основныхъ фактовъ и пособій изученія, для желающихъ познакомиться съ предметомъ ближе.

Во 2-мъ томѣ (печатаніе котораго начато), глава о польской литературѣ такимъ же образомъ переработана вновь В. Д. Спасовичемъ.

Относительно русской литературы, я счелъ нужнымъ сдѣлать перемѣну. Издавая въ первый разъ свою книгу, я имѣлъ въ виду только русскихъ читателей и потому ограничился лишь сжатымъ очеркомъ русской литературы, — такъ какъ читатель могъ найти подробности въ существующихъ изложеніяхъ ея исторіи и въ массѣ частныхъ изслѣдованій. Но, какъ я впослѣдствіи увидѣлъ, книга имѣла и славянскихъ читателей: они были въ иномъ положеніи и короткій очеркъ не могъ быть для нихъ достаточенъ. По этимъ основаніямъ, я помѣстилъ здѣсь только „частныя литературы Русскаго Языка", имѣющія связь съ славянскимъ „Возрожденіемъ" и отчасти ему параллельныя; но выдѣлилъ совсѣмъ изложеніе русской литературы, которое имѣю въ виду сдѣлать, въ завершеніе моего настоящаго труда, въ особой книгѣ.

Вслѣдствіе другихъ работъ, отнимающихъ мое время, печатаніе настоящаго тома затянулось на цѣлый годъ: поэтому я не могъ воспользоваться для первыхъ главъ книги нѣкоторыми изданіями, явившимися за послѣдніе мѣсяцы. Въ концѣ 2-го тома будутъ помѣщены дополнительныя библіографическія замѣтки; кромѣ того прибавлены будутъ: подробный указатель къ обоимъ томамъ, и предисловіе къ цѣлому сочиненію.

А. Пыпинъ.

Ноябрь, 1878.

ВВЕДЕНІЕ.

Славянскія литературы, съ точки зрѣнія всеобщей исторіи цивилизаціи, не имѣютъ такого важнаго значенія, какое принадлежитъ главнѣйшимъ литературамъ западной Европы. Еще до недавняго времени Славяне были почти совершенно удалены отъ того движенія общечеловѣческаго развитія, дѣятелями котораго были западные народы: Славяне играли большею частію роль подчиненную, подражательную, или занятые своимъ ближайшимъ дѣломъ, не имѣли возможности дѣйствовать въ общечеловѣческомъ интересѣ мысли, создать здѣсь что-нибудь самобытное. Уже Гердеръ, одинъ изъ первыхъ писателей, начавшихъ защищать историческое право славянскаго племени, и поэтому весьма популярный у западно-славянскихъ патріотовъ, замѣтилъ, что „славянскіе народы занимаютъ больше мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи". Ихъ историческая дѣятельность представлялась главнымъ образомъ двумя явленіями: поддержаніемъ своей національной особности, поставленной историческими событіями въ опасность или погибнуть совсѣмъ, или затеряться въ чужой народности; и распространеніемъ извѣстной цивилизаціи,— черезъ посредство русскаго племени,— на европейскій и азіатскій Востокъ. Для основнаго хода цивилизаціи эти явленія имѣли только второстепенное значеніе. На Западъ, гдѣ шло главнымъ образомъ европейское историческое развитіе, дѣятельность Славянъ почти не простиралась. Славянскіе крайніе теоретики думали, напротивъ, что Славяне уже своимъ національнымъ характеромъ принесутъ въ міръ новую цивилизацію съ иными, высшими началами, которая должна замѣнить европейскую цивилизацію (будто отживающую и будто противную славянской натурѣ),—какъ нѣкогда образованіе христіанское замѣнило собой образованность греко-римскую. Нечего говорить, что эти увѣренія пока далеки отъ дѣйствительности, — тѣмъ больше, что и нѣтъ нужды истреблять европейскую цивилизацію: она еще съ полнымъ правомъ остается цивилизаціей господствующей, она не сказала своего послѣдняго слова,— и то, что́ уже сказано ея лучшими представителями, современные результаты ея мысли, еще далеко не подорвано другой теоріей, а тѣмъ менѣе теоріей славянской. Наконецъ, славянская теорія еще и не успѣла выясниться исторически какъ

что-нибудь единое, цѣльное и культурно-дѣятельное: исторія знаетъ Славянъ давно раздѣленными на нѣсколько народностей, съ весьма различнымъ характеромъ образованія и дѣятельности, и еще не выставившими особеннаго, общаго имъ всѣмъ культурнаго принципа.

Но, хотя до сихъ поръ Славяне и меньше другихъ народовъ участвовали въ работѣ надъ высшими задачами общечеловѣческой науки, общественности и искусства, они тѣсно связаны съ европейской семьей: они связаны съ ней происхожденіемъ, основными чертами племени, задатками отъ прошедшаго и идеалами будущаго. Какъ своей матеріальной силой и дѣятельностью славянскіе народы имѣли непосредственное вмѣшательство въ исторію Европы и внесли свою долю вліянія въ ея политическую судьбу, такъ и въ исторіи ихъ литературы мы найдемъ факты, гдѣ славянскія силы участвовали въ движеніи европейскихъ идей, или даже факты вполнѣ самостоятельной дѣятельности, имѣющіе глубокое значеніе въ исторіи цивилизаціи. Для примѣра намъ достаточно указать—самый крупный фактъ въ средневѣковой славянской культурѣ—гусситское движеніе, поставившее первую ясную и энергическую оппозицію средневѣковой религіозной традиціи и послужившее твердымъ основаніемъ для послѣдующаго разъясненія понятій религіозныхъ и общественныхъ. Этого одного факта было бы достаточно, чтобы дать славянской литературѣ важную долю въ исторіи общечеловѣческой цивилизаціи. Этотъ примѣръ энергической мысли—въ эпоху, когда Европа была подъ гнетущимъ авторитетомъ папства—указываетъ достаточно, что въ славянскомъ племени мы имѣемъ дѣло съ племенемъ, дѣйствительно культурнымъ, слѣдовательно, исторически интереснымъ. Правда, такихъ широкихъ проявленій дѣятельной и передовой мысли было не много, но мы увидимъ, что въ славянскомъ племени выказывалась въ связи съ европейской мыслью способность смѣлаго вывода, которая можетъ быть хорошимъ предзнаменованіемъ. Славянскій міръ прямо и косвенно внесъ въ общечеловѣческій запасъ свой богатый вкладъ умственнаго труда, поэтическихъ откровеній, борьбы за свободу мысли,—и это составляетъ его неотъемлемое историческое право. Особенное положеніе славянскаго развитія и литературы внѣшнимъ образомъ опредѣлено было двумя историческими фактами. Славянское племя позднѣе другихъ европейскихъ народовъ выступило на историческое поприще, и едва выходило изъ патріархальнаго быта, когда галльскія и германскія племена уже завязали связи съ преданіями античной цивилизаціи и христіанствомъ, когда романскія народности образовывались уже подъ ближайшимъ вліяніемъ того и другаго. Далѣе, прежде чѣмъ славянскія племена успѣли сплотиться въ крѣпкія государства, большая доля ихъ, именно восточныя и южныя племена (Русь, Болгары и Сербы) подпали страшнымъ азіатскимъ нашествіямъ; другіе въ то же время и раньше пали въ борьбѣ съ Германцами и Мадьярами. Такимъ образомъ, внѣшняя судьба племени была крайне неблагопріятна: только одно изъ славянскихъ племенъ создало сильное, независимо развивающееся государство; многія погибли, потерявши свою народность, другія до сихъ поръ должны бороться за свое національное существованіе; иныя до сей минуты остаются на патріархальной ступени раз-

витія или въ полномъ эпическомъ періодѣ, какъ Черногорцы. При всемъ томъ славянское племя сберегло много здоровыхъ силъ, и даже въ народахъ, не вышедшихъ и нынѣ изъ непосредственнаго патріархальнаго быта, эти силы высказались въ замѣчательно свѣжей и жизненной народной поэзіи; у другихъ, особенно Русскихъ и Поляковъ,— литература представляетъ въ своихъ лучшихъ талантахъ высокую степень поэтическаго и литературнаго значенія. Въ новѣйшее время для славянскихъ народовъ наступилъ новый оригинальный періодъ ихъ развитія, когда въ раздѣленныхъ дотолѣ племенахъ, почти совершенно забывшихъ другъ о другѣ, обнаружилось стремленіе къ единству и сосредоточенію, къ самобытному усвоенію общечеловѣческаго развитія, стремленіе къ обособленію цѣлой славянской національности.

Итакъ, при болѣе обширномъ взглядѣ на дѣло, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, исторія славянскихъ литературъ представитъ и для историка европейскаго великій интересъ, какъ интеллектуальная жизнь племени, одареннаго своеобразнымъ характеромъ, многоразлично связаннаго съ судьбами современнаго культурнаго человѣчества и вступающаго теперь въ дѣятельную роль. Въ предѣлахъ самого Славянства, эта исторія исполнена величайшаго интереса какъ отраженіе умственной и поэтической дѣятельности самобытнаго, даровитаго племени, какъ отраженіе различныхъ эпохъ и ступеней его развитія, какъ освѣщеніе его идеаловъ и человѣческихъ стремленій: истинный другъ народа можетъ извлечь изъ нея поученіе и для настоящей минуты,— потому что въ исторіи онъ можетъ научиться цѣнить народную личность и ея дѣйствительные интересы.

Въ своемъ изложеніи мы постараемся по возможности указать, въ какихъ формахъ совершалась исторически духовная жизнь этого громаднаго племени, какія начала успѣла она выразить въ свои болѣе счастливыя времена и у болѣе счастливыхъ отраслей этого племени, какой смыслъ имѣетъ его новое возрожденіе, и наконецъ, въ какомъ отношеніи вся культура славянскаго племени стоитъ къ европейской культурѣ [1]).

---

1) Цѣльныя сочиненія по исторіи славянскихъ литературъ:

— Павелъ-Іосифъ Шафарикъ, Gesch. der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen 1826 (особенно съ библіографической точки зрѣнія).

— Talvj (г-жа Робинсонъ), Historical view of the Slavic language in its various dialects. From the Biblical Repository, conducted by Edw. Robinson, D. D. Andover (въ Сѣв. Америкѣ) 1834; 2-е изд.: Hist. view of the languages and literature of the Slavic nations, with a sketch of their popular poetry. New-York 1850. (Нѣмецкій переводъ) Uebersichtliches Handbuch einer Gesch. der slav. Spr. etc., übertr. von B. H. Brühl. Leipz. 1851.

— E. v. O. (Olbrecht), Geschichtliche Uebersicht der slaw. Sprache... und der slaw. Literatur (по Шафарику и Тальви), 1837.

— Мицкевичъ, Vorlesungen über slawische Literatur und Zustände. Пер. съ франц. Зигфрида. 1843—45, 4 т.

— В. Григоровичъ, Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ (Учен. Зап. Казан. Унив. 1841, кн. 1); Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ. Казань, 1843.

1. Данныя этнографическія и статистическія.

Имѣя въ виду только очеркъ литературы славянскихъ народовъ, мы не будемъ останавливаться долго на древнѣйшей судьбѣ племени, и ограничимся краткимъ очеркомъ его древняго разселенія и его нынѣшняго состоянія. Въ обширномъ смыслѣ, исторія литературы имѣетъ тѣснѣйшую связь со всей нравственной физіономіей народа, его національной стариной, слѣдовательно, съ его миѳологіей, археологіей и т. д., какъ и со всѣмъ ходомъ его историческихъ судебъ, но останавливаясь болѣе спеціально на литературной дѣятельности славянскихъ племенъ, мы отсылаемъ читателя для подробностей археологическихъ къ частнымъ изслѣдованіямъ.

По происхожденію славянское племя принадлежитъ къ великому арійскому или индо-европейскому семейству, какъ и всѣ тѣ европейскіе народы, которые были главнѣйшими дѣятелями античной и современной цивилизаціи [1]). Новѣйшее языкознаніе раскрыло тѣснѣйшую

— Kirkor, O literaturze pobratymskych narodów Słowianskich. Kraków, 1873 (кромѣ литер. польской).

— Поэзія Славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній слав. народовъ (въ русскихъ переводахъ). Изд. Гербеля. Спб. 1873.

Богатый историко-литературный матеріалъ разсѣянъ въ журналахъ и изданіяхъ славянскихъ ученыхъ обществъ:

— «Časopis českého Musenm», или «Časopis Musea království českého», съ 1827 г.

— «Чтенія Моск. Общества и древностей россійскихъ», съ 1846.

— «Извѣстія II Отдѣленія Спб. Академіи Наукъ», съ 1852 (десять лѣтъ) и другія изданія того же отдѣленія.

— Jordan und Schmaler (Смолеръ), «Jahrbücher für slaw. Literatur, Kunst und Wissenschaft», съ 1843.

— «Гласник друштва српске словесности», въ Бѣлградѣ, съ 1847.

— «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», въ Загребѣ, съ 1871 г.

— Miklosich u. Fiedler, «Slawische Bibliothek», 2 т. Wien 1851—58.

— «Slovník Naučný», подъ ред. Ригера. XI томовъ. Прага, 1859—74.

— V. Jagić, «Archiv für slavische Philologie», съ 1875.

Наконецъ, сочиненія многихъ славистовъ, касающіяся цѣлаго Славянства или нѣсколькихъ группъ его, какъ сочиненія Шафарика, Палацкаго, Бодянскаго, Григоровича, Срезневскаго, Гильфердинга, Ягича и друг.

[1]) Изъ общихъ сочиненій по славянской древности могутъ быть названы слѣдующія сочиненія (нѣкоторыя важны уже только для исторіи вопроса):

— Dr. Anton, Erste Linien eines Versuchs über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783—89, 2 т.

— Schlözer, Nordische Geschichte. Halle 1771.

— Z. D. Chodakowski, O Słowiańszczyznie przed Chrześcianstwem (1818) Kraków, 1835.

— W. Surowiecki, Sledźenie początku narodów Słowiańskich. Warszawa. 1824 (русскій переводъ въ Чтеніяхъ Моск. Общества Ист. и Древн.).

— Шафарикъ, Ueber die Abkunft der Slawen nach Surowiecki. Ofen, 1828; Slovanské Starožytnosti. Пр. 1836 (съ подробнымъ указателемъ литературы славянск. древностей. Русскій переводъ Бодянскаго: «Слав. Древности», въ 5 кн. М. 1848).

— W. A. Maciejowski, Historya prawodawstw Słowiańskich; 2-е изд. Warsz. 1858—62 (русск. пер. въ «Чтеніяхъ»).

— В. Макушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ Славянъ съ VI по X вѣкъ. Спб. 1861.

связь славянскихъ языковъ съ основными языками арійскаго корня, и указало первые начатки славянской культуры еще въ древнемъ наслѣдіи общаго арійскаго источника. Это могло бы доказать полную равноправность славянскаго племени въ европейской средѣ, если бы она достаточно не доказывалась фактическимъ участіемъ и успѣхами Славянства въ общечеловѣческомъ развитіи. Упоминаемъ объ этомъ, потому что Западъ Европы, вслѣдствіе историческаго удаленія отъ него восточнаго и южнаго Славянства въ средніе вѣка, долго чуждался славянскаго міра, — и обѣ стороны вообще мало признавали между собою общаго. Научныя открытія въ древнѣйшихъ судьбахъ европейскихъ народовъ и новая дѣятельность Славянства въ послѣдніе вѣка опять сближаютъ ихъ въ однородный союзъ и солидарность.... Наука доселѣ не выяснила постепеннаго выдѣленія племенъ изъ арійскаго корня, но изслѣдователи согласны въ томъ, что ближайшей группой, къ которой принадлежало Славянство, была группа германо-литовско-славянская: изъ нея потомъ развились отдѣльно три названные племенные типа, которые такимъ образомъ стоятъ между собою въ наи-

---

— Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Руси до конца X вѣка. Спб. 1870.

— Gr. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden. Graz 1874 (съ богатыми указаніями литературы предмета).

Относительно такъ-называемой до-исторической древности служатъ, во-первыхъ, изслѣдованія сравнительно-филологическія. Мѣсто славянскихъ языковъ въ средѣ индо-европейскихъ указано было въ первыхъ трудахъ новѣйшаго языкознанія, въ сочиненіяхъ Боппа, Гримма, Потта, Шлейхера и проч. Въ настоящее время наука стремится указать самую послѣдовательность развитія индо-европейскихъ языковъ изъ арійскаго корня.

— A. Schleicher, Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2-е изд. Weimar, 1866.

— Kuhn und Schleicher, Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, съ 1858.

— Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Deutsch von C. Böttger. Leipzig, 1863.

— Шлейхеръ, Очеркъ до-исторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индогерм. языковъ (приложеніе къ VIII тому Записокъ Акад. Наукъ). Спб. 1865.

— Curtius, Zur Chronologie der indo-germ. Sprachforschung (въ Abhandlungen Саксонскаго Общества Наукъ, т. V. 1868).

— Fick, Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache. Gött. 1868 (съ предисловіемъ Бенфея). Въ послѣдніе годы выходитъ 3-е, очень распространенное изданіе; Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas. Gött. 1873.

— Geiger, Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit. Stuttg. 1871.

— Cuno, Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. 1-er Th. Die Skythen. Berlin, 1871.

— Joh. Schmidt, Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.

Во-вторыхъ, собственно археологическія изслѣдованія о каменномъ, бронзовомъ, желѣзномъ вѣкѣ, о городищахъ и курганахъ, о названіяхъ племенъ, земель, городовъ, урочищъ, объ остаткахъ и слѣдахъ до-историческаго быта и миѳологіи. См. изданія русскихъ археолог. обществъ, археол. съѣздовъ, археологич. коммиссіи (о раскопкахъ на югѣ Россіи), чешскія «Pámátky Archeologické», труды чешскаго ученаго Воцеля (одинъ изъ нихъ явился въ русскомъ переводѣ Задерацкаго: «Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ и Чеховъ въ особенности», Кіевъ, 1875), гр. А. С. Уварова, Котляревскаго, и т. д.

болѣе близкомъ родствѣ. Наконецъ, самъ славянскій языкъ выдѣлился въ особое цѣлое и въ свою очередь сталъ основнымъ корнемъ многоразличныхъ нарѣчій, существующихъ теперь, а также и нѣсколькихъ уже вымершихъ.

Вопросъ о мѣстѣ древнѣйшихъ славянскихъ поселеній въ Европѣ до сихъ поръ крайне теменъ. По предполагаемому порядку выдѣленія языковъ, Славяне должны были находиться ближе къ азіатской родинѣ чѣмъ Германцы, слѣдовательно на востокъ отъ нихъ. Полагаютъ, что первоначальнымъ гнѣздомъ ихъ была мѣстность между верховьями Дона и Днѣпромъ, и за Днѣпръ къ восточному берегу Балтійскаго моря и средней Вислѣ, на югъ не далѣе Припети. Затѣмъ, разселеніе ихъ направилось въ сѣверномъ, южномъ и западномъ направленіяхъ. На сѣверѣ и востокѣ отъ нихъ жили финскія племена; на западѣ Германцы, на югѣ были римскія владѣнія, на юго-востокѣ къ Черному морю скитались орды не-арійскаго происхожденія, которыя были вытѣснены изъ своихъ жилищъ Скиѳами и Сарматами, послѣдними арійскими пришельцами въ Европѣ.

Какимъ образомъ произошло разселеніе самого славянскаго племени, послѣ неизвѣстно когда (во всякомъ случаѣ за нѣсколько вѣковъ до Р. X.) случившагося прихода въ Европу, остается опять неясно. Русскіе сохранили только темную память о приходѣ изъ-за Дуная; Чехи помнили, что ихъ предки пришли въ чешскую землю черезъ три рѣки; Сербы и Хорваты знали только о приходѣ своемъ изъ Бѣлой Сербіи и Хорватіи за Карпатами, но какъ жили они прежде, откуда и когда появились они въ этой старой родинѣ, этого, быть можетъ, не помнили они и въ то отдаленное время, до котораго достигаютъ наши памятники. Съ тѣхъ поръ и донынѣ, какъ мы сказали, происходили большей частью только незначительныя частныя передвиженія, — исключая только племя русское, захватившее вновь громадныя земли на востокѣ, и племя Балтійскихъ Славянъ, исчезнувшее въ борьбѣ съ Германцами.

Первымъ историческимъ событіемъ, которое ясно освѣщаетъ для насъ исторію славянскихъ племенъ, было христіанство. Главная эпоха его введенія была для Славянъ въ IX—X-мъ столѣтіяхъ,—хотя первые начатки его должно предположить гораздо раньше этого времени (у западныхъ и южныхъ Славянъ), а окончательное установленіе нѣсколько позднѣе. Эти вѣка были также и временемъ образованія государствъ, или по крайней мѣрѣ, болѣе тѣснаго политическаго сплоченія племенныхъ массъ, занимавшихъ и въ тѣ времена приблизительно тѣ самыя мѣста, какія занимаютъ они теперь. Въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, при большей близости языка къ его первоначальной формѣ, можно однако отличать тѣ главныя нарѣчія, на которыя славянскій языкъ распадается въ наше время. Словомъ, историческая жизнь застаетъ славянскія племена уже развившимися въ отдѣльные типы, разнообразіе которыхъ достаточно объясняется различіемъ естественныхъ условій ихъ географическаго распредѣленія, — отъ сѣверныхъ новгородскихъ пустынь до цвѣтущихъ земель Балканскаго полуострова и адріатическаго Приморья, — и разнообразіемъ ихъ историческихъ столкновеній съ племенами крайняго востока

Европы, и съ другой стороны съ племенемъ германскимъ, съ Римомъ и Византіей.

По своимъ этнографическимъ особенностямъ, языку и по судьбамъ историческимъ масса Славянства распадается на два главные отдѣла: Славянъ юго-восточныхъ, и Славянъ западныхъ. Къ первымъ принадлежатъ Русскіе — съ ихъ подраздѣленіями (Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы), Болгары, и Сербы — съ ихъ подраздѣленіями (собственные Сербы, Хорваты и Словинцы, или Хорутане). Къ западнымъ: Ляхи, или Поляки; племя чешское съ его подраздѣленіями (Чехи, Мораване, Словаки); Лужичане (верхніе и нижніе, или горные и дольные) и исчезнувшее племя Славянъ Полабскихъ и Балтійскихъ. Это отличіе славянскихъ вѣтвей все больше обозначалось въ теченіи исторической жизни племенъ, которая ставила ихъ въ различныя условія, давала разное направленіе ихъ національнымъ свойствамъ, и тѣмъ сильнѣе оттѣнила первоначальныя племенныя дѣленія.

Русское племя, централизованное сначала въ Полянахъ, въ южной Кіевской Руси, мало-по-малу, вслѣдствіе собственной подвижности и принудительныхъ историческихъ обстоятельствъ, расширилось на сѣверъ и востокъ далеко за тѣ границы, въ которыхъ заключались его первоначальныя жилища. Этотъ единственный примѣръ широкаго распространенія славянскаго племени объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что здѣсь, на востокѣ, Славяне Русскіе встрѣчались съ племенами, которыя стояли ниже ихъ въ культурномъ отношеніи или также по матеріальной силѣ. Распространеніе русскаго племени продолжается и до настоящаго времени. Въ этомъ растяженіи племени отчасти скрывается и тотъ недостатокъ интензивности, который отличаетъ русскую исторію стараго періода, и мѣшалъ ему до самаго XVIII столѣтія собрать народныя умственныя силы и начать свое внутреннее развитіе въ смыслѣ европейскомъ. Удаленіе политическаго интереса на Востокъ отчуждало отъ европейской цивилизаціи. Когда происходило это движеніе на Востокъ, совершавшееся въ племени великорусскомъ, центромъ котораго была Москва, на югѣ и западѣ обособились другіе типы русскаго цѣлаго, Малоруссы или Русины, и Русь западная. На долгое время самая исторія ихъ отдѣлилась отъ великорусской, потому что они стали въ зависимость сначала отъ Литвы, потомъ Польши; послѣ упадка Польши, они перешли въ составъ великорусской имперіи или германской Австріи. Границы разселенія *Великорусскаго* племени обнимаютъ весь центръ Европейской Россіи, сѣверный край, Волжскій и Донской востокъ, Сибирь; спорадически бóльшими или меньшими группами Великоруссы разсѣяны почти по всѣмъ краямъ имперіи. Наглядно эти границы (въ Европ. Россіи) указаны на этнографическихъ картахъ Шафарика (1842), Кёппена (1852) и особенно на картѣ Русскаго Географ. Общества (1875). Наконецъ, отдѣльные выселенцы великорусскаго племени живутъ въ раскольничьихъ колоніяхъ въ пограничныхъ мѣстностяхъ Пруссіи и Австріи (филиппоны и липоване), въ Румыніи, въ турецкой Добруджѣ (некрасовцы) и даже Малой Азіи. Небольшой остатокъ русскаго населенія — въ Калифорніи и Аляскѣ. *Малоруссы* (подъ разными именами: Украинцы, Южноруссы, Черкасы, Запорожцы, въ Галиціи — Русины, Галичане, Русняки, Карпатскіе Ру-

сины, Гуцулы и Бойки въ горной части Галиціи) занимаютъ въ западномъ краѣ Россіи небольшую часть Гродненской и Минской губерній, всю Волынскую и Каменецъ-Подольскую, въ южномъ краѣ всю Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую губерніи, части Курской и Воронежской, Екатеринославскую, третью часть Таврической губерніи и землю Кубанскаго Черноморскаго Войска; въ Польшѣ они занимаютъ половину Люблинской губерніи, наконецъ въ Австріи — большую часть Галиціи и кромѣ того, болѣе или менѣе многочисленными поселеніями, живутъ въ Венгріи (Карпатская, Угорская Русь), Буковинѣ и по южной австрійской границѣ [1]). *Бѣлоруссы*, — нѣкогда народъ западныхъ русскихъ княжествъ, подчиненный потомъ Литвѣ и Польшѣ, — по раздѣлѣ Польши вошедшіе въ составъ великорусской имперіи, занимаютъ значительную часть такъ-называемыхъ западныхъ губерній: Могилевскую, Минскую, большую часть губерній Витебской и Гродненской, часть губерніи Виленской и также Августовской губ. въ Польшѣ.

Другая вѣтвь восточнаго Славянства, *Болгары* занимали въ древнія времена болѣе обширное пространство, чѣмъ теперь: въ цвѣтущую эпоху стараго болгарскаго царства, до прихода Венгровъ, Половцевъ и Печенѣговъ въ Паннонію и Трансильванію, славянское племя занимало и эти страны на сѣверъ отъ Дуная, въ Валахіи, Трансильваніи и нынѣшней Венгріи до Песта и съ другой стороны до Карпатъ, у истоковъ Тиссы,—въ земляхъ, гдѣ теперь господствуютъ Венгры и Румуны. Но Славяне распространены были, еще до временъ болгарскаго царства, и дальше этихъ предѣловъ: первыя поселенія ихъ на Балканскомъ полуостровѣ, начинающіяся исторически съ III — IV-го вѣка, шли, кромѣ Ѳракіи и Македоніи, въ Ѳессалію, Эпиръ, Грецію и даже Пелопоннезъ, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣло много мѣстныхъ славянскихъ названій. Славяне поглощены были здѣсь чужими племенами (Греками, Румунами, Албанцами), но оставили свой слѣдъ въ образованіи новогреческой народности [2]). Приходъ Венгровъ и упадокъ болгарскаго царства сократили и границы племени, — которое однако и въ настоящее время занимаетъ огромное пространство отъ р. Тимока, на сербской границѣ, и устьевъ Дуная съ одной стороны, до Солуня и границъ Албаніи съ другой — т.-е. древнюю Мизію, Ѳракію и Македонію; въ Румеліи болгарскія селенія доходятъ до самаго Константинополя. Кромѣ этихъ старо-болгарскихъ земель, значительное число

---

[1]) «Основа», 1861, май; 1862, январь. Названныя мѣстности, конечно, не сплошнымъ образомъ заселены Малоруссами: въ Галиціи и Люблинской губерніи высшій классъ и горожане большей частію Поляки, также какъ почти всѣ помѣщики и отчасти мѣщане въ западныхъ и Кіевской губ.; въ южныхъ губ. живутъ Нѣмцы-колонисты, Болгары, Сербы и пр.; въ Харьковской много поселенцевъ русскихъ; по всему западному краю много Евреевъ, въ Курской и Воронежской губ. Малоруссы мѣшаются съ населеніемъ русскимъ. Внѣ этой этой границы Малоруссы живутъ слободами и поселеніями въ Саратовской и Самарской губ. и другихъ мѣстахъ.

[2]) Объ этихъ греческихъ Славянахъ см. въ особенности сочиненія Фалльмерайера: Geschichte der Halbinsel Morea. Stuttg. 1830, 2 т.; Ueber die Entstehung der heut. Griechen, Stuttg. 1835; Fragmente aus d. Oriente. Stuttg. 1845; 2 т.; Гильфердингъ, Собр. сочин. Спб. 1868, т. I.

Болгаръ живетъ въ сосѣднихъ земляхъ Дунайскихъ княжествъ и Россіи, куда заставляло ихъ бѣжать турецкое угнетеніе. Незначительная доля болгарскаго населенія находится также въ Банатѣ и Трансильваніи.

На западъ отъ Болгаръ распространилось *Сербское* племя, доходящее до Адріатическаго моря и составляющее сплошное, непрерывающееся населеніе сѣверо-западной части Балканскаго полуострова и юга нынѣшней Австріи. Нѣкогда это племя составляло нѣсколько свободныхъ, независимыхъ владѣній (царство сербское, Босна, Герцеговина, королевство хорватское, далматинскія республики и т. д.); но поставленныя сначала между Греками, а потомъ Турками, Венеціей, Венгріей и Германіей, всѣ эти свободныя сербскія земли должны были сначала ограничить предѣлы своего распространенія, а потомъ совершенно потеряли свою самобытность, за исключеніемъ небольшой Черногоріи, и съ начала нынѣшняго столѣтія другой свободной земли этого племени, княжества Сербіи. Все остальное сербское населеніе занимаетъ вполнѣ или въ значительной степени разныя провинціи Турціи и Австріи. Собственные Сербы занимаютъ, кромѣ княжества и Черногоріи, Босну, Герцеговину, турецкую Кроацію, Далмацію, часть Истріи, Славонію, Военную границу, Срѣмъ, Бачку и Банатъ, и заходятъ далеко въ самую Венгрію, куда направилось въ XVII столѣтіи сербское переселеніе съ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ, уходившее отъ турецкаго угнетенія: это — Сербы, Босняки, Герцеговинцы, Черногорцы, Далматинцы, Дубровчане, Чичи (въ Истріи), Ускоки, Граничары и т. д. Сербы есть также и за границами этихъ земель: сербскія колоніи въ Херсонской губерніи (потомки переселенцевъ изъ Славоніи и южной Венгріи въ 1751 — 53), въ Турціи между Болгарами и Албанцами въ „Старой Сербіи". Другая сербская вѣтвь, *Хорваты*, или *Кроаты*, занимаютъ въ собственной Хорватіи столицы (округи) Вараждинскую и Крижевецкую и значительную часть Загребской, Саладской и Шомодской; кромѣ того ихъ поселенія также заходятъ въ собственную Венгрію, западную, до самаго Пресбурга, отличаясь нѣсколько по языку отъ собственныхъ Хорватовъ. Имя Хорватовъ шло, впрочемъ, гораздо дальше границъ ихъ собственнаго племени, потому что оно обозначаетъ также сербскихъ жителей турецкой Хорватіи и жителей сѣвернаго адріатическаго Приморья и острововъ. Третье сербское племя, *Хорутане* (Винды, Словинцы, Штайерцы, Краинцы и пр.) занимаютъ часть Штиріи, Каринтіи, почти весь Крайнъ, земли иллирскаго Приморья, часть собственной Кроаціи, Истрію. Крайніе слѣды славянскихъ поселеній въ этомъ направленіи дошли до южной Италіи [1]).

Западная половина славянскаго племени распространилась въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Германцами, и это обстоятельство отразилось самымъ рѣшительнымъ образомъ на характерѣ его культуры и историческихъ судьбахъ. Славянское племя заняло въ западной

---

[1]) Славянскія поселенія въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ «Чтеніяхъ Московскаго Общ.» 1858.

Европѣ земли, только-что оставленныя германскимъ племенемъ во время народнаго переселенія, и повидимому распространилось сначала даже дальше границы нѣмецкаго племени: славянское населеніе доходило до Фульдскаго монастыря, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже до Рейна. Встрѣча была враждебная; напоръ Славянъ былъ отброшенъ нѣмецкою національностью, орудіемъ которой было въ этомъ случаѣ и римское христіанство, вводимое съ мечомъ въ рукахъ ревностными нѣмецкими миссіонерами. Эпоха Карла Великаго уже охарактеризовала собой то вѣчное соперничество и ненависть, которыя раздѣляютъ, съ тѣхъ поръ и донынѣ, племена славянское и германское; тогда положено было и начало германизаціи, которая до сихъ поръ составляетъ постоянный характеръ нѣмецкой политики относительно Славянства. Племя *Славянъ Полабскихъ* и *Балтійскихъ*, самое близкое къ Нѣмцамъ, уже въ средніе вѣка стало жертвой международной ненависти: нѣкогда сильное и многочисленное, развивавшее обширную торговую и мореходную дѣятельность (знаменитый городъ Балтійскихъ Славянъ Волинъ, или Винета), раньше всѣхъ другихъ племенъ создавшее извѣстную культуру, еще съ языческимъ характеромъ, оно было уже давно или истреблено почти окончательно, или потеряло народность. Мѣстныя названія сѣверной прибалтійской Германіи до самаго Люнебурга до сихъ поръ носятъ явные слѣды славянскаго происхожденія, и кое-гдѣ въ тѣхъ мѣстахъ существуютъ даже немногіе исчезающіе остатки и стараго народа.

Самое многочисленное изъ западныхъ племенъ — *Польское.* Его средневѣковыя столкновенія съ Германцами не были такъ часты и опасны, оно сохранило свою національную самобытность, своей культурой и католицизмомъ вошло въ рядъ народовъ европейской цивилизаціи. Дальнѣйшая судьба его извѣстна: оно имѣло свою блестящую исторію, нѣкогда широко распространило свое политическое господство, обнимавшее земли отъ Чернаго моря до Балтійскаго, но затѣмъ, поставленное между сильными сосѣдями и не выработавшее прочныхъ соціальныхъ отношеній, потеряло политическую цѣлость и независимость въ XVIII столѣтіи, нѣсколькими послѣдовательными раздѣлами. Въ настоящее время, кромѣ собственнаго Царства, Поляки составляютъ значительную часть населенія въ русскихъ западныхъ губерніяхъ, въ Галиціи, австрійской Силезіи, Буковинѣ, затѣмъ въ Помераніи, Познани и прусской Силезіи. Это — Великополяне, Малополяне, Поморяне, Мазуры, Куяване, Слезаки и т. д. Польское племя представляетъ мало частныхъ мѣстныхъ отличій; одни только *Кашубы*, старое польское племя, почти затерявшееся въ Помераніи, значительно отличаются языкомъ отъ коренного польскаго типа. Польское населеніе этихъ мѣстъ не вездѣ является однако сплошнымъ: напримѣръ, въ русскихъ западныхъ губерніяхъ оно составляетъ только одинъ слой на бѣлорусско-литовской основѣ, въ большей части Галиціи также одинъ слой между Русинами. Въ прусской Польшѣ, въ область польской народности начинаетъ больше и больше проникать нѣмецкое населеніе, усиленію котораго помогаетъ преднамѣренная административная система.

Другое обширное западное племя, *Чешское* (Чехи, Морав止 и Сло-

ваки), также съ первыхъ поръ своей исторіи стало въ близкое сосѣдство и враждебныя отношенія къ Нѣмцамъ. Первоначальное славянское христіанство и здѣсь, какъ въ Польшѣ, должно было уже рано уступить римскому католицизму; чешская земля вступила въ тѣсную политическую связь съ нѣмецкой имперіей и въ сильной степени, уже въ средніе вѣка, подверглась вліяніямъ нѣмецкой культуры. Это вліяніе раздѣляли съ ней и Мораване, въ древнемъ царствѣ которыхъ началось-было славянское христіанство временъ Кирилла и Меѳодія. Мораване и Словаки одинаково имѣли своихъ дѣятелей въ чешской литературѣ, и до послѣдняго времени связь племенная поддерживалась, несмотря на политическое разъединеніе. Въ настоящее время, чешское племя остается приблизительно въ тѣхъ же предѣлахъ, въ какихъ оно существовало въ древности, обнимая большую часть Богеміи и Моравіи, сѣверозападную часть Венгріи и югозападный уголъ прусской Силезіи. *Чехи* занимаютъ центръ и большую часть Богеміи, окруженные съ сѣверо-запада нѣмецкимъ населеніемъ и значительно перемѣшанные съ Нѣмцами въ городахъ; нѣкоторое число ихъ находится также въ нижней Австріи и Военной Границѣ. Мораване, кромѣ собственной Моравіи, гдѣ также, какъ Чехи, имѣютъ значительное число нѣмецкихъ сосѣдей, имѣютъ свою долю въ австрійской Силезіи (Мораване, Гораки, Ганнаки, Валахи и т. д.). Словаки распространены главнымъ образомъ въ сѣверо-западной Венгріи; нѣкоторое число ихъ есть также въ Моравіи, Войводинѣ, Банатѣ и нижней Австріи.

Особую, незначительную вѣтвь западнаго славянскаго племени составляютъ *Лужичане* (Сербы. Сорбы или Венды лужицкіе), обломокъ прежняго обширнаго племени Полабскихъ Сербовъ, языкъ котораго распространялся отъ Салы черезъ Эльбу до Одера, и которое онѣмечено было почти совсѣмъ: отъ него остались только немногіе представители, раздѣленные на два нарѣчія (горно-лужицкое и дольно-лужицкое).

Этнографическая статистика славянскаго племени [1]) до сихъ поръ

---

[1]) Главнѣйшіе статистическіе труды по славянству:

— P. J. Šafařik, Slovanský Narodopis (съ этнографической картой), 1842; 3-е изд. Прага, 1849. Русскій переводъ Бодянскаго. Москва. 1843.

— Czoernig, Die Vertheilung der Völkerstämme in Oesterreich. Wien, 1856 (съ этнограф. картой); Ethnographie der österreichischen Monarchie. Wien, 1857.

— Ficker, A. Bevölkerung der österr. Monarchie in ihren wichtigsten Momenten statistisch dargestellt. Gotha, 1860 (съ 12-ю картами); 1869.

— Brachelli, Statistik der österr. Monarchie. Wien, 1857; Handbuch der Geographie und Statistik der Kaiserthums Oesterreich. 1861—1867; Statistische Skizze der österr. Monarchie. Leipzig, 1872.

— V. Křížek, Statistika cisařství rakouského. Прага, 1872.

— Schmidt, Statistik des österreichisch-ungarischen Kaiser-Staates. Wien, 1872.

— Biedermann, Die Ungarischen Ruthenen. Insbruck, 1862.

— Ubicini, Lettres sur la Turquie. Paris, 1853; — Убичини и Куртейль, Соврем. состояніе Оттоманской имперіи (русск. переводъ). Спб. 1877.

— F. Ungewitter, Die Türkei. Erlangen, 1854.

— Lejean, Ethnographie de la Turquie d'Europe. 1861. (Этнографич. Сборн. Русск. Географ. Общества, вып. VI. Спб. 1864).

— Tömmel, Beschreibung des Vilajet Bosnien. Wien, 1867.

составляетъ для ученыхъ камень преткновенія и, дѣйствительно, трудно назначить цифры, которыя бы вѣрно опредѣлили статистическія отношенія Славянства. Нѣкоторыя вѣтви его находятся въ условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ, даже невозможныхъ для статистическаго изслѣдованія, напр. Болгары и турецкіе Сербы; съ другой стороны, когда цифра опредѣляется даже ученымъ и оффиціальнымъ образомъ, возможно сомнѣніе въ ея достовѣрности. Послѣднее относится къ Славянамъ австрійскимъ, цифра которыхъ — по словамъ славянскихъ этнографовъ — намѣренно сокращается правительственной статистикой, желающей уменьшить значеніе славянскихъ народностей относительно господствующаго нѣмецкаго племени. Мы увидимъ дальше примѣры подобныхъ статистическихъ недоразумѣній. Противорѣчіе цифръ, приводимыхъ до сихъ поръ статистикой, напр. для Болгаріи, весьма понятно, потому что никто до настоящаго времени не имѣлъ возможности заняться точнымъ ихъ изслѣдованіемъ. До послѣдняго времени не было даже съ точностью извѣстно топографическое размѣщеніе болгарскаго племени. Австрійское Славянство было высчитано много разъ: съ одной стороны, представилъ свои цифры Шафарикъ, съ другой—болѣе или менѣе оффиціальные статистики, Чёрнигъ, Брахелли и др., цифры которыхъ, въ особенности перваго, сокращаютъ количество отдѣльныхъ славянскихъ населеній иногда до 20%. Мы вообще находимъ болѣе крупныя для Славянства цифры и болѣе вѣроятными, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что, напр. въ Австріи, правительственная статистика уменьшаетъ цифру славянскаго населенія, занося въ число Нѣмцевъ каждаго Славянина, у котораго есть нѣсколько значительное нѣмецкое образованіе; въ Турціи подобнымъ образомъ уменьшалась цифра Болгаръ въ пользу Грековъ, и т. д. Въ Австріи есть дѣйствительно цѣлый неопредѣленный слой населенія, полу-славянскій, полу-нѣмецкій (преимущественно въ городахъ), который одинаково можетъ входить въ обѣ категоріи: національные статистики удерживаютъ этотъ слой (состоящій изъ чиновниковъ, торговцевъ и т. п. людей, которые по необходимости знаютъ нѣмецкій языкъ) въ числѣ Славянъ, правительственные относятъ къ числу Нѣмцевъ,— и кто изъ нихъ правъ, собственно говоря, рѣшить трудно, потому что германизація имѣетъ весьма различную степень прочности. Относительно этого сомнительнаго слоя мы однако стали бы скорѣе на сторонѣ статистиковъ національныхъ, потому что изъ опыта извѣстно, что германизація не всегда бывала такой прочной, какою предполагаетъ ее правительство: коренная національность этого сомнительнаго

— Roskiewicz, Studien über Bosnien und Herzegovina. Wien, 1868.
— Н. Дучичъ, архимандритъ. Црна Гора. Бѣлгр., 1874.
— Pleteršnik, Slovanstvo. Lubljana, 1873 (о Словинцахъ).
— Јакшић, Државопис Србіе. Бѣлгр. 1869.
— Милићевић, Кнежевина Србја. Бѣлгр. 1876.
— Neumann, Das Deutsche Reich. Berlin, 1872 (о Славянахъ въ Пруссіи и Саксоніи).
— Этнографическія карты Шафарика, Кёппена (Россія), Чёрнига, Лежана, Фиквера, Мирковича—и 2-е изд. «Карты» послѣдняго, Русск. Географ. Общества, 1875, и при ней «Статистическія таблицы» А. Будиловича. Спб. 1875.

слоя брала верхъ, когда обстоятельства возвращали ей свободу и общественное значеніе. Такъ въ 1848 — 49 годахъ, Прага вдругъ оказалась такъ мало нѣмецкой, что этого не предвидѣли и сами Чехи. Такимъ образомъ, статистика имѣетъ полное право предпочитать — конечно съ извѣстными ограниченіями — національность коренную прививной.

Цифра *Болгарскаго* племени до сихъ поръ неопредѣлена сколько нибудь положительно. Въ 20-хъ годахъ, Шафарикъ считалъ ихъ только до 600,000 [1]); впослѣдствіи, эта явно ошибочная цифра была доведена у Ами-Буэ до 4½ милліоновъ, — что казалось невѣроятнымъ Шафарику. Въ 1842 г. самъ онъ считалъ 3.587,000, изъ которыхъ 3½ милл. относилъ въ турецкія владѣнія, 80,000 къ Россіи, 7,000 къ южной Венгріи (у Чёрнига: въ Банатѣ—22,780; въ Трансильваніи — 207; у Брахелли: въ Войводинѣ—27,000; въ Транс.—205). Люди, спеціально интересующіеся болгарскимъ племенемъ, считаютъ его въ настоящее время несравненно обширнѣе, полагая его одни до 6, другіе до 7-ми или даже 7½ милліоновъ,—цифра, выставленная самими Болгарами въ прошеніи ихъ депутатовъ къ султану въ 1856 году [2]). Въ религіозномъ отношеніи они распредѣляются по Шафарику такимъ образомъ: 3,287,000 православныхъ, 50,000 католиковъ, и 250,000 потурченыхъ Болгаръ-магометанъ (такъ-называемыхъ Помаковъ), сохранившихъ однако свой языкъ.

По новымъ цифрамъ (въ „Статист. Таблицахъ") Болгаръ полагается до 5,120,000, изъ которыхъ въ Турціи — 4½ милл., въ Румуніи — ½ милл., въ Россіи — 97,000, и въ Австро-Венгріи — 27,000 [3]). Въ религіозномъ отношеніи считается православныхъ Болгаръ — 4.638,000, уніатовъ — 30,000, католиковъ — 50,000, протестантовъ — 5,000 [4]).

Къ несчастію должно прибавить, что событія послѣднихъ двухъ лѣтъ успѣли страшно опустошить нѣкоторые болгарскіе края и — сократить цифру населенія.

Сербское племя вообще Шафарикъ считалъ въ 7.246,000, изъ которыхъ 4.546,000—въ Австріи, 2.600,000—въ княжествѣ Сербіи и турецкихъ областяхъ, 100,000 — въ Россіи; а въ религіозномъ отношеніи: 3.803,000 — католиковъ, 2,880,000 — православныхъ, 13,000 — протестантовъ и 550,000 — потурченыхъ Сербовъ, и незначительное число уніатовъ въ Далмаціи, Кроаціи и Славоніи.

Затѣмъ, три частныя распредѣленія сербскаго племени, собственные Сербы, Хорваты и Хорутане, представляютъ слѣдующія цифры:

---

1) Gesch. der slaw. Sprache und Literatur, 1826, стр. 26.

2) Палаузовъ въ «Сѣв. Пчелѣ» 1860, № 120; Slovník Naučný Ригера, статья Bulhaří; Раковскій, Показалецъ и пр. Одесса, 1859, ч. I, стр. 28.

3) Мы сводимъ дробныя числа къ круглому счету.

4) Ср. болгарскія показанія въ болг. журналѣ «Періодическо Списание» 1870, II, стр. 31, примѣч. О Болгарахъ въ Венгріи замѣчается здѣсь, что они переселились туда въ началѣ XVIII столѣтія. О павликіанахъ-католикахъ тамъ же, стр. 66. По счету Иречка, Болгаръ должно быть до 5½ милліоновъ (Gesch. der Bulgaren, стр. 574—578).

Число собственныхъ *Сербовъ* доходитъ до 5.294,000. Въ областяхъ Балканскаго полуострова — 2.600,000, и именно:

въ княжествѣ	950,000
„ Боснѣ, Герцеговинѣ и другихъ турецкихъ провинціяхъ	1.552,000
„ Черногоріи	100,000

Въ Россіи — 100,000.

Въ Австріи — 2.594,000 (у Чёрнига — круглыми цифрами только 1.427,000; у Брахелли, безъ войска — 1.554,000), и именно:

въ Войводинѣ и Банатѣ	532,000
„ Славоніи и Славонской границѣ	738,000
„ Кроаціи и Кроатской границѣ	629,000
„ южномъ Крайнѣ	40,000
„ Истріи и венгерскомъ Приморьѣ	254,000
„ Далмаціи	391,000

Въ религіозномъ отношеніи собственные Сербы имѣютъ:

православныхъ (въ Австріи, Сербіи и Турціи)	2.880,000
католиковъ (въ Австріи и Турціи, именно въ Боснѣ и Герцеговинѣ)	1.864,000
магометанъ (въ Боснѣ, Герцеговинѣ и древней Расѣ)	550,000

Эти послѣдніе удерживаютъ сербскій языкъ.

Племя *Хорватское*, исключительно католики въ Австріи, имѣетъ по Шафарику 801,000, но по Чёрнигу (Словено-кроаты, Сербо-кроаты и далматинскіе Кроаты) 1.330,000; по Брахелли, въ томъ же объемѣ, какъ у Чёрнига (безъ войска) 1.554,000.

По новымъ свѣдѣніямъ, Сербо-Хорваты вмѣстѣ представляютъ цифру въ 5.940,000, въ томъ числѣ въ Австріи — до 2.960,000, въ княжествѣ — 1.150,000, въ турецкихъ областяхъ — 1.700,000, въ Черной-Горѣ — 123,000, и до 8,000 въ Россіи. По нарѣчіямъ и исповѣданіямъ они дѣлятся такъ: Сербовъ, исключительно православныхъ — 3.523,000, и до 500,000 Сербовъ потурченыхъ (магометанъ); Хорватовъ, исключительно католиковъ — 2.407,000, кромѣ 9,500 уніатовъ.

Племя *Словинцевъ* (собственно *Словенцевъ*), *Виндовъ* или *Хорутанъ* Шафарикъ считаетъ въ 1.151,000, по Чёрнигу однако 1.172,000, по Брахелли (безъ войска) 1.248,000, и въ этомъ случаѣ, какъ и относительно Хорватовъ, послѣднія цифры должны быть вѣрнѣе показаній Шафарика: разница отчасти должна быть отнесена къ различію времени счета (1842, 1851, 1854) и разности въ опредѣленіи національностей, здѣсь часто не рѣзко одна отъ другой отдѣленныхъ. Въ томъ числѣ считается:

въ Штиріи	378,000
„ Хорутаніи	84,000
„ Крайнѣ	398,000
„ иллирскомъ Приморьѣ	247,000
„ Фурляніи	22,000
„ Венгріи	52,000

Всѣ они католики, за исключеніемъ 13,000 протестантовъ въ западной Венгріи.

Послѣднія цифры полагаютъ Словинцевъ — 1.260,000, въ Австро-

Венгріи, кромѣ 27,000 Резьянъ, или венеціанскихъ Словинцевъ. Всѣ Словинцы — католики, кромѣ 15,000 протестантовъ.

Относительно *Чешскаго* племени, показанія оффиціальной статистики опять гораздо ниже чиселъ, приводимыхъ Шафарикомъ. Въ цѣломъ, число чешскаго племени, по Шафарику, доходитъ до 7,167,000 (изъ нихъ 44,000 въ прусской Силезіи, и затѣмъ 6.223,000 католиковъ, и 944,000 протестантовъ), тогда какъ по Чёрнигу чешское племя въ цѣломъ не превышаетъ 5.854,000, по Брахелли (безъ войска) 6.278,000.

То же различіе оказывается, конечно, и относительно подраздѣленій племени: мы приведемъ ихъ, потому что эти цифры въ особенности были предметомъ чешской національной ревности, и уменьшеніе ихъ правительственной статистикой казалось Чехамъ прямымъ оскорбленіемъ ихъ національности.

Собственныхъ *Чеховъ* Шафарикъ считаетъ 3.016,000, тогда какъ Чёрнигъ насчитываетъ ихъ только 2.635,000, Брахелли — въ одной Богеміи не считая нѣсколькихъ тысячъ, разсѣянныхъ по имперіи — 2.847,000. Въ 1857 г,, оффиціальная статистика опредѣляла число жителей Богеміи въ 2.925,982 Чеховъ, 1.766,372 Нѣмцевъ и 86,339 Евреевъ [1]).

Далѣе, число *Моравань*, по Шафарику, 1.354,000; по Чёрнигу, Моравань въ Моравіи и австрійской Силезіи — 1.278,000; по Брахелли та же цифра опредѣляется въ 1.481,000.

Въ религіозномъ отношеніи, Чехи и Мораване (въ томъ числѣ 44,000 прусскихъ) представляютъ, по Шафарику, 4.270,000 кат., и 144,000 протестантовъ.

По новымъ свѣдѣніямъ, Чехо-мораванъ считается до 4.815,000, изъ которыхъ главная масса въ Австро-Венгріи, до 60,000 въ Пруссіи, и до 7,500 въ Россіи. Почти всѣ — католики, кромѣ 150,000 протестантовъ.

Съ уменьшеніемъ славянской цифры, правительственные статистики, какъ мы уже сказали, увеличиваютъ цифру нѣмецкаго населенія: такъ напр. цифра Нѣмцевъ въ Богеміи, полагаемая Шафарикомъ въ 1842 г. въ 1.145,000, въ оффиціальныхъ показаніяхъ 1857 года доходитъ уже до 1.766,000.

Племя *Словацкое* (или также *Словенское*), по Шафарику, имѣетъ до 2.753,000, изъ которыхъ 1.953,000 католиковъ, остальные 800,000 протестанты; по Чёрнигу и по Брахелли, только до 1.900,000 всего, круглымъ счетомъ.

Новыя цифры для Словаковъ — 2.223,000, всѣ въ Австро-Венгріи; изъ нихъ 1.583,000 католиковъ и 640,000 протестантовъ.

Лужицкіе Сербы, по Шафарику, представляютъ въ цѣломъ до 142,000, распредѣляясь слѣдующимъ образомъ: горные или верхніе Лужичане — 98,000 (60,000 въ Саксоніи, и 38,000 въ Пруссіи), изъ которыхъ 88,000 протестантовъ и 10,000 католиковъ; дольные или нижніе Лужичане въ Пруссіи — 44,000, исключительно протестанты.

---

[1]) Slovník Naučný, ст. Čechy.

Свѣдѣнія, сообщаемыя Богуславскимъ, представляютъ слѣдующія общія цифры:

въ Верхнихъ-Лужицахъ (Lausitz):	
„ саксонскихъ	50,000
„ прусскихъ	37,000
(въ томъ числѣ до 10,000 католиковъ)	
въ Нижнихъ-Лужицахъ, въ Пруссіи	60,000

Съ прибавленіемъ Сербовъ, живущихъ внѣ собственныхъ Лужицъ, среди нѣмецкихъ поселеній, цѣлая цифра доходитъ до 167,500.

По новымъ свѣдѣніямъ, Верхне-Лужичанъ считается 96,000, изъ которыхъ 52,000 въ Саксоніи, и 44,000 въ Пруссіи; въ религіозномъ отношеніи они католики, за исключеніемъ 10,000 протестантовъ. Нижнихъ-Лужичанъ полагаютъ до 40,000 протестантовъ, въ Пруссіи.

Число *Поляковъ* Шафарикъ для 1842 г. опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: общая цифра 9.365,000, изъ которыхъ въ Россіи—4.912,000 (въ царствѣ 3.728,000, и въ западныхъ губерніяхъ 1.184,000); въ Австріи, безъ Краковской области, 2.341,000 (въ Галиціи 2.149,000, въ Силезіи 192,000), въ Краковской области—130,000; въ Пруссіи—1.982,000. Изъ всего этого числа 8.923,000 католиковъ и 442,000 протестантовъ.

Статистика Кольба (русскій перев. Спб. 1862, 1, стр. 179) считаетъ Поляковъ въ царствѣ и западныхъ губерніяхъ до 5.250,000. Цифры западныхъ губерній въ послѣднее время представляютъ новыя спорныя данныя, на что мы можемъ только указать читателю [1]).

Чёрнигъ число австрійскихъ Поляковъ полагаетъ въ 2.056,000; Брахелли (безъ войска) въ 2.224,000.

По новымъ цифрамъ, Поляковъ считаютъ всего до 9.492,000, изъ которыхъ 4.633,000—въ Россіи; 2.404,000—въ Пруссіи; 2.444,000—въ Австріи, и до 10,000 въ Турціи. Въ религіозномъ отношеніи, они—католики, за исключеніемъ 500,000 протестантовъ.

Къ польскому племени принадлежатъ *Кашубы*, числомъ до 111,000 католиковъ, живущихъ въ Пруссіи.

Наконецъ, обширнѣйшее славянское племя, *Русское*, Шафарикъ опредѣляетъ въ 1842 г. въ 51.184,000, которые распредѣляются между Россіей (48.410,000) и Австріей (2.774,000), и по религіи представляютъ 47.844,000 православныхъ, 2.990,000 уніатовъ и 350,000 католиковъ.

Число собственныхъ *Великоруссовъ* Шафарикъ считалъ въ 35.314,000. Статистика Кольба, полагаетъ число Великоруссовъ въ 34.000,000; число Малоруссовъ, въ 12.000,000 (въ Россіи), и Бѣлоруссовъ въ 4.000,000.

Племя *Малорусское* по Шафарику представляетъ 13.144,000, изъ которыхъ въ Россіи 10.370,000; въ Австріи 2.774,000 —

и именно: въ Галиціи	2.149,000
„ Венгріи	625,000

---

[1]) См. объ этомъ показанія Риттиха, Эркерта, и польскія данныя.

Новѣйшіе статистики южно-русскаго племени считаютъ общую его цифру одни въ 14.300,000, а другіе даже до 20 милліоновъ [1]).

По Чёрнигу, круглая цифра русскаго племени въ Австріи опредѣляется (Русины галицкіе, карпатскіе, Гуцулы и т. д.) въ 2.940,000. Эта цифра распредѣляется у него такимъ образомъ:

на Галицію—собственные Русины (Червоноруссы), горные Русины (Бойки, Гуцулы и пр.)	2.280,000
„ Буковину	142,000
„ Венгрію (Угорскіе Русины, Леммаки, Лишаки)	440,000
„ Войводину	6,700
„ войско	65,900
Наконецъ, великорусскихъ липованъ въ Буковинѣ	2,300

По Брахелли, эти цифры имѣютъ такой видъ:

въ Галиціи	2.510,000
„ Буковинѣ	165,000
„ Венгріи	487,000
„ Войводинѣ	7,500
всего (безъ войска)	3.160,000

Въ религіозномъ отношеніи, малорусское племя представляетъ, по Шафарику, 10.154,000 православныхъ и 2.990,000 уніатовъ (2.774,000 въ Австріи и 216,000 въ Польшѣ).

Племя *Бѣлорусское* Шафарикъ считаетъ въ 2.726,000, — почти исключительно православныхъ (350,000 католиковъ, по Платеру и др.).

Новѣйшія цифры Русскаго племени, всѣхъ нарѣчій вмѣстѣ, полагаются слѣдующія: общая цифра—61.200,000, въ томъ числѣ въ Россіи—57.900,000, въ Австро-Венгріи—3.223,000, въ Румуніи—20,000, въ Турціи — 50,000, въ Пруссіи — 1,200. Въ религіозномъ отношеніи они дѣлятся такъ: православныхъ съ единовѣрцами — 54.520,000, раскольниковъ — 3.074,000, уніатовъ — 3.108,000, католиковъ — 500,000. Но цифру раскольниковъ, всегда очень темную въ нашей статистикѣ, другіе доводятъ отъ 3 милл. до 8, даже до 11 милліоновъ.

2. Славянскія нарѣчія.

Какъ выше замѣчено, славянскій языкъ принадлежитъ къ арійскому или индо-европейскому семейству, именно тому, которое отличается наибольшимъ формальнымъ развитіемъ и самымъ богатымъ развитіемъ литературнымъ. Родственность языковъ этого корня обнаруживается въ особенности ясно, когда сравниваются старѣйшія формы славянскаго языка (въ древнихъ памятникахъ) съ такими же формами другихъ языковъ, напр. съ древне-готскими въ германской семьѣ, съ древне-греческими, и т. д. Въ постепенномъ развѣтвленіи индо-европейскаго корня, языки выдѣлялись отдѣльными отраслями, которыя въ свою очередь дѣлились на новыя вѣтви, такъ что каждая отрасль заключала въ себѣ въ зародышѣ цѣлую группу дальнѣйшихъ образо-

---

[1]) Основа, 1861, май; Чубинскій, Труды Экспедиціи и пр. Спб. 1877. VII, 454.

ваній. Такимъ образомъ выдѣлилась и отрасль, заключавшая въ себѣ группу германо-литовско-славянскую. Когда языки этой группы обособились (сначала отдѣлился германскій языкъ, затѣмъ литовскій и славянскій оставались еще нѣсколько времени общей группой, пока также разошлись), то славянскій языкъ въ свою очередь развился въ цѣлую группу своихъ вѣтвей, составившихъ современное разнообразіе языковъ, нарѣчій и поднарѣчій или говоровъ.

Славянскій языкъ распадается прежде всего на двѣ главныя отрасли: юго-восточную и западную. Первая раздѣлилась на три главныя вѣтви: русскую, болгарскую и сербскую. Вторая — на чешскую, польскую, лужицко-сербскую и языки вымершихъ Славянъ полабскихъ и балтійскихъ. Наглядно это можно видѣть на прилагаемой ниже (стран. 19) таблицѣ [1]).

„Это дѣленіе — замѣчаетъ чешскій филологъ — не имѣетъ и не будетъ имѣть конца", и дѣйствительно, какъ настоящій составъ языковъ явился результатомъ историческаго процесса, такъ и въ будущемъ будутъ дѣйствовать тѣ же условія естественнаго развитія. Въ каждомъ крупномъ языкѣ, который мы могли бы представить себѣ цѣльнымъ, уже заключаются оттѣнки, которые и выростаютъ потомъ въ отдѣльныя нарѣчія, а затѣмъ могутъ стать и цѣлыми особыми языками, когда станутъ непонятны для прежнихъ родичей. Такимъ же естественнымъ образомъ распространяется (въ новѣйшее время) стремленіе нарѣчій къ литературному развитію. Поэтому, противодѣйствіе этому стремленію— съ цѣлью мнимаго сохраненія народнаго единства — есть безплодное насиліе надъ естественной потребностью развитія: свой языкъ, родной съ дѣтства, можетъ быть такъ же дорогъ человѣку, какъ родина, и свобода мѣстныхъ литературъ въ своемъ результатѣ можетъ только содѣйствовать процвѣтанію литературы основного языка.

Славянскіе языки, какъ то доказываетъ сравнительное языкознаніе, сохранили — особенно въ своихъ древнѣйшихъ памятникахъ, а также областныхъ нарѣчіяхъ — много слѣдовъ самой отдаленной старины, сближающихъ эти языки съ формами стараго санскрита. Въ сравненіи съ другими европейскими, они представляютъ ту общую черту, что когда въ другихъ европейскихъ языкахъ преобладаютъ такъ называемыя аналитическія формы (гдѣ разлагается на части старая цѣльная форма), въ славянскихъ преобладаютъ болѣе древнія формы синтетическія (напр. вмѣсто склоненія съ помощью предлоговъ — склоненіе посредствомъ падежныхъ окончаній; старыя формы въ спряженіи и т. д.). Однимъ словомъ, языки славянскіе отличаются характеромъ гораздо болѣе консервативнымъ, и потому напр. старые памятники для насъ гораздо доступнѣе, чѣмъ для нѣмца — старые нѣмецкіе. Но разложеніе синтетическихъ формъ проявляется и въ славянскихъ языкахъ, напр. особенно въ ново-болгарскомъ, который утратилъ падежное склоненіе, потерялъ много глагольныхъ формъ и т. д.

Современныя нарѣчія на первый непривычный взглядъ сильно

---

[1]) Slovník Naučný, s. v. Slované.

СЛАВЯНСТВО

- A. Отрасль юго-восточная.
  - I. Русскій.
    - 1. Великорусскій и нарѣчія:
      - а) московское,
      - б) новгородское и сѣверное,
      - в) сибирское,
      - г) средне-русское.
    - 2. Малорусскій и нарѣчія:
      - а) восточное,
      - б) западное,
      - в) карпатское.
    - 3. Бѣлорусское нарѣчіе.
  - II. Болгарскій.
    - 1. Старо-болгарскій и церковный яз.
    - 2. Ново-болгарскій и нарѣчія:
      - а) верхне-мизійское,
      - б) нижне-мизійское,
      - в) македонское.
  - III. Сербо-хорвато-словинскій.
    - 1. Сербо-хорватскій и нарѣчія:
      - а) южное или герцеговинское (литер. языкъ),
      - б) срѣмское,
      - в) ресавское,
      - (а–в) = штокавщина (што = что)
      - г) приморское. = чакавщина (ча = что)
    - 2. Словинскій и нарѣчія:
      - а) верхне-краинское,
      - б) средне-краинское,
      - в) нижне-краинское,
      - г) штайерское въ (Штиріи),
      - д) венгерское,
      - е) резьянское и славонтское
      - ж) хорвато-словинское.
      - (а–ж) = кайкавщина (кай = что)
- B. Отрасль западная.
  - 1. Чешскій и нарѣчія:
    - а) чешское,
    - б) моравское,
    - в) словацкое (венгро-словенское).
  - 2. Польскій и нарѣчія:
    - а) мазовское,
    - б) великопольское,
    - в) силезское,
    - г) кашубское (которое причисляется также къ вымершему Балтійскому Славянству).
  - 3. Сербо-лужицкій и нарѣчія:
    - а) верхне-лужицкое,
    - б) нижне-лужицкое.
  - (4. Вымершее Славянство Полабское и Балтійское).

отличаются другъ отъ друга,; но связь ихъ легко понимается при возведеніи ихъ къ старѣйшимъ формамъ, какія особенно представляетъ старо-славянскій церковный языкъ. Изученіе нарѣчій становится легко, если изучающій отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, какое направленіе приняло измѣненіе звуковъ въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ сравнительно съ старо-славянскимъ. Едва ли не главнѣйшую трудность при изученіи представляетъ словарь нынѣшнихъ языковъ. Къ старому запасу словъ, общему этимъ языкамъ донынѣ, прибавлялись въ каждомъ новыя образованія: при полной раздѣльности ихъ исторіи, эти новыя образованія совершались различно, между прочимъ подъ вліяніемъ другихъ культурныхъ или сосѣднихъ языковъ. Въ польскій и чешскій вошло много словъ нѣмецкихъ, или построены новыя на нѣмецкій ладъ; въ сербскій и особенно болгарскій вошло много словъ турецкихъ, греческихъ, албанскихъ; у далматинскихъ Сербовъ — отчасти итальянскія. При новомъ возрожденіи славянскихъ литературъ въ книжный языкъ вошло въ особенности много словъ новаго образованія, выражавшихъ новыя понятія и переведенныхъ вновь съ нѣмецкаго, латинскаго и т. п.

Научное изслѣдованіе славянскихъ нарѣчій, въ ихъ связи между собой и съ ихъ исторіей, начинается только съ нынѣшняго столѣтія, и всего болѣе когда основалась наука сравнительнаго языкознанія. Первый открылъ путь изслѣдованія знаменитый аббатъ Добровскій; его ближайшими преемниками были Востоковъ и Копитаръ, и Востоковъ въ особенности бросилъ яркій свѣтъ на исторію развитія славянскихъ языковъ, въ то самое время, когда Як. Гриммъ начиналъ свои работы по германскому языку. Труды нѣмецкихъ сравнительныхъ филологовъ Боппа и Потта, Куна и въ новѣйшее время — Іог. Шмидта, Фика и др. также касались славянскаго языка въ его принадлежности къ индоевропейскому корню. Далѣе, въ новомъ поколѣніи славянскихъ филологовъ замѣчательнѣйшія общія изслѣдованія принадлежатъ Фр. Миклошичу и А. Шлейхеру. Наконецъ частныя изслѣдованія отдѣльныхъ языковъ и нарѣчій, по русскому языку — Буслаева, К. Аксакова, Потебни, Житецкаго; по старо-болгарскому — Востокова, Миклошича, Срезневскаго, Билярскаго, Гейтлера; по сербскому — Ю. Даничича и Ягича; по чешскому — Шафарика, Гатталы; по польскому — Малэцкаго; словинскому — Янежича; лужицкому — Пфуля и проч. [1]).

---

[1]) Теперь принятое дѣленіе славянскихъ нарѣчій на двѣ группы — сѣверо-восточно-южную и западную — основывается на нѣсколькихъ характеристическихъ отличіяхъ въ звукахъ и словообразованіи. Это дѣленіе выставлено было въ первый разъ Добровскимъ (Institut. linguae slav., 1—2), хотя отличія указаны были имъ не совсѣмъ точно. Шафарикъ принялъ то же дѣленіе, но противъ него были Гриммъ и Поттъ. Всего сильнѣе признаки, выставленные Добровскимъ, оспаривалъ Надеждинъ (Wiener Jahrb. der Liter. 1841, т. 95, стр. 184 и слѣд.); отдѣльныя указанія его были справедливы, но сущность дѣленія Добровскаго не была имъ опровергнута. Krek, Einleitung, стр. 56—57; Даничича, Диоба словенских језика. Бѣлградъ, 1874.

Общія книги о славянскихъ языкахъ въ совокупности:

— Fr. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen. I. Lautlehre, Wien, 1852; III. Formenlehre, W. 1856; IV. Syntax, W. 1868—74; II. Stammbildungslehre, W. 1875.

— Fr. L. Čelakovski, Cteni o srovnavací mluvnicí slovanské. Прага, 1863.

3. Историческая судьба славянскаго племени. Вопросъ о національномъ единствѣ.

Итакъ, уже въ очень древнюю эпоху Славянство было разбито на столько отдѣльныхъ народностей, разсѣяно было на такомъ огромномъ пространствѣ, перепутано и поставлено въ политическія связи съ такими разнообразными чужими племенами, что уже для того времени трудно говорить о славянскомъ единствѣ—хотя національныя свойства и языкъ къ началу историческихъ эпохъ еще сохраняли большое первобытное сходство.

Въ новѣйшее время, возрожденіе славянскихъ народностей и литературъ направило умы въ тѣ далекіе вѣка, когда Славянство предполагалось цѣльнымъ и единымъ, и національный идеализмъ стремился возстановить это единство. Славянскіе патріоты всѣхъ народностей съ любовью изучали старину и народный бытъ у себя и у другихъ племенъ, и отыскивали желанное единство. Потребности общественно-политическаго положенія указывали имъ опору ихъ стремленій въ единеніи громаднаго племени, и ожиданіе шло впередъ фактовъ.

Поэтому, при началѣ изложенія литературы необходимо выяснить исходный пунктъ современнаго литературнаго движенія, фактическое положеніе вопроса о племенномъ единствѣ въ долгомъ теченіи славянской исторіи [1]).

Племенное чувство — естественный физіологическій инстинктъ и въ жизни отдѣльной народности бываетъ могущественной силой какъ народный патріотизмъ. Оно можетъ быть важнымъ факторомъ и въ отношеніяхъ народовъ одного племени, уже раздѣлившихся; но здѣсь оно имѣетъ свои предѣлы и условія, и одно племенное чувство никакъ не составляетъ племенной „идеи", готовой программы культурныхъ понятій, какъ часто хотятъ думать. Исторія не проходитъ даромъ для народовъ, и раздѣльная судьба ихъ кладетъ отпечатокъ, который нельзя вычеркнуть. Такимъ образомъ, рѣчь о славянскомъ единствѣ въ настоящее время можетъ идти лишь подъ условіемъ — брать въ разсчетъ исторію отдѣльныхъ народностей.

Непосредственное единство Славянства, какъ мы сказали, стало падать уже съ первымъ разселеніемъ племени. Въ исторію Славянство

---

[1]) Со времени 1-го изданія настоящей книги явился трудъ г. Первольфа, посвященный именно этому предмету: «Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка». Спб. 1874. Авторъ слѣдилъ взаимныя отношенія славянскихъ племенъ, и приходилъ къ заключенію, что «Славяне, хотя и лишились національнаго единства, но не лишились, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознанія племеннаго родства и никогда не переставали считаться членами одного рода. Это сознаніе видно не только въ ихъ духовной, литературной жизни, но заявляло свою силу и въ политическихъ ихъ сношеніяхъ»: при всѣхъ случавшихся раздорахъ, они въ концѣ концовъ приходили къ убѣжденію, что имъ слѣдуетъ жить «въ согласіи и въ вѣчной нераздѣльной любви братской, какъ людямъ одного языка и народа славянскаго». Авторъ очень прилежно собиралъ факты, которые должны были доказывать его положеніе, но сопоставленіе ихъ,—какъ замѣтилъ уже одинъ изъ лучшихъ знатоковъ славянскаго прошедшаго,—доказываетъ далеко не то, что имъ приписывается. (См. Jagić, Archiv für slav. Philologie, I, 530).

вступаетъ уже раздѣленнымъ, съ намѣченными оттѣнками, которымъ предстояло дальше становиться тѣмъ болѣе рѣзкими, чѣмъ различнѣе были условія, которыя имъ предстояло переживать. Дѣйствительно, исторія вела славянскіе народы по раздѣлившимся дорогамъ, и усилила ихъ индивидуальныя отличія. Они съ самаго начала примкнули къ разнымъ типамъ европейской культуры и религіи, одни къ византійскому Востоку, другіе къ романо-германскому Западу. Юго-восточныя племена (за исключеніемъ Хорватовъ и Хорутанъ) приняли восточное православіе; западныя—католицизмъ. Съ этимъ соединялось и различное сосѣдство, вліянія котораго оставили сильные слѣды, совершили даже цѣлые перевороты и во внѣшней исторіи, и во внутреннемъ характерѣ племенъ. На западѣ этимъ сосѣдствомъ была Германія, Венгрія, Италія; на югѣ—Византія, потомъ Турція; на востокѣ—кромѣ Византіи, финскія племена и татарскія царства.

Христіанство произвело первый обширный переворотъ во внѣшней и внутренней жизни славянскаго міра. Оно завершило періодъ языческой древности. По географическому расположенію племенъ, христіанство вводимо было у нихъ изъ двухъ разныхъ источниковъ, Византіи и Рима, и произвело новое раздѣленіе племени, разбивъ его на два религіозно-враждебные лагеря. Религіозное различіе въ средніе вѣка вообще несравненно сильнѣе дѣлило народы, чѣмъ впослѣдствіи, и вмѣстѣ съ политическими обстоятельствами произвело два различныя направленія въ общественномъ развитіи Славянства. Византія, вмѣстѣ съ своимъ каноническимъ правомъ, передавала восточному Славянству и обычаи своего политическаго права, которые несомнѣнно вліяли на упадокъ стариннаго демократическаго устройства славянскихъ общинъ. Византійскія понятія объ авторитетѣ политической власти прививались такъ сильно на славянской почвѣ, что ихъ невозможно обойти, говоря о восточно-славянской старинѣ. Болгарія и Сербія, послѣ этого вліянія, представляли въ миніятюрѣ копію византійскаго управленія и византійскаго двора. Московскій царь являлся съ византійскими, полу-теократическими чертами. На западѣ, римское католичество и отношенія къ Нѣмцамъ привели къ развитію феодализма, который нашелъ ревностныхъ приверженцевъ въ домашней славянской аристократіи, мало-по-малу отдѣлилъ ее отъ народа и въ другую сторону измѣнилъ древнія народныя отношенія и обычаи. Изъ Византіи шло вліяніе византійской церковной письменности; съ католицизмомъ распространялось латино-германское образованіе.

Старое разъединеніе не обѣщало славянскимъ племенамъ побѣды надъ препятствіями, окружавшими ихъ національную жизнь, и уже рано оказало свои вредныя послѣдствія на внѣшней судьбѣ народностей. Славяне Полабскіе, не поддержанные соплеменниками, совершенно исчезли, или превратились въ Нѣмцевъ. Къ концу среднихъ вѣковъ Славянство было вновь раздѣлено опасностями, грозившими съ разныхъ сторонъ отдѣльнымъ племенамъ, которымъ приходилось бороться за самое существованіе: Русскіе должны были бороться сначала съ Татарами, потомъ съ Литвой и Польшей; Болгары и Сербы—съ Византіей и Турками, въ XIV—XV столѣтіи они были покорены и цѣлыя столѣтія прожиты были ими подъ тяжкимъ игомъ; у Чеховъ національно-

сти грозили Нѣмцы, въ борьбѣ съ которыми чешскій народъ понесъ въ началѣ XVII вѣка страшное пораженіе, грозившее самому существованію народности. У Славянъ, покоренныхъ Турками, отнята была всякая возможность національнаго движенія; всѣ другіе заняты были каждый своимъ дѣломъ, своимъ вопросомъ о существованіи, своими интересами внутренняго развитія. Національное единство разрывалось болѣе и болѣе, и Славянство уже окончательно пошло въ разныя стороны.

Въ умственной и литературной дѣятельности это раздѣленіе было столько же сильно, какъ въ политическомъ отношеніи; литературная жизнь развилась только тамъ, гдѣ національная жизнь была сколько-нибудь обезпечена. Литература юго-восточнаго Славянства образовалась подъ византійскимъ вліяніемъ и, кончившись въ южно-славянскихъ государствахъ съ ихъ паденіемъ въ XIV — XV столѣтіяхъ, продолжалась только на Руси. Другая литература, подъ латинско-европейскими вліяніями, развилась въ особенности въ Чехіи и Польшѣ; особое литературное теченіе шло въ свободномъ Дубровникѣ. Славянскіе ученые старались указать извѣстную параллельность между этими различными литературами,—но на дѣлѣ движеніе шло въ совершенно различномъ смыслѣ: такъ, когда на Руси все еще повторялись византійскія и южно-славянскія традиціи, въ Польшѣ господствовала католическо-шляхетская литература съ ново-европейской окраской; Чехія упорно боролась за религіозную и общественную реформу, а Дубровникъ подпалъ вліяніямъ Италіи. Извѣстная связь и параллельность существовала только между ближайшими вѣтвями Славянства, имѣвшими общія условія: такъ была связь между Русскими и южнымъ Славянствомъ, соединенными одной церковью и церковной литературой; между Чехами и Поляками; между разными вѣтвями сербскаго племени. Впослѣдствіи, когда средніе вѣка окончились, положеніе опять измѣняется: чешская литература прерывается, послѣ политическаго паденія націи въ началѣ XVII столѣтія; литература далматинская наполняется подражаніемъ латинско-итальянскимъ образцамъ, отъ которыхъ наконецъ любопытнымъ образомъ переходитъ къ народно-поэтическому содержанію. Русская литература, въ XVIII столѣтіи въ первый разъ оставляетъ, вслѣдствіе реформы, старо-византійскія преданія и исключительную національность и знакомится съ европейской образованностью..... Еще разъ славянскіе народы оказались въ различныхъ положеніяхъ: часто они не подозрѣвали взаимно своего существованія; связи ихъ имѣли характеръ случайный или ограничивались ближайшимъ сосѣдствомъ, и во всякомъ случаѣ лишены единства какой-либо общей національной идеи.

Въ чемъ же состоитъ то національное единство Славянства, на которомъ настаивала литература новѣйшаго славянскаго возрожденія? Славянскіе патріотическіе теоретики соглашались, что внѣшняя судьба народностей была различна (какъ будто это различіе ограничивалось одной внѣшностью), но утверждали постоянно, что единство имѣло и имѣетъ однако достаточно основаній въ общности языка, народныхъ преданій, обычаевъ и общественныхъ понятій, и что, раз-

вившись въ настоящее время, оно будетъ торжествомъ славянскаго племени. Эти идеалы до такой степени проникаютъ новѣйшія литературы славянскаго „возрожденія“, и славянскіе патріоты такъ настоятельно указывали въ наступающемъ единствѣ весь смыслъ славянской исторіи, что мы не можемъ обойти этого вопроса, при самомъ началѣ нашего изложенія.

Родственность языка, преданій и другихъ національныхъ признаковъ у славянскихъ народовъ не подлежитъ спору; но вопросъ въ томъ, насколько это сходство можетъ имѣть дѣйствительнаго, т.-е. практическаго значенія. Языки французскій и итальянскій имѣютъ чрезвычайно много общаго, не меньше, чѣмъ иныя славянскія нарѣчія между собою; но это сходство не стало основаніемъ для національнаго единства Италіи и Франціи. Филологическое родство языковъ говоритъ о прежнемъ единствѣ, но не составляетъ достаточнаго средства объединенія въ такую эпоху, когда, въ практическомъ употребленіи, эти языки уже непонятны одинъ другому, когда народы разошлись и въ прошлой исторіи и въ современномъ политическомъ бытѣ.

Степень общности національной такова, что она усвоивается теперь только путемъ изученія, исторической реставраціей. Въ непосредственныхъ встрѣчахъ, она оставляетъ смутное впечатлѣніе: два Славянина рѣдко могутъ хорошо понимать другъ друга, не только по языку, но и по складу жизни. При разнообразіи славянскихъ народныхъ типовъ пониманіе становится тѣмъ труднѣе. Итакъ, для отдѣльныхъ лицъ и для цѣлыхъ народностей, единство возстановляется только взаимнымъ изученіемъ; инстинктъ самъ собой не приходитъ къ сознанію.

Въ первыя, исторически извѣстныя, времена, *славянскіе языки* дѣйствительно были несравненно ближе одинъ къ другому, чѣмъ теперь. Это легко видѣть на тѣхъ памятникахъ, какіе остались отъ ихъ древняго періода: болгарскій языкъ „Остромирова Евангелія“ вовсе не такъ далекъ отъ чешскаго „Суда Любуши“, хорутанскихъ „Фрейзингенскихъ отрывковъ“ и т. д., какъ далеки теперь эти нарѣчія. Но и тогда однако славянскій языкъ былъ уже подѣленъ на нарѣчія, ихъ разница уже замѣтна въ древнихъ памятникахъ и съ теченіемъ времени, съ историческимъ разъединеніемъ племенъ, постепенно усиливалась. Первобытное богатство формъ исчезаетъ, и въ каждомъ нарѣчіи замѣняется новыми формами различнаго образованія, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ больше расходились отъ первоначальнаго центра. Въ концѣ этихъ измѣненій, славянскія нарѣчія представляютъ большое разнообразіе вокализма, флексій, синтаксиса, удареній. Въ своихъ послѣднихъ результатахъ, это разнообразіе отдѣльныхъ нарѣчій часто не даетъ уже для непривычнаго глаза никакихъ признаковъ первоначальнаго единства, — которое возстановляется только историческимъ изученіемъ. Столько же измѣнился и словарь: изъ прежняго общаго запаса словъ одни нарѣчія сберегали одно, другія другое, каждое находило новый источникъ словъ у тѣхъ сосѣдей, которыми надѣляла ихъ исторія; когда русскій языкъ принималъ слова восточныя, болгарскій и сербскій принимали турецкія, чешскій—нѣмецкія, хорватскій—венгерскія и т. д. Въ новѣйшее время, возрожденіе славянскихъ литературъ

привело новый источникъ лексическаго разнообразія: образованіе новаго литературнаго языка произвело множество новыхъ словъ для новыхъ понятій, не существовавшихъ въ языкѣ патріархальныхъ временъ, и эти слова опять въ каждомъ нарѣчіи сочинялись по-своему.... Степень разъединенія славянскихъ нарѣчій въ настоящее время характеризуется тѣмъ, что когда представители разныхъ племенъ, большей частью люди, изучавшіе родственныя народности, собрались на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, руководимые идеей единства, они увидѣли, что не могутъ понимать другъ друга. Сказана была шутка, что обще-славянскій языкъ есть нѣмецкій.

Какъ единство языка становится вполнѣ ощутительно для славянскаго наблюдателя только послѣ научнаго изученія, такъ то же надобно сказать и о *народной поэзіи*, совмѣщающей въ себѣ народную миѳологію, преданія и обычаи.

О народной поэзіи стараго Славянства мы судимъ большею частію только по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ, и, за недостаткомъ подлинныхъ памятниковъ, замѣняемъ факты предположеніями. Нѣтъ сомнѣнія, что народная поэзія древнѣйшаго времени представляла у разныхъ племенъ то же тѣсное родство, которое существовало въ языкѣ. Въ это первое время были еще живы воспоминанія о первобытныхъ миѳахъ цѣлаго племени, и содержаніе народной поэзіи необходимо должно было встрѣчаться на однихъ тэмахъ.... но какъ именно это было, мы знаемъ въ сущности очень мало.

Общія формы славянской поэзіи были эпосъ и лирическая пѣсня; драма является только въ позднѣйшее время и въ искусственной формѣ, заимствованная съ запада. Миѳологическія представленія, служившія основаніемъ славянскаго эпоса, состояли въ пантеистическомъ обожаніи природы, какъ у всѣхъ европейскихъ племенъ; но славянская миѳологія, сколько извѣстно, была развита несравненно меньше, чѣмъ напр. германская. Личности языческихъ божествъ, въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, далеко не имѣютъ опредѣленной физіономіи,—у нихъ нѣтъ поэтической исторіи, какая наполняетъ миѳологію другихъ народовъ дѣяніями боговъ: повидимому, языческая славянская культура шла довольно медленно, чтобы дать своему миѳологическому міру полную организацію. Преданіе сохранило только немногія указанія на божества старой миѳологіи; ихъ мало знаетъ и славянская исторія: Перунъ, Святовидъ, Дажьбогъ и т. п. остаются для насъ темны; языческая космогонія перемѣшана съ позднѣйшими представленіями христіанскими и апокрифическими преданіями чужого происхожденія. Такова напр. дуалистическая богомильская исторія о твореніи міра двумя началами, добрымъ и злымъ; таково сказаніе объ упавшей съ неба „Голубиной Книгѣ“. Множество другихъ повѣрій и преданій, жившихъ въ народѣ, напр. о чудодѣйственной силѣ разныхъ вещей, о необыкновенныхъ существахъ и т. п., были очевидно новаго и иноземнаго происхожденія и не относятся къ первобытной миѳологіи.

Славянская народная поэзія не имѣетъ ни одного древняго памятника, въ параллель къ Эддѣ, Нибелунгамъ и подобнымъ произведеніямъ средневѣковаго германскаго эпоса: наше „Слово о Полку Иго-

ревѣ“ и „Краледворская рукопись“ очень поздни по своему содержанію и въ разныхъ отношеніяхъ до сихъ поръ остаются проблематичны. И тотъ источникъ нашего знакомства съ древней миѳологіей, который заключается въ народномъ эпосѣ, только въ настоящее время изслѣдуется должнымъ образомъ. Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, открыли много новаго даже въ русской народной поэзіи, изученной болѣе другихъ; болгарскія пѣсни записывались только въ послѣднее время.... Но и при новыхъ открытіяхъ славянская миѳологія и космогонія все еще остаются темны и отрывочны.

Славянскій эпосъ есть по преимуществу уже эпосъ героическій и историческій, въ которомъ миѳологическія черты являются только случайными подробностями. Этотъ героическій эпосъ слагался въ различное время, между прочимъ и очень новое, сохранился далеко не у всѣхъ Славянъ и также почти вездѣ лишенъ письменныхъ памятниковъ.... Народная эпопея вообще сберегалась тамъ, гдѣ народъ оставался болѣе вѣренъ патріархальной старинѣ и былъ меньше тронутъ цивилизацией, которая выводитъ народную жизнь изъ консервативной исключительности. Поэтому, народный славянскій эпосъ вообще сохранился у восточныхъ племенъ, у Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ.

Каждый изъ этихъ народовъ въ своемъ эпосѣ разработалъ только свою народную исторію. Русскій героическій эпосъ остановился главнымъ образомъ на временахъ князя Владиміра, и богатыри этого цикла проходятъ черезъ всѣ періоды народной жизни, пріуроченные и къ позднѣйшимъ богатырямъ-разбойникамъ. Рѣже останавливается эпосъ на другихъ историческихъ эпохахъ, — татарскаго нашествія и московскаго царства; новая исторія остается ему почти чуждой. Новое, еще болѣе централизаціонное государство, чѣмъ московская Русь, совершенно остановило развитіе народнаго эпоса. Онъ выражался только немногими историческими пѣснями. Другая отрасль русскаго племени, Малоруссы, нашли въ эпоху своей борьбы съ Татарами и Поляками новый періодъ самобытной народной дѣятельности, и старое эпическое преданіе о Владиміровомъ циклѣ было забыто почти безслѣдно: оно было заслонено новымъ героическимъ эпосомъ, вызваннымъ народной войной малороссійскаго козачества въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ. Знаменитыя малорусскія „думы“ создали себѣ и новую форму эпоса. Такимъ образомъ между этой поэзіей Малоруссовъ и Великоруссовъ, даже въ предѣлахъ одного племени, нѣтъ уже настоящаго единства: ихъ идеалы разрознились, какъ разрознился характеръ народностей.

Болгарская народная поэзія до сихъ поръ мало извѣстна; но изъ того, что́ было записано новѣйшими собирателями, легко видѣть, что она также имѣла свое живое время. Современная пѣсня сохранила отчасти воспоминаніе даже о старыхъ болгарскихъ царяхъ и иногда имѣетъ однихъ героевъ съ сербскимъ эпосомъ, героевъ народной борьбы съ Турками. Но всего сильнѣе героическій эпосъ развился въ сербскомъ племени, которое въ своихъ пѣсняхъ представляетъ всю національную исторію, особенно со временъ Косовской битвы и до настоящаго времени. Сербскій народъ выказалъ больше энергіи противъ турецкаго угнетенія, и борьба съ Турками оставалась національнымъ сю-

жетомъ поэзіи, не терявшимъ живѣйшаго интереса. Сербскій эпосъ— единственный у Славянъ сберегъ до послѣдняго времени свою творческую силу. Условіями его жизни были именно—присутствіе народной исторической дѣятельности, которая создала для него исключительную, ему только принадлежащую, область поэтическихъ идеаловъ и національныхъ стремленій. Древнія основы обще-славянскаго (предполагаемаго) эпоса отступили на задній планъ передъ новымъ частно-народнымъ содержаніемъ, и единство разрушалось снова.

Прибавимъ наконецъ, что и въ области этого народнаго эпоса, гдѣ еще недавно такъ легко видѣли отголоски до-историческихъ миѳовъ, болѣе внимательный анализъ открываетъ слѣды книжныхъ средневѣковыхъ сказаній [1]).

Съ другой стороны, западные Славяне, Поляки и Чехи окончательно забыли старый народный эпосъ, о которомъ мы можемъ судить нынѣ лишь по отрывкамъ преданій и по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ. Поляки и Чехи рано были оторваны шумной исторической дѣйствительностью отъ воспоминаній стараго языческаго быта и его миѳологіи. Въ XV-мъ столѣтіи чешская старина окончательно заслонена была бурными событіями гусситскаго движенія, и забывалась передъ новыми идеями, охватившими народную жизнь этой замѣчательнѣйшей героической эпохи Чеховъ; народная дѣятельность была самая напряженная, но въ ней не было уже никакихъ патріархальныхъ свойствъ, и на сцену являются требованія личности—противныя всѣмъ свойствамъ народнаго эпоса. Въ настоящее время чешскій народъ совсѣмъ не знаетъ преданій героическаго эпоса: они забылись совершенно. Подобное явленіе произошло и въ Польшѣ: народъ, угнетенный и лишенный самобытной дѣятельности, терялъ смыслъ даже и въ прежнихъ преданіяхъ; высшее сословіе вовсе ихъ забыло подъ вліяніемъ латинской образованности, которая, нимало не была благопріятна для сохраненія наивной поэтической старины. Если, какъ можно видѣть изъ лѣтописцевъ, событія и вызывали эпическую дѣятельность, она ограничилась отдѣльными поэтическими попытками, не имѣющими характера народной эпопеи.

Почти единственной поэтической формой осталась у этихъ народовъ лирика, легче примѣняющаяся къ измѣнчивой исторіи. Пѣсни бытовыя и обрядныя существуютъ въ огромной массѣ у всѣхъ славянскихъ народовъ, и сберегли большую живучесть и тамъ, гдѣ всего меньше уцѣлѣлъ первобытный составъ народной поэзіи. Различіе національныхъ характеровъ и исторіи оказывается и здѣсь. Племена, меньше удалившіяся отъ патріархальной старины, вѣрнѣе сохранили и древнюю лирику, съ ея миѳической подкладкой и бытовой обстановкой; племена болѣе затронутыя историческимъ движеніемъ, даютъ своей пѣснѣ оттѣнокъ новыхъ нравовъ. Такъ новая лирика у Чеховъ отличается особенностями, которыхъ конечно не было въ древней: любовная пѣсня дѣлается фривольной. У Русскихъ, народная пѣсня

---

[1]) Ср. напр. относительно русской былины съ одной стороны взгляды Аѳанасьева, Буслаева, О. Миллера, съ другой Веселовскаго и Ягича.

напротивъ сохранила еще множество архаическихъ подробностей и въ далекихъ захолустьяхъ сберегла полную жизненность; но она пропадаетъ тамъ, гдѣ сельскій бытъ подчиняется вліянію городского: вмѣсто народной пѣсни появляются искаженія книжныхъ стиховъ, вмѣсто народнаго напѣва мотивы романсовъ и цыганскихъ пѣсенъ.

Итакъ, народная славянская поэзія уже подверглась значительному разъединенію: ученые отыскиваютъ въ ней общіе мотивы, оставшіеся отъ старины, но это—такая же реставрація, какъ и реставрація древняго языка. То же разъединеніе мы встрѣтимъ и на другихъ сторонахъ славянской народной жизни, *обычаяхъ и общественныхъ понятіяхъ*. Новѣйшія изслѣдованія, еще далеко, впрочемъ, неполныя, показываютъ, что въ извѣстной намъ древности славянскія племена были значительно близки между собой въ своихъ бытовыхъ понятіяхъ и правахъ. Общественный типъ, составлявшій древнѣйшую черту цѣлаго племени, былъ, повидимому, общинно-демократическій, съ княземъ во главѣ, съ народными собраніями (вѣчами), патріархальнымъ управленіемъ въ семьѣ и юридической солидарностью общинъ (honitva, újezd у Чеховъ; opole у Поляковъ; „околина“ у Сербовъ; вервь у Русскихъ). Юридическія понятія, господствовавшія въ обычномъ правѣ славянскихъ племенъ и сохранившіяся въ древнѣйшихъ славянскихъ законодательствахъ (Русская Правда, Законникъ царя Душана, Викторинъ изъ Вшегордъ, и проч.), представляютъ много аналогій, объясняемыхъ общимъ происхожденіемъ. Таковы были, напримѣръ, понятія объ отношеніяхъ семейныхъ, о положеніи женщины, которая въ древнѣйшія времена пользовалась извѣстной самостоятельностью и равноправностью, объ общей порукѣ, о денежной пенѣ за уголовныя преступленія и т. п. Поэтому, древнія славянскія законодательства удобно объясняются одно другимъ, и тамъ, гдѣ патріархальная жизнь не была много передѣлана историческими событіями, народные обычаи славянскихъ племенъ до сихъ поръ обнаруживаютъ значительное сходство. Эта родственность простирается и на массу другихъ, не-юридическихъ явленій быта, праздниковъ, обрядовъ, увеселеній и т. п., первоначальнымъ источникомъ которыхъ были религіозныя понятія стараго язычества. Славянская этнографія до сихъ поръ впрочемъ мало останавливалась на этой параллельности обычаевъ и еще не раскрыла всего объема ихъ родственнаго сходства.

Но славянскія племена съ самаго начала поставлены были въ столь разнообразныя историческія условія, что и здѣсь произошло разъединеніе: древнія бытовыя начала, собственно говоря, не нашли нигдѣ своего настоящаго развитія: онѣ или были подавлены чужими общественно-политическими началами, или, чисто-историческимъ развитіемъ приводили къ иному порядку вещей. Въ южно-славянскихъ царствахъ развивался византійскій абсолютизмъ и вмѣстѣ феодальный разбродъ земель; потомъ самыя царства пали. Въ древней Руси, старое общественное право, выражавшееся въ вѣчахъ, общинномъ самоуправленіи, избраніи князя, судебныхъ обычаяхъ и т. д., упало вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ цѣлая земля изъ областной федераціи превращалась въ централизаціонное царство; авторитетъ княжескій покрылъ все старое обычное право, и московское царство стало безграничной византійско-во-

сточной деспотіей. У Чеховъ, народное право уступало передъ феодальными нововведеніями; Польша развивалась въ аристократическую олигархію, и т. д. Такъ называемыя „правильныя законодательства“ тѣхъ странъ, гдѣ жили славянскія племена, вообще слишкомъ мало руководились народными юридическими понятіями: они руководились и феодальными традиціями старой Европы, и обломками римскаго права, и новѣйшими бюрократическими изобрѣтеніями, отчасти также и здравыми понятіями, выработанными теоретической наукой,—но всего менѣе юридическими и общественными понятіями и преданіями народа. И такъ было не только на славянскомъ западѣ, но и на востокѣ. На югѣ, Славянство должно было просто подчиняться безправію и произволу турецкаго господства и магометанскаго фанатизма... Народныя юридическія понятія, если гдѣ и сохранились, сохранились чисто случайно, въ отдѣльныхъ обычаяхъ народной жизни, гдѣ о нихъ забывалъ законодатель.

Крайніе приверженцы „народности“ настаиваютъ обыкновенно на неистребимой живучести народныхъ началъ и увѣрены, что нѣкогда восторжествуютъ идеи общественности, созданныя искони народнымъ чувствомъ и идеаломъ правды; къ сожалѣнію, въ дѣйствительности вѣка проходятъ безъ этого торжества, и народныя начала не такъ легко возстановить,—потому-что прожитая жизнь, давняя и недавняя, съ ея добромъ и зломъ стала также достояніемъ и чертой народности. Наше славянофильство и западный панславизмъ кромѣ того не назначаютъ степени давности тѣхъ народныхъ идей, которыя должны считаться за національный идеалъ; относительно Руси, обыкновенно припоминаютъ времена московскаго царства, — но на дѣлѣ эти времена были уже порядочнымъ упадкомъ „народныхъ началъ“: между прочимъ, это были уже времена прикрѣпленія крестьянъ — факта самаго противо-народнаго.

Словомъ, и здѣсь мы должны признать историческій фактъ: древне-славянскій общественный строй упалъ уже въ старыя времена; вмѣсто демократическихъ общинъ, являются государства съ центральной властью, сословіями и т. д., являются не въ силу того только, что Славяне „измѣняли“ своей старинѣ, а въ силу историческаго развитія, приносившаго хорошее и дурное. Въ концѣ концовъ, надо признать это какъ фактъ и считаться съ *даннымъ* положеніемъ народностей.

Наконецъ, было раздѣленіе *религіозное*. Во имя „единства“, цѣлый разрядъ славянскихъ патріотовъ считалъ это дѣленіе незаконнымъ и рѣшалъ, что славянское племя должно возвратиться къ единству православія, такъ какъ нѣкогда христіанство распространилось у Славянъ преимущественно изъ Византіи, и кромѣ южныхъ Славянъ и древней Руси, восточная церковь имѣла свои корни у Чеховъ и даже въ Польшѣ; что римскій католицизмъ по своей сущности есть анти-славянская религія, и долженъ пасть. Относительно этого мудренаго вопроса, пока довольно замѣтить, что съ римскимъ католицизмомъ многія славянскія племена прожили всю свою исторію. Католицизмъ можетъ быть анти-славянскимъ настолько же, насколько онъ былъ анти-германскимъ и борьба противъ него должна быть вообще борьбой противъ клерикальнаго обскурантизма, — а послѣдній найдется и

въ противоположномъ лагерѣ. Теперь мы имѣемъ его какъ фактъ, какъ принадлежность народности многихъ славянскихъ племенъ.

Такимъ образомъ, славянская исторія далеко не представляетъ данныхъ непосредственнаго національнаго единства. Племена жили раздѣльною жизнью, разорванныя въ самомъ началѣ въ своихъ интересахъ, окруженныя совершенно разнохарактерными условіями. Образовалось вслѣдствіе того множество „видовъ“ славянскаго типа, и они, наконецъ, исторически чрезвычайно отдалились отъ первоначальнаго племеннаго источника. Въ народныхъ массахъ не легко возстановить общій типъ, соединяющій Бѣлорусса, Великорусса, Чеха, Черногорца и т. д. Въ образованномъ классѣ не легко совмѣстить въ какое-нибудь славянское единство современныя общественныя стремленія Русскаго, Поляка, Чеха, Серба и т. д.

Несмотря на то, теоретики славянскаго единства утверждали, что славянская исторія, при всей раздѣльности, представляетъ примѣры, доказывающіе силу славянской идеи, сознанія племенной родственности, что многіе сильные умы еще въ старину сознавали солидарность племенъ, составляющую предметъ стремленій новѣйшаго панславизма. Правда, нѣсколько подобныхъ примѣровъ могутъ быть приведены, и приводились (они собраны въ упомянутой книгѣ Первольфа), но внимательный разборъ заставляетъ принимать подобные факты съ большими ограниченіями. Напримѣръ, указывали отчетливое знаніе славянскихъ племенъ въ разсказѣ лѣтописца Нестора. Народныя названія, которыя даетъ онъ славянскимъ племенамъ, показываютъ, что они знакомы были ему не книжнымъ образомъ, — слѣдовательно, у него было живое сознаніе племенного родства. Этнографическое знаніе Нестора дѣйствительно замѣчательно для того времени, но что оно было исключительное, можно видѣть изъ того, что его современники и преемники у насъ и лѣтописцы другихъ Славянъ мало обнаруживаютъ подобнаго знанія своего племени. И они, и болѣе поздніе писатели, напротивъ, крайне рѣдко вспоминаютъ своихъ соплеменниковъ, или, даже называя ихъ, не подозрѣваютъ своей родственности съ ними, если эти соплеменники жили далеко. Далматинскіе поэты цвѣтущей эпохи вспоминаютъ иногда о родственныхъ славянскихъ племенахъ, даже съ извѣстнымъ чувствомъ національной гордости, — но все это слишкомъ случайно и рѣдко, а больше знакомы имъ исключительно ближайшіе сосѣди. Однимъ изъ самыхъ доказательныхъ примѣровъ панславянскаго сознанія въ старыя времена могъ бы служить извѣстный Сербъ Юрій Крижаничъ, пріѣхавшій въ Россію въ XVII-мъ столѣтіи и въ своихъ сочиненіяхъ старавшійся пробудить въ Русскихъ сознаніе своей славянской національности, напомнить имъ о единоплеменникахъ, подчиненныхъ иноземцамъ, и указать имъ роль освободителей и соединителей славянскаго племени. Крижаничъ — примѣръ по истинѣ любопытный; но его панславизмъ былъ опять столь исключителенъ, что не только остался безъ всякаго результата, но чуть ли не былъ источникомъ гоненія, испытаннаго въ родственной Россіи. Въ нашей литературѣ XVII вѣка онъ остался совсѣмъ одинокимъ. Русскіе въ то время такъ законопатили себя отъ всей Европы, что рѣчи Крижанича были совершенно непривычны и дики для ихъ слуха. Что

Крижаничу пришли въ голову панславянскіе замыслы относительно Россіи, это было очень возможно для умнаго человѣка, который самъ лично зналъ западныя славянскія земли, слышалъ о сильномъ московскомъ царствѣ и потомъ, увидѣвъ его самъ, могъ убѣдиться, что при своихъ средствахъ оно могло бы въ самомъ дѣлѣ оказать помощь страдавшимъ единоплеменникамъ. Но эта мысль не нашла отголоска. Примѣромъ ея отсутствія можетъ служить и кроатскій поэтъ конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка, Витезовичъ, современный Петру Великому и написавшій ему стихотворный панегирикъ. Извѣстно, что имя Петра Великаго разнеслось по славянскимъ землямъ. Когда Россія вошла въ связи съ европейскими государствами и обратила на себя вниманіе гораздо сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде, въ славянскихъ народахъ сказалась впервые та инстинктивная надежда, съ которой они послѣ такъ часто́ думали о Россіи и русской помощи. Можно бы было ожидать, что славянскій поэтъ того времени, пишущій панегирикъ Петру Великому, именно остановится на этой сторонѣ предмета, что прославленіе русскаго царя затронетъ въ немъ національный интересъ племени, какой уже овладѣвалъ Крижаничемъ. Но Витезовичъ остается хладнокровенъ къ племенному родству. Если славянскіе поэты и патріоты иначе стали относиться къ идеѣ племенного единства впослѣдствіи, это имѣло свой источникъ уже въ измѣнившихся обстоятельствахъ, да и теперь къ идеѣ единства обращались не изъ врожденной наклонности, а изъ чувства самосохраненія.

Скажутъ однако, что было много историческихъ фактовъ, которые указываютъ на важную роль племенного родства въ ходѣ славянской исторіи, напримѣръ: что съ этимъ родствомъ связано одно изъ важнѣйшихъ событій древней славянской исторіи—введеніе христіанства, которое явилось къ разнымъ славянскимъ племенамъ какъ въ одну семью, и распространялось изъ Болгаріи на Русь какъ изъ одной части одного и того же племени въ другую его часть, когда русскіе приняли болгарское письмо и болгарскія книги, какъ свои; что эта взаимность православной Руси съ православнымъ южнымъ Славянствомъ длилась цѣлые вѣка и до сихъ поръ поддерживаетъ между ними родственную связь и симпатію; что такова была связь Чеховъ съ Польшей въ средніе вѣка и въ эпоху гусситскаго движенія; таковы были труды славянскихъ послѣдователей реформы въ XVI-мъ столѣтіи, дѣйствовавшихъ въ юго-западныхъ племенахъ славянства, у Хорватовъ и Словинцевъ; таковы факты родственнаго сочувствія, съ какимъ Болгары и Сербы принимали русскія войска, сражавшіяся съ Турціей, наконецъ, новѣйшія событія 1875—77 г.

Всѣ эти факты дѣйствительно говорятъ о присутствіи племенного чувства, оно безспорно и есть: мы хотимъ лишь сказать, что это чувство однако еще не развилось—даже въ самое послѣднее время—до сознательной идеи національнаго единства. Отношенія древней Руси къ южному Славянству основывались на близости племенной; Русскіе могли принять болгарскія книги, потому что эти два языка были въ то время очень близки одинъ къ другому. Но сущность этихъ отношеній и ихъ прочность была не въ національномъ, а въ религіозномъ единствѣ. Религіозный принципъ дѣйствовалъ тогда незави-

симо отъ національныхъ условій и даже сильнѣе ихъ — и въ самомъ дѣлѣ, соединялъ Русскихъ съ Болгарами и Сербами точно такъ же, какъ съ византійскими Греками, и съ послѣдними соединялъ въ сущности даже больше. Относительно Болгаръ, религіозный интересъ воспользовался удобными племенными условіями; но, напр., въ политической исторіи не произошло никакого сближенія. Южное Славянство осталось близко намъ не столько потому, что было съ нами единоплеменно, сколько потому, что было единовѣрно. Религіозный принципъ совсѣмъ независимъ и даже можетъ противорѣчить національному, когда разныя части одного народа держатся различныхъ религіозныхъ системъ. И въ самомъ дѣлѣ, Русскіе были близки къ единовѣрнымъ Сербамъ и Болгарамъ, но крайне удалялись отъ всего остального Славянства только потому, что оно было католическимъ—и не только въ древности, но пожалуй и въ настоящую минуту. Русскіе удалялись даже отъ своихъ соплеменниковъ, которые были къ нимъ несравненно ближе Сербовъ и Болгаръ, но были католики или уніаты. Таковы были, напримѣръ, отношенія древней Руси къ „Литвѣ", т.-е. къ Южной Руси и Бѣлоруссамъ: русскій православный человѣкъ XVI—XVII-го вѣка отрекся бы даже отъ нихъ, не только отъ другихъ славянскихъ католиковъ.

Тѣми же религіозными поводами объясняются связи между Чехами и Поляками, сначала въ эпоху введенія христіанства, потомъ въ эпоху гусситства и реформаціи. Національное сродство было помощью для сближенія; но основаніемъ его былъ чисто религіозный принципъ: гуситизмъ проникалъ въ Польшу и двѣ страны соединились отчасти въ одномъ движеніи не потому, что были единоплеменны, а потому, что находились въ аналогическомъ культурномъ положеніи, что католицизмъ въ обѣихъ странахъ доводилъ дѣло до реакціи; близость племенная только облегчала дѣло. Чешскіе гусситы заботились только о пропагандѣ своего религіознаго убѣжденія и не имѣли національныхъ соображеній. Когда извѣстные „чешскіе братья" старались отыскать историческія основы своего ученія, они послали своихъ довѣренныхъ ученыхъ людей не только въ Константинополь (какъ у насъ обыкновенно настаиваютъ, видя въ этомъ память о славянскомъ православіи), но и къ Вальденсамъ западной Европы и въ Азію, гдѣ надѣялись отыскать первобытныхъ христіанъ въ мнимомъ царствѣ пресвитера Іоанна.

Когда у насъ, съ XVIII-го столѣтія, опять начала вспоминаться связь съ южнымъ Славянствомъ, то здѣсь снова играла роль единовѣрность, вмѣстѣ съ дипломатическими соображеніями. Турецкія войны велись изъ чисто-русскихъ интересовъ, но присутствіе православныхъ славянскихъ населеній было выгодно для военныхъ разсчетовъ и потому въ число поводовъ, оправдывавшихъ войну, входила и защита самого Славянства. Но и здѣсь обыкновенно говорилось о „единовѣрныхъ", которые страдали подъ турецкимъ игомъ; „единоплеменность" или оставалась неизвѣстной, или стояла на второмъ планѣ; русское общество долго не выносило изъ этихъ войнъ никакихъ національно-славянскихъ впечатлѣній; сами Славяне (именно Болгары) не одинъ разъ покидаемы были турецкому мщенію.

Далѣе, примѣры національныхъ сближеній или совмѣстнаго дѣй-

ствія двухъ народностей ограничивались почти всегда ближайшимъ сосѣдствомъ. Въ такомъ сосѣдствѣ была нѣкогда Русь съ землей болгарской, Болгары съ Сербами, Чехи съ Поляками. Дальніе соплеменники были вообще мало извѣстны: Русскіе едва знали о Чехахъ и Хорватахъ, Чехи о Болгарахъ и т. п. Это не мѣшало ближайшимъ сосѣдямъ бывать и злѣйшими врагами, какъ Русскіе и Южноруссы съ Поляками, Сербы съ Болгарами.

Такъ это велось въ старину, когда еще не возникало идеальное возстановленіе славянскаго единства, приведенное духомъ времени и учеными розысканіями. Въ ту пору, когда славянскіе народы жили еще непосредственными понятіями о своемъ родѣ-племени; имъ въ голову не приходили панславянскія мечты: они считали другъ друга родственными, но разными народами, вели политическія отношенія, когда были сосѣдями, питали религіозное сочувствіе, когда принадлежали къ одному исповѣданію, какъ Россія съ Болгарами и Сербами,— и только. Во всемъ они считали себя чужими другъ другу, и были дѣйствительно чужими. Народности нынѣшней Австріи (Чехи, Моравапе, Словаки, Сербы, Хорваты, Галичане, Словинцы), несмотря на общій политическій центръ, несмотря на единовѣріе (почти всѣ они католики), до самаго нынѣшняго столѣтія жили каждая особнякомъ. Отсюда и вышло то странное явленіе, что имперія, представляющая значительное меньшинство Нѣмцевъ, называлась нѣмецкой и въ свое удовольствіе управляла огромнымъ большинствомъ Славянъ. Славянскіе патріоты съ негодованіемъ возставали противъ этого факта, но дѣло не измѣнилось и теперь—съ той лишь разницей, что въ дуалистической Австро-Венгріи вмѣстѣ съ Нѣмцами хозяйничаютъ, быть можетъ, еще худшіе враги Славянъ, Мадьяры.

Но въ заключеніе этой исторіи, длившейся многіе вѣка, мысль о единствѣ снова является на сцену, и уже сознательно. Впервые она была заявлена въ такъ-называемомъ панславизмѣ. Славяне разныхъ племенъ пришли къ идеѣ панславизма различными путями. Прежде всего, она была ученымъ открытіемъ, въ родѣ открытія единства индоевропейскаго: ученыя изслѣдованія, въ которыхъ началось первое обобщеніе славянскихъ элементовъ, шли совершенно ощупью, — и прежде всего являются въ тѣхъ народностяхъ, гдѣ возможнѣе была ученая дѣятельность и гдѣ, кромѣ того, раньше пробуждалось сознаніе, вызванное духомъ времени. Это было у Чеховъ (Добровскій, Шафарикъ, и др.). Панславянская идея дѣйствительно имѣла свои историческія данныя. Конецъ XVIII-го и XIX-е столѣтіе ознаменовываются всеобщимъ, хотя и въ разной степени сильнымъ, возрожденіемъ славянскихъ народностей, однимъ изъ общихъ источниковъ котораго было бóльшее распространеніе образованія и гуманныхъ идей прошлаго вѣка. Когда, вмѣстѣ съ потребностью народнаго образованія, явилась и потребность политическихъ правъ народности (освобожденіе Сербіи; стремленіе къ народной равноправности съ Нѣмцами — у Чеховъ, съ Мадьярами — у Словаковъ и Хорватовъ, съ Греками—у Болгаръ), то народы невольно оглядывались на свое прошедшее и искали себѣ нравственной поддержки въ мысли о цѣломъ племени: слабые сами по себѣ, они хотѣли надѣяться на силу этого цѣлаго; исторія и археологія напом-

нили ихъ прежнюю самобытность и единство, и — самый восторженный панславизмъ былъ готовъ.

Начавшись археологическими обобщеніями, онъ былъ въ первое время романтическимъ идеализмомъ, но мало-по-малу, подъ вліяніемъ событій, онъ принялъ политическій оттѣнокъ. Главную пищу дала ему борьба народностей въ Австріи. Племенной гордости сначало просто льстило могущество единственнаго славянскаго государства — Россіи: потомъ на ней стали основывать свои надежды безправныя народности,—и съ тѣхъ поръ европейская печать стала приписывать Россіи панславистическіе замыслы и интриги (которыхъ въ сущности не было). Въ Россіи панславизмъ сталъ славянофильствомъ, и — едва-ли именно не подъ вліяніемъ европейскихъ толковъ—явилось ожиданіе, что „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ". Но у западныхъ Славянъ была не одна эта комбинація. Напротивъ, не всѣ думали о „русскомъ морѣ". Многіе изъ западныхъ Славянъ, раздѣляя мнѣніе западныхъ европейцевъ о Россіи, какъ о странѣ варварской и деспотической, не думали ставить ее во главѣ Славянства; у Чеховъ было мнѣніе, что передовымъ народомъ Славянства будутъ, какъ наиболѣе образованные—Чехи; у Поляковъ была мысль, что главой Славянства будетъ именно Польша, какъ „оплотъ Европы противъ варварской Россіи".

Панславянская идея, или мечта, оказала однако меньше политическаго вліянія, чѣмъ отъ нея ожидали въ 30 и 40-хъ годахъ. Разница исторической жизни, разница современнаго положенія, все еще лежитъ между славянскими племенами и не даетъ желаннаго союза. Народы—въ очень большой степени—остаются чуждыми другъ другу, и еще не нашли единаго для всѣхъ общественно-политическаго принципа, на которомъ могла бы основаться ихъ взаимность и единство. Разбитые между нѣсколькими государствами, съ однимъ только государствомъ независимымъ и сильнымъ, славянскіе народы лишены возможности совокупнаго политическаго дѣйствія, заняты различными насущными вопросами, раздѣлены весьма различной степенью и направленіемъ образованія.

Достаточно сличить положеніе, общественное развитіе и стремленія Болгарина, Босняка, Черногорца, Чеха, Поляка, Русскаго,—чтобы видѣть, какъ много нужно времени и труда, чтобы, во-первыхъ, политическое освобожденіе различно утѣсняемыхъ племенъ дало имъ первую возможность свободной иниціативы для общаго дѣйствія, и чтобы, во-вторыхъ, между членами семьи славянскихъ народовъ водворилось взаимное пониманіе. Событія 1875—78 годовъ составятъ, во всякомъ случаѣ, знаменательный поворотъ въ развитіи славянскаго сознанія; но, къ сожалѣнію, и въ эти знаменательные годы въ славянскомъ мірѣ обнаруживалось это прискорбное и вредное непониманіе и своего и общеславянскаго интереса.

Пока еще не свободны многія изъ славянскихъ племенъ, пока въ Славянствѣ еще не укрѣпилось знаніе и пониманіе другъ друга — трудно говорить объ ихъ взаимности и солидарности. Какъ пойдетъ нѣкогда славянское развитіе, это вопросъ будущаго; но загадывать о томъ, что оно дастъ міру новую невиданную цивилизацію — есть поэтическая мечта, которая до сихъ поръ была только вредна, потому что питала самообольщеніе въ людяхъ, и безъ того имъ слишкомъ за-

раженныхъ. Пока для такой цивилизаціи еще вовсе нѣтъ данныхъ, и усвоеніе европейской культуры не противорѣчитъ славянской природѣ. Славянство имѣетъ ближайшія задачи, рѣшеніе которыхъ составляетъ для него неотложную необходимость. Единство и солидарность достигнуты будутъ не мечтами о фантастическомъ будущемъ, или о столь же фантастическомъ возвращеніи старины, а заботой каждаго народа о расширеніи своего просвѣщенія: они должны не враждовать противъ европейской образованности, а примыкать къ ней: на этомъ пути они сойдутся всего скорѣе. Второй существенной заботой ихъ должно быть изученіе другъ друга: они должны научиться признавать историческую личность, уважать особенности другого племени, отказаться отъ притязанія на свою національную непогрѣшимость,— и здѣсь найдутъ они то основаніе, на которомъ могутъ дѣйствительно сойтись въ братскій и прочный союзъ.

Среди всѣхъ колебаній, неясностей, преувеличеній, какихъ много было въ совершающемся развитіи славянскаго сознанія — проходитъ одно стремленіе, которое постоянно растетъ: научное и практическое изученіе славянскаго міра въ литературѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, желаніе выяснить его особенныя свойства и историческое прошлое. На этой почвѣ только и можетъ вырости вѣрный взглядъ на взаимныя отношенія Славянства.

4. Христіанство и грамота.

Принятіе христіанства, какъ мы уже замѣтили, было первымъ важнымъ событіемъ въ исторической исторіи Славянства. Съ него начинается и первая славянская грамота, первое образованіе, открывшее возможность литературнаго развитія,—потому что о *чертахъ* и *рѣзахъ*, которыми писалось у Славянъ до христіанства, неизвѣстно ровно ничего. Мы не будемъ останавливаться на распространеніи христіанства между Славянами. Довольно указать главные факты.

Исторія славянскаго христіанства связана въ особенности съ знаменитыми именами *Константина* (Кирилла, 827 — 869) и *Меѳодія* († 885), уроженцевъ города Солуня [1]. Константинъ, призванный въ

---

[1]) О Кириллѣ и Меѳодіѣ есть уже цѣлая литература:

— J. Dobrovsky, Cyrill und Method, der Slawen Apostel. Prag, 1823 (русскій перев. Погодина, М. 1825).

— Филаретъ, еписк. рижскій, Кириллъ и Меѳодій, слав. просвѣтители (въ „Чтеніяхъ Моск. Общ." 1846, IV).

— О. Бодянскій, О времени происхожденія славянск. письменъ (съ обширнымъ разборомъ историческаго матеріала и литературы вопроса), М. 1855; — Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности св. первоучителей и просвѣтителей слав. племенъ относящихся, въ „Чтеніяхъ" 1863, II и слѣд.

— Franjo Rački, Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda. Zagreb, 1857.

— П. Лавровскій, Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между Востокомъ и Западомъ. Харьковъ, 1863.

— Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ. М. 1865.

— А. Гильфердингъ, О Кириллѣ и Меѳодіѣ, въ „Собр. Сочин." I, 299—340.

— В. Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій. 2 ч. Спб. 1868—71.

— L. Léger, Cyrille et Méthode. Etude hist. sur la conversion des Slaves au

Константинополь своимъ родственникомъ, воспитывался при дворѣ вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ. Ему предстояла дорога къ почестямъ, но онъ предпочелъ иной путь, отдался наукамъ, былъ библіотекаремъ при церкви св. Софіи, преподавалъ философію, удалился въ монастырь и наконецъ началъ дѣятельность проповѣдника. На 24-мъ году онъ уже состязался съ митиленскимъ эмиромъ, опровергая магометанство. Далѣе, вмѣстѣ съ братомъ Меѳодіемъ (который былъ сначала правителемъ одной македонской области, потомъ удалился въ монастырь и наконецъ соединился съ младшимъ братомъ для проповѣдническихъ трудовъ) онъ отправлялся къ Хозарамъ, гдѣ обличалъ іудейство и магометанство, видѣлъ въ Корсуни „евангеліе, писанное русскими письменами", нашелъ и вывезъ изъ Крыма останки св. Климента, и затѣмъ трудился надъ проповѣдью у македонскихъ Болгаръ, надъ изобрѣтеніемъ славянской азбуки, надъ переводомъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ; Меѳодій крестилъ Болгаръ, и наконецъ по просьбѣ Ростислава, князя могущественной тогда Великой Моравіи, просившаго христіанскихъ учителей у императора Михаила, Константинъ и Меѳодій отправились въ Моравію. Здѣсь началась ихъ главная дѣятельность въ борьбѣ съ нѣмецкимъ духовенствомъ Западной церкви. Оно доносило папѣ на славянскія книги и славянскую литургію. Константинъ долженъ былъ ѣздить въ Римъ оправдываться и защищать славянское дѣло, и во вторую поѣздку умеръ въ Римѣ. Меѳодій остался епископомъ Моравіи.

Историческое значеніе проповѣди Кирилла и Меѳодія такъ опредѣляетъ одинъ изъ ученѣйшихъ новыхъ славистовъ, Гильфердингъ.

„Кириллъ и Меѳодій имѣли ту замѣчательную судьбу, что и по истеченіи тысячи лѣтъ не принадлежатъ еще окончательно *прошлому*, что и нынче, въ XIX вѣкѣ, ихъ имя нераздѣльно съ вопросами, взглядами, страстями современнаго міра славянскаго. Никто другой изъ историческихъ дѣятелей славянской древности въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться съ ними. Такая особенность въ историческомъ значеніи Кирилла и Меѳодія совершенно понятна. Это были, въ древности, единственные дѣятели *всеславянскіе*. Ихъ труды принадлежали одинаково и южнымъ Славянамъ, и западнымъ, и восточнымъ. Славянская Македонія и Болгарія считаютъ ихъ по праву своими, своими считаетъ ихъ по праву Моравія и земля Словаковъ и Чехія; и Полякамъ они не чужіе, ибо Краковская земля (область тогдашняго государства Великоморавскаго) входила въ составъ паствы Меѳодія, и какой-то, иначе намъ неизвѣстный, „князь силенъ вельми,

---

Christianisme. Paris, 1868 (разборъ въ Журн. Мин. Н. Просв. 1869, янв., П. Лавровскаго; Léger, Le Monde Slave, 1873, XXX—XXXI.

— Rettel, Cyrill i Metody. Streszczenie najnowszych poszukiwań. Paryž, 1871 (?).

— Fr. Miklosich und Dümmler, Die Legende vom heil. Cyrillus. Wien, 1870 (Denkschriften der W. Akademie).

— Fontes rerum bohemicarum. Прага, 1871, т. I. XI и 108.

Съ католической точки зрѣнія:

— W. Štulc, Wypsání žiwota swatých bratři Cyrilla a Methoda, 1847; Ziwot sw. Cyrilla a Methodia, apostolů slowanských, 1857.

— Hinzel, Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der slaw. Liturgie. Leitmeritz, 1857; 2-е изд. 1861.

сѣдя въ Вислѣхъ", былъ имъ убѣждаемъ къ принятію христіанства; даже на землю Лужицкихъ Сербовъ простиралось вліяніе Мееодія. Наконецъ, и тѣхъ Славянъ, которые назвались Русскимъ народомъ, коснулось непосредственно слово Солунскихъ братьевъ".

Исторія Кирилла и Мееодія до сихъ поръ однако не доведена до полной ясности и наполнена спорными пунктами. Въ біографіи, одни считаютъ ихъ Греками, другіе рѣшительно Славянами, и именно болгарскими; одни считаютъ Мееодія просвѣтителемъ болгарскаго царя Бориса, другіе видятъ въ этомъ смѣшеніе лицъ и фактовъ; одни относятъ изобрѣтеніе письменъ къ 855, другіе къ 862 г.; одни считаютъ ихъ дѣятелями византійско-славянскими, другіе — римскими. Затѣмъ, путешествіе къ Хозарамъ, дѣятельность въ Македоніи, свойство изобрѣтенной азбуки, вопросъ о переведенныхъ ими книгахъ и т. д. доселѣ составляютъ предметъ спора. Жизнеописаніе ихъ есть легенда, которая все еще не стала исторіей.

Языкъ, на который впервые было переведено у Славянъ св. писаніе, какъ большею частію предполагаютъ, былъ народный языкъ Славянъ болгарскихъ; по другимъ (старое мнѣніе Копитара, отчасти Миклошича), языкъ Славянъ паннонскихъ или Хорутанъ. Первое мнѣніе имѣло всегда больше послѣдователей между русскими (въ послѣднее время и болгарскими) учеными, второе между западно-славянскими [1]).

---

[1]) Ученая разработка старо-славянскаго (церковно-славянскаго, древне-болгарскаго, древне-словенскаго) языка, сдѣлана была въ слѣдующихъ трудахъ (старые изъ нихъ принадлежатъ уже только къ исторіи вопроса):

— Добровскій, Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. Vindob. 1822 (русскій переводъ Погодина и Шевырева, 1833 — 34); Entwurf zu einem allgemeinen Etymologicon der slaw. Sprache, Prag, 1813; Slavin, Прага, 1808, 2-е изд. 1834; Slovanka, тамъ же, 1814—15.

— А. Востоковъ, Разсужденіе о славянскомъ языкѣ и пр. въ «Трудахъ Общ. любителей Росс. Словесности при Моск. Унив.» 1820 г. XVII; статьи въ „Библіограф. Листахъ» Кёппена, Спб. 1827; Описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума, Спб. 1842; Остромирово Евангеліе. Спб. 1843; Грамматика церковно-словенскаго языка, Спб. 1863; Словарь церковно-словенскаго языка (въ академ. «Извѣстіяхъ» и отдѣльно); Филологическія наблюденія, Спб. 1865.

— Barth. Copitar, Glagolita Clozianus. Vindob. 1836; B. K-s Kleinere Schriften, herausg. v. Miklosich. Wien, 1857.

— Fr. Miklosich, Radices linguae slovenicae veteris dialecti, Лейпц. 1845; Lexicon linguae Slov. vet. dial. Вѣна, 1850; 2-е изд. 1862; Monumenta linguae palaeoslov. e codice Suprasliensi, Вѣна, 1851; Lautlehre der altslovenischen Sprache, 1850; Formenlehre etc. 1850; Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, 1874; Beiträge zur altslov. Grammatik, 1875, и отдѣльныя изслѣдованія въ изданіяхъ вѣнской академіи, Slaw. Bibliothek и друг.

— A. Schleicher, Die Formenlehre der Kirchenslaw. Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852.

— A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache. Weimar, 1871 (и другія работы по частнымъ вопросамъ старо-слав. грамматики).

— L. Geitler, Starobulgarská Fonologie se stálým zřetelem k jazyku litevskému, Прага, 1873 (разборъ Потебни въ «замѣткахъ по историч. грамм. русскаго языка», Журн. Мин. 1873—74, и Филол. Зап. 1875).

— А. Будиловичъ, Изслѣдованіе языка древнеслав. перевода XIII словъ Григорія Богослова. Спб. 1871.

— V. Jagić, Studien über das altslov.-glagolit. Zographos-Evangelium, въ «Archiv für slav. Philologie» I.

— И. Срезневскій, множество изслѣдованій и указаній палеографическихъ и

Историко-литературное значеніе перевода заключается въ томъ, что старо-славянскій (болгарскій) языкъ въ первый разъ пріобрѣлъ въ немъ литературную обработку: при тогдашней близости славянскихъ нарѣчій между собою, этотъ языкъ былъ легко доступенъ другимъ славянскимъ племенамъ и сталъ общимъ *церковнымъ* языкомъ православнаго славянства; и такъ какъ первая писательская дѣятельность посвящалась всего больше церковному содержанію, то онъ сталъ и языкомъ *литературнымъ*. Формы его господствовали въ произведеніяхъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ, и держались, при всѣхъ усиліяхъ народныхъ нарѣчій пріобрѣсть литературную независимость, очень долго,—въ церковной литературѣ его вліяніе отзывается и до сихъ поръ.

Изобрѣтеніе славянской азбуки относятъ къ 855, или 861—862 году. Но кромѣ этой азбуки, *кирилловской*, существовала, также съ очень древняго времени, другая славянская азбука, такъ-называемая *глаголическая* или глаголица, во многихъ отношеніяхъ сходная съ кирилловской, но совершенно своеобразная, искусственная и вычурная по формѣ своихъ знаковъ [1]). Глаголица въ древности была въ большомъ

филологическихъ разсѣяно въ изданіяхъ и описаніяхъ памятниковъ древне-славянскихъ и древне-русскихъ, о которыхъ далѣе.

— В. Григоровичъ, Статьи, касающіяся древне-славян. языка. Казань, 1858 и другія статьи.

Важный вопросъ о томъ, какъ старо-славянскій языкъ передавалъ христіанскія понятія и предметы въ переводѣ св. писанія, еще доселѣ не выясненъ. Ему посвящена была книга Ѳ. П. Буслаева: О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію. М. 1848; изслѣдованіе Миклошича: Die christliche Terminologie der slav. Sprachen, eine sprachgeschichtliche Untersuchung. Wien, 1875. Ср. Бодянскаго, О происхожденіи славянск. письменъ, 229 и слѣд.; Дринова, Заселеніе Балканскаго полуострова, 140—141.

Вопросъ о томъ, какому народу принадлежалъ церковный языкъ, какъ языкъ народный, имѣетъ, со временъ Добровскаго, очень долгую исторію. Причина неясности—во-первыхъ легенда о Кириллѣ и Меѳодіѣ, изъ которой неясно, когда именно и гдѣ былъ ими сдѣланъ переводъ писанія; во-вторыхъ, свойства языка древняго перевода , который не легко связать съ болѣе позднимъ болгарскимъ, рано обнаружившимъ паденіе звуковъ и формъ. Одни изъ ученыхъ принимали, что славянскіе апостолы готовились къ своей дѣятельности въ Солуни и пришли въ Моравію уже съ готовыми книгами, — слѣдов. языкъ перевода есть языкъ Македонскихъ Болгаръ; другіе—что они начали работу уже въ Панноніи, и въ переводѣ надо искать языка Паннонскихъ «Словенъ», которыхъ дальнѣйшіе потомки суть нынѣшніе Словенцы, Словинцы или Хорутане. Теперь это послѣднее мнѣніе допускаетъ, что «Словене» Паннонскіе составляли нѣкогда одно племя съ «Словенами» балканскими, простираясь отъ Панноніи до Эгейскаго моря; но племя это было разрѣзано сначала движеніемъ на югъ Сербо-Хорватовъ, потомъ нашествіемъ Венгровъ, а балканскіе «Словене» были покорены Болгарами, которыхъ имя за ними и осталось. (Поэтому, какъ выше упомянуто, нарѣчіе словенское или хорутанское причисляется одними къ группѣ сербо-хорватской, другими ставится въ болѣе близкое родство съ болгарскимъ). Такимъ образомъ шелъ споръ о родинѣ ц.-славянскаго языка, какъ о родинѣ Гомера; онъ велся съ болѣе или менѣе открытой враждой и нетерпимостью, которая къ сожалѣнію до сихъ поръ оставалась непримиряемой,—и получалъ тенденціозную окраску (одной сторонѣ приписывался австрійско-католическій характеръ, другой — русско-православный). Чтобы оріентироваться въ настоящемъ положеніи вопроса, см. Krek, Einleitung 59—60; Jireček, Gesch. der Bulg. 424 и слѣд.; Jagić, Archiv I, 438 и слѣд.; Slovník Naučný, s. v. Miklosich.

[1]) Литература вопроса о глаголицѣ, съ начала прошлаго столѣтія, указана въ книгѣ Шафарика, Památky (стр. LV—LVI), и въ изслѣдованіи Бодянскаго о времени происхожденія слав. письменъ. Главные новѣйшіе труды были слѣдующіе:

употребленіи у Славянъ южныхъ, особенно у Болгаръ и далматинскихъ Хорватовъ; глаголическія рукописи находимы были также въ Россіи и даже въ Чехіи. Въ болѣе позднее время она стала принадлежностью Юго-Славянъ западной церкви. Но происхожденіе этой азбуки покрыто полнымъ мракомъ неизвѣстности: мнѣнія ученыхъ о ея древности и началѣ сильно раздѣлились, такъ что иные (Копитаръ, Григоровичъ, Шафарикъ) считали глаголицу древнѣе кирилловской, утверждали даже, что глаголица и была настоящимъ изобрѣтеніемъ Кирилла, которое потомъ упрощено было Климентомъ, и впослѣдствіи, въ новомъ своемъ видѣ, неправильно приняла названіе кириллицы. Далѣе, одни родиной ея считаютъ Болгарію, другіе приморскую Хорватію, гдѣ она всего больше (или исключительно) употреблялась впослѣдствіи. Кромѣ совершеннаго отсутствія всякихъ положительныхъ историческихъ указаній, темнота вопроса увеличивается тѣмъ, что глаголица существовала у Болгаръ и Хорватовъ одновременно съ кирилловской азбукой, что то и другое письмо передавало *одинъ* переводъ священныхъ книгъ, что обѣ азбуки смѣшивались иногда въ одной и той же рукописи. Самое вѣроятное изъ всѣхъ этихъ мнѣній кажется то, которое считаетъ, что глаголица была изобрѣтеніемъ Славянъ далматинскихъ, что это изобрѣтеніе (можетъ быть, вслѣдствіе гоненій на славянскую литургію, приводившихъ Далматинцевъ къ православнымъ Болгарамъ) занесено было и въ Болгарію, гдѣ также нашло вѣроятно не мало прозелитовъ; у этихъ далматинскихъ Славянъ оно и сохранилось исключительно впослѣдствіи. Глаголическія книги заключали въ себѣ первоначально списки съ кирилловскихъ текстовъ св. писанія и церковныхъ книгъ; но впослѣдствіи, когда православная литургія подверглась въ Далмаціи запрещеніямъ и преслѣдованіямъ, эти книги были измѣнены въ духѣ римской церкви, богослуженіе стало совершаться по римскому обряду, и въ этомъ новомъ видѣ глаголическія книги, уже не опасныя больше для католическаго духовенства, остались донынѣ церковными книгами въ значительной массѣ Сербо-

---

— Добровскій, Glagolitika. Прага, 1807; 2-е изд. 1832; Institutiones; Slavin; Slovanka.

— B. Kopitar, Grammatik der slav. Sprache in Krain, Kärnthen und Steyermark. Laibach 1808; Glagolita Clozianus, Vind. 1836 (рецензія Гримма въ Gött. Gel. Anzeigen 1836, № 33—36).

— Fr. Miklosich, Zum Glagolita Clozianus. Wien, 1860; статья Glagolitisch, въ Энциклоп. Эрша и Грубера («Извѣстія» Акад. IX).

— П. Прейсъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1843, кн. 3.

— В. Григоровичъ, Очерки путеш. по Европ. Турціи, Каз. 1848, въ Журн. Мин. 1852, кн. 3; «Статьи» 1852, и др.

— В. Ганка, Остатьци славянскаго богослуженія у Чеховъ. Прага, 1859.

— П. Шафарикъ, Památky hlaholského písemnictví. Прага, 1853; Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Прага, 1858. (Разборъ его послѣднихъ мнѣній, А. Викторова, въ Лѣтоп. русск. литер. и древности).

— J. Berčić, Chrestomathia linguae vetero-slovenicae charactere glagolitico. Прага, 1859.

— И. Срезневскій, Древнія письмена славянскія, въ Журн. Мин. 1848, кн. 7; многочисленныя замѣтки въ «Извѣстіяхъ»; Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы, Спб., 1866.

— А. Гильфердингъ, Кириллица ли изобрѣтена Кирилломъ? въ Собр. Сочин. 1868. I. 315 — 329.

Хорватовъ Далмаціи,— хотя впрочемъ число глаголитовъ (или „глаголяшей“) въ послѣднее время сильно уменьшается.

Глаголиты были такимъ образомъ единственные католики, сохранившіе (хотя въ измѣненномъ видѣ) славянское богослуженіе. Но обыкновенно славянское богослуженіе и кирилловская азбука принадлежали православнымъ; у Славянъ католическихъ господствовала латынь въ богослуженіи и латинская азбука въ славянскомъ письмѣ.

Двойная азбука, славянская (главнымъ образомъ кирилловская, и только отчасти глаголица) и латинская, соотвѣтствовала двойному характеру славянскаго христіанства.

Христіанство распространилось у Славянъ изъ двухъ источниковъ, византійскаго и римскаго: первое у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, и соединялось съ литургіею на народномъ языкѣ; второе у Чеховъ, Поляковъ, западныхъ Сербовъ и Хорутанъ, и приводило съ собой католическую латынь. Но первоначально, греко-восточное христіанство имѣло болѣе обширную область, и кромѣ Моравіи, гдѣ дѣйствовали Кириллъ и Меѳодій, оно простиралось также на Польшу и Чехію. Впослѣдствіи, даже очень скоро, оно вытѣснено было изъ Польши, Чехіи и самой Моравіи католическимъ духовенствомъ. Притязанія католицизма не ограничились этимъ: южные Славяне, Болгары и Сербы (не только въ Далмаціи, но и въ самой Сербіи и Боснѣ), бывали нерѣдко подъ вліяніемъ Рима. Это вліяніе Рима въ южныхъ земляхъ началось еще до раздѣленія церквей, когда папы старались включить эти земли въ составъ своей епархіи (западные Сербы жили въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались области Византіи и Рима), — вліяніе продолжалось и послѣ раздѣленія церквей, когда отношенія папъ къ Византіи становились чисто-враждебными: славянскіе владѣтели, цари Болгаріи, крали Сербіи, князья Босніи, очень часто дѣлали религіозный вопросъ католицизма и греко-восточнаго православія дѣломъ политики и переходили на сторону Рима, когда нужно было его покровительство, когда желательно было получить титулъ и церковное освященіе власти, и такимъ же образомъ возвращались къ Византіи. Въ теченіи очень долгаго времени южно-славянское христіанство было спорнымъ между Римомъ и Византіей. Въ результатѣ въ Болгаріи и Сербіи перевѣсъ остался на сторонѣ православія; въ Боснѣ число послѣдователей католицизма было уже весьма значительно, но въ Далмаціи перевѣсъ католичества былъ рѣшительный.

Это религіозное раздѣленіе оставило большіе слѣды и на цѣлой исторіи племени, — усиливъ его разъединеніе и давая различное направленіе первымъ зародышамъ образованія. На фактѣ этого различія построена была московской школой цѣлая теорія о національномъ развитіи Славянства. По этой теоріи, настоящая славянская религія есть восточное православіе: его ученіе есть подлинная истина и преданіе вселенской церкви; оно было преподано Кирилломъ и Меѳодіемъ всему Славянству; оно явилось съ первой славянской азбукой и славянскимъ переводомъ Писанія и литургіей. Итакъ, Славяне православные—истинные носители славянской идеи; Славяне католическіе утеряли ее, и для ихъ возрожденія необходимо возвращеніе къ истиннымъ основамъ духовной жизни въ православіи. Единственное сильное славянское государство есть Россія, государство православное: она и

есть истинный представитель чистаго Славянства; ея идеямъ подобаетъ первенство и господство. Изъ двухъ старыхъ историческихъ формъ христіанства одна есть непремѣнное условіе славянской природы и народности, другая—послѣдняя гибель этой природы. Первая изъ этихъ формъ — православное христіанство; вторая — христіанство римское: истинная славянская народность должна необходимо соединяться съ православіемъ; та, которая не соединяется съ нимъ, есть народность испорченная. На этомъ положеніи строится затѣмъ вся исторія славянскаго племени: восточно-славянскому православію приписываются нравственныя и общественныя достоинства восточнаго Славянства, сохранившаго древнія народныя начала; западно-славянскому католицизму, преклонившемуся передъ ложнымъ авторитетомъ Запада, приписываются упадокъ народности и всѣ гибельныя явленія въ жизни Славянства западнаго, его ненормальныя общественныя отношенія, феодализмъ, паденіе общины и т. д. Важнѣйшее событіе религіозной исторіи западнаго Славянства, гусситизмъ, изображается съ этой точки зрѣнія именно національно-славянскимъ протестомъ противъ Рима, протестомъ, источникъ котораго есть воспоминаніе о древнемъ чешскомъ православіи. Вся исторія западнаго Славянства представляется грѣхомъ, за который оно терпитъ въ настоящее время униженіемъ своей народности и своего политическаго значенія: западное Славянство можетъ возвратить свою нравственную силу только возвращеніемъ къ восточному православію.

Мы не могли обойти взгляда, объясняющаго славянскую исторію такимъ одностороннимъ фатализмомъ, потому что люди этого взгляда всего больше говорили въ нашей литературѣ о славянскомъ національномъ вопросѣ (такъ что западные Славяне подумали, что у насъ только и есть одинъ этотъ взглядъ на Славянство) и въ исторію самого Русскаго народа вносятъ ту же исключительную точку зрѣнія. Ошибочность этой теоріи состоитъ въ томъ, что факту древней исторіи, — какъ мы видѣли, — очень неполному (т.-е. христіанской проповѣди Кирилла и Меѳодія *всему* Славянству), она придаетъ значеніе окончательнаго рѣшенія впередъ жизни цѣлаго племени, забывая при этомъ и предшествующую и послѣдующую исторію. „Національность“ славянская существовала и раньше крещенія; послѣдующая тысячелѣтняя исторія не можетъ быть вычеркнута — ни для остальныхъ Славянъ, ни для насъ самихъ. Первобытный типъ невозстановимъ, и нынѣ желаемая солидарность должна искать своего основанія не въ одномъ (неполномъ) фактѣ прошедшаго, а въ цѣлой исторіи, должна признать существующія славянскія индивидуальности и утвердить союзъ въ смыслѣ новѣйшаго общечеловѣческаго развитія.

Славянская національность опредѣлялась задолго до крещенія,— въ тѣ отдаленные вѣка, когда племя выдѣлилось изъ цѣльной группы, заключавшей Германство, Славянство и Литву. Бытовыя свойства и понятія древнихъ Славянъ, уже съ отдѣльными народностями, вырабатывались еще задолго до христіанства, и эта старина хранилась въ вѣка христіанскіе, такъ что и въ наше время этнографія находитъ въ народѣ слѣды языческаго пантеизма. Религіозныя отношенія Славянства имѣли безъ сомнѣнія значительное вліяніе на его исторію, но кромѣ ихъ, славянская исторія устроивалась множествомъ другихъ

отношеній: племена занимали извѣстныя мѣстности, которыя дѣйствовали на характеръ ихъ культуры своими естественными свойствами; пріобрѣтали разныхъ сосѣдей, часто самымъ положительнымъ образомъ опредѣлявшихъ направленіе ихъ развитія (напр. сосѣдство Чеховъ съ Нѣмцами, далматинскихъ Сербовъ съ Италіей и проч.), становились въ разныя политическія условія. Матеріальное подчиненіе уничтожало свободу развитія, каковы бы ни были условія религіозныя; принадлежность къ православію не устраняла самаго постыднаго нравственнаго угнетенія отъ единовѣрцевъ (какъ угнетеніе Болгаръ фанаріотскимъ греческимъ духовенствомъ); близость культурнаго народа могла дѣйствовать независимо отъ религіозныхъ отношеній, и чужая культура иногда связывалась съ самымъ живымъ сознаніемъ своей народности (Гусъ и его послѣдователи); упадокъ старыхъ общественныхъ отношеній происходилъ совершенно независимо отъ религіозныхъ условій: рядомъ съ феодализмомъ германскимъ можетъ быть поставленъ феодализмъ византійскій; положеніе народной массы было одинаково въ государствѣ по нѣмецки-феодальномъ и въ московскомъ царствѣ XVII вѣка и т. д. Гдѣ больше терялся характеръ подлинной Славянской народности, какою она могла бы быть при свободномъ развитіи,— выбрать трудно. Славянство восточное и западное одинаково представляло въ своемъ прошедшемъ много печальныхъ примѣровъ народнаго упадка, которыхъ никакъ не объяснитъ одна церковная исторія. Католическій Римъ требовалъ поклоненія папскому авторитету, но онъ же давалъ—въ противодѣйствіе тому—значительную долю умственнаго развитія; западная латынь была не только языкомъ клерикальнымъ, но и языкомъ европейскаго образованія. Умственное развитіе восточнаго Славянства во всѣ средніе вѣка, и почти до нашего времени, вообще стояло ниже, чѣмъ у Славянъ западныхъ. Византія, по признанію самой школы, возвеличивающей ея значеніе, послѣ единственнаго факта—дѣятельности Кирилла и Меѳодія—осталась безучастна къ умственному развитію православнаго Славянства, которое и не воспользовалось ея научнымъ преданіемъ, перешедшимъ на западъ въ эпоху Возрожденія. Сектаторство въ болѣе или менѣе народномъ смыслѣ одинаково является въ Славянствѣ восточномъ и западномъ, только въ первомъ оно было неразвитѣе: таковы съ одной стороны еретическія движенія восточнаго Славянства—богомильство у Болгаръ и Сербовъ, стригольничество и жидовство, ересь Башкина, или позднѣе расколъ, а въ наше время молоканство, штунда и т. д. у Русскихъ; съ другой стороны, въ западномъ Славянствѣ знаменательное движеніе гусситовъ въ Чехіи и замѣчательный успѣхъ протестантизма въ цѣломъ чешскомъ племени, у Хорватовъ и Хорутанъ, и даже у Поляковъ. Наконецъ, общественная жизнь новѣйшихъ временъ давно освобождается отъ воззрѣній, господствовавшихъ въ средніе вѣка, и истинный успѣхъ, общественный и національный, отыскивается не въ старой исключительности, а въ распространеніи религіозной терпимости и свободной науки.

По мнѣнію школы, основы славянской народности могутъ быть теперь найдены только въ русскомъ народѣ; западное Славянство, подчинившись западно-европейской культурѣ, утратило чистоту народныхъ взглядовъ, обычаевъ и преданій, составлявшихъ подлинную на-

родность Славянства.... Эти понятія о подлинной славянской народности основаны на недоразумѣніи. Неизмѣнныхъ народностей не бываетъ на свѣтѣ, — онѣ не измѣняются, по крайней мѣрѣ скоро и замѣтно, только у племенъ, ведущихъ жизнь совсѣмъ дикую; но во всякомъ народѣ, способномъ къ цивилизаціи, такъ-называемая народность измѣняется съ каждымъ періодомъ его исторической жизни. Русская народность не можетъ считаться коренной славянской уже потому, что первобытный славянскій характеръ прежде всего чрезвычайно измѣнился самымъ фактомъ принятія христіанства. Затѣмъ татарское нашествіе, московское царство, крѣпостное состояніе, реформа Петра и т. д., все это налагало новыя черты, конечно не принадлежавшія даже первобытной русской народности. Изъ того, что русская народность теперь самая обширная по численности, еще не слѣдуетъ, что она есть и самая подлинная славянская народность. Если русское племя далеко не сохранило своего прежняго характера, хотя имѣло для того всѣ удобства по своему уединенному положенію, то и другія народности также видоизмѣнялись по своимъ историческимъ условіямъ: обстоятельства были различны, были различны и результаты, но въ сущности тѣ и другіе настолько удалились отъ корня, что онъ остается лишь историческимъ воспоминаніемъ. Правда, въ западномъ Славянствѣ сильнѣе были вліянія чуженародныя, но если оно переработало ихъ безъ потери національной особности, значитъ, это была только новая форма, какую способна была принять славянская племенная природа; но главное, и русская народность также не осталась свободна отъ чуждыхъ вліяній, и племенныхъ, и культурныхъ, такъ что и ей невозможно приписывать первобытной чистоты,—какъ невозможно приписать ея ни одному европейскому народу. Исторія заключается не въ неподвижной традиціи (которую такъ восхваляютъ въ восточномъ Славянствѣ теоретики упомянутой школы), а въ широтѣ опыта, въ живой и развивающейся дѣятельности матеріальныхъ и нравственныхъ народныхъ силъ,—что̀ собственно и даетъ народности ея настоящее достоинство и значеніе въ исторіи культуры.

Съ самаго начала славянское племя пошло двумя разными путями, но пунктъ его соединенія не въ невозможной реставраціи прошедшаго, въ сущности до-историческаго, единства, а въ общемъ усвоеніи общечеловѣческой образованности, въ возвышеніи народныхъ массъ до сознательной гражданской жизни.

Это стремленіе въ самомъ дѣлѣ и дѣйствовало въ исторіи славянскаго міра. Западное и отчасти южное Славянство уже вслѣдствіе географическаго положенія стало въ непосредственныя отношенія къ средневѣковому европейскому Западу. Чехія, Польша, югозападныя сербскія племена вовлечены были въ исторію средневѣковой средней Европы, и за исключеніемъ Польши и крайняго юго-запада, вошли даже въ составъ нѣмецкой римской имперіи. Политическая связь съ Западомъ отражалась и на развитіи образованія и литературы. Наиболѣе характеристично было состояніе Чехіи: католическая латынь не помѣшала въ ней явиться замѣчательнымъ народно-поэтическимъ произведеніямъ. Латынь, получившая въ средніе вѣка и надолго послѣ, господство у Чеховъ, Поляковъ, далматинскихъ Сербовъ, была именно языкомъ тогдашняго образованія, схоластической науки. Она вводила

мысль западнаго Славянства въ кругъ европейскихъ идей, и въ этомъ не было никакой измѣны славянскимъ началамъ, потому что другой, собственно-славянской науки не существовало, и научное стремленіе необходимо попадало на эту дорогу: на ту же дорогу попало, только позднѣе, и восточное Славянство, именно въ русской литературѣ съ XVII вѣка. Наука говорила на латинскомъ языкѣ, и онъ водворился у Славянъ, какъ у самихъ Нѣмцевъ, которые не отстали отъ него и тогда, когда уже отстали отъ католицизма. Эпоха „Возрожденія" дала ему новую силу. Посредствомъ латыни, западное Славянство непосредственно сближалось съ европейскимъ образованіемъ и литературой.

Восточное Славянство соединялось общностью церкви и церковно-литературнаго языка. На всѣхъ племенахъ его легло сильное, хотя и въ различной степени, вліяніе Византіи, проходившее или черезъ прямыя церковныя сношенія, или черезъ литературу. Болгары, Сербы и Русскіе пріобрѣтаютъ одно общее образованіе церковно-византійскаго характера. Древній періодъ ихъ литературы и начало средняго представляютъ полное единство по своему основному содержанію: общія церковныя книги; частыя церковныя сношенія, приводившія къ Русскимъ болгарское и сербское духовенство; связи съ Аѳономъ, гдѣ каждое изъ этихъ племенъ имѣло свои монастыри, своихъ представителей, подвижниковъ и писцовъ книгъ; единство условнаго старо-славянскаго языка, ставшаго языкомъ ихъ общей литературы,— все это позволяетъ до значительной степени соединять всѣ три литературы подъ одну общую точку зрѣнія. Болгарская литература, въ то время самая богатая изъ всѣхъ, была общимъ достояніемъ Сербовъ и Русскихъ; произведенія ея были для нихъ одинаково доступны,— каждому племени приходилось только слегка измѣнять языкъ книги по особенностямъ своего нарѣчія.

Къ сожалѣнію, византійское образованіе, или собственно одна доля его, достававшаяся восточному Славянству, принесло ему мало пользы. Недостатокъ свободной научной мысли сдѣлалъ Византійцевъ компиляторами и риторами, и они не умѣли воспользоваться наслѣдіемъ античной образованности; свободное научное движеніе ушло на Западъ. Это и было естественно при томъ извращенномъ порядкѣ общества, какой представляла византійская исторія того времени: эта исторія разлагающейся имперіи была плохимъ примѣромъ для свѣжихъ славянскихъ племенъ, которымъ пришлось принять первые уроки цивилизаціи отъ византійскихъ Грековъ. Правда, въ византійской литературѣ сохранялось еще знаніе классическихъ произведеній славной древности,—но, какъ мы сказали, настоящее развитіе этого знанія совершено было уже западнымъ Возрожденіемъ, а во-вторыхъ — и это главное,— классическая литература осталась чужда славянскому образованію, которое осталось слишкомъ неопытно, чтобы интересоваться философіей Платона. Изъ византійской культуры Славяне вынесли довольно бѣдное количество отрывочныхъ византійскихъ знаній, наполнявшее потомъ „хронографы", „азбуковники", „сборники" и т. п. Преобладающимъ характеромъ образованія была исключительная церковность; литература была по большей части повтореніемъ и подражаніемъ византійской,— только одна лѣтопись (и то почти одна русская) была

самостоятельнымъ литературнымъ направленіемъ. Литература поэтическая, такъ обильно развившаяся въ западномъ Славянствѣ при всемъ его латинствѣ, здѣсь, за единственнымъ почти исключеніемъ Слова о Полку Игоревѣ, совершенно молчала, и если въ восточномъ Славянствѣ образовалась потомъ отрывочная литература поэтическихъ сказаній народнаго свойства, то это поэтическое движеніе, гдѣ народные элементы соединились съ обильнымъ запасомъ европейскаго, западнаго и восточнаго миѳа и легенды, шло совсѣмъ независимо и даже наперекоръ церковной письменности; — это былъ какой-нибудь исходъ для народнаго поэтическаго инстинкта, который не нашелъ въ церковной письменности никакой опоры для своего, болѣе широкаго развитія.

Общая литературная жизнь восточнаго Славянства, соединеннаго однимъ церковно-литературнымъ языкомъ и одними книгами, идетъ до той поры, когда южно-славянскія царства кончили свое независимое существованіе и потеряли всякую возможность образованности. Русская народность продолжала неизмѣнно двигаться въ томъ же направленіи до половины XVII вѣка, когда, черезъ юго-западный край, стали проникать изъ Польши латинская схоластическая ученость и первыя попытки европейскаго образованія, предшествовавшія реформѣ Петра.

Съ XVIII вѣка въ славянскомъ мірѣ начинается историческій поворотъ къ національному обновленію и возрожденію. Онъ уже принесъ много знаменательныхъ результатовъ, и вызвалъ трудную борьбу внѣшнюю и борьбу внутри самого славянскаго сознанія; она продолжается до настоящей минуты и составляетъ основной вопросъ новѣйшей славянской исторіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БОЛГАРЫ.

Въ настоящее время, болгарская литература едва обнаруживаетъ признаки новой начинающейся жизни. Но въ древнюю эпоху славянской образованности письменность болгарская была первая литература православнаго Славянства—и по времени, и по историческому значенію [1]). Эта древняя эпоха до сихъ поръ очень темна: историческія

---

[1]) По географіи и этнографіи Болгаріи, см:
— Ami Boué, La Turquie d'Europe. Paris, 1848. 4 tom.
— Grisebach, Reise durch Rumelien. Göttingen, 1841.
— C. Robert, Les Slaves de Turquie. Paris, 1843, 2 vol.
— Hipp. Desprez, Les peuples de l'Autriche et de la Turquie. Paris, 1850, 2 vols.
— Jukić, Pregled turskog carstva v Europi. Zagreb, 1850.
— A. Blanqui, Voyage en Bulgarie. Paris, 1843.
— Bulharsko, въ чешскомъ «Научн. Словникѣ».
— Unsere Zeit, 1858, 2, 99—121; Oesterr. Revue, 1864.
— A. A. Paton, Researches on the Danube and the Adriatic. Leipzig, 1861. 2 vol.
— Mary Ad. Walker, Through Macedonia to the Albanian Lakes. Lond. 1864.
— H. Barth, Reise durch das Innere der europ. Türkei, im Herbst 1862. Berlin, 1864.
— G. Muir Mackenzie and A. P. Irby, Travels in the Slavonic Provinces of Turkey in Europe. Lond. 1867; 2-е изд. (съ прибавленіемъ о Босніи 1875—77 г.) Lond. 1877. (Изложено отчасти въ «Вѣстн. Евр.» 1877).
— G. v. Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik. 2-te Ausg. Wien, 1868; Reise durch die Gebiete des Drin und Vardar. Wien, 1869.
— F. Kanitz, Reise in Süd-Serbien und Nord-Bulgarien. Wien, 1868; Donau-Bulgarien und der Balkan. Leipzig, 1875—77. Два тома.
— Hochstetter, въ «Mittheilungen» вѣнскаго Геогр. Общества, 1870 и слѣд.
— Ст. Захаріевъ, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-Пазарджишкѫтѫ каазѫ. Вѣна, 1870.
— H. F. Tozer, Rev., Researches in the Highlands of Turkey, including visits to the Mirdite Albanians etc. Lond. 2 vols.
— St.-Clair and Ch. A. Brophy, Twelve years Residence in Bulgaria. 2-е изд. Lond., 1876.
— H. C. Barkley, Five years among the Turks and Bulgarians, between the Danube and the Black Sea. Lond., 1876; Bulgaria before the War, Lond. 1877.
— Вик. Макушевъ, Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. Спб. 1867.

бѣдствія народа, его продолжительное угнетеніе подъ турецкимъ игомъ, истребили множество памятниковъ его литературы, и наконецъ совершенно перервали всякую литературную традицію. Въ новѣйшее время, въ эпоху общаго оживленія славянскихъ племенъ, у Болгаръ также обнаружились признаки жизни, но слабѣе, чѣмъ у кого бы то ни было изъ другихъ Славянъ, такъ какъ ни одинъ изъ современныхъ славянскихъ народовъ не былъ подавленъ до такой степени тяжкимъ игомъ.

Болгарское племя выдѣлилось въ отдѣльную семью послѣ того, какъ болѣе раннее славянское населеніе нынѣшней Болгаріи было покорено народомъ собственно „болгарскимъ", народомъ бродячимъ, уралочудскаго происхожденія. Первыя нападенія и начало покоренія относятся къ VII вѣку, но главнымъ образомъ государственная власть въ болгарскомъ Славянствѣ установилась только съ IX вѣка: покоренное населеніе ославянило побѣдителей и собралось въ болгарское царство, имѣвшее свою бурную исторію, запутанное въ между-національную вражду съ сосѣдними Сербами и другими народами, соединявшее иногда съ ними свою судьбу, дѣлавшее завоеванія и терявшее ихъ, наводившее страхъ на Византію и само терпѣвшее отъ нея. Во второй половинѣ IX вѣка болгарскій князь Борисъ-Михаилъ принялъ

— Любенъ Каравеловъ, Памятники народнаго быта Болгаръ. Кн. I. Москва, 1861.

— Лучшая географическая карта — Каница, 1877; этнографическая карта Ами-Буэ, въ Berghaus, Physikal. Atlas, VIII Отд., № 19; id. Лежана въ Этногр. Сборн. Геогр. Общ. Вып. VI. Спб., 1864.

По исторіи:

— Раичъ, Іоаннъ, архим., Исторія разныхъ Славенскихъ народовъ, наипаче же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ, из тмы забвения изятая и во свѣтъ историческій произведенная. Въ Віеннѣ, 1794—95; 4 тома; 2-е изд. Будинъ (Пестъ) 1823, 4 т.

— Engel, Gesch. der Bulgaren in Moesien. Halle, 1797.

— В. Григоровичъ, Очеркъ путешествія по Европ. Турціи. Казань, 1848.

— А. Гильфердингъ, Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Москва, 1855—59 (въ «Собраніи Сочиненій», т. I. Спб., 1868).

— Е. Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской. М. 1871.

— Крьстьовичъ. Исторія блъгарска, сочинена отъ Гавріила Крьстьовича, членъ отъ върховното ц. судилище Диван-і Ахкям-і Адліе. Т. I. Цариградъ 1869 (1871).

— М. С. Дриновъ, Заселеніе Балк. полуострова Славянами. М., 1873 (изъ «Чтеній Моск. Общ.»); Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ. М. 1876 (тамъ же); Погледъ врьхъ происхожданье-то на блъгарскій народъ и начало-то на блъгарска-та исторія. Вѣна, 1869; Исторически прегледъ на българска-та цьрква отъ само-то начало до днесь. Вѣна, 1869.

— Иловайскій, Разысканія о началѣ Руси. М. 1876 («Болгаре и Русь на Азовскомъ поморьѣ»; «О славянскомъ происхожденіи дунайскихъ Болгаръ»).

— Const. Jos. Jireček, Geschichte der Bulgaren. Prag; 1876 (то же сочиненіе вышло по чешски).

— Franz Crousse, La Péninsule gréco-slave. Son passé, son présent et son avenir. Bruxelles, 1876.

христіанство; эпоха его сына, перваго царя болгарскаго, *Симеона* (892 — 927), была блестящимъ временемъ болгарскаго просвѣщенія.

Историческая судьба болгарскаго народа въ политическомъ и культурномъ смыслѣ связана тѣсно съ Византіей. Отъ нея Болгары приняли первые залоги образованности — въ христіанствѣ. Греки не въ состояніи были противодѣйствовать нашествіямъ Болгаръ оружіемъ, и для обезпеченія себя рѣшились подѣйствовать на нихъ религіей; для болгарскаго народа съ другой стороны это былъ единственный путь къ цивилизаціи. Византійское христіанство бросило сильные корни въ народѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вошли къ Болгарамъ вліянія государственности и быта Ромео-Грековъ, которыя неблагополучно отозвались на судьбѣ болгарскаго государства. Начиная съ двора, принявшаго напыщенный и ненужный церемоніалъ византійскихъ кесарей, все управленіе въ Болгаріи приняло характеръ чисто-византійскій. Какъ ни защищаютъ теперь значеніе Византіи, ея политическія свойства должны были разрушительно дѣйствовать на свѣжую народность: старая патріархальная власть вырождалась въ византійскій деспотизмъ и угнетеніе народа, и этому можно приписать то обстоятельство, что болгарскій народъ не успѣлъ впослѣдствіи выработать себѣ прочныхъ основъ, которыя бы поддержали его цѣльное, независимое существованіе. Этотъ порядокъ вещей не остался однако безъ протеста, который выразился съ одной стороны въ стремленіи Болгаръ къ церковной независимости отъ Византіи (хотя и независимая болгарская церковь сохраняла внутри тотъ же византійскій формализмъ) и съ другой стороны въ народномъ религіозномъ движеніи — въ еретическомъ „богомильствѣ". Стремленіе къ церковной независимости начинается на самыхъ первыхъ порахъ болгарскаго христіанства: Борисъ уже вскорѣ послѣ крещенія обращался къ папѣ (церковнаго разрыва еще не было, и папа безпрестанно вмѣшивался въ дѣла православнаго Славянства, особенно на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ встрѣчались діоцезы западной и восточной церкви), жалуясь на злоупотребленія греческаго духовенства, и для бо́льшаго укрѣпленія новой вѣры и бо́льшаго церковнаго порядка просилъ назначить для Болгаріи патріарха. Папа Николай отказалъ на томъ основаніи, что Болгарія еще не была вполнѣ обращена. Церковный расколъ при Фотіѣ заслонилъ дѣло о болгарскомъ патріаршествѣ, но отношенія оставались тѣ же, и войны царя Симеона съ Греками имѣли не только политическія, но и церковныя причины: греческій патріархъ Николай, въ письмахъ къ Симеону, упрекаетъ его, что онъ „изгоняетъ изъ своей державы цареградскихъ священниковъ и ставитъ своихъ". Болгары, повидимому, не дожидаясь признанія со стороны Грековъ, сами провозгласили своего архіепископа патріархомъ: царь Симеонъ, сравнявшись титуломъ съ греческими

императорами, не хотѣлъ оставить и церкви безъ патріарха, тѣмъ больше, что по ученію самихъ Грековъ независимый царь (каковъ былъ царь болгарскій) не могъ допустить подчиненности своей церкви. Кромѣ этой политической причины, другою причиной, побуждавшей искать независимости, были церковныя злоупотребленія, на которыя жаловался уже Борисъ. Особенное значеніе получаютъ эти стремленія Симеона потому, что этотъ царь, получившій образованіе въ Константинополѣ, хорошо зналъ Грековъ и могъ еще болѣе основательно желать іерархическаго отдѣленія Болгаріи отъ Константинополя. Мы увидимъ, что тѣ же стремленія къ независимой отъ Константинополя патріархіи были достигнуты и у Сербовъ.

Независимая іерархія и дѣйствительно основалась. При царѣ Петрѣ, сынѣ Симеона, въ первой половинѣ X вѣка, въ достоинство болгарскаго патріарха возведенъ былъ Даміанъ, съ согласія императора Романа Лакапина и съ утвержденія императорскаго синклита. Но независимая патріархія болгарская удержалась недолго.

Въ 1019 году царство болгарское пало: войны съ Греками кончились перевѣсомъ греческой стороны и императоръ Василій, прозванный Болгарохтономъ („Болгаробойцемъ", убійцей Болгаріи, однимъ изъ подвиговъ котораго было ослѣпленіе 15,000 Болгаръ), ввелъ Болгарію въ число греческихъ провинцій. Болгарскій патріархъ, Давидъ, былъ повидимому низведенъ съ престола; Греки не признавали уже и преемниковъ Даміана патріархами, но они не оспаривали у нихъ и теперь права „автокефальности" т.-е. независимости отъ греческой патріархіи. Столицей этой автокефальной церкви стала Охрида, гдѣ былъ въ концѣ перваго царства престолъ патріарха: въ глазахъ Болгаръ Охрида пріобрѣла потомъ славу древней столицы національной жизни, какъ у насъ Кіевъ; — но несправедливо. Дѣло въ томъ, что автокефалія, существовавшая въ Охридѣ, при завоеваніи царства превратилась изъ болгарской въ греческую, и въ Охридѣ навсегда утвердилась не свободная духовная жизнь Болгаръ, а церковная власть Грековъ надъ ними. Охрида стала средоточіемъ не поддержки, а подавленія національно-славянскаго начала (Голуб. 40). Началось господство Византійцевъ. Но Грекамъ не удалось вполнѣ подавить Болгаріи: постоянно происходили отдѣльныя возстанія недовольныхъ, и наконецъ, черезъ полтораста лѣтъ рабства, двумъ братьямъ, Асѣню и Петру, удалось возстановить болгарское царство (1186), которое при ихъ преемникѣ Іоаннѣ-Асѣнѣ II опять возвысилось до небывалаго прежде могущества: болгарскіе цари назывались въ то время царями „всѣмъ Болгаромъ и Грекомъ". Это новое царство имѣло свои блестящія времена въ XIII столѣтіи, когда оно было страшно для самой Византіи; но вообще судьба его не удалась, единство его не окрѣпло; подъ

вреднымъ вліяніемъ феодализма и религіозныхъ раздоровъ; предѣлы становились тѣснѣе; оно по слабости подпадало вліянію сосѣдей, нѣсколько лѣтъ даже зависѣло отъ Татаръ, потомъ подчинилось сильнымъ Сербамъ и наконецъ, безъ большого сопротивленія покорено было Турками въ 1393.

Второе болгарское царство возобновило стремленія къ церковной независимости, которыя возвращались такимъ образомъ каждый разъ, когда народъ чувствовалъ себя сильнѣе политически. Такъ какъ автокефальная Охрида осталась во власти Грековъ, то новая независимая болгарская церковь была основана въ Терновѣ, столицѣ второго болгарскаго царства; сначала это было архіепископство, а затѣмъ—патріархатъ. Теперь положеніе было очень выгодно: византійскій императоръ, перенесшій свою столицу въ Никею изъ Константинополя, занятаго крестоносцами, искалъ помощи у царя болгарскаго, вступилъ съ нимъ въ родственныя связи и долженъ былъ соглашаться на его требованія. Старое болгарское сказаніе такъ изображаетъ царя, обновившаго болгарское патріаршество — это типическое изображеніе стариннаго южно-славянскаго царя, въ которомъ не трудно видѣть черты византійскаго происхожденія: „Іоаннъ Асѣнь, царь великій и благочестивый, сынъ стараго Асѣня, имѣвшій великую любовь къ Богу, прославившій и просвѣтившій болгарское царство больше всѣхъ царей, прежде него бывшихъ, соорудившій монастыри, украсивъ ихъ златомъ, и бисеромъ, и камнями драгоцѣнными, и всѣ святыя и божественныя церкви одарившій дарами многими, объявивъ имъ чистую свободу; и весь священническій чинъ: архіереевъ, іереевъ и дьяконовъ наградившій великими почестями, но болѣе всего прославившій себя тѣмъ, что съ пламеннымъ желаніемъ *обновилъ патріаршество* болгарскаго царства.“ Терновскій патріархатъ утвержденъ былъ грамотами императорскаго совѣта и вселенскихъ патріарховъ: первымъ терновскимъ патріархомъ былъ Іоакимъ, избранный и рукоположенный въ Лампсакѣ въ 1234 году. Рядъ терновскихъ патріарховъ тянется потомъ до конца XIV столѣтія; послѣднимъ былъ Евѳимій, занимавшій терновскій престолъ во время турецкаго завоеванія.

Историки указываютъ разныя причины паденія Болгаріи. Во-первыхъ, вліянія Византіи, которая дала Болгарамъ ихъ церковное образованіе, законы, обычаи, а вмѣстѣ и свою испорченность. Византійское господство въ промежуткѣ двухъ царствъ особенно открыло путь вреднымъ вліяніямъ, которыя потомъ еще усилились. Далѣе, упадку содѣйствовало богомильство; это мрачное ученіе питало въ народѣ разладъ и враждой къ обществу подрывало самую любовь къ отечеству,— такъ что преслѣдуемые богомилы могли смотрѣть на Турокъ, какъ на освободителей. Наконецъ, третьей причиной былъ феодализмъ. Бояр-

ство, какъ въ Сербіи и Босніи, стремилось къ независимости, и это разъединило политическую силу государства; интересы высшихъ и низшихъ классовъ не сходились. Народъ находился въ томъ притѣсненномъ положеніи, которое дѣлаетъ его равнодушнымъ къ дѣламъ государства, вслѣдствіе чего все общество можетъ оказаться безсильнымъ въ минуту опасности [1]). Оттого между прочимъ въ народѣ съ такимъ успѣхомъ распространялось богомильство, въ которомъ была довольно сильная соціальная струя: успѣхъ ереси въ значительной степени былъ выраженіемъ народной оппозиціи гнету государства и церкви. Въ концѣ-концовъ, какъ злой fatum, явилось турецкое нашествіе. Успѣхъ его едва-ли можно поставить на счетъ одной слабости Болгаръ или вообще балканскаго Славянства: послѣднее было еще въ періодѣ формированія, когда на него обрушились эти бѣды, а сила нашествія была такова, что Турція стала предметомъ страха и для самой центральной Европы: послѣ Болгаріи и Сербіи пала сама Византія, потомъ была завоевана Венгрія, Австрія платила Туркамъ дань, а затѣмъ границы Турціи коснулись Польши и Московскаго царства. Это былъ одинъ изъ потоковъ азіатскихъ нашествій, какія приходилось выдерживать европейскому міру, и Болгарія была смята какъ первое препятствіе. Но она не погибла...

Съ турецкимъ нашествіемъ кончилось политическое существованіе Болгаріи и ея церковная независимость, и началось двойное рабство: трудно сказать, которое было страшнѣе для національнаго существованія—угнетеніе ли отъ турецкаго грабежа и произвола, или угнетеніе отъ константинопольскихъ фанаріотовъ, которые, овладѣвъ болгарской іерархіей, отнимали у народа и остатки матеріальнаго достоянія, и возможность національной образованности. Греческая іерархія, занятая своими денежными интересами, не думала заботиться о духовномъ развитіи народа или по крайней мѣрѣ о сохраненіи прежняго, и Болгарія впадаетъ въ крайнюю матеріальную и нравственную нищету. Этотъ порядокъ вещей, наступившій вскорѣ послѣ турецкаго покоренія, составлялъ до послѣдняго времени существенную черту въ положеніи Болгаріи. Первые проблески возрожденія являются съ конца прошлаго столѣтія, когда успѣшныя войны Россіи съ Турціей давали первую отдаленную надежду; въ нынѣшнемъ столѣтіи эти надежды возрасли, когда рядомъ совершалось освобожденіе Греціи и Сербіи. Болѣе опредѣленное движеніе идетъ съ 1820 — 30 годовъ, и только съ послѣднихъ десятилѣтій является сознательная мысль объ освобожденіи отъ турецкаго ига и отъ ига константинопольскихъ

---

[1]) Jireček, 373—4; ср. Гильфердинга, Сочин. I, 136—138.

фанаріотовъ, которое бы дало возможность прочнаго національнаго возрожденія.

Главныя событія болгарской исторіи.

III — IV в. — Первыя поселенія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.
679— Основаніе перваго болгарскаго государства въ Мизіи.
802— 807 (около). Вступленіе на престолъ Крума († 815).
852— 888. Борисъ-Михаилъ († 907). Крещеніе Болгаръ.
893— 927. Симеонъ. Цвѣтущее время болгарскаго царства.
927— 968. Петръ. Раздѣленіе царства на восточное и западное.
976—1014. Самуилъ.
1018—Паденіе перваго болгарскаго царства.
1186—Возстаніе братьевъ Петра и Асѣня, и второе болгарское царство въ Мизіи.
1197—1207. Калоянъ. Совмѣстная борьба Болгаръ и Грековъ противъ Франковъ, завоевавшихъ Константинополь.
1211—Преслѣдованіе богомиловъ.
1218—1241. Іоаннъ-Асѣнь II. Цвѣтущее время второго болгарскаго царства.
1257—Убійство послѣдняго болгарскаго Асѣня, Михаила.
1258—1277. Константинъ-Асѣнь, Сербъ.
1280—1292. Георгій Тертерій, основатель новой династіи. Нападеніе Татаръ.
1331—1365. Іоаннъ-Александръ. (Раздѣленіе Болгаріи на царства Терновское и Бдинское, т.-е. Виддинское).
[1353—Приходъ Турокъ въ Европу].
1365—1393. Іоаннъ Шишманъ III, послѣдній царь Терновской Болгаріи.
1393—Взятіе Тернова Турками. Паденіе болг. царства и независимой церкви.
1398—Паденіе Бдинской Болгаріи.
[1444—Битва при Варнѣ. 1453—Взятіе Константинополя Турками].
1762—Паисій Самоковскій. Первое начало болгарскаго возрожденія.
1858—1872. Болгарскій церковный вопросъ.
1876—Сербская война. Филиппопольскія убійства.
1877—1878. Война Россіи съ Турціей.

1. Древнія времена.

Литература, развившаяся у Болгаръ, была первой и общей литературой православнаго Славянства. Здѣсь являются древнѣйшіе писатели на томъ языкѣ, которому даютъ названіе старо-славянскаго и который до сихъ поръ остается церковнымъ языкомъ славянскаго православія [1]).

По смерти Меѳодія въ Моравіи (885), преслѣдованіе, которому ученики его подверглись отъ нѣмецко-римскаго духовенства, заставило

---

[1]) Въ указанной выше литературѣ о старо-славянскомъ языкѣ есть свѣдѣнія и о самыхъ памятникахъ. Въ ряду ихъ находится обильное число памятниковъ чисто церковныхъ (переводовъ св. писанія, отцовъ церкви и т. п.) и богослужебныхъ, которые собственно не относятся къ нашему изложенію; мы упоминаемъ о нихъ насколько они свидѣтельствуютъ о размѣрахъ и направленіи литературной дѣятельности южнаго Славянства. Въ приводимыхъ ниже книгахъ заключаются свѣдѣнія о памятникахъ переводныхъ и самостоятельныхъ, церковныхъ и популярныхъ, и отчасти ихъ изданія. Несмотря на значительную разработку этого отдѣла славянской литературы новѣйшими учеными, онъ все еще далеко не изслѣдованъ и даже не описанъ вполнѣ.

ихъ удалиться въ Болгарію, гдѣ дѣятельность ихъ стала началомъ широкаго развитія старо-славянской литературы. Вмѣстѣ съ своими учителями они извѣстны подъ названіемъ св. Седмичисленниковъ (у Болгаръ, „Седмопочетни“): кромѣ Кирилла и Меѳодія, это были Климентъ, Гораздъ, Наумъ, Ангеларъ и Сава. Особенно дѣятельнымъ изъ этихъ учениковъ былъ Климентъ. Вѣкъ царя Симеона былъ золотымъ вѣкомъ болгарской письменности. Самъ Симеонъ былъ воспитанъ въ Константинополѣ и получилъ даже названіе полу-Грека за свою византійскую ученость; въ Константинополѣ онъ сдѣлался и ревностнымъ христіанскимъ книжникомъ. Онъ покровительствовалъ новому просвѣщенію своего народа, вызывалъ богословскіе труды, переводы съ греческаго и т. п.: современники его, какъ напр. составитель извѣстнаго Симеонова (Святославова) „Изборника“, сплетаютъ ему похвалы, напыщенныя по-византійски. Замѣчено было не безъ основанія, что въ переводахъ, сдѣланныхъ по его порученію, проглядываетъ не случайный, а намѣренный выборъ, и что онъ повидимому желалъ широко пересадить въ Болгарію греческое образованіе, Онъ не только самъ находилъ время заниматься переводами, но собралъ у себя цѣлый кругъ образованныхъ людей, и по свидѣтельству одного изъ нихъ „исполнилъ книгами свои палаты“. Поэтому время Симеона было особенно благопріятно и для утвержденія христіанства, и для распространенія письменности: здѣсь было ей положено прочное основаніе.

— Шафарикъ, Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku, Čas. Česk. Mus. 1848; Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Прага, 1850; 2-е изд. 1873.

— Упомянутые выше труды о Кириллѣ и Меѳодіѣ, о глаголической письменности.

— К. Калайдовичъ, Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій. Спб. 1824. f°.

— П. Кёппенъ, Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи. Спб. 1827.

— С. Палаузовъ, Вѣкъ болгарскаго царя Симеона. Спб. 1852; Грамота патр. Каллиста («Извѣстія», VII); Синодикъ царя Бориса («Временникъ» М. Общ. 1855. кн. 21).

— Изданія памятниковъ въ «Извѣстіяхъ» петербургской академіи, въ «Чтеніяхъ Моск. Общества», въ сербскомъ «Гласникѣ», хорватскомъ «Радѣ» въ трудахъ Востокова, Миклошича, Рачкаго, Ягича, Бодянскаго, Буслаева, Тихонравова, Ламанскаго и друг.

— Цѣлый рядъ изданій и изслѣдованій Срезневскаго: Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ. Спб. 1865; Древніе славянскіе памятники юсоваго письма. Спб. 1868; Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1866—76. 2 ч. (LXXX статей).

— Андрей Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи. 2. ч. М. 1866—69; Изборникъ, М. 1869.

— Инвентари рукописныхъ собраній гр. Толстаго, Царскаго (нынѣ гр. Уварова), б-ки Моск. Общества, составленные П. Строевымъ (первый, вмѣстѣ съ Калайдовичемъ), а въ особенности подробные каталоги и описанія рукописей, какъ Востокова: Описаніе рукописей Румянц. Музеума. Спб. 1842; Горскаго и Невоструева: Описаніе слав. рукоп. Моск. Синод. библіотеки. М. 1855—71; Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго (съ добавленіями А. Викторова). М. 1870; Андрея Попова: Описаніе рукописей б-ки А. И. Хлудова. М. 1872, и Первое Прибавленіе. М. 1875; В. Ламанскаго: Описаніе нѣкоторыхъ слав. рукописей, хранящихся въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864, и проч.

Ученики Кирилла и Меѳодія, бѣжавшіе въ Болгарію, дѣйствовали во-первыхъ какъ распространители христіанства, и память ихъ до послѣдняго времени сохранилась особенно въ юго-западномъ болгарскомъ краѣ. Они дѣйствовали и путемъ литературнымъ.

Самъ царь Симеонъ, какъ сказано, занимался литературными трудами. Ему приписываютъ переводъ обширнаго собранія словъ Іоанна Златоуста (числомъ 135), подъ названіемъ „Златоструй" (старѣйшій списокъ XII в.), хотя онъ вѣроятно не самъ, или не всѣ ихъ переводилъ.

Климентъ, называемый въ заглавіяхъ его сочиненій „епископомъ словенскимъ", былъ епископомъ величскимъ и оставилъ не мало сочиненій, до сихъ поръ однако вполнѣ не изданныхъ и не изслѣдованныхъ (ум. 916). Это — проповѣди, похвальныя слова святымъ, и, какъ полагаютъ, житія славянскихъ апостоловъ (такъ-называемыя паннонскія житія) и похвальныя слова имъ. Самая дѣятельность его еще невыяснена, и нѣкоторые ученые (напр. Голубинскій) сомнѣваются, былъ ли онъ дѣйствительно ученикомъ Кирилла и Меѳодія [1].

Горазду, одному изъ св. Седмичисленниковъ, Шафарикъ находилъ возможнымъ приписать паннонское житіе Меѳодія. Извѣстны о немъ только отзывы какъ объ ученѣйшемъ мужѣ, который въ совершенствѣ зналъ языки греческій и славянскій, и былъ важнѣйшимъ сотрудникомъ Меѳодія.

Другой плодовитый писатель временъ Симеона былъ Іоаннъ, извѣстный подъ именемъ „экзарха болгарскаго", которому принадлежатъ: переводъ богословія Дамаскина подъ названіемъ *Небеса; Шестодневъ*, заключающій толкованіе первыхъ главъ Моисея о твореніи міра; переводъ греческой грамматики Дамаскина, приноровленный къ славянскому языку; переводъ его же діалектики, или философіи, и наконецъ нѣсколько поучительныхъ словъ. У Іоанна очевидно преобладаютъ ученыя стремленія. Шестодневъ („Шестоденье, съписано Іоанномъ презвитеромъ ексархомъ отъ св. Василія, Іоана и Сеуріяна, и Аристотелѣ философа и инѣхъ") составленъ по византійскимъ источникамъ и образцамъ: Василію Великому, Іоанну Златоусту, Северіану Гевальскому и совершенно сохраняетъ ихъ манеру; экзархъ цитируетъ и языческихъ мудрецовъ Греціи, напр. Платона, Аристотеля, Ѳалеса, Діогена и т. д., но для того только, чтобъ обличать ихъ ложныя языческія понятія объ излагаемомъ имъ предметѣ. Въ прологѣ къ этой книгѣ, Іоаннъ обращается къ царю Симеону; въ началѣ шестого слова онъ описываетъ великолѣпіе княжескихъ палатъ, храмовъ и величіе самого князя.

---

[1]) См. Ундольскаго, въ «Чтеніяхъ М. Общ.» 1848, № 7; его же: Объ открытіи и изданіи твореній Климента, въ «Бесѣдахъ» Любит. Словесности. М. 1867. I, 31—38; Палаузова, Вѣкъ ц. Симеона, 86; Голуб. 169, 569.

Къ церковному поученію относятся труды епископа Константина, котораго называютъ въ числѣ учениковъ Кирилла и Меѳодія и дѣятелей вѣка Симеона; онъ переводилъ проповѣди Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ, поученія Златоуста и т. д. съ собственными прибавками, и наконецъ написалъ еще молитву въ стихахъ, гдѣ говорится между прочимъ о крещеніи славянскаго племени—это первый въ славянской письменности памятникъ искусственной поэзіи. Назовемъ еще монаха Храбра, котораго статья „о письменахъ" стала потомъ классической для старинныхъ букварей и даетъ древнѣйшее свидѣтельство объ изобрѣтеніи и характерѣ древнѣйшей славянской азбуки: Храбръ писалъ въ то время, когда „были еще живы люди, видѣвшіе Кирилла и Меѳодія", слѣдовательно въ X столѣтіи.

Были безъ сомнѣнія и другіе писатели и переводчики; мы не знаемъ ихъ именъ, но результатомъ труда ихъ остались, кромѣ упомянутыхъ, другіе многочисленные переводы изъ отцовъ церкви, которые должны быть отнесены къ этой древнѣйшей эпохѣ болгарской литературы: отчасти они и сохранились въ очень древнихъ спискахъ. Такъ, къ X—XII вѣкамъ должны быть отнесены переводы поученій Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго, Ѳеодора Студита, Лѣствицы Іоанна Лѣствичника, „Пандекта" или поучительныхъ словъ Антіоха, толкованій на Псалтырь, приписываемыхъ Аѳанасію Александрійскому, нѣкоторыхъ другихъ толкованій на разныя книги св. Писанія; переводы „Пролога", или сборника краткихъ житій святыхъ, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пространныхъ житій.

Кромѣ собственно-церковныхъ поучительныхъ книгъ, въ этой литературѣ появляются и другого рода произведенія. Какъ въ трудахъ Іоанна Экзарха выразилось намѣреніе усвоить болгарской письменности научное содержаніе, такъ о томъ же свидѣтельствуетъ знаменитый Симеоновъ „Сборникъ" (переписанный потомъ въ 1073 г. для русскаго князя Святослава, и извѣстный также съ именемъ этого князя), заключающій въ себѣ „сборъ отъ многихъ отецъ, вкратцѣ сложенъ, на память и на готовъ отвѣтъ", гдѣ находятся выписки изъ св. отцовъ и также свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ тогдашняго знанія [1]).

Далѣе, былъ здѣсь цѣлый отдѣлъ книгъ историческихъ, именно рядъ переводныхъ византійскихъ хронографовъ (въ перечисленіи ихъ мы выйдемъ однако и за предѣлы древняго періода). Такова хроника Іоанна *Малалы:* „Изложеніе о лѣтѣхъ миру"; славянскій текстъ не есть впрочемъ чистый переводъ греческаго подлинника, но особая компиляція, гдѣ Малала дополненъ изъ другихъ источниковъ; допол-

[1]) Общіе обзоры этой литературы послѣ Шафарика, у Иречка, Gesch. der Bulgaren; Голубинскаго, Ист. церкви; — частности въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, особенно у Срезневскаго, Горскаго и Невоструева и т. д.

неніе составляютъ *Палея*, или исторія ветхаго завѣта, и *Александрія*, или баснословная исторія Александра Македонскаго. Переводчикомъ Малалы считали обыкновенно пресвитера Григорія, но имя его стоитъ въ томъ мѣстѣ компиляціи, гдѣ нѣтъ вовсе текста Малалы, и указаніе его труда можетъ относиться скорѣе къ ветхозавѣтнымъ дополненіямъ. Но переводъ вѣроятно принадлежитъ вѣку Симеона, и въ XII столѣтіи имъ уже пользовались русскіе лѣтописцы. Еще больше отразилась въ русской лѣтописи хроника *Георгія Амартола*. Онъ имѣлъ два различные старославянскіе перевода: одинъ болгарской редакціи („Временьникъ въпростѣ" и пр.), другой — сербской („Лѣтовникь вькратцѣ" и пр.); первая послужила однимъ изъ источниковъ для русской древней, такъ-называемой Несторовой лѣтописи, и есть мнѣніе, что самый переводъ ея сдѣланъ былъ не въ Болгаріи, а на Руси. Отношеніе самыхъ редакцій Амартола таково, что главный изслѣдователь ихъ, Ундольскій, предположилъ для нихъ два разные греческіе оригинала, и отличалъ „Георгія грѣшника" (Амартола) болгарской редакціи отъ „Григорія мниха" сербской. Окончательное выясненіе дѣла затруднено тѣмъ, что славянскій Амартолъ, какъ и Малала, остается доселѣ неизданнымъ. Не изданъ также еще одинъ замѣчательный болгарскій переводъ—греческаго хрониста Константина *Манассіи*, принадлежащій впрочемъ средне-болгарскому періоду, именно половинѣ XIV в. На югѣ сдѣланъ былъ и переводъ хроники *Симеона Метафраста*: „Съписаніе мира отъ бытія и лѣтовникъ". Въ компиляціи изъ Малалы, находятся значительные отрывки изъ *Іосифа Флавія*, которые заставляютъ предполагать, что этотъ историкъ также рано явился въ славянскомъ переводѣ. Далѣе, краткая хронологія *Никифора* (напечатанная при изданіи рус. лѣтописей) [1]).

Далѣе упомянемъ о другихъ явленіяхъ болгарской литературы, которыя также должны или могутъ быть отнесены въ древнѣйшій періодъ. Но памятники, сейчасъ указанные, уже открываютъ намъ историческое значеніе болгарской литературы, какъ господствующей литературы православнаго Славянства въ древнемъ періодѣ. Какому бы племени спеціально ни принадлежалъ старо-славянскій языкъ, Болгарамъ неотъемлемо принадлежитъ историческая заслуга основанія на этомъ языкѣ обширной литературы, которая цѣликомъ перешла къ Русскимъ и Сербамъ и доставила готовую опору для развитія ихъ собственной письменности. Эта связь установилась на много вѣковъ; произведенія старо-болгарскихъ писателей сохраняли свое значеніе во всемъ старомъ періодѣ православно-славянской литературы; языкъ сталъ общимъ литературнымъ языкомъ, видоизмѣняясь конечно подъ влія-

[1]) Подробности см. у Андрея Попова, Обзоръ хронографовъ; Ягича, Ein Beitrag zur serb. Annalistik; Archiv, II.

ніемъ мѣстныхъ нарѣчій въ звукахъ и формахъ, но сохраняя общую основу.

Историческое значеніе содержанія этой литературы можно указать слѣдующими словами одного изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ славянской литературной древности, Ягича: „Если за Византійцами почти единогласно признаютъ по крайней мѣрѣ то хорошее, что они были прилежными компиляторами умственныхъ сокровищъ своихъ предковъ, то ихъ славянскимъ ученикамъ, — если когда-нибудь въ Европѣ получатъ понятіе объ ихъ средневѣковой литературѣ, — конечно столь же охотно отдадутъ по крайней мѣрѣ ту скромную похвалу, что они съ своей стороны были прилежными переводчиками византійской учености. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ латинской, нѣтъ другой европейской литературы, которая бы наравнѣ съ старо-славянской (т.-е. старо-славянской съ ея болгарской, сербской и русской отраслями) могла указать въ очень древнемъ переводѣ весь огромный запасъ библейско-богословско-литургическихъ произведеній христіанскихъ Грековъ. Если оставить въ сторонѣ современную оцѣнку этихъ произведеній и живо представить себѣ воззрѣнія тогдашнихъ временъ, по которымъ не было занятія болѣе священнаго чѣмъ это, то этой ревностной переводной дѣятельности славянскихъ среднихъ вѣковъ никакъ нельзя отказать въ извѣстномъ культурномъ значеніи. Конечно, съ нашей нынѣшней точки зрѣнія мы очень охотно отдали бы многіе фоліанты теологическаго хлама за тонкую тетрадку средневѣковыхъ народныхъ пѣсенъ и тому подобнаго“ [1]).

Для общей исторіи литературы изученіе старо-славянской письменности имѣетъ еще тотъ особенный интересъ, что, передавая византійскую литературу, она сохраняетъ отголоски другого движенія, котораго мы еще не можемъ прослѣдить по греческимъ произведеніямъ, сохраняетъ (какъ увидимъ далѣе) памятники, исполненные интереса вообще для изученія общеевропейскихъ средневѣковыхъ сказаній.

Старыя русскія рукописи, древняго и въ особенности средняго періода, представляютъ множество памятниковъ — отечниковъ, поученій, повѣстей, житій, апокрифовъ, книжно-народныхъ преданій, византійскихъ историковъ, которые или несомнѣнно идутъ изъ болгарскаго источника, или по крайней мѣрѣ носятъ слѣды южно-славянскаго происхожденія. Болгарскіе прототипы этихъ произведеній теперь очень рѣдки, потому что болгарскія рукописи терялись въ бѣдствіяхъ позднѣйшей болгарской исторіи, или даже были намѣренно истребляемы Греками со временъ турецкаго покоренія; но русскіе списки, ихъ сохранившіе, даютъ возможность судить о распространеніи старо-болгар-

¹) Archiv für slav. Phil. II, 2.

ской литературы по всей области стараго православнаго Славянства. Большей частью мы не знаемъ и хронологіи этихъ памятниковъ, такъ что исторія ихъ можетъ быть опредѣляема пока только самыми общими чертами.

Характеръ древней, и потомъ средней болгарской литературы, какъ онъ выразился уже у первыхъ писателей, былъ церковно-догматическій, легендарный, историческій, въ византійскомъ смыслѣ. Это были всего чаще переводы церковныхъ писателей греческихъ, а также собственныя произведенія въ той же общей манерѣ, которая большею частію не даетъ возможности открыть спеціальныя народныя черты писателя. Церковный языкъ, установившійся прочно послѣ трудовъ первыхъ болгарскихъ писателей, дѣлалъ эти произведенія общедоступными для всѣхъ грамотниковъ славянскаго православія, Церковныя сношенія Русскихъ съ Болгарами и съ Аѳономъ, ближайшее сосѣдство Сербовъ съ Болгарами установили между ними мѣну рукописей. Аѳонъ игралъ чрезвычайно важную роль въ этой литературной взаимности: каждый славянскій православный народъ имѣлъ тамъ свой монастырь (Зографъ — болгарскій, Хилендаръ — сербскій, Пантелеймоновъ — русскій); эти монастыри были предметомъ благочестивыхъ странствій, собирали значительные вклады и приношенія и принимали дѣятельное участіе въ литературномъ движеніи; здѣсь собиралось и переписывалось множество рукописей, отсюда расходились онѣ въ разныя славянскія земли; Аѳонъ имѣлъ и нѣсколькихъ своихъ писателей [1]).

Впослѣдствіи, когда пали оба царства, и сербское и болгарское, и литература ихъ пришла въ крайній упадокъ, здѣсь продолжали держаться хотя слабыя преданія старины, и какъ нѣкогда книги шли съ славянскаго юга на сѣверъ, такъ теперь шли сюда старыя и новыя церковныя книги съ сѣвера. Сербскимъ и болгарскимъ писателямъ средняго періода,—замѣчаетъ справедливо одинъ историкъ,—было вѣроятно совершенно неизвѣстно многое, что́ за нѣсколько вѣковъ было у нихъ переведено и сохранилось до нашего времени только въ русскихъ спискахъ позднѣйшаго времени, или даже въ самыхъ оригиналахъ очень рано выселилось въ Россію, и еще теперь можетъ быть найдено только тамъ.

---

[1]) Объ Аѳонѣ существуетъ цѣлая обширная литература. Описанія Аѳона см. у Гризебаха, Фалльмерайера (Fragmente aus d. Orient, Stuttg. 1845, II Bd.); Proust, Voyage au Mont Athos, съ хорошими рисунками, въ le Tour du Monde 1860; Pischon, Die Mönchsrepublik des Berges Athos, въ Hist. Taschenbuch, Раумера, IV. I. Leipz. 1860, 3—88. Далѣе: — О сношеніяхъ русской церкви съ святогорскими обителями, Приб. къ Твор. св. отецъ, 1848, I; О жизни Русскихъ на Аѳонѣ, Христ. Чтеніе 1853, ч. II; Сношенія Россіи съ Востокомъ, Спб. 1858; Исторія Аѳона, еп. Порфирія Успенскаго, въ Труд. Кіевск. Акад. 1871. Спеціально со стороны слав. древностей и рукописей описанія Григоровича, Петковича, сербскія книги Аврамовича и др.; со стороны нравоописательной въ настоящее время: «Аѳонъ», Н. Благовѣщенскаго. Спб. 1864.

Но какъ ни замѣчателенъ былъ этотъ „разцвѣтъ“ славянской литературы въ Болгаріи, въ ней съ самаго начала обнаружились двѣ слабыя стороны, которыя такимъ же образомъ отразились и въ русской, и въ менѣе сильной сербской письменности. Болгарская литература приняла изъ Византіи очень мало научнаго знанія, и сама Византія не сдѣлала ничего, чтобы помочь въ этомъ отношеніи Славянству, которое такъ тѣсно примыкало къ ней въ церковномъ ученіи, — хотя имѣла бы для этого полную возможность, такъ-какъ Греки бывали іерархами не только на славянскомъ югѣ, но и въ Россіи. Славянская письменность пріобрѣла отсюда только церковныхъ начетчиковъ, церковныхъ стилистовъ, но не пріобрѣла никакихъ научныхъ свѣдѣній. Южное Славянство не создало самобытной литературы: его политическое состояніе никогда не было надолго прочно и не давало организоваться умственнымъ потребностямъ и силамъ; самая близость къ Византіи дѣлала его особенно доступнымъ ея вреднымъ вліяніямъ; блескъ Константинополя ослѣплялъ его и дѣлалъ только слабымъ подражателемъ. Въ литературѣ свѣжихъ народовъ являются черты старой порчи—панегирикъ, напыщенный стиль, высокомѣрное презрѣніе къ народнымъ массамъ, наконецъ безсодержательность. Въ русской письменности, въ болѣе сильномъ государствѣ, развилась по крайней мѣрѣ обильная лѣтопись. На югѣ не было и этого; самый переводъ греческихъ хронистовъ не пробудилъ историческаго интереса: въ нихъ видѣли преимущественно религіозную сторону, и любима была только хроника съ религіозной окраской. Мы не находимъ въ южно-славянской письменности любопытства ни къ свѣтской, политической исторіи Византіи, ни даже къ тѣмъ писателямъ, которые говорили объ исторіи самихъ Славянъ, какъ Константинъ Порфирогенетъ.

Этотъ, по преимуществу церковный или церковническій характеръ литературы производилъ и другой ея недостатокъ—пренебреженіе къ народной жизни. Литература относилась къ ней враждебно, — жизнь народная въ началѣ была слишкомъ языческая; затѣмъ книжникъ смотрѣлъ свысока на некнижность народной массы; наконецъ, проповѣдникъ аскетической нравственности считалъ вообще нравы и обычаи народа бѣсовскими и грѣховными. Книжники остались глухи и къ лучшимъ чертамъ этой жизни, и не снисходя къ простотѣ народныхъ понятій, да и къ простотѣ истинныхъ христіанскихъ требованій, отдалились отъ народа. Оттого, народная поэзія не отразилась въ литературѣ, которая въ общемъ счетѣ оставалась искусственной областью церковныхъ грамотниковъ. Тотъ же разрывъ съ народной жизнью представляла сербская литература (особенно) и русская (меньше).

Тѣмъ не менѣе поэтическія потребности не могли быть совсѣмъ

заглушены, и дѣйствительно выразились цѣлымъ рядомъ произведеній, книжныхъ по происхожденію, но получавшихъ популярность, и затѣмъ съ одной стороны оставившихъ свой слѣдъ въ народномъ преданіи, а съ другой воспринимавшихъ въ себя это преданіе. Здѣсь опять произведенія старо-болгарскія и средне-болгарскія (доказанныя или предполагаемыя) сдѣлались достояніемъ и сербской, и русской письменности. Это — повѣсти и сказки, героическаго и романическаго содержанія, источникомъ которыхъ также была Византія. Запасъ поэтическихъ исторій, составлявшійся изъ восточныхъ и западныхъ сказаній, существовалъ и въ греческой литературѣ,—и черезъ нее многія изъ нихъ перешли въ письменность южныхъ Славянъ. Таковы были, напримѣръ: *Книгы Олѣксандръ*, извѣстная псевдо-Каллисѳенова исторія объ Александрѣ Македонскомъ, породившая въ Европѣ цѣлый рядъ героическихъ романовъ и въ старо-славянской литературѣ извѣстная въ трехъ различныхъ редакціяхъ. Старѣйшій списокъ этихъ „Книгъ" находится при хронографѣ Малалы XV вѣка, переписанномъ съ рукописи 1261 года, но переводъ долженъ быть еще древнѣе: изъ этой и изъ другой сербской редакціи эта исторія перешла и въ русскія рукописи, идущія до самаго XVIII столѣтія [1]). Далѣе, сказаніе о *Троянской войнѣ* было уже извѣстно по хронографу Малалы въ X вѣкѣ; но кромѣ того существовала особенная редакція этой исторіи, вставленная въ ватиканскомъ спискѣ средне-болгарскаго перевода Манассіи (половины XIV вѣка). Она называется здѣсь: „Повѣсти о извѣствованныхъ вещехъ еже о кралехъ притчѧ и о рожденихъ и прѣбыванихъ", а въ многочисленныхъ русскихъ спискахъ носитъ названіе: „Повѣсть о созданіи и плѣненіи Тройскомъ и о конечномъ разореніи" и проч. Эта исторія, отличная отъ сказанія Дареса и Диктиса, знаменитыхъ въ средніе вѣка, по мнѣнію Востокова представляла пересказъ троянской исторіи на народномъ языкѣ, и Востоковъ уже предположилъ для нея западный, латинскій источникъ. Впослѣдствіи отыскались еще хорватско-глаголическіе тексты этой повѣсти, которые трудно было признать за повтореніе старо-болгарскаго, и Ягичъ приходилъ къ заключенію, что первоначальный текстъ „Притчи" произошелъ гдѣнибудь въ Босніи или сѣверной Далмаціи, гдѣ латинскіе источники и могли быть близки [2]). Затѣмъ, любопытная сказка изъ Тысячи и од-

---

[1]) Объ этой книгѣ и слѣдующихъ далѣе произведеніяхъ, см. въ моемъ «Очеркѣ литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ», Спб. 1857, гдѣ нѣкоторые тексты изданы; затѣмъ «Лѣтописи р. литер. и древности», Тихонравова, и въ особенности многочисленныя изслѣдованія Ягича (въ хорватскихъ изданіяхъ: «Književnik», «Rad jugoslav. Akad.», «Starine», въ «Hist. Knjiž.», въ «Archiv fur slav. Phil.») и А. Н. Веселовскаго.

[2]) Новѣйшія изданія у Ягича: Primjeri starohrvatskoga jezika, Zagr. 1866; Prilozi k hist. knjiž. Zagr. 1868; Миклошичъ напечаталъ текстъ притчи изъ Ватиканской рукописи Манассіи, въ Starine, III, 1871. См. также Дринова, въ «Період. Списаніи» II, 61.

ной ночи: *Синагрипъ, царь Адоровъ и наливскія страны* (въ новыхъ русскихъ спискахъ: „Слово о премудромъ Акирѣ"), находившаяся въ томъ знаменитомъ сборникѣ, гдѣ находилось также Слово о полку Игоревѣ; старѣйшій извѣстный списокъ этого памятника, изъ XV столѣтія, своимъ складомъ и языкомъ не оставляетъ сомнѣнія въ южнославянскомъ происхожденіи этой сказки, зашедшей съ Востока въ Византію и оттуда въ славянскую письменность. Переводъ ея конечно древнѣе старѣйшаго извѣстнаго списка. По содержанію, она характеризуетъ поэтическіе вкусы времени: сказка наполнена мудрыми поученіями и загадками, фантастическими чудесами; она очевидно правилась грамотникамъ (число русскихъ ея списковъ, напр., весьма значительно) и оставила свой слѣдъ даже въ современныхъ южно-славянскихъ сказочныхъ преданіяхъ,—они разсказываютъ напр. о летаніи на грифахъ, описанномъ въ этой сказкѣ, только приписываютъ его другому сказочному герою, Соломону. Греческій текстъ до сихъ поръ еще неизвѣстенъ. Дальше, въ сборникѣ, сохранившемъ Слово о полку Игоревѣ, находился еще одинъ интересный по рѣдкости византійскій героическій романъ, найденный нами въ болѣе новомъ русскомъ спискѣ: это—*Девгеніево Дѣяніе* („Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ человѣкъ, о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія"), также несомнѣнно пришедшее къ намъ изъ старой болгарской литературы. По содержанію повѣсти было очевидно, что это былъ переводный греческій героическій романъ: дѣйствующія лица и событія принадлежатъ землѣ греческой; одно изъ главныхъ основаній повѣсти—противоположность греческой земли съ сарацинскою или аравитскою; герои воюютъ за вѣру и т. д., — что совершенно подходило къ византійскимъ событіямъ временъ борьбы съ Сарацинами. Разсказъ отличается чисто-эпическимъ тономъ, который и южно-славянская редакція передаетъ очень живо. Указанія о происхожденіи этого памятника подтвердились недавно открытіемъ греческой эпопеи X вѣка, которая и была прототипомъ нашего „Девгенія" [1]). Вѣроятно черезъ болгарское посредство появились въ православно-славянской письменности и другія произведенія средневѣковой повѣсти: извѣстная исторія *Варлаама и Іоасафа*, легенда, распространенная и въ литературахъ западной Европы (рукоп. XV столѣтія), и *Стефанитъ и Ихнилатъ*, знаменитая въ средніе вѣка сказочная исторія, имѣющая свое начало въ индѣйской Панчатантрѣ, перешедшая потомъ черезъ персидскій переводъ въ европейскія литературы, въ самыхъ разнообраз-

---

[1]) См. текстъ «Девгенія» въ моемъ «Очеркѣ», Спб. 1857; Веселовскаго, Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ, «Вѣстн, Евр.» 1875, кн. 4; Les Exploits de Digénis Akritas, epopée byzantine du dixième siècle. Par C. Sathas et E. Legrand. Paris, 1875.

ныхъ редакціяхъ. Славянскій переводъ сдѣланъ по греческой редакціи XI вѣка и сохранился главнымъ образомъ въ русскихъ спискахъ; извѣстна впрочемъ и сербская редакція XIV—XV столѣтія. Въ число памятниковъ, несомнѣнно южно-славянскаго, и по всей вѣроятности болгарскаго происхожденія принадлежатъ и фантастическія *Сказанья о царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ*, также извѣстныя теперь преимущественно въ русскихъ рукописяхъ. Это цѣлый рядъ сказочныхъ преданій о царѣ, знаменитомъ на Востокѣ своей мудростью, которая давала ему даже волшебную власть надъ духами,—опять сюжетъ, которымъ воспользовался и западно-европейскій эпосъ среднихъ вѣковъ. Мы не имѣемъ теперь болгарскихъ списковъ этихъ сказаній, но онѣ сохранились очень хорошо у Сербовъ и Русскихъ, или въ разнообразныхъ книжныхъ редакціяхъ, или даже въ народныхъ сказкахъ. Новѣйшія изслѣдованія указываютъ, что сказанія о Соломонѣ обильно отразились даже въ русскомъ былинномъ эпосѣ. Къ этому циклу относятся: „повѣсть царя Давида и сына его Соломона и о ихъ премудрости", гдѣ въ сказочномъ стилѣ разсказывается о бѣгствѣ Соломона изъ родительскаго дома, его похожденіяхъ, о возвращеніи отцовскаго царства, о похищеніи Соломоновой жены царемъ Поромъ и о хитромъ возвращеніи ея; „притча царя Соломана о цари Китоврасѣ", гдѣ Китоврасъ занимаетъ мѣсто царя Пора предыдущаго сказанія; „повѣсть о Китоврасѣ", странномъ чудовищѣ, которое было побѣждено Соломономъ и употреблено для строенія іерусалимскаго храма; „сказаніе о премудрости царя Соломана и о южской царицѣ и о философѣхъ", гдѣ между прочимъ мудрость Соломона доказывается хитрымъ угадываніемъ загадокъ; „повѣсть о царѣ Дарьянѣ", наконецъ знаменитые „Соломоновы Суды" [1]). Греческіе тексты главныхъ сказаній о Соломонѣ также еще неизвѣстны.

О повѣстяхъ съ преобладающимъ религіознымъ содержаніемъ и направленіемъ скажемъ далѣе.

Таково было блестящее начало болгарской письменности, доставившее Болгаріи значительную роль въ развитіи другихъ православныхъ Славянъ. Но независимо отъ правительственно-церковнаго просвѣщенія Болгаріи, которое налагалось, кромѣ убѣжденія, и силой (усмиреніе боярскаго возстанія противъ Бориса), шло свободное народное движеніе, ставшее наконецъ своего рода оппозиціей: въ немъ инстинктивно вы-

[1]) Замѣчательную разработку этихъ сказаній представляетъ книга Веселовскаго: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ». Спб. 1872. Относительно связи этихъ сказаній съ нашей былиной, см. интересное изслѣдованіе Ягича, въ Archiv, I. 82—133.

сказывалась масса, желавшая сохранить старыя преданія или увлекавшаяся инымъ ученіемъ, которое приходилось по ея вкусу больше, чѣмъ византійская книжность и формализмъ. Такова исторія болгарскихъ *басней*, которыя, какъ и церковная литература, переходили къ другимъ православнымъ Славянамъ и произвели въ свое время такое дѣйствіе, что послѣдніе отголоски ихъ и донынѣ живутъ въ народномъ преданіи. Въ этихъ „басняхъ“, представляющихъ народно-религіозную миѳологію, и въ упомянутой литературѣ повѣстей, собственно говоря, и заключается единственный чисто-литературный элементъ старо-болгарской письменности. Историческія изслѣдованія только въ послѣднее время обратились къ этой книжно-народной области, но уже успѣли дать любопытные результаты для исторіи средневѣкового народнаго міровоззрѣнія.

Не смотря на то, что уже Борисъ, по словамъ одного панегириста, „озарилъ Болгарію семисвѣтнымъ свѣтильникомъ“, основавши семь соборныхъ церквей, современникамъ Симеона, напр. Іоанну Экзарху, приходилось жаловаться на „скверныхъ манихеевъ и поганыхъ“ (т.-е. язычниковъ) „Словенъ“. Очевидно, язычество не вдругъ уступало христіанству, и какъ всегда бываетъ, даже обратившіеся не могли скоро отстать отъ языческихъ понятій, съ которыми народъ жилъ цѣлые вѣка. Такимъ образомъ, рядомъ съ христіанствомъ существовали цѣликомъ и языческія преданія народной миѳологіи и космогоніи. Это могъ быть одинъ элементъ, изъ котораго развилось указанное нами явленіе. Другимъ его элементомъ было богомильство. Какъ полагаютъ, между ними произошло сближеніе и сліяніе.

Ересь *богомиловъ* [1]) распространившаяся въ Болгаріи одновременно съ введеніемъ христіанства, была ересь дуалистическаго характера, занесенная изъ Азіи. Первымъ отдаленнымъ источникомъ богомильства была манихейская ересь (основ. въ III вѣкѣ), изъ которой возникло позднѣе павликіанство; другимъ источникомъ была ересь мессаліанская. Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію болгарской ереси было то обстоятельство, что византійскіе императоры, съ половины VIII вѣка, для защиты своей сѣверной границы переселили изъ Арменіи и Малой Азіи во Ѳракію (заселенную Болгарами) армянскихъ павликіанъ. Бо-

---

[1]) Объ исторіи богомильства см. Euthymii Zygadeni, Narratio de Bogomilis, ed. Gieseler, Gott. 1842;—Petrus Siculus, Historia Manichaeorum, ed. Gieseler, Gott. 1846;—Schmidt, Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois;—Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte, и друг.;—Гильфердингъ, Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Собр. Соч. т. I; Kollár, Cestopis (Spisy Jana Kollára, изд. 1862, т. 3-й), стр. 199—207. Новѣйшія изслѣдованія: д-ръ Божидаръ Петрановичъ, Богомили, црьква босаньска и крьстяни. У Задру 1867; Н. Осокинъ, Исторія Альбигойцевъ, Казань, 1869; Fr. Rački, Bogomili i Patareni, Rad jugosl. Akad. т. VII, VIII, X; Левицкій, Богомильство, Болг. ересь X—XIV в. Спб. 1870; Голубинскій, Исторія церкви 154—165, 567 и слѣд., 706; Райчо Королевъ (или Карòлевъ), О богомильствѣ, Період. Спис., Браила, кн. III—VIII.

рисъ вскорѣ послѣ крещенія писалъ уже въ Римъ, что по Болгаріи ходятъ армянскіе проповѣдники; православное христіанство еще не успѣло утвердиться, какъ ересь уже распространялась. Іоаннъ Экзархъ, жившій при царѣ Симеонѣ, коритъ остававшихся язычниковъ и еретиковъ—„да ся срамляютъ убо вси *пошибени* и *скверніи Манихеи* и вси погани (т.-е. язычники) Словени и вси языцы зловѣрніи".... При Симеонѣ и особенно его преемникѣ, Петрѣ, богомилы уже возбудили живѣйшее безпокойство въ ревнителяхъ вѣры. Въ царствованіе Петра явился знаменитый ересіархъ, попъ Богомилъ (онъ же вѣроятно — „Іеремія, попъ болгарскій"), имя котораго стало именемъ цѣлой ереси. Его пропаганда заслонила всѣ прежнія попытки манихейства и дала сектѣ ея особенный, славянскій и народный характеръ. Богомилъ выбралъ между своими учениками *апостоловъ*, и его проповѣдь имѣла обширный успѣхъ. Богомильство распространялось тогда повидимому совершенно свободно; по историческимъ преданіямъ, сынъ царя Самуила, Гавріилъ и его жена были богомилы. Съ той же силой богомильство переходитъ и въ XII столѣтіе: цѣлые болгарскіе края были наполнены еретическимъ населеніемъ. Церковь конечно постоянно отвергала и осуждала еретиковъ и въ Болгаріи и въ Греціи; позднѣе поднимались противъ нихъ суровыя преслѣдованія, которыя впрочемъ не искоренили ереси.

Въ чемъ же состоитъ историческое значеніе богомильства? Исторія его представляетъ замѣчательный и рѣдкій фактъ движенія, переходившаго изъ славянскаго источника въ историческую жизнь западной Европы. Послѣднимъ результатомъ этой исторіи манихейскаго богомильства было то, что Болгарія стала для южной Европы источникомъ, откуда новая ересь подъ именами патареновъ, катаровъ, альбигойцевъ и др. распространилась не только по славянскимъ землямъ Балканскаго полуострова, но и въ Италіи и южной Франціи, гдѣ еретики этого направленія были даже въ прямыхъ сношеніяхъ съ южно-славянскими еретиками. Въ другихъ славянскихъ земляхъ полуострова, въ Босніи и Далмаціи, богомильство пустило такіе крѣпкіе корни, что на его сторонѣ долгое время бывали семейства бановъ и королей и даже высшее духовенство.

Вѣроятно то обстоятельство, что новѣйшіе историки обратили особенное вниманіе на богомильство, побудило нынѣшнихъ Болгаръ видѣть въ немъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ своей исторіи, почти предметъ національной гордости. Они готовы считать его національнымъ произведеніемъ и исторической заслугой [1]). Но, во-первыхъ, мно-

---

[1]) Въ новой болгарской литературѣ встрѣчаются такія выраженія, что въ «богомильскомъ ученіи и литературѣ преимущественно воплотилась народная философія, народное міросозерцаніе» и т. п. Період. Спис. II, 32.

гія существенныя черты богомильства были готовыми заимствованы изъ прежнихъ сектъ, манихейскаго павликіанства, у мессаліанъ или евхитовъ, и богомильство было только видоизмѣненіемъ и развитіемъ этихъ сектъ. Во-вторыхъ, связь богомильства съ народнымъ міросозерцаніемъ доселѣ съ точностью не опредѣлена: несомнѣнно, что многое *изъ* богомильства проникло въ народныя понятія; но мы не знаемъ, сколько *въ него* вошло народнаго элемента, напр. предполагаемаго славянскаго дуализма. Ересь начала распространяться въ болгарскомъ Славянствѣ одновременно съ христіанствомъ,—и прежде всего могла имѣть успѣхъ потому, что все-таки была выше народнаго язычества. Послѣ, она находила поводы для своей оппозиціи въ недостаткахъ оффиціальной церкви и гражданскаго устройства. Но болѣе внимательные болгарскіе историки, признавая историческое значеніе этой секты вообще, считаютъ богомильство вреднымъ раздѣленіемъ своего народа. „Въ западной Европѣ, — справедливо замѣчаетъ Дриновъ, — богомильство имѣло добрыя послѣдствія для народовъ, потому что съ него начинается та борьба съ властолюбивымъ римскимъ духовенствомъ, которая потомъ избавила народы отъ духовнаго и тѣлеснаго порабощенія римскому папѣ... Они охотно принимали богомильское ученіе, которое отвергало эту власть какъ произведеніе злаго начала, дьявола. Этотъ богомильскій догматъ принимали и съ особенной любовью развивали западно-европейскіе богомильскіе или „болгарскіе" еретики (ихъ между прочимъ и звали Bulgari). Но другіе догматы или не принимались, или толковались различно... Въ Болгаріи же, гдѣ разработывались другія стороны богомильства, именно его вѣроученіе и аскетизмъ, эта ересь имѣла весьма вредныя послѣдствія" [1]).

Немногіе памятники сохранили намъ слѣды борьбы православія съ богомильствомъ. Во главѣ писателей этого рода стоитъ Козьма пресвитеръ, послѣдній представитель дѣятельной эпохи болгарской литературы. Онъ жилъ, какъ полагаютъ, въ правленіе царя Самуила, въ концѣ X вѣка; объ Іоаннѣ Экзархѣ онъ говоритъ, какъ о человѣкѣ, котораго еще помнили въ его время. Козьма написалъ цѣлый рядъ обличеній, въ которыхъ ревностно ратуетъ противъ богомильства и призываетъ другихъ на борьбу противъ ереси. Это — „недостойнаго Козмы прозвитера бесѣды на новоявившуюся ересь Богомилу"; всего извѣстно отъ него 13 бесѣдъ или словъ, которыя наполовину прямо относятся къ богомильству. „Бесѣды" представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ главный, собственно болгарскій источникъ для изученія свойствъ и ученій богомильства въ X столѣтіи [2]).

---

[1]) Историч. Прегледъ, стр. 51—54.

[2]) Бесѣды изданы въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1864, кн. 4—8, по рукописи XV

Другимъ обличителемъ богомильства былъ какой-то Аѳанасій, іерусалимскій мнихъ, отъ котораго остались: „Слово о древѣ разумнѣмъ добру и злу", обращенное къ какому-то Панку; далѣе „Слово о наузѣхъ (волшебныхъ повязкахъ) и о стрѣлцѣ громнѣй", и, быть можетъ, еще статьи о „крестѣ, иже на земли и на леду пишутъ" и о „крестѣ Христовѣ" (или о подножіи креста)—двѣ послѣднія статьи помѣщаются обыкновенно рядомъ съ двумя первыми, обозначаемыми именемъ Аѳанасія. Списки всѣхъ этихъ статей многочисленны въ русскихъ сборникахъ. Всѣ статьи направлены противъ разныхъ лжеученій, въ томъ числѣ богомильскихъ. Въ первомъ словѣ Аѳанасій обличаетъ Панка: „и се слышахомъ: твориши Христа поставлена попомъ, плугомъ и двѣма волома оравше" — Аѳанасій считаетъ это заблужденіемъ латинъ; „а иже то почелъ еси слово Еремѣя прозвитера, еже о древѣ честнѣмъ и о извѣщеніе святыя троица, отъ него же навыкъ звяжеши, то басни лживыя челъ еси" [1]). Во второй половинѣ XII столѣтія обличителемъ богомильства явился Иларіонъ, епископъ меглинскій или могленскій (ум. 1164); онъ тридцать лѣтъ управлялъ могленской епархіей, въ средней части Македоніи, и въ его епархіи большинство населенія принадлежало манихейской, армянской и богомильской ереси. Въ житіи Иларіона, писанномъ Евѳиміемъ, патріархомъ тѣрновскимъ въ XIV вѣкѣ, переданы его пренія съ еретиками. Житіе и пренія очень извѣстны въ русскихъ рукописяхъ.

Успѣхъ богомильства объясняется тѣми его качествами, которыя можно услѣдить въ отзывахъ его обличителей. Народъ увлекался и внѣшними пріемами богомиловъ, и ихъ ученіемъ. Съ одной стороны, по словамъ самихъ обличителей, они были благочестивы, отрекались отъ внѣшней суеты и роскоши, и даже отличались суровымъ аскетизмомъ. Обличители видѣли въ этомъ притворство и обманъ, но аскетизмъ вѣроятно бывалъ у богомиловъ и совершенно искреннимъ фанатическимъ увлеченіемъ, а это вездѣ и во всѣ времена производило дѣйствіе на массу. Съ другой стороны, въ ученіи богомиловъ было множество подробностей, привлекательныхъ для массы: какъ увидимъ, они объясняли желающему множество тайнъ религіи, твореніе міра, спасеніе души, будущія судьбы, — на подобныя объясненія рѣдко рисковали православные учители, боясь отступить отъ буквы ученія; богомилы напротивъ обильно удовлетворяли народную фантазію, которая всегда ищетъ для такихъ вопросовъ осязательнаго разрѣшенія. Въ отношеніяхъ общественныхъ, богомилы отвергали оффиціальную іерар-

вѣка. Два изданы въ «Архивѣ» Кукульевича, кн. 4, по рукописи болѣе новой и неисправно. Первое и главное изъ этихъ изданій осталось неизвѣстно Голубинскому.

[1]) Напечатано въ «Ложн. и отреч. книгахъ» моего изданія; и архим. Леонидомъ въ Моск. Епарх. Вѣдом. 1871, № 3.

хію (ихъ собственная была скопирована съ первобытнаго христіанства), и съ отрицаніемъ ея соединялось отрицаніе всѣхъ господствовавшихъ общественныхъ отношеній: „учатъ же своя си не повиноватися властелемъ своимъ, хулящe богатыхъ, отецъ ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ бояры, мерзки Богу мнятъ (считаютъ) работающихъ царю, и всякому рабу не велятъ работати господину своему". Эти демократическія проповѣди не могли не производить впечатлѣнія въ массѣ, особенно когда онѣ подкрѣплялись у богомиловъ знаніемъ божественныхъ тайнъ, которымъ они хвалились и которое было неизвѣстно оффиціальному клиру. Если они подвергались преслѣдованіямъ клира и властителей, ихъ считали только мучениками за правое дѣло.

Какъ мы сказали, вопросы о твореніи міра, о спасеніи души, о судьбѣ человѣка въ загробной жизни, находили у богомиловъ положительные отвѣты, которые способны были подкупать религіозно-поэтическую потребность народа. Къ сожалѣнію, мы знаемъ невполнѣ подробности богомильскаго ученія и ихъ космогонической системы. Въ нихъ было вѣроятно много варіацій, какъ всегда въ народныхъ религіяхъ, гдѣ многое отдается на произволъ отдѣльныхъ учителей. Одному изъ обличителей богомильства нужно было искать человѣка, отъ котораго бы онъ могъ съ точностью узнать ученіе этихъ еретиковъ. Другой, Козьма, даетъ видѣть, что разногласіе касалось даже самыхъ существенныхъ пунктовъ ученія: „одни, говоритъ онъ, называютъ дьявола творцомъ человѣка и всей божьей твари...; другіе называютъ его отпадшимъ ангеломъ; третьи несправедливо считаютъ его икономомъ (строителемъ)... потому что рѣчи ихъ не сходятся и влекутся въ разныя стороны, какъ гнилое сукно". Главнымъ образомъ богомильство дѣлилось на двѣ школы или „церкви": одна, церковь Дреговичская (ordo de Dugrutia, Drogometia и пр., у западныхъ писателей), держалась старой павликіанской теоріи о совмѣстномъ и исконномъ господствѣ добраго и злаго начала; другая, церковь болгарская (ordo de Burgalia), смягчала дуалистическую теорію, принимая одного верховнаго добраго Бога.

Основой богомильскаго ученія былъ манихейскій дуализмъ — признаніе двухъ началъ, управляющихъ міромъ, добраго и злаго, равно сильныхъ и борющихся. Богомилы положительно отвѣчали на темный вопросъ: „почто Богъ попусти діаволу на человѣки?" Богомильство признавало троицу; но этотъ и другіе христіанскіе догматы, о воплощеніи, о земной жизни Спасителя и т. д. понимало по-своему. Ветхій завѣтъ богомилы отвергали, какъ порожденіе злаго начала, не вѣрили книгамъ Моисея и другихъ пророковъ, думая, что до пришествія Христа люди повиновались злому духу и отъ него получали законъ. Царство Бога на землѣ началось только съ пришествія Спасителя. Исторію творенія міра и человѣка они разсказывали съ разными ле-

гендарными варіантами, но вообще такъ, что могущественный духъ, котораго Спаситель назвалъ Сатаной, самъ былъ сыномъ Бога Отца и назывался Сатанаиломъ; сверженный съ неба за свои гордыя покушенія, онъ сохранилъ силу творчества, и послѣ того, какъ Богъ создалъ небо и землю, Сатанаилъ съ своими ангелами рѣшился создать второе небо и другую землю, и затѣмъ всю тварь, которая наполняетъ землю. Онъ сдѣлалъ потомъ тѣло человѣка, смѣшавши землю съ водою, но не могъ вдохнуть въ него души: онъ дунулъ-было въ Адама, но духъ его прошелъ сквозь тѣло и вылетѣлъ черезъ большой палецъ правой ноги и перешелъ въ змѣю, которая отъ того стала мудрою между животными, такъ какъ въ нее перешелъ духъ Сатанаила. Тогда Сатанаилъ, увидѣвъ, что трудился понапрасну, просилъ Бога вдохнуть душу въ человѣка, и обѣщалъ, что живой человѣкъ будетъ одинаково принадлежать имъ обоимъ... Но впослѣдствіи, Сатанаилъ всегда стремился завладѣть бо́льшимъ количествомъ людей; онъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ, и люди были во власти его во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ. Родъ человѣческій спасенъ былъ отъ власти діавола только Христомъ, который побѣдилъ Сатанаила, заключилъ его въ безднахъ ада и назвалъ его Сатаной.

Богомильство имѣло и свою литературу, — хотя не всегда можно съ точностью выдѣлить ее изъ ряда религіозно-фантастическихъ сказаній, извѣстныхъ по старымъ рукописямъ, и книжно-народныхъ легендъ и суевѣрій, извѣстныхъ въ настоящее время. Слѣды богомильскихъ книгъ остались въ томъ разрядѣ памятниковъ древняго и средняго болгарскаго періода, которые въ особенности служили народнымъ вкусамъ и составили наконецъ особую народно-поэтическую литературу, не признаваемую церковными книжниками и уже издавна строго ими запрещаемую. Это были такъ-называемыя „отреченныя" или „ложныя книги", отчасти темнаго восточнаго происхожденія, ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго, отчасти византійскія, отчасти, несомнѣнно, болгарскія и богомильскія.

Ложными книгами [1]) назывались вообще въ старину: во-первыхъ, древнія апокрифическія, т.-е. подложныя, книги и сказанія о лицахъ и событіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, не принятыя въ христіанскій ка-

[1]) О литературѣ ложныхъ книгъ см. мое изданіе: «Ложныя и отреч. книги рус. старины» (въ Памятникахъ стар. рус. лит., Спб. 1862, вып. 3-й), также «Очеркъ литер. исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ»;—Буслаева, Историч. очерки русской народной словесности и искусства, 2 тома, М. 1861; — Тихонравова, Памятники отреч. литературы, 2 т., М. 1863 и «Лѣтописи рус. лит. и древности»;—Н. Лавровскаго, Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ, въ «Духовн. Вѣстникѣ», 1864, т. IX;— I. Смирновъ, Апокриф. сказанія о Божіей Матери и дѣяніяхъ св. апостоловъ, въ «Правосл. Обозр.» 1873, кн. 4;—И. Порфирьева, Апокриф. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань, 1873 и его же: Ист. рус. Словесн. 2-е изд. Казань, 1876, 224—286;—изданія Срезневскаго, отдѣльные труды Ягича, и замѣчательныя изслѣдованія А. Н. Веселовскаго.

нонъ; затѣмъ книги позднѣйшія, заключавшія въ себѣ фантастическія преданія того же свойства; легендарныя статьи, не стѣснявшіяся церковными указаніями; наконецъ книги волшебныя, гадательныя, суевѣрія и т. п. Ложныя книги древняго восточнаго происхожденія или собственно древніе апокрифы были одинаково распространены въ средніе вѣка на всемъ христіанскомъ востокѣ и западѣ отъ письменности эѳіопской и сирійской до французской, нѣмецкой, англійской, хотя церковь вездѣ строго осуждала и запрещала ихъ. Средніе вѣка дали еще новый слой этой литературы въ новѣйшихъ легендахъ и суевѣріяхъ. Византійская литература была особенно богата ложными книгами, и отсюда — при близкомъ сосѣдствѣ и постоянныхъ связяхъ — эти книги приходили въ Болгарію. Въ болгарской литературѣ этотъ запасъ развился въ цѣлую книжно-народную, религіозно-поэтическую литературу.

Мало извѣстные до послѣдняго времени, славянскіе памятники ложной литературы, переводные и оригинальные, раскрываютъ передъ нами цѣлую область народной религіозной поэзіи православнаго Славянства старыхъ временъ. Въ настоящее время „ложныя книги" всего больше извѣстны по старымъ русскимъ рукописямъ, которыхъ вообще уцѣлѣло гораздо больше, чѣмъ болгарскихъ и сербскихъ. Южно-славянское происхожденіе нашихъ редакцій уже теперь не подлежитъ сомнѣнію и, конечно, опредѣлится еще яснѣе, когда будутъ наконецъ собраны и объяснены уцѣлѣвшія рукописи сербскія и болгарскія, до сихъ поръ извѣстныя очень мало. Изъ ложныхъ книгъ только немногія дошли до насъ въ древнихъ спискахъ, но встрѣчаются однако памятники, восходящіе до XII вѣка [1]) и вполнѣ сохраняющіе старо-славянскую форму, какъ она существовала въ болгарской письменности въ ея древнюю эпоху.

Ложныя книги имѣли повидимому обширный успѣхъ у новообращаемыхъ христіанъ. Ихъ легендарный, почти всегда фантастическій характеръ, ихъ наклонность разъяснять именно самые животрепещущіе пункты христіанскихъ вѣрованій, давали имъ привлекательность, которая сдѣлала изъ нихъ надолго любимое чтеніе и чуть не кодексъ вѣры.

Всего больше успѣха имѣли тѣ изъ ложныхъ книгъ, которыя наиболѣе были доступны массѣ по формѣ и содержанію. Въ этой литературѣ соединилось множество разнообразныхъ преданій. Въ ней были апокрифы Ветхаго Завѣта, отчасти еврейскаго, отчасти христіанскаго происхожденія; были преданія новозавѣтной эпохи, поэтическія ле-

[1]) Таково, для примѣра, «Хожденіе Богородицы по мукамъ», въ рукоп. XII вѣка, изданное г. Срезневскимъ (акад. Извѣстія, 1862).

генды, повѣрья и суевѣрія древнихъ христіанъ; далѣе въ числѣ нашихъ апокрифовъ были чудесныя легенды о святыхъ, въ старину уже отмѣченныя какъ невѣроятныя и сказочныя; наконецъ, книги волшебныя, астрологическія, гадательныя, зелейныя, собранія примѣтъ, суевѣрныя молитвы, мнимо-церковныя правила и т. п. Для новаго христіанина занимательны были преданія о міротвореній, о Спасителѣ, ученикахъ Его, святыхъ и мученикахъ, о концѣ міра и страшномъ судѣ. Изъ Ветхаго Завѣта вниманіе читателя поражалось сказаньями о сотвореніи міра, о зломъ духѣ, о судьбѣ перваго человѣка: здѣсь былъ корень церковной исторіи искупленія; съ другой стороны, крайне завлекательная космогонія. Апокрифическія преданья объ Адамѣ были однимъ изъ любимѣйшихъ пунктовъ ложныхъ сказаній, литературная судьба котораго завершается современными народными разсказами. Другая ветхозавѣтная личность ложныхъ книгъ, поражавшая воображеніе своими фантастическими чертами, былъ царь Соломонъ: на его имени построено было множество миѳовъ и на древнемъ востокѣ, и на средневѣковомъ западѣ; у насъ и у южныхъ Славянъ они дошли до народной сказки. Еще болѣе интереса возбуждали апокрифы христіанскіе; въ нихъ дѣйствовали извѣстнѣйшія лица христіанской исторіи и христіанскаго ученія,—но все прикрашено было сказочными подробностями, какихъ грамотѣй не могъ найти ни въ какой канонической книгѣ. Здѣсь было и преніе Христа съ дьяволомъ, и хожденіе Богородицы по мукамъ, и чудныя исторіи апостоловъ, посланіе съ неба самого Христа, въ послѣдній разъ дававшаго людямъ заповѣдь о спасеніи. Особенный успѣхъ въ народной массѣ давало этимъ памятникамъ то обстоятельство, что они касались именно тѣхъ пунктовъ вѣры, для которыхъ масса стремилась найти положительное объясненіе: вопросы о подробностяхъ творенія, о загробной жизни, о страшномъ судѣ и адскихъ казняхъ и т. д. Обо всемъ этомъ апокрифы говорили съ такими подробностями и въ доказательство называли такіе авторитеты, что неопытный читатель вѣрилъ имъ вполнѣ. Простота формы, состоявшей въ прямомъ положительномъ разсказѣ, въ короткихъ вопросахъ и отвѣтахъ и т. п., дѣлала эти памятники особенно доступными, и они крѣпко затверживались въ народной памяти. Стремясь дать всему полное объясненіе, апокрифы въ своихъ толкованіяхъ разныхъ предметовъ св. Писанія предавались и произвольному символизму, которымъ такъ легко удовлетворяется патріархальное глубокомысліе.

Таковы были въ общихъ чертахъ всѣ эти „слова“, „сказанія“, „хожденія“, „воспросы“, „бесѣды“ и т. д., которые сохранились во множествѣ въ старыхъ русскихъ рукописяхъ, и источникомъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ была для нашей письменности Болгарія. Ихъ

болгарское происхожденіе долго помнилось у насъ и апокрифическое суевѣріе слыло подъ именемъ *болгарскихъ басней* [1]).

Церковь рано обратила вниманіе на эту ложную литературу, чтобы предохранить православныхъ отъ соблазна. Съ этой цѣлью составленъ былъ Индексъ, извѣстный у насъ подъ именемъ статьи *О книгахъ истинныхъ и ложныхъ*, которая, пересчитывая тѣ и другія, представляетъ любопытный указатель запрещаемыхъ ею ложныхъ книгъ. Основаніемъ статьи были греческіе индексы, перечислявшіе неканоническія книги ветхаго и новаго Завѣта; но затѣмъ находятся въ ней другія запрещенія, очевидно основанныя на наличномъ составѣ славянской ложной литературы. Время составленія нашей статьи доселѣ неопредѣлено; впослѣдствіи она (по крайней мѣрѣ въ русскихъ спискахъ) много разъ дополнялась и измѣнялась, но нѣтъ сомнѣнія, что первоначально и она имѣла южно-славянское, и именно болгарское происхожденіе. Древнѣйшій извѣстный текстъ ея находится въ старо-славянскомъ Номоканонѣ XIV вѣка, гдѣ авторство многихъ ложныхъ книгъ уже приписано Іереміи, попу болгарскому [2]).

Изученіе „ложныхъ книгъ" началось только недавно и уже доставило много любопытнѣйшихъ разъясненій средневѣковой христіанской миѳологіи. Большинство памятниковъ ложной литературы уже разъискано, но изслѣдованіе ихъ еще далеко не полно; ихъ дальнѣйшій анализъ, какъ можно и теперь видѣть, долженъ еще расширить наше знаніе древней народной жизни, и вмѣстѣ дать важныя разъясненія для старой византійской и западной народно-поэтической литературы. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы познакомить читателя съ направленіемъ народной фантазіи и вмѣстѣ показать, какое мѣсто занимало въ ложной литературѣ богомильство. Напомнимъ еще разъ, что хотя пользуемся здѣсь и русскими рукописями, мы имѣемъ дѣло съ памятниками несомнѣнно южно-славянскими; въ этихъ памятникахъ раскрывается передъ нами народно-христіанская поэзія и миѳологія не только Болгаръ и богомиловъ, но вообще православнаго Славянства стараго періода, въ которомъ народная масса до самаго XVIII столѣтія была очень привязана къ ложной литературѣ.

Большинство памятниковъ извѣстно по подновленнымъ русскимъ спискамъ средняго періода, XV—XVII вѣка, но нѣкоторые отысканы уже въ старо-славянскихъ рукописяхъ, восходящихъ до XII столѣтія,

---

[1]) Опис. Рум. Музеума, стр. 242.

[2]) Тексты этого Индекса см. въ «Лѣтописи занятій Археограф. коммиссіи» за 1861 г., стр. 1—55; также «Объясненія къ памятникамъ древней русской литературы», въ Русскомъ Словѣ, 1862 г. О литературѣ подлинныхъ греческихъ, латинскихъ и пр. апокрифовъ, и изданіяхъ ихъ см. указанныя выше изслѣдованія о старославянскихъ ложныхъ книгахъ.

и въ южно-славянскихъ редакціяхъ, болгарскихъ и сербскихъ,—такъ что литературное преданіе выясняется фактически.

Ветхозавѣтная исторія представлена была въ слѣдующихъ ложныхъ книгахъ. *Сказанія объ Адамѣ* передаютъ неизвѣстныя Библіи подробности о жизни Адама и Евы въ раю, объ ихъ изгнаніи изъ рая, о покаяніи Адама, о рукописаніи данномъ діаволу, о болѣзни Адама и т. д. съ символическими чертами, долженствующими прообразовать искупленіе. *Отъ книгъ Еноха праведнаго:* отрывокъ, въ рукописи XIV вѣка. Сказанія о *Ламехѣ*, *Мельхиседекѣ*. Сказанія объ *Авраамѣ:* „Откровеніе“ его, въ рук. XIV вѣка, и разсказъ объ его смерти. *Завѣты двѣнадцати патріарховъ* (рук. XIV вѣка). *Исходъ Моисеевъ.* Сказанія о *Соломонѣ*, упомянутыя выше. Въ старо-славянской литературѣ или позднѣе, эта тэма разработана была повидимому самостоятельно и дала начало сказаніямъ, гдѣ преобладалъ не столько религіозный мотивъ, сколько сказочно-чудесный и своего рода романическій. Въ русскихъ спискахъ разсказы о Соломонѣ и Китоврасѣ, Южской или Савской царицѣ и проч. извѣстны съ XV вѣка; онѣ были распространены въ такой степени, что переходили въ народную поэзію, въ сербскихъ сказкахъ и русскихъ былинахъ. *Паралипомена Іереміи. Видѣніе Исаіи* (оба въ рук. XIV вѣка). Слово *о крестномъ древѣ*—одинъ изъ очень распространенныхъ апокрифовъ, о которомъ скажемъ далѣе.

Въ новозавѣтную исторію вступали опять многочисленныя ложныя книги. Сказаніе *Афродитьяна* о чудѣ, бывшемъ въ Персской землѣ, передаетъ о томъ, какъ волхвы въ Персіи узнали о рожденіи Спасителя и пошли привѣтствовать его съ дарами (рукопись XIII вѣка). *Посланіе Авгаря* къ I. Христу. *Евангеліе св. Ѳомы* о дѣтствѣ Христа (рук. XV в.). *Никодимово Евангеліе:* о страданіяхъ и смерти Спасителя. *Написаніе* I. Христа *въ іерейство. Посланіе Пилата* къ Тиверію кесарю: объ I. Христѣ. *Хожденіе апостоловъ* Петра, Андрея, Матѳея, Руфа и Александра. Хожденіе *Зосимы* къ Рахманамъ. Затѣмъ цѣлый рядъ чудесныхъ откровеній, неизвѣстныхъ каноническимъ книгамъ. *Воспрашанье* апост. Варѳоломея къ Спасителю послѣ его воскресенія, о томъ, какъ Христосъ сходилъ въ адъ, и къ Богородицѣ — о тайнѣ зачатія (рук. XIV вѣка). *Хожденіе Богородицы по мукамъ:* очень поэтическій разсказъ о посѣщеніи Богородицей ада и просьбахъ ея за мучимыхъ грѣшниковъ (рук. XII в.). *Вопросы* Іоанна Богослова къ Христу на горѣ Ѳаворской (рук. XIV в.). *Вопросы* Іоанна Богослова Аврааму о загробной жизни. *Хожденіе ап. Павла* по мукамъ. *Слово Меѳодія Патарскаго* о царствіи языкъ послѣднихъ временъ: одинъ изъ самыхъ распространенныхъ памятниковъ южно-славянской старины, извѣстный въ очень различныхъ редакціяхъ; сохранившіеся списки

идутъ съ XIV вѣка, но памятникъ былъ уже извѣстенъ древнимъ русскимъ лѣтописцамъ. Далѣе, рядъ житій, или столь удалявшихся отъ общепринимаемой легенды, или столь богатыхъ фантазіей, что уже въ тѣ времена онѣ были запрещаемы, какъ ложныя. Таковы: *Георгіево мученіе* (рук. съ XIV вѣка); *Никитино*, *Ипатіево*, *Иринино* мученія; житіе *Θеодора Тирона*; сказаніе о *пустынникѣ Макаріи*, жившемъ въ 20 поприщахъ отъ рая и видѣвшемъ, гдѣ небо сходится съ землею.

Затѣмъ въ числѣ ложныхъ книгъ запрещались отдѣльныя статьи, трактовавшія о религіозно-космогоническихъ предметахъ, какъ „Бесѣда трехъ святителей"; „Вопросы, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ" и т. п.; „худые номоканунцы" съ мнимыми церковными правилами; ложныя молитвы; „Епистолія о недѣлѣ", письмо, будто бы писанное Христомъ о почитаніи воскреснаго дня и будто бы упавшее съ неба (рук. XIV в.); примѣты о добрыхъ и злыхъ дняхъ; наконецъ книги астрологическія и гадательныя, напр. *Громникъ*, *Молніяникъ*, *Колядникъ, Звѣздочтецъ*, *Трепетникъ* и проч.

Названные здѣсь памятники, изданные только въ недавнее время, не истощаютъ всего содержанія Индекса; кромѣ того, самый Индексъ не обнимаетъ всего запаса религіозно-фантастической литературы: этотъ послѣдній характеръ носятъ часто и тѣ легенды, которыя не были помѣщены въ Индексѣ, даже зачисляемы были въ разрядъ „книгъ истинныхъ" и однако мало отличались отъ того, что́ считалось „отреченнымъ и ложнымъ". Таковы были напр. „Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и трехъ отрокахъ"; житіе Нифонта (рук. XII—XIII в.; „истина" котораго иными впрочемъ заподозривалась), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ образчиковъ монашескаго мистицизма; разныя другія черты легендарной литературы, напр. „чудо св. Николы", гдѣ является дѣйствующимъ лицомъ даже царь Синагрипъ изъ упомянутой выше сказки, и т. п.

Мы замѣчали уже объ обще-историческомъ значеніи этой литературы. Въ старо-славянскихъ переводахъ сохраняется цѣлый рядъ памятниковъ византійскихъ, которые или не уцѣлѣли, или доселѣ не отысканы въ греческихъ подлинникахъ; или же въ нихъ сохраняются особенныя редакціи, которыя могутъ служить для исторіи греческихъ текстовъ. Таковы напр. сказанія о Соломонѣ, о царѣ Синагрипѣ; до недавняго времени только старо-славянскій „Девгеній" (въ позднемъ русскомъ спискѣ) указывалъ на существованіе византійскаго „Дигениса"; сказаніе о „Вавилонскомъ царствѣ" доселѣ остается такимъ указаніемъ на неизвѣстный греческій текстъ; апокрифическое „Видѣніе Исаіи" также еще неизвѣстно въ полномъ греческомъ текстѣ и т. д. При этомъ положеніи вещей, анализъ старо-славянскихъ памятниковъ даетъ иногда связующую нить восточныхъ и западныхъ сказаній,

и историки средневѣковой литературы нашли бы въ нашихъ текстахъ важныя разъясненія [1]). Далѣе, изученіе славянскихъ памятниковъ древняго и средняго періода важно въ частности для изученія богомильства и связанныхъ съ нимъ западныхъ ересей. Наконецъ, эти памятники существенно важны въ собственной книжной исторіи православнаго Славянства.

Мы видѣли выше, что оффиціальный клиръ отнесся съ пренебреженіемъ и враждой къ народной жизни, ея патріархально-бытовому обычаю и поэзіи — такъ было одинаково у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ. Но клиръ конечно не могъ истребить „бѣсовскихъ" пѣсенъ; поэтическая потребность не могла быть истреблена, и народъ съ одной стороны сохранялъ и создавалъ свою особую область поэтическихъ преданій, съ другой изъ преданія и ученія христіанскаго извлекалъ всего охотнѣе именно тѣ поэтическіе мотивы „ложныхъ книгъ", которые осуждалъ оффиціальный клиръ. Запрещенія Индекса дѣйствовали мало; духовенство въ большинствѣ было мало образовано, да средневѣковой уровень вообще былъ безсиленъ противъ фантастическаго, и оно обильной струей вошло въ народныя понятія. Съ другой стороны духовенство мало могло мѣшать богомильству при бытовыхъ свойствахъ, какія пріобрѣтало: клиръ слишкомъ скоро сталъ превращаться въ касту, въ союзника князей и властелей, такъ что богомильство съ своими, хотя странными аскетическо-демократическими идеями получало успѣхъ какъ отзывъ на народные инстинкты.

Богомилы, какъ говорятъ, были особенными приверженцами и распространителями „ложныхъ книгъ". Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ пользовались у нихъ особеннымъ уваженіемъ; другія были ихъ спеціальнымъ произведеніемъ.

Въ Индексѣ между прочимъ упоминается книга: *Воспросы Іоанна Богослова къ Господу* [2]). Этотъ апостолъ пользовался особымъ почитаніемъ у богомиловъ, которые считали его ангеломъ; поэтому вѣроятно апокрифическіе „Воспросы" занимали не послѣднее мѣсто въ богомильскихъ книгахъ. Но повидимому, ни каноническій Апокалипсисъ, ни даже Апокалипсисъ апокрифическій (переведенный съ греческаго) не удовлетворяли мистическимъ идеямъ еретиковъ, и это вѣроятно было поводомъ къ сочиненію книги, которая ближе излагала ихъ ученіе и могла быть принята за его кодексъ.

Такая апокрифическая книга Іоанна Богослова пользовалась авторитетомъ у альбигойцевъ, къ которымъ она была принесена изъ Бол-

[1]) Укажемъ напр. изслѣдованія г. Веселовскаго о Соломоновскихъ сказаніяхъ, о Меѳодіѣ Патарскомъ и императорской сагѣ, о Вавилонскомъ царствѣ, объ Епистоліи, о Снахъ царя Мамера, и друг.

[2]) Изданы, въ разныхъ редакціяхъ, у Тихонравова, Отреч. книги, 2, 174—192.

гаріи, отечества богомиловъ. Латинская редакція ея издана была доминиканцемъ Бенуа въ его исторіи альбигойцевъ и потомъ перепечатана у Тило [1]). Въ латинской рукописи замѣчено, что „эта тайная книга конкорезскихъ еретиковъ принесена была изъ Болгаріи Назаріемъ, ихъ епископомъ, и наполнена заблужденіями“ (hos est secretum Haereticorum de Concoresio portatum de Bulgaria a Nazario, suo episcopo, plenum erroribus). Такимъ образомъ латинская книга сохраняетъ богомильскій памятникъ, который въ этомъ видѣ доселѣ не былъ найденъ въ славянскихъ рукописяхъ, и можетъ войти въ наше изложеніе какъ отголосокъ болгарскаго богомильства—въ той его школѣ, гдѣ рѣзкій манихейскій дуализмъ являлся уже въ болѣе смягченной формѣ. Книга конкорезцевъ состоитъ въ вопросахъ Іоанна и отвѣтахъ Христа, который говоритъ ему въ началѣ—о состояніи злыхъ духовъ до ихъ паденія, о созданіи міра и человѣка, и въ концѣ—о второмъ пришествіи. Одна редакція нашихъ апокрифическихъ „Воспросовъ“ соотвѣтствуетъ этой второй половинѣ латинской книги.

Латинская книга представляетъ чрезвычайно любопытный матеріалъ для исторіи альбигойской ереси и болгарскаго богомильства. Латинская книга, занесенная изъ Болгаріи, даетъ возможность прослѣдить богомильское еретичество въ нашихъ памятникахъ и народныхъ преданьяхъ.

Послѣ перваго вопроса Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Христа о томъ, въ какой славѣ былъ Сатана прежде своего паденія? Онъ повелѣвалъ небесными силами,—отвѣчаетъ Христосъ,—и сходилъ съ неба въ преисподнюю и изъ преисподней до престола невидимаго Отца. Онъ возгордился потомъ и рѣшился возстать противъ Него и возмутилъ другихъ ангеловъ. „И онъ видѣлъ славу движущаго небесами, и замыслилъ поставить свое сѣдалище надъ облаками небесъ и хотѣлъ быть равенъ Всевышнему. И когда онъ сошелъ въ воздухъ, онъ сказалъ ангелу воздуха: отвори мнѣ двери воздуха,—и тотъ отворилъ ему двери воздуха. И стремясь далѣе, онъ нашелъ ангела, державшаго воды, и сказалъ ему: отвори мнѣ двери водъ, и отворилъ ему. И прошедши, онъ нашелъ все лицо земли покрытое водами. И прошедши подъ землю, нашелъ *двухъ рыбъ*, лежащихъ на водахъ, и онѣ были соединены, какъ волы въ плугѣ, и *держали всю землю* повелѣніемъ невидимаго Отца отъ запада и до востока солнца (et transcendens subtus terram invenit duos pisces jacentes super aquas, et erant sicut boves juncti ad arandum, tenentes totam terram invisibilis patris praecepto ab occasu usque ad solis ortum).

Эти рыбы, держащія всю землю отъ востока до запада, быть мо-

[1]) J. Benoist, Histoire des Albigeois, 1, p. 283—296; Thilo, Cod. Apocryphus Novi Test. p. 884—896.

жетъ, не случайно похожи на знаменитыхъ китовъ, на которыхъ по русскому народному преданью вся земля стоитъ. Комментаторъ этого мѣста указываетъ источникъ преданья о рыбахъ въ четвертой книгѣ Ездры, гдѣ, гл. VI, ст. 47—52, пророкъ разсказываетъ исторію творенія, и при пятомъ днѣ упоминаетъ о двухъ животныхъ, Бегемотѣ и Левіаѳанѣ (одного изъ нихъ принимаютъ за слона, другого за кита): они были помѣщены въ разныхъ концахъ міра, потому что седьмая часть его, гдѣ собрались воды, не могла помѣстить ихъ обоихъ. Бегемотъ поставленъ былъ тамъ, гдѣ земля осушена была на третій день творенія, и онъ долженъ былъ оставаться тамъ среди горъ; Левіаѳанъ помѣщенъ былъ въ седьмой части міра, гдѣ собрались воды, и нѣкогда долженъ былъ поглотить то, что́ Богъ осудилъ на истребленіе. Замѣтимъ, что и средневѣковой памятникъ англосаксонской литературы,—бесѣда Соломона съ Сатурномъ,—также считаетъ Левіаѳана китомъ, и на вопросъ Сатурна: „гдѣ свѣтитъ солнце ночью?“ Соломонъ отвѣчаетъ: „я скажу тебѣ—въ трехъ мѣстахъ: сначала во чревѣ кита, котораго зовутъ Левіаѳаномъ, потомъ въ аду и наконецъ на томъ островѣ, который называется Глитъ (Glith), и гдѣ покоятся души святыхъ до суднаго дня“.

Въ цѣломъ памятникѣ видно дуалистическое ученіе богомиловъ (или ихъ предшественниковъ), которые признавали, что міръ созданъ былъ Сатаной (или Сатанаиломъ, какъ онъ назывался до паденія), получившимъ отъ Бога власть на семь дней. Латинская книга разсказываетъ, что создавши видимую природу, Сатана сдѣлалъ изъ земли тѣло человѣка и велѣлъ ангелу третьяго неба войти въ него; потомъ сдѣлалъ тѣло женщины и велѣлъ войти въ него ангелу второго неба. Онъ научилъ ихъ потомъ *плотскому грѣху* (et praecepit opus carnale facere in corporibus luteis, etc.). Въ славянскихъ преданіяхъ, какъ далѣе увидимъ, сохранились слѣды подобной исторіи міротворенія: бѣсъ также является при самомъ началѣ творенія и стремится принять въ немъ участіе;—у богомиловъ преданіе о томъ, что діаволъ научилъ Адама и Еву плотскому грѣху, было вѣроятно въ прямой связи съ отрицаніемъ брака, которое составляло одинъ изъ существенныхъ пунктовъ ихъ ученія. Козьма пресвитеръ говоритъ, что по мнѣнію богомиловъ „того (т.-е. діавола) повелѣніе—жены поимати... женящаяся человѣки и живущія въ мірѣ Мамонины слуги зовутъ“; дѣтей богомилы ненавидѣли и звали ихъ „мамоничища“ и „діаволичища“. Впослѣдствіи кремонскій монахъ Монета приводитъ такое же мнѣніе катаровъ: Sathan alium angelum inclusit in corpore muliebri facto de latere Adae dormientis, cum qua peccavit Adam; fuit autem peccatum Adae, ut asserunt, *fornicatio carnalis* [1]). Этотъ послѣдній предразсу-

[1]) Hahn, Geschichte der Ketzer im Mittelalter. Stuttg. 1845, I, стр. 68.

докъ до сихъ поръ живетъ въ сербскомъ народѣ, по понятіямъ котораго въ бракѣ есть грѣхъ, и въ эпическомъ языкѣ сынъ обыкновенно называетъ отца своимъ родителемъ „по гријеху", т.-е. черезъ грѣхъ.

Далѣе, ветхозавѣтная исторія представляется въ латинской книгѣ по богомильски—дѣломъ бѣса, который прельстилъ всѣхъ патріарховъ, выдавая имъ себя за Бога, до самаго пришествія Спасителя, который началъ новую исторію человѣка, исторію его избавленія. Въ латинскомъ памятникѣ видятъ и намекъ на то преданье вальдензовъ и катаровъ, что „люди предстанутъ на судъ въ образѣ совершеннаго мужа и въ возрастѣ *тридцати лѣтъ* и женщины измѣнятъ свой полъ" [1]). Это мнѣніе находится буквально въ другомъ апокрифѣ старой нашей письменности, именно въ *Воспросахъ Іоанна Богослова къ Аврааму*, гдѣ въ дополненіе къ этому утверждается еще, что умершій ребенокъ будетъ на томъ свѣтѣ расти также до *тридцати* лѣтъ, чтобы явиться на послѣдній судъ зрѣлымъ мужемъ.

Послѣ того, какъ Сатана нашелъ двухъ рыбъ, державшихъ землю, „онъ спустился и нашелъ висящія облака, держащія море, и когда онъ спустился внизъ, нашелъ свой *оссопъ*, что́ есть родъ огня, и потомъ уже не могъ сойти далѣе по причинѣ пламени пылающаго огня" [2]). Трудно сказать, что́ можетъ означать непонятное слово *ossop*,— есть ли это, быть можетъ, остатокъ изъ старо-славянскаго текска, или ошибка писца. Въ такомъ порядкѣ элементы земли помѣщаются въ легендарной космогонической бесѣдѣ по болгарской рукописи Григоровича, XVI вѣка: „Вопросъ: скажи мнѣ, что́ держитъ землю? Отвѣтъ: вода высока. — Да что́ держитъ воду? — Великій камень.—Да что́ держитъ камень?—Четыре золотые кита.—Да что́ держитъ золотыхъ китовъ? — Рѣка огненная. — Да что́ держитъ тотъ огонь?—Другой огонь, *еже есть пожечь* (?), того огня двѣ части.." [3]).

Въ старомъ сербскомъ варіантѣ о второмъ огнѣ говорится, что онъ „*горчайши* того 12 кратъ" (изъ чего Ягичъ заключаетъ, что „пожечь" есть сравнит. степень „пожеще"). Самая космогоническая бесѣда (извѣстная у насъ подъ именемъ „Бесѣды трехъ святителей"), которая сближается здѣсь съ апокрифическимъ Апокалипсисомъ латинской книги, была чрезвычайно распространена въ средневѣковой легендарной поэзіи [4]).

---

[1]) Эбрардъ, въ книгѣ contra Waldenses: affirmant, quod in specie viri perfecti et in aetate XXX annorum ad judicium veniamus et mulieres suum permutent sexum.

[2]) Et cum descendisset, invenit nubes pendentes, tenentes pelagum maris. Et cum descendisset deorsum, invenit suum *ossop*, quod est genus ignis, et postea non potuit descendere deorsum propter flammam ignis ardentis.

[3]) Буслаева, Очерки, I, 498.

[4]) Эта бесѣда еще вполнѣ не разслѣдована. Къ приведенному мѣсту указаны

Съ другой стороны, слѣды богомильскихъ ученій о твореніи сохранились въ одномъ русскомъ народномъ сказаньѣ космогоническаго содержанія и апокрифическаго свойства, которое до сихъ поръ ходитъ въ рукописяхъ. Въ новѣйшихъ спискахъ эта статья называется *Свитокъ божественныхъ книгъ*,—заглавіе очевидно позднее и случайное, но въ главныхъ чертахъ разсказъ о твореніи, сообщаемый здѣсь, извѣстенъ и по старымъ рукописямъ XV—XVI вѣка.

Разсказъ начинается еще до сотворенія міра, когда „бысть Господь Саваоѳъ въ трехъ каморѣхъ, на воздухѣ, въ лѣпотѣ, безначальный царь, невѣдомыя тайны"…. „Тогда бысть свѣтъ отъ лица Господа Саваоѳа семидесяти седмерицею свѣтлѣе свѣта сего; ризы его были бѣлѣе снѣгу, свѣтозарнѣе солнца". Слѣдуетъ опредѣленіе троицы. Міръ еще не существовалъ: „не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни ангелъ, ни архангелъ, ни херувимъ, ни серафимъ, ни рѣкъ, ни озеръ, ни кладезь, ни источникъ, ни человѣкъ, ни горницъ, ни холмовъ, ни облакъ, ни звѣздъ, ни свѣту, ни звѣрей, ни птицъ, ни вѣтру, ни зари: егда была тьма, и не бысть тогда ни дней, ни нощей"…. За этимъ предисловіемъ идетъ исторія творенія. „Рече Господь: буди небо по хрусталю на воздухѣ сотворено, и буди заря, и облако, и звѣзды, и облаки, и вѣтры дунувъ изъ нѣдръ своихъ, и рай насади на востоцѣ; и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ, — а Богъ сидитъ на востоцѣ, въ вельлѣпотѣ превыспренней славы своея, и седмь

были параллели изъ памятниковъ латинскихъ, провансальскихъ, испанскихъ. Въ латинской бесѣдѣ (см. Kemble, The Dialogue of Salomon and Saturnus, Lond. 1848, стр. 212 и слѣд.) соотвѣтственное мѣсто читается:

Quid sustinet celum? Terra.
Quid sustinet terram? Aqua.
Quid sustinet aquam? Petra.
Quid sustinet petram? Quatuor animalia.
Quae sunt illa quatuor animalia? Lucas, Marcus, Matheus, Johannes.
Quid sustinet illa quatuor animalia? *Ignis.*
Quid sustinet ignem? *Abissus.*
Quid sustinet abissum? Arbor, quae ab initio posita est, ipse est Dominus Jesus Christus.

(Jagić, Archiv, I, 95. 127—128. 335—336).

Въ болгарскомъ сборникѣ начала XVIII в., писанномъ на народномъ языкѣ, это мѣсто Бесѣды трехъ святителей читается такъ:

(Въпросъ). На што стои земля-та?
(Ответъ). На вода тьрде голема.
— А вода-та на што стои?
— На камень плоштать.
— А камика на што стои?
— Рече, на 4 китове златни.
— На што стоять китове-то златни?
— Рече, на река огнена.
— На што стои огнена-та река?
— Рече, на други огнь погорешь. 12 чета.
— На што дрьжи дно-то огово? (огново?)
— Рече, на же(ле)зень дапь, де то е наинапреть посадень, а корену му стоять на сила божія.

(Новаковичъ, Starine, 1874, VI. 48.

небесъ словомъ своимъ сотворилъ Господь; а мразъ отъ лица Господня, а громъ — гласъ Господень, въ колесницѣ огненной утвержденъ; а молнія — слово Господне, изъ устъ Божіихъ исходитъ; а солнце — внутреннія ризы Господни".

Потомъ Богъ создалъ тьмы столповъ на воздухѣ, и столпы неподвижны, связаны отъ начала вѣка, „а на томъ столпѣ камень неподвиженъ"; потомъ создана земля, и адъ съ вереями желѣзными и мѣдными вратами, „подъ адомъ тартаръ—дна нѣсть"... „И рече Господь: буди тьмы столповъ мѣдныхъ и каменныхъ, и на камени земля, и ста подъ исподъ песокъ, а на днѣ сотвори Господь словомъ камень и кременіе.... и на той земли море Тиверіадское, а береговъ у него не было."

„И сниде Господь на море по воздуху.... и видѣ на морѣ *гоголя* плавающа, а той есть рекомый Сатана, заплелся въ тинѣ морской. И рече Господь Сатанаилу, аки не вѣдая его: ты кто еси за человѣкъ?—И рече ему Сатана: азъ есмь богъ.—А меня како нарещи?—Отвѣщавъ же Сатана: Ты Богъ богомъ и Господь господемъ. [Аще бы Сатана не рекъ Господу такъ, тутъ же бы Господь его сокрушилъ на морѣ Тиверіадскомъ].

„И рече Господь Сатанаилу: понырни въ море и вынеси мнѣ песку и кремень. Сатанаилъ же послушался Господа и нырну въ море и вынесе песку и кремень, и разсѣя по морю Тиверіадскому, глаголя: „буди земля толста и пространна". И взявъ Господь кремень и преломи на двое; въ правой рукѣ Господь (остави) у себя, а изъ лѣвой руки отдастъ Сатанаилу. И взя Господь песокъ, и нача бить изъ того кремня, и рече Господь: „вылетайте ангелы и архангелы и вся силы небесныя по образу и по подобію", — и нача изъ того кремня вылетати искры съ огнемъ, и сотвори Господь ангелы и архангелы и всю девять чиновъ.

„И видѣ Сатанаилъ, чтó Господь сотвори, и нача той кремень бити, чтó Господь дастъ изъ лѣвой руки, и начали у Сатанаила вылетать его аггелы и сотвори Сатанаилъ силу на небесахъ. Потомъ сотвори Господь Сатанаила начальникомъ надо всѣми чинами его ангельскими; сатанинову силу — его сотвореніе — причте въ десятый чинъ." (По списку г. Буслаева это разсказывается нѣсколько иначе: Сатана досталъ со дна моря камень, этотъ камень преломляется на двое, и изъ одной половины его отъ ударовъ божественнаго жезла „вылетали духи чистые"; изъ другой же половины Сатана „набилъ бѣсовскую безчисленную силу боговъ *плотныхъ*", т.-е. плотскихъ, нечистыхъ. На морѣ Тиверіадскомъ произведены тридцать три *кита;* на тѣхъ китахъ утверждена земля, и стала она на нихъ „толста, широка и пространна").

Сатанаилъ увидѣлъ, что онъ почтенъ, и возгордился и захотѣлъ быть подобнымъ Вышнему. Тогда Богъ повелѣлъ архангелу низвергнуть лукавую силу, но огонь отъ Сатаны попалилъ архангела, и онъ воротился не исполнивъ повелѣнія. Богъ постригъ за то архангела въ чернецы и назвалъ его Михаиломъ (въ другомъ спискѣ прибавлено, что Богъ положилъ на него схиму „со крестами *простыми*, знаменіями Христа сына Божія"). И послалъ Богъ во второй разъ Михаила: онъ ударилъ скипетромъ силу Сатанину и она пала на землю какъ дождь. Михаилъ поставленъ былъ начальникомъ надъ всѣми чинами ангельскими, и архангелы сказали: аминь. Это слово застало иного изъ лукавыхъ въ горахъ, иного въ рѣкахъ, иного летающимъ по воздуху, кто увязъ ногою, кто рукою въ облакѣ,—тамъ они пребываютъ и до сего дня.

Затѣмъ идетъ извѣстный разсказъ о твореніи человѣка отъ восьми частей и т. д.

Приведенный отрывокъ „Свитка" представляетъ различныя соотношенія съ славянской народной поэзіей. Разсказъ о нырянiи дьявола въ море и твореніи земли изъ песку повторяется въ русскихъ легендахъ (у Якушкина, Аѳанасьева); въ карпатской колядкѣ (у Костомарова) два голубя достаютъ песку со дна моря и творятъ землю; въ карпаторусской же сказкѣ чортъ подобнымъ образомъ достаетъ песку со дна морского и участвуетъ въ твореніи; въ сербской сказкѣ онъ выводится параллельно съ ангеломъ. Тѣ же самые мотивы повторяются и въ малорусскихъ разсказахъ [1]). Сопоставленіе Сатанаила въ такомъ отношеніи къ Богу не имѣетъ въ себѣ ничего православнаго. По самому разсказу видно, что дьяволу приписывается какая-то независимость; онъ только слабѣе Бога. У самихъ богомиловъ твореніе злого духа оказывалось неудачнымъ, онъ не можетъ сотворить человѣка безъ Божіей помощи; но онъ создаетъ животное — змѣю, какъ въ сербской сказкѣ онъ создаетъ сороку.

Но есть и исторически отмѣченные литературные факты богомильской легенды.

Эти факты — ложныя и еретическія басни Іереміи, попа болгарскаго. Іеремія, какъ полагаютъ, жилъ во времена царя болгарскаго Петра, 927 — 967. Въ Индексѣ нѣсколько разъ названо имя этого Іереміи: онъ *солгалъ* много отреченныхъ книгъ и басней. Изъ показаній Индекса можетъ быть извлеченъ слѣдующій рядъ ложныхъ книгъ и басней попа Іереміи: о крестномъ древѣ; о св. Троицѣ; о Христѣ, какъ его въ попы ставили; какъ Христосъ плугомъ оралъ; сказанье о томъ, какъ Провъ Христа другомъ звалъ; вопросы Іереміи къ Бого-

[1]) Основа, 1861, іюнь, стр. 59—60; Драгоманова, Малор. нар. преданія. Кіевъ, 1876, стр. 89, и друг.

родицѣ (?); вопросы и отвѣты о томъ, изъ скольких частей созданъ Адамъ; лживыя молитвы о трясавицѣ или лихорадкѣ, и о нежитахъ.

Самая личность этого плодовитаго распространителя богомильскихъ басней очень мало извѣстна. Индексъ представляетъ попа Іеремію какъ-бы единственнымъ законодателемъ еретическаго баснословія; поэтому и думаютъ обыкновенно, что въ Индексѣ подъ именемъ попа Іереміи разумѣется самъ „Богомилъ", знаменитый глава болгарской ереси [1]), и что имя Богомилъ было только прозвищемъ, отъ котораго назвалась цѣлая ересь.

До сихъ поръ встрѣтилось, кажется, только одно извѣстіе, которое дѣлаетъ два лица изъ Богомила и Іереміи [2]), но и это указаніе есть безъ сомнѣнія позднѣйшее соображеніе. Обыкновенно же, эти лица отождествляются, и то, что̀ въ однихъ свидѣтельствахъ прилагается къ Іереміи, въ другихъ примѣняется къ Богомилу. Византійскія обличенія, Козьма пресвитеръ, позднѣе Синодикъ царя Борила (1210 г.) говорятъ о попѣ Богомилѣ; но Козьма въ особенности не могъ бы пропустить такого важнаго пропагандиста ереси, какъ Іеремія, если бы именно не разумѣлъ его подъ тѣмъ прозваніемъ. Кромѣ Индекса, попъ Іеремія названъ своимъ собственнымъ именемъ у Аѳанасія, іерусалимскаго мниха, какъ еретикъ богомильскій. Индексъ 1608 г. соединяетъ оба лица такимъ образомъ: „Іеремія, попъ болгарскій, паче же Богу не милъ" — прилагая къ Іереміи слова Козьмы пресвитера, сказанныя о Богомилѣ.

Въ нашихъ памятникахъ сохранились дѣйствительно преданія о крестномъ древѣ, „лживыя молитвы" о трясавицахъ и апокрифическое сказанье о ихъ происхожденіи, легенды о Христѣ, вопросы о томъ, „отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ" и пр., словомъ тѣ именно *басни*, которыя приписываются Іереміи древнимъ Индексомъ въ Номоканонѣ XIV вѣка, и другими редакціями его до „Кирилловой Книги" XVII столѣтія. Въ послѣднее время „басни" Іереміи стали открывать и въ старыхъ рукописяхъ сербскихъ и болгарскихъ.

Наконецъ отыскалось произведеніе Іереміи о крестномъ древѣ и проч., съ его именемъ. Въ 1873 г. Ягичъ напечаталъ по средне-болгарскому списку статью съ неопредѣленнымъ заглавіемъ („Слово Похваленіе Моисеово о извытии дрѣва певгы и кеньдрѣ и кѵпарисѣ"), по

---

[1]) «Въ лѣта православнаго царя Петра, — говоритъ пресвитеръ Козьма,—бысть попъ именемъ Богумилъ, а по истинѣ Богу не милъ, иже нача *первіе* учити ереси въ земли болгарстѣй». Но думаютъ, что первымъ Козьма назвалъ его какъ самаго рѣшительнаго проповѣдника ереси, которая на дѣлѣ началась еще ранѣе.

[2]) Это Синодальный списокъ Индекса, конца XVI вѣка, гдѣ говорится: «Творьци быша еретическимъ книгамъ въ Болгарьскои земли попъ Еремѣи да попъ Богумилъ, и Сидоръ Фрязинъ, (Яковъ Цепцалъ?) Фрязинъ же, и иныхъ множество имены писаны въ великомъ Манаканунѣ» и проч. (Горскаго и Невоструева, Опис. II, 641).

составу которой предположилъ, что это есть именно произведеніе, „солганное“ попомъ Іереміей [1]). Въ 1875, Андрей Поповъ напечаталъ другой списокъ этого же произведенія, по новгородскому пергаменному сборнику XIV вѣка, съ другимъ заглавіемъ и — съ именемъ автора: „Слово Иеремѣя прозвутера о древѣ честьнѣмь и възвещени святыя Троица и въ память Моисіеви“. Это замѣчательное открытіе въ первый разъ положительно указывало авторство попа Іереміи, и подтверждало вполнѣ догадку Ягича [2]). „Слово“ Іереміи представляетъ, собственно говоря, соединеніе нѣсколькихъ апокрифическихъ сюжетовъ. Разсказъ начинается со временъ Моисея, когда три дерева, кипарисъ, певга и кедръ, указанныя Моисею ангеломъ, совершили первое чудо, сдѣлавши сладкими воды горькаго источника, встрѣченнаго Евреями въ пустынѣ. Далѣе, послѣ нѣсколькихъ эпизодовъ, упоминается о томъ, какую роль имѣли эти деревья при строеніи Соломонова храма; какъ предсказывалось, что эти деревья послужатъ для креста Спасителя. Наконецъ, дѣйствіе переносится во времена Христа, и слѣдуетъ рядъ легендъ: о томъ, какъ открылась глава Адамова и какъ погребена была на Голгоѳѣ; о томъ, какъ Христосъ оралъ плугомъ; какъ Провъ, сынъ царя Селевкія, сталъ другомъ Христа; какъ Авгарь, князь Едесскій, посылалъ къ Христу посланіе и получилъ изображеніе Христа на убрусѣ; о томъ, какъ Христа поставили попомъ; о сотникѣ Логинѣ; наконецъ, какъ совершилось распятіе Христа.

Всѣ перечисленные здѣсь сюжеты извѣстны въ старо-славянской „отреченной“ литературѣ и кромѣ „Слова“ Іереміи; но „Слово“ отчасти представляетъ совсѣмъ особую ихъ редакцію. Такъ, извѣстныя доселѣ сказанія о крестномъ древѣ только въ немногихъ подробностяхъ сходятся съ „Словомъ“ Іереміи, но вообще даютъ совсѣмъ другія исторіи; сказанія объ Авгарѣ и Провѣ, о поставленіи попомъ, сходны съ „Словомъ“ по сюжету, но не по изложенію [3]). Но хотя такимъ образомъ „Слово“ стоитъ независимо отъ обыкновенно распространенныхъ (болѣе позднихъ?) редакцій апокрифической легенды, оно, кажется, все-таки мало представляетъ чего нибудь спеціально болгарскаго и богомильскаго: эти сказанія взяты Іереміей изъ готоваго источника. Легенды о крестномъ древѣ были вообще очень обильны, и эпизоды, изложенные въ „Словѣ“, возводятся вѣроятно (какъ и все остальное) къ греческому

---

[1]) См. Starine, кн. V. Zagreb, 1873, стр. 83—95.

[2]) А. Поповъ, Первое Приб. къ Опис. рук. А. И. Хлудова. Москва, 1875, стр. 31—44.

[3]) Только относительно легенды о Провѣ (изданной у Костомарова, Памятники, вып. I: легенда о братствѣ), можно думать, что она произошла изъ «Слова» Іереміи, какъ постепенно измѣнявшійся пересказъ.

источнику. И рѣдкая легенда о томъ, „какъ Христа въ попы ставили“, извѣстна у греческихъ писателей [1]).

Такимъ образомъ попъ Іеремія не былъ вовсе изобрѣтателемъ всѣхъ этихъ произведеній: онъ вѣроятно только первый перевелъ или собралъ ихъ въ одно цѣлое, или первый далъ особенный ходъ этимъ легендамъ между своими учениками. Повѣрья о трясавицахъ и „лживыя молитвы“ принадлежатъ къ тому разряду народныхъ суевѣрій, который мы называемъ заговорами; эти вещи такъ знакомы всѣмъ вѣкамъ и народамъ, что для нихъ едва-ли можно найти авторовъ: Іеремія вѣроятно и здѣсь только воспользовался готовымъ народнымъ повѣрьемъ, записалъ его и пустилъ въ обращеніе. Любопытно, что Аѳанасій мнихъ, упоминая о сказаніяхъ Іереміина „Слова“, какъ будто дѣлитъ ихъ на разныя статьи и только одну упоминаетъ съ именемъ попа Іереміи, а другія считаетъ заимствованіемъ у „Латины“ [2]). Возможно, что источникомъ для „басней“ между прочимъ бывали и латинскія книги, и что легенды, упомянутыя Аѳанасіемъ, ходили по рукамъ отдѣльно и безъ имени Іереміи. Что касается Латины, то ея было достаточно въ южныхъ славянскихъ земляхъ въ то время, когда папы еще не окончательно разграничили надъ ними свою власть съ византійскими патріархами и когда страны переходили то въ греческія, то въ латинскія руки.

Индексъ сообщаетъ еще одну подробность объ Іереміи, которая дополняетъ его характеръ опять чисто народнымъ образомъ. Въ видѣ осужденія его Индексъ говоритъ, что попъ Іеремія „былъ въ навѣхъ на Верзіуловѣ колу“. Наши археологи дѣлали предположеніе, что эти слова могутъ означать, что попъ Іеремія, считался (по крайней мѣрѣ противниками) колдуномъ, волкодлакомъ, оборотнемъ. Въ качествѣ колдуна и знахаря, попъ Іеремія кромѣ распространенія ереси и ложныхъ книгъ, былъ и авторомъ лживыхъ молитвъ, заговаривалъ трясавицы, „нежитъ“ и всякіе недуги; какъ еретикъ, онъ долженъ былъ и умереть безъ христіанскаго покаянія. Оттого, когда онъ былъ „въ навѣхъ“, т.-е. мертвецомъ въ могилѣ, противъ него употреблено было специфическое средство, осиновый колъ,—единственный способъ удержать такого мертвеца въ могилѣ.

Но гораздо вѣроятнѣе другое объясненіе, предложенное недавно Ягичемъ. Онъ думаетъ, что слова: „на Верзіуловѣ (= Верзиловѣ) колу“, означаютъ то самое „Врзино коло“, которое извѣстно въ сербскихъ

---

[1]) Suidas, s. v. Ἰησοῦς; Migne, Dictionnaire des Apocryphes II, 383; ср. Тихонравова, Отреч. Книги, II, 164—173.

[2]) «А иже то почелъ еси слово *Еремья прозвитера,* еже о древѣ честнѣмъ и о извѣщеніе святыя Троица,... то *басни лживыя* челъ еси»; но передъ тѣмъ онъ говоритъ: «И се слышахомъ: твориши Христа поставлена попомъ, плугомъ и двѣма волома оравше,—послушьствуеши *Латинѣ,* ихъ же и самъ хулишь».

народныхъ повѣрьяхъ и означаетъ какое-то мѣсто, гдѣ получаютъ окончательное знаніе своего дѣла волшебники, колдуны, „грабанціаши“ [1]). Это коло могло означать и волшебное колесо, и волшебный кругъ, игравшіе роль въ обученіи волшебству. Что касается „Верзіулова, Верзилова, Врзина“ кола, то подъ этимъ именемъ, по мнѣнію Ягича, скрывается имя Виргилія, знаменитаго поэта, который въ эпоху средневѣкового мрака былъ гораздо болѣе знаменитъ какъ сказочный волшебникъ и чародѣй. У южнаго Славянства знакомство съ этимъ именемъ могло явиться прежде всего у необразованнаго духовенства (у католическихъ Сербовъ), которое легко могло испортить такимъ образомъ итальянское Vergilio [2]). Средневѣковое преданіе о волшебствѣ Виргилія перешло нѣсколько разныхъ ступеней, и въ южномъ Славянствѣ нельзя было ждать того уровня, какой былъ въ литературахъ западныхъ. „Къ южному Славянству свѣдѣніе о волшебникѣ Виргиліѣ могло дойти только черезъ посредство итальянско-далмато-босанскихъ монаховъ (доминиканцевъ и францисканцевъ), слѣдовательно въ самой худшей каррикатурѣ. Если они что-нибудь знали и разсказывали другимъ о „Виргиліѣ“, то конечно только въ смыслѣ „maleficus daemonum cultor“, какъ называется поэтъ въ одной средневѣковой біографіи; по ихъ изображенію „Виргилій“ могъ быть не что иное какъ злой волшебникъ и негромантъ, имѣющій сношенія съ дьяволомъ, у него пребывающій [3]) и тамъ колдующій съ волшебнымъ колесомъ и волшебной книгой.... Въ этомъ грубомъ видѣ славный мантуанецъ переданъ былъ южно-славянскому народу; въ литературномъ преданіи не было другого лучшаго образа, который могъ бы опровергнуть каррикатуру или сдѣлать ее невозможной, и бѣдный невѣжественный народъ оказался благодаренъ и за это немногое, вѣрно

---

[1]) «Грабанціашъ» — испорченное некромантъ, негромантъ, нигромантъ. Они извѣстны у Хорватовъ и въ далматинскомъ Приморьѣ. «Коло» по-сербски означаетъ или колесо, или кругъ, или хороводъ (круговую пляску). Въ повѣрьяхъ о грабанціашахъ, — которые, пройдя 12 школъ, получали волшебныя знанія только въ 13-й, — упоминается и о какомъ-то колесѣ, на которомъ имъ выпадалъ жеребій волшебнаго знанія, и о кругѣ, гдѣ они собирались. Вукъ Караджичъ въ своемъ Словарѣ такъ объяснялъ «Врзино коло»:

«Србљи приповиједају, да неки ђаци (обыкновенно духовные школьники, семинаристы, будущіе попы), кад изуче дванаест школа, отиду (њи 12 мора бити) на *врзино коло* (да доврше са свим и да се закуну? А ђе је то врзино коло? и шта је? Бог би га знао), и онђе некакву особиту књигу чатећи нестане једнога између њи дванаест (однесу га ђаволи или виле), но они не могу познати кога је нестало. (Тај је био и на врзину колу—говори се за човека који је млого учио).

«Такови ђаци послије зовусе Грабанцијаши, и иду са ђаволима и са вилама, и воде облаке у вријеме грмљаве, олује и туче»....

Это «Врзино коло» было замѣчено и нашими археологами, но параллель осталась неразвитой догадкой за недостаткомъ подробностей, которыя разработаны теперь г. Ягичемъ.

[2]) Veržil (потомъ Verzil, Vrzil) какъ есть формы Bažilio, Šokrat, šaserdot; или какъ испорченныя имена Троянской притчи и т. п.

[3]) Слова «въ навѣхъ» (въ мертвецахъ) Ягичъ переводитъ: въ преисподней, въ аду.

сохранивши до настоящаго дня „Верзилово, Врзино коло“ въ значеніи волшебнаго мѣста, или если угодно, волшебной школы“ [1]).

Оставалось бы выяснить, какимъ образомъ преданье отъ сербохорватскихъ фратровъ могло проникнуть до Болгаріи. Историческія встрѣчи и захваты сербскихъ земель Болгарами и болгарскихъ Сербами извѣстны; рядомъ съ этимъ шли связи книжно-поэтическія, и не только въ предѣлахъ старо-славянской церковной письменности. Въ приведенныхъ выше словахъ мниха Аѳанасія есть какой-то намекъ на заимствованіе „басней“ отъ Латины; въ Синодальномъ Индексѣ рядомъ съ именемъ Іереміи составителями ложныхъ книгъ названы два фрязина; самый переходъ богомильства на западъ, первоначально въ сербскія земли, свидѣтельствуетъ объ оживленныхъ сношеніяхъ.— Дальнѣйшая разработка южно-славянской письменности вѣроятно разъяснитъ эти пока темныя черты древнихъ междуплеменныхъ связей и исторіи народной поэзіи и вѣрованій.

Народно-суевѣрныя произведенія составляли другой отдѣлъ писаній попа Іереміи. Ихъ литературная судьба была такова, что знакомясь съ ними въ первый разъ въ исторіи болгарскаго X вѣка, мы находимъ послѣдній ихъ слѣдъ въ современныхъ повѣрьяхъ южно-славянскихъ и русскихъ. Онѣ замѣчательны по чрезвычайной живучести въ патріархальной и темной массѣ, въ которой они нашли пріемъ. Древнѣйшій Индексъ говоритъ о нихъ слѣдующимъ образомъ:... „естественный недугъ, который называютъ трясавицами, какъ разсказываетъ Іеремія попъ болгарскій. Этотъ окаянный говоритъ, что будто бы святой отецъ Сисиній сидѣлъ на горѣ Синайской, называетъ ангела Сихайла, на соблазнъ многимъ людямъ, и баснословилъ онъ, злой человѣкъ, о семи трясавицахъ, дочеряхъ Иродовыхъ, которыхъ ни евангелисты и ни одинъ изъ святыхъ не называли семь, — а была только одна, выпросившая, чтобы усѣкли голову Предтечи; о ней же извѣстно, что она была дочь Филиппова, а не Иродова. Великій же Сисиній, патріархъ Константинопольскій, въ своихъ словахъ говоритъ такъ: не считайте меня за того Сисинія лживаго, о которомъ написалъ Іеремія попъ, на соблазнъ неразумнымъ“....

Ложное писаніе, указанное Индексомъ, доселѣ ходитъ у насъ и въ южномъ Славянствѣ въ видѣ преданья и вмѣстѣ заговора отъ двѣнадцати лихорадокъ (двѣнадцать—такое же условное число, какъ семь, три и т. п.). Это преданье очень извѣстно въ старыхъ и новыхъ рукописяхъ, въ сборникахъ и лечебникахъ, и въ устномъ народномъ преданьѣ [2]). Въ одномъ изъ такихъ старинныхъ лечебниковъ, ложное писаніе Іереміи передается со всѣми подробностями.

---

[1]) Archiv für slav. Phil. II, 470—478.

[2]) Почти въ полной своей формѣ оно передано было съ народной рѣчи г. Гу-

„При морѣ Чермномъ стоитъ столпъ каменнъ (Синайская гора); въ столпѣ сидитъ святой великій апостолъ Сисиній [1]), и видитъ — возмутилось море до облаковъ, и выходитъ изъ него двѣнадцать женъ простоволосыхъ, окаянное дьявольское видѣніе (по народнымъ редакціямъ: изъ огненнаго столпа). И говорятъ тѣ жены: „мы—трясавицы, дщери Ирода царя". И спросилъ ихъ святой Сисиній: „окаянные дьяволы! зачѣмъ вы пришли сюда?" Онѣ же отвѣчали: „мы пришли мучить родъ человѣческій: кто насъ перепьетъ, къ тому мы и привьемся и помаемся, помучимъ его,—и кто заутреню просыпаетъ, Богу не молится, праздники не чтетъ, и вставая пьетъ и ѣстъ рано: то нашъ угодникъ" [2]). И помолился Богу св. Сисиній: „Господи, Господи, избавь родъ человѣческій отъ окаянныхъ сихъ дьяволовъ." И послалъ къ нему Христосъ двухъ ангеловъ, Сихайла и Аноса, и четырехъ евангелистовъ. И начали трясавицъ бить четырьмя дубцами желѣзными, давая имъ по три тысячи ранъ на день. И взмолились имъ трясавицы: „святой великій апостолъ Сисиній, и Сихайло, и Аносъ, и четыре евангелиста, Лука, Марко, Матѳѣй, Іоаннъ! не мучьте насъ! гдѣ ваши имена святыя заслышимъ, и въ которомъ роду имена ваши прославятся, того мы роду бѣгаемъ за три дня, за три поприща"...

Это историческая часть преданья. Оно продолжается потомъ описаніемъ свойствъ каждой изъ трясавицъ. Апостолъ Сисиній спросилъ ихъ имена, и онѣ называя себя описываютъ и свои качества, ясныя впрочемъ изъ ихъ прозвищъ: одна называется Трясея, другая Огнея, третья Ледея, и т. п. Невея указывается, какъ плясавица, выпросившая голову Предтечи. Затѣмъ идетъ заклинаніе: всѣ лихорадки пересчитываются, угрожаются именами апостола Сисинія и т. д. „Побѣгите отъ раба божія, имрекъ, за три дни, за три поприща: а если не побѣжите отъ раба божія, имрекъ, и я призову на васъ великаго апостола Сисинія, и святыхъ Сихайла и Аноса, и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѳѣя, Іоанна [3]); и учнутъ васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ въ день."

Дальше Индексъ приписываетъ Іереміи „по молитвенникамъ *лживыя молитвы о* (трясавицахъ) *нежитахъ* и о недугахъ". „Нежитъ" въ древнемъ языкѣ означалъ демоническое существо, олицетворявшее

ляевымъ, записавшимъ его въ Сибири (Очерки Южн. Сибири, въ Библ. для Чтен. 1848, № 8, стр. 51).

[1]) Разумѣется одинъ изъ 40 Севастійскихъ мучениковъ, 9-го марта. Константинопольскій патріархъ, по имени также Сисиній (въ концѣ X вѣка) и просилъ, не смѣшивать его съ этимъ Сисиніемъ.

[2]) Въ другой редакціи сказанія онѣ говорятъ: «мы посланы отъ Ирода царя въ міръ, въ родъ христіанскій, кости ихъ крушить, власы ихъ студить, жилы ихъ тянуть, самихъ ихъ огнемъ жечи». Этотъ послѣдній варіантъ можетъ быть старѣе.

[3]) Двѣнадцать лихорадокъ въ преданьѣ могли явиться позднѣе семи; число семь, удержавшееся на сторонѣ святыхъ, могло быть первоначальнымъ.

болѣзнь и всякую напасть. Слово осталось и въ живомъ русскомъ языкѣ [1]). Сказанья о нежитѣ найдены были въ одной полууставной, пергаменной, слѣдовательно вѣроятно очень старой, *сербской* рукописи, и какъ преданья о трясавицахъ, соединяютъ и миѳическую исторію, и заговоръ

„Сходилъ нежитъ отъ сухаго моря, и сходилъ отъ небесъ Іисусъ, и сказалъ ему Іисусъ: „куда идешь, нежитъ“? Сказалъ ему нежитъ: „сюда иду, господине, въ человѣческую голову, мозгъ сушить, челюсти переломить, зубы ронять, шею кривить, и уши оглушить, очи ослѣпить, и носъ сдѣлать гугнивымъ, крови ихъ пролить, вѣка изсушить, уста кривить, и члены разслабить, жилы умертвить, тѣло измозжить, красоту измѣнить и бѣсомъ мучить“. И сказалъ ему Іисусъ: „воротись, нежитъ, иди въ пустую гору и въ пустыню, найди тамъ оленью голову и поселись въ ней, — тотъ все терпитъ и все вынесетъ.... иди въ камень, тотъ все терпитъ, зиму и зной...; тотъ отъ природы суровъ, онъ силенъ держать тебя. И тамъ, нежитъ, имѣй жилище до тѣхъ поръ, пока небо и земля мимо идутъ и окончатся, отойди отъ раба божія имрекъ“.

Въ другой исторіи разсказывается, что святой Михаилъ-Гавріилъ, взявши желѣзный лукъ и желѣзныя стрѣлы, хотѣлъ стрѣлять оленя и лань, но не нашелъ ихъ, а нашелъ нежита, который сидѣлъ, разцѣпивъ камень. Это онъ разцѣпилъ человѣческую голову, чтобы жечь мозгъ и проливать кровь. Михаилъ-Гавріилъ также заклялъ его угрозами оставить людей въ покоѣ и скрыться въ гору.

Въ составленіи ложныхъ молитвъ попъ Іеремія,—если онъ составлялъ ихъ,—слѣдовалъ народному пониманію и вкусу. Масса безсознательно смѣшивала христіанство съ своими языческими повѣрьями, сдѣлала Илью пророка громовникомъ, св. Георгія какимъ-то миѳическимъ повелителемъ животнаго царства и т. п. Христіанскія имена входили въ языческіе заговоры; по какому-нибудь сближенію въ народной пѣснѣ шли рядомъ съ вилами, самодивами и пр. Основаніе преданій было вѣроятно и здѣсь старое языческое; народъ узнавалъ ихъ въ новой формѣ и это давало имъ еще бо́льшій успѣхъ: записанныя въ „лживыя“ тетрадки, онѣ прошли всю православную славянщину, находя въ ней ту же полу-христіанскую, полу-языческую почву. Отъ древней Болгаріи мы встрѣчаемъ ихъ до современныхъ преданій Сибири. Оффиціальное духовенство возставало противъ этихъ „лживыхъ“ сказаній, уходившихъ отъ его собственнаго авторитета; но,

---

[1]) Напр. въ Олонецкой губерніи подъ именемъ нежита до сихъ поръ разумѣются всѣ пугала деревенской жизни, лѣсовики, водяные и т. д. (Максимовъ, Годъ на Сѣв. II, 512).

какъ мы видѣли, запрещенія не сдѣлали ничего и памятники прожили цѣлыя столѣтія, прошли по цѣлымъ славянскимъ племенамъ.

Наконецъ, Индексъ упоминаетъ еще цѣлый рядъ разнаго рода волшебныхъ и гадательныхъ книгъ: Мартолой или Остролоѓъ, Чаровникъ, Громникъ, Молніянникъ, Колядникъ, Царевы Сновидцы, Мысленникъ, Волховникъ, Путникъ, Звѣздочтецъ и т. д., которыя тоже преслѣдовались духовенствомъ, потому что суевѣріе ихъ заслоняло въ народномъ сознаніи самую религію. По мнѣнію Шафарика, эти книги произошли въ ту же богомильскую эпоху [1]). Рѣшить это еще трудно; пока мы знаемъ только, что нѣкоторыя изъ этихъ книгъ (переведенныя также съ греческаго) имѣли южно-славянское и старое происхожденіе [2]).

Историческое значеніе всей этой литературы состоитъ въ томъ, что она была дополненіемъ и отчасти противодѣйствіемъ той оффиціально-церковной литературѣ, которая, съ самаго начала увлекшись догматической схоластикой, напыщенностью и формализмомъ Византійцевъ, не дала достаточно вниманія ни предметамъ научной образованности, ни потребностямъ народа въ живомъ поученіи и поэтической пищѣ. Грамотные люди, не удовлетворенные такими книгами, съ охотой обращались къ ложной литературѣ, отъ фантастическихъ заклятій богомильскаго попа Іереміи до баснословныхъ, а иногда истинно поэтическихъ произведеній древняго христіанскаго апокрифа. Отъ людей грамотныхъ „ложныя книги“ шли и къ народу. Въ этой народной письменности къ сожалѣнію слишкомъ часто бывало грубое суевѣріе, но бывала и настоящая поэзія.

Все это содержаніе болгарской литературы стало общимъ достояніемъ Славянъ, принявшихъ кирилловскую письменность. У самихъ Болгаръ осталось мало памятниковъ, которые бы послѣдовательно представили намъ литературную исторію этихъ сказаній; тяжелая историческая судьба народа истребила множество ихъ на ихъ родинѣ, и остатки ихъ часто уцѣлѣли только въ православномъ сосѣдствѣ.

Хронологія памятниковъ, выше исчисленныхъ, составляетъ доселѣ очень темный вопросъ: кромѣ трудовъ нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ, мы обыкновенно не знаемъ, кѣмъ и когда дѣлались разнообразные переводы византійскихъ памятниковъ; все это — безъименные тру-

---

[1]) См. Шафарика, Kurze Uebersicht der ältest. kirchenslaw. Literatur. Leipzig, 1848 (изъ Slawische Jahrbücher, Іордана), стр. 21.

[2]) Къ приведеннымъ указаніямъ о писаніяхъ попа Іереміи см. еще Ягича, Hist. Knjiž. 82 и слѣд.; Ст. Новаковича, Примери, 511 и слѣд.; о лихорадкахъ — Період. Спис. XI—XII, стр. 43—44, прим.; Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса, Ѳ. Керенскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1874, кн. 3—4; Буслаева, Очерки и друг.

ды, sine loco et anno. Такимъ образомъ остается очень теменъ періодъ отъ вѣка Симеона и Петра до половины XIV вѣка. Къ этому времени могутъ быть отнесены нѣкоторыя житія болгарскихъ святыхъ [1]); „Синодикъ" или сборникъ, „прѣписанный" отъ греческаго языка на болгарскій повелѣніемъ царя Борила или Бориса въ 1210 и заключающій много важныхъ историческихъ свѣдѣній [2]). Объ историческомъ отдѣлѣ старой болгарской письменности извѣстно очень мало. Существованіе болгарскихъ лѣтописей не подлежитъ сомнѣнію. Царь Калоянъ писалъ въ 1202 папѣ, что Петръ и Самуилъ получали корону изъ Рима, „sicut in *libris nostris* invenimus esse scriptum", и въ другой разъ въ 1204: „inquisivi *antiquorum nostrorum scripturas* et *libros* et beatae memoriae imperatorum nostrorum praedecessorum leges". Къ древнѣйшимъ болгарскимъ лѣтописямъ могъ принадлежать любопытный списокъ первыхъ болгарскихъ князей съ помѣтами на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ, списокъ, сохранившійся въ такъ-называемомъ „Еллинскомъ Лѣтописцѣ", особомъ видѣ хронографа. Этотъ списокъ, дополняющій свидѣтельства византійцевъ и подтверждаемый ими, доведенъ до второй половины VIII вѣка; онъ доселѣ остается предметомъ ученыхъ споровъ и недоумѣній [3]). Григоровичъ, въ подтвержденіе существованія болгарскихъ лѣтописей, приводитъ цитату изъ стараго Номоканона, гдѣ дѣлается ссылка на лѣтопись объ Іоаннѣ Асѣнѣ. Онъ утверждаетъ далѣе, что болгарская лѣтопись сохранилась отчасти въ румунскомъ переводѣ. Хронистъ прошлаго вѣка, Паисій, о которомъ скажемъ дальше, ссылается на Тѐрновскую лѣтопись. У Иречка находимъ извѣстіе, что въ библіотекѣ англійскаго путешественника Роберта Корзона (Curzon) находятся двѣ болгарскія рукописи съ портретами Асѣнидовъ, не видѣнныя впрочемъ доселѣ ни однимъ славистомъ: „это хроники или біографіи, изданіе которыхъ составитъ событіе для славянской исторіографіи" [4]).

Но до сихъ поръ болгарскихъ лѣтописей не находится. „Подвергшись разоренію,—говоритъ Григоровичъ,—которому подобное находимъ только у Чеховъ, книгохранилища Болгаръ едвали теперь сохранили остатки этихъ лѣтописей". Но ихъ не было и очень давно. Въ заглавіяхъ русскихъ хронографовъ съ начала XVI вѣка упоминается обыкновенно, что ихъ свѣдѣнія взяты между прочимъ изъ лѣтописцевъ „сербскихъ и болгарскихъ", но по справкѣ, ихъ болгарскія свѣдѣнія

[1]) См. о нихъ вообще у Голубинскаго, въ перечисленіи болгарскихъ святыхъ, стр. 656—669. Должно прибавить сюда одну редакцію житія Іоанна Рыльскаго, напечатанную у Гильфердинга, Собр. Соч. I, 124 — 131 прим.

[2]) См. Палаузова, во Временникѣ Моск. Общ. Ист. 1855, кн. XXI.

[3]) Списокъ изданъ у А. Попова: Обзоръ Хроногр. I, 25—26. Ср. Гильфердинга, Собр. Соч. I, 20—24; Иловайскаго, Розысканія о началѣ Руси, М. 1876.

[4]) Gesch. der Bulg. 442.

взяты не изъ лѣтописей, а изъ отдѣльныхъ историческихъ книгъ, житій, или изъ случайныхъ источниковъ, въ родѣ послѣсловій къ рукописямъ. Доселѣ найдены только отрывочные памятники, которые можно причислить къ отдѣлу лѣтописи [1]), и кажется надо принять, что какъ у Сербовъ, такъ и у Болгаръ лѣтопись вообще никогда не достигала того развитія какъ напр. у Русскихъ; и у Болгаръ еще менѣе, чѣмъ у Сербовъ. Въ историческомъ отдѣлѣ можно упомянуть еще только компилятивный хронографъ, подъ именемъ „Еллинскаго Лѣтописца", составленный изъ библейскихъ сказаній и византійскихъ хроникъ Малалы и Амартола, неизвѣстнаго продолжателя послѣдняго, и „Александріи" Псевдо-Каллисѳена. Впрочемъ, гдѣ и когда составлена эта компиляція, сказать трудно. Впослѣдствіи, съ новыми дополненіями изъ другихъ источниковъ, эта компиляція развилась въ собственно такъ-называемые русскіе „хронографы", старѣйшую редакцію которыхъ относятъ къ 1512 году и гдѣ ко всемірной и церковной исторіи прибавлены были событія русскія, болгарскія и сербскія [2]).

Новое оживленіе болгарской письменности начинается съ половины XIV в., съ правленія царя Іоанна-Александра. По его приказу сдѣланъ былъ упомянутый прежде переводъ византійской хроники Константина Манассіи; одинъ списокъ ея, хранящійся въ Ватиканской библіотекѣ, украшенъ семидесятью рисунками, изображающими событія изъ болгарской исторіи и семейство Іоанна-Александра [3]). Для него были также списаны нѣсколько церковныхъ книгъ и сборниковъ, отчасти и теперь сохраняющихся (между прочимъ въ московскихъ библіотекахъ). Время Александра отличалось бурными проявленіями ересей: богомилы, гезихасты, адамиты, Евреи распространяли свои ученія, въ то время, когда за Балканами уже хозяйничали Турки. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ православія былъ Ѳеодосій Тѣрновскій, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ болгарскихъ святыхъ [4]), между прочимъ ратовавшій противъ богомиловъ на соборѣ 1350 года. Іоаннъ-Александръ ревностно заботился о церковныхъ дѣлахъ, давалъ богатые подарки знаменитымъ болгарскимъ монастырямъ, Рыльскому и Зографскому (на Аѳонѣ), построилъ монастырь въ Витошѣ, гдѣ возникалъ цѣлый болгарскій Аѳонъ (тамъ было больше 14 монастырей,

---

[1]) См. Иречка, Gesch. d. Bulg. 442—443.

[2]) Изслѣдованіе этихъ памятниковъ сдѣлано въ «Обзорѣ Хронографовъ» А. Попова.

[3]) О румунскомъ переводѣ старо-славянскаго текста Манассіи, 1620 г., дополненномъ изъ южно-славянскихъ и румунскихъ лѣтописей, см. у Григоровича, «О Сербіи».

[4]) Объ его дѣятельности и «житіи», см. Иречка, 312—315; Голуб. 663—664. Голубинскій не упомянулъ только, что «житіе», написанное по-гречески другомъ Ѳеодосія, патріархомъ константинопольскимъ Каллистомъ, напечат. въ «Чтеніяхъ» (1860, кн. I) въ *новомъ* славянскомъ переводѣ.

теперь большей частью лежащихъ въ развалинахъ). Время было удобное для церковной дѣятельности, и Ѳеодосій дѣйствительно воспиталъ людей, которые были его усердными продолжателями. Одинъ изъ нихъ былъ Діонисій, который перевелъ тогда много „Словъ" Іоанна Златоуста, въ томъ числѣ шесть противъ Іудеевъ [1]). Другой, гораздо болѣе знаменитый ученикъ и товарищъ Ѳеодосія былъ Евѳимій, впослѣдствіи патріархъ Тѐрновскій, которому пришлось быть и послѣднимъ патріархомъ свободнаго болгарскаго царства и свидѣтелемъ турецкаго завоеванія.

Патріархъ Евѳимій, жизнь и труды котораго выясняются только въ послѣднее время, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и достойнѣйшихъ лицъ болгарской исторіи и литературы. Выбранный патріархомъ въ 1375, при послѣднемъ болгарскомъ царѣ Іоаннѣ-Шишманѣ, который подобно своему отцу Александру былъ покровителемъ церковнаго просвѣщенія, Евѳимій былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ паденія своего отечества. Самъ царь сражался съ Турками въ другомъ мѣстѣ, когда сынъ Баязета, Челеби, осадилъ Тѐрново. Патріархъ оставался главнымъ лицомъ въ городѣ. Послѣ трехмѣсячной осады болгарская столица была взята 17 іюля 1393. Послѣдовало ужасное разрушеніе. Евѳимій, не устрашившись сценами варварства, вышелъ къ турецкому полководцу, и произвелъ на него впечатлѣніе своимъ серьезнымъ, спокойнымъ видомъ; Челеби выслушалъ его просьбы, но не долго держалъ свои обѣщанія. Едва спасшись отъ смертной казни, Евѳимій долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, въ Македонію, гдѣ Турки уже господствовали. Съ нимъ вмѣстѣ шла толпа наиболѣе знатныхъ и богатыхъ тѐрновцевъ, которыхъ Баязетъ велѣлъ переселить въ Малую Азію. Перейдя Балканы, они простились съ патріархомъ, и приняли его послѣднія благословенія. Въ Македоніи онъ все время проповѣдовалъ между своими соотечественниками, роздалъ бѣднымъ золото, которымъ одарили его бояре, убѣждалъ народъ хранить вѣру отцовъ; онъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ изгнанія въ Македоніи и занялъ мѣсто въ ряду болгарскихъ святыхъ. Литературная дѣятельность Евѳимія напомнила вѣкъ Симеона, и отозвалась во всей тогдашней письменности православнаго Славянства.

Ему принадлежитъ цѣлый рядъ сочиненій (до 18), состоящихъ изъ житій болгарскихъ святыхъ, повѣстей, похвальныхъ словъ и посланій. Между прочимъ написалъ онъ житіе св. Іоанна Рыльскаго, и Иларіона, епископа Меглинскаго или Могленскаго, жившаго въ половинѣ XII вѣка и упомянутаго нами прежде. Въ послѣднемъ онъ передалъ „Прѣніе" Иларіона съ манихеями (богомилами) и армянами,

[1]) Starine I, стр. 52. О немъ въ житіи Ѳеодосія Тѐрновскаго («Чтенія», 1860, I).

заимствовавъ впрочемъ матеріалъ изъ „Панопліи“ Евѳимія Зигабена или Зигадена, написанной въ XI вѣкѣ. Съ возстановленіемъ Болгаріи при Асѣняхъ, цари болгарскіе старались возвысить свою новую столицу, Тѐрново, строили въ немъ храмы и монастыри, переносили въ него мощи болгарскихъ и даже греческихъ святыхъ. Евѳимій составилъ въ ихъ память рядъ похвальныхъ словъ и житій. По этой дѣятельности Евѳимія, какъ собирателя церковно-національныхъ сказаній, А. Поповъ сравниваетъ его съ русскими архіепископами новгородскими XV вѣка, и московскими XVI-го.

Евѳимію принадлежитъ и другая заслуга, въ которой онъ опять опережалъ русскихъ церковныхъ дѣятелей, именно—исправленіе книгъ. Подробности его мало выяснены, но современники, какъ Григорій Цамвлакъ (въ похвальномъ словѣ Евѳимію) говорятъ о немъ съ величайшими восхваленіями; жившій нѣсколько позже Константинъ Костенчскій приписываетъ Евѳимію великую заслугу — возстановленія письменности. Какъ было и у насъ, книги портились отъ невѣжества переписчиковъ; кромѣ того, въ самомъ языкѣ происходила историческая сильная перемѣна. Старо-славянскій языкъ все больше подчинялся вліянію народной рѣчи: средне-болгарскій языкъ рѣзко отличается паденіемъ старыхъ звуковъ и формъ: ринезмъ, составляющій такую особенность старо-славянскаго, употребляется неправильно, другіе отличительные звуки и формы также. Въ рукописяхъ XII вѣка уже видно начало порчи стараго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, народный языкъ удаляется отъ прежней чистоты подъ вліяніемъ сосѣдства — Грековъ, Албанцевъ, Валаховъ. Къ XIV вѣку, эта порча была уже весьма значительна, и Евѳимій предпринялъ исправленіе испорченнаго книжнаго стиля въ духѣ стараго языка, который былъ церковнымъ и слѣд. казался священнымъ. По словамъ Константина, Евѳимій былъ „великыи художникъ словѣнскыхь писмень“, а въ то время „въ тръновскыхь странахь писмена погибла была суть“; Евѳимій „потьшта се съписати утвръжденіе симь“ (письменамъ), т.-е. установилъ правила, и кто не умѣлъ соблюдать ихъ, тому запрещаемо было писать священныя книги: „възбраненіе бысть невѣждамъ, еже не писати божественна писаніа“. Царь, Іоаннъ-Шишманъ, помогалъ Евѳимію своей властью: они исправили упадокъ — письмена погибли, „но патріархъ и царь просвѣтиша“, такъ что ихъ дѣло навсегда утвердилось и просвѣщаетъ не только болгарскую страну, но и окрестныя земли: „сажденіе ихь и основаніе вьсегда есть, и даже и до нынѧ и окрьстнаа царствіа просвѣштаеть“ [1]).

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Константинъ говоритъ: «Се бо писаніа вьса растлѣнна суть не тьчію въ странѣ единои, но въ Романіи вьсои и до Бѣлграда и Солуна. Тръновстіи бо исправишесе благодатію Христовою и поспѣшеніемъ дрьжавнаго; се

Надежда этого почитателя Евѳимія не осуществилась. Паденіе царства нанесло роковой ударъ болгарской письменности; но тѣмъ болѣе замѣчательно, что вліяніе Евѳимія сказывалось и въ эти тяжкія времена. „Добрые тѐрновскіе изводы", т.-е. рукописи тѐрновскаго письма уже славились въ то время не только въ Болгаріи, но и въ Сербіи. Ученики Евѳимія и послѣ поддерживали его направленіе. Его другомъ былъ русскій митрополитъ Кипріанъ (родомъ Болгаринъ), который пріобрѣлъ славу „возстановителя просвѣщенія" на Руси (т.-е. собственно въ Москвѣ). Писанія Евѳимія пріобрѣли большую извѣстность и въ старой русской письменности; историческій матеріалъ его сочиненій вошелъ обычной составной частью въ хронографы [1]).

Изъ учениковъ Евѳимія былъ Григорій Цамвлакъ (Самвлакъ), который характеристическимъ образомъ причисляется по однимъ и тѣмъ же сочиненіямъ къ литературамъ русской, болгарской и сербской. Онъ былъ уроженецъ тѐрновскій, жилъ на Аѳонѣ, былъ игуменомъ знаменитаго сербскаго монастыря въ Дечанахъ, пресвитеромъ молдовлахійской церкви въ Сочавѣ, наконецъ вызванъ былъ митр. Кипріаномъ (своимъ дядей) въ Россію, гдѣ былъ митрополитомъ отдѣлившейся тогда отъ Москвы, Кіевской каѳедры. Ему принадлежитъ много поучительныхъ словъ и нѣсколько житій, въ которыхъ онъ былъ какъ-бы продолжателемъ трудовъ Евѳимія. Наши церковные историки хвалятъ его „чистый славянскій" языкъ, который былъ конечно послѣдствіемъ школы Евѳимія; но Цамвлакъ слишкомъ много подражалъ византійскимъ образцамъ и доходилъ до такой напыщенности, которая становилась иногда даже мало вразумительна. Къ сербской литературѣ онъ принадлежитъ какъ авторъ „житія" царя Стефана Дечанскаго [2]).

Подобнымъ образомъ принадлежитъ болгарской и сербской литературѣ писатель первой половины XV вѣка, **Константинъ Философъ** или Костенчскій. Родомъ болгаринъ, онъ хотя дѣйствовалъ въ Сербіи, но направленіе своихъ трудовъ получилъ въ школѣ болгарской; его учитель, нѣкто Андроникъ, былъ непосредственнымъ ученикомъ Евѳимія. Послѣ паденія Болгаріи Константинъ переселился въ Сербію и работалъ тамъ, живя при дворѣ сербскаго „деспота" Стефана, сына знаменитаго и несчастнаго царя Лазаря. По вызову Стефана, Константинъ написалъ сочиненіе о славянскомъ языкѣ [3]), перевелъ

хотеть и Срьбсти исправитесе». Григоровича, Статьи, кас. др. слов. языка, стр. 47. Въ Сербіи Константинъ хвалитъ «изводы ресавскіе».

[1]) Объ Евѳиміи, арх. Леонидъ: Послѣдній патріархъ болгарскаго царства блаженный Евѳимій и его сочиненія («Чтенія» 1870, IV, Смѣсь, 13—18); А. Поповъ, Обзоръ Хроногр. II, 26—38; Голубинскій 84—89, 172—175; Иречекъ, Gesch. 347—349, 444; Період. Списаніе II, 17—18.

[2]) Исторія рус. церкви, Филарета и Макарія; А. Поповъ II, 38 — 40; Голубинскій 507—508; Цамблаково житіе Евѳимія, въ «Гласникѣ», XXXI. 1871, 243—292.

[3]) Григоровичъ, Статьи и проч; Даничичъ, въ Starine, I, 1869, 1—44.

„Учительное Евангеліе"; но самымъ замѣчательнымъ трудомъ его было „житіе" его покровителя, деспота Стефана Лазаревича, вошедшее между прочимъ въ русскіе хронографы [1]). Это произведеніе (написанное въ 1431, черезъ четыре года по смерти деспота) составляетъ вообще замѣчательный фактъ южно-славянской литературы средняго періода. Это не собственно „житіе", біографія въ тогдашнемъ обыкновенномъ пониманіи этого рода произведеній, а цѣлое историческое сочиненіе, изображающее судьбу Сербіи въ XIV—XV вѣкѣ и ея отношенія къ мусульманскому міру, къ Византіи и другимъ сосѣдямъ. Черезъ это, трудъ Константина получаетъ и общее историческое значеніе: онъ важенъ, какъ свидѣтельство современника о временахъ водворенія Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, и тѣмъ болѣе любопытенъ, что старѣе греческихъ сочиненій этого рода, Дуки, Франтцы и Халкокондилы, писавшихъ уже по взятіи Константинополя Турками. „Представляя высокій историческій интересъ, сочиненіе Константина Философа,—говоритъ А. Поповъ,—не менѣе важно въ литературномъ отношеніи, свидѣтельствуя, до какой высоты достигло литературное образованіе въ Сербіи въ первой половинѣ XV вѣка. Не даромъ Константинъ получилъ отъ современниковъ прозваніе Философа, владѣвшаго тайной „витійскихъ плѣтеній и глаголовъ". Но не въ простомъ наборѣ напыщенныхъ выраженій, не въ реторическихъ оборотахъ сказалось его витійство, а въ особыхъ выработанныхъ имъ самимъ пріемахъ изложенія и въ его ученой начитанности. Такъ напр., прежде чѣмъ приступить къ описанію жизни деспота Стефана Лазаревича, онъ предварительно изображаетъ географическое положеніе Сербіи и ея естественныя богатства, причемъ обнаруживаетъ свою начитанность въ писаніяхъ землемѣрныхъ. Нельзя не признать, что подобный пріемъ для автора „житія" довольно оригиналенъ и согласуется съ пріемами историковъ новѣйшихъ школъ. Далѣе, въ самомъ жизнеописаніи деспота Стефана, онъ не ограничивается одною личною его судьбою, но постоянно говоритъ о ней въ связи съ исторіею тѣхъ народовъ, съ которыми Сербія состояла въ сношеніяхъ. Такимъ образомъ въ житіи найдемъ подробный очеркъ турецкой исторіи отъ султана Оркана и до Могаммеда, причемъ не забыта и исторія Тамерлана, жизнь котораго разсказана отъ рожденія до смерти. Частыя ссылки на византійскія историческія сочиненія, Троянскую исторію, Езоповы басни, землемѣрскія книги и т. п. свидѣтельствуютъ, что въ сербской литературѣ XV вѣка начиналъ возникать новый періодъ, готовый смѣнить

[1]) По рукописи XV в. издано Янкомъ Шафарикомъ, «Гласник» XXVIII; по другой рукописи XV в., Троицкой Лавры, напеч. въ «Изборникѣ» А. Попова, 92—130; статья Ягича о Константинѣ и его жизнеописаніи Стефана въ «Гласникѣ», XII, 1875.

собою направленіе средневѣковое". Изъ этого сочиненія Константина Философа вошли въ русскіе хронографы и лѣтописи двѣ статьи: объ Амуратѣ и Косовской битвѣ, и повѣсть о Тамерланѣ,—которыя долго считались русскими сочиненіями [1]).

Намъ остается назвать еще два-три имени—Іоасафа, митрополита бдинскаго (виддинскаго), вѣроятно также ученика Евѳимія; Владислава, по прозванію Грамматика; монаха Ѳеодосія, писавшихъ житія,—чтобы закончить списокъ болгарскихъ писателей стараго періода, имена которыхъ извѣстны.

Но оживленіе, внесенное въ болгарскую письменность Евѳиміемъ, не дало особенныхъ результатовъ: турецкое нашествіе перервало національную жизнь и отняло главное условіе какихъ-нибудь успѣховъ литературы. Притомъ, самая школа оставалась все-таки слишкомъ далека отъ народной жизни.

---

2. Вѣка турецкаго ига и начало возрожденія.

Съ турецкимъ завоеваніемъ всякая умственная жизнь стала застывать въ Болгаріи и наконецъ совершенно заглохла подъ двойнымъ гнетомъ: турецкая власть давила варварскимъ произволомъ и насиліемъ, Греки—„духовнымъ попеченіемъ" о болгарской паствѣ [2]).

---

[1]) А. Поповъ, Обзоръ Хроногр. II, 40, 45—53; Иречекъ, 446.

[2]) О средне-болгарской письменности и новѣйшемъ возрожденіи, кромѣ упомянутыхъ Иречка, Голубинскаго и пр., см.:

— Юрій Венелинъ, Древніе и нынѣшніе Болгаре въ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. М. 1829—41, 2 т.; 2-е изд. М. 1856; О зародышѣ новой болгарской литературы, кн. 1-я (только). М. 1838; Влахо-болгарскія грамоты. Спб. 1840.

— В. Априловъ, Денница ново-болгарскаго образованія. Одесса 1841.

— В. Ламанскій, О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб. 1864. (Записки Ак. Н. VI); Нерорѣшенный вопросъ: I, Объ историческомъ образованіи древняго славянскаго и русскаго языка. II, Болгарское нарѣчіе и письменность въ XVI—XVII вѣкахъ (двѣ статьи). III, Болгарская литература XVIII столѣтія (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869).

— І. К. Иречекъ, Книгописъ на новобългарската книжнина 1806—1870. Вѣна, 1872. Въ предисловіи указаны всѣ прежніе библіографическіе матеріалы о новой болгарской литературѣ; къ этому надо прибавить русскія статьи, указанныя въ Библіогр. матер. по исторіи словесности, Межова, Спб. 1872, стр. 520—522.

— Любенъ Каравеловъ, Страницы изъ книги страданій болгарскаго племени. Повѣсти и разсказы. М. 1868.

По языку:

— П. Билярскій, О средне-болгарскомъ вокализмѣ (Судьбы церк. языка, II). Спб. 1848; 2-е изд. 1858.

— В. Ламанскій (Непорѣш. вопросъ).

— Неофитъ, Болгарска грамматика. Крагуевацъ 1835.

— Христаки Павловичь, Дупничанинъ. Грамматика славено-болгарска. Въ Будимѣ 1836; 2-е изд. Бѣлгр. 1845.

— A. und D. Kyriak Cankof, Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852 (латин. буквами; ср. Бодянскаго, О происхожд. слав. письменъ, 268, XCIII).

— І. Груевъ. Основа за българскѫ грамматикѫ. Пловдивъ (Филиппополь) 1862; 4-е изд. Вѣна 1869.

Отъ прежней своей исторіи Болгары сберегли только одинъ общественный элементъ, который поддержалъ до сихъ поръ ихъ существованіе, какъ народности: это было христіанство. Литература ихъ, представлявшая броженіе однихъ религіозныхъ идей, еще не успѣла придти къ ясному выводу для общества; жизнь не выработала прочныхъ политическихъ основаній. Завоеваніе захватило Болгаръ врасплохъ. У самихъ друзей болгарскаго народа и его новаго возрожденія болгарская исторія, при всѣхъ блестящихъ или шумныхъ ея фактахъ, оставляла неотрадное впечатлѣніе. „Несмотря на то, что Болгары еще въ IX-мъ вѣкѣ являются народомъ независимымъ—говорилъ Палаузовъ—исторія ихъ водворенія, юридически признаннаго, равно какъ и послѣдующая судьба этого народа не представляютъ однако ничего утѣшительнаго въ значеніи общечеловѣческомъ. Развиваясь подъ исключительнымъ вліяніемъ Ромео-Грековъ, Болгары не были въ состояніи выработать своими нравственными силами никакихъ прочныхъ началъ, которыя обезпечили бы ихъ будущее существованіе. Правда, христіанская религія и христіанско-византійская образованность, лишь на нѣсколько столѣтій, отсрочили политическое паденіе Болгаръ, и Борису или Симеону едва ли можно было сохранить язычество въ сосѣдствѣ православной Византіи. Такимъ образомъ не внутреннія учрежденія Болгаріи, не правильное устройство и отправленіе производительныхъ ея силъ, и не государственный смыслъ ея правителей поддерживали напряженное ея существованіе до времени турецкаго покоренія, а христіанская религія, которая и въ настоящее время твердо сохраняется въ этомъ заброшенномъ народѣ юго-востока Европы“.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Славянства, и также болгарской древности, Гильфердингъ, приходилъ съ другой стороны къ выводу мало утѣшительному. „Странная и горькая была судьба Болгаріи!—замѣчаетъ онъ по поводу ея древней исторіи. На третьемъ вѣкѣ своего существованія, въ эпоху, когда, по обыкновенному ходу дѣлъ, государство только начинаетъ свою историческую жизнь, для Болгаріи уже настала пора полнаго развитія; славное, просвѣщенное царство-

— Ив. Момчиловъ, Блъгарска грамматика. За ново-блъгарскый языкъ. Русчукъ 1868; Белешки врѣхъ грамматика-та за новобълг. языкъ. Русчукъ 1868.

— Н. Првановъ, Изводъ изъ българска-та граматика. Русчюкъ 1870.

— М. Дриновъ, За новобългарското азбуке. Периодич. Спис. 1870. II, 9—29.

— Fr. Miklosich, Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Wien 1856.

— A Grammar of the Bulgarian language with exercises and English and Bulgarian Vocabularies. Galata-Constantinople. Printed by D. Cankoff. 1859.

— Найденъ Геровъ, Русско-болгарскій Словарь (некonч., въ «Извѣстіяхъ» II Отдѣленія Акад. Наукъ).

— И. А. Богоровъ, Френско-български и българско-френски рѣчникъ. (1-й отд., 2-е изд.). Вѣна 1869—1873.

— Aug. Dozon, Chansons popul. bulgares inédites. Paris, 1875. При этомъ словарь, стр. 347—416.

ваніе Симеона, повидимому, предвѣщало цѣлые вѣка процвѣтанія, а между тѣмъ оно было преддверіемъ распаденія, и если Болгарія выходила потомъ изъ оцѣпенѣнія, то лишь на время, вспышками какой-то лихорадочной дѣятельности, болѣе или менѣе продолжительными и блестящими, но безсильными создать что-нибудь прочное, уступавшими мѣсто мраку, всякій разъ болѣе глубокому.... Есть во всемъ (старомъ) развитіи Болгаріи что-то скороспѣлое и непрочное, что-то болѣзненное, неестественное. Скороспѣлость и болѣзненность, вотъ самая общая, и можетъ быть, самая существенная особенность болгарской исторіи".

Гильфердингъ думаетъ видѣть причину этого въ томъ, что болгарское государство было основано на завоеваніи, и указываетъ противоположность его исторіи съ исторіей русскаго государства, основаннаго на „призваніи" (по извѣстной теоріи). Но вѣдь говорятъ, что завоеватели уже къ IX—X вѣку слились въ Болгаріи съ славянскимъ народомъ? И не слѣдуетъ ли искать причины явленія въ другихъ отношеніяхъ? Не таковы ли были отношенія съ Византіей?—странныя отношенія патріархальнаго, первобытнаго народа съ государствомъ, въ которомъ признаки злой порчи были несомнѣнны, что́ бы ни говорили новѣйшіе защитники и почитатели Византіи. Всѣ молодые порывы разцвѣтавшаго народа были переложены на византійскій ладъ; государство заимствовало изъ Византіи свои законы, іерархія — свой формалистическій, холодный, напыщенный характеръ. Отсюда шло пренебреженіе къ народнымъ массамъ, которыя конечно въ условіяхъ патріархальнаго быта требовали особаго вниманія и воспитанія: Византія не научала ни мало этому вниманію. Когда народное броженіе выразилось богомильствомъ, противъ него было употреблено церковное оружіе осужденій и проклятій, а не забота о просвѣщеніи народа, не вниманіе къ тому, что́ могло быть справедливаго въ народныхъ инстинктахъ. Не платилась ли Болгарія за государственное и церковное византійство?

Но болгарскій народъ твердо сталъ въ христіанствѣ, которое потомъ и спасло до нынѣ его народность? Да, но Византія не тождественна съ христіанствомъ. Историческіе элементы живутъ долго, и когда впослѣдствіи, при турецкомъ господствѣ, Греки снова получили церковную власть надъ болгарскимъ народомъ, то ихъ историческое отношеніе обнаружилось: для Грековъ, Болгары были предметъ возмутительной *церковной* эксплуатаціи; для Болгаръ — Греки были предметъ ожесточенной ненависти. — Всѣ замѣчательные, даже блестящіе примѣры средневѣкового просвѣщенія, какіе представляла старая Болгарія, служатъ свидѣтельствомъ, что этотъ народъ способенъ былъ къ развитію образованности, что для него возможно было будущее.

Какъ бы то ни было, Болгарія подпала игу среди того неровнаго

и непрочнаго историческаго броженія, о которомъ мы сейчасъ говорили. Народъ, къ сожалѣнію, еще не выработалъ твердыхъ основаній быта и просвѣщенія, чтобы съ бо́льшей устойчивостью вынести иго. Впрочемъ, и было ли это возможно? Онъ имѣлъ одну опору въ сознаніи своего христіанства; но это самое христіанство стало причиной его истязаній.

Вѣка̀ турецкаго господства въ Болгаріи до сихъ поръ темны для исторіи. Но иго было полное и страшное. Высшіе классы, въ которыхъ лежала политическая сила, были истреблены, или обратились въ магометанство, принятіе котораго оставляло имъ ихъ значеніе, но совершенно отрывало отъ народа: они становились въ ряды его злѣйшихъ угнетателей. Подать славянскими мальчиками создала страшный янычарскій корпусъ, который сталъ, наконецъ, бичемъ для государства и былъ истребленъ самими Турками. Болгарія была отрѣзана отъ остального міра: нечего говорить, была ли возможность участвовать въ европейской образованности, которая именно съ XV вѣка начала свой блестящій новѣйшій періодъ. Славянскія силы, болгарскія и сербскія, пошли на усиленіе турецкаго владычества: новообращенные славянскіе мусульмане становились турецкими вельможами, полководцами, визирями; по свидѣтельству путешественниковъ начала XVI вѣка, почти всѣ янычары говорили по-славянски. Султанъ Селимъ II самъ очень цѣнилъ славянскій языкъ, господствовавшій на громадномъ пространствѣ его балканскихъ владѣній и сосѣднихъ земель. Сербскій историкъ Міятовичъ замѣчаетъ не безъ основанія, что тогдашняя Турція съ султанами, говорившими по-сербски, съ сербскими визирями, пашами и янычарами, казалось, почти готова была стать магометанскимъ славянскимъ царствомъ. Но потомъ они отуречились совсѣмъ, а народу стали чужды съ самаго начала.

Въ первое время, какъ говорятъ, господство Турокъ не было такъ тяжело, какъ впослѣдствіи. Было время, когда Турки славились своимъ правосудіемъ, молва о которомъ доходила и до старой Россіи. Но съ половины XVII вѣка, съ внутреннимъ упадкомъ турецкаго быта и правленія, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ Турки убѣдились въ полномъ подавленіи Славянства и въ невозможности отпора съ его стороны, судьба турецкихъ Славянъ становится болѣе и болѣе безотрадной: распространяется невѣжество и бѣдность, церкви разоряются, остатки старой книжности исчезаютъ, духовенство грубѣетъ; народъ окончательно обращается въ того безотвѣтнаго раба, какимъ можно было видѣть его до послѣдняго времени.

Съ другой стороны, Болгары подпали власти константинопольскаго патріархата и сдѣлались цѣлью постоянной и безграничной церковной эксплуатаціи. По уничтоженіи тѐрновской патріархіи послѣ паденія

царства, Болгарія подчинена была константинопольскому патріарху, а затѣмъ, по взятіи самого Константинополя, патріархъ, кромѣ своей духовной власти, получилъ отъ Порты и гражданскую власть надъ народами Турціи, исповѣдующими православіе. Константинопольскій патріархъ сдѣлался единственнымъ посредникомъ между правительствомъ и народомъ, который отданъ былъ этимъ въ его полное распоряженіе: старая борьба славянскаго элемента съ греческимъ кончилась полнымъ подчиненіемъ перваго. Съ этого времени Болгары уже не получали высшихъ духовныхъ должностей, несмотря на то, что ихъ племя составляло наибольшую часть православныхъ подданныхъ патріарха. Верхъ этого церковнаго угнетенія наступилъ съ владычествомъ такъ-называемыхъ фанаріотовъ, съ конца XVII столѣтія.

Фанаріоты (получившіе свое названіе отъ константинопольскаго квартала Фанаръ, или Фенеръ) стали для болгарскаго Славянства бѣдствіемъ, не уступавшимъ притѣсненію отъ самихъ Турокъ; они не только истощали послѣднія матеріальныя силы народа, но грозили самому національному существованію. „Эта безнравственная община переожденнаго византизма,—замѣчаетъ одинъ новый историкъ,—эти интриганы, у которыхъ все дипломатическое искусство состояло изъ сплетенъ и клеветы, вся система управленія — въ отысканіи средствъ личнаго обогащенія, были заклеймены позоромъ всѣми писателями безъ исключенія, которые хоть сколько-нибудь касались ихъ". Пронырливые фанаріоты стали страшными союзниками турецкаго угнетенія; они были дѣльцами турецкаго правительства, его банкирами, драгоманами, въ Дунайскихъ княжествахъ они были господарями, въ Болгаріи епископами, въ Царьградѣ патріархами. Церковное управленіе стало простымъ откупомъ [1]).

Фанаріотская іерархія, не зная ни языка, ни обычаевъ народа, не заботясь нисколько объ его нуждахъ и презирая его, обирала Болгаръ всячески, и чтобы лишить народъ даже сознанія его положенія, фанаріотская іерархія преднамѣренно,—и совершенно въ духѣ турецкаго правленія,—поддерживала въ народѣ невѣжество, уничтожала все, что̀ напоминало народу о его народности, уничтожала славянское богослуженіе, вводя непонятную народу греческую литургію, даже въ послѣднее время злобно преслѣдовала болгарскія училища, заставляя учиться только по-гречески, истребляла славянскія книги и рукописи, и въ за-

[1]) Прусскій посланникъ такъ описываетъ Фанаръ въ 1779 году.: «Le quartier est la demeure de ce qu'on appelle la noblesse grecque, qui vivent tous aux dépenses des princes de Moldavie et de Valachie. C'est une université de toutes les scélératesses, et il n'existe pas encore de langue assez riche, pour donner des noms à toutes celles qui s'y commettent. Le fils y apprend de bonne heure à assassiner si adroitement son père pour quelque argent, qu'il ne sauroit être poursuivi. Les intrigues, les cabales, l'hypocrisie, la trahison, la perfidie, surtout l'art d'extorquer de l'argent de toutes mains y sont enseignés méthodiquement».

ключеніе заставляла бѣдный народъ оплачивать свои прихоти и (нерѣдко гнуснѣйшія) удовольствія. Все это сопровождалось самымъ наглымъ и вовсе не іерархическимъ презрѣніемъ къ народу. Грабительство фанаріотовъ не знало никакой мѣры; рабство народа и невѣжество было полное [1]).

Въ этомъ, и больше ни въ чемъ, состояла многіе вѣка исторія болгарскаго народа. Народъ былъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и это уже давно заставляло Болгаръ уходить въ сосѣднія страны. Всего больше они выселялись въ Валахію и Молдавію и (съ половины прошлаго столѣтія) въ южную Россію, также въ княжество Сербію и Банатъ. Другіе шли въ „гайдучество", мстили за угнетеніе разбоемъ и убійствомъ; народъ видѣлъ въ гайдукахъ своихъ единственныхъ заступниковъ и героевъ, хотя заступники иногда нападали и на своихъ. Наконецъ, Болгары стали обращаться въ унію, чтобы избавить себя отъ ненавистной власти константинопольскаго патріарха. Эта унія не есть, впрочемъ, явленіе новое въ болгарской исторіи: еще царь Іоаннъ-Асѣнь, чтобы прекратить злоупотребленія греческаго духовенства, пытался сблизиться съ папой. Унія водворилась на время въ новомъ болгарскомъ царствѣ, въ первые годы XIII столѣтія; теперь уніатство вызывалось фанаріотскимъ угнетеніемъ. Одна часть Болгаръ приняла католичество; это — община такъ-называемыхъ „павликіанъ" (бывшихъ богомиловъ), которые живутъ въ окрестностяхъ Филиппополя и Систова, не превышая, впрочемъ, 50,000 человѣкъ. Наконецъ, много Болгаръ приняло магометанство, много другихъ отуречивалось по своимъ нравамъ и отношенію къ народу; люди болѣе состоятельные и получавшіе нѣкоторое образованіе принимали греческій или румунскій языкъ.

Само собою разумѣется, что въ подобномъ положеніи вещей не могло быть рѣчи о литературной дѣятельности. Но старая письменность прекратилась не вдругъ. Въ первое время еще держались старыя рукописи, были грамотные церковники. У турецкихъ Сербовъ (которымъ помогало, безъ сомнѣнія, сосѣдство свободныхъ единоплеменниковъ), въ XVI столѣтіи еще печатались церковныя книги — были типографіи въ Скадрѣ (Скутари), Бѣлградѣ, монастырѣ Грачаницѣ. У Болгаръ извѣстенъ пока только одинъ подобный примѣръ: Яковъ Крайковъ изъ Срѣдца (Софіи) съ Іеронимомъ Загуровичемъ изъ Каттаро напечаталъ Псалтырь въ 1569, и Молитвенникъ въ 1570, но уже въ Венеціи. Не прекращалось старое значеніе болгарскаго языка и въ сосѣдней Молдовлахіи: Румуны Молдовлахіи, нѣкогда находившіеся въ

[1]) Указанія о фанаріотахъ см. у Палаузова, Румынскія господарства. Спб. 1859, 123—136; Иречка, 468—470, 505 и слѣд.; Дринова, Истор. Прегледъ на българска-та цьрква, 139—157.

зависимости отъ Болгаръ и черезъ нихъ принявшіе христіанство, въ теченіе многихъ вѣковъ имѣли своимъ богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ церковно-славянскій—вѣроятно потому, что первоначально это былъ языкъ господствующаго племени, а туземный языкъ долго не получалъ письменнаго значенія. Такъ шло до самой половины XVII вѣка, когда началъ входить въ употребленіе совмѣстно съ славянскимъ и румунскій языкъ въ письменности оффиціальной и дѣловой; но въ церкви церковно-славянскій языкъ держался и до XVIII вѣка [1]).

Болгарскія рукописи вѣковъ турецкаго ига рѣдки; можно видѣть по нимъ, что содержаніе старой письменности продолжало сохраняться въ этихъ новѣйшихъ сборникахъ [2]); но до сихъ поръ мало найдено какихъ либо самостоятельныхъ болгарскихъ статей этого времени. Такимъ самостоятельнымъ болгарскимъ произведеніемъ первой половины XVII вѣка г. Ламанскій считалъ Слово о страшномъ судѣ, найденное имъ въ болгарскомъ сборникѣ Люблянской библіотеки [3]). Но это оказался переводъ изъ Дамаскина, и памятникъ остается любопытенъ только какъ свидѣтельство о книжной дѣятельности на живомъ народномъ языкѣ [4]). Въ томъ же сборникѣ г. Ламанскій отмѣтилъ мнимое слово Іоанна Златоуста „о душевномъ покаяніи", вѣроятно переведенное съ греческаго и любопытное тѣмъ, что въ немъ передается легенда, почти до малѣйшихъ подробностей сходная съ сербской эпической пѣсней о „Находѣ Симеунѣ".

Въ подобнаго рода произведеніяхъ, повидимому, протянулась хотя слабая нить, соединяющая преданія старой болгарской письменности съ произведеніями конца XVIII вѣка, въ которыхъ находятъ первый зародышъ новѣйшаго болгарскаго возрожденія. За вѣка турецкаго ига Болгары имѣли нѣсколько новыхъ святыхъ; это были мученики, пострадавшіе отъ Турокъ, убитые или сожженные; — но для этихъ святыхъ почти не было болгарскихъ житій; ихъ имена остались только въ святцахъ [5]).

---

[1]) Венелина, Влахо-болгарскія Грамоты и пр., гдѣ замѣчанія объ особенностяхъ языка, на стр. 319; и Голубинскаго, 393—394.

[2]) Нѣсколько описаній рукописей этого періода сдѣлано Ягичемъ (Starine, V), Ст. Новаковичемъ (Starine, VI); Калифаровская и Бѣлковецкая рукопись описаны г. Славейковымъ въ журналѣ «Българскы Книжици» (Цариградъ, 1859. II, 259—269). Бѣлковецкій сборникъ очень любопытенъ по своему сказочному и народно-апокрифическому составу; въ сожалѣнію, описанъ онъ очень неудовлетворительно.

[3]) Въ статьѣ «Непорѣшенный вопросъ».

[4]) Срезневскій, въ XV Отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ, Спб. 1874, стр 231, 329 и слѣд.

[5]) Для полноты прибавимъ, что въ 1651 Филиппъ Станиславовъ, обратившій къ католицизму никопольскихъ «павликіанъ», издалъ для нихъ полу-болгарскій, полу-сербскій молитвенникъ, очень страннаго состава (Иречка, Gesch. 464. Ср. Новаковича, Ист. српске књиж., изд. 1871, стр. 103). Въ 1802 нѣкто Хаджи-Даніилъ изъ Мосхополя издалъ «Tetraglosson», гдѣ находятся между прочимъ болгарскіе разговоры (перепечатаны въ Researches in Greece, by Leake, Lond. 1814; Иречка,

Упадокъ цѣлаго народнаго быта доходилъ до такой степени, что грозилъ самому существованію народности. Все, что̀ только возвышалось надъ низкимъ уровнемъ рабочей силы, отказывалось отъ своей народности и примыкало къ Грекамъ. Фанаріоты презирали Болгаръ съ старымъ высокомѣріемъ Византійцевъ и съ дальновидностью злобы старались истребить самую возможность пробужденія національности. Съ этой цѣлью греческое духовенство (а за нимъ иногда къ сожалѣнію и неразвитое болгарское духовенство) старательно истребляло болгарскія книги. Выше приведено замѣчаніе Григоровича, что нигдѣ въ Славянствѣ, кромѣ развѣ Чеховъ (когда въ XVII — XVIII вѣкахъ свирѣпствовали у нихъ іезуиты), не происходило такого ужаснаго истребленія старины и старой письменности, какъ у Болгаръ. На Аѳонѣ, который былъ нѣкогда книжнымъ центромъ южнаго Славянства, рукописи гибли отъ невѣжества монаховъ; въ Болгаріи греческое духовенство истребляло систематически славянскія рукописи, устроивало изъ нихъ ауто-да-фе,—народъ не разумѣлъ, что̀ совершается [1]). Коечто было спасено въ библіотеки славянскими учеными путешественниками; между послѣдними особенную заслугу въ сохраненіи южнославянской книжной старины оказали Григоровичъ и Гильфердингъ.

Съ паденіемъ царства, съ упадкомъ книжнаго образованія, въ литературныхъ отношеніяхъ православнаго Славянства произошелъ переворотъ. Южные Славяне, которые нѣкогда снабжали Русь духовными лицами, писателями, пѣвцами, живописцами, рукописями, теперь сами нуждались въ помощи, и думали найти ее въ Россіи: съ XVI вѣка Болгары начинаютъ приходить въ Россію — за милостыней и книгами. Сначала идутъ къ нимъ рукописи, потомъ печатныя церковныя книги. Это осталось почти единственной опорой для стараго церковнаго преданія. Свою собственную старину Болгары забыли до такой степени, что эти церковно-славянскія книги, нѣкогда отъ нихъ же пришедшія на сѣверъ, они считали русскими книгами.

Такъ едва влачилась національная жизнь, когда политическія событія стали впервые колебать турецкое могущество. Съ конца XVII вѣка войны Австріи съ Турціей возбудили у Болгаръ первыя надежды, которыя потомъ съ половины XVIII вѣка стали переходить на Россію. Но этимъ надеждамъ долго не суждено было сбываться. Событія проходили мимо: у Турціи отнята была Венгрія, позднѣе отнятъ былъ югъ Россіи и Крымъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи Сербія, Греція, Ду-

---

стр. 506). О житіяхъ болг. святыхъ см. вообще Голубинскаго, стр. 656—669. Житіе Георгія Софійскаго († 1515), упомянутое на стр. 666, издано было Гильфердингомъ, Лѣтопись занятій Археогр. Комм., вып. 2, прил. 1—24.

[1]) Иречекъ, 513, прим.; 515—516; см. также разсказы новѣйшихъ путешественниковъ, Каница, г-жъ Мэккензи и Ирби.

найскія княжества; но о Болгаріи не думали. Войны 28—29 года и Крымская война не имѣли спеціальной цѣлью освобожденія Болгаріи— рѣчь шла вообще только объ улучшеніи быта балканскихъ христіанъ; у Болгаръ могли естественно рождаться національныя ожиданія, но онѣ были страшно опровергаемы: на Болгаръ обрушивалось каждый разъ турецкое мщеніе. Послѣ Крымской войны, европейскія державы взяли на себя протекторатъ надъ турецкими христіанами, но реформы, провозглашенныя Турціей, остались на бумагѣ. Положеніе оставалось по прежнему безотрадно къ началу войны 1877 года.

Словомъ, со времени паденія царства въ концѣ XIV вѣка, Болгары были окончательно забыты Европой. Внутри они были подавлены; какъ внутренняя провинція отрѣзаны отъ остальнаго міра; они почти не напоминали о себѣ возстаніями, или слухъ о возстаніяхъ и турецкихъ репрессаліяхъ не доходилъ до Европы. О нихъ едва знали даже въ единовѣрной Россіи [1]); когда въ вѣкъ Екатерины родилась мечта объ изгнаніи Турокъ изъ Европы, эта мечта выразилась въ формѣ „греческаго проекта", въ которомъ Славяне были забыты, и исполненіе „греческаго" проекта было бы для нихъ великимъ бѣдствіемъ.

Болгары были забыты такъ основательно, что даже очень серьёзные ученые конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія имѣли самыя смутныя понятія о народѣ и языкѣ. Въ 1771 вспомнилъ о нихъ Шлёцеръ, находя, что изученіе новаго болгарскаго языка могло бы разъяснить, что̀ за народъ были древніе Болгары [2]). Патріархъ новѣйшей славистики, Добровскій считалъ болгарскій языкъ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ, за нарѣчіе сербскаго языка [3]). Копитаръ, въ 1815, зналъ только, что въ болгарскомъ языкѣ есть членъ, который ставится въ концѣ слова [4]). Первыя свѣдѣнія о болгарскомъ языкѣ сообщилъ знаменитый Вукъ Караджичъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ [5]). Шафарикъ въ 1826 году думалъ, что Болгары живутъ только между Дунаемъ и Балканами, и все число ихъ полагалъ въ 600,000; въ 1842, въ своей „Славянской Этнографіи" онъ сообщилъ весьма странный образчикъ болгарскаго языка [6]). Иные думали, что болгарскій языкъ уже совершенно исчезъ въ земляхъ стараго болгарскаго царства.

Болгарское „возрожденіе", народное и литературное, начинается

---

[1]) Сл. замѣчанія Ламанскаго, О нѣкот. слав. рукоп. и пр. 115—120; но приведенные примѣры того, что память эта существовала, тѣмъ и неубѣдительны, что слишкомъ одиночны.

[2]) Nordische Geschichte 334; «Nestor, Russische Annalen» II, 326.

[3]) Dobrovsky, Slovanka. Prag, 1814. I. 194.

[4]) Kleinere Schriften. Wien 1859, 319.

[5]) Додатак к С.-Петерб. сравнит. рјечницима и пр. Вѣна 1822.

[6]) Gesch. der slaw. Sprache, 223; Slov. Narodopis, изд. 1849, стр. 160. Въ Вѣстн. Евр. 1877, іюль, стр. 380, этотъ текстъ ошибочно названъ поддѣлкой. Это—дурно выбранный образчикъ; ср. Starine, IV. 1872, 83—84.

лишь съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но первыя подготовленія его можно прослѣдить еще за сто лѣтъ назадъ.

Къ XVIII столѣтію болгарскій народъ доходилъ до послѣдней степени упадка. Къ прежнимъ бѣдствіямъ турецкаго угнетенія присоединился гнетъ фанаріотскій. Фанаріоты „какъ черные вороны" накинулись на болгарскій народъ и безъ жалости терзали его. „Нашъ народъ, — говоритъ болгарскій историкъ, — былъ мертвъ отъ начала XVIII вѣка: Болгары не существовали какъ народъ, а составляли просто толпу людей угнетенныхъ, подавленныхъ и разоренныхъ. Самое слово народъ (по старо-болгарски „языкъ") тогда затерялось и замѣнено было словомъ „хора", взятымъ съ греческаго и означавшимъ деревенщину, деревенскихъ жителей, обреченныхъ на всякаго рода трудъ и тягости... Если кому нибудь и удавалось достигнуть болѣе человѣческой гражданской жизни, тотъ уже переставалъ быть Болгариномъ и становился Грекомъ, потому что Болгарину не приличествовало жить гражданской жизнью; это возможно было только для Грека. Болгарину надо было оставаться деревенскимъ жителемъ, рожденнымъ на тяжелую работу"... [1]).

Правда, существовала охридская патріархія, которая могла бы, если бы хотѣла, стать для болгарскаго народа нравственнымъ центромъ и опорой; но въ XVIII столѣтіи она была только по имени болгарской, на дѣлѣ іерархами ея давно были Греки. Наконецъ, фанаріоты не хотѣли оставить и этого сомнительнаго воспоминанія болгарской старины и въ 1767 охридская автокефальная церковь была уничтожена. „Несравненно счастливѣе Болгаръ, — говоритъ Голубинскій, — были ихъ участники по бѣдствіямъ рабства, ихъ братья Сербы. Съ потерей царства, Сербамъ удалось сохранить свое патріаршество, и собранные вокругъ этого, оставшагося имъ народнаго представителя, они ни на минуту не теряли, какъ то случилось съ Болгарами, живаго сознанія своей народности, и чтобы стряхнуть чужеземное иго, имъ не нужно было напередъ еще трудиться надъ возсозданіемъ изъ самихъ себя имѣвшаго бороться съ игомъ, цѣльнаго народа" [2]).

Въ половинѣ прошлаго столѣтія дѣло болгарскаго народа было безнадежно, и именно въ это время мы встрѣчаемъ замѣчательное произведеніе, съ котораго начинаютъ теперь исторію болгарскаго возрожденія. Въ 1762, хилендарскій іеромонахъ и проигуменъ Паисій окончилъ и пустилъ въ обращеніе между Болгарами историческое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исторіа славенобългарская о народахъ и о царѣхъ и святыхъ българскихъ, и о всѣхъ дѣяніяхъ българскихъ".

---

[1]) Дриновъ, Пер. Спис. IV. 4.
[2]) Исторія правосл. церквей, 176—177.

Эта книга произвела большое впечатлѣніе между грамотными Болгарами, еще не потерявшими національнаго чувства, и была первымъ толчкомъ „возрожденія“.

Единственныя свѣдѣнія о біографіи Паисія—тѣ, какія можно извлечь изъ самой его книги. Онъ былъ родомъ изъ Самоковской епархіи, и былъ монахомъ въ Хилендарѣ, гдѣ братъ его Лаврентій былъ игуменомъ. Послѣ онъ переселился въ Зографскій монастырь. Вездѣ, гдѣ могъ, собиралъ онъ историческія свѣдѣнія, ѣздилъ по Болгаріи, былъ даже въ „Нѣмской землѣ“, т.-е. вѣроятно въ южной Австріи. Его „снѣдала ревность и жалость“ по своему болгарскому роду, что нѣтъ у него никакой исторіи о преславныхъ дѣяніяхъ древнихъ святыхъ и царей, и онъ предпринялъ этотъ трудъ, къ чему побуждали его и насмѣшки сербскихъ и греческихъ монаховъ, которые корили Болгаръ, что у нихъ нѣтъ своей исторіи. Свою книгу писалъ онъ въ стилѣ старыхъ компилятивныхъ хронографовъ; его главнымъ основаніемъ была книга рагузанца Мавро Орбини (Regno degli Slavi, 1601), которую Паисій зналъ въ русскомъ переводѣ 1722, и которымъ не былъ однако доволенъ, и церковная исторія Баронія, извѣстная ему также въ русскомъ переводѣ 1716. Изъ мѣстныхъ источниковъ Паисію извѣстны были лишь немногіе старые памятники и легенды. Трудъ Паисія не имѣетъ большой критической цѣны, но и не въ этомъ его значеніе. Онъ важенъ именно своей задачей—служить „на пользу роду болгарскому“, не имѣвшему своей исторіи, обличить „отцеругателей“, забывавшихъ свой родъ, отвѣчать на хулы чужихъ людей. Съ этой цѣлью онъ и трудился надъ „собираніемъ“, чтобы напомнить славныя прошедшія времена своего народа, могущественныхъ царей, знаменитыхъ святыхъ; онъ указываетъ народу въ этихъ прошедшихъ временахъ предметъ гордости и урокъ для сохраненія вѣрности своему роду, и для отпора врагамъ.

Считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ этой книги, принадлежащей къ ряду первыхъ заявленій славянскаго возрожденія. Цѣлая подлинная книга до сихъ поръ не издана.

Въ послѣсловіи Паисій, какъ настоящій старый книжникъ, говоритъ о своемъ трудѣ:

«Азъ Паисія, іеромонахъ и проигуменъ хилендарскій, совокупихъ и написахъ, отъ русски рѣчи прости обратихъ на болгарски прости рѣчи и словенски. По мало снѣдаше ме ревность и жалость по рода своего болгарскаго, зашто не имѣятъ исторія заедно совокупена за преславная дѣянія испервая времена рода нашего и святихъ и царій. Тако и укараху насъ многажди Сербіе и Греци, зашто не мeяме своя исторія; азъ зрѣхъ по многихъ книгахъ и исторіяхъ ради Болгари много извѣстіе написано. Того ради воспріяхъ трудъ много за двѣ лѣта собирати по мало отъ много исторіи, и у Нѣмска земля по-вече за то намѣреніе ходихъ. Тамо обрѣтохъ исторія Маврубирова (т.-е. Мавро-Урбинова) за Сер-

біе и Болгари въкратцѣ за цари, а за святи никако не писалъ, латининъ билъ, не исповѣдуетъ святихъ болгарски и сербски, кои просіяли последи, отъ како ся отдѣлили Латини отъ Греци. Но и за сербски святи зле пишатъ и покриваетъ, а за болгарски никако не поменуетъ. Тако азъ презрѣхъ свое главоболіе, яко за много время страдахъ, тако и утробою болехъ велми, и то отъ желаніе много, што имѣяхъ, презрѣхъ и отъ многовремянна погребенная и забвенная едва совокупихъ... Не учихсе ни граматика, ни политика никако, но простимъ Болгаромъ просто и написахъ. Не бисть мне тщаніемъ за рѣчи по граматика слагати и слова намештати, но совокупити заедно сію историцу»...

Объ источникахъ болгарскихъ, Паисій говоритъ въ предисловіи: «Болгаретѣ са имали и исторіи царски и кондики архіерейски... и житія и правила святимъ болгарскимъ много, не било въ оно время штампи (печати) словѣнски, а человѣци отъ небреженія не претолковали, но на мало ся мѣста такива книги обрѣтали». Сказавъ о разрушеніи церквей и монастырей, царскихъ и архіерейскихъ дворцовъ во время паденія царства, онъ продолжаетъ объ истребленіи болгарскихъ историческихъ памятниковъ: «И въ то врѣмя погубили ся они исторіи царски, и на много святіи житія и правила, и нинѣ нѣма они книги лѣтописни, што ся били пространно написани ради всего народа и царіе болгарскихъ. Азъ много книги и прѣмного прочетохъ и възискахъ за много врѣмя прилежно, и не могохъ никадъ обрѣсти рукописни и печатни, но мало и рѣдко и въкратцѣ обрѣтается».

Мы упомянули, какъ Паисія трогали укоры Сербовъ и Грековъ; но еще болѣе возмущался онъ противъ тѣхъ Болгаръ, которые забывали о своемъ родѣ и измѣняли ему: «Азъ видѣхъ отъ много Болгари зашто идутъ по чюжди язикъ и обичай и на свой язикъ хулятъ, за то зде написахъ, и они отцеругатели кои не любатъ свой родъ язикъ, написахъ да знаетъ»... Онъ нѣсколько разъ возвращается къ тѣмъ людямъ, «кои ся обраштаютъ на чужда политика и не радетъ за язикъ болгарски, но ся учатъ читати и говорити по грьчески и срамеется да ся наречетъ Болгари»... «О неразумне и юроде!—говоритъ онъ къ этимъ ренегатамъ:—поради что ся срамишъ да ся наречешъ Болгаринъ, и не четишъ по свой язикъ, и не думашъ. Или не са имали Болгари царство и господарство?.. Но са рече: Греци са пò-мудри (мудрѣе, умнѣе) и пò-политични, а Болгари са прости и глупави и не имѣютъ рѣчи политични, за то, рече, лучше е пристати по Греци. Но вижд, неразумне, отъ Греци има много народи пò-мудри и славни, да ли си оставля некой Грекъ свой язикъ и ученіе и родъ, какъ то ти, безумне, што оставляшъ и не имашъ никой прибытокъ въ грьцка мудрость и политика. Ти, Болгарине, не прѣлштай ся, знай свой родъ и язикъ и учи ся по своему язику: боле есть болгарска простота и незлобіе»... Греки—хитрые, гордые спекулянты и интриганы,—въ этомъ все ихъ преимущество передъ Болгарами; но у нихъ нѣтъ ни семейныхъ, ни гражданскихъ добродѣтелей, и ихъ умъ идетъ на неправильное похищеніе и обиду простыхъ людей. Говорятъ, что у Болгаръ нѣтъ книжниковъ, ученыхъ и славныхъ людей, что это простые рабочіе и пастухи. На это Паисій отвѣчаетъ напоминаніемъ о славныхъ временахъ, какія бывали и у Болгаръ: «Или не са имали Болгари царство и господарство, за толико царствовали и били чудни по вся земля, и много пути (много разъ) отъ силни Римляне и отъ мудри Греци дань

въземали, и давали имъ царюве и кралюве свои царски дъштери въ съпружество и да би имѣли миръ и любовь съ цари болгарски; и отъ всего славенскаго народа най-славни били Болгари, първо са они патріарха имѣли, перво они ся крьстили, наиболѣ земля они освоили, тако отъ своего народа словѣнскаго они силни и чесни били, и перви святіи словѣнскіи отъ болгарски родъ и язикъ просіяли, какъ по реду вся въ сію исторію написахъ, и за то имѣютъ Болгари отъ много исторій свидѣтелство». Болгары, правда, стали теперь одни рабочіе и пастухи, но къ этому привело ихъ лукавство этихъ самыхъ Грековъ. Паисій не могъ не сказать о томъ угнетеніи, какое выносили Болгары отъ греческаго духовенства; по своему духовному сану, онъ говоритъ объ этомъ смиренно, но обвиненіе высказываетъ прямо. Греческое духовенство виновато въ упадкѣ и нищетѣ народа. «Тая вина Болгаромъ отъ греческая духовная власть происходитъ, и много насиліе неправедно отъ гречески владики терпѫтъ во сія времена... Но Болгари почитаютъ ихъ за архіереи и сугубо плаштаютъ (платятъ) имъ должное, за то по нихна простота и незлобіе восприимутъ отъ Бога мзду свою; тако и они архіереи што съ насиліе, а не съ архіерейско правило творатъ Болгаромъ велика обида..., и они по свое дѣло и безсовѣстіе восприимутъ мзду свою отъ Бога по реченому: яко ти воздаси комуждо по дѣломъ его».

Въ числѣ тѣхъ, которые смѣялись надъ Болгарами, были Сербы, Русы и Москали. Эти Сербы были тѣ, которые избавились отъ ига тѣмъ, что ушли въ Австрію, гдѣ нашли возможность жить свободнѣе и завести кое-какія школы. Паисій напоминаетъ имъ, что въ былое время, когда Болгары имѣли высокое просвѣщеніе, имѣли сильныхъ царей и патріарховъ, Сербы не были и крещены; и что у нихъ самихъ есть братья въ Турціи, которые еще болѣе просты и нищи, чѣмъ Болгары. Онъ прибавляетъ: «но они Руси и Сербіе да благодаратъ Бога, де ги е покрилъ отъ попраніе... и отъ греческая властъ архіерейская. Што Болгари страдаютъ, да су они то мало искусили, то би весма Болгаромъ благодарили за што въ толико страданіе и насиліе држатъ свою вѣру непремено».

Сочиненіе Паисія пошло по рукамъ и видимо произвело впечатлѣніе: въ настоящее время извѣстно нѣсколько старыхъ списковъ съ значительными варіантами; какой-то неизвѣстный читатель дополнилъ его новыми подробностями, и между прочимъ ожесточенными выходками противъ Грековъ. Книга переписывалась и въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда наконецъ Христаки Павловичъ (Дупничанинъ) издалъ ее въ Пештѣ въ 1844, впрочемъ съ значительными перемѣнами подъ заглавіемъ: „Царственникъ, или исторія Болгарская, коята учи, отъ гдѣ са Болгаре произишли, како са кралевствовали, како же царствовали и како царство свое погубили и подъ иго подпаднали" и пр. [1]).

Ученикомъ Паисія называютъ Софронія, епископа Врачанскаго. Софроній, въ мірѣ Стойко Владиславовъ (род. 1739, ум. 1815 или 1816), пережилъ крайне тревожную жизнь, которая даетъ наглядную картину положенія Болгаръ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго

[1]) О Паисіи, см. Бълг. Книжици 1859, II. 540—541; ст. Дринова, Пер. Спис. IV, 3—26; ср. тамъ же III, 30—34; Голубинскаго, Ист. Церкв. 709—710.

столѣтія. Какъ грамотный человѣкъ, онъ выбранъ былъ въ священники чорбаджіями города Котла (Казанъ), и какъ человѣкъ замѣтный, подвергался всякимъ насиліямъ турецкаго произвола. Греческая духовная власть впрочемъ цѣнила Стойка, и въ 1794 онъ былъ назначенъ епископомъ въ городъ Врацу, подъ именемъ Софронія. Время было страшное. Пасванъ-Оглу утвердился независимымъ пашой въ Виддинѣ, и Софроній очутился между двумя огнями: въ томъ краѣ хозяйничали и кирджаліи и турецкія войска; епископу приходилось спасаться отъ тѣхъ и другихъ. Еще прежде его собирался повѣсить одинъ изъ турецкихъ правителей; другой разъ онъ спасся только бѣгствомъ отъ смерти; потомъ онъ провелъ три года плѣнникомъ въ Виддинѣ и т. д. Наконецъ, въ 1803 онъ избавился отъ этого плѣна и поселился въ Букарестѣ. Послѣдніе годы своей жизни онъ посвятилъ книжной дѣятельности. Въ 1804 Софроній написалъ свои Записки [1]), въ 1806 онъ издалъ собраніе поученій, переведенныхъ съ старо-славянскаго и греческаго („Кѵріакодроміонъ", Рымникъ, 1806; Новый-Садъ 1856; Бухарестъ 1865) и до сихъ поръ пользующихся извѣстностью. Это была первая печатная книга на ново-болгарскомъ языкѣ.

Въ первые годы нынѣшняго столѣтія возникшее движеніе нашло новыхъ дѣятелей въ средѣ болгарскихъ купцовъ и выселенцевъ въ Валахіи. Болгарское купечество съ прошлаго столѣтія стало обнаруживать значительную предпріимчивость и распространило свою дѣятельность до Смирны и Вѣны; оно владѣло нѣкоторымъ образованіемъ въ греческомъ духѣ, но мало по малу въ немъ возникали мысли о своемъ народѣ, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ его средѣ явились люди, которые стали думать объ основаніи школы и литературы для своего народа. Таковы были габровскіе купцы Мустаковы, которые вели въ Бухарестѣ дѣла сербскаго князя Милоша, Геновичъ, Бакалоглу и др.; писатели: Анастасъ Стояновичъ изъ Копилова (ум. 1868), переведшій съ русскаго „Священное Цвѣтособраніе" (Пестъ, 1825) и потомъ другія книги; Василій Неновичъ, издавшій тогда же „Священную Исторію"; Петръ Сапуновъ и от. Серафимъ Искизахаренынъ (изъ Эски-Загры) издали переводъ Новаго Завѣта въ 1828; Петръ Беровичъ (или Беронъ, 1797 — 1871) издалъ въ 1824 въ Брашовѣ (Кронштадтѣ) съ помощью отъ одного купца „Букварь", который донынѣ пользуется у Болгаръ большой славой. Беровичъ въ предисловіи напалъ на болгарскія школы, державшіяся извѣстной старой методѣ обученія по Часослову и ничему не научавшія, далъ въ своей книжкѣ статьи съ картинками изъ естественной исторіи и рекомен-

---

[1]) Оригиналъ въ библіотекѣ Григоровича. Изданы сначала Раковскимъ, въ «Дунавскомъ Лебедѣ» 1861, потомъ въ «Пер. Спис.», кн. V—VI, 3—103.

довалъ систему взаимнаго обученія, которая дѣйствительно съ тѣхъ поръ очень распространилась [1]).

Но это были пока одинокія, слабыя попытки. Онѣ приняли характеръ опредѣленнаго, сильнаго движенія вслѣдствіе дѣятельности оригинальнаго писателя, не Болгарина родомъ, но который, отдавшись болгарскому дѣлу, занялъ высокое мѣсто въ исторіи новѣйшаго болгарскаго возрожденія. Это былъ Венелинъ.

Юрій Венелинъ (1802—1839) былъ родомъ карпатскій Русинъ изъ сѣверной Венгріи. Его фамилія была собственно Гуца, но во Львовѣ, гдѣ онъ учился въ университетѣ, онъ принялъ имя Венелина, чтобы скрыть свои слѣды, такъ какъ задумалъ уйти въ Россію. Во львовскомъ университетѣ онъ занимался всего больше исторіей славянскихъ племенъ; въ 1823 г. переселился въ Россію, жилъ сначала въ Бессарабіи, гдѣ дружески принялъ его извѣстный генералъ Инзовъ, который оставилъ по себѣ благодарныя воспоминанія какъ попечитель поселенцевъ южнаго края, гдѣ именно было много Болгаръ [2]). Здѣсь Венелинъ познакомился съ кишиневскими Болгарами и окончательно заинтересовался судьбой болгарскаго народа, стараго и новаго. Затѣмъ онъ отправился въ Москву, гдѣ ему присовѣтовали поступить въ университетъ и сдѣлаться медикомъ. Въ 1829, Венелинъ кончилъ курсъ въ университетѣ, сдѣлался медикомъ, но въ томъ же году издалъ и первый томъ своего сочиненія: „Древніе и Нынѣшніе Болгаре", которое обратило на себя вниманіе въ ученомъ мірѣ, а также произвело сильное впечатлѣніе на людей, составлявшихъ въ то время немногочисленную болгарскую публику, и на такихъ Болгаръ, которымъ до того совсѣмъ не приходила въ голову мысль о ихъ національности. Въ слѣдующемъ году Россійская академія дала Венелину возможность предпринять путешествіе въ Болгарію, гдѣ онъ еще ближе ознакомился съ положеніемъ народа, которому посвятилъ свое изученіе. Путешествіе обставлено было крайними затрудненіями: Венелинъ вступилъ на турецкую землю въ Варнѣ и встрѣтилъ величайшій безпорядокъ, тревогу, голодъ, холеру; русскія войска послѣ войны уже двигались обратно; изъ-за Дуная шли болгарскіе переселенцы; въ горахъ явились гайдуцкія банды; остававшіеся памятники древности погибли во время войны или были растащены; болѣе образованные Болгары, которые могли бы оказать помощь путешественнику, покинули родину; у остальныхъ Венелинъ встрѣчалъ тупое недовѣріе, подозрительность. По его собственнымъ словамъ онъ „принужденъ былъ гоняться за всякою мелочью порознь, все почти схватывать,

---

[1]) Некрологъ Беровича въ Пер. Спис. IV, 130—132.

[2]) Ср. Българскы Книжици 1859, I, 239 — 244: «За русско-бессарабскы-ты Българы».

такъ сказать на лету"; въ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, приходилось подвергаться и серьёзнымъ личнымъ опасностямъ. При всемъ томъ онъ успѣлъ сдѣлать очень много: пріобрѣсти довольно рукописей, съ крайними усиліями записать много пѣсенъ, изучить живой языкъ, составить грамматику (хотя, правда неполную, такъ какъ онъ познакомился съ однимъ сѣвернымъ нарѣчіемъ) и т. д. Впослѣдствіи онъ жаловался, что его труду мѣшали сами Болгары [1]). Не одинъ разъ нападало на него сомнѣніе и желаніе все бросить; но его одушевленіе брало верхъ и онъ продолжалъ работать. До Болгаръ дошла наконецъ его книга, и на тѣхъ изъ нихъ, кто былъ способенъ оцѣнить ея смыслъ, произвела чрезвычайное впечатлѣніе. Венелинъ нашелъ наконецъ въ болгарскихъ патріотахъ горячее сочувствіе, на него стали они возлагать свои надежды: въ его оригинальной книгѣ Болгары находили въ первый разъ исторію своего племени, поэтическое возсозданіе ихъ старой славы, одушевленные призывы къ возрожденію. Это одно было чрезвычайно важно. Когда Венелинъ начиналъ свои труды, нужно было опредѣлить первые элементарные вопросы исторіи и этнографіи болгарскаго народа. Мы видѣли, какъ мало зналъ тогда о нихъ величайшій знатокъ того времени, Шафарикъ. Венелинъ долженъ былъ объяснять, что Болгарамъ принадлежалъ тотъ языкъ, на которомъ въ первый разъ появилось у Славянъ св. Писаніе. За „Древними и Нынѣшними Болгарами" послѣдовали другіе труды Венелина, посвященные большею частью тому же изученію южнаго Славянства, древняго и современнаго: нѣкоторые изъ нихъ были изданы уже послѣ его смерти. Въ свое время и послѣ, Венелина часто упрекали за недостатки его исторической критики; имя его было синонимомъ исторической фантазіи. Но это не уничтожаетъ его великой заслуги для болгарскаго народа. „Не всѣ должнымъ образомъ цѣнятъ и понимаютъ великую заслугу, оказанную Болгарамъ Венелинымъ,—говоритъ Голубинскій. Такъ какъ его изслѣдованія по болгарской исторіи оказываются съ научной стороны во многихъ отношеніяхъ весьма слабыми и неудовлетворительными, то находятъ, что благоговѣніе Болгаръ къ его памяти, доходящее до обожанія, — слишкомъ преувеличенное и дѣтское, основанное болѣе на ихъ невѣжествѣ, чѣмъ на чемъ-нибудь

---

[1]) Одинъ Болгаринъ отбилъ у него Цароставникъ, пріобрѣсти который Венелинъ чрезвычайно желалъ. Въ другихъ случаяхъ ему мѣшала «врожденная Болгарамъ, сопряженная съ необразованностью, нѣкоторая недовѣрчивость». «Я на опытѣ узналъ,—говоритъ онъ,—что иные дѣйствительно отъ меня скрывали свои книги, коими, по неимѣнію печатныхъ, чрезвычайно дорожатъ... Дорожа своими книгами, нелегко рѣшаются и за деньги уступить оныя; иные же, интересаны, за небольшую книжицу думаютъ составить свою фортуну»... Съ пѣснями была таже исторія. «Всякой разъ, когда я просилъ господъ Болгаръ продиктовать мнѣ пѣсню, они удивлялись, не понимая къ чему это, наконецъ заключали, что въ этомъ таится что-либо тайное, и начисто отказывали... Одни подстрекали другихъ не давать мнѣ пѣсенъ; а другіе смотрѣли мнѣ въ карманъ» и т. д.

другомъ. Но это вовсе не такъ. Совершенно справедливо, что въ научномъ отношеніи изслѣдованія Венелина исполнены весьма большихъ недостатковъ и въ настоящее время почти совсѣмъ устарѣли, но заслуга его главнымъ образомъ не въ томъ, что онъ создалъ болгарскую исторію (хотя впрочемъ и здѣсь всегда будутъ служить исходной точкой труды его же, а не кого-нибудь другого), а въ томъ, что онъ возсоздалъ или воскресилъ самый болгарскій народъ, что онъ былъ виновникомъ возрожденія совсѣмъ было погибавшей болгарской національности. Эта услуга, нѣтъ сомнѣнія, есть величайшая услуга, какая только можетъ быть оказана народу; а поэтому онъ по всей справедливости заслуживаетъ и того глубочайшаго благоговѣнія, съ какимъ чтутъ его имя Болгары"...

Венелинъ былъ человѣкъ высокаго дарованія. Это былъ энтузіастъ народности, работавшій для Болгаръ въ ту эпоху, когда Вукъ Караджичъ, Шафарикъ, Челяковскій, Колларъ и пр. работали для Сербовъ, Чеховъ, Словаковъ и т. д. Для этого нужны были не только научныя силы, но пламенная любовь къ народу, поэтическое одушевленіе прошедшимъ, стремленіе поднять народное достоинство въ настоящемъ. Этой любовью къ народу и поэтическимъ одушевленіемъ Венелинъ былъ именно одаренъ въ высокой степени: онъ много работалъ, владѣлъ богатыми свѣдѣніями, но не могъ довольствоваться сухимъ неполнымъ подбираніемъ фактовъ; по состоянію тогдашнихъ знаній, у него не было достаточно матеріала для строго-исторической реставраціи прошедшаго, но передъ его возбужденнымъ чувствомъ и воображеніемъ уже рисовались его картины, и онъ схватывалъ ихъ, считая ихъ за результатъ изслѣдованія. Однажды, во время путешествія по Болгаріи, онъ сталъ на досугѣ описывать какой-то городъ, который сдѣлалъ на него сильное впечатлѣніе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ. „Вдругъ, — говоритъ онъ, — перенесся я во время XIV вѣка, когда Турки осаждали этотъ городъ; на площади, передъ моими окнами, представились мнѣ Турки того времени и толпа Болгаръ, и изъ моего описанія вышла первая глава романа". Это и была отличительная черта его литературнаго характера. Его изображеніе царства Атиллы, котораго считалъ онъ русско-болгарскимъ героемъ, есть почти романъ, живой и картинный. Венелинъ—народный публицистъ, скрытый въ археологѣ; смыслъ и цѣль его дѣятельности—возбудить въ народѣ нравственное достоинство воспоминаніями о прошедшемъ и указать возможность лучшаго будущаго. Въ этомъ и его значеніе [1]).

---

[1]) Сочиненія Венелина, относящіяся къ Болгаріи: «Древніе и Нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ». М. 1829—1841; 2-е изд. 1856 (съ біографическимъ очеркомъ Безсо-

Венелину, археологу и этнографу, принадлежитъ безъ сомнѣнія сильное возбуждающее вліяніе въ дѣлѣ болгарскаго возрожденія. Съ 30-хъ годовъ начинается здѣсь оживленная дѣятельность. Болгарскія книги все еще составляли рѣдкость: до 1840 года насчитывали только до тридцати болгарскихъ книгъ,—но прочное начало было уже положено. Существенную заслугу болгарскому образованію оказали болгарскіе выселенцы, основавшіеся въ Одессѣ: двое изъ нихъ, В. Априловъ и Н. Палаузовъ, были особенно ревностными почитателями Венелина. Априловъ (ум. 1848), какъ большинство тогдашнихъ образованныхъ Болгаръ, поддерживалъ сначала греческія школы и греческихъ революціонеровъ, но съ 1831 г. онъ познакомился съ книгой Венелина и сталъ ревностнымъ партизаномъ своей собственной народности. Априловъ и Палаузовъ рѣшились основать болгарское училище въ извѣстномъ теперь Габровѣ, своей родинѣ, небольшомъ городкѣ, между Тѣрновомъ и Шипкой: они открыли это училище въ январѣ 1835 г., назначили для него значительное ежегодное пособіе и пригласили учителемъ іеромонаха Рыльскаго монастыря Неофита, оказавшаго тогда и послѣ великія услуги народной болгарской педагогіи и вообще болгарскому движенію. Основатели габровской школы, первой европейской школы въ Болгаріи, озаботились и изданіемъ необходимыхъ учебныхъ книгъ. Несмотря на всѣ препятствія, на противодѣйствіе Грековъ и болгарскихъ грекомановъ, габровское училище установилось и имѣло большой успѣхъ. Примѣръ основателей его подѣйствовалъ и на другихъ, явились новыя пожертвованія, и черезъ шесть лѣтъ послѣ открытія габровскаго училища основанъ былъ цѣлый рядъ другихъ болгарскихъ училищъ въ Казанлыкѣ, Карловѣ, Панагюрищѣ, Калоферѣ, Софіи, Тѣрновѣ, Котлѣ или Казанѣ и проч.,—которыя получили изъ Габрова необходимыя учебныя пособія. Съ этихъ поръ элементарное народное образованіе было обезпечено.

Вліяніе Венелина было здѣсь непосредственное. В. Е. Априловъ, выступившій потомъ какъ писатель („Болгарскіе книжники“, Одесса, 1841; „Денница ново-болгарскаго образованія“, Одесса 1841; „Мысли за сегашно-то балгарско ученіе“, Одесса 1847, и др.), самъ говорилъ, что именно Венелинъ „пробудилъ въ немъ любовь къ національности“ [1]). Точно также Венелинъ пробудилъ ее и во многихъ другихъ. У Болгаръ явилось ревностное усердіе къ распространенію образованія въ народѣ, и съ 40-хъ годовъ болгарскія книжки, — почти исключи-

---

нова); «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ». М. 1835; «О зародышѣ новой болгарской литературы», М. 1838. Послѣ его смерти изданы: «Влахо-болгарскія или Дако-славянскія грамоты». Спб. 1840; «Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ», 2 т. М. 1849; «Нѣкоторыя черты путешествія въ Болгарію» (изд. Безсоновымъ). М. 1857.

[1]) Ср. Сушкова, Зап. о жизни митр. Филарета, 163.

тельно дидактическія,—уже перестаютъ быть рѣдкостью. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей этой народно-педагогической литературы былъ упомянутый Неофитъ, іеромонахъ въ Рыльскомъ монастырѣ, который издавна оставался хранилищемъ старо-болгарскаго преданія и славянской литературы [1]). При основаніи габровскаго училища, Неофита послали въ Бухарестъ, чтобы онъ усвоилъ систему взаимнаго обученія и изготовилъ необходимыя книги. Онъ дѣйствительно составилъ много учебныхъ книгъ: катихизисъ, болгарскую грамматику, греческую грамматику, таблицы взаимнаго обученія, которыя, по стараніямъ одного изъ упомянутыхъ Мустаковыхъ, напечатаны были въ сербской княжеской типографіи въ Крагуевцѣ, 1835 г., безплатно. Позднѣе Неофитъ, который, хотя самоучка, основательно изучилъ древній и новый греческій языкъ, старо-славянскій, сербскій и русскій, издалъ ново-болгарскій переводъ „Новаго Завѣта" (Смирна, 1840), напечатанный американскимъ библейскимъ обществомъ. Другая школа была въ Систовѣ (Свиштовѣ) гдѣ дѣйствовалъ Христаки Павловичъ Дупничанинъ („Писменникъ общеполезенъ", „Разговорникъ греко-болгарскій", Бѣлгр. 1835 и др.) и другой Неофитъ, архимандритъ Хилендарскаго монастыря („Славено-болгарское дѣтоводство"—родъ небольшой школьной энциклопедіи, Крагуевацъ 1835; „Краткая св. Исторія", Бѣлгр. 1835). Въ то же время работали надъ учебной литературой Райно Поповичъ („Христоиѳія и Благонравіе", Пештъ, 1837 и др.), І. А. Богоевъ или Богоровъ, издавшій между прочимъ небольшой сборникъ пѣсенъ.

Черезъ десять лѣтъ по основаніи Габровской школы въ Болгаріи было уже болѣе 50 народныхъ школъ; читатели размножались, такъ что въ сороковыхъ годахъ были уже книги, имѣвшія до 2,000 подписчиковъ. Въ числѣ писателей являются уже люди, получившіе образованіе за границей. Возникаютъ болгарскія типографіи: въ 1839 въ Солунѣ, основанная архим. Ѳеодосіемъ; въ 1840 въ Смирнѣ, гдѣ была болгарская купеческая колонія; въ 1843 въ Константинополѣ, основанная сербомъ Огняновичемъ. Въ 40-хъ годахъ опять идетъ цѣлый рядъ педагогическихъ книжекъ, букварей, учебниковъ, наставленій о воспитаніи, переводы книгъ для юношества; К. Огняновичъ издаетъ альманахъ („Забавникъ", Парижъ 1845); К. Фотиновъ началъ даже издавать журналъ „Любословіе" (Смирна, 1845). Выборъ иноземныхъ образцовъ для чтенія былъ не всегда удаченъ, вкусъ былъ часто наивный; но мало по малу содержаніе литературы становилось болѣе серьёзно.

[1]) Потомъ Неофитъ сталъ архимандритомъ Рыльскаго монастыря, которымъ управлялъ до недавняго времени (не знаемъ, живъ ли онъ теперь); между прочимъ онъ работалъ надъ обширнымъ словаремъ болгарскаго языка; образчики его печатались въ «Бълг. Книжицахъ»; теперь вышла первая часть. О Рыльскомъ монастырѣ и Неофитѣ см. разсказъ Мэккензи и Ирби, Travels, 2-е изд. I, 145—158.

Такимъ образомъ новая болгарская литература имѣла преимущественно или почти исключительно воспитательный характеръ: главной цѣлью ея было доставленіе народу элементарныхъ знаній и развитіе національнаго чувства. Съ 1840-хъ годовъ обстоятельства складываются уже болѣе благопріятно: многіе изъ Болгаръ пріобрѣли болѣе или менѣе широкое образованіе, въ Константинополѣ, въ американскомъ Robert College, и за границей, въ Парижѣ, въ Одессѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Бухарестѣ, Бѣлградѣ, Загребѣ, Вѣнѣ и особенно въ Прагѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ лучшихъ представителяхъ новаго болгарскаго народа становился выше и уровень національныхъ требованій. Они уже не ограничиваются элементарной школой, и наконецъ въ болгарской литературѣ и жизни явились основные вопросы національнаго существованія, вопросъ церковный и политическій. Въ церковномъ вопросѣ, который съ пятидесятыхъ годовъ произвелъ небывалое волненіе въ Болгаріи, отвлеченныя стремленія первыхъ начинателей болгарскаго возрожденія стали уже практическимъ дѣломъ жизни.

Мы упоминали о томъ, какимъ образомъ поставленъ былъ въ Болгаріи церковный вопросъ. Заведеніе школъ и расширеніе національнаго сознанія, наконецъ ближайшія потребности народнаго образованія, болѣе и болѣе указывали необходимость его рѣшенія. Для успѣховъ народнаго дѣла прежде всего необходимо было освободиться отъ фанаріотскаго ига, которое не только угнетало народъ матеріально, но намѣренно мѣшало и народному образованію. Столкновенія съ константинопольскимъ Фанаромъ еще съ сороковыхъ годовъ стали переходить въ открытую вражду; Болгары требовали народныхъ епископовъ; Греки нисколько не хотѣли уступать. Болгарскій народъ былъ главнымъ источникомъ доходовъ фанаріотской іерархіи и отдѣленіе Болгаръ отъ патріархіи повело бы за собой цѣлый финансовый кризисъ для Фанара. Развитіе болгарской школы грозило прекратить успѣхи эллинизаціи, которая до тѣхъ поръ успѣла оторвать у болгарскаго народа много умственныхъ и матеріальныхъ силъ. Ясно, что Греки должны были всѣми силами оспаривать законность той независимой іерархіи, которой Болгары желали для своего народа. Мысль о народной церкви является у Болгаръ съ первыми проблесками народнаго сознанія. Іеромонахъ Паисій уже крайне возстановленъ противъ греческаго духовенства и вообще Грековъ, и противъ Болгаръ, принимавшихъ греческую „политику“ и языкъ, и забывавшихъ о своемъ „болгарскомъ родѣ“. Греки, уничтожая Охридскую автокефалію, истребляли послѣднюю тѣнь стараго національнаго преданія; дѣлали все, чтобы уничтожить въ Болгарахъ всякое національное сознаніе, жгли болгарскія рукописи и безъ сомнѣнія успѣли нанести страшный ущербъ болгарскому возрожденію (не далѣе какъ въ 1825 г. тѣрновскій митрополитъ,

Грекъ, сжегъ найденную случайно древнюю библіотеку тѐрновской патріархіи), но тѣмъ самымъ они возбуждали въ Болгарахъ сопротивленіе и стремленіе во что бы ни стало освободиться отъ ихъ ига. Уже въ сороковыхъ годахъ Болгары начинаютъ требовать себѣ народныхъ епископовъ; но главнымъ образомъ это движеніе развивается съ пятидесятыхъ годовъ. На основаніи гатти-гумаюна, даннаго Турціей въ 1856 г., послѣ крымской войны, и обѣщавшаго всякія свободы и религіозную равноправность, Болгары обратились къ турецкому правительству съ формальной просьбой объ учрежденіи болгарской іерархіи. Съ этого началась открытая борьба, въ которой Болгары показали большую выдержку и упорство; однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ ихъ дѣла былъ тотъ Неофитъ Бозвели, хилендарскій архимандритъ, котораго имя мы видѣли выше въ числѣ дѣятелей народнаго болгарскаго образованія. Для Грековъ шелъ вопросъ о матеріальномъ и національномъ господствѣ надъ Болгарами—независимо отъ выгодъ, какія доставляло церковное господство надъ Болгарами, этихъ послѣднихъ нужно было засчитать какъ „Грековъ" въ будущую Византійскую имперію, о возстановленіи которой мечтали Греки. Болгаръ увѣряли издавна, что болгарскаго народа совсѣмъ нѣтъ, а что есть Греки, къ сожалѣнію принявшіе варварскій языкъ; эти изумительные аргументы выставлялись и теперь при защитѣ греческой іерархіи въ болгарскихъ земляхъ! Для Болгаръ въ этой борьбѣ дѣло шло объ одномъ изъ двухъ существенныхъ вопросовъ болгарской жизни: впереди стоялъ вопросъ о независимости политической, объ освобожденіи отъ турецкаго ига; теперь надо было освободиться отъ ига церковнаго и умственнаго. Въ спеціальныхъ сочиненіяхъ читатель найдетъ подробности церковнаго болгарскаго движенія, въ которомъ были пущены въ ходъ и каноническіе законы (изъ нихъ Греки забывали только тѣ, которые повелѣваютъ „извергать" духовныхъ правителей, поставленныхъ „на мздѣ" и отличающихся другими качествами, какими очень нерѣдко отличались греческіе іерархи), и дипломатическія тонкости, и всевозможныя интриги и насилія. Только разъ Греки могли быть правы,—когда настаивали на созваніи вселенскаго собора,—хотя трудно вообразить, чѣмъ могъ бы быть вселенскій соборъ въ настоящее время, понятый во всемъ серьёзномъ значеніи слова... Русская церковная власть отнеслась къ болгарскому дѣлу очень уклончиво [1]).

[1]) Объ исторіи церковнаго болгарскаго движенія см. Дринова, «Прегледъ»; Иречка 544—562. На русскомъ языкѣ есть уже цѣлая литература по болгарскому церковному вопросу,—напр.:

— Статьи Д. (Даскалова) въ «Р. Вѣстн.» 1858, кн. 2; въ «Р. Бесѣдѣ» 1857 и слѣд.

— Отвѣтъ «Р. Вѣстнику» по болгарскимъ дѣламъ. Спб. 1858; По вопросу о болг. патріаршествѣ. Берлинъ, 1860, 45 стр. (Книжка, какъ говорили, исчезнувшая изъ продажи. Вмѣстѣ съ предыдущей, это—защита фанаріотскихъ интересовъ).

Кончилось тѣмъ, что султанъ собственной властью рѣшилъ вопросъ: въ февралѣ 1870 г. онъ постановилъ учрежденіе *болгарскаго экзархата.* Болгары торжествовали, патріархъ отказывался исполнить фирманъ. Наконецъ въ 1872 г., экзархомъ былъ выбранъ Иларіонъ, вѣрный сотрудникъ Неофита Бозвели; но этотъ старый боецъ за болгарскую церковь недолго удержался на мѣстѣ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его смѣнилъ Анѳимъ. Его путешествіе изъ Виддина въ Константинополь было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ; въ сентябрѣ того же года патріархъ отлучилъ отъ церкви болгарское духовенство и его приверженцевъ.

Церковный вопросъ возбудилъ въ Болгарахъ самый оживленный интересъ. Онъ вызвалъ толки и ожесточенную полемику въ литературѣ, въ книжкахъ и журналахъ. Намъ достаточно упомянуть дватри примѣра. Первая брошюра о церковномъ спорѣ, имѣвшая большой успѣхъ, было „Пріятелское писмо отъ Блъгарина къ Грьку“ (Прага, 1852). Новѣйшее сочиненіе по этой полемикѣ есть статья „Мати Болгария“ Неофита Бозвели [1]), — оригинальная статья, писанная страннымъ полународнымъ, полуцерковнымъ языкомъ, но проникнутая истин-

— Статьи въ «Сѣв. Пчелѣ» 1860, №№ 120, 122, 132, 142; 1861, № 22, 32 (С. Палаузова).

— Статьи въ газетѣ «День».

— Т. Филипповъ Вселенскій патріархъ Григорій VI и греко-болгарская распря. Спб. 1870 (изъ «Ж. М. Нар. Просв.») Защита г-дъ фанаріотовъ.

— П. Тѣсовскій, Греко-болгарскій церковный вопросъ. Спб. 1871 (хорошій отвѣтъ на предыдущее).

— М. Дриновъ, Болгаре и констант. патріархія. «Бесѣда», 1871, IV, 324—360.

— Кургановъ, Греко-болг. церковный вопросъ. «Правосл. Собесѣдникъ», 1873 и проч.

— Наконецъ, весьма подробный разсказъ, съ указаніемъ литературы, у Голубинскаго.

[1]) Въ журналѣ «Периодическо Списание» кн. IX—X, 1—41, и кн. XI—XII, 1876, 74—104. Болгарская литература по этому вопросу очень велика и заключается главнымъ образомъ въ массѣ газетныхъ статей. Отдѣльныя книжки и брошюры указаны у Голубинскаго и Иречка, «Книгописъ» № 308, 417, 420—422, 475. Къ библіографіи послѣдняго можно еще прибавить:

— Отвѣтъ на нѣкои си точки изъ статія-тѫ и пр. (отвѣтъ на ст. газеты «Съвѣтникъ» № 38—48). Отъ Т. С. Браила, 1864.

— Б. Богомолецъ, Произшествіе въ Скопска епархіа отъ 1860 до 1865 година. Браила, 1865.

— Проектъ-тъ на вселенска-та патріархія за рѣшеніе-то на българскій-тъ въпросъ. Букорещъ, 1867.

— Братско обясненіе на Българинъ къмъ братія-та му Българе. Бук. 1867.

— [Православный гласъ противъ протестантскый-тъ прозелитизъмъ въ Българіiѫ. Русчюкъ, 1869.]

— [Ἀντίῤῥησις εἰς τὸ ἐπιστολ. ὑπόμνημα τοῦ πατριαρχείου и пр. Константинополь, 1871.]

— [Дѣянія на святый-тъ великый соборъ и пр. (1872 года). Цариградъ 1872].

— Оправдателенъ отговоръ отъ единъ Българинъ (и пр., на статью греч. журнала «Ирисъ»). Руссе. 1872. (Переводъ съ греческаго).

— Българска-та правда и грьцката крывда, и пр., отъ † С. М. Цариградъ 1872.

нымъ патріотическимъ одушевленіемъ. Болгарскіе журналы и газеты тѣхъ годовъ постоянно обращались къ церковному вопросу.

Основателемъ болгарской журналистики называютъ упомянутаго Фотинова, издававшаго въ Смирнѣ „Любословіе" въ 1844—46 годахъ. Далѣе, затѣвались, но не удержались газеты въ Лейпцигѣ; въ 1849 году явилась въ Константинополѣ первая политическо-литературная газета „Цареградскій Вѣстникъ" (І. Богоева, потомъ А. Ексарха), державшійся до 1861 г. и во время церковнаго спора ратовавшій противъ католической пропаганды. Для послѣдней основана была газета „Българія" Д. Цанкова [1]). Защиту народныхъ стремленій и національной церкви велъ и журналъ „Българскы книжици" (1858—1861, въ Царьградѣ, Д. Мутьева, І. Богоева-Богорова, Г. Крьстьовича и Стоянова-Бурмова). Нашлась и оффиціозная газета—„Турція", Н. Геновича (1862)—восхвалявшая турецкое правительство. Въ 1860 г., нѣсколько Болгаръ-студентовъ московскаго университета начали изданіе журнала или вѣрнѣе сборника „Братски трудъ" (2 ч., Москва, 1860—62), гдѣ между прочимъ участвовали Жинзифовъ, Каравеловъ, К. Миладиновъ. Въ 1865, явился маленькій журналъ „Зорница", издававшійся американскимъ миссіонерскимъ обществомъ, нравственно-религіознаго содержанія. Наконецъ, появились, разумѣется не въ Турціи, изданія открыто либеральнаго направленія, которое въ Турціи было революціоннымъ. Прежде всего „Дунавскій Лебедъ" (1860—62), въ Бѣлградѣ, Раковскаго, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей новой болгарской литературы; затѣмъ въ Бухарестѣ: „Будущность", 1864 г., его же; „Народность" І. Касабова, тамъ же, 1866—69; „Свобода" Каравелова, 1870—1872, и его же „Независимость" 1873—1874; „Отечество", 1869—71, консервативнаго направленія; юмористич. „Тѫпанъ", „Будильникъ". За послѣдніе годы надо назвать еще „Македонію", газету П. Р. Славейкова, съ 1867, въ Царьградѣ; небольшіе журналы: „Читалище", Балабанова, съ 1870, тамъ же; „Училище", Р. Блъскова, въ Бухарестѣ, съ 1870; „Вѣкъ", Балабанова, въ 1874, въ Царьградѣ, и въ особенности журналъ Болгарскаго Книжевнаго Дружества въ Браиловѣ, „Периодическо Списание" (вышло 12 книгъ, 1870—76). Сербскія событія 1875—76 года вызвали отголоски въ Болгаріи—патріотическія мечты и надежды, планы возстанія и новыя газеты. Явились новыя патріотическія изданія, болѣе или менѣе горячо вызывавшія къ возстанію, напр. „Бѫлгарски Гласъ", И. Иванова, въ Болградѣ, съ первой половины 1876; далѣе съ мая или іюня того

[1]) «Только слѣпые,—говорила между прочимъ «Българія»—не могутъ отличить истинно-христіанскаго дѣла Римской пропаганды отъ *истинно-діавольскаго* дѣла Панславизма и Панэллинизма» (ср. Бълг. Книж. 1859. II, 498). Кажется, доселѣ панславизмъ еще не удостоивался подобной характеристики.

же года „Нова Бѫлгария“, Бѣлобрадова и Попаркова, въ Гюргевѣ или Журжѣ; „Стара-Планина“, С. Бѣжана и Веселинова, въ Бухарестѣ, съ августа 1876, съ передовыми статьями и на французскомъ языкѣ. Намъ не встрѣчалось другихъ изданій; не имѣемъ свѣдѣній и о томъ, выходило ли что-либо въ нынѣшнемъ году.

Болгарскія изданія прежде всего рѣзко отличаются однѣ отъ другихъ, смотря по мѣсту изданія. Константинопольскія изданія, выходившія подъ цензурой, были разумѣется лишены всякой возможности говорить о положеніи дѣлъ, объ истинныхъ потребностяхъ народа, обязаны преклоняться передъ правительствомъ и говорить ему лесть даже когда оно совершало свои гнусныя дѣянія. Странно было читать — на болгарскомъ языкѣ — восхваленія „мудрому и просвѣщенному правительству“, которое „неусыпно печется о благѣ всѣхъ своихъ подданныхъ“, подъ „свѣтлой сѣнію“ котораго преуспѣваетъ болгарскій народъ и его просвѣщеніе и т. п. По крайней мѣрѣ Болгары не были связаны въ своей полемикѣ противъ фанаріотовъ, и здѣсь истина сказывалась даже въ цареградскихъ изданіяхъ.

Можно было бы привесть много цитатъ, указывающихъ на страшную вражду Болгаръ къ Грекамъ. Напримѣръ.

Цареградскія «Бълг. Книжици», говоря о необходимости просвѣщенія и знаній для своего народа, замѣчаютъ:

«Нъ отъ кого, и дѣ можемъ да ся удостоимъ съ такива знанія? Отъ духовны-ты ни пастыры ли? Не, защото нѣмамы іоще народно духовенство, което да желае наше-то добро! Нынѣшни-ти ни пастыри нели сѫ вѣчни на народъ-тъ ни гонители, които искатъ да затрыятъ отъ лицето на земіѭ-тѫ наше-то отечество, като ся трудятъ чрезъ лукавѫ-тѫ си политикѫ да го погърчятъ? Въ наши-ты църквы-ли? Не, защото тамъ ные не смы чюли и още да ся проповѣдва по природныя-тъ ни и вразумителенъ языкъ Евангелска-та правдина. За насъ нѣма друго мѣсто дѣто да слушамы наукѫ освѣнъ бѣдны-ти наши учебни заведенія!» (Бълг. Книж. 1859. III. 559).

И авторъ убѣждаетъ соотечественниковъ оставить всѣ раздоры и несогласія, и соединиться для распространенія училищъ... Въ 1870 г., Болгары говорили съ тѣмъ же негодованіемъ о греческомъ угнетеніи, но уже были увѣрены въ успѣхѣ своего дѣла:

...«И за това (т.-е. для истребленія болгарской народности посредствомъ уничтоженія болгарскаго языка, народныхъ преданій и пр.) сâ били отъ старна на гръцитѣ владици горенията на нашитѣ исторически паметници; за това сâ били гоненията на езикътъ ни отъ черквитѣ и училиштата; за това сâ били прислѣдованията съсъ всевъзможни клевети и лъжи на нашитѣ ученички хора. Сички тѣзи нападвания на Гърцитѣ сâ били само и само да ни направятъ съвершенно диви, да унищожътъ въ насъ сѣко народно чувство и съзнание, за да могътъ послѣ да си играятъ съ насъ, както си щътъ. Успѣхътъ, който направихâ тѣ въ това отношение, като че бѣше имъ далъ надѣжда за пълното достигване на предположенната цѣль; но въ послѣдньо време, за тѣхно голѣмо огор-

ченіе, осуетихâ се, — съвършенно се осуетихâ златитѣ имъ надѣжди»... (Пер. Спис. 1870, I. 23).

Въ статьѣ «Мати Болгарія» авторъ осыпаетъ злобу и коварство Грековъ и болгарскихъ грекомановъ ухищреннѣйшими эпитетами. Способъ дѣйствій Грековъ есть «Симоно-волхово-то богопротивное очарователно волхованіе, предателя-Иудиното Христопродаваніе и Анникаиафовото Христокупуваніе, саддукео-фарисейское мудрованіе, веелзевуло-сатанинское бѣснованіе, ядоутровное и душепагубное преображенное сонмищнофатрическо грекоковарство! Адъ и погибель! Тартарская пропасть!» Какъ Греки, такъ ненавистны ему и «нихнитѣ фатрически содружени тайноковарно погречени и безсъвѣстни грекомано-чорбаджии»: это—«осатанени духови и побѣснели слуги, ненаситнии изедници, общежителни безсъвѣстнии продавци и предатели, безстиднии клевѣтници и лжесвидѣтели, безчеловѣчнии и суровии общенародни поразители и прогонители» и проч. (Тамъ же, 1876, XI—XII, 79, 81—82).

Далѣе, картина фанаріотскихъ поборовъ: «Облечени въ попски и постнически долги дрехи, съ привѣсени долги бради, возсѣднали на хранени коние, крестосватъ по селата расящи собиратъ жито, ячмень, ръжъ, просо, кукуруза, овесъ, лукъ, чеснокъ, ряпа, чукундуръ, праса, зелие и пиперь, бѣлъ и черенъ бобъ, грахъ, леща и отъ всякакви сочови и овощия, и повясма, вълна, и ерина, и козина и друго всео—кой какво имъ даде... Ето ти грековладишки попови и духовници! народни ползователи, синайски, божегробски и светогорски постници!»...

Авторъ, самъ святогорецъ, но ревностный защитникъ своего народа, не усумнился съ желчной ироніей изобразить аѳонское «грекокалугерство» и легковѣріе простодушнаго и незнающаго народа: эти постники распространяютъ въ народѣ суевѣріе, какого не найдешь у египетскихъ дервишей; они отвращаютъ народъ отъ ученія — «проповѣдующе имъ, че които сѫ чрезъ ученіе просвѣщени, они сѫ безбожни, защото не вѣрватъ че у Св. Гора женски птици нѣма, но колкото се нахождатъ тамо они сѫ вситѣ мужки и нѣкакви светогорски сѣмки ядуще, хотя че сѫ и мужки, но чудесно яйца сносятъ и ги мутятъ и се излупватъ!... и не вѣрватъ, че тамо калугеритѣ по воздухъ-тъ фъркатъ и винаги сосъ Ангели се разговарятъ и будущая знаятъ и проч. и прочая!» (Тамъ же, стр. 93, 95).

Прибавимъ еще отзывъ Панайота Хитова; въ отзывѣ этого практическаго революціонера, гайдука, не больше ненависти къ фанаріотамъ, чѣмъ въ приведенныхъ сейчасъ обличеніяхъ болгарскаго архимандрита:.... «Да, кто станетъ защищать турецкую кротость и фанаріотское церковное право, тотъ не можетъ называться сыномъ Евы. Фанаріотская камилавка и турецкія палки такъ подавили болгарскій народъ, что онъ потерялъ человѣческій образъ; этотъ народъ похожъ больше на машину, которая собираетъ и жнетъ, чтобы насыщать другихъ».

Полемика съ Греками по церковному вопросу исполнена выраженіями этой народной ненависти, порожденной вѣками угнетенія.

Болгарскіе журналы почти всегда были очень недолговѣчны; главной причиной этого было, разумѣется, самое положеніе страны: Болгары, разбитые на нѣсколько частей по разнымъ государствамъ, нигдѣ не имѣвшіе господствующаго центра, не имѣвшіе своего народнаго

высшаго образованія (ихъ высшія училища обыкновенно не шли дальше курса нашей гимназіи или семинаріи), не могли составить правильной читающей публики,—тѣмъ больше, что изданія, выходившія внѣ Турціи, не достигали турецкихъ Болгаръ или были строго запрещаемы, какъ революціонныя, даже когда въ нихъ и не было ничего революціоннаго. Въ 1872 г. Чолаковъ, издавая „Народный Сборникъ", уже во время печатанія его увидѣлъ въ первый разъ „Памятники" Каравелова (1861) и замѣчаетъ: „о существованіи этой книги у насъ въ Болгаріи не знаетъ почти никто". Какъ публика, такъ и самыя силы были крайне раздѣлены: одни работали въ Константинополѣ, Рущукѣ, другіе въ Бѣлградѣ, Бухарестѣ, Браиловѣ, въ Одессѣ, Москвѣ, Прагѣ и т. д. Въ то время какъ одни прямо говорили объ освобожденіи отъ ига, указывали на необходимость возстанія, призывали къ нему, другіе должны были восхвалять благодѣтельную „сѣнь" турецкаго правленія и должны были избѣгать всякой тѣни освободительнаго направленія, потому что Греки были тотчасъ готовы съ доносомъ. Очень различна была самая степень образованія: когда одни (заграничные Болгары) владѣли иногда вполнѣ научнымъ образованіемъ, другіе—даже литературно дѣйствовавшіе—оставались наивно полуобразованными.

Въ ряду новѣйшихъ болгарскихъ писателей особенной извѣстностью пользуется Петко Райчовъ Славейковъ (род. около 1825). Самоучка, Славейковъ умѣлъ пріобрѣсти разнообразныя свѣдѣнія и является въ литературѣ какъ поэтъ, журналистъ, сатирикъ, писатель педагогическій и даже ученый. Онъ началъ книжкой стихотвореній (Бухарестъ 1852) и „Басненикомъ" (1852), съ которыхъ началась его репутація какъ лучшаго болгарскаго поэта. Въ 1857, онъ пріѣхалъ въ Константинополь по греко-болгарскимъ церковнымъ дѣламъ, и здѣсь началъ свою обширную литературную дѣятельность; въ 1857 и 1861 издалъ сатирическіе календари, которые пріобрѣли ему великую популярность въ болгарской публикѣ: онъ саркастически изображалъ смѣшныя стороны болгарскихъ общинъ, и зло нападалъ на фанаріотовъ. Онъ много сдѣлалъ и въ болгарской журналистикѣ, при всѣхъ мудреныхъ условіяхъ, въ какія она была поставлена. Въ 1863 онъ началъ небольшой сатирическій журналъ „Гайда" (Волынка); а черезъ два года предпринялъ литературно-политическую газету „Македонія" (съ 1867 до первыхъ семидесятыхъ годовъ). Это была одна изъ лучшихъ газетъ, какія издавались въ турецкой Болгаріи, и также одна изъ самыхъ любимыхъ. Въ газетѣ, посвященной (насколько было возможно) вопросамъ болгарскаго возрожденія, Славейковъ между прочимъ старался о возбужденіи національнаго чувства между македонскими Болгарами, у которыхъ вліяніе фанаріотовъ и болгарское грекоманство было особенно

сильно. Рядомъ съ болгарскими, онъ помѣщалъ иногда статьи на греческомъ языкѣ, или даже корреспонденціи и статьи на македонскомъ нарѣчіи греческими буквами, такъ какъ многіе изъ тамошнихъ Болгаръ-стариковъ не знали славянской азбуки. И здѣсь сарказмъ былъ сильнымъ оружіемъ Славейкова въ борьбѣ съ фанаріотскими врагами и защитѣ болгарскаго дѣла. Въ послѣднее время „Македонія“, которая нѣсколько разъ и прежде подвергалась конфискаціямъ, окончательно была закрыта, и Славейкову вообще запрещено издавать какую-либо газету. Послѣ закрытія „Македоніи“ Славейковъ предпринялъ обширный трудъ по географическому описанію своего отечества, которое прекрасно знаетъ. Славейковъ собиралъ народныя пѣсни, дѣлалъ описанія обычаевъ, писалъ историческія статьи, переводилъ повѣсти и поучительныя книжки и т. д. Передъ началомъ болгарской рѣзни, Славейковъ былъ учителемъ въ Тѣрновѣ.

Найденъ Геровъ, также извѣстный какъ болгарскій поэтъ, изъ Копривщицы, учился въ Одессѣ, былъ нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Филиппополѣ, потомъ русскимъ консуломъ въ этомъ же городѣ, съ начала войны — въ гражданскомъ управленіи Болгаріи, у кн. Черкасскаго. Его небольшая поэма „Стоянъ и Рада“ вышла еще въ 1845 году въ Одессѣ, „Пѣснопойче“ въ Царьградѣ 1860; онъ также работалъ надъ школьными книгами, надъ русско-болгарскимъ словаремъ (вышли только первыя буквы). Ему принадлежитъ еще книжка: „Нѣколко мысли за блъгарскый языкъ и за образованіе-то у Блъгары-ты“, Ц. 1852, гдѣ онъ защищалъ славянское и древнее происхожденіе нынѣшняго болгарскаго языка отъ греческихъ нападеній.

Въ Россіи, именно въ Москвѣ, учился также Кс. Ив. Жинзифовъ (Райко, 1838—1877), родомъ изъ Велеса, въ Македоніи. Главныя его работы были: „Новоблъгарска сбирка“, М. 1863, гдѣ, кромѣ его оригинальныхъ стихотвореній, помѣщены переводы (на македонское нарѣчіе) Слова о Полку Игоревѣ, Любушина Суда и Краледворской рукописи, и нѣкоторыхъ стихотвореній Шевченка; и разсказъ въ стихахъ „Кръвяна риза“ (Кровавая рубашка, Браил. 1870), внушенная горячимъ патріотизмомъ и жаждой мести [1]). Любенъ Каравеловъ, изъ Копривщицы, учившійся также въ Москвѣ, считается за лучшаго повѣствователя: онъ писалъ также по-русски и по-сербски (его разсказы: „Бабушка Неда“, „Дончо“, „Хаджи Начо“). Не меньше извѣстенъ онъ какъ политическій дѣятель и издатель газеты „Свобода“, съ 1869 г. „Направленіе этой газеты, — говоритъ Жинзифовъ, — антитурецкое въ полномъ смыслѣ слова, а цѣль—доказать Болгарамъ, что они должны всѣ свои надежды возложить на самихъ себя и не ждать

[1]) Короткій некрологъ его въ «Моск. Вѣд.» 1877, № 41.

ничего хорошаго отъ турецкаго правительства. Къ сожалѣнію, ввозъ этой замѣчательной газеты въ Россію съ мая мѣсяца 1870 г. воспрещенъ, несмотря на то, что она весьма благопріятствуетъ Русскимъ"[1]. Позднѣе, онъ обратилъ свою газету въ полу-соціалистическій органъ подъ названіемъ „Независимость", которая издавалась до послѣдняго времени. Василій Друмевъ, съ 1874 епископъ Климентъ, написалъ романъ изъ временъ возстанія кирджаліевъ („Нещастна фамилія, българска народна повѣсть", сначала въ Болг. Книж. 1860, потомъ отдѣльно, 1873) и драму изъ древней болгарской исторіи („Иванку, убоецътъ на Асѣня I". Браила 1872). Какъ драматическій писатель извѣстенъ также Д. Войниковъ („Покрьщеніе на Прѣславскый дворъ", 1868; „Велеслава, българска княгиня" 1870 и пр.), пьесы котораго исполнялись на частномъ театрѣ въ Браиловѣ. Очень цѣнится болгарскими читателями И. Блесковъ (Блъсковъ), авторъ повѣсти „Злочеста Крьстинка" (Русчюкъ, 1870) и др., въ поучительномъ и нравоописательномъ родѣ. Другой Блесковъ, Р., былъ авторомъ повѣсти „Изгубена Станка", изъ времени татарскихъ буйствъ въ Добруджѣ (Болгр. 1866; Руссе 1867) и издателемъ журнала „Училище", въ Бухарестѣ. Третій извѣстенъ какъ переводчикъ. Въ числѣ молодыхъ болгарскихъ поэтовъ называютъ въ особенности Чинтулова, В. Поповича, Иванова и др.

Составленіе и переводы учебныхъ руководствъ (особенно съ русскаго) продолжали быть одной изъ главныхъ заботъ болгарской литературы; къ прежнимъ именамъ прибавляются Парѳеній Зографскій (архимандритъ, потомъ архіепископъ), І. Груевъ, Д. Манчевъ, Д. Войниковъ, И. Момчиловъ, С. Радуловъ, Н. Михайловскій, А. Робовскій, Д. Мутьевъ, Н. Бончовъ. Отчасти тѣ же писатели трудились надъ переводами изъ иностранной литературы: на болгарскомъ языкѣ являлись Фенелонъ, Мольеръ, Вольтеръ, Лессингъ, Шиллеръ, Бульверъ, Вельтманъ, Гоголь, Шевченко и проч.

Одинъ изъ оригинальнѣйшихъ писателей новой болгарской литературы есть Георгій Стойковъ Раковскій (1818—68). На его дѣятельности особенно наглядно отразилось состояніе умовъ, потребности болгарской жизни, стремленія болгарскаго образованія, а также и его недостатки. Онъ былъ поэтъ, историкъ, этнографъ, археологъ, публицистъ, церковный и революціонный агитаторъ. Біографія Раковскаго извѣстна мало[2]. Онъ родился въ Котелѣ (Казанѣ), и былъ сынъ зажиточнаго болгарскаго крестьянина; онъ учился въ Константинополѣ, Аѳинахъ, Парижѣ, потомъ, какъ говорятъ, въ Россіи, владѣлъ нѣ-

[1]) Поэзія Слав., Спб. 1871, 302.

[2]) Краткіе біографическіе очерки въ «Поэзіи Славянъ», Спб. 1871, и въ чешскомъ «Научномъ Словникѣ»; Иречка, Gesch. 552, 557, 570; «Р. Архивъ», Бартенева, 1863, № 3—4.

сколькими языками: русскимъ, сербскимъ, румынскихъ, турецкимъ, древнимъ и новымъ греческимъ, писалъ по-французски. Его литературная дѣятельность началась послѣ крымской войны изданіемъ „Блъгарской Дневницы“ въ Новомъ-Садѣ, которая была, однако, запрещена австрійскимъ правительствомъ. Тогда же онъ издалъ книжку: „Предвѣстникъ горскаго пѫтника“, и поэму: „Горскій Пѫтникъ“ (Новый-Садъ, 1857). Въ первой онъ изложилъ свои мысли о событіяхъ въ Болгаріи во время крымской войны; его патріотическая поэма имѣла въ Болгаріи огромный успѣхъ. Въ 1858 г. онъ поселился въ Одессѣ, въ качествѣ наставника молодыхъ Болгаръ, учившихся въ тамошней семинаріи, но въ 1860 мы находимъ его уже въ Бѣлградѣ, гдѣ онъ сталъ издавать газету „Дунавскій Лебедъ“ (1860—62), и въ 1862 г., когда происходило бомбардированіе Бѣлграда и готовилось возстаніе и война съ Турками, Раковскій организовалъ въ Бѣлградѣ болгарскій легіонъ. Затѣмъ онъ поселился въ Бухарестѣ, гдѣ въ 1864 издавалъ газету „Будущность“; въ 1866, во время волненій въ Дунайскихъ Княжествахъ, онъ снова-было устроивалъ болгарскій легіонъ, потомъ долженъ былъ бѣжать въ Россію. Онъ умеръ въ Бухарестѣ въ 1868.

Кромѣ этой журнальной, революціонной дѣятельности, Раковскій занимался учеными работами. Живя въ Одессѣ, онъ издалъ свою первую книгу этого рода: „Показалецъ или Рѫководство“ и пр. (какъ изыскивать и изслѣдовать древнѣйшія черты нашего бытія, языка, народности, стараго нашего правленія, славнаго нашего прошедшаго и проч., 1859); далѣе: „Нѣколко рѣчи о Асѣню Пьрвому, великому царю българскому, и сыну му Асѣню Второму“ (Бѣлградъ 1860), “Българска Старина“ (Бухар. 1865). Всѣ эти книги—странная смѣсь цѣннаго научнаго матеріала и крайнихъ фантазій. Раковскій хорошо зналъ народную жизнь и старину, но у него не было научнаго пріема; горячее патріотическое чувство торопило его возстановить „славное прошедшее“ своего народа, и онъ наполнялъ его фантастическими мечтаніями. Книга „Показалецъ“ въ бо́льшей части состоитъ изъ любопытнаго описанія болгарскаго быта, но въ предисловіи и программѣ онъ пускается въ невозможныя соображенія о болгарской древности. Какъ истый Болгаринъ, онъ прежде всего отвергаетъ „эллинскихъ“ древнихъ писателей и ищетъ родины болгарскаго народа и ближайшихъ его связей въ самомъ источникѣ европейскихъ народовъ, въ Индіи: санскритъ (Раковскій называетъ его „самъскритій“) и болгарскій языкъ отличаются очень мало; болгарская миѳологія есть индійская и т. д., — должно слѣдовать, разумѣется, что Болгары — именно первобытный народъ въ Европѣ. Въ „Болгарской Старинѣ“ Раковскій продолжаетъ ту же тэму... Страшное настоящее своего народа заставляло безпомощнаго патріота бросаться въ баснословіе, чтобы хоть тамъ

найти удовлетвореніе чувству, искавшему для своего народа славы, значенія и свободы...

Другой болгарскій историкъ, Гавріилъ Крестовичъ (Крьстьовичъ), одно время издатель „Болг. Книжицъ", работалъ въ литературѣ еще съ конца 30-хъ годовъ, и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ церковномъ вопросѣ. Его „Історія блъгарска" (пока одинъ томъ, Царьгр. 1869—71) указываетъ въ авторѣ большую начитанность въ историческихъ источникахъ, но также не обошлась безъ національнаго преувеличенія: исторію Болгаръ онъ начинаетъ, какъ Венелинъ, съ исторіи Гунновъ и Атиллы. Но важнѣйшій и уже вполнѣ по-европейски ученый историкъ болгарскій есть Маринъ Дриновъ, родомъ изъ Панагюрима (род. 1838), воспитанникъ московскаго университета, и въ настоящее время профессоръ въ Харьковѣ и лучшій знатокъ болгарской древности въ славянской литературѣ. Главныя сочиненія его—о древней болгарской исторіи, объ исторіи болгарской церкви и пр., указаны выше въ числѣ источниковъ; кромѣ того, въ „Період. Списаніи" онъ помѣстилъ статьи о Паисіи и Софроніи, объ источникахъ для болгарской исторіи въ итальянскихъ библіотекахъ и архивахъ, о новоболгарской азбукѣ, печаталъ болгарскія пѣсни, критическія статьи и т. д.

Вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ въ болгарской читающей публикѣ пользуются чрезвычайно оригинальныя записки болгарскаго гайдука Панайота Хитова. Сынъ богатаго овцевода (род. 1830), человѣкъ мужественный, опытный и вмѣстѣ добродушный, онъ возмущался турецкими притѣсненіями и рѣшилъ искать счастья въ Балканахъ; онъ сталъ предводителемъ гайдуковъ, былъ въ связяхъ съ Раковскимъ и задумывалъ возстаніе въ 1862 году. Возстаніе не удалось; Панайоту пришлось долго скитаться въ Балканахъ съ немногими спутниками въ суровую бурную зиму, и разсказъ о гайдуцкой жизни составилъ содержаніе его книги: „Моето пѫтуване по Стара планина" (Бухар. 1872). Авторъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился письму, но это не помѣшало его книгѣ быть оригинальнымъ и живымъ разсказомъ.

„Ново-болгарская литература,—говоритъ Иречекъ,—представляетъ теперь (въ 1876) болѣе 800 книгъ и 51 періодическое изданіе; среднимъ числомъ выходитъ ежегодно до 50 сочиненій. Въ молодой литературѣ нельзя не замѣтить извѣстной незрѣлости, происходящей отъ неполнаго и односторонняго образованія большинства писателей; за то самостоятельныя работы послѣднихъ лѣтъ подаютъ большія надежды въ будущемъ".

Основной причиной незрѣлости было разумѣется одно—невозможное положеніе общества подъ турецкимъ игомъ, невозможность открытія и существованія высшихъ школъ, раздѣленіе Болгаръ турецкихъ и заграничныхъ,—причемъ для первыхъ свободная литература была не-

мыслима и они обязаны были рабской лестью злѣйшему врагу, а послѣдніе, истинные представители стремленій къ свободѣ, были исключены изъ своего отечества [1]).

Незрѣлость литературы обнаруживается и въ положеніи литературнаго языка, который доселѣ еще не установился въ прочную форму.

Новый болгарскій языкъ до сихъ поръ еще не былъ вполнѣ опредѣленъ; его исторія, и его настоящее состояніе въ различныхъ нарѣчіяхъ еще ждутъ научнаго изслѣдованія. Выше мы упоминали, что въ памятникахъ начала XVII вѣка (какъ Люблянскій сборникъ, описанный Ламанскимъ) болгарскій языкъ является уже съ тѣми особенностями, какія отличаютъ его теперь и которыхъ начало должно, разумѣется, восходить еще далѣе въ древность. Въ настоящее время болгарскій языкъ есть одно изъ наиболѣе „испорченныхъ", какъ говорится, славянскихъ нарѣчій, представляющихъ сильнѣйшій упадокъ формъ и обнаруживающихъ отсутствіе литературной обработки.

Во-первыхъ, онъ испыталъ потери въ звукахъ. Какъ мы прежде указывали, предполагается обыкновенно, что древній болгарскій языкъ былъ именно тотъ старо-славянскій языкъ древнѣйшихъ памятниковъ, который отличался такимъ обиліемъ и полнотой звуковъ и формъ. Но уже въ памятникахъ XI — XII в. замѣчается неправильность въ употребленіи носовыхъ звуковъ, которая потомъ больше и больше возрастаетъ, такъ что въ средне-болгарскомъ эти звуки окончательно смѣшиваются [2]). Въ новомъ болгарскомъ старые носовые звуки вообще упали въ что-то неясное; другіе звуки также потеряли опредѣленность.

Въ своемъ формальномъ составѣ ново-болгарскій языкъ испыталъ разложеніе синтетическихъ формъ, рѣдкое въ славянскихъ нарѣчіяхъ: въ немъ существуетъ членъ (изъ указательнаго мѣстоименія,—одинъ примѣръ подобной роли мѣстоименія есть въ старомъ нашемъ лѣтописномъ и современномъ разговорномъ языкѣ), прибавляемый къ концу существительнаго или прилагательнаго; склоненіе падежное пало и смѣни-

---

[1]) Эту сторону положенія вѣрно указываетъ Ягичъ, Archiv für slav. Phil. I, 560. Для примѣра укажемъ одну черту. Въ сочиненіяхъ Болгаръ свободныхъ (эмигрантовъ)—одна тэма, занимающая всѣ мысли: турецкое иго, и мысли о возстаніи и свободѣ. Въ мѣстной литературѣ, цареградской или рущукской, не только отсутствуетъ эта тэма, но турецкая «сѣнь» упоминается съ благодарственными эпитетами (иначе автора могли при случаѣ повѣсить). Нравоописательные разсказы Каравелова—рядъ трагическихъ фактовъ; въ повѣсти Блескова «Злочеста Крьстинка», печатанной въ Рущукѣ, въ описаніи болгарскаго быта нѣтъ и рѣчи о какихъ-нибудь отношеніяхъ къ турецкой власти; одинъ только разъ является Турокъ, какъ «правдолюбивій мюслюманинъ», водворяющій справедливость! Но тонъ повѣсти все-таки очень унылый.

[2]) Ср. объ этомъ замѣчанія Ламанскаго, въ ст. «Непорѣш. вопросъ».

лось склоненіемъ съ помощью предлоговъ; спряженіе потеряло неокончательное наклоненіе, причастіе и т. п. Наконецъ, чрезвычайно измѣнился словарь. Болгары изъ всѣхъ Славянъ были ближайшими сосѣдями Турокъ и Грековъ, и когда тѣ и другіе господствовали надъ ними съ полнымъ униженіемъ болгарской народности, въ болгарскій языкъ вошло множество словъ турецкихъ и греческихъ, которыя странно пестрятъ славянскую основу.

Надо прибавить съ другой стороны, что въ ново-болгарскомъ языкѣ сохранилось много архаизмовъ по мѣстнымъ нарѣчіямъ, — можно думать, что ихъ изученіе еще прольетъ свѣтъ на исторію болгарскаго языка и на тотъ „непорѣшенный вопросъ“: кому же наконецъ принадлежалъ „старо-славянскій“ языкъ первыхъ памятниковъ? Такъ напр., открыто было въ мѣстныхъ говорахъ существованіе настоящаго ринезма [1]); такъ сохранились архаическіе остатки въ словарѣ, и т. д.

Въ другихъ языкахъ, напр. въ русскомъ, непрерывность литературной обработки (хотя и здѣсь не было вполнѣ ровнаго развитія) сдѣлала то, что переходъ отъ древнихъ книжныхъ формъ до новѣйшаго литературнаго языка совершался съ извѣстной постепенностью, и языкъ литературный естественно сберегалъ нѣкоторыя черты, которыя съ пользой служили для полноты выраженія, хотя чисто-разговорный языкъ начиналъ забывать о нихъ. У Болгаръ, какъ и у Сербовъ было совсѣмъ иначе. Ихъ старая литература окончилась на XIV—XV вѣкѣ; скудная книжность держалась потомъ условнаго церковнаго языка (взятаго притомъ изъ русскихъ книгъ, гдѣ онъ принялъ извѣстный русскій оттѣнокъ), и переходъ къ новой литературѣ былъ скачкомъ, какъ напр. въ нашей литературѣ былъ бы скачокъ отъ Іосифа Волоцкаго и Максима Грека къ языку Гоголя. Литературныя попытки были такъ рѣдки, что не производили никакого общаго дѣйствія; писатель Люблянскаго сборника говорилъ просто народнымъ языкомъ, Паисій мѣшалъ церковный съ народнымъ, новѣйшіе писатели до сихъ поръ не рѣшили труднаго вопроса. То же было у Сербовъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда Вукъ Караджичъ сталъ рѣшительно на сторону живого народнаго языка (въ герцеговинскомъ нарѣчіи), который и легъ въ основу новаго литературнаго сербскаго языка. Болгарская литература остается на той ступени, на которой была сербская до Вука: съ одной стороны Болгары имѣютъ предъ собой литературное преданіе — съ готовымъ запасомъ формъ и готовыхъ словъ церковнославянскаго и русскаго образованія, но мало извѣстныхъ нынѣшнему народу; съ другой стороны—живой языкъ, которому нужна обработка.

---

[1]) Напр. см. о Костурскомъ говорѣ, въ Пер. Спис. XI—XII, стр. 163; также у Болгаръ въ Трансильваніи, и др.

Ко всему этому, въ самомъ народномъ языкѣ еще доселѣ не выбрана одна общепризнаваемая форма, не принято одно правописаніе [1]).

---

3. Народная поэзія Болгаръ.

Изученіе болгарской народной поэзіи началось очень недавно, и какъ по этому, такъ вообще по ограниченнымъ размѣрамъ болгарскаго книжнаго образованія, оно не оказало такого вліянія на литературное развитіе, какъ это было напр. у Сербовъ, и еще далеко не разъяснило самаго предмета. Значительныя собранія болгарскихъ пѣсенъ являются только въ послѣдніе годы. Знаменитый сербскій собиратель Вукъ Караджичъ впервые напечаталъ въ своей „Песнарици Сербске" (Вѣна, 1815) и въ своемъ „Додатку к С.-Петерб. сравнит. рјечницима" (Вѣна, 1822) нѣсколько болгарскихъ пѣсенъ, преимущественно женскихъ. Въ 1842 г. Иванъ А. Богоевъ (онъ же—Богоровъ) издалъ свой сборникъ [2]), гдѣ помѣщено двѣнадцать любопытныхъ былинъ. Нѣсколько пѣсенъ напечатано было въ Москвитянинѣ 1845 (ч. VI, № 12). Въ сороковыхъ годахъ, значительное количество болгарскихъ пѣсенъ собралъ В. Григоровичъ, но только часть ихъ была напечатана въ хорватскомъ журналѣ „Kolo" (1847. кн. 4 — 5) и въ „Казанскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ". Нѣсколько пѣсенъ издано было въ академическихъ „Извѣстіяхъ" изъ собраній С. Палаузова и Найдена Герова [3]). П. Р. Славейковъ напечаталъ „Болгарскія пѣсни" въ Петербургѣ, 1855. Болгаринъ Хаджи Найденъ Іовановичъ издалъ небольшой сборникъ „Нови бългapcки народни пѣсни" (Бѣлградъ, 1851). Далѣе, довольно много народныхъ пѣсенъ напечатано было въ болгарскихъ журналахъ, напр. въ „Цареградскомъ Вѣстникѣ", „Болгарскихъ Книжицахъ" „Общемъ Трудѣ" Икономова, особенно въ „Період. Списаніи" и др. Первый большой сборникъ изданъ былъ П. Безсоновымъ: „Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ" (М. 1855); къ этому сборнику онъ присоединилъ изслѣдованіе сербскаго и болгарскаго эпоса, и изученіе болгарскаго языка. Затѣмъ сербско-болгарскій археологъ Стефанъ И. Верковичъ издалъ „Народне песме македонски Бугара" (Бѣлградъ, 1860, XIX и 373 стр.), которыхъ вышла пока только первая

---

[1]) Странно напр. читать (въ предисловіи къ «Нещастной Фамиліи» Друмева) заявленіе автора, что въ новомъ изданіи употребляется членъ, котораго въ первомъ изданіи не было.

[2]) Бѫлгарски народни пѣсни и пословици, кн. 1. Пестъ, 1842. 16⁰, 63 стр.

[3]) Потомъ онѣ явились въ «Памятникахъ и образцахъ нар. языка и словесности русскихъ и зап. Славянъ». Спб. 1852—56. Тамъ же два сборника пословицъ, Д. Мутева и Безсонова.

книга, заключающая въ себѣ женскія пѣсни. Наконецъ, послѣдній замѣчательный сборникъ издали братья Миладиновы.

Исторія болгарскаго возрожденія съ почтеніемъ сохранитъ имена Миладиновыхъ, какъ мучениковъ народнаго дѣла. Они были родомъ изъ Струги, близъ Охриды, въ Македоніи. Старшій изъ нихъ, Димитрій, былъ ревностнѣйшимъ болгарскимъ дѣятелемъ въ Македоніи, гдѣ возрожденіе вообще шло болѣе туго и медленно, и гдѣ были въ особенности сильны притязанія Грековъ, считавшихъ Македонію нераздѣльной частью Эллады, хотя подъ турецкой властью. Миладиновъ былъ учителемъ сначала въ Прилѣпѣ, гдѣ его помощникомъ былъ одно время Жинзифовъ, потомъ въ Кукушѣ, небольшомъ городкѣ близъ Солуня, населенномъ исключительно Болгарами. Здѣсь по его стараніямъ введена была славянская литургія; это было къ концу 50-хъ годовъ, когда разгорался церковный вопросъ и съ нимъ національное движеніе. Константинъ Миладиновъ въ это время находился въ Московскомъ университетѣ, гдѣ вообще собрался около этого времени кружокъ студентовъ, будущихъ болгарскихъ дѣятелей. Димитрій между тѣмъ навлекъ на себя своей дѣятельностью страшную ненависть полянскаго епископа Мелетія, необузданнаго фанаріота, котораго, говорятъ, должны были удалить оттуда, но который вскорѣ опять явился въ Македонію митрополитомъ Охридскимъ. Лѣтомъ 1861, когда Димитрій жилъ дома въ Стругѣ, онъ былъ арестованъ по фанаріотскому обвиненію въ государственной измѣнѣ и свезенъ въ Константинополь. Младшій братъ, окончившій курсъ въ университетѣ, только-что докончилъ въ это время въ Загребѣ печатаніе сборника пѣсенъ, составленнаго обоими братьями и изданнаго на счетъ извѣстнаго хорватскаго епископа и патріота Штросмайера. Константинъ поспѣшилъ въ Царьградъ, чтобы спасти брата. Хотя его предостерегали, онъ посѣтилъ Димитрія въ тюрьмѣ, и самъ уже не вышелъ изъ нея. Штросмайеръ черезъ австрійскаго посланника хлопоталъ объ освобожденіи Миладиновыхъ; приняло мѣры и русское правительство. Порта отдала приказаніе освободить Миладиновыхъ, но было поздно; фанаріоты успѣли сдѣлать свое дѣло — оба брата были отравлены въ тюрьмѣ, въ ноябрѣ 1861 [1]).

Сборникъ братьевъ Миладиновыхъ [2]) до сихъ поръ есть самый богатый сборникъ болгарскихъ пѣсенъ.

Къ этому списку надо прибавить еще упомянутыя книги Раковскаго, гдѣ въ описаніяхъ народной жизни и обычаевъ, среди исто-

---

[1]) См. Иречка, Gesch. 554—555; Slovník Naučný, s. v. (гдѣ между прочимъ любопытное замѣчаніе о мнѣніяхъ Константина Мил. относительно Россіи); «Поэзія Славянъ», стр. 308—309; «День», 1862, № 21, 22, 46, 48.

[2]) Бѫлгарски народни пѣсни, собрани одъ братья Миладиновци, Димитрія и Константина. Загребъ, 1861 (съ посвященіемъ Штросмайеру). VIII и 538 стр.

рическихъ и миѳологическихъ изслѣдованій и фантазій приведено также нѣсколько пѣсенъ („Горскій Путникъ", „Показалецъ", „Нѣколко рѣчи", „Болг. Старина"); Л. Каравелова „Памятники народнаго быта Болгаръ" (одна 1-я часть, М. 1861); далѣе въ особенности книгу Василія Чолакова [1]), нѣкогда друга Миладиновыхъ, бывшаго также учителемъ, а потомъ монаха въ Рыльскомъ монастырѣ, и наконецъ французскую книгу Дозона: „Chansons populaires bulgares inédites". Paris, 1875 [2]).

Матеріалъ, заключающійся въ названныхъ нами изданіяхъ, еще не имѣлъ почти никакой ученой разработки, кромѣ изслѣдованія г. Безсонова. Болгарская народная поэзія и въ особенности болгарскій эпосъ, были настоящимъ открытіемъ—такъ мало знали о нихъ до послѣдняго времени даже люди, интересовавшіеся дѣломъ. Но и теперь содержаніе болгарской поэзіи извѣстно еще далеко не вполнѣ. Сдѣланные доселѣ сборники далеко не истощаютъ изобильнаго матеріала, и напр. братья Миладиновы особенно указывали необычайное богатство пѣсенъ въ ихъ краѣ, Македоніи, гдѣ почти исключительно собранъ ихъ сборникъ. Народная поэзія Болгаръ вообще представляетъ много общаго съ поэзіей сербской. Тотъ же основный складъ быта, сходство исторической судьбы, сближавшей оба народа въ одинаковыхъ обстоятельствахъ и потомъ подъ однимъ игомъ, тѣ же общія черты мѣстной природы отзываются и общимъ топомъ, а часто и общимъ содержаніемъ ихъ народной поэзіи. Племенное различіе обнаруживается въ частныхъ подробностяхъ народной поэзіи, до сихъ поръ впрочемъ мало опредѣленныхъ. Болгарскія пѣсни достигаютъ иногда по своимъ мотивамъ замѣчательной древности, и исторія славянскаго обычая и древняго быта еще найдетъ въ нихъ много любопытнаго матеріала. Существенное дѣленіе болгарскихъ пѣсенъ то же, какъ и въ сербскихъ; это—пѣсни женскія, пѣсни личнаго чувства; пѣсни обрядныя, и пѣсни мужскія, эпосъ. Въ частности Миладиновы дѣлятъ пѣсни на самовильскія, церковныя, юнацкія, овчарскія (пастушьи), жалобныя, смѣшныя, любовныя, свадебныя, Лазарскія и жатвенныя (сборн. Милад., VI).

Самовильскими пѣснями они называютъ тѣ, въ которыхъ являются дѣйствующими лицами самовилы (самодивы), соотвѣтствующія сербскимъ виламъ, чудесныя женскія существа, обитающія въ горахъ.

[1]) Българскый Народенъ Сборникъ. Събранъ, нареденъ и издаденъ отъ Василія Чолакова. Болградъ, 1872. Ч. I. XXIV и 356. Въ Період. Спис. V—VI, 340 и слѣд. отнеслись строго къ Чолакову за недостатокъ научныхъ пріемовъ; но во всей болгарской литературѣ было пока только два-три человѣка, владѣвшіе научными пріемами, и это соображеніе должно бы, кажется, умѣрить строгость критики. Гдѣ было взять эти пріемы?

[2]) Въ 1869, Сербъ М. С. Милоевичъ издалъ въ Бѣлградѣ «Песме и обичаи укупног народа србског», и въ числѣ пѣсенъ помѣстилъ много чисто-болгарскихъ, переправленныхъ имъ на сербскій языкъ при помощи Болгарина, Стояна Везенкова. (Період. Спис. V—VI, 341).

Этимъ пѣснямъ приписывается особенная древность, такъ какъ самовилы, юды (водяныя существа) считаются остаткомъ древнѣйшей миѳологіи. Пѣсни „церковныя“ соотвѣтствуютъ нашимъ духовнымъ стихамъ и легендѣ. Ихъ содержаніе только отчасти принадлежитъ „церковной“ книгѣ, но всего больше легендарнымъ и народно-апокрифическимъ сказаніямъ. Нѣкоторые сюжеты повторяются въ сербскихъ пѣсняхъ и имѣютъ аналогіи съ нашими преданьями. Главныя лица—Божья Матерь, „старъ свети Илія“, св. Георгій, „света Петка и света Неделя“, св. Никола, св. Петръ. Содержаніе иногда представляетъ очень свободную и поэтическую переработку легенды [1]). Легендарныя пѣсни Болгаръ должны заключать, судя по извѣстнымъ образчикамъ, много любопытнаго, но до сихъ поръ издано ихъ мало, а разработаны онѣ еще менѣе.

Юнацкія пѣсни Болгаръ соотвѣтствуютъ юнацкимъ пѣснямъ у Сербовъ, но у Болгаръ онѣ поются одинаково и женщинами. Въ содержаніи тѣхъ и другихъ, какъ мы замѣтили, есть много общаго, и близость сербскаго и болгарскаго эпоса между прочимъ выразилась въ томъ, что въ XV—XVII столѣтіи у западныхъ Сербовъ, въ Далмаціи, юнацкія пѣсни назывались даже болгарскими („бугаркице“, „бугарштице“). Объемъ юнацкаго эпоса у самихъ Болгаръ пока не можетъ считаться выясненнымъ.

Относительно его, Безсоновъ принималъ три историческіе періода, параллельные съ періодами эпоса сербскаго. Въ этомъ послѣднемъ онъ считаетъ три главныя эпохи: первую, которая обнимаетъ древнѣйшій періодъ самостоятельнаго сербскаго царства и заканчивается косовской битвой; вторую, изображающую героевъ, переживших эту битву или являющихся въ сторонѣ отъ нея и послѣ нея; третью, заключающую время турецкаго ига, періодъ гайдучества, доходящій съ конца XV до XVIII (вѣрнѣе до XIX) вѣка. Болгарскій эпосъ можетъ быть понятъ вообще только сравнительно съ сербскимъ. Болгары и Сербы были такъ давно сосѣдями, такъ часто встрѣчались другъ съ другомъ въ мирѣ и враждѣ, жили въ такихъ сходныхъ отношеніяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ, что ихъ поэзія естественно можетъ представлять много точекъ соприкосновенія. Но болгарскій эпосъ сохранился и послѣ былъ производителенъ гораздо меньше, какъ вообще болгарскій характеръ обнаруживаетъ меньше энергіи и стойкости, быть можетъ потому, что ему пришлось вынести болѣе суровыя историческія испытанія. Въ границахъ первыхъ двухъ періодовъ, сходство

[1]) Такова напр. «Коледарска пѣсень за едно чудо, съ косто свети Никола воздвилъ си светии, когато тѣ празднувале крщеньето на млада Бога», записанная Дриновымъ (Пер. Спис. XI—XII, 157—158); ея прототипъ — въ легендѣ о св. Николаѣ (въ Рум. Златоустѣ 1523, № 181, л. 308—309, и Опис. Рукоп. Хлудова, стр. 358—360).

болгарскаго эпоса съ сербскимъ ограничивается только самыми общими чертами, нѣсколькими преданіями и эпическими пріемами. Сербскій эпосъ этого времени нерѣдко касается болгарскихъ событій и героевъ, но болгарскій эпосъ самъ почти не знаетъ этихъ двухъ періодовъ: онъ затерялъ уже преданія этого періода, и если въ немъ есть еще отрывочныя воспоминанія миѳологической эпохи, то историческій періодъ болгарскаго царства въ немъ, кажется, совершенно забытъ. Самыя старыя пѣсни вспоминаютъ только о кралѣ Шишманѣ, послѣднемъ царѣ болгарскаго царства (сборн. Миладиновыхъ, стр. 73 слѣд.), затѣмъ воспѣваются герои позднѣйшіе: Степанъ, Юрій Арнаутъ, Стоянъ, Дойчинъ, Янкулъ (Янъ Гуніадъ), Секула, Богданъ, Бояна и др.; самые извѣстные изъ нихъ — Марко Кралевичъ, знаменитый по сербскимъ пѣснямъ, и гайдукъ Стоянъ. Марко Кралевичъ почти не меньше принадлежитъ Болгарамъ, чѣмъ Сербамъ. Исторически онъ связанъ съ тѣми и другими какъ князь, даже „краль" въ болгаро-сербскомъ углу Македоніи. Это—представитель переходной эпохи; послѣ паденія царствъ, онъ еще держался полу-независимымъ владѣтелемъ, но уже не воевалъ противъ Турокъ. Преданье, у Болгаръ и Сербовъ, изображаетъ его въ разныхъ оттѣнкахъ юначества, отражавшихъ различное положеніе самого народа. Его эпическая слава была такъ велика, что преданье присвоило его имя разнымъ сербо-болгарскимъ мѣстностямъ Балканскаго края на обширномъ пространствѣ, отъ Прилѣпа, гдѣ онъ княжилъ и гдѣ еще указываютъ его зàмокъ на горѣ, до знаменитой Шипки, у перевала которой къ Габрову указываютъ „Марко-кральскій градъ". Пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ самыя многочисленныя изъ юнацкаго эпоса Болгаръ, насколько онъ до сихъ поръ извѣстенъ.

Времена турецкаго ига доставили самую бóльшую долю содержанія болгарскаго эпоса. Такъ еще къ первымъ временамъ ига должна быть отнесена замѣчательная пѣсня объ отбираніи дѣтей въ янычары [1]). Съ этихъ поръ должны идти и пѣсни о гайдуцкихъ подвигахъ [2]). Гайдуки—также общіе герои позднѣйшаго сербскаго и болгарскаго эпоса: подъ турецкимъ владычествомъ народная сила исчезла, старые рóды упали, и противъ Турокъ возстаютъ только отдѣльные удальцы, — гайдуки, люди, дѣйствующіе внѣ народа, убѣгающіе шайками и порознь въ горы и ведущіе непримиримую партизанскую войну противъ Турокъ. Болгарскій эпосъ, главнымъ образомъ, знаетъ уже только этихъ гайдуковъ, и самихъ старыхъ героевъ представляетъ въ этой позднѣйшей

---

[1]) Напеч. Дриновымъ въ «Пер. Спис.» XI—XII, 147—150.

[2]) О болгарскомъ гайдучествѣ см. у Иречка, Gesch. der Bulgaren; книжку Розена: Die Balkan-Haiduken. Leipz. 1878 (книжка туркофильская); и особенно упомянутые выше разсказы Панайота Хитова (переведенные и у Розена), гдѣ помѣщено много любопытныхъ пѣсенъ и преданій о гайдукахъ.

одеждѣ гайдучества. Такимъ образомъ, болгарскій эпосъ слилъ всѣ періоды своего развитія въ одинъ, и герои его всѣ почти гайдуки. Вообще, „не зная сербскаго эпоса, мы не поймемъ болгарскаго",—замѣчаетъ г. Безсоновъ,—„ибо въ первомъ только мы встрѣчаемъ древнѣйшіе эпическіе мотивы, въ первомъ только встрѣчаемъ мы въ ясномъ свѣтѣ тѣхъ героевъ, о которыхъ у Болгаръ сохранилось большею частію только смутное и большею частію уже искаженное воспоминаніе. А потому сербскимъ эпосомъ мы постоянно должны пополнять болгарскій; ознакомившись хорошо съ лицами и событіями у Сербовъ, должны потомъ отыскивать разбросанныя черты у Болгаръ, древнихъ героевъ узнавать въ гайдукахъ, обширность древнихъ владѣній встрѣчать какъ одно воспоминаніе въ кругѣ уже узкихъ воззрѣній". Въ болѣе позднія вѣка являются конечно свои отдѣльные болгарскіе герои, но характеръ гайдучества одинаковъ и въ Сербіи, и въ Болгаріи. Несмотря на то, что гайдучество и тамъ, и здѣсь развилось совершенно независимо и самостоятельно, оно въ обѣихъ странахъ очень сходно, потому что вызвано было одинаковыми отношеніями славянскаго населенія къ турецкому игу.

Но много уступая сербскому въ давности и полнотѣ историческихъ преданій, болгарскій эпосъ не уступаетъ ему относительно эпическихъ пріемовъ и формы. „Въ этомъ отношеніи" — говоритъ г. Безсоновъ— „сербскій и болгарскій эпосъ находятся между собою въ связи ближайшей, другъ друга пополняютъ, другъ друга разнообразятъ, одинъ другому не уступаютъ. Не уступаетъ болгарскій эпосъ сербскому и относительно красоты, какъ гармоническаго выраженія всѣхъ особенностей эпоса. Такъ въ сербскомъ эпосѣ позднѣйшихъ гайдуковъ мы часто видимъ ослабленіе силы и красоты изображеній, сравнительно съ пѣснями о древнѣйшихъ періодахъ... между тѣмъ въ болгарской гайдуцкой пѣснѣ встрѣчаемъ цѣликомъ такія мѣста, какія могутъ сравниться только съ лучшими мѣстами изъ двухъ древнѣйшихъ сербскихъ періодовъ. Но только относительно понятія эпической красоты нужно условиться... Тотъ очень ошибется, кто въ болгарскомъ эпосѣ будетъ искать плодовитости, обилія, нѣжности, граціи, мягкости, свойствъ чисто-сербскихъ: взамѣнъ всего этого, онъ найдетъ у Болгаръ простоту, восходящую до суровости, глубину, силу и большую краткость. Нужно признаться, что въ этой суровости болгарскаго эпоса слышится намъ иногда отголосокъ періода древнѣйшаго, чѣмъ многія мѣста эпоса сербскаго, и мы не прочь иногда вспомнить здѣсь отношеніе Иліады и Одиссеи. Очень естественно: болгарскій эпосъ не прошелъ такого богатаго развитія во времени, не получилъ тонкаго изящества, но за то по временамъ выигрываетъ сохраненіемъ запаса первобыт-

ности. Для примѣра сравните только сербскія и болгарскія описанія домашняго быта, одежи, пищи и питья"... [1]).

Нужно упомянуть наконецъ объ особенномъ сборникѣ болгарскихъ пѣсенъ, который изданъ былъ въ 1874 Ст. Верковичемъ подъ громкимъ именемъ „Веды Славянъ" и заключалъ болгарскія пѣсни изъ временъ до-историческихъ и до-христіанскихъ [2]). Изданныя здѣсь пѣсни представляли только небольшую часть цѣлаго громаднаго собранія (до 250,000 стиховъ): здѣсь были пѣсни изъ такой отдаленной старины, какою владѣетъ едва ли какой-нибудь другой европейскій народъ: здѣсь были прямыя воспоминанія изъ индійской родины, воспоминанія о приходѣ Болгарскаго народа въ его землю, и т. п. Словомъ, это было великое открытіе, которое должно было перестроить славянскую миѳологію и исторію, представить негаданныя откровенія о славянской древности, и Болгары являлись носителями этого старѣйшаго преданія. Собирателемъ не былъ самъ Верковичъ: пѣсни записывалъ Болгаринъ, бывшій учитель въ Крушевѣ, Экономовъ; мѣстомъ, гдѣ открылся этотъ богатый родникъ, былъ Родопскій край, населенный такъ называемыми Помаками, Болгарами-магометанами.

Въ первый разъ Верковичъ далъ образчикъ „открытія" въ 1867, во время извѣстной московской этнографической выставки. Онъ прислалъ въ Москву пѣсню объ Орфеѣ [3]). „Древняя пѣсня" и на первый разъ произвела одно впечатлѣніе на любителей, и совсѣмъ другое на спеціалистовъ. Новый рядъ пѣсенъ изъ Родопскаго открытія появившійся въ „Славянской Ведѣ", возбудилъ уже прямой вопросъ о мистификаціи. Упомянутый Дозонъ занялся спеціально разборомъ этого дѣла и утверждалъ подлинность „Веды" [4]): онъ доказалъ развѣ одно, что Верковичъ не былъ авторомъ пѣсенъ. „Веду" защищалъ также Александръ Ходзько; но противъ нея рѣшительно возстали другіе, особенно І. Иречекъ, къ которому присоединился и авторъ „Исторіи Болгаръ" [5]). На археологическомъ съѣздѣ въ Казани, авг. 1877, дѣлалъ особаго рода докладъ о „Ведѣ" г. Срезневскій.

---

[1]) Безсоновъ, Болгарскія пѣсни, стр. 101—103.

[2]) Веда Словена. Български народни песни отъ предисторично и предхристиянско доба. Открилъ въ Тракия и Македония и издалъ Стефанъ И. Верковичъ. Книга I. (Le Veda Slave etc.). Београдъ 1874. XVIII и 545 стр. Съ французскимъ переводомъ en regard.

[3]) Древняя болгарская пѣсня объ Орфеѣ. Открытая Стефаномъ Верковичемъ, сербскимъ и болгарскимъ археологомъ. Изданіе В. А. Дашкова. М. 1867. 49 стр. Здѣсь Верковичъ говоритъ, что самъ записалъ ее отъ 105-лѣтняго старика. Русскій переводъ, приложенный при изданіи, сдѣланъ былъ Жинзифовымъ.

[4]) Les Chants populaires Bulgares. Rapports sur une mission littéraire en Macédoine, par M. Auguste Dozon. Paris 1874. 84 стр.

[5]) Иречекъ, Gesch. der Bulg. 568; Всев. Миллеръ, ст. въ Вѣстн. Евр. 1877, іюль (съ моей замѣткой), стр. 364—381, и Замѣтки по поводу сборника Верковича, Ж. Мин. Нар. Просв. 1877, ч. CXCIII (писавши послѣднюю статью, авторъ имѣлъ въ рукахъ и значительную долю всей коллекціи въ рукописи).

Пока не изданы еще новые образчики „Веды" и не сдѣланы другія изслѣдованія, еще нельзя окончательно опредѣлить характеръ всего дѣла; мистификація едва ли подлежитъ сомнѣнію, но вопросъ въ томъ, насколько могли имѣть долю въ пѣсняхъ мотивы дѣйствительныхъ народныхъ преданій,—что̀ возможно. Кромѣ общей невѣроятности сохраненія—не говоримъ индійскихъ, но даже древнихъ македонскихъ преданій въ болгарскомъ народѣ, на мистификацію указываетъ странное совпаденіе „Веды" и толкованій г. Верковича (см. его письма къ Н. А. Попову отъ мая и іюня 1867, и статьи въ Загребскихъ Narodne Novine, отъ 29 ноября 1869 до 24 января 1870) съ той „программой" болгарской древности, какая была дана Раковскимъ въ „Показальцѣ" (1859), и съ тѣми разсужденіями, какія изложены въ его же „Болгарской старинѣ" (1865). „Открытіе" Верковича есть—исполненіе этой программы... Теоретическое побужденіе ясно. Въ предисловіи къ изданію пѣсни объ Орфеѣ говорилось (Жинзифовымъ?): „Эта пѣсня вводитъ древнихъ Болгаръ въ общую семью индоевропейскихъ племенъ, сближая ихъ миѳическія преданія съ сказаніями Грековъ и гимнами Ригъ-Веды объ Орфеѣ. Чтобы понять то чувство, которое *должна пробудить* находка г. Верковича въ его соплеменникахъ, населяющихъ Турцію, не надо забывать, что въ числѣ разныхъ обвиненій противъ Болгаръ ихъ врагами, *немаловажную роль* играетъ мнѣніе о ихъ будто бы азіатскомъ происхожденіи отъ волжскихъ и камскихъ Болгаръ, чрезъ что они какъ-бы сближались съ Турками, такъ угнетающими ихъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняются и слова Верковича въ письмѣ его...: —Мы не должны забывать прекрасныхъ словъ Обрадовича, который сказалъ: лежитъ и будетъ лежать въ рабствѣ тотъ народъ, который не знаетъ что такое *національная гордость*".

Къ сожалѣнію, „національная гордость" была понята нѣкоторыми изъ болгарскихъ патріотовъ слишкомъ наивно. Раковскому и Верковичу казалось нужнымъ доказывать, что Болгары пришли въ Европу прямо изъ Индустана за много вѣковъ до Р. Х.; что нынѣшній болгарскій языкъ очень мало отличается отъ санскритскаго и зендскаго, которые считаются у ученыхъ языками мертвыми, что напр. „Ормуздъ" есть болгарское слово и божество; что болгарскій языкъ богаче греческаго; что древніе Греки были тѣ же Болгары и только послѣ отъ нихъ отдѣлились; что греческіе мудрецы выкрали свои идеи изъ Индіи, настоящаго и спеціальнаго отечества Болгаръ; что греческія музы были болгарскія самодивы, и т. д. Наконецъ, Раковскій прямо говорилъ, что есть „повѣствовательныя народныя болгарскія пѣсни, доказывающія бытіе Болгаръ въ Старой-Планинѣ за 300 лѣтъ до Р. Х." (Показ. XXI).

Патріотическое настроеніе такого рода, вмѣстѣ съ ненавистью къ

Грекамъ, которые казались похитителями чужой мудрости и чужой славы, абсолютное отсутствіе научной критики давали полный просторъ и для крайней довѣрчивой самоувѣренности, и для фантазіи. Если Раковскій, Верковичъ и безъ сомнѣнія многіе другіе носились съ мыслью о существованіи древнихъ болгарскихъ пѣсенъ съ памятью объ Индіи, о древнихъ греческихъ и ѳракійско-македонскихъ герояхъ, считаемыхъ болгарскими, и если въ этомъ поставлялась „національная гордость"—не мудрено, чтó могъ найтись и человѣкъ, который рѣшился доставить Болгарамъ эти національные памятники. „Славянская Веда" (въ томъ, чтó напечатано и еще болѣе, какъ мы слышали, въ томъ, что остается въ рукописи у Верковича) и доставляетъ ихъ—въ соотвѣтствіи съ программой Раковскаго [1]).

Когда мы говорили о болгарской литературѣ двѣнадцать лѣтъ назадъ, мы указывали въ церковномъ вопросѣ первое широкое движеніе болгарскаго народа въ освободительномъ смыслѣ и высказывали ожиданіе, что для него станетъ на очереди вопросъ политическаго освобожденія. Теперь наступилъ этотъ вопросъ. Рѣшаются результаты войны, когда мы пишемъ эти строки; въ жизни болгарскаго народа совершается великое испытаніе и великій переворотъ—болгарскій народъ долженъ основать на немъ свое будущее. То движеніе, которое мы видѣли до сихъ поръ, есть только элементарное введеніе къ народной образованности и сознанію, и конечно нельзя винить народа за то, чтó было недостаточнаго, слабаго, фантастическаго въ направленіи и дѣятельности его вожаковъ: страшно оглянуться на то прошедшее, которое пережито болгарскимъ народомъ, и надо отдать ему справедливость, что въ такихъ условіяхъ онъ уцѣлѣлъ и сохранилъ европейскій характеръ.

Теперь, русскій народъ принесъ великія жертвы для своихъ единоплеменниковъ, защищая ихъ бытіе; но въ теченіе послѣднихъ событій не одинъ разъ обнаружилось, что въ обществѣ слишкомъ часто недоставало пониманія того народа и того дѣла, которымъ приносились жертвы войны. Пожелаемъ, чтобы впредь явилось больше этого пони-

---

[1]) Намъ не встрѣчались отзывы болгарскихъ писателей о «Ведѣ», кромѣ одного случайнаго отзыва Дринова. Въ «Період. Спис.» (XI—XII, 152—157) онъ издалъ записанную имъ самимъ пѣсню: «Женидба на сълнцето», которая въ близкомъ варіантѣ была издана также Раковскимъ и Дозономъ (Chans. pop. 1875, 17). Въ сборникѣ Верковича также находится длинная пѣсня «Сонцева женитба со мома Вълкана»,—«която, замѣчаетъ Дриновъ, твърдѣ малко прилича на нашата, и види се, че е *сочинена* или поне прѣмайсторена отъ нѣкой *пръкаленъ българскй патриотъ*». Дриновъ намѣревался говорить особо о сборникѣ Верковича, но до сихъ поръ этого еще не было.

манія, и чтобы возникающая жизнь болгарскаго народа нашла въ нашей средѣ больше истиннаго сочувствія и нравственной опоры, чѣмъ было до сихъ поръ. Одинъ изъ главныхъ путей къ этому—историческое и бытовое изученіе. Болгарская земля и народъ—едва тронутый предметъ научнаго изслѣдованія, который долженъ бы быть близокъ намъ и вслѣдствіе многоразличныхъ отношеній его къ нашей собственной старинѣ и еще болѣе вслѣдствіе нашихъ отношеній современныхъ. Для тѣхъ, кто смотритъ на вещи преимущественно съ „національной“ точки зрѣнія, наше общественное сближеніе съ болгарскимъ народомъ должно представить особенно живой интересъ: отъ постановки этихъ отношеній будетъ зависѣть—возьмутъ ли верхъ въ будущемъ этого народа русско-славянскія связи, или мы освободимъ его только для западно-европейской эксплуатаціи. Не должно скрывать отъ себя, что можно и привлечь къ себѣ этотъ народъ, и оттолкнуть его отъ себя.

Единственная почва, на которой возможно сближеніе дѣйствительное и на которой только оно и желательно, есть почва свободной науки и общественности. У лучшихъ людей болгарскаго общества несомнѣнно стремленіе къ тому и другому. Пожелаемъ, чтобы это стремленіе укрѣпилось въ болгарскомъ обществѣ съ успѣхами школы и образованія, которые должны стать одной изъ первыхъ заботъ въ новой жизни освобождающагося народа [1]).

---

[1]) Предыдущіе листы были отпечатаны, когда вышелъ II томъ «Славянскаго Сборника», Спб. 1877, въ которомъ нѣсколько статей, оригинальныхъ и переводныхъ, относятся къ Болгаріи, именно: — «При-Дунайская Болгарія», А. Н. Мошнина (I, 346—404); — «Абагар, первый печатный памятникъ ново-болгарской литературы», М. Петровскаго (II, 1—12); — «Болгарія наканунѣ ея погрома», М. С. Дринова (III, 23—46); — Автобіографія Софронія Врачанскаго (IV, 1—28); — Записки Панайота Хитова (IV, 49—125), съ предисловіемъ о болгарскомъ гайдучествѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЮГО-СЛАВЯНЕ.

I. Сербо-Хорваты.

Имя Сербовъ, или Сербо-Хорватовъ, означаетъ цѣлое племя, которое стали было называть въ послѣднее время „иллирійскимъ“, а теперь „южно-славянскимъ“, именно обнимаетъ, кромѣ собственныхъ Сербовъ (въ княжествѣ Сербіи, Боснѣ, Герцеговинѣ, Черногоріи, Старой Сербіи), Далматинцевъ разныхъ названій, Хорватовъ, Славонцевъ; въ число „Иллировъ“ или Юго-Славянъ относятъ наконецъ близкое, но отдѣльное племя Хорутанъ. Въ слѣдующемъ историческомъ изложеніи мы остановимся прежде на собственно-сербскомъ племени [1]).

---

[1]) Сочиненія по географіи, статистикѣ и этнографіи сербскихъ земель.

— Ami Boué; C. Robert; H. Desprez; A. A. Paton; M. Mackenzie and Irby; Hahn; Шафарикъ, Лежанъ см. выше.

— Berghaus, Physikal. Atlas, 8-е отд. № 10—этногр, карта Австріи; № 19—карта Турціи, Ами Буэ.

— Ubicini (et Chopin), Provinces Danubiennes; «Univers Pittoresque», т. 39; Les Serbes de Turquie, études historiques, statistiques et politiques sur la Principauté de Serbie, le Montenegro et les pays Serbes adjacents. Paris. 1865.

— Іов. Гавриловичъ, Рѣчникъ географійско-статистичный Сербіе. Бѣлградъ, 1846.

— (Матія Мажураничъ). Pogled u Bosnu ili kratak put u onu krajinu, učinjen (1839—40) po jednom domorodcu. Загребъ, 1842.

— Das Land d. Ungarn mit Kroatien, Slavonien, Siebenbürgen und d. Militairgränze. Leipz. 1849.

— В. Караджичъ, Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона. Беч, 1849 (другіе его труды см. при біографіи).

— Jukić, Banjalučanin, Bosanski prijatel. Zagreb, 1850—51; Zemljopis i poviestnica Bosne. Zagr. 1851.

— Гильфердингъ, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. Спб. 1856. (Собр. Сочин., т. III. Спб. 1873).

— G. Tömmel, Beschreibung des Vilajet Bosnien. Wien, 1867.

— J. Rośkiewicz, Studien über Bosnien und die Herzegovina (съ картой). Leipzig, 1868.

— V. Jagić, Jihoslované, obraz historicko-statistický. Изъ «Научн. Словаря» Ригера. Прага, 1864.

— F. Kanitz, Serbien. Historisch-ethnographische Reise-studien aus den Jahren 1859—1868. Leipz. 1868.

Исторія прихода сербо-хорватскаго племени изъ сѣверной Бѣлой Сербіи и Бѣлой Хорватіи, и первоначальныхъ поселеній на Иллирійскомъ полуостровѣ съ первой половины VII вѣка, доселѣ очень темна. Довольно сказать, что племя раскинулось здѣсь на нѣсколько отдѣльныхъ земель, совершенно однородныхъ по языку, но представлявшихъ независимыя общины и маленькія государства подъ властью бановъ, жупановъ, князей и т. д. Такими отдѣльными землями были, кромѣ собственной Сербіи (Расы), Діоклея (Дукля, Зета) или нынѣшняя Черногорія; Травунія и Конавле (юго-восточный уголъ Герцеговины); Захлумье, т-е. Захолмье (бо́льшая часть нынѣшней Герцеговины); Неретва, на Адріатическомъ Приморьѣ, между р. Цетиной и Неретвой, и на близъ лежащихъ островахъ и т. д. Собственная Сербія простиралась дальше на югъ, чѣмъ нынѣшнее княжество, на такъ-называемую теперь

— Rajacsics, Das Leben, die Sitten und Gebraüche der im Kaiserthum Oesterreich lebenden Südslaven. Wien, 1873.

— Н. Поповъ, Положеніе райи въ современной Босніи. (Слав. Сборникъ. Спб. 1875. I, 318—413).

— Милићевић, Кнежевина Србија. Географија, аркеологија и проч. Бѣлгр. 1876. Большой томъ, 1253 стр.

— Arthur G. Evans, Through Bosnia and the Herzegovina on foot during the insurrection, Aug. and Sept. 1875, etc. Lond. Longmans, 1876.

По исторіи:

— Архим. Раичъ, Исторія разныхъ славенскихъ народовъ (и пр.; см. выше); Краткая исторія Сербіи. (Переводъ съ нѣмецкаго). Вѣна, 1793.

— Max. Schimek, Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama (съ 867 по 1741). Вѣна, 1787.

— Pejacsevich, Historia Serviae. Coloc. 1799.

— Engel, Gesch. von Servien und Bosnien. Halle, 1801.

— Давидовичъ, Дѣянія къ исторіи серб. народа. Вѣна, 1821.

— Видаковичъ, Историа словено-серб. народа. Бѣлградъ, 1833—35. 4 ч.

— Милутиновичъ, Исторія Сербіе одъ 1813 до конца 1815 г. Лейпцигъ, 1837.

— Possart, Fürstenthum Serbien etc. 1. Historisches und Geographisches; 2. Das Leben des Fürsten Milosch und seine Kriege. Stuttg. 1838.

— Медаковић, Повѣстница србског народа од найстаріи времена до године 1850. Нови Сад, 1851—54. 4 ч.

— L. Ranke, Die Serbische Revolution. 2-е изд. Berlin, 1844. (Русскій переводъ, Бартенева, М. 1857; 2-е изд. 1876).

— Cunibert, Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie, 1804—1850. Leipz. 1855. 2 vols.

— Die serbische Bewegung in Südungarn. Berl. 1851.

— Гильфердингъ, Письма объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ, въ Собр. Соч., т. I; рядъ статей о современныхъ дѣлахъ Сербіи, т. II.

— А. Майковъ, Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. М. 1857.

— В. Григоровичъ, О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV стол. Казань, 1859.

— Фр. Рачкій, многочисленные и замѣчательные труды котораго по сербской (преимущественно хорватской) исторіи разсѣяны въ «Книжевникѣ» и «Радѣ» югослав. Академіи.

— П. Петровъ, Историч. взглядъ на взаимныя отношенія между Сербами и Русскими въ образованіи и проч., въ «Трудахъ» Кіевской Духовн. Академіи. 1876, ноябрь.

— Н. Поповъ, Россія и Сербія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г. М. 1869. 2 тома.

Старую Сербію, и центромъ ея была Раса (нынѣ Новый-Базаръ). Она управлялась верховнымъ княземъ, или великимъ сербскимъ жупаномъ, который повидимому имѣлъ очень слабое или никакого вліянія на другія земли и вмѣстѣ съ ними зависѣлъ отъ византійскаго императора. Христіанство проникло къ Сербамъ въ первый разъ въ половинѣ VII вѣка, когда императоръ Гераклій убѣдилъ ихъ принять крещеніе отъ римскаго духовенства; но это раннее христіанство не имѣло успѣха между прочимъ вѣроятно потому, что передавалось не на народномъ языкѣ. Большинство упрямо держалось язычества. Второе крещеніе, совершенное духовными, посланными императоромъ Василіемъ, произошло, кажется, при сербскомъ князѣ Мунтимірѣ, около 868—870 г. Исторія этого времени очень запутанна: Сербы то находятся въ подчиненіи Грекамъ, то освобождаются отъ нихъ, воюютъ съ Болгарами,

---

— E. L. Mijatovics, History of Modern Serbia. Lond. 1872.

— Les Serbes de Hongrie. Leur histoire, leurs privilèges, leur église etc. Prague, 1873.

— Изданія источниковъ, историч. сказаній, лѣтописей, грамотъ: Карано-Твртковича, Николича, П. І. Шафарика, Янка Шафарика, Миклошича, Даничича, Ст. Новаковича, Макушева, Ламанскаго и проч. Отдѣльныя изслѣдованія Чед. Міятовича, Никетича, Н. Дучича и друг. въ сербскомъ «Гласникѣ» и т. д.

По языку:

— В. С. Караджичъ, Српски рјечник (и грамматика). Вѣна, 1818; 2-е изд. 1852.

— П. І. Шафарикъ, Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serb. Mundart. Pesth, 1833.

— Д. Даничичъ, Рат за српски језик и правопис. Вѣна, 1847; Српска грамматика, Вѣна, 1850 (7-е изд.: Облици српскога или хрватского језика. Загреб, 1874); Рјечник из книжевних старина српских, Бѣлгр. 1863—64, 2 ч.; Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека, Бѣлгр. 1876.

— Стоянъ Новаковичъ, Српска синтакса. 3-е изд. Бѣлгр. 1874 и отдѣльныя изслѣдованія.

— Fröhlich, Grammatik der serbischen Sprache, Wien, 1850; Serb. Wörterbuch, Вѣна, 1852—53.

— П. Лавровскій, Сербско-русскій словарь. Спб. 1870.

По исторіи литературы, старой и новой:

— П. І. Шафарикъ, Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Прага, 1851; новое изд. 1873; Geschichte der südslawischen Literatur, 4 ч. Прага, 1864—65 (I. Slowenisches und Glagolitisches Schriftthum; II. Illirisches und kroatisches Schriftthum; III. 1—2. Das Serbische Schriftthum); О славянскихъ, именно кирилловскихъ типографіяхъ въ южно-слав. земляхъ въ XV—XVII стол., въ «Часописѣ» Чешскаго Музея, 1841 (Sebrané Spisy, Прага, 1865, т. III); русскій переводъ въ «Чтеніяхъ» 1845—46.

— V. Jagić, Historija književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. I. Staro doba. Zagr. 1867 (русскій переводъ Петровскаго, Казань, 1871); Prilozi k Hist. knjiž. etc. Zagreb, 1868; Primjeri starohrvatskoga jezika; Zagr. 1866, II т.; многочисленныя статьи въ «Starine», въ «Книжевникѣ», «Радѣ», въ Archiv für slav. Philologie.

— Ст. Новаковичъ, Историја српске књижевности. 2-е изд. Бѣлгр. 1871; Примери књжевности и језика старога и српско-словенскога. Бѣлгр. 1877; Српска библиографија за новију књижевность 1741—1867. Бѣлгр. 1869. Дополненія къ ней въ «Гласникѣ» т. XXVI. XXVII. XXXI. XXXV. XL. XLI.

— В. Ламанскій, Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи. Спб. 1864.

— J. Subbotić, Einige Grundzüge aus der Gesch. der serbischen Literatur. 1850 (брошюра); Цвѣтник србске словесности, 2 свезка. Вѣна, 1853.

— Ristić, Die neuere Literatur der Serben. Berl. 1852 (брошюра). Другія сочиненія указаны далѣе въ своемъ мѣстѣ.

ведутъ междоусобныя распри дома и съ сосѣдними, сербскими же землями. Въ 924 году Сербія падаетъ жертвой упорной войны Грековъ и Болгаръ, которые оспаривали другъ у друга обладаніе Ѳракійскимъ полуостровомъ; Сербы, не успѣвшіе бѣжать въ Хорватію, были отведены въ болгарскую землю. Черезъ нѣсколько лѣтъ, остатки Сербовъ основываютъ, съ помощью Грековъ, новое княжество, которое опять подчиняется византійскому императору и движется въ той же колеѣ войнъ съ Греками и Болгарами, и междоусобій. Въ 1038 или 1039, Стефанъ Боиславъ изгналъ императорскихъ намѣстниковъ, а сынъ и преемникъ его Михаилъ, жившій вѣроятно въ Дуклѣ, даже объявилъ себя сербскимъ королемъ, получивши отъ папы Григорія VII и самые знаки царскаго достоинства. Около 1120 вошелъ на княжескій престолъ Бела Урошъ, по извѣстіямъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ родоначальникъ дома Неманичей, впервые основавшаго національное существованіе Сербіи. Зависимость отъ Грековъ ослабѣвала больше и больше. Въ послѣдній разъ вліяніе Грековъ на внутреннія дѣла Сербіи выразилось въ возведеніи на великожупанскій престолъ внука Уроша, Стефана Немани, младшаго сына Тѣши или Тѣхомила (род. 1114, правилъ въ 1159—1195), — этимъ былъ нарушенъ обычный родовой порядокъ, по которому этотъ престолъ доставался обыкновенно старшему въ родѣ. Неманя сосредоточилъ власть въ своемъ родѣ, собралъ по возможности сербскія области и внесъ въ нихъ жизнь государственное начало. Получивши въ наслѣдіе отцовскую землю, онъ долженъ былъ бороться со старшими братьями, наконецъ одолѣлъ ихъ, сталъ великимъ жупаномъ Расы, освободилъ сербскія земли отъ Грековъ, и послѣ долгаго царствованія оставилъ престолъ и пошелъ въ монахи. Онъ строилъ много церквей, обновилъ знаменитый монастырь Хилендарскій („царская лавра") на Аѳонѣ и умеръ тамъ въ 1200 г. Съ него начинается болѣе достовѣрная и блестящая пора сербской исторіи подъ управленіемъ Неманичей до 1367. Въ культурномъ смыслѣ, Сербія еще далеко не вышла изъ своего патріархальнаго древне-народнаго быта. Лѣтописцы называютъ Стефана Неманю утвердителемъ православія и „потребителемъ ересей своего отечества" т. е. патареновъ, секты богомильской; біографъ его Доментіанъ указываетъ, что въ Сербіи жило еще и язычество: Неманя, по словамъ его, „опровергъ бѣсовскіе храмы". Преемникомъ его былъ сынъ его, Стефанъ Первовѣнчанный (до 1224 г.), при которомъ родовые споры опять были причиной внутреннихъ волненій; продолжались войны съ Болгарами, греческимъ императоромъ и Венграми, которые еще ранѣе, съ половины XII в., захватили сѣверный край Сербіи, Мачву. Вѣроятно для того, чтобы пріобрѣсти себѣ союзниковъ противъ Венгріи, онъ женился на внучкѣ венеціанскаго дожа Дандоло и вступилъ въ сношенія съ папой,

чтобъ получить корону: папа велѣлъ вѣнчать его королемъ въ 1217 и Стефанъ назвался „первовѣнчаннымъ“ королемъ Сербской (Расской) и Поморской земли, Дукли и Травуніи, Далмаціи и Захлумья. Это вмѣшательство папства, начавшееся уже давно, имѣло разумѣется въ виду забрать въ свой діоцезъ области сербскихъ Славянъ. Другой сынъ Немани, Растько, еще при жизни отца сдѣлавшійся монахомъ подъ именемъ Савы, недовольный связями Стефана съ папой, удалился на Аѳонъ: поставленный въ Никеѣ архіепископомъ сербскимъ, Сава вернулся въ Сербію только тогда, когда Стефанъ, достигши своихъ цѣлей, отказался отъ римскаго католицизма, и Сава вѣнчалъ его во второй разъ на царство. Имя Савы осталось однимъ изъ знаменитѣйшихъ именъ сербской исторіи: онъ былъ первымъ архіепископомъ сербскимъ, 1219, и вмѣстѣ основателемъ независимой или автокефальной сербской церкви; онъ сталъ потомъ и знаменитѣйшимъ изъ сербскихъ святыхъ. Стефанъ оставилъ нѣсколько сыновей, которые правили одинъ за другимъ. Изъ нихъ замѣчателенъ особенно Стефанъ III или Стефанъ-Урошъ I Великій, умѣвшій сохранить цѣлость и спокойствіе Сербіи, и между прочимъ отразившій нашествіе Монголовъ, захватившихъ на своемъ пути часть сербской земли (1241). Сыновья Уроша, Драгутинъ и Милутинъ, также царствовали одинъ за другимъ. Милутинъ (или Милутинъ-Урошъ II, 1275—1321) былъ ловкій политикъ и своими войнами, въ которыхъ доходилъ до Аѳона, онъ значительно расширилъ границы сербской земли; для политическихъ цѣлей онъ считалъ позволительными всякія средства, напримѣръ, нѣсколько разъ бросалъ своихъ женъ и женился вновь, когда бракъ представлялъ ему новые виды на пріобрѣтенія: въ послѣдній разъ женился онъ на восьмилѣтней византійской принцессѣ. Этимъ хотѣли обязать его не тревожить греческой имперіи, но Милутинъ разсчитывалъ теперь во-первыхъ на прекрасную равнину Македоніи, всегда привлекавшую сербскихъ кралей, и наконецъ на самую греческую имперію. Онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе супруги греческаго императора, которая готовила ему византійскій престолъ, ловко отдѣлывался отъ другихъ претендентовъ, давалъ обѣщанія папѣ и изъявлялъ покорность римской церкви, что́ не мѣшало ему потомъ обмануть папу, когда Милутинъ увидѣлъ его безсиліе и т. д. Но Милутинъ не успѣлъ достичь своей цѣли; онъ умеръ среди своихъ предпріятій. За нимъ слѣдовалъ Стефанъ Урошъ III Дечанскій, — прозванный такъ потому, что построилъ и богато одарилъ драгоцѣнностями и селами, великолѣпную церковь и монастырь въ Дечанахъ (въ нын. Старой Сербіи), которая сохранилась до сихъ поръ какъ одинъ изъ главнѣйшихъ національныхъ памятниковъ древняго сербскаго могущества. При Стефанѣ повторились опять сцены семейной ненависти: Стефанъ,

самъ враждовавшій съ отцомъ, нашелъ врага и въ своемъ сынѣ, который, по возбужденіямъ бояръ, открыто возсталъ на него; краль, бѣжавшій изъ столицы, былъ настигнутъ и задушенъ боярами. Приключеніе чисто византійское. Этотъ сынъ былъ знаменитый въ сербской исторіи Стефанъ Душанъ (1336—1355). Сербія достигла при Душанѣ вершины своего могущества: византійскіе писатели сравниваютъ его дикую, неудержимую силу то съ занявшимся пламенемъ, то съ рѣкой, выступившей изъ своихъ береговъ. Рѣка дѣйствительно выступила изъ береговъ: кромѣ своихъ собственныхъ областей, Сербія обнимала теперь Албанію, Этолію, Эпиръ, Ѳессалію и Македонію; непокорный банъ долженъ былъ уступить Душану Боснію; Рагуза торжественно принимала его и называла своимъ покровителемъ; царь болгарскій давно признавалъ его власть. Душанъ замышлялъ завоевать самую Византію (онъ принялъ уже титулъ ромейскаго кесаря и сталъ носить тіару), и навсегда остановить приливъ Турокъ,—онъ уже предвидѣлъ опасность отъ ихъ частыхъ переходовъ въ Европу, куда зазывали ихъ противъ своихъ враговъ византійскіе императоры. Душанъ самымъ блестящимъ образомъ осуществлялъ планы цѣлаго ряда сербскихъ кралей, но смерть помѣшала ихъ завершенію. Въ сношеніяхъ съ папой Душанъ держался обыкновенной политики, изъявлялъ покорность папскому престолу, надѣясь отъ этого политическихъ выгодъ, но это не помѣшало ему быть благочестивымъ православнымъ, строить церкви и одарять монастыри, и въ своихъ законахъ осуждать въ рудники тѣхъ, кто уклонится въ „латинскую ересь". Наконецъ, Душанъ знаменитъ въ сербской исторіи своимъ законодательствомъ („Законникъ"), и основаніемъ сербскаго патріаршества, которое нужно было ему для пріобрѣтенія Сербіи полной самостоятельности. Онъ сдѣлалъ это собственной властью, безъ всякихъ сношеній съ греческими патріархами и не побоявшись навлечь на себя церковное отлученіе отъ патріарха цареградскаго. Престолъ сербскаго патріархата находился въ г. Печи (Ипекѣ), и существовалъ здѣсь болѣе четырехъ столѣтій (1346—1766). Такимъ образомъ, Сербы вступали теперь въ эпоху сознательной государственной и общественной жизни, пріобрѣли церковную независимость, развили внѣшнюю силу; они готовы были стать въ ряду народовъ европейской цивилизаціи. Но историческія обстоятельства не дали созрѣть этимъ начаткамъ: съ одной стороны явился страшный внѣшній врагъ въ лицѣ Турокъ, съ другой — внутреннія междоусобія. Душану удалось сдержать родовые споры и вмѣстѣ унизить значеніе боярства, которое играло такую роль въ этихъ спорахъ; но теперь, боярство, лишенное прежняго сословнаго значенія, стало искать иного удовлетворенія своему честолюбію; оно стремилось возвыситься само на счетъ царской власти, и слабость преемника Стефана, Уроша, дала ему возмож-

ность думать и о пріобрѣтеніи самой этой власти. Всего возможнѣе было это для областныхъ правителей: одинъ изъ нихъ, Вукашинъ, убивши Уроша на охотѣ, сдѣлался полновластнымъ господиномъ Сербіи. Не смотря на всю энергію и ловкость Вукашина, областные правители по его собственному примѣру стали стремиться къ самостоятельности: частью земель его овладѣлъ Лазарь; въ Зетѣ, Македоніи и другихъ краяхъ явились также независимые воеводы. Подобный порядокъ вещей всего меньше могъ спасти отъ наступавшихъ Турокъ, которые уже въ концѣ правленія Душана стали твердой ногой на Балканскомъ полуостровѣ. Вукашинъ воевалъ съ ними неудачно, Лазарь уже обязался ежегодной данью. Раздѣленіе Сербовъ не кончилось и теперь: когда Лазарь задумалъ возстать противъ Турокъ, султанъ Мурадъ предупредилъ его, и съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Сербію. Лазарь встрѣтилъ его съ одними Сербами; произошла знаменитая роковая Косовская битва (15 іюня 1389), окончившая независимое существованіе и остановившая исторію Сербіи.

Правда, и послѣ этого продолжалась еще извѣстная независимость Сербіи: султанъ Баязетъ оставилъ Сербію за Стефаномъ, сыномъ Лазаря, но Стефанъ долженъ былъ дать ему клятву въ вѣрности: онъ сдерживалъ эту клятву и сражался за Турокъ, не предвидя, что это послужитъ только къ гибели его собственнаго народа. Сражался за Турокъ (хотя не противъ своихъ) и Марко Кралевичъ, знаменитѣйшій изъ героевъ сербскаго героическаго эпоса, равно извѣстный Сербамъ и Болгарамъ. Сербія сохранила еще тѣнь независимости и по смерти Стефана, подъ властью энергическаго „деспота“ Юрія Бранковича. Господство Бранковичей продолжалось лѣтъ сорокъ: турецкія притязанія стѣсняли власть, угнетали народъ, и Бранковичи вынуждены были дѣлаться то вассалами Венгріи, то слугами султановъ.

„Вскорѣ началось, — говоритъ Ранке въ своей исторіи Сербіи, — истребленіе владыкъ народа, которые вмѣстѣ съ княжескимъ семействомъ принуждены были искать спасенія въ принятіи магометанства. Завѣщаніе послѣдней княгини, бѣжавшей въ Римъ и при своей кончинѣ передавшей права свои римскому папѣ, который въ знакъ принятія ихъ коснулся поднесенныхъ ему меча и башмака, — это завѣщаніе основано на томъ, что дѣти княгини, сынъ и дочь, приняли исламъ и черезъ то лишились возможности наслѣдовать ей. Знатнѣйшіе роды, угрожаемые опасностью потерять все и съ другой стороны соблазняемые надеждою сохранить свое общественное значеніе, послѣдовали примѣру княжескаго семейства. За то они получили право наслѣдственнаго владѣнія въ своихъ зàмкахъ, и пока жили согласно, пользовались своимъ вліяніемъ въ областяхъ: иногда имъ даже дозволялось имѣть визиря изъ среды своей. Но тѣмъ самымъ они отдѣли-

лись отъ народа, который твердо сохранялъ старую вѣру, и за то исключенъ былъ изъ государства, лишенъ права носить оружіе и сдѣлался райею, какъ и всѣ христіане Оттоманской Порты.

„Участь Герцеговины была нѣсколько легче; тамошніе христіанскіе князья, во главѣ воинственнаго народонаселенія, еще сохраняли нѣкоторый видъ самостоятельности: Порта своими бератами иногда признавала независимыя права ихъ, и паши должны были щадить ихъ.

„Но въ собственной Сербіи, по Моравѣ, Колубарѣ и Дунаю, турецкая система господствовала во всей своей силѣ. Султаново войско почти ежегодно ходило черезъ эти земли къ венгерскимъ границамъ, и не оставляло ихъ въ покоѣ. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда отправлялись въ Константинополь косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна подѣлена между спахіями, и жители обязаны были отправлять имъ всякаго рода службу. Они не смѣли носить оружія: при началѣ возстанія все вооруженіе ихъ состояло въ длинныхъ дубинахъ. Они не могли обзавестись лошадьми, которыхъ отнимали у нихъ Турки. Одинъ путешественникъ XVI вѣка описываетъ ихъ нищими, узниками, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливается глядѣть прямо. Каждые пять лѣтъ производился наборъ мальчиковъ: цвѣтъ и надежда народа, они уводимы были въ Константинополь для непосредственной службы султану; изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства" [1]).

Турецкое господство начало между тѣмъ уже серьезно безпокоить Европу. Борьба расширялась. Юрій Бранковичъ (1427—1457) примкнулъ къ Венгріи и Польшѣ, но и это не помогло: подвиги Яна Гуніада (прославляемаго въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ съ именемъ Сибинянина Янка) не спасли Сербію, и пораженіе Венгровъ и Поляковъ при Варнѣ (1444)—хотя Бранковичъ въ этой битвѣ не участвовалъ — повлекло за собой полное господство турецкаго ига, съ тѣхъ поръ павшаго на балканское Славянство. Сербамъ предлагали защиту подъ условіемъ католицизма, но ни Юрій Бранковичъ, ни сербскій народъ не принимали этого условія. Да и оно было бы безполезно. Въ 1459 Сербія окончательно пала; Бранковичи переселились въ Венгрію, гдѣ еще нѣсколько времени пользовались титуломъ „деспотовъ". Въ 1463 была завоевана Босна, въ 1483 Герцеговина; наконецъ въ 1521 палъ Бѣлградъ, и Турки двинулись дальше, въ земли венгерскія и хорватскія. Страна находилась въ бѣдственномъ положеніи, становилась сценой войнъ, земли переходили изъ рукъ въ руки, и Сербы нѣсколько разъ переселялись изъ турецкихъ областей въ Срѣмъ, Банатъ и въ Венгрію. Въ 1690 перешелъ изъ Старой Сербіи въ Австрію патріархъ Арсеній Черноевичъ и съ нимъ тридцать семь тысячъ серб-

[1]) Ранке, Исторія Сербіи, М. 1857, стр. 25—26.

скихъ семействъ, которымъ даны были земли, обѣщаны религіозныя и общественныя права. Мѣсто Сербовъ въ этомъ краѣ заняли Албанцы, которые, принявъ магометанство, еще болѣе увеличили силу Турокъ. Турки конечно не хотѣли допустить вліянія Арсенія въ своихъ земляхъ, и для Сербіи поставленъ былъ новый патріархъ; но народныя возстанія продолжались и Турція отняла наконецъ у Сербовъ право выбирать собственнаго патріарха и подчинила ихъ патріаршеству константинопольскому, въ вѣрности котораго не сомнѣвалась. Вмѣстѣ съ независимостью церкви, народъ потерялъ послѣднее общественное значеніе и послѣднюю возможность образованія... Тяжесть ига произвела то, что множество народа приняло исламизмъ. Отуреченіе началось особенно въ Боснѣ, съ бояръ, которые посредствомъ отступничества желали сохранить и въ новыхъ условіяхъ власть и богатство.

Другія земли имѣли ту же участь: Босна и Герцеговина подъ конецъ терпѣли то же самое угнетеніе. Босанская исторія, мы видѣли, очень часто совпадаетъ съ сербской. Босна имѣла своихъ независимыхъ бановъ, впослѣдствіи имѣла даже своихъ королей, но также не могла составить цѣльнаго и прочнаго государства: въ религіозномъ отношеніи она подвергалась вліянію Рима или колебалась между православіемъ и патаренскою ересью, въ политическомъ подчинялась вліянію то Византіи, то Сербіи, то въ особенности Венгріи. Во внутреннихъ ея отношеніяхъ господствуетъ то же явленіе, которое мы замѣчали въ Сербіи—усиленіе боярства, которое повлекло за собой раздѣленіе областей, ослабленіе политической силы и наконецъ подчиненіе турецкому игу. Отуреченіе всего сильнѣе дѣйствовало въ Боснѣ, гдѣ постоянная встрѣча православія съ католицизмомъ и патаренскою ересью дѣлала болѣе возможнымъ измѣненіе религіи [1]).

Юго-западная часть Сербіи, Зета или Дукля (Діоклея, Діоклитія), изъ которой вышелъ родъ Неманичей, также недолго осталась свобод-

---

[1]) «Боснія,—говоритъ Лежанъ,—находится въ особенныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Въ собственной Сербіи феодальные владѣтели (въ старое время), развившіеся очень поздно и только изъ подражанія западу, были вовлечены въ несчастія своей родины и погибли или низошли на степень райевъ, какъ и остальной народъ... Въ Босніи, напротивъ того, высшее сословіе приняло исламизмъ, чтобы сохранить свои лены, и составляетъ до сихъ поръ элементъ самый отсталой и наиболѣе феодальный во всей Турціи; и дѣйствительно, Боснія не переставала протестовать съ оружіемъ въ рукахъ противъ реформъ Махмуда II и Абдулъ-Меджида. Это аристократія слишкомъ тягостная для своихъ васалловъ, мусульманская, но вовсе не турецкая; она сохраняетъ свои обычаи, свой языкъ, фамильныя прозванія, и путешественникъ, знающій одинъ турецкій языкъ, впадалъ бы въ безпрестанныя ошибки, проѣзжая Боснію. Съ другой стороны райи, подавленные податями и налогами, берутся часто за оружіе во имя своей вѣры и гатти-гумаюна, и внутренняя борьба уменьшаетъ безпрерывно населеніе Босніи, (турецкой) Кроаціи и особенно Герцеговины, гдѣ христіане въ большемъ числѣ и смѣлѣе, вслѣдствіе сосѣдства съ Черногоріей» (Этногр. Сборн., стр. 30—31). Такъ было въ пятидесятыхъ годахъ. Невыносимый гнетъ вызвалъ наконецъ возстаніе 1875 года, которое кровавымъ образомъ напомнило Европѣ (и намъ) о существованіи славянскаго вопроса.

ной; приближеніе Турокъ заставило ея жителей уйти въ горы, — это было основаніе знаменитой Черногоріи, единственнаго сербскаго края, уцѣлѣвшаго тогда (хотя съ перерывами и тяжкими испытаніями) отъ общаго крушенія...

Такъ закончился старый періодъ сербской исторіи окончательнымъ упадкомъ націи. Но можно думать, что катастрофа турецкаго нашествія не была единственной причиной этого явленія; до извѣстной степени оно объясняется и тѣмъ внутреннимъ состояніемъ, въ которомъ находилась Сербія въ послѣднее время своего свободнаго существованія. Именно, въ этомъ упадкѣ имѣло свою большую долю вліяніе Византіи. Мы имѣли уже случай замѣтить, какъ оно сказывалось въ политическихъ понятіяхъ Сербовъ и въ жизни владѣльческихъ домовъ, куда проникли всѣ подробности византійской придворной интриги и предательства, прикрытыхъ маской благочестія; проникли качества византійскаго деспотизма,—крупнаго, стремившагося къ созданію обширнаго государства и ради того считавшаго позволительными всѣ средства, и мелкаго, мечтавшаго объ областной феодальной независимости. Общее дѣйствіе этихъ отношеній въ XIV—XV столѣтіяхъ наглядно объясняетъ Григоровичъ:

„Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой, потребности охранить свою народность; Византія—на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ; феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія.

„Славяне, выдержавъ неоднократные удары явныхъ враговъ, въ стремленіи создать самодержавныя государства опираясь на собственное могущество, были только крѣпки народнымъ единствомъ, сильны духовною самостоятельностью. Но своебытная, юная силами жизнь Славянъ, едва успѣвавшихъ ограждать государственную цѣлость отъ явныхъ враговъ, заранѣе поражаема была примѣсью чуждыхъ началъ, пагубно дѣйствовавшихъ въ грозную минуту вторженія Османовъ.

„Византія, съ завистью взирая, среди собственныхъ раздоровъ, на усиленіе Славянъ, достигала своего преобладанія, дѣйствуя на нихъ своею политикою. Вѣрная темнымъ преданіямъ о Римской имперіи и сознавая свое безсиліе, она нуждалась въ гибели другихъ для собственнаго существованія. Недоступная кореннымъ преобразованіямъ, коснѣя въ самолюбивой мечтѣ о своемъ превосходствѣ, она не дорожила просвѣщеніемъ единовѣрныхъ народовъ, но своимъ вліяніемъ вносила разладъ въ гражданскую ихъ жизнь, чтобы легче распоряжаться ихъ довѣріемъ или возвышаться надъ порождаемыми ею крамолами. Политика ея, не одушевляясь мужественнымъ самоотверженіемъ, искала только жертвъ, и жертвами ея были народности. Поте-

рявъ внутреннюю связь въ государственной жизни, Византія прилагала тѣ же начала внѣшней политики и въ собственной администраціи. Обезсиливъ коренной греческій народъ, она отвлеченному понятію о Римлянинѣ придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, не къ соединенію ея обитателей. Питая тщеславіе своихъ граждан, сохранившихъ античныя прикрасы отъ міра, давно ими отверженнаго, она не внушала имъ также гражданскихъ добродѣтелей. Византійцы не жили общею жизнью, не волновались общимъ чувствомъ, но, образуясь какъ софисты, копировали съ древнихъ участіе къ гражданскимъ доблестямъ, а въ сущности исполнены были отвлеченной премудрости, доводившей до обольстительной способности скрывать корыстолюбивые виды подъ личиною заботливости объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, Византійцы не разъ измѣняли его пользамъ, ввѣряя чужимъ защиту его и забывая, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа. Отрицаніе, слѣдственно, народности и усиленіе эгоизма—это главныя черты Византіи въ эпоху водворенія Османовъ. Съ этой точки зрѣнія можно пояснить предательскую уступку коренныхъ областей чужеплеменникамъ и легкомысленное довѣріе къ Османамъ. Съ равнодушіемъ къ участи коренныхъ обитателей, естественно, долженъ былъ усиливаться духъ частнаго корыстолюбія, жертвовавшій безъ разбора для личныхъ выгодъ интересами государства. Византіецъ, часто сомнительнаго происхожденія, присвоивая себѣ имя Римлянина для тщеславныхъ видовъ, умышленно допускалъ самый разнообразный сбродъ народовъ, разногласіе которыхъ давало возможность господствовать. Немудрено, слѣдственно, что государство имѣло самое отвлеченное основаніе и лишено было жизненныхъ началъ.

„Рядомъ съ такимъ направленіемъ Византіи развился феодализмъ въ ея же областяхъ, въ Пелопоннезѣ, Элладѣ, и чрезъ Ѳессалію и Эпиръ достигалъ славянскихъ земель. Наслѣдіе господства Франковъ въ XIII столѣтіи, феодализмъ въ XIV и XV столѣтіяхъ сдѣлался явнымъ союзникомъ Византіи. Не бывъ въ состояніи основать самодержавія на народномъ единствѣ, Византія мало-по-малу сживалась съ нимъ. Да, казалось, феодализмъ отвѣчалъ видамъ византійской политики, легко постигшей, что въ дробности, разобщеніи мелкихъ владѣній легче, пользуясь взаимными раздорами, то враждовать съ ними, то снискивать ихъ содѣйствіе. Византія глубоко сознавала, что феодализмъ, способствуя отчужденію сильныхъ властелиновъ, увеличивалъ безсиліе цѣлаго общества, и что личное мужество феодаловъ не всегда противилось приманкамъ корысти.

„Препятствуя возниканію сословій, подавляя свободное развитіе гражданства, феодализмъ тамъ, гдѣ народность отстаивала свое суще-

ствованіе, дѣйствовалъ косвенно, но не менѣе гибельно. Его-то вліянію надо приписать возниканіе у южныхъ Славянъ самовольныхъ властелиновъ, людей, мощныхъ своимъ боярствомъ, утверждавшихъ свои притязанія на увѣреніи, что сила есть право и право есть сила. И эти притязанія особенно обнаружились въ Сербіи во второй половинѣ XIV столѣтія.

„Поставленная между силою, расплавляющею народное общеніе, и силою, раздробляющею государственную цѣлость, между Византіею и феодализмомъ, Сербія не могла не поколебаться, испытывая то явное, то тайное ихъ дѣйствіе. Вотъ почему мы замѣчаемъ, что Сербія, достигнувъ въ XIV столѣтіи значительнаго могущества, съ прекращеніемъ династіи Неманичей, была, не смотря на народное единство, терзаема распрями соперниковъ—властелиновъ, посягавшихъ на раздробленіе отечества.

„Среди этихъ распрей Сербія вызвана была на роковую борьбу съ Османами [1])....“

Она не выдержала этой борьбы, и съ началомъ турецкаго ига кончается историческій періодъ древней независимой Сербіи. Далѣе скажемъ, какъ исторія освобожденія и политическаго возрожденія Сербіи совпадаетъ съ возрожденіемъ національнымъ и литературнымъ съ конца XVIII-го вѣка.

Главныя событія сербской исторіи.

(Неизвѣстно, когда)—Первыя поселенія Славянъ на западѣ Балк. полуострова.
VII стол.—Поселеніе Сербовъ въ Мизіи, при имп. Гераклiѣ.
IX стол.—Правленіе великихъ жупановъ, отчасти независимыхъ отъ Византіи; на западѣ столкновенія съ имперіей Карла В.
1078 (около)—Михаилъ, жупанъ Зетскій, получаетъ корону отъ Рима.
1162 (около)—Неманя соединяетъ жупанства въ одно государство.
1219—Сава, первый архіепископъ сербской церкви.
1222—Стефанъ Неманичь Первовѣнчанный, царь сербскій.
1355—Смерть Стефана Душана.
1389, 15 іюня—Косовская битва. Смерть царя Лазаря.
[1453, Взятіе Константинополя Турками].
1459—Окончательное занятіе Сербіи Турками; Сербы уходятъ въ Венгрію, подъ управленіемъ собственныхъ «деспотовъ».
1463—Паденіе Босніи.
1526—Сраженіе при Могачѣ.
1683—Отраженіе Турокъ отъ Вѣны: начало паденія турецкаго могущества.
1690—Выселеніе Сербовъ изъ Старой Сербіи, подъ предводительствомъ патріарха Арсенія Черноевича.
1711—Смерть послѣдняго сербскаго «деспота» Юрія Бранковича, въ заточеніи, въ Эгерѣ.

---

[1]) О Сербіи, въ ея отношеніи къ сосѣднимъ державамъ, стр. 8—11.

1718—Пожаревацкій (Пассаровицкій) миръ (Сербія до войны 1737—39 остается въ рукахъ Австріи).
1737—Новое выселеніе Сербовъ въ Австрію.
1740—Выселеніе 150.000 Сербовъ въ Россію.
1791—Систовскій миръ.
1804—Возстаніе Сербовъ подъ предводительствомъ Чернаго Георгія.
1812—Бухарестскій миръ.
1813—Турки снова овладѣваютъ Сербіей; бѣгство Чернаго Георгія въ Австрію.
1815—Новое возстаніе подъ предводительствомъ Милоша Обреновича.
1817—Народная скупщина въ Бѣлградѣ и объявленіе Милоша княземъ сербскимъ.
1826—Аккерманская конвенція.
1829—Адріанопольскій миръ.
1830—Хаттишерифъ султана Махмуда, ограничившій Турокъ въ Сербіи одними крѣпостями.
1835—Объявленіе скупщиной сербской конституціи.
1839—Отреченіе Милоша; Миланъ II; Михаилъ Обреновичъ III.
1842—Михаилъ Обреновичъ оставляетъ Сербію; избраніе княземъ Александра Карагеоргіевича.
1858—Новое призваніе Милоша.
1860—Смерть Милоша; вступленіе на престолъ Михаила Обреновича III.
1862 (іюнь). Бомбардированіе Бѣлграда.
1862 (осень). Очищеніе Турками внутреннихъ крѣпостей.
1867—Очищеніе Турками остальныхъ крѣпостей.
1868 (29 іюня). Убійство князя Михаила III. Регентство.
1869—Провозглашеніе сербской конституціи.
1872—Вступленіе на престолъ Милана Обреновича IV.
1875—1878. Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи.
1876—Война Сербовъ съ Турками. Русскіе добровольцы.
1877—1878. Война Сербовъ съ Турками.

Въ Черногоріи:
1360—Князь Бальша, независимый владѣтель Зеты, по смерти царя Стефана Душана.
1405—Смерть Юрія Бальшича.
1485—Иванъ Черноевичъ, разрушивъ Жаблякъ, поселяется въ Цетиньѣ, строитъ церковь и монастырь.
1516—Его сынъ и преемникъ, Юрій, удаляется въ Венецію, и Черногорія управляется народнымъ собраніемъ и «владыкой».
1516—1697. Управленіе «владыкъ» изъ разныхъ родовъ.
1697—1851. Владыки изъ рода Петровичей Нѣгошей.
1852—Данило Петровичъ Нѣгошъ, князь черногорскій.
1860—Вступленіе на княжескій престолъ его племянника, князя Николая.
1876—1878. Война съ Турками.

1. Собственная Сербія въ древнемъ и среднемъ періодахъ.

Новѣйшіе историки сербской и хорватской литературы, какъ В. Ягичъ, Ст. Новаковичъ, настаиваютъ на томъ, что онѣ должны быть разсматриваемы вмѣстѣ. Сербы и Хорваты одинъ и тотъ же народъ.

Они раздѣлены были историческими отношеніями, а всего болѣе религіей (такъ какъ Сербы въ огромномъ большинствѣ принадлежатъ восточной церкви, а Хорваты западной), и наконецъ письмомъ (у Сербовъ кирилловскимъ, у Хорватовъ латинскимъ)—и до недавняго времени считали себя за два народа; но ихъ языкъ (лишь съ немногими мѣстными отличіями, особенно у такъ-называемыхъ провинціальныхъ Хорватовъ) есть одинъ сербо-хорватскій языкъ, произведенія котораго могутъ быть общи тѣмъ и другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, исторія вела разными путями обѣ части народа, но общность языка и въ прошлые вѣка связывала явленія ихъ умственной жизни. Далматинская литература, процвѣтавшая въ XV—XVII вѣкахъ, принадлежитъ одинаково Хорватамъ и Сербамъ, и начавшись на одномъ нарѣчіи, хорватскомъ, скоро стала пользоваться другимъ, собственно сербскимъ, какъ болѣе благозвучнымъ. Богатый источникъ сербской народной поэзіи прежде всего пробился въ книгу въ этой же далматинской литературѣ; католическій духовный XVIII вѣка поставилъ наконецъ прямую задачу — собрать народныя поэтическія преданія сербо-хорватскаго народа, и его трудъ былъ однимъ изъ вдохновеній, вызвавшихъ глубоко важную историческую дѣятельность знаменитаго Вука Караджича, у Сербовъ православныхъ. Со времени новаго литературнаго возрожденія (у Сербовъ съ конца прошлаго вѣка, у Хорватовъ съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго) съ обѣихъ сторонъ начинается сближеніе, вслѣдствіе сознанія племенного тожества и общности интересовъ, и въ послѣдніе годы это сознаніе проявляется объединеніемъ какъ историческихъ изученій прошлаго, такъ и современныхъ литературныхъ трудовъ: литературный языкъ объединяется окончательно, и писатель—сербскій или хорватскій—можетъ одинаково работать и въ той и въ другой литературѣ: разница сводится на письмо, кирилловское или латинское.

Но въ прошлой исторіи легла значительная разница между Сербами православными и католическими. Одни примкнули къ восточной церкви и къ литературѣ, начатой славянскимъ переводомъ св. Писанія; другіе къ римской церкви и ея школѣ и къ вліяніямъ западной литературы. Первоначально славянская литургія введена была и къ Хорватамъ, ставшимъ послѣ католиками, и часть ихъ успѣла удержать ее въ глаголической формѣ; у другихъ она была вытѣснена латынью.

Итакъ, при самомъ возникновеніи своей литературы, Сербы православные пошли тѣмъ путемъ, который приняло православное Славянство, южное и восточное.

Выше сказано, что старо-славянская литература, выроставшая въ Болгаріи, стала достояніемъ и другихъ Славянъ православной церкви. Священное писаніе и церковныя книги переходили къ нимъ готовыми, какъ только у нихъ утверждалось христіанство. Такъ пришли книги

къ Русскимъ и Сербамъ. Первоначальная близость этихъ языковъ чрезвычайно облегчала это принятіе чужихъ книгъ: грамотные скоро освоивались съ ними, и языкъ книги, все-таки нѣсколько отличный отъ народнаго, пріобрѣталъ характеръ языка священнаго, и такъ какъ литературная дѣятельность обращалась въ тѣ времена почти исключительно къ содержанію богословскому или наставительному вообще, то очень естественно, что языкъ церковныхъ книгъ становился и вообще литературнымъ языкомъ. Это явленіе происходило и на Руси, гдѣ писатели повторяли старо-славянскія формы, и у Сербовъ, гдѣ они слѣдовали тому же правилу. Но, стараясь писать на старо-славянскомъ, писатели не могли однако освободиться вполнѣ отъ вліянія своихъ мѣстныхъ народныхъ нарѣчій, и вносили ихъ особенности не только въ свои собственные труды, но и въ свои списки старо-славянскихъ книгъ. Родное нарѣчіе припоминалось при каждой отличной формѣ подлинника, и извѣстные признаки въ языкѣ выдавали національность писца. Чистый старо-славянскій языкъ рѣдко отыскивается въ древнихъ памятникахъ, и почти всегда является съ варіантами мѣстныхъ нарѣчій. Такимъ образомъ произошли, послѣ чистой старо-славянской, болгарскія, русскія, сербскія редакціи перевода св. писанія, церковныхъ книгъ, поученій, сказаній и вообще произведеній, составлявшихъ старую православную письменность. Прямое усвоеніе готовыхъ старо-славянскихъ памятниковъ доставляло ту выгоду, что новая письменность сразу пріобрѣтала обильный запасъ произведеній, — но была здѣсь и своя невыгода: готовая литература овладѣвала умами грамотнаго люда въ такой степени, что становилась весьма серьезной помѣхой для развитія собственно народныхъ элементовъ какъ языка, такъ и содержанія. Насколько народный языкъ отличался уже отъ церковнаго языка, можно видѣть по языку уцѣлѣвшихъ юридическихъ актовъ и грамотъ, которые, ближе относясь къ дѣйствительной жизни, по необходимости держались обиходнаго языка. Эти грамоты, не представляя литературнаго интереса и весьма важныя въ историческомъ отношеніи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій источникъ для изученія древне-сербскаго языка; до сихъ поръ извѣстно значительное количество грамотъ: *сербскихъ*, данныхъ кралями, царями, деспотами и ихъ родичами; *босанскихъ*, данныхъ банами и королями; *герцеговинскихъ*, или захлумскихъ и травунскихъ; *турецкихъ*, писанныхъ по-сербски; *зетскихъ*, къ которымъ принадлежатъ грамоты Скандербега и черногорскія; *дубровницкихъ*, и *приморскихъ*. Древнѣйшія изъ нихъ—грамота босанскаго бана Кулина, 1189 г., и грамота великаго жупана Немани, 1199.

Мы видѣли, что Сербы довольно поздно выходятъ изъ первобытнаго патріархальнаго быта; только съ конца XII вѣка они начинаютъ

образовываться въ націю, когда болгарское царство уже успѣло пережить первую блестящую эпоху. Литературные памятники сербскаго происхожденія появляются также поздно. Эта запоздалость объясняется, вѣроятно, самымъ состояніемъ Сербіи. Христіанство вводимо было въ ней дважды: около половины VII вѣка, во время самаго прихода Сербовъ и во второй половинѣ IX; въ первый разъ изъ Рима (къ діоцезу котораго принадлежалъ тогда этотъ край), во второй — изъ Византіи. Не только въ VII, но и въ IX вѣкѣ, сербское христіанство еще не было полно и твердо; съ политической разбросанностью сербскихъ земель, не было вѣроятно и особо дѣятельной проповѣди. Политическое объединеніе начинается только съ Немани; но старо-славянскія и болгарскія книги безъ сомнѣнія еще ранѣе проникли въ Сербію, а вмѣстѣ съ тѣмъ проникла и та популярная религія, которая заключалась въ богомильствѣ. Неманя употреблялъ уже сильныя мѣры для истребленія ереси, и при этомъ сжегъ „много еретическихъ книгъ“—фактъ, свидѣтельствующій, что книга и религіозное движеніе проникали уже въ массы.

Изъ памятниковъ древне-сербской письменности, какіе были изданы или описаны до сихъ поръ, можно видѣть, что сербская письменность дѣйствительно питалась болгарскимъ содержаніемъ: кромѣ книгъ св. Писанія, переводы множества памятниковъ церковнаго нравоученія, догматики и церковной легенды, переходили къ Сербамъ и въ самомъ началѣ доставили значительный запасъ христіанскаго нравоученія. Таковы, напр., сербскія редакціи болгарскаго *Шестоднева* 1263 г.; сербскій *Прологъ*, XIII вѣка; Слова Іоанна *Златоуста*, *Патерикъ*, Богословіе *Дамаскина* — XIV вѣка; Слова *Григорія Богослова*, Лѣствица Іоанна *Климаха* и т. д. XV вѣка,—не говоря о спискахъ евангелія, апостола, библейскихъ и богословскихъ книгъ [1]). Такимъ же образомъ переходили безъ сомнѣнія къ Сербамъ и разные другіе памятники, переведенные у Болгаръ, напр. византійскіе хронографы (какъ Малала, Амартолъ и пр.), извѣстные отчасти въ сербскихъ редакціяхъ. Литературное общеніе продолжалось постоянно не только въ первую эпоху христіанскаго образованія Сербіи, но и впослѣдствіи, до тѣхъ поръ, пока продолжалась литературная жизнь самой Болгаріи; въ этомъ убѣждаютъ сербско-болгарскія рукописи этого позднѣйшаго времени. Иногда подобные памятники могли быть и сербскаго происхожденія, могли быть напр. переводы прямо на сербско-болгарскій, т.-е. переводы на старославянскій языкъ, дѣланные Сербами и болѣе или менѣе „посерблен-

[1]) См. исчисленіе сербскихъ рук. у Шафарика, Das serb. Schriftthum; Майкова, стр. 47; изданіе Срезневскаго, «Др. памятники языка и письма юго-западныхъ Славянъ»; Ст. Новаковича, «Примери»; Ягича, въ Hist. Knjiž. и въ другихъ, не разъ упомянутыхъ трудахъ.

ные". Но вообще для произведеній этого рода, церковныхъ, догматическихъ и нравоучительныхъ, старо-славянскій языкъ былъ обязателенъ. Случалось, что одни и тѣ же лица дѣйствовали и въ болгарской, и въ сербской, и даже въ русской литературѣ, какъ напр. Григорій Цамблакъ, Константинъ Костенчскій.

Рядомъ съ этой формой, содержаніе литературы складывалось въ томъ же духѣ, какъ въ Болгаріи. Литература болгарская, слѣдуя византійскимъ образцамъ, выработала себѣ, вмѣстѣ съ литературной формой, извѣстный условный кругъ понятій, взятыхъ изъ византійской церковности. На произведеніяхъ сербскихъ писателей лежитъ тотъ же отпечатокъ. Онъ могъ, безъ сомнѣнія, явиться у Сербовъ и прямо изъ византійскихъ образцовъ: знаніе греческаго языка не могло быть рѣдкостью при связяхъ съ Византіей; взглядъ на вещи переходилъ съ нравами; какъ сербскій краль перенималъ привычки византійскихъ кесарей, такъ и сербскій риторъ копировалъ ритора византійскаго. Но во всякомъ случаѣ старо-славянскій языкъ, уже обработанный въ этомъ смыслѣ въ Болгаріи, давалъ писателю удобное орудіе, приспособленное къ извѣстнаго рода содержанію, и въ результатѣ сербскій писатель представляетъ тотъ общій типъ, который видимъ въ писателѣ этого рода болгарскомъ и старинномъ русскомъ.

Древній періодъ сербской литературы представляетъ очень мало собственно сербскихъ произведеній, оригинальныхъ или переводныхъ; это — житія святыхъ, церковные уставы, службы, лѣтописи. Въ форму житій сложились и сказанія объ историческихъ дѣятеляхъ, сербскихъ князьяхъ и краляхъ. Какъ лица одной семьи были устроителями политической и церковной жизни (Неманя и его сыновья: первовѣнчанный краль Стефанъ, и первый сербскій архіепископъ, Сава), такъ и прославленіе князей и кралей является въ церковной формѣ: они въ особенности являются какъ „святые". Первымъ въ рядѣ этихъ писателей является самъ сербскій краль Стефанъ Первовѣнчанный (ум. 1228), написавшій біографію или скорѣе „житіе" своего отца Стефана Немани, въ монашествѣ Симеона. Св. Сава, другой сынъ Немани, первый сербскій архіепископъ (род. 1169, ушелъ въ монастырь 1186, ум. 1237), также написалъ житіе своего отца. Оба житія [1]), особенно послѣднее, представляютъ любопытные памятники сербской культуры. Стефанъ, зять греческаго императора Алексѣя III, имѣлъ значительное по тому времени литературное образованіе, не только старо-славянское, но и греческое; въ мюнхенской библіотекѣ есть его литургическіе вопросы къ архіепископу болгарскому Димитрію Хоматину (и отвѣты послѣдняго) на греческомъ языкѣ,—естественно, что

[1]) Изданы у Шафарика, Památky.

знакомство съ Греками отразилось на его произведеніи извѣстной византійской манерой. Біографія, писанная Савой, быть можетъ, любопытнѣе,—она написана проще и живѣе. Кромѣ того Савѣ принадлежитъ „Типикъ“ (уставъ), данный имъ Студеницкому монастырю, гдѣ онъ былъ игуменомъ, „служба“ тому же св. Симеону и другія подобныя произведенія. Св. Сава пользуется у Сербовъ великой славой и по своимъ заботамъ о просвѣщеніи народа: онъ былъ основателемъ знаменитаго Хиландарскаго монастыря на Аѳонѣ (1192), который былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ книжной дѣятельности и сохранилъ свое значеніе и послѣ паденія сербскаго царства. Другими подобными пунктами были монастыри Студеница, Жича, Милешева, Дечаны, Печь, Джурджеви Стубови (Георгіевы Столпы), Раваница: здѣсь береглось церковное просвѣщеніе и въ тяжкіе вѣка неволи хранилось національное преданіе...

Далѣе, въ томъ же направленіи житія-панегирика писалъ ученикъ Савы, хиландарскій іеромонахъ Доментіянъ: ему принадлежатъ жизнеописанія св. Савы (1241) и св. Симеона, т.-е. Стефана Немани (1264). Первое было передѣлано еще разъ въ XIV столѣтіи, нѣкимъ Ѳеодосіемъ [1]). Съ именемъ архіепископа Даніила (2-го), правившаго сербской церковью въ 1323 — 1337, являются „житія и повѣсти дѣяній“ цѣлаго ряда сербскихъ кралей: Радослава, Владислава, Уроша I и кралицы Елены, Драгутина, Милутина, Стефана Дечанскаго, и сербскихъ архіепископовъ. Сборникъ этотъ извѣстенъ былъ потомъ подъ названіемъ „Цароставника“ или „Родослова“, и переполненный риторическими восхваленіями, имѣетъ историческую цѣнность только за отсутствіемъ лучшихъ источниковъ [2]). Работа сдѣлана впрочемъ не однимъ Даніиломъ, а также его неизвѣстными учениками, а въ новѣйшихъ спискахъ, сохраняющихъ все-таки имя Даніила, Родословъ доводится даже до конца XVIII вѣка. Житіе Стефана Дечанскаго написано было также извѣстнымъ въ русской исторіи Григоріемъ Цамблакомъ, дѣятельность котораго можетъ служить образчикомъ литературнаго единства церковной жизни и письменности болгарской, сербской и русской. О біографіи Цамблака мы говорили прежде: въ Сербіи Цамблакъ былъ игуменомъ знаменитаго Дечанскаго монастыря (это вѣроятно и побудило его написать жизнь основателя этой обители), и наконецъ былъ митрополитомъ въ Кіевѣ (ум. 1419). Житіе Стефана

---

[1]) Оба памятника изданы Даничичемъ: «Живот св. Саве, написао Доментијан» (передѣлка Ѳеодосія). Бѣлгр. 1860; «Живот св. Симеуна и св. Саве, написао Доментијан» (подлинная работа Доментіяна). Бѣлгр. 1865. Есть и третья редакція труда Доментіяна.

[2]) Изданіе Даничича: «Животи краљева и архиепископа српских. Написао архиепископ Данило и други». Загреб 1866. См. также «Гласник» VI, 25—87.

Дечанскаго извѣстно и въ болгарской и въ сербской редакціи; авторъ конечно хотѣлъ писать на церковномъ старо-славянскомъ языкѣ [1]).

Шафарикъ, въ своей исторіи сербской литературы, замѣчаетъ, что южнославянскія произведенія, чѣмъ старѣе, тѣмъ были обыкновенно выше по самобытности и вкусу, чѣмъ новѣе, тѣмъ хуже, и указываетъ параллель св. Савы, Доментіяна и Цамблака. Трудъ Доментіяна особенно кажется ему „славнымъ памятникомъ просвѣщеннаго ума и обширной учености" этого писателя, „превосходнымъ и самобытнымъ произведеніемъ и однимъ изъ лучшихъ украшеній всей старой славянской литературы": появленіе такого произведенія въ „мрачной кельѣ славянскаго пустынника" въ половинѣ XIII в. онъ приписывалъ тому, что духъ классической древности, скрытой въ формахъ христіанскихъ идеаловъ, еще не исчезъ совсѣмъ у Грековъ и духовно слившихся съ ними Славянъ (Serb. Schriftthum, 230 и слѣд.). Съ другой стороны онъ ставитъ несравненно ниже переработку Θеодосія, который изуродовалъ произведеніе Доментіяна (Шафарикъ думалъ, что она сдѣлана въ XVIII вѣкѣ). Но Даничичъ уже замѣтилъ въ своемъ изданіи этихъ памятниковъ, что между ними вовсе нѣтъ столь существенной разницы; Ягичъ прибавляетъ, что кромѣ того, реторическій растянутый разсказъ Доментіяна по фактамъ бѣднѣе даже того жизнеописанія Немани, которое написано Стефаномъ Первовѣнчаннымъ; что Доментіянъ есть только фразистый монахъ, который растянулъ реторически эту первую біографію; и что, при ближайшемъ сличеніи, въ работѣ Θеодосія надо признать больше здраваго вкуса, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она ближе къ труду Стефана Первовѣнчаннаго, чѣмъ Доментіяна.

Съ наибольшей строгостью о стилѣ сербскихъ историческихъ панегиристовъ говорилъ Гильфердингъ. По поводу одного книжнаго хитросплетеннаго сказанія о Косовской битвѣ, въ которомъ ни мало не отразилось глубокое трагическое значеніе этого событія, онъ вообще обвиняетъ старыхъ сербскихъ историковъ-панегиристовъ въ безмѣрномъ пристрастіи къ фразѣ и кромѣ того въ безобразной лицемѣрной лести (онъ приводитъ въ примѣръ выраженія сербскихъ панегиристовъ въ слѣдующемъ родѣ: „сему *благочестивому* кралю Урошу, *ослѣпившу* сына своего *возлюбленнаго* Стефана", или: „сей благочестивый краль Урошъ третій *ненависть* воздвиже на сына своего *возлюбленнаго*" и

[1]) Болгарская редакція житія издана въ «Arkivu za povjestnicu jugoslav». Кукулевича, VI, 1—29; сербская напечатана Янкомъ Шафарикомъ въ «Гласникѣ» XI, 35—93. Кромѣ упомянутыхъ изданій, эти памятники собраны въ сводномъ изданіи Ив. Павловича: «Домаћи извори за српску историју». Бѣлгр. 1877 (Гласник, отд. II, кн. VII). О характерѣ писателей, Jagić, Hist. Knjiž. 176 и д., и особенно Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung, Archiv für slav. Phil. II, 1—109; Гильфердингъ, Босна, 1859, стр. 277—279.

т. д.), затмѣвавшей всякое нравственное разумѣніе: условная набожность доходила до настоящаго фарисейства. Гильфердингъ замѣчаетъ, что если бы это низкопоклонство и лицемѣріе не были общимъ свойствомъ по крайней мѣрѣ высшихъ классовъ, то мы не видѣли бы того поразительнаго явленія, что *всѣ* сербскіе крали отъ Немани до паденія царства причислялись къ святымъ, хотя многіе изъ нихъ хладнокровно совершали самыя тяжкія преступленія и даже не очень дорожили православіемъ для политическихъ выгодъ. „За то, прибавляетъ онъ, и всѣ древніе писатели сербскіе, отражая въ себѣ духъ, господствовавшій въ верхнихъ слояхъ общества, какъ будто бы не видятъ и не признаютъ существованія народа: у нихъ о народѣ вы не найдете и помину“.

Стефанъ Душанъ, могущественнѣйшій изъ сербскихъ царей, остался однако безъ біографа (о немъ только кратко говоритъ продолжатель Даніила),—какъ думаютъ потому, что этотъ царь, навлекши на себя проклятіе отъ константинопольскаго патріарха (по поводу основанія сербской патріархіи), не пользовался и расположеніемъ аѳонскихъ монаховъ, тогда главныхъ писателей. „Житіе“ послѣдняго Неманича, царя Уроша, написано было уже въ XVII ст. патріархомъ Паисіемъ [1]).

Великое и тяжкое событіе сербской исторіи, Косовская битва и судьба князя Лазаря, опять не нашли достойнаго описанія въ сербской литературѣ того времени. Событіе безъ сомнѣнія потрясло умы и привлекло сочувствіе къ его герою, но вмѣсто біографіи есть только реторическія похвалы [2]).

Въ первой половинѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ біографію сербскаго „деспота“ Стефана Лазаревича (сына и преемника князя Лазаря), написанная тѣмъ Константиномъ „Философомъ“, Костенчскимъ, о которомъ упоминалось выше какъ о писателѣ болгарской школы Евѳимія (тамъ же и о самой біографіи). По поводу произведеній этого рода (житія деспота Стефана Джурдевича и жены его Ангелины, и ихъ сыновей: архіеп. Максима и деспота Ивана, умершихъ въ первые годы XVI в.) сербскіе историки литературы дѣлаютъ то же замѣчаніе,— что авторы этихъ писаній умѣли говорить о благочестіи людей княжескаго рода и молчали о печаляхъ и нуждахъ народа [3]).

Сербская *лѣтопись* является очень поздно и не представляетъ ни-

---

[1]) Его издалъ Руварацъ въ «Гласникѣ» XXII.

[2]) Ихъ напечатано много текстовъ въ «Гласникѣ» т. IX, XIII, XXI. Историческій матеріалъ извлекъ изъ нихъ Руварацъ въ «Лѣтописѣ» сербской Матицы, т. 117, Новый Садъ 1875.

[3]) «Ovu nesreću srbskoga naroda (т.-е. косовскій бой и паденіе свободы), — говоритъ Ягичъ,—oplaka dostojnije sam narod u svojoj poeziji, nego li njegovi učevni ljudi u starosrbskoj književnosti, koji nijesu i u napredak prestali šutjeti o jadih i nevoljah svoga naroda a s velikim bombastom pohvaljivati pojedine primjere pobožnieh ljudi iz kneževskoga kolena» (Hist. Književ. 190).

чего похожаго на то, чѣмъ была напр. русская лѣтопись уже въ концѣ XI вѣка. Первыя лѣтописныя попытки дѣлались не ранѣе конца XIV и начала XV вѣка: о древнѣйшихъ временахъ эти лѣтописи знаютъ только то, что можно было извлечь изъ литературы указанныхъ выше житій. Таковы напр. „Житіе и жителство краль и цареи срьбскыихь, кои по комь или колико царствова" (до 1453 г.). „Исторіа вь кратцѣ о срьбскыихь цареи" (до 1503 г.), „Лѣтописьць господь срьбскыихь" (Сеченицкій, до 1501), къ которому прибавлена и хронологія всемірныхъ событій съ сотворенія міра; наконецъ разные другіе лѣтописцы, состоящіе изъ простого, голаго обозначенія годовъ и происшествій [1]). Эти монастырскія лѣтописи не лишены значенія для сербской исторіи, но въ литературномъ смыслѣ не представляютъ ничего замѣчательнаго: въ ихъ сухомъ и короткомъ перечетѣ нѣтъ ни живого разсказа, ни рельефнаго отраженія времени и личностей, что́ мы находимъ напр. въ русской лѣтописи [2]). Сербскія лѣтописи кончаются большей частью съ XVI вѣкомъ, въ нѣкоторыхъ занесены календарнымъ образомъ и событія XVII вѣка. Послѣднимъ представителемъ старой эпохи сербскаго лѣтописательства былъ Юрій Бранковичъ (ум. 1711), послѣдній „деспотъ": во время своего двадцатилѣтняго заточенія въ Эгерѣ, въ Богеміи, онъ написалъ „сербскую исторію", доведенную до времени Леопольда I [3]).

Изъ памятниковъ не-монашескаго авторства и которые можно было бы назвать народными по ихъ содержанію, замѣчательнѣйшее и единственное явленіе представляетъ *Законникъ* Стефана Душана („Законъ благовѣрнаго царя Стефана" и пр. Ходошская рукопись 1390 г.). Онъ составленъ былъ на двухъ скупщинахъ или соборахъ, 1349 и 1354 г., въ присутствіи сербскаго патріарха, „со всѣми архіереями и церковниками, малыми и великими", и царя Стефана, „со всѣми властелями своего царства, малыми и великими". Это произведеніе національнаго собора, какъ множество другихъ памятниковъ средневѣкового законодательства, не было плодомъ личной мысли одного законодателя. Законникъ утверждалъ то, что было уже готовымъ результатомъ самой жизни: съ одной стороны онъ служитъ дополненіемъ церковному византійскому законодательству, уже дѣйствовавшему ранѣе, съ другой подтверждаетъ законы прежнихъ царей, освящаетъ народный обычай

---

[1]) Изданія Шафарика (Pámátky), Николича, Вукомановича, Сретьковича, Ягича и др. въ «Гласникѣ», «Старинахъ»; Григоровича («О Сербіи») и проч.

[2]) Сами сербскіе историки очень невысокаго мнѣнія объ этихъ лѣтописяхъ. См. Новаковича, Ист. кн. 75—77.

[3]) Она до сихъ поръ остается неизданной; ею пользовался Раичъ и другіе сербскіе историки. Одна лѣтопись «Бранковича», служившая ему источникомъ вмѣстѣ съ другими,—въ латинскомъ переводѣ Пеячевича, издана въ «Архивѣ» Кукулевича, 3, стр. 3—30. О самомъ Бранковичѣ см. Шафарика, Serb. Schriftthum, 129—131; Les Serbes de Hongrie, 61—65.

и даетъ ему юридическую силу. Поэтому онъ чрезвычайно важенъ и любопытенъ для изученія той степени культурнаго развитія, которой достигла Сербія въ самую блестящую эпоху старой исторіи. Неполнота его законодательства можетъ показывать только, что въ народѣ было еще много живыхъ юридическихъ обычаевъ, столько всѣмъ извѣстныхъ, что они не нуждались въ письменномъ утвержденіи. Тѣмъ не менѣе изъ него раскрывается ясно характеръ этой общественной жизни—отношенія духовенства, имѣвшаго свои права и служившаго царскому дѣлу; отношенія властелей, „великихъ и малыхъ“, которымъ принадлежало управленіе; положеніе низшаго класса, закрѣпленнаго за землями, но имѣвшаго однако свои личныя права; обычаи суда, охраненія общественной безопасности и т. д. Уголовное право еще отличается патріархальной жестокостью, вѣроятно поддержанной византійскими примѣрами; но законодательство уже сдѣлало шагъ впередъ, уничтожая самоуправство и обычай кровной мести. Съ другой стороны, въ немъ сказываются и гуманныя стремленія: таково, напр., поощреніе гостепріимства относительно торговцевъ и право убѣжища, которое давало прощеніе узникамъ, бѣжавшимъ на дворъ царскій или патріаршій... Во всякомъ случаѣ это законодательство представляло элементы для будущаго развитія [1]).

До сихъ поръ, въ этомъ литературномъ содержаніи мы не видѣли поэтическихъ элементовъ. Между тѣмъ, отсутствіе ихъ было-бы странно въ молодомъ народѣ, который представилъ уже доказательства исторической энергіи,—хотя неудачно направленной,—и особенно странно въ народѣ, который и черезъ нѣсколько вѣковъ подавляющаго ига владѣлъ блестящими произведеніями народнаго эпоса. Но книжность осталась чужда этой національной поэзіи на томъ же основаніи, на какомъ не признавала этой поэзіи въ древней Руси: со введенія христіанства, у Сербовъ, какъ почти вездѣ въ средніе вѣка, церковные книжники отвергли народно-поэтическое какъ языческое или слишкомъ низкое для литературы, имѣвшей характеръ религіознаго поученія. Въ Сербіи духовенство дѣйствовало безъ сомнѣнія такъ же, какъ въ древней Руси и ревностно ратовало противъ „бѣсовскихъ, т.-е. языческихъ, народныхъ игрищъ и пѣсенъ. Русская письменность имѣла все-таки „Слово о Полку Игоревѣ“, но у Сербовъ не было такого литературнаго развитія и древне-сербскій авторъ не дошелъ до народной поэзіи.

---

[1]) «Законникъ» изданъ былъ нѣсколько разъ: у Ранча, Ист. 4,242; Магарашевича, «Серб. Лѣтоп.»; Кухарскаго, Monum. juris slov. 92, и Шафарика, Pám. pisemn. Jíhosl. 29—50. Новыя изданія: Ст. Новаковић, Законик Стефана Душана. Бѣлгр. 1870; Зигель, Законникъ царя Стефана Душана. Вып. I. Спб. 1872. Разборъ содержанія также у Майкова, 244—259; Палацкаго, Сравненіе законовъ царя Ст. Душана съ древнѣйшимъ земскимъ порядкомъ у Чеховъ, въ «Часописѣ». 1837, I, (русскій пер. въ «Чтеніяхъ» 1846); Гласникъ, кн. VI, VII.

Такимъ образомъ тѣ, кому принадлежало литературное слово, или не интересовались поэтическими созданіями народа, или считали ихъ неудобными для литературнаго памятника, отъ котораго требовалась поучительность. Но народъ не отказывался отъ старины и его поэтическая дѣятельность свободно развивалась въ своей особой области, цѣлые вѣка оставшись безъ всякаго соприкосновенія съ письмомъ.

Но кромѣ устной поэзіи, жившей въ народѣ, были однако и въ древнемъ періодѣ произведенія книжно-народныя, какія мы видѣли въ древне-болгарской письменности, и которыя служили религіозно-поэтическимъ вкусамъ массы, входили въ старыя миѳическія представленія, а отчасти и опирались на нихъ. Эти письменные памятники опять были или чисто-болгарскаго, или смѣшаннаго сербо-болгарскаго происхожденія.

Въ этомъ отдѣлѣ снова обнаруживается тѣснѣйшая связь письменности южно-славянской и русской. Изученіе этого рода памятниковъ, начатое у насъ, въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ нашло ревностныхъ дѣятелей у Сербовъ, и открыло здѣсь обширную область тѣхъ самыхъ произведеній, которыя составляли у насъ народно-книжную поэзію стараго времени. Сербская старина относительно сохраненія рукописей была почти столь же несчастна какъ болгарская, но теперь уже отыскалось значительное число памятниковъ этого рода, и слѣдуетъ для прежнихъ временъ предположить очень большое ихъ распространеніе. Въ этомъ послѣднемъ еще болѣе убѣждаетъ присутствіе мотивовъ этой книжной поэзіи въ народныхъ преданьяхъ, разсказахъ и даже пѣсняхъ. Такъ въ сербской старой письменности были переводныя произведенія византійской сказочной литературы, какъ „Александрія", „Троянская исторія", „Стефанитъ и Ихнилатъ" и т. п. Сербскіе списки „Александріи", въ особомъ переводѣ, не составляютъ рѣдкости; были вѣроятно у Сербовъ и тѣ сказанія, которыя до сихъ поръ извѣстны только въ русскихъ спискахъ, какъ напр. „Девгеніево Дѣяніе" и друг. [1]).

Сербскія сказки до сихъ поръ пересказываютъ разныя миѳическія подробности произведеній этого рода, напр. фантастическое летанье на грифахъ Александра Македонскаго или мудраго Акира, приписывая его Соломону [2]). Эпизоды преданій о *Соломонѣ и Китоврасѣ* также сохранились въ народныхъ сербскихъ пересказахъ, такъ что нужно предположить существованіе и этихъ памятниковъ въ сербскихъ

---

[1]) Яѓичъ, въ своей исторіи сербской литературы, прямо вноситъ въ нее эти сказанія, хотя еще далеко не всѣ они отысканы въ сербскихъ рукописяхъ.

[2]) См. Вука, Срп. Нар. Приповјетке 1853, стр. 200; «Очеркъ лит. исторіи ст. повѣстей и сказ. русскихъ», стр. 73, и др.

редакціяхъ [1]). Литература *апокрифовъ*, очень древняя, также была общею для всего православнаго Славянства стараго періода. Не будемъ повторять того, что сказано было нами объ ея популярномъ значеніи,— потому что и здѣсь условія для ея распространенія были тѣ же, какъ въ Болгаріи и на Руси: она имѣла и здѣсь ту же поэтическую завлекательность и тотъ же авторитетъ, противъ котораго напрасно боролась тогдашняя строгая ортодоксія, и сама впрочемъ далеко не свободная отъ легковѣрія. Достаточно сказать, что апокрифическія книги не рѣдки въ сербскихъ редакціяхъ (трудно сказать, всегда-ли передѣланныхъ съ болгарскаго), какъ ни мало извѣстны древніе сербскіе памятники въ настоящее время. Такимъ образомъ, существуютъ въ сербскихъ редакціяхъ апокрифы ветхозавѣтные и новозавѣтные, напр. сказанія объ Адамѣ и Евѣ, видѣніе апостола Павла, апокрифическое откровеніе ап. Іоанна; далѣе, апокрифы второго слоя, какъ хожденіе Богородицы по мукамъ (Обьхожденіе мукамь прѣчистіе Богородице); имена ангеловъ; подложныя житія святыхъ, какъ легенды о св. Георгіи, Ипатіево мученіе; наконецъ много другихъ „отреченныхъ" статей, упомянутыхъ въ индексѣ запрещаемыхъ книгъ: Бесѣда трехъ святителей, о двѣнадцати пятницахъ, лживыя молитвы или заговоры, книги астрологическія и предвѣщательныя (Звѣздочетецъ, Колядникъ, Лунникъ, Сонникъ, Громникъ, Трепетникъ и пр.), книги богомильскія или особенно распространенныя у богомиловъ, какъ Слово о честномъ древѣ, Написаніе Інсусово въ іерейство и т. д. Какъ замѣчено, эти произведенія открыты уже въ большомъ числѣ въ старыхъ сербскихъ рукописяхъ; такимъ образомъ эта книжная, религіозно-фантастическая поэзія была весьма распространена между грамотными людьми, а отъ нихъ шла она и въ народную массу. Въ сербской собственно народной поэзіи остались многочисленные слѣды этихъ понятій и преданій [2]).

Уже въ древнемъ періодѣ богомильскія ложныя книги были вѣроятно очень распространены: эта ересь изъ Македоніи и Болгаріи перешла и въ области сербскаго народа, въ Сербію, Босну, Герцеговину и Приморье. Біографы Стефана Немани называютъ его „потребителемъ ереси", т.-е. богомиловъ, которые носили въ Сербіи названіе патареновъ; число ихъ было безъ сомнѣнія значительно, если преслѣдованіе ихъ считалось достопримѣчательнымъ подвигомъ правителя.

---

[1]) «Очеркъ», стр. 121—123. Вукъ, № 41—43, гдѣ Соломонъ смѣшанъ отчасти съ Александромъ Македонскимъ.

[2]) Много произведеній этой народно-апокрифической и книжно-поэтической литературы издали Даничичъ, Ягичъ, Ст. Новаковичъ, Караджичъ; см. «Гласник», «Starine», «Književnik», «Archiv für slav. Phil.» и пр.; также Тихонравова, Памятники отреч. литературы, М. 1862, и мое изданіе: «Ложныя и отреченныя книги русской старины», Спб. 1862.

Но въ особенности патаренская ересь распространилась въ Боснѣ. Этотъ сербскій край не былъ никогда вполнѣ самостоятеленъ; Босна зависѣла то отъ Сербіи, то отъ Хорватскаго королевства, то была вассальнымъ владѣніемъ Венгріи. Христіанство окончательно было введено здѣсь въ IX вѣкѣ изъ Византіи, и страна была православной; но когда она была подчинена государствами католическими, Хорватіей, потомъ Венгріей, то Римъ сталъ считать ее своей церковной собственностью и началъ распространять католичество, и не безуспѣшно. Къ концу XII столѣтія, къ этимъ двумъ вѣрамъ присоединилась третья,— богомильство, или патаренская ересь. Босанскій банъ Кулинъ (въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка), женатый, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, на сестрѣ Стефана Немани, извѣстной патаренкѣ, открыто покровительствовалъ этой ереси; послѣдователемъ ея былъ даже епископъ Даніилъ. Вмѣшательство и угрозы папы и короля венгерскаго заставили Кулина отречься отъ ереси; его отреченію послѣдовали и многіе изъ народа; но ересь не исчезла, и впослѣдствіи опять обнаруживаетъ политическую силу: при Нинославѣ, преемникѣ Кулина, она господствовала по прежнему и навлекла войну со стороны венгерскаго короля Белы IV. Въ Сербіи эта секта была повидимому истреблена при Неманѣ; въ Болгаріи она держалась именно какъ секта, тайно и безъ политическаго вліянія; въ Боснѣ напротивъ она являлась силой—какъ объясняютъ, вслѣдствіе особеннаго положенія этой страны: православное большинство не могло дѣйствовать противъ нея, потому что католичество считало это своимъ правомъ, а католичество не было довольно сильно, чтобы подавить многочисленныхъ еретиковъ. Ересь сохранялась во всей силѣ и въ XIV столѣтіи: баны Стефанъ Котромановичъ и Твертко (впослѣдствіи король босанскій) покровительствовали ей болѣе или менѣе открыто,—папы ревностно старались объ ея истребленіи, устроивали крестовые походы, посылали своихъ миссіонеровъ. Но всѣ эти мѣры были напрасны: въ XV столѣтіи мы видимъ патареновъ въ тѣхъ же условіяхъ; король Твертко III поддерживалъ ихъ и секта имѣла своихъ послѣдователей не только въ народѣ, но и въ высшихъ правителяхъ, деспотахъ и воеводахъ, и прямо называла себя „церковью боснійскою" (црьква босанска) и „христіанами". По смерти этого короля, патарены доставили престолъ его преемнику Стефану Томашу, который былъ также патареномъ: эта партія очевидно была очень сильна, если могла стать во главѣ государства. Но въ слѣдующее царствованіе, при Стефанѣ Томашевичѣ (убитъ 1463), взяла верхъ католическая партія: патарены подверглись жестокому преслѣдованію, такъ что больше сорока тысячъ ихъ бѣжало въ Герцеговину, герцогъ которой отпалъ тогда отъ католицизма. Преслѣдованіе патареновъ отразилось на паденіи Босны: когда Турки явились

въ Боснѣ съ цѣлью окончательнаго ея завоеванія, города добровольно отдавались имъ, надѣясь большей терпимости отъ Турокъ, чѣмъ отъ римскихъ католиковъ. Къ сожалѣнію, Босняки ошиблись въ разсчетахъ: покореніе Турками стоило народу страшнаго истребленія и многовѣковаго ига. Въ первый разъ Стефенъ Твертко уже въ 1439 долженъ былъ признать себя данникомъ султана. Окончательное паденіе Босны совершилось въ 1463. Съ этимъ кончилось и историческое существованіе боснійскихъ патареновъ: они исчезли съ приходомъ Турокъ; предполагаютъ, что всѣ они приняли магометанство, и что большинство Босняковъ-мусульманъ, въ особенности землевладѣльцевъ, суть именно потомки старыхъ патареновъ.

Съ паденіемъ національной свободы, для Сербовъ настали долгіе вѣка страшнаго ига, подъ которымъ до сихъ поръ оставались Босна, Герцеговина и Старая Сербія. Литература прерывается, и исчезаютъ даже памятники ея старой дѣятельности. Нѣсколько разъ Турки проходили сербскія земли съ огнемъ и мечомъ, разрушали церкви и монастыри; съ ними гибли старыя рукописи, которыя гибли потомъ и отъ невѣжества и небреженія.

Грамотность ограничивается однимъ духовенствомъ; старое книжное преданіе бережется особенно въ уединенныхъ монастыряхъ, если они бывали защищены природой отъ нашествій и грабительствъ. Книжный интересъ ограничивается чисто церковнымъ кругомъ и языкъ церковный дѣлается господствующимъ въ книгѣ и держится долго даже и послѣ возрожденія сербской народности въ наше время. Свободныя отъ Турокъ православныя сербскія земли не могли много помочь этому упадку; онѣ сами были въ трудномъ положеніи и долго были поглощены одной чистой заботой національнаго самосохраненія.

Но подъ этимъ гнетомъ и упадкомъ тлѣлась искра, изъ которой разрослось національное возрожденіе. Косовскій бой оставилъ могущественное впечатлѣніе въ умахъ: онъ сталъ темой народной скорби и поэтической идеализаціи, освятилъ для народа его старину и далъ героическій мотивъ, могущественно возбуждавшій, даже въ вѣка крайняго политическаго упадка, народное мужество. Исключительная церковность старой литературы оказала теперь свое дѣйствіе: народъ забылъ старыя невзгоды внутренняго порядка и отождествилъ свою народность съ церковью; слово „Сербъ“ стало синонимомъ православнаго, и религія, отдѣливъ народъ отъ его угнетателя, вмѣстѣ сохранила его отъ одичанія и потери народности. Собственная дѣятельность была невозможна въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ Сербы

жили; письменность повторяла старыя книги; иногда являлось новое житіе, новая обработка или дополненіе лѣтописи; записывался новый варіантъ народной легенды. Въ первое время ига еще сохранялись остатки прежней книжной дѣятельности, и въ это-то время переходили въ Россію сербо-болгарскіе книжники, какъ митр. Кипріанъ, Григорій Цамблакъ, Пахомій Сербинъ. Замѣчательнымъ явленіемъ было основаніе славянскихъ типографій еще въ концѣ XV вѣка, главной задачей которыхъ было доставленіе церковныхъ книгъ. Первыми дѣятелями южно-славянскаго книгопечатанія были: „воевода Зеты", Юрій Черноевичъ („Октоихъ" 1493 — 94) и Божидаръ Вуковичъ. Церковныя книги выходили въ Цетиньѣ (1493—94), Гораздѣ (1529), въ монастыряхъ Руянскомъ (1537), Милешевѣ (1544), Меркшинѣ (1562), Бѣлградѣ (1552), Скадрѣ (1563), а также и въ чужихъ земляхъ, въ Венеціи (1493), Терговищѣ (1512) и друг. Глаголическій миссалъ вышелъ еще ранѣе первой кирилловской книги, въ 1483. Но въ концѣ-концовъ сербскія типографіи не могли удержаться подъ турецкимъ игомъ, и тогда, въ пору окончательнаго упадка книжности, опорой ея послужили русскія книги, съ конца XVI, и особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. „Каждый Сербъ,—говоритъ одинъ новѣйшій историкъ сербской литературы, — долженъ съ признательностью вспоминать то добро, какое Русскіе оказали его народу въ тѣхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ; это была какъ бы и отплата за то, что Русскіе нѣкогда получили отъ болѣе счастливыхъ южныхъ братьевъ; во всякомъ случаѣ забота Русскихъ въ XVII — XVIII ст. была великимъ благодѣяніемъ для образованія сербскаго народа, или лучше сказать, для удержанія его въ православіи" [1]). Съ книгами церковными приходили также и другія, и подъ этими вліяніями сербскій письменный языкъ сталъ принимать русскіе обороты того времени, и какъ нашъ языкъ до Ломоносова былъ славяно-русскимъ, такъ здѣсь, при первыхъ опытахъ новой литературы, языкъ ея былъ „славяно-сербскій", смѣсь русско-церковнаго и сербскаго.

---

2. Дубровникъ и сербо-хорватское Приморье.

Другой сербо-хорватскій край, Далматинское Приморье, имѣлъ свою особенную и замѣчательную судьбу [2]). Это Приморье съ другими зем-

---

[1]) Slovník Naučný,—Jihoslov. 310.

[2]) О «Хорватахъ», въ обширномъ смыслѣ, и Дубровникѣ, кромѣ указанныхъ сочиненій вообще о Сербахъ, см. по исторіи и этнографіи:

— Lucii, De regno Dalmatiae et Croatiae, Amst. 1666.

— Engel, Gesch. von Dalmatien und Kroatien, Halle 1798; Geschichte von Ragusa, Wien 1807.

лями занято было Хорватами (за нѣсколько лѣтъ до прихода Сербовъ) во время великаго движенія сербо-хорватскаго племени изъ его первоначальныхъ жилищъ у Карпатъ, въ VII вѣкѣ, въ правленіе греческаго императора Гераклія. Призванные Греками противъ Аваръ, Хорваты заняли древнюю Далмацію, или нынѣшнія области Далмацію, Славонію, Кроацію и западную часть Босны (до р. Врбаса); другая часть этихъ Хорватовъ заняла Иллирикъ и Паннонію въ нынѣшней Венгріи. Южной границей хорватскаго племени въ Далмаціи была р. Цетина; дальше шли Сербы; нѣсколько приморскихъ городовъ и острововъ сохранили свое старое населеніе, римско-итальянское, и составили особую общину подъ властью византійскаго императора. Обѣ хорватскія общины, далмато-хорватская и панноно-хорватская (посавская) имѣли особыхъ князей, которые бывали дружественны между собой, но бывали и врагами. Христіанство введено было къ Хорватамъ еще при Гераклін, но священниками, присланными по его приказанію изъ Рима. Сначала Хорваты вступили въ зависимость отъ греческаго императора, но скоро

— Micocsi, Otior. Croatiae liber unus. Budae 1806.

— Catancsich, In veterem Croatarum Patriam indagatio philol. Zagrab. 1790.

— Catalinich, Storia della Dalmazia, 4 v., Zara. 1834—35.

— Iv. Kukuljević-Sakcinski, Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, 5 книгъ, Zagreb 1851—59.

— Joh. v. Csaplovics, Slawonien und zum Theil Croatien, 2 ч., Pesth. 1819.

— Abate Fortis, Viaggio in Dalmazia, 2 ч., Venezia. 1774.

— Giovanni Lourich, Osservazioni sopra diversi pezzi del Viaggio del signor Fortis, Venezia 1776.

— Kohl, Reise nach Istrien, Dalmazien und Montenegro, 2 Bde. Dresd. 1851.

— Wilkinson, Dalmatia and Montenegro, Lond. 1848 (нѣмецкая обраб. Линдау, Leipz. 1849).

— Švear, Ogledalo Iliriuma. Zagreb, 1839—40, 3 ч.

— Seljan, Zemljopis pokrajinach ilirskich, Zagreb, 1843.

— Luka Jilić, Narodni Slavonski običaji. Zagreb, 1846.

— Gius. Valentinelli, Bibliografia della Dalmazia e del Montenegro, Zagabria 1855 (есть 2-е изданіе, дополн.).

— Iv. Kukuljević, Monumenta historica Slavorum meridionalium, Zagr. 1863 Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, 6 v. Zagr. 1862—63.

— В. Макушевъ, Матеріалы для исторіи дипл. сношеній Россіи съ Рагузскою республикою и пр. (съ Петра В.), въ «Чтеніяхъ» 1865, III; Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника. Спб. 1867; Задун. и Адріат. Славяне, Спб. 1867; Итал. Архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для слав. исторіи. Спб. 1870—71.

— Леонтовичъ, Древнее хорвато-далматское законодательство. 1868.

— Множество историческихъ трудовъ по исторіи, литературѣ, изданій памятниковъ и изслѣдованій является въ послѣдніе годы у Хорватовъ; таковы труды Кукульевича, Ткальчича, С. Любича, Брашнича, Месича, Ягича, въ особенности Рачкаго; см. Književnik, Rad, Starine.

— Гильфердингъ, Историч. право хорватскаго народа; Венгрія и Славяне,— Собр. Соч. 1868, т. II.

По языку:

— Appendini, Gram. della lingua illirica, Ragusa, 1808.

— Kristianovich, Gram. der Kroatischen Mundart, Agram 1837.

— A. T. Berlić, Gram. der Illyrischen Sprache, wie solche im Munde und Schirft der Serben und Kroaten gebräuchlich ist. Wien 1854.

освободились отъ его власти, какъ и упомянутые старые города. Въ теченіе почти двухъ столѣтій (641 — 829) Хорваты были независимы отъ Византіи, и за это время о нихъ извѣстно очень мало. Но къ концу VIII вѣка, Хорваты, особенно посавскіе, подпали жестокому игу Франковъ, которое успѣли свергнуть лишь въ первой половинѣ IX столѣтія. Во второй половинѣ этого вѣка, при князѣ далмато-хорватскомъ Седеславѣ, Хорваты снова возвратились добровольно подъ власть греческихъ императоровъ; вмѣстѣ съ Сербами они хотѣли закрѣпить этотъ союзъ окончательнымъ введеніемъ христіанства, и отправили посольство къ импер. Василію Македонянину, прося прислать священниковъ, что онъ и сдѣлалъ. Такимъ образомъ произошло второе крещеніе Хорватовъ (одни оставались еще доселѣ некрещенными, другіе отпали во время независимости) уже по восточному обряду, изъ Греціи [1]). Но

— Babukić, Ilirska slovnica. Zagr. 1854.

— Микали, Thesaurus linguae illiricae in quo verba illirica italice et latine redduntur. Laureti 1649; Anconae 1651.

— J. Belloszténecz, Gazophylacium s. Latino-illyricorum onomatum aerarium, Zagrab. 1740.

— A. Jambressich, Lex. Lat. interpretatione illyr., germ. et hung. locuples, Zagrab. 1742.

— P. A. Della Bella, Dizionario Italiano, Latino, Illirico. Ven. 1728.

— Voltiggi, Ricsoslovnik illyricskoga, italianskoga i nimacskoga jezika, u Becsu 1803.

— J. Stulli, Lexicon Latino-Italico-Illyricum, 3 ч. въ 6 томахъ, Офенъ и Рагуза, 1801—1810.

— Parčić, P. C., Vocabulario italiano-slavo (illirico). Zara, 1869; Rječnik slovinsko-talijanski, ib. 1874.

— Iv. Filipović, Novi Rječnik hrvatskoga i njemačkoga jezika. Zagreb 1875—77 (началъ выходить выпусками съ 1873), 2 части. Второй отдѣлъ словаря — нѣмецко-хорватскій.

— B. Šulek, Хорватско-нѣм.-итальянскій терминологическій словарь. Загребъ 1875, 2 тома.

— Основные труды по сербо-хорватскому языку Даничича указаны прежде.

По литературѣ:

— Appendini, Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura dei Ragusei, 2 тома. Ragusa 1802.

— Galleria di Ragusei illustri. Ragusa 1841.

— A. Mažuranić, Ilirska Čitanka, Вѣна 1856.

— Iv. Kukuljević, Stari pjesnici hrvatski XV — XVI vieka, 3 вып. Zagreb 1856—1858; Književnici u Hrvatah iz prve polovine XVII vieka s ove strane Velebita. Zagr. 1869; Bibliografia Jugoslavenska. I. Bibliografia Hrvatska (печатн. книги), Загребъ 1860.

— П. Шафарикъ, Geschichte der Südslawischen Literatur. II. Illyrisches und Kroatisches Schriftthum. Prag. 1865.

— Pavić, Historija dubrovačke Drame. Zagr. 1871; о дубр. литературѣ, Rad XXXI. 1875, 134—196.

— V. Jagić, Trubaduri i najstariji hrvatski lirici. Rad IX. 1869. 202—234.

— Geschichte des Illyrismus oder des Süd-slawischen Antagonismus gegen die Magyaren. Leipz. 1849.

— Л—скій, Путешествіе по южнымъ краямъ Австріи (Русск. Слово, 1860, кн. 5—6; 1861, кн. 1).

[1]) Шафарикъ думалъ (Древн. II. 2. 17 по русск. пер.), что это возвращеніе было слѣдствіемъ введенія слав. богослуженія у Славянъ паннонскихъ и моравскихъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Но Голубинскій (стр. 699) считаетъ это мнѣніе ни на чемъ

хорватскія земли были такъ близки къ Италіи и такъ связаны разными отношеніями съ государствами, признававшими церковную власть Рима, что уже вскорѣ, именно при преемникѣ Седеслава, Бранимирѣ, 879, снова подчинились папѣ; но они сохранили однако славянское богослуженіе, принятое вѣроятно еще при жизни Меѳодія. Съ начала X вѣка нѣсколько разъ на далматинскихъ католическихъ соборахъ и въ повелѣніяхъ папъ запрещалось „ученіе Меѳодія" и славянское богослуженіе, но тѣмъ не менѣе послѣднее удержалось: латинскія богослужебныя книги были переведены на славянскій языкъ, или старо-славянскія (греческія) исправлены, и принятымъ письмомъ стала глаголица: въ этой формѣ славянское богослуженіе было наконецъ формально разрѣшено папой Иннокентіемъ IV, въ 1248. Съ тѣхъ поръ глаголическое богослуженіе (по католическому обряду) сохраняется мѣстами и донынѣ.

Политическая исторія Хорватовъ была исполнена превратностей. Хорваты паннонскіе подпали власти Франковъ, освобождались, бывали съ ними въ союзѣ (напр. даже противъ моравскихъ Славянъ), и наконецъ были покорены Венграми. Хорваты далматинскіе пріобрѣтають извѣстную независимость, и князья ихъ стали даже называться королями (въ первый разъ, Томиславъ, въ началѣ X вѣка): слѣдують безпрестанныя войны, дружескія и враждебныя отношенія къ Болгарамъ и Сербамъ, Византіи и западнымъ сосѣдямъ. Славнѣйшей порой хорватскаго королевства было правленіе знаменитаго у Хорватовъ короля Звонимира, въ концѣ XI вѣка. Съ его преемникомъ кончилась династія Держиславичей, и хорватское государство отъ внутреннихъ смутъ было на краю гибели. Хорваты признали наконецъ венгерскаго короля Коломана своимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ (1102) Хорватія донынѣ соединена съ Венгріей. Соединеніе было добровольное и на равномъ правѣ: Хорваты признавали венгерскаго короля и его потомковъ своими королями, а онъ обѣщался хранить и уважать ихъ народныя права, вольности и учрежденія. Съ тѣхъ поръ Хорваты дѣлятъ венгерскую исторію: ими управляли королевскіе намѣстники или баны, а венгерскіе короли стали называться королями Хорватіи и Далмаціи, впослѣдствіи и Славоніи („Тріединое Королевство"). Это соединеніе долго было безобидное для обѣихъ сторонъ: Хорваты пользовались своей конституціей, подчиняясь однако въ большей или меньшей степени господствующему элементу: они дѣлили подвиги венгерской исторіи, дѣлили ея бѣдствія (Славонія въ 1521—1699 была подъ

неоснованнымъ. «За славянскими книгами Хорваты должны были обращаться не въ Константинополь, гдѣ послѣ отбытія Константинова о нихъ еще менѣе заботились чѣмъ въ Римѣ, а въ болѣе близкую къ нимъ Моравію, гдѣ дѣйствовалъ тогда Меѳодій первоучитель и гдѣ введено было славянское богослуженіе съ дозволенія самого папы».

турецкимъ владычествомъ), имѣли въ войнахъ съ Турками своихъ славныхъ героевъ (которыхъ иногда и Венгры и Хорваты равно приписываютъ себѣ, какъ напр. знаменитаго Зрини) и подобно Венграмъ долго сберегали старую свѣжесть племени. Новѣйшее время поссорило ихъ: венгерская національность возъимѣла притязаніе на исключительное господство, и это вызвало со стороны Хорватовъ живѣйшее сопротивленіе, которое повело къ кровавому столкновенію, ознаменовавшему 48—50 годы, а съ другой стороны дало новую жизнь національности западныхъ Сербовъ и открыло новый періодъ ихъ литературы.

Далмація дѣлилась съ прихода Славянъ на двѣ части: южную, представителемъ которой былъ Дубровникъ, и сѣверную, хорватскую, которая принадлежала Хорватамъ и носила ихъ имя со времени поселенія ихъ на иллирійскомъ полуостровѣ. Вслѣдствіе того, языкъ Далматинцевъ иногда назывался хорватскимъ, хотя собственно это былъ тотъ же общій сербскій языкъ, не отличавшійся отъ языка восточныхъ Сербовъ. Собственно хорватское нарѣчіе, какъ мы видѣли, составляетъ особую отрасль сербскаго и господствуетъ сѣвернѣе.

Судьба Далмаціи по соединеніи хорватскаго королевства съ венгерскимъ, связана была съ исторіей послѣдняго. Венгрія, въ безпрестанной борьбѣ съ Венеціей за Далматинское Приморье и острова, удерживала ихъ съ начала XII вѣка до 1420. Затѣмъ начинается господство Венеціанцевъ — до 1797.

Дубровникъ (Рагуза) имѣлъ чрезвычайно своеобразную исторію. Городъ основанъ былъ выходцами изъ Эпидавра (Ragusa Vecchia, въ трехъ часахъ отъ Дубровника), уходившими отъ варваровъ; первыя поселенія относятъ къ половинѣ III вѣка по Р. X.; послѣдняя колонія пришла въ половинѣ VII в., и тогда же пришли сюда жители Салоны, разрушенной Славянами. Свое романское названіе городъ получилъ по скалѣ Lausa (Rausa, Rachusa, Ragusa). Эти первоначальные жители Дубровника были римско-итальянскаго происхожденія, христіане, имѣвшіе уже извѣстную образованность, что́ и оказало свое вліяніе на дальнѣйшее развитіе общины. Далмація вообще выгодно и невыгодно поставлена была между Византіей, Венеціей и сербскими владѣтелями, а потомъ Венграми. Венеція давно стремилась къ пріобрѣтенію этого края; къ концу X в. Венеція успѣла покорить ту воинственную Неретву (Наренту), которая передъ тѣмъ заставила ее даже платить себѣ дань; въ эту пору самъ Дубровникъ подпалъ на время зависимости отъ Венеціи; но вообще онъ умѣлъ сохранить независимость и образовать богатую торговую общину, которая больше и больше развивала свои силы. Дубровникъ рѣдко брался за оружіе, но обстоятельства впутывали его въ войны съ разными сосѣдями и претендентами: въ IX вѣкѣ онъ нѣсколько разъ отбивался отъ Сарацинъ; въ

X, защищался отъ Венеціанцевъ, наречанскихъ разбойниковъ, болгарскаго царя Самуила, императора Оттона; въ XI, союзъ съ Робертомъ Гвискардомъ вовлекъ его въ войну съ Византіей и Венеціанцами; въ XII, онъ воевалъ съ баномъ Босны и Стефаномъ Неманею. Дубровникъ умѣлъ выгодно выходить изъ этихъ войнъ и обезпечивать свою независимость и торговлю мирными договорами

Такихъ договоровъ онъ много заключалъ съ сосѣдними сербскими и босанскими владѣльцами, съ которыми былъ въ постоянныхъ связяхъ по дѣламъ торговымъ, а иногда и военнымъ, и съ которыми держалъ себя самостоятельно и на ровной ногѣ; съ сербскими владѣтелями Захолміи и Травуніи онъ вступалъ въ договоры, и плата дани (въ X столѣтіи эта дань была въ 30 дукатовъ) обезпечивала ему торговлю съ внутренней Сербіей. Дубровницкіе купцы пользовались въ сербскихъ земляхъ почетомъ. Для сербскихъ владѣльцевъ и бояръ Дубровникъ служилъ и мѣстомъ убѣжища, въ случаѣ политическихъ невзгодъ; здѣсь они отдавали на сохраненіе свои богатства на черный день. Городъ богатый и сильный, Дубровникъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе: въ сербскихъ грамотахъ граждане его называются „пріятелями, сродниками, и братьями, вѣрными, любимыми“ и т. д.; Дубровникъ съ своей стороны оказывалъ князьямъ „господскую почесть“.

Его торговыя сношенія были чрезвычайно обширны: онѣ велись не только съ внутренними землями Балканскаго полуострова, но мало-помалу распространились на Италію, Сицилію, Испанію, Грецію, Александрію, Левантъ и т. д. Особенно дѣятельныя связи онъ поддерживалъ съ Венеціей. Впослѣдствіи, привиллегированное положеніе дубровницкихъ купцовъ сохранялось и до позднихъ вѣковъ турецкаго владычества на полуостровѣ.

При славянскомъ нашествіи римское населеніе Далмаціи спаслось въ Рагузу, Трогиръ, Сплитъ и другіе города, — остальные запустѣли и были заняты Славянами. Эти старые римскіе города, составлявшіе ключъ къ Далмаціи и особенно привлекавшіе сначала Византію, потомъ Венецію, съ XII вѣка теряютъ свою независимость, потомъ съ теченіемъ времени, съ наплывомъ славянскаго элемента, теряютъ романскій характеръ. При всемъ томъ римское происхожденіе не забывалось, и впослѣдствіи итальянскіе элементы Далмаціи начинаютъ тѣснить славянскій языкъ (въ Трогирѣ, уже славянскомъ, съ XV столѣтія оффиціальнымъ языкомъ дѣлается латинскій или итальянскій; въ Дубровникѣ въ 1472 г. въ совѣщаніяхъ сената также былъ запрещенъ славянскій языкъ и вмѣсто него принятъ латино-рагузанскій, т.-е. особенное нарѣчіе итальянскаго языка). Это легко объясняется тѣми вліяніями, подъ которыя поставлено было здѣсь славянское населеніе. Славянская масса, подавившая сначала туземное населеніе,

впослѣдствіи сама подчинилась дѣйствію итальянскихъ элементовъ, уцѣлѣвшихъ отъ старины, и новыхъ условій. Воспоминанія римской образованности, торговыя связи, новый притокъ итальянскихъ жителей, политическое вліяніе Византіи, Венгріи, и особенно Венеціи привели къ оффиціальному преобладанію далматинско-итальянскаго языка. Далмація и особенно Дубровникъ, представившій высшую ступень далматинской культуры, въ концѣ среднихъ вѣковъ, обнаруживали вообще чрезвычайно характерную смѣсь элементовъ итальянскаго и славянскаго, которая и теперь остается поразительной чертой населенія Далмаціи.

Романскій элементъ тѣмъ легче могъ усиливаться, что Венеція уже въ X вѣкѣ дѣлала завоеванія въ Далмаціи, или постоянно была съ ней въ торговыхъ и политическихъ связяхъ; съ XIII вѣка (съ 1203) самый Дубровникъ подчиняется венеціанскому господству. Вмѣсто прежнихъ „ректоровъ“ Венеція ставила во главѣ дубровницкой республики своихъ графовъ (conte), которые хотя и присягали въ сохраненіи дубровницкихъ правъ и обычаевъ, но съ своей стороны требовали отъ Дубровника вѣрности Венеціи. И кромѣ того итальянскій элементъ былъ весьма силенъ въ высшихъ классахъ Дубровницкаго населенія: большая часть именъ Дубровницкихъ „властелей“ обнаруживаютъ итальянское происхожденіе; но затѣмъ онѣ являются въ двоякой формѣ, итальянской, и ославяненной, изъ которыхъ беретъ верхъ то одна, то другая, — итальянскія фамиліи измѣняются на славянскій ладъ; Гондола, Пальма становились Гундуличами, Пальмотичами и т. д. Итальянская образованность давно имѣла приверженцевъ въ Дубровникѣ, но рядомъ съ ней развилась потомъ блестящая сербская поэзія Дубровника и аристократическіе роды его „властелиновъ“ стали ея поборниками...

Господство Венеціанцевъ въ Дубровникѣ смѣнилось во второй половинѣ XIV вѣка венгерскимъ (1358 — 1526), но когда самой Венгріи стала угрожать крѣпко ставшая на Балканскомъ полуостровѣ Турція, то Венеціанцы снова начинаютъ пріобрѣтать больше и больше вліянія въ Далмаціи, особенно въ XVI столѣтіи. И это было для нихъ тѣмъ необходимѣе, что въ разныхъ мѣстахъ Далмаціи образовались съ XV столѣтія небольшія разбойничьи государства, крайне безпокоившія Венецію. Съ покореніемъ сербскихъ земель Турками, въ Приморьѣ явились „Ускоки“ (бѣглецы), центромъ которыхъ стала Сенья или Ценгъ (Segna, Zengh), откуда они нападали и на Турокъ, и на Венеціанцевъ. Ускоки отличались необыкновеннымъ удальствомъ и были отличными морскими разбойниками; подвиги ихъ дали богатый матеріалъ для сербскаго эпоса. Сила ихъ продолжалась и до второй половины XVIII вѣка... Обезпечивая отъ нихъ свою торговлю, Венеціанцы мало-по-малу овладѣли къ началу XVIII вѣка почти всѣмъ Далматинскимъ Приморьемъ.

Одинъ Дубровникъ съ своимъ округомъ сохранилъ независимое положеніе.

Въ 1797 сложилъ свою власть послѣдній венеціанскій дожъ, Манини. Австрія заняла Далмацію, которая и была оставлена за ней по Кампоформійскому договору, того же года. Дубровницкая республика пока уцѣлѣла. Но по пресбургскому миру 1805, Австрія опять должна была уступить Далмацію французской имперіи. Дубровникъ старался всячески сохранить нейтралитетъ, но это не помогло ему, и въ 1808 году республика окончательно пала. Въ 1809 г. вся Далмація и Дубровникъ въ томъ числѣ были причислены къ такъ-называемой „Иллиріи", но эта „Иллирія" просуществовала недолго, какъ вообще французское господство. Въ 1814 году на Вѣнскомъ конгрессѣ славянская Далмація и знаменитый нѣкогда Дубровникъ были отписаны къ Австріи.

Въ литературной исторіи Далмаціи и Дубровника мы встрѣчаемъ уже католическое Славянство, и литературное развитіе шло здѣсь независимо отъ преданій православной письменности. Далмація съ первыхъ вѣковъ христіанства состояла въ зависимости отъ римскаго престола, и съ раздѣленіемъ церквей осталась католическою. Какъ извѣстно, католическіе Славяне пользуются латинской азбукой, но Далмація и здѣсь представляетъ оригинальное явленіе: въ ней были извѣстны и употреблялись всѣ четыре азбуки славянскаго языка,—кирилловская, глаголическая, босанско-хорватская буквица и латинская азбука. Каждая принадлежала особому разряду письменности.

Кирилловское письмо употребляли Дубровничане въ своихъ сношеніяхъ съ другими Сербами: памятники этихъ сношеній писаны общимъ сербскимъ народнымъ языкомъ, и тянутся черезъ весь періодъ самостоятельнаго существованія Сербіи и Босны до самаго ихъ паденія (извѣстны грамоты, обозначенныя годами, съ начала XIII вѣка до 1465). Эти кирилловскія грамоты Дубровника представляютъ любопытный матеріалъ для старой исторіи этого города и отражаютъ въ себѣ ту нравственную связь, которая соединяла племена, уже раздѣленныя политическимъ положеніемъ, нравами и религіей. Дубровникъ, какъ и другіе города и острова Далмаціи, былъ свободной общиной, съ преобладаньемъ властельскаго сословія, съ бо́льшимъ развитіемъ личности, чѣмъ у соплеменныхъ сосѣдей; при сношеніяхъ съ Сербами, дубровницкое право, представлявшее много романскихъ элементовъ, имѣло вліяніе на право сербское, и въ свою очередь приняло нѣкоторое дѣйствіе и съ его стороны.

Съ другой стороны, хорватская Далмація была главнѣйшею об-

ластью глаголицы: здѣсь эта азбука (хорватская глаголица, отличаемая отъ болгарской по нѣкоторымъ особенностямъ написанія) сохранилась въ употребленіи даже до настоящаго времени. Не будемъ возвращаться къ темному вопросу о томъ, когда и кѣмъ она была изобрѣтена, и почему здѣсь распространилась: довольно сказать, что нѣкоторые ученые считаютъ именно Далмацію родиной глаголицы, откуда она разошлась въ другія славянскія земли, и что эта далматская или хорватская глаголица представляла первоначально тѣ же древніе кирилловскіе памятники и литургію по греческому обряду, которые потомъ и подверглись преслѣдованію со стороны римскаго духовенства. Далматинское христіанство было издавна подъ властью римской іерархіи, но вѣроятно послѣ проповѣди Кирилла и Меѳодія въ Моравіи (неизвѣстно впрочемъ, когда именно) въ Далмаціи появляется славянское богослуженіе, которое папа Іоаннъ VIII призналъ (880 г.), чтобы не потерять Хорватовъ изъ своей власти. Въ началѣ X вѣка оно было въ полномъ цвѣтѣ, — въ это время латинскіе епископы подняли споръ съ славянскими изъ-за богослуженія и папа Іоаннъ X убѣждалъ хорватскаго князя Томислава принять богослуженіе латинское [1]). Католическіе соборы въ Далмаціи (925, 1059 и 1064) запрещали славянскую литургію, но славянское богослуженіе тѣмъ не менѣе удержалось. Изъ свидѣтельства одной глаголической рукописи, начала XIII вѣка, видно, что въ то время глаголица считалась уже чрезвычайно древней. Одни изъ ученыхъ были именно того мнѣнія, что глаголица была съ самаго начала придумана для того, чтобы отдалить католиковъ отъ православной письменности, если уже нельзя было устранить самыхъ славянскихъ книгъ. Другіе напротивъ убѣждались, что глаголица была то старое Кирилло-Меѳодіевское преданіе, которое покинули православные книжники, измѣнивъ азбуку по греческимъ образцамъ. Впослѣдствіи славянское богослуженіе съ глагольскимъ письмомъ было передѣлано по римскому обряду, и наконецъ разрѣшено оффиціально буллой папы Иннокентія IV (1248 и потомъ 1252). Изъ этой буллы видно между прочимъ, что Далматинскіе Славяне относили древность своего письма ко временамъ св. Іеронима (IV вѣка), который и считался изобрѣтателемъ этой азбуки (quod in Slavonia est *litera specialis*, quam illius terrae clerici se habere a b. Hieronymo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis). Въ этомъ новомъ періодѣ своего существованія глаголица распространилась чрезвычайно широко: почти вся Истрія, хорватское Приморье, часть провинціальной Хорватіи и Далмаціи до Цетины и Неретвы, со

---

[1]) Онъ писалъ къ нему около 920: Quis etenim specialis filius sanctae Romanae ecclesiae, sicut vos estis, Slavonica lingua deo sacrificium offerre delectatur?

всѣми прилежащими островами Адріатическаго моря, были наполнены глаголическими церковными приходами. По извѣстіямъ изъ XVII вѣка и половины XVIII [1]) видно, что въ то время число глаголическихъ приходовъ было весьма значительно. Но рядомъ съ славянскимъ богослуженіемъ существовало конечно и латинское. Въ настоящее время церковная глаголица болѣе и болѣе падаетъ.

Но въ старину, какъ мы видѣли, употребленіе ея было очень широко, и она стала даже оффиціальнымъ письмомъ: глаголицей писались грамоты и уставы. Въ XIV столѣтіи она вышла даже за границы хорватскихъ земель: въ славянскомъ монастырѣ, основанномъ Карломъ IV въ Прагѣ для хорватскихъ бенедиктиновъ, глаголица существовала около ста лѣтъ, до 1436, когда была замѣнена богослуженіемъ утраквистовъ. Въ 1483 изданъ, вѣроятно въ Венеціи, глаголическій служебникъ; въ половинѣ XVI вѣка, когда баронъ Унгнадъ дѣйствовалъ въ Тюбингенѣ для распространенія реформаціи между южными Славянами, Антонъ Далматинъ и Степанъ Истріянинъ издали съ этой цѣлью и нѣсколько глаголическихъ книгъ (1561—1564). Не смотря на то, что латинское духовенство не любило глаголицы, она продолжала держаться, потому что находила покровителей не только въ высшихъ духовныхъ властяхъ, но даже въ папахъ. Въ XVII столѣтіи изданы были особые уставы для глаголическаго духовенства, нѣкоторые архіепископы заботились о его образованіи, — которое повидимому находилось тогда въ жалкомъ положеніи. Въ первой половинѣ XVII вѣка началась новая дѣятельность по изданію и исправленію глаголическихъ книгъ. Въ 1631 году Рафаилъ Левановичъ издалъ глаголическій миссалъ, на старомъ сербско-славянскомъ языкѣ. Но, какъ говорятъ, отъ западно-русскихъ уніатовъ, жившихъ въ Римѣ, папа узналъ, что настоящій славянскій языкъ сохранился только въ Россіи и русскихъ книгахъ, и потому папа велѣлъ исправить глаголическія книги (въ которыя успѣло войти не мало народно-сербскаго) по русско-славянскимъ текстамъ. Такъ тотъ же Левановичъ издалъ въ 1648 бревіарій (Часословъ). Далѣе, въ томъ же направленіи работалъ Янъ Пастричъ (1688—1706). Въ третій разъ взялся за то же дѣло Матвѣй Караманъ, нарочно для того ѣздившій въ Россію и которому помогалъ въ этомъ дѣлѣ Матія Совичъ (1741—45). Въ половинѣ XVIII вѣка глаголица нашла ревностныхъ покровителей въ далматинскихъ прелатахъ Винцентіѣ Змаевичѣ (при которомъ работалъ Караманъ, бывшій послѣ преемникомъ его по архіепископству въ Задрѣ) и Антонѣ Кадчичѣ: они основали семинаріи для глаголическаго духовенства, но впослѣдствіи эти заведенія упали, да и преподаваніе при недостаткѣ учебныхъ книгъ не могло имѣть большаго

[1]) Assemani, Calendaria eccles. univ. 4, 410—411.

успѣха. Другимъ направленіемъ въ этой глаголической книжности, нежели Караманъ и Совичъ, отличался Степанъ Роза (Ружичъ), который утверждалъ, что въ церковныя книги долженъ быть введенъ вмѣсто славянскаго народный языкъ. Онъ самъ перевелъ на народный языкъ Библію, но переводъ остался неизданнымъ. Знаніе глаголицы больше и больше упадало, такъ что въ нынѣшнемъ столѣтіи одинъ епископъ далматинскій вынужденъ былъ напечатать славянскій миссалъ, вмѣсто глаголицы, латинскими буквами (Epistolarum et evangeliorum... volumen illyricum, *Schiavet* nuncupatum, въ Рѣкѣ, 1819; Schiavet—обыкновенное названіе для славянской книги).

Глаголическія типографіи дѣйствовали вообще въ Венеціи (1483—1812), Сеньѣ (1507—1508), Рѣкѣ (Фіуме, 1531), Тюбингенѣ (1561—1564) и въ Римѣ (1621—1791). Рукописи и печатныя книги заключаютъ въ себѣ почти исключительно букварь и богослужебныя книги: псалтырь (рукопись 1222 г.), евангелистарій, Новый Завѣтъ, миссалъ (рукопись 1368), объясненія св. писанія, молитвы; затѣмъ протестантскій катихизисъ, изложеніе аугсбургскаго исповѣданія, духовныя пѣсни и т. н.

Какъ сказано выше, глаголица была и оффиціальнымъ письмомъ: глаголическія грамоты и письма извѣстны съ XIV вѣка (первый памятникъ 1309 г.) и до XVIII столѣтія, но по упоминаніямъ извѣстна грамота 1100 года. Замѣчательнѣйшимъ памятникомъ этого разряда былъ *Законъ Винодольскій*, 1280 г. (рукопись XVI вѣка), весьма любопытный для изученія устройства старыхъ далматинскихъ общинъ [1]), далѣе такой же *Статутъ* острова *Керка*, 1388 г. [2]), и наконецъ нѣсколько другихъ памятниковъ общественной жизни Далмаціи. Глаголицей писались наконецъ и лѣтописи. Такъ напр. древнѣйшее историческое произведеніе далматинско-хорватской литературы, *Лѣтопись* Попа Дуклянскаго (изъ Дукли, или Діоклеи, нынѣшней Черногоріи), составленная во второй половинѣ XII столѣтія, была написана, какъ думаютъ сербо-хорватскіе ученые, глаголицей (другіе думаютъ впрочемъ, что она могла быть написана кириллицей или босанской буквицей). Лѣтопись Дуклянца не сохранилась въ своемъ глаголическомъ подлинникѣ, и извѣстна была по латинскому переводу Марка Марулича (Regum Dalmatiae et Croatiae gesta), и затѣмъ отыскана въ другой редакціи, написанной латинскими буквами въ половинѣ XVI вѣка [3]). Старые историки принимали эту лѣ-

[1]) Издан. въ «Kolo» 1843, и во «Временникѣ» Моск. Общества Ист. и Древн.

[2]) Изд. въ «Архивѣ» Кукулевича, кн. 2.

[3]) Латин. переводъ у Луція, De regno Dalmatiae et Croatiae, и Швандтнера, Scriptores rerum Hung., t. 3. Латинскій списокъ оригинала въ «Архивѣ» Кукулевича, I, 1—37. Ягичъ, Hist. Knjiž. 113—117. Новое изданіе: Iv. Črnčić, Popa Dukljanina Lětopis (по латыни и по хорватски), u Kraljevici, 1874.

топись за дѣйствительную исторію; но историческое ея значеніе очень невелико; она наполнена анахронизмами, перепутываетъ мѣста и лица, но „въ это время",—замѣчаетъ К. Сакцинскій,—„все писалось такъ, какъ разсказывали или пѣли старики, въ это время люди такъ творили исторію, какъ народъ сербскій творитъ свои героическія юнацкія пѣсни". Новые критики не думаютъ искать въ ней точныхъ фактовъ, но очень цѣнятъ ее совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, находя въ ней древнѣйшее свидѣтельство и отголосокъ сербскихъ народныхъ преданій и поэзіи.

Извѣстно также изъ XVI вѣка нѣсколько другихъ глаголическихъ хроникъ, похожихъ своей отрывочностью на сербскія лѣтописи,—они изданы въ „Архивѣ" Кукулевича (4, стр. 30 и слѣд.).

Содержаніе глаголической литературы было, какъ видимъ, очень не богато; тѣмъ не менѣе глаголица имѣла въ Далмаціи свое историческое значеніе: она сохранила въ хорватско-далматинскомъ католическомъ населеніи церковную литературу и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Въ то время, когда латинская церковь, поддерживаемая неславянской частью населенія, должна была настаивать на латыни, глаголица представляла собой элементъ народно-церковный и берегала для народа религіозный обрядъ на его собственномъ или родственномъ языкѣ. Но этимъ и ограничивается ея значеніе: глаголическая церковная литература почти не развивалась, реформатскія стремленія Антона Далматина не имѣли большаго успѣха, глаголическое духовенство—предоставленное своимъ бѣднымъ средствамъ—впало наконецъ въ невѣжество, съ которымъ конечно не могло просвѣтить своего народа. Въ нынѣшнемъ столѣтіи глаголица больше и больше падаетъ; отъ глаголическихъ семинарій осталась только каѳедра глаголицы въ Зарѣ, которую, съ 1855 года, занималъ Иванъ Берчичъ (1824 — 1870). Онъ въ особенности много трудился надъ историческимъ изученіемъ хорватской глаголицы и возстановленіемъ ея значенія въ народной жизни. Берчичъ составилъ глаголическую хрестоматію по 55 рукописямъ съ X вѣка и печатнымъ книгамъ до нынѣшняго столѣтія: „Chrestomatia linguae vetero-slovenicae charactere glagolitico" (Прага 1859), далѣе букварь: „Bukvar staroslovenskoga jezika glagolskimi pismeni za čitanje crkvenih knjiga" (тамъ же 1862), и проч. Послѣ его смерти изданъ былъ юго-славянской академіей послѣдній его трудъ: „Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu svetih Cirila i Metuda" (Загребъ, 1870), съ некрологомъ Ягича, гдѣ изложена ученая дѣятельность Берчича.

Кромѣ глаголицы въ Далмаціи употреблялась еще особенная славянская азбука, „буквица", принадлежавшая собственно Боснѣ. Это была кириллица, измѣненная по требованіямъ скорописи, и вмѣстѣ

съ тѣмъ принявшая нѣкоторыя новыя формы правописанія, а иногда примѣшивавшая и глаголическія буквы. Новые историки думаютъ, что буквица была намѣренно испорчена изъ кириллицы католическимъ духовенствомъ, которое хотѣло этимъ путемъ отдалиться отъ православнаго письма; что появленіе ея и не имѣло другаго смысла. Она легко могла приняться въ Далмаціи, гдѣ уже употреблялись кириллица и глаголица. Судя по извѣстнымъ памятникамъ, идущимъ до самаго XIX вѣка, буквица имѣла болѣе разнообразное употребленіе, чѣмъ глагольское письмо: эти памятники состоятъ изъ грамотъ, списковъ оффиціальныхъ установленій и законовъ, статей нравоучительнаго и легендарнаго содержанія, наконецъ пѣсенъ и т. п. [1]). Буквицей писаны, между прочимъ, *Полицкій статутъ* (рук. XVI вѣка), важный для исторіи далматинскихъ общинъ [2]); очень старый списокъ *Александріи*; въ одной рукописи 1520 года помѣщенъ писанный буквицей „Наукъ премудрога Акира", и проч. Буквицей или кириллицей печатались и нѣкоторыя стихотворныя произведенія, напр. легенда о св. Катеринѣ и др., босанскаго францисканца Матвѣя Дивковича (ум. 1631), котораго ставятъ также въ число далматинскихъ поэтовъ, — и другія произведенія босанскихъ францисканцевъ, почти исключительно богословскаго и поучительнаго содержанія. Одни изъ нихъ писали кириллицей, такъ какъ ее зналъ народъ—кромѣ Дивковича, Степанъ Матіевичъ, Павелъ Посиловичъ и др. въ XVII столѣтіи; другіе употребляли латинскую азбуку, какъ Бандуловичъ, Главиничъ, Анчичъ и проч. [3]).

Въ то время, какъ литература въ православной Сербіи шла по тому пути, который открытъ былъ болгарской письменностью, а въ западныхъ сербо-хорватскихъ земляхъ церковная литература—кирилловская и глаголическая—развивалась въ католическомъ смыслѣ,—съ XV вѣка новое, совершенно своеобразное литературное движеніе проявилось въ сербо-хорватскомъ Приморьѣ. Подъ вліяніемъ особенныхъ историческихъ условій, возникла здѣсь замѣчательная поэтическая литература, главнымъ центромъ которой былъ Дубровникъ, а органомъ — чистый народный языкъ.

---

[1]) См. «Архивъ» Кукулевича 5, стр. 168—170.

[2]) Изд. въ «Архивѣ» 5, стр. 241—318; статья о немъ Шафарика въ «Часописѣ» Чешск. Музея 1854.

[3]) Имена и сочиненія этихъ босанско-францисканскихъ и также далматинскихъ церковно-католическихъ писателей въ значительномъ количествѣ приводятся у Шафарика, Gesch. der slaw. Spr. und Liter., и Кржижека, «Часописъ» 1859, 4, 520—524; Jihoslované, въ Slovník Naučný, IV, 323—330. Замѣчанія о «буквицѣ» въ этой последней статьѣ, стр. 325, и Новаковича, Истор. книжевн. 167—169.

Блестящій періодъ этой литературы представляютъ конецъ XV, XVI и XVII столѣтія, въ теченіи которыхъ сербско-хорватское Приморье обнаружило чрезвычайно живую литературную дѣятельность, до тѣхъ поръ невиданную въ южно-славянскомъ мірѣ.

Выше было сказано о томъ, какъ тѣсно былъ связанъ здѣсь элементъ славянскій съ итальянскимъ. Постоянное передвиженіе Итальянцевъ въ Рагузу и Далмацію, Сербовъ въ Венецію, въ аристократію которой вошло много славянскихъ родовъ изъ Далмаціи, торговыя и политическія отношенія, наконецъ религіозныя сношенія съ Римомъ, усиливали эту связь больше и больше, и открыли путь вліянію итальянскаго образованія, которое не могло не стать господствующимъ на свѣжей, мало тронутой славянской почвѣ. Итальянская культура дѣйствовала всѣми своими средствами: наукой, религіей, искусствомъ, учрежденіями, обычаями цивилизованнаго изящнаго быта. Эти вліянія дѣйствовали, конечно, издавна и постепенно, и когда образованность и искусство достигли особеннаго оживленія въ самой Италіи, ихъ дѣйствіе обнаружилось и въ Дубровникѣ яркими фактами, которые съ XV вѣка начинаютъ тамъ—почти вдругъ—своеобразную національную литературу, совсѣмъ непохожую на старо-славянскія преданія. Свободная, богатая и разнообразная жизнь торговыхъ обществъ, не подавленная ни деспотизмомъ кралей, ни внутренними междоусобіями, какъ въ сосѣдней Сербіи, въ своемъ лучшемъ періодѣ (1359 — 1526) давала полный просторъ для новой образованности. Дубровникъ уже давно началъ принимать европейско-итальянскія бытовыя черты и привыкъ обращаться къ Италіи, которая становилась для него метрополіей новаго образованія. Молодые Далматинцы начали отправляться для своего образованія въ Италію, гдѣ ихъ привлекалъ особенно падуанскій университетъ; въ итальянскомъ обществѣ, которое ославянивалось, и въ самомъ славянскомъ развивался вкусъ къ учености и поэзіи. Черезъ Италію отразились здѣсь главныя явленія европейской литературной жизни конца среднихъ вѣковъ и начала новыхъ. Латинская литература, еще подъ вліяніемъ средневѣковой церкви и ея науки, имѣла своихъ извѣстныхъ представителей въ Далмаціи и получила тамъ право гражданства. Черезъ Италію пришли сюда отголоски провансальской поэзіи, съ ея поклоненіемъ женщинѣ и любовными канцонами. Наконецъ, „Возрожденіе" отозвалось здѣсь своими обычными явленіями, изученіемъ древнихъ классиковъ, стремленіемъ къ гуманистической образованности. Такъ отражалась здѣсь итальянская современность литературныхъ и научныхъ движеній. Параллельность далматинской литературы съ итальянской начинается съ признанія древнихъ классиковъ и латинской учености, съ удивленія Петраркѣ и Боккаччьо, и доходитъ до повторенія Гварини и Метастазія. Параллельность вы-

казывается и въ той роли, которую получаетъ народный языкъ: какъ въ Италіи прочное утвержденіе его въ литературѣ совпадаетъ съ господствомъ Провансаловъ и классицизма, такъ и здѣсь въ одно время съ античнымъ и итальянскимъ вліяніемъ, въ первый разъ возникаетъ широкая литературная дѣятельность на языкѣ чисто народномъ. Двойственность литературнаго языка въ Италіи (итальянскій и латинскій) повторяется въ Далмаціи употребленіемъ трехъ языковъ: сербско-далматинскаго (или „хорватскаго"), латинскаго и итальянскаго. Всѣ три были признаннымъ литературнымъ выраженіемъ: нерѣдко всѣ три соединялись въ одномъ и томъ же писателѣ, напр. у Марко Марули или Марулича, Кабоги, Налешковича, Франьо Лукарича, Игнатія Джорджича, Мавро Урбина и другихъ. Далматинскіе писатели принимаютъ всѣ тѣ литературныя формы, которыя образовались въ Италіи со временъ Возрожденія: ихъ лирику, эпическую поэму и драму. Внѣшній характеръ дѣятельности и общественнаго положенія писателей представляетъ то же сходство: писатель пріобрѣтаетъ извѣстный авторитетъ, литературный кружокъ собирается въ дружеское общество, соединяемое общимъ направленіемъ, личныя связи поддерживаются поэтической перепиской и т. д.

Дубровницкая республика, своимъ торговымъ богатствомъ, внутреннимъ развитіемъ, образованностью, стала выше всего далматинскаго Приморья, и могла справедливо назваться „южно-славянскими Аѳинами". По своей образованности Дубровникъ въ самомъ дѣлѣ представлялъ необычайное явленіе: маленькая республика, все населеніе которой считалось лишь десятками тысячъ, представила съ XV вѣка неожиданно большое число дѣятелей литературы и науки, и нерѣдко замѣчательнаго ума и таланта, — чего не представляли и гораздо болѣе многолюдныя государства и народы. Тутъ дѣйствовало не одно выгодное положеніе между Италіей и Византіей, но и несомнѣнное присутствіе богатыхъ внутреннихъ силъ. Классическое „Возрожденіе" возникало здѣсь не только подъ итальянскими, но и подъ прямыми греческими вліяніями: въ эпоху паденія Константинополя, когда ученые Греки бѣжали на западъ, однимъ изъ ихъ пристанищъ былъ Дубровникъ. Здѣсь жили знаменитые Халкокондила, Ласкарисъ и другіе; еще ранѣе, съ конца XIV вѣка бывали въ Дубровникѣ итальянскіе гуманисты, открывавшіе здѣсь свои школы; наконецъ сами Дубровничане и другіе Далматинцы ревностно посѣщали итальянскія школы и университеты, завязывали тѣсныя отношенія въ итальянскомъ ученомъ и литературномъ мірѣ, сами въ немъ дѣйствовали и пріобрѣтали въ немъ друзей и поклонниковъ, и европейскую извѣстность. Такъ изъ Дубровника происходили: Стоичъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ теологовъ XV вѣка; Илья Чрьевичъ, который еще на 18-мъ году былъ

увѣнчанъ въ Римѣ какъ поэтъ (въ 1478) и считался первымъ латинскимъ стихотворцемъ своего времени; Гетальдичъ, въ началѣ XVII, имѣетъ большое имя въ исторіи математическихъ наукъ; въ XVIII столѣтіи былъ другой знаменитый математикъ Бошковичъ; знаменитый археологъ Бандури и проч. Въ исторіи искусства далматинскіе художники выставили цѣлый рядъ извѣстныхъ именъ.

Что итальянское вліяніе, какъ ни было сильно, не было подавляющимъ, выразилось въ томъ, что далматинскіе писатели съ замѣчательной ревностью стремились обработывать новое содержаніе именно на народномъ языкѣ, когда имъ представлялся большой соблазнъ воспользоваться вполнѣ доступной имъ латинской или итальянской формой. Народный языкъ явился въ литературѣ въ то же самое время, когда приносились и новыя понятія; но литература не увлекается своими образцами до забвенія условій народности, какъ то часто бывало въ періоды литературныхъ подражаній, напримѣръ, въ исторіи французскаго псевдоклассицизма: народный сюжетъ, обстановка народной жизни сохраняютъ свою важность для далматинскаго писателя. Значительная часть дубровницкихъ и далматинскихъ поэтовъ принадлежала къ аристократическимъ „властельскимъ" фамиліямъ, но писатели выходили и изъ самого народа. Поэтическая дѣятельность развилась чрезвычайно; она становилась фамильнымъ дѣломъ, — переходила отъ отца къ сыну и внуку: такъ, по нѣскольку поэтовъ представили фамиліи Менчетичей, Гундуличей, Буничей, Держичей и др.

Еще любопытная историческая черта въ образовательномъ движеніи Дубровника была та, что онъ дѣйствительно, какъ замѣчаетъ одинъ сербо-хорватскій историкъ, могъ быть не только торговой связью тогдашняго греческаго и римскаго міра (торговля Дубровника шла отъ Леванта и Балканскаго полуострова на юго-западъ Европы), но и связью духовной. Въ половинѣ XIV вѣка Дубровникъ по своей образованности стоялъ несравненно выше восточныхъ славянскихъ братьевъ, которые и цѣнили его не только какъ богатый городъ, но и какъ мѣсто знанія и науки. Въ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ отъ древняго сербскаго царства, кромѣ элемента византійскаго, имѣло уже большую долю и романское искусство, какъ въ знаменитомъ храмѣ Стефана Дечанскаго. Эта связь съ западомъ, черезъ католическихъ Босняковъ и далматинскихъ Сербовъ, обнаруживается и другими фактами: отношенія сербскихъ кралей къ Дубровнику были вообще дружелюбныя, и если вѣрить показаніямъ дубровницкаго историка XVIII вѣка, Серафима Червы, самъ царь Душанъ въ 1351 отправилъ въ Дубровникъ посольство съ просьбой, чтобы городъ далъ ему въ царскій дворъ двадцать родовитыхъ юношей, а потомъ отправилъ въ Дубровникъ для ученья своихъ знатныхъ юношей, наиболѣе способныхъ къ наукамъ (prima-

rios et ad litterarum studia aptiores suae gentis juvenes). Изъ уваженія къ наукѣ Дубровничанъ, царь Душанъ основалъ имъ въ Дубровникѣ большую библіотеку, наполненную драгоцѣнными греческими и латинскими книгами [1]). Въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и если бы сербское царство не пало вскорѣ послѣ того, эти отношенія могли дать новое направленіе и расширить образованность православныхъ Сербовъ. Позднѣе, въ связи съ этими условіями далматинской образованности возникло въ юго-западной Сербіи первое книгопечатаніе,—почти на столѣтіе раньше, чѣмъ оно появилось въ Москвѣ.

Масса далматинскихъ поэтовъ съ XV столѣтія огромна; только незначительная часть ихъ была издана или въ старое время, или теперь, когда ихъ начали изучать снова. Рукописи ихъ разсѣяны въ разныхъ библіотекахъ Далмаціи: онѣ встрѣчаются и въ большихъ библіотекахъ Европы [2]). Чтобы передать по возможности ихъ характеръ, достаточно впрочемъ остановиться на главнѣйшихъ представителяхъ [3]). Кромѣ собственныхъ произведеній, далматинская литература очень богата переводами: ея античные образцы и новые итальянскіе писатели впервые являлись въ славянской одеждѣ. Такъ Ветраничъ переводитъ „Гекубу“ Эврипида (впрочемъ черезъ итальянцевъ), Златаричъ — „Электру“ Софокла (съ греческаго) и „Метаморфозы“ Овидія, Буничъ—Анакреона и Горація, Гекторевичъ—„Remedia amoris“ Овидія; затѣмъ переводили Виргилія, Катулла, Тибулла, Проперція, Марціала; Марко-Маруличъ переводитъ Петрарку, Солтановичъ—Тасса, Канавеличъ — „Pastor fido“ Гварини и т. д. Кромѣ античныхъ образцовъ, далматинская литература воспринимала особенно тѣ поэтическія формы итальянской литературы, которыя явились въ ней результатомъ Возрожденія и новаго итальянскаго романтизма. Въ эпосѣ замѣтно вліяніе итальянскаго романтическаго эпоса; лирическія любовныя пѣсни (pjesni ljuvene, ljuvezne), которыя бывали почти обязательны для далматинскаго поэта, отражаютъ канцону Петрарки и его послѣдователей; драма обнаруживаетъ вліяніе и церковной драмы среднихъ вѣковъ, и новой итальянской драмы, пасторали и народной комедіи.

---

[1]) Jagić, Rad jugosl. Akad. IX, 206.

[2]) Нѣсколько рукописей далматинскихъ поэтовъ мы видѣли въ библіотекѣ Британскаго Музея.

[3]) Appendini, Notizie storico-critiche etc. (здѣсь однако много фактическихъ и хронологическихъ неточностей); Orsat Počić (или Медо-Пучичъ), Anthologia (изъ далматинскихъ поэтовъ), Вѣна, 1844; K. Sakcinski, Stari pjesnici hrvatski, 1856—67, 3 выпуска; Шафарикъ, Gesch. der Südslaw. Literatur, во 2-мъ выпускѣ заключаетъ много свѣдѣній о далматинскихъ писателяхъ, впрочемъ не разработанныхъ. Есть и рукописные сборники и исторія далматинской литературы изъ прежняго времени, напр. Ignacius Georgi, Vitae et carmina nonnullorum illustrium civium Rhacusanorum; Serafini Cerva, Bibliotheca scriptorum Ragusinorum, и друг. Въ 1869 юго-славянская академія начала, подъ общимъ заглавіемъ «Stari pisci Hrvatski», рядъ изданій далматинскихъ писателей.

Перешли наконецъ и макароническіе стихи, смѣсь латинскаго съ славянскимъ.

Первымъ замѣчательнымъ писателемъ, начавшимъ этотъ періодъ далматинской литературы, былъ Марко Марули или Маруличъ, родомъ изъ Сплита (род. 1450, ум. 1524 или 1528); съ него начинаютъ обыкновенно ея исторію. Рядомъ съ нимъ упоминается рядъ его друзей: Папаличъ, Мартинчичъ, Наталичъ, Божичевичъ, Матуличъ, которые стояли къ нему въ отношеніи учениковъ и составляли первый кружокъ далматинскихъ писателей. Маруличъ былъ писатель хорватскій, итальянскій и латинскій, оставилъ много сочиненій археологическаго, историческаго и богословскаго содержанія и пользовался большой славой не только дома, но и въ Италіи: Аріосто, по тогдашнему способу выраженія, называлъ его божественнымъ. Изъ его поэтическихъ произведеній была извѣстна до сихъ поръ только „Повѣсть о св. Юдиѳи“ (Венец. 1522, 1627), но кромѣ того онъ написалъ еще нѣсколько пьесъ церковной поэзіи и драмы [1]).

Первые писатели, съ которыхъ начинается рядъ собственно дубровницкихъ поэтовъ, были Шишко Менчетичъ и Георгій Дȁржичъ. Шишко или Шишмундо Менчетичъ-Влаховичъ (Sigismondo Menze, 1457—1501) считается родоначальникомъ дубровницкихъ поэтовъ. Онъ, какъ и его нѣсколько младшій современникъ, Даржичъ, были именно представителями той любовной поэзіи, основателями которой были провансальскіе трубадуры. Провансальская поэзія завершилась къ концу XIII вѣка; но ея вліяніе долго жило во всемъ романскомъ юго-западѣ Европы; прямые отголоски ея были еще сильны въ XV столѣтіи въ Испаніи, какъ придворная поэзія; съ тѣмъ же характеромъ она является при дворѣ Альфонса V въ Неаполѣ, и затѣмъ въ Миланѣ, гдѣ Альфонсъ жилъ потомъ изгнанникомъ. Въ Италіи знаменитымъ образцомъ былъ Петрарка и его школа. Далекія и дѣятельныя торговыя сношенія Дубровника открывали путь иноземной образованности и нравамъ: съ ними пришла и романская поэзія. Одинъ изъ хорватскихъ литературныхъ историковъ провелъ любопытную и наглядную параллель между поэзіей Петрарки и его школы, провансальской поэтической теоріей любви и—произведеніями названныхъ дубровницкихъ поэтовъ. Въ произведеніяхъ Менчетича воспѣваніе любви занимаетъ господствующее мѣсто, и его „Pjesni ljuvezne“ (числомъ до 365) составляютъ настоящій cancionero, въ провансальско-кастильско-итальянскомъ стилѣ.

Тѣмъ же характеромъ отличаются любовныя пѣсни его современ-

---

[1]) Его хорватскія сочиненія изданы въ упомянутомъ собраніи юго-славянской академіи (Stari pisci Hrvatski): «Pjesme Marka Marulića», skupio Iv. Kukuljević Sakcinski. Zagreb, 1869.

ника Юрія Дàржича (Gjore Dàrzić, ум. около 1510), также дубровчанина [1]). Болѣе поздніе далматинскіе поэты высоко цѣнили Менчетича и Даржича: Игнатій Джорджичъ сравниваетъ ихъ съ Петраркой и Боккаччьо; Раньина восхваляетъ ихъ за то, что они, первые начинатели поэзіи въ своемъ обществѣ, не хотѣли работать на чужомъ полѣ, и безъ того воздѣланномъ, но стали писать на родномъ языкѣ и сдѣлались его славой. Правда, что при заимствованномъ содержаніи и формѣ, ихъ поэзія не могла остаться совсѣмъ свободной отъ странныхъ противорѣчій съ дѣйствительнымъ бытомъ,—но, во-первыхъ, эта поэзія въ XV вѣкѣ была искусственна у самихъ Итальянцевъ и здѣсь служила какъ школа; а во-вторыхъ, заслугой дубровницкихъ поэтовъ была ихъ забота о возвышеніи своего народнаго языка: ихъ произведенія уже съ первой поры представляютъ замѣчательную выработку и истинную красоту сербскаго языка. Раньина совершенно справедливо указывалъ въ этомъ ихъ заслугу, — когда передъ ними открыта была и латинская и итальянская литература. Очень вѣроятно, что эти первые поэты не были чужды и самой народной поэзіи. Въ той самой рукописи, гдѣ собраны стихотворенія этихъ поэтовъ, находится между прочимъ пѣсня, если не вполнѣ народная, то очевидно близкая къ народной, написанная подъ ея вліяніемъ [2]). Поэзія Менчетича и Дàржича еще далека отъ народной, но уже ихъ ближайшіе преемники положительно интересуются народной поэзіей, записываютъ подлинныя народныя пѣсни, а въ концу далматинскаго періода въ половинѣ XVIII вѣка встрѣтимъ писателя (Андрея Качича), для котораго народно-поэтическое преданье стало цѣлью, и который черезъ это сдѣлался однимъ изъ предшественниковъ сербскаго литературнаго возрожденія.

Немного позднѣе этихъ начинателей дубровницкой поэзіи жилъ Ганнибалъ Лучичъ (1480—1540), который написалъ, кромѣ такихъ же любовныхъ пѣсенъ, драму „Robinja“ (Рабыня), содержаніе которой взято изъ временъ хорватской борьбы съ Турками; сочиненія его были изданы въ Венеціи 1556 (потомъ 1638, и въ Загребѣ 1847). Изъ числа другихъ его произведеній любопытна его пѣсня въ похвалу Дубровнику; въ ней сказывается то уваженіе, которое возбуждала къ себѣ свободная община:

Sam sebi je stavil zakone, po kojih
    Lipot' je upravil sam sebe i svojih,
Njim se je htil dati, a veće nikomu
    Voditi i vladati u dilu svakomu....

---

[1]) Пѣсни Менчетича и Даржича въ упомянутомъ собраніи юго-славянской академіи: Pjesme Siška Menčetića Vlahovića i Gjore Držića. Skupio V. Jagić. Zagr. 1870.

[2]) Jagić, Rad, IX. 214.

A zakon je dosta prav i pun razloga,
Ne manje za gosta nego li za svoga.
Tim ga svak počita, tim su Dubrovčani
Po sve strane svita ljubljeni, štovani...
. . . .
Moj pisni sbrojiti nikakor nij' moći
Sve kraje, čestiti Dubrovnik gdi obći.
Kroz gore, kroz luge po svitu svej miče;
Tàrgovce brez druge zabave ni priče;
Po stranah, ké gleda sunce na daleče,
I koje prik reda, i s redom ké peče,
Svi tàrge primaju, mirno ké donosi,
I ké oni daju, on mirno odnosi....
Dostojan je svudi ovi grad da slove,
Da ga Bog i ljudi vazda blagoslove....

Онъ обращается и къ мысли о Славянствѣ, погибавшемъ отъ Турокъ, проситъ божьей помощи противъ невѣрныхъ и печалится о томъ, что Славяне оставляютъ другъ друга безъ поддержки.

Марко Маруличъ, и за нимъ Лучичъ считаются начинателями далмато-дубровницкой *драмы*. Какъ въ другихъ литературахъ, такъ и у Дубровничанъ началась она церковной драмой или мистеріей. Мистерія (она называлась „prikazanje", иногда „skazanje") писалась обыкновенно въ стихахъ (въ восемь и двѣнадцать слоговъ); сюжетъ ея заимствовался изъ библейскихъ и легендарныхъ сказаній, напр. объ Авраамѣ и Исаакѣ, объ Іосифѣ, о благовѣщеніи, воскресеніи, о святыхъ, о страшномъ судѣ и т. д. Источникъ дубровницкаго „приказанья" есть общая средневѣковая латинская мистерія; ближайшимъ образомъ многія пьесы взяты изъ итальянскихъ мистерій, переведены или передѣланы; тѣмъ не менѣе и здѣсь далматинскіе писатели обнаруживали нѣкоторую самостоятельность. „Приказанья" не были только книжными пьесами; напротивъ онѣ писались именно для сцены и пѣлись или представлялись въ церкви или передъ церковью на площади, наконецъ въ полѣ; при одной рукописи сохранились и самыя ноты. Цѣлью мистеріи было конечно поученіе въ священной исторіи и мораль. На одной старой рукописной мистеріи находится новѣйшая замѣтка, что пьеса давалась еще въ 1814 году.

Въ „Рабынѣ" Лучича является уже опытъ настоящей народной драмы: сюжетъ ея—похищеніе турецкими разбойниками знатной дѣвушки, которую освобождаетъ ея поклонникъ, выкупающій ее на торгу въ Дубровникѣ. Любопытно, что, несмотря на подобный сюжетъ, пьеса не затрогиваетъ контраста христіанства и магометанства, какъ и вообще онъ не затрогивается въ дубровницкой драмѣ: „причину этого, — говоритъ Павичъ, — надо искать въ примирительной и осторожной политикѣ далматинскихъ муниципій, которыя тайно много дѣ-

лали противъ Турціи, но благоразумно избѣгали всякаго явнаго раздраженія".

Далѣе, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ рагузанскихъ поэтовъ былъ Никола Ветраничъ-Чавчичъ (въ монахахъ Мавро, 1482—1576). Онъ происходилъ отъ одной изъ самыхъ старыхъ властельскихъ фамилій Дубровника, былъ уважаемымъ аббатомъ одного монастыря, но потомъ, недовольный распоряженіями церковныхъ властей, удалился въ небольшой монастырь на одномъ изъ острововъ Приморья, гдѣ жилъ настоящимъ пустынникомъ, продолжая однако свои поэтическіе труды и сношенія съ своими друзьями, учеными и поэтами. По смерти Ветранича, многіе изъ нихъ воспѣвали его въ хорватскихъ, итальянскихъ и латинскихъ стихотвореніяхъ и элегіяхъ. Кромѣ перевода Эврипидовой *Гекубы* онъ написалъ мистеріи: *Авраамова жертва*, *Воскресенье Христово*, *Чистая Сусанна*. Ветраничъ достигъ уже замѣчательной красоты языка и легкости стиха. Его „Авраамова жертва", одна изъ лучшихъ мистерій, обнаруживаетъ и искусство въ изображеніи лицъ и положеній, и нѣкоторыя подробности указываютъ, что и здѣсь народно-поэтическій складъ былъ близокъ писателю. Въ примѣчаніи приводимъ плачъ Сары объ Исаакѣ, истинно-поэтическій эпизодъ названной мистеріи, который вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно напоминаетъ народныя пѣсни этого рода, такъ-называемыя у Сербовъ „нарицанья" [1]).

Въ стихотвореніи „Remeta" Ветраничъ поэтически описалъ свою пустынническую жизнь на островѣ; въ *Путникѣ* Ветраничъ водитъ своего путника по дубровницкимъ горамъ, долинамъ и пустынямъ, разсказываетъ ихъ исторію и описываетъ природу. Изъ другихъ его пьесъ замѣтимъ стихотвореніе: *Италіи*, гдѣ онъ желаетъ ей прежней ея славы и свободы отъ „поганыхъ" (Турокъ), чтобы ея не клевалъ ни пѣтухъ, ни орелъ (подъ которыми понималась Австрія и Франція), и какъ итальянскій патріотъ желалъ ей независимости и единства:

Gospoje od gospoj, zatoj se spomeni,
Sama se posvoji, a tudje odždeni;

---

[1]) O dragi moj sinče, dušica ljuvena,
gizdavi jeljenče od luga zelena!
Ko mi te uplaši i s majkom razdieli,
što majku ne utaši, da grozno ne cvieli?
Orle zlatoperi, kamo si poletil,
što majci zaperi u srce jedan stril?
Paune pozlatan, kud zadje po travi,
jurve je treći dan, da majku ostavi?
Moj sivi sokole, mitaru priliepi,
što majci na pole srdašce prociepi?
Kragujče gizdavi, reci mi boga rad,
u koj si dubravi loveći ostao sad?
Ko mi će ljubiti tve lice pribilo,
i tebe bljuditi, vazamši u krilo?

Oružni taj zvokot neka se ne čuje,
I orao i kokot neka te ne kljuje....
. . . .
Cin', da te ne cvile iztočni pogani,
I oružjem ne dile tudjini neznani,
Toj li si odluke da se ćeš udati,
Ne daj se u ruke od mnozjeh vladati.
Jednoga ti vieri i dàrži za sebe,
A ostale otieri daleče od tebe.
Neka se slobodiš od tugah i jada',
I vesel provodiš tvoj život od sada....

Такъ соединялось у далматинскаго писателя два ровныхъ патріотизма,—привязанность къ Дубровнику и любовь къ Италіи, въ которой Далматинецъ видѣлъ родину своего образованія [1]).

Петръ Гекторевичъ (1486 — 1572), богатый „властелинъ" изъ Гвара, извѣстенъ какъ первый далматинскій поэтъ, который уже прямо обращался къ источникамъ народной поэзіи: въ своей поэмѣ о рыбной ловлѣ „Ribanje i ribarsko prigovaranje" (Венеція 1569, 1638; Зара 1846) онъ вставилъ нѣсколько настоящихъ народныхъ пѣсенъ [2]).

Новый рядъ далматинскихъ поэтовъ начинаетъ Андрія Чубрановичъ (ум. около 1550), дубровчанинъ, вышедшій изъ народа. Наибольшую славу онъ пріобрѣлъ своимъ стихотвореніемъ *Цыганка* (Jedjupka, т.-е. египтянка; Венеція 1599; изд. Казначича въ Дубровникѣ, 1838, съ біографіей), въ семи отдѣлахъ или пѣсняхъ, гдѣ цыганка дѣлаетъ предвѣщанія и открываетъ тайны шести различнымъ госпожамъ. По всей вѣроятности пьеса написана для карнавальнаго праздника. Карнавальныя и маскарадныя стихотворенія и маленькія драматическія пьесы были принадлежностью итальянскаго карнавала; веселые обычаи Италіи перешли и въ Дубровникъ, и поэты его также оставили нѣсколько маскарадныхъ пьесъ, — между прочимъ Чубрановичъ. „Цыганка" принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ этому разряду: сохранилось извѣстіе, что она была публично декламирована въ Рагузѣ въ 1527 г. Чубрановичъ сталъ далеко выше своихъ предшественниковъ чистотой языка, дѣйствительно поэтическимъ настроеніемъ: Гундуличъ и Пальмотичъ вставляли стихи его „Цыганки" въ свои произведенія. Она вообще такъ нравилась, что въ томъ же XVI вѣкѣ этотъ сюжетъ повторили еще три далматинскихъ поэта, и одинъ изъ нихъ, Пелегриновичъ, написавши свою „Цыганку въ 18-ти пѣсняхъ, взялъ изъ Чубрановича цѣликомъ четыре пѣсни и введеніе.

---

[1]) M. Vetr. Hekuba i Posvetilište Abramovo. Zagreb, 1853; Pjesme Mavra Vetranića Cavčića, skup. Jagić i Kaznačić, 2 ч. Zagreb, 1871—1872 (въ томъ же собраніи).

[2]) Сочиненія Гекторевича и Ганнибала Лучича, въ томъ же собр. Загр. 1874.

Никола Нальешковичъ (1510—1587), дубровчанинъ, ученый математикъ и астрономъ, споривший впрочемъ противъ системы Галилея, извѣстенъ въ далматинской поэзіи любовными пѣснями, и особенно комедіями и пасторалями, которыя давались въ домахъ его пріятелей и публично [1]). Пасторальныя пьесы (pastirska igra, pastirsko razgovaranje) взяты опять изъ итальянскихъ образцовъ, но мѣсто нимфы занимаетъ знакомая народу вила. Образчикъ пасторали далъ уже Ветраничъ, но Нальешковичъ первый особенно дѣятельно поставлялъ ихъ. Историки различаютъ два типа пастушескихъ пьесъ: дубровницкія и гварскія, которыя отличаются тѣмъ, что въ первыхъ любовь пастуха и вилы изображается обыкновенно въ чертахъ комическихъ, а въ послѣднихъ является настоящая идиллія. Какъ авторъ пасторалей и комедій гораздо болѣе Нальешковича славится Маринъ Дȁржичъ, также Дубровчанинъ (1520 — 1580), у котораго друзья его хвалили „il puro, vago e dolce canto". Изъ его многочисленныхъ пьесъ была особенно извѣстна пастораль или комедія *Тирена* (Венец. 1547, 1550) „Dundo Maroje" (1550), „Novela od Stanca" (1550); кромѣ того онъ писалъ церковныя пьесы и наконецъ неизбѣжныя любовныя пѣсни [2]). Далѣе, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ XVI вѣка былъ Динко, или Доминикъ, Раньина (1536—1607), изъ властельской фамиліи въ Дубровникѣ. Онъ прожилъ долго въ Италіи, гдѣ занимался по порученію отца торговыми дѣлами; вернувшись потомъ въ Дубровникъ, онъ служилъ республикѣ, находившейся тогда въ цвѣтущемъ состояніи, и нѣсколько разъ былъ выбранъ въ князья. Любовныя пѣсни занимаютъ значительную долю его поэзіи; кромѣ того онъ писалъ посланія, дидактическія и идиллическія стихотворенія, переводилъ Тибулла, Проперція и Марціала, а также и изъ греческихъ поэтовъ (Ranjina Dinko, Piesni razlike, съ біографіей. Zagreb 1850). Динко Златаричъ, также родомъ изъ Дубровника (1556 — 1610), учился въ падуанскомъ университетѣ, и еще очень молодымъ человѣкомъ, 23 лѣтъ, былъ ректоромъ университетской гимназіи (almae Universitatis philosophorum et medicorum Patavini gymnasii rector dignissimus), потомъ жилъ въ Загребѣ, наконецъ въ Дубровникѣ. Въ молодости дамой его сердца была Флора Цуццери или Зузоричева, знаменитая въ Италіи красотой и талантами и извѣстная также въ далматинской поэзіи [3]). Флорентинцы называли ее рагузанской Аспазіей. Къ ней относится большая часть любовныхъ пѣсенъ Златарича, также и нѣкоторыя пѣсни Раньины. Еще въ Падуѣ, Златаричъ перевелъ „Аминту" Тасса подъ названіемъ „Liubmir"

[1]) Сочиненія его, вмѣстѣ съ сочиненіями другого писателя, Николы Димитровича, изданы Ягичемъ и Даничичемъ, въ томъ же собраніи, Zagr. 1873.

[2]) Сочиненія—тамъ же. Zagr. 1875.

[3]) Біографія Флоры Зузоричъ (Floria Zuzzeri Pešionia, 1555—1600), написанная Сакцинскимъ, въ «Иллирской Данницѣ» 1846, № 18—20.

(Венец. 1580); впослѣдствіи онъ перевелъ „Электру“ Софокла и „Пирама и Тисбу“ изъ Овидія: въ пѣсняхъ его, какъ и у Раньины, значительную роль играетъ дидактизмъ [1]).

По современности укажемъ здѣсь же ученаго писателя, очень извѣстнаго, главный трудъ котораго былъ впрочемъ написанъ на итальянскомъ языкѣ. Это былъ бенедиктинскій аббатъ Мавро Орбинъ (Mauro Orbini, или Urbini, ум. 1614). Къ сербо-хорватской литературѣ онъ относится только какъ переводчикъ „Духовнаго Зерцала“, Анджело Нелли, которое печаталось въ XVII столѣтіи и латинскими, и кирилловскими буквами; но всего болѣе извѣстенъ онъ какъ авторъ книги: Storia sul regno degli Slavi (Pesaro 1601). Эта исторія написана безъ особенной критики, какой и мудрено требовать въ то время, но замѣчательна какъ первый историческій опытъ, съ котораго между прочимъ и у насъ началось первое нѣсколько обстоятельное знакомство съ исторіей славянства: книга Мавро Орбини переведена была, въ 1722, на русскій языкъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ или подъ его руководствомъ [2]).

Наконецъ, высшую степень развитія далматинской поэзіи представляетъ Дубровчанинъ Иванъ Гундуличъ (или Gondola, 1588 — 1638). Началомъ его образованія были обычныя humaniora, потомъ онъ занимался философіей и правомъ: въ гуманистическихъ предметахъ и въ философіи учителями его были іезуиты. Свое поэтическое поприще онъ началъ около 1610 года; изученіе итальянскихъ поэтовъ отразилось нѣсколькими переводами, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ переводъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса,—итальянское благозвучіе стиха онъ старался перенести и въ далматинскую поэзію, и въ этомъ отношеніи достигъ такого совершенства, какое было неизвѣстно ни его предшественникамъ, ни послѣдователямъ. Онъ присоединился потомъ къ обществу молодыхъ поэтовъ, посвятившихъ свою дѣятельность развитію драмы, и написалъ или перевелъ съ итальянскаго нѣсколько драматическихъ пьесъ, которыя давалъ вмѣстѣ съ своими сотоварищами: „Ariadna“, „Proserpina ugrabljena“, „Dubravka“, „Galatea“, „Diana“, „Armida“, „Posvetilište ljuveno“, „Kleopatra“, „Adon“ и друг. Пьесы его не всѣ сохранились. Это — пасторали, съ большей или меньшей долей комическаго элемента. Изъ нихъ особенно цѣнятся „Аріадна“ и „Дубравка“. Затѣмъ онъ перевелъ нѣсколько псал-

---

[1]) Zlatarića D. Djela, изд. Сакцинскимъ. Загребъ, 1853, 3 части, съ біографіей.

[2]) Мы вообще не упоминаемъ здѣсь латинскихъ и итальянскихъ писателей Дубровника: не относясь къ сербо-хорватской литературѣ, они представляютъ однако много любопытнѣйшихъ фактовъ для исторіи дубровницкой образованности. Изъ новыхъ трудовъ объ этихъ писателяхъ см. въ особенности (богатыя фактами, но слишкомъ безсистемныя) изслѣдованія В. Макушева «Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника», Спб. 1867.

мовъ, написалъ элегическое произведеніе: *Слезы блуднаго сына* (Suze sina razmetnoga) и другія вещи, наконецъ знаменитаго въ далматинской литературѣ *Османа*, эпическую поэму, которой современники пророчили безсмертіе и которая до сихъ поръ пользуется большой славой въ сербо-хорватской литературѣ, какъ лучшій цвѣтъ дубровницкой эпохи. Гундуличъ, какъ думаютъ, желалъ выбрать сюжетъ, который бы имѣлъ высокій поэтическій интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ поводъ къ прославленію славянскаго народа, особенно его любимаго Дубровника. Поэтому онъ взялъ предметомъ своей эпопеи войну 1621 г. между Поляками и турецкимъ султаномъ Османомъ и гибель Османа, убитаго въ мятежѣ. Поэма составлена въ стилѣ тогдашней итальянской эпопеи; Аріосто и Тассо были очевидными образцами Гундулича, особенно послѣдній; можно также найти параллели съ Виргиліемъ, Гораціемъ, Овидіемъ, Гомеромъ [1]). Это была обыкновенная дань псевдо-классическому стилю времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поэма представляетъ однако и другія стороны; Гундуличъ замѣчательно знаетъ историческіе факты и географическую сцену поэмы; онъ знаетъ не только исторію Дубровника и Польши, но и другихъ славянскихъ племенъ, особенно южныхъ; онъ гордится славянской поэзіей. Наконецъ, онъ вообще славянскій патріотъ, и его одушевляла мысль о борьбѣ христіанства и Славянъ противъ магометанскаго варварства. Патріотизмъ поэта выражался въ поэтическихъ обращеніяхъ къ Дубровнику:

Ah! da bi uvěk jako sade
Živio miran i slobodan,
Dubrovniče běli grade,
Slavan světu, nebu ugodan....

Robovi su tvoji susědi,
Težke sile svem gospode,
Tvé vladanje samo sědi
Na prěstolju od slobode. (Пѣсня VIII).

Въ другой пѣснѣ Гундуличъ бросаетъ поэтическій взглядъ на сербскую исторію и славу ея героевъ:

U njih (Сербовъ) svud se vitez hvali,
Koga krunom kopje obdari:
Štěpan, Uroš i ostali
Od Nemanjske kuće cari.

U njih žive slava obilna,
Kú Obilić steče mudri,
Kad handžarom cara silna
Na Kosovu smèrtno udri.

---

[1]) Напр. XIII пѣсня Гундулича близко напоминаетъ IV пѣсню «Освобожденнаго Іерусалима»; Крунослава и Соколица списаны съ Эрминіи и Клоринды; описаніе путешествія Али-паши къ Полякамъ напоминаетъ подобныя мѣста въ Одиссеѣ и Энеидѣ и др.

Prosvětlit se je u njih hajo,
Kudgod světli sunce žarko,
Svilojević još Mihajo
I Kraljević junak Marko....

Glasi se u njih srěd naroda
Od iztoka do zapada
Věra, gospodstvo i sloboda
Dubrovnika mirna grada и т. д. (Пѣсня III).

Изъ двадцати пѣсенъ „Османа" двѣ (XIV—XV) были затеряны, и впослѣдствіи ихъ дополняли его внукъ Петръ Соркочевичъ, Маринъ Златаричъ, а въ новѣйшее время Янъ Мажураничъ [1]). Въ исторіи далматинской поэзіи извѣстны далѣе сынъ и внукъ Гундулича.

Замѣчательную плодовитость выказалъ современникъ и двоюродный братъ Гундулича, столько же знаменитый, Юній Пальмотичъ (Giono Palmotić или Palmotta, 1606—1657), изъ властельской дубровницкой фамиліи. Прошедши подъ руководствомъ іезуитовъ гуманныя изученія, Пальмотичъ пріобрѣлъ сначала извѣстность какъ латинскій поэтъ, но потомъ, подъ вліяніемъ Гундулича, обратился къ національной поэзіи и сталъ ревностно изучать народный языкъ, и такъ какъ въ Дубровникѣ этотъ языкъ принялъ много итальянскихъ элементовъ, то Пальмотичъ искалъ коренной народности въ Боснѣ. Поэтическое творчество давалось ему легко и написалъ онъ чрезвычайно много. Въ выборѣ сюжетовъ онъ былъ впрочемъ мало самостоятеленъ: изъ Виргилія онъ взялъ свою драму „Ulaz Enee k otcu Anchizu", изъ Гомера *Ахиллеса*, изъ Софокла—*Эдипа*, изъ Овидія—*Похищеніе Елены* (Otmica Helene), изъ Тасса—*Ринальдо* и *Армиду* и т. д.; изъ преданій о началѣ Дубровника—своего *Павлимира*, наконецъ изъ Дуклянскаго лѣтописца взята его „Zaptislava", гдѣ онъ прославляетъ славянскія героическія дѣянія. Но многія изъ его пьесъ также затеряны. Пальмотичъ былъ извѣстенъ далѣе какъ сатирикъ и замѣчательный импровизаторъ. Пальмотичъ легко импровизировалъ на далматинскомъ благозвучномъ языкѣ и иногда, обдумавъ драму и собравъ друзей, онъ прямо диктовалъ имъ всѣ роли; его пѣсни пѣвались въ веселомъ обществѣ, — и когда пѣлась одна строфа, онъ уже готовилъ другую, еще болѣе веселую. Наконецъ, благочестивое воспитаніе отозвалось извѣстнѣйшимъ его произведеніемъ *Христіадой*, вольной передѣлкой поэмы этого названія Іеронима Виды, и лирическими пѣснями, преи-

---

[1]) Gundulich, Suze sina razmetnoga, Sedam pjesnji pokornich и проч. Дубровникъ 1828; Osman, Spievagne vitescko, Дубровн. 1826. Итальянскій переводъ Аппендини, Рагуза 1827, съ историко-литературнымъ введеніемъ. Новыя изданія: Djela Ivana Gundilića, Zagreb 1844; Iv. Gundilića Osman, 2-е изд. Загребъ 1854 и др. Біографіи: F. M. Appendini, Vita di G. Fr. Gondola, Ragusa 1828 и Мажуранича при изданіи сочиненій.

мущественно духовнаго содержанія. „Христіада“, въ которую Пальмотичъ намѣшалъ античной и славянской миѳологіи, пользуется въ далматинской литературѣ великимъ почетомъ (Римъ 1670, Пестъ 1835, Загребъ 1852;—послѣднее изд. съ біографіей).

Въ родѣ Пальмотича опять видимъ еще двухъ поэтовъ: это были братъ Юнія, Юрій (Gjore) Пальмотичъ, и родственникъ ихъ Яковъ Пальмотичъ (Jaketa Palmotić-Dionorić, ум. 1680). Послѣдній—дубровницкій властелинъ, оказавшій своей родинѣ великія услуги во время землетрясенія, разрушившаго Дубровникъ въ 1667 году; между прочимъ онъ былъ посланникомъ республики въ Константинополѣ и Римѣ. Его литературная извѣстность основана на эпической поэмѣ „Dubrovnik ponovljen“, написанной по поводу землетрясенія [1]).

Съ такимъ обиліемъ развивалась дубровницкая литература, рядомъ съ замѣчательнымъ развитіемъ общественности. Общественные нравы Дубровника отличались особеннымъ оживленіемъ: на тогдашній итальянскій образецъ тамъ составлялись литературныя общества (даже „академіи“) съ точными правилами, которымъ члены подчинялись, для развлеченій поэтическихъ и особенно драматическихъ: здѣсь читались поэмы, пѣлись стихотворенія, давались пьесы. Соревнованіе между обществами и отдѣльными поэтами производило обильную литературу, въ которой являлась не одна поэзія, но и многочисленные ученые труды; выигрывала отъ этого и цѣлая республика: дубровницкая жизнь проникалась благороднымъ духомъ высшей образованности; интересъ къ ней и успѣхи ея давали Дубровнику особенный почетъ и значеніе на славянскомъ и не-славянскомъ югѣ.

Страшное землетрясеніе 7 апрѣля 1667 нанесло Дубровнику ударъ, отъ котораго онъ въ сущности никогда не могъ оправиться. Въ городѣ и въ окрестности разрушены были всѣ каменныя зданія, погибло больше 5000 людей; нѣсколько дней свирѣпствовалъ пожаръ; окрестные жители стали грабить остававшееся и убивали тѣхъ, кто мѣшалъ. Это бѣдствіе сломило старую жизнь Дубровника. Правда, городъ былъ возстановленъ при помощи папы, итальянскихъ государствъ и Турціи, но торговля лѣтъ на пятьдесятъ совсѣмъ упала, политическое значеніе также; сами Дубровничане повредили себѣ тѣмъ, что въ угоду папѣ не пускали къ себѣ босанскихъ выходцевъ и тѣмъ остановили заселеніе города.

Почти одновременно съ этимъ бѣдствіемъ и въ литературѣ произошелъ поворотъ къ упадку. Гундуличъ остался высшимъ пунктомъ литературнаго развитія Дубровника, и послѣдующіе поэты уже не могли

[1]) Ср. Макушева, Изслѣд. 240—250; тамъ же далѣе о другихъ поэтахъ, писавшихъ о страшномъ землетрясеніи.

удержаться на высотѣ, какой достигла его поэзія; они усвоили себѣ легкость стиха и внѣшней формы, которые доведены были у Гундулича до замѣчательнаго совершенства, но не шли дальше въ содержаніи. Поэты слѣдующей эпохи, два Пальмотича, четыре Бунича, Иванишевичъ, Владиславъ Менчетичъ, Канавеличъ, Витезовичъ, Виталичъ, младшій Гундуличъ и длинный рядъ другихъ не могли остановить этого упадка въ теченіе XVII и XVIII вѣка. Изъ этихъ поэтовъ упомянемъ лишь о главнѣйшихъ.

Семнадцатый вѣкъ еще очень богатъ писателями. Владиславъ Менчетичъ (ум. 1666) написалъ „Trublia Slovinska" (Анкона 1665, потомъ 1844), героическую поэму въ честь Юрія Зринскаго, затѣмъ драмы и любовныя пѣсни. Поэтомъ былъ и его сынъ, Шишко Менчетичъ (младшій). Однимъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей того же времени былъ Ив. Буничъ-Вучичевичъ (ум. 1658), опять авторъ драмъ, любовныхъ и благочестивыхъ пѣсенъ, котораго вслѣдъ за Гундуличемъ и Пальмотичемъ считаютъ въ тріумвиратѣ лучшихъ дубровницкихъ писателей этого вѣка. Три его сына также извѣстны въ дубровницкой литературѣ.

Изъ писателей не-дубровницкаго происхожденія извѣстны въ это же время: Петръ Канавеличъ, родомъ изъ Корчулы (1600—1690), потомъ дубровницкій сенаторъ; онъ написалъ эпопею „Sveti Ivan biskup Trogirski i kralj Koloman" (Osiek 1858), стихотвореніе по поводу землетрясенія, разрушившаго Дубровникъ (изд. 1667, 1841, 1850), пѣсню, прославляющую освобожденіе Вѣны Собѣскимъ; перевелъ Il Pastor Fido Гварини и проч. Ранѣе жилъ Юрій Бараковичъ, родомъ изъ Задра (1548 — 1628), которому принадлежитъ поэма „Vila Slovinka", въ 13 пѣсняхъ (Вен. 1682), религіозныя стихотворенія, пасторальная драма. Берн. Карнарутичъ изъ Задра (1553 — 1600) написалъ поэму о взятіи Сигета; Иванишевичъ, изъ Брача (1608—1665) и другіе.

Далѣе, Иванъ Гундуличъ (1677—1721), внукъ славнаго Гундулича, которому приписываютъ пробужденіе „далматинскихъ музъ" послѣ землетрясенія, нанесшаго ударъ и дубровницкой поэзіи; онъ написалъ нѣсколько драмъ, поэму и разныя пѣсни; Антунъ Гледьевичъ (ум. 1728), изъ дубровницкаго народа, оставившій нѣсколько драмъ, сатиръ и пр.; духовно-дидактическіе писатели Арделій Делла-Белла, флорентинецъ, Бернардо Цуццери и пр.

Въ теченіи ста лѣтъ послѣ Гундулича далматинская поэзія теряла больше и больше свои силы; только въ началѣ XVIII столѣтія ее снова поднялъ дубровчанинъ Игнатій Джорджичъ (1676 — 1737). Получивши свое образованіе у іезуитовъ, онъ съ 22-го года вступилъ сначала въ орденъ іезуитовъ, потомъ бенедиктинцевъ и имѣлъ значитель-

ное положеніе въ дубровницкой республикѣ. Онъ умеръ аббатомъ. Джорджичъ отличался большой ученостью, трудолюбіемъ и плодовитостью; онъ началъ латинскими и славянскими стихотвореніями и оставилъ много произведеній на латинскомъ, итальянскомъ и славянскомъ языкахъ, напр. изъ латинскихъ: „Rerum illyricarum seu Illyrici historia", упомянутые нами „Vitae et carmina nonnullorum illustrium civium Rhacusanorum"; изъ итальянскихъ: „Il novizzo benedittino", „Raccolta di varie lettere erudite", „Poesie varie" и проч. Его славянская поэзія преимущественно поучительная и религіозная, напр. поэма „Вздохи кающейся Магдалины" („Uzdasi Mandaljene pokornice", изд. 1728, Загр. 1851), „Saltjer slovinski" (Псалтырь, изд. 1729, Загр. 1851), наконецъ шуточная поэма „Marunko i Pavica". Но этотъ новый успѣхъ далматинской поэзіи опять не имѣлъ результатовъ, потому что у позднѣйшихъ писателей не нашлось достаточно силы поддержать народность, уступавшую передъ латинскимъ и итальянскимъ вліяніемъ. Эти преемники Джорджича: Иванъ Франатика Соркочевичъ (Gianfrancesco Sorgo, 1706 — 1771), авторъ религіозныхъ гимновъ, и въ особенности переводчикъ изъ Метастазія, Мольера, Тасса, Гольдони [1]); Бетондичи, Іосифъ и Яковъ, переводившіе Овидіевы героиды; Маройе Тудижевичъ (Marino Tudisi), переводившій Мольера; Петръ Бошковичъ, переводившій Корнелева „Сида"; его сестра, Аница Бошковичева, послѣдняя представительница славнаго нѣкогда рода; Лукреція Богашиновичева (ум. 1800) и друг. — не заявили, однако, ни новаго содержанія, ни сильной поэзіи.

Но въ XVIII столѣтіи явился еще писатель, который успѣлъ пріобрѣсти въ сербо-хорватской литературѣ обширную популярность, сохранившуюся до сихъ поръ, и представляетъ наиболѣе живую связь стараго далматинскаго періода съ новой литературой.

Этотъ писатель былъ Андрія Качичъ-Міошичъ (1690 — 1760), изъ стараго княжескаго рода въ далматинскомъ Приморьѣ. Онъ рано поступилъ въ орденъ францисканцевъ, и докончивъ свое философское и богословское образованіе въ Пестѣ, былъ профессоромъ сначала философіи въ монастырѣ Макарско, потомъ богословія въ Шибеникѣ. Свою философію, которая была схоластическая, онъ изложилъ въ латинской книгѣ: „Elementa peripatetica juxta mentem subtilissimi doctoris Joannis Duns Scoti": онъ составилъ потомъ книгу сказаній изъ ветхаго и новаго завѣта подъ названіемъ: „Korabljica", наконецъ обратился къ изученію народной старины и преданій. Мы видѣли, что интересъ къ народной поэзіи сохранялся у дубровницкихъ писателей, несмотря на чужое литературное вліяніе. Это чувство къ народно-

[1]) Его сынъ, Петръ Соркочевичъ (ум. 1826), какъ выше упомянуто, дополнилъ недостающія двѣ пѣсни «Османа» Гундулича.

поэтическому содержанію, не заглушенное книжными вліяніями, ни у кого изъ далматинскихъ поэтовъ не сказалось такъ сильно, какъ именно у Качича. Бывши много лѣтъ папскимъ легатомъ въ Далмаціи, Боснѣ и Герцеговинѣ, онъ воспользовался своими путешествіями по этимъ краямъ, чтобы собирать народныя преданья, старыя рукописи и другіе историческіе памятники. Онъ собралъ свое знаніе старины и свою поэзію въ книгу пѣсенъ, подъ названіемъ „Razgovor ugodni naroda slovinskoga“, которая подъ именемъ „Pjesmarica“ пользуется донынѣ чрезвычайной извѣстностью. Его пѣсни нравились, потому что написаны были народнымъ складомъ, и въ поэтической формѣ передавали народную исторію, начавъ ее съ баснословныхъ извѣстій, идущихъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х.; послѣ этого начала Качичъ разсказываетъ настоящую исторію сербскаго народа, его кралей, его борьбы съ Турками, его юнаковъ, витязей и ускоковъ въ томъ поэтическомъ тонѣ, въ какомъ излагаетъ ихъ народная пѣсня. Книга Качича имѣла съ 1756 до 1851 г. двѣнадцать изданій (въ Венеціи, Анконѣ, Дубровникѣ, Зарѣ, Вѣнѣ, Загребѣ),—такого успѣха не имѣло ни одно произведеніе далматинской поэзіи. Національное содержаніе никогда еще не являлось въ такой симпатичной народу формѣ. Качичъ какъ будто предвидѣлъ литературныя потребности позднѣйшей эпохи. Правда, та степень, на которой у Качича является народное содержаніе, остается первобытно-эпической, но тѣмъ самымъ его книга первая положила начало прочной связи литературы съ народомъ и имѣла потомъ обширное значеніе для новѣйшаго литературнаго возрожденія. Пѣсни Качича переходили въ народъ [1]).

Послѣ Джорджича и Качича, далматинская литература, продолжавшая двигаться въ старой традиціи, уже не обѣщала развитія. Ея время проходило окончательно. Даже нѣкоторые отдѣльные таланты, появлявшіеся въ ней, не могли поднять ее при этомъ характерѣ. Какъ мы видѣли, она оставалась исключительно литературой поэтической, или стихотворной: она почти не имѣла прозы, или эта проза ограничивалась легендой и религіознымъ поученіемъ. Научная образованность

[1]) Заглавіе перваго изданія: Razgovor ugodni naroda Slovinskoga, u komu se ukazuje pocsetak i svarha kraljâ Slovinskih, koji puno vikovâ vladasce svim Slovinskim darxavam, s razlicsitim pismam od kraljâ, banâ i Slovinskih vitezovâ, izvadjen iz razlicsitih knjigâ i sloxen u jezik Slovinski po Fra Andrii Kacsichu Mioscichu iz Brista etc. u Mlecih 1756. 8°. 396 стр. Новѣйшее изданіе, не совсѣмъ удовлетворительное, Zagr. 1875. Въ 1861, по поводу столѣтняго юбилея Качича, изданъ былъ «Vienac uzdarja narodnoga O. Andriji Kačić-Miošiću na stoljetni dan preminutja», u Zadru, 1861, гдѣ дана обстоятельная біографія Качича и характеристика его литературной дѣятельности. (Біографія Качича, напис. Ивичевичемъ, въ «Зорѣ Далмат.» 1846). Въ «Изслѣд.» Макушева упоминается около того же времени епископъ Ансельмъ Каттичъ (съ годомъ 1754, который, впрочемъ, не знаемъ, къ чему относится), какъ авторъ пѣсни о войнахъ Маріи-Терезіи. Но приведенный отрывокъ представляетъ странное сходство съ подобной пѣсней Качича-Міошича. Ср. Макушева, стр. 269—270, и Razgovor Ugodni, въ изд. Загр. 1875, стр. 753 и слѣд.

шла по прежнему на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ; національная литература не имѣла этой прочной основы, такъ что люди, ограниченные одними національными средствами, должны были оставаться внѣ серьёзнаго образованія; притомъ изъ латинско-итальянской литературы брали старые, отжившіе свое время образцы. Не появлялось и людей, которые могли бы поддержать литературную жизнь сильнымъ поэтическимъ талантомъ. Мы не имѣемъ нужды пересчитывать прозаическихъ писателей далматинской литературы, такъ какъ это были почти только спеціально церковные дидактики, которые не приносили ничего новаго и не измѣняли положенія образованности [1]). Съ конца XVIII столѣтія и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго могутъ быть еще упомянуты слѣдующіе дубровницкіе и вообще далматинскіе писатели: Лука Михальевичъ-Буничъ (ум. 1778), между прочимъ переводившій Горація и Виргилія; духовный поэтъ и моралистъ — францисканецъ Петръ Кнежевичъ; Брюеръ (Bruerović, собственно Bruère Derivaux, ум. 1827), французъ, сынъ французскаго посланника въ Дубровникѣ, въ 1774 прибывшій сюда съ отцомъ и прекрасно изучившій далматинскій языкъ,—кромѣ переводовъ изъ Проперція, Катулла, Марціала и пр., онъ написалъ сатиры (двѣ изданы Казначичемъ въ 1838), и комедію; Юрій Феричъ (или Гвозденица, 1744 — 1824), каноникъ, родомъ изъ Дубровника, писавшій латинскія стихотворенія и иллирскія „Притчи“ (нѣсколько ихъ издано въ „Далматин. Магазинѣ“ 1851) и поэму „Взятіе Очакова“ („Kolo,“ ч. 2); Маринъ Златаричъ (1753—1826), дубровчанинъ, переводившій Геснеровы идилліи и писавшій собственныя стихотворенія разнаго рода; Иванъ Салатичъ (ум. 1829), писавшій по-латыни и по-славянски; наконецъ Юрій Хидья (Juraj Hidja, 1752—1833), родомъ изъ Дубровника, извѣстный переводами Катулла, Тибулла, Проперція и Виргиліевой Энеиды.

Въ то время, когда сербская литературная дѣятельность упадала въ Далмаціи, она стала развиваться во внутреннихъ провинціяхъ, на сѣверѣ, такъ что въ концѣ XVIII и XIX вѣка здѣсь являются писатели, поддерживающіе нить далматинской поэзіи.

Изъ сѣверныхъ областей оставалась совсѣмъ чужда литературнаго движенія *Славонія*. Ея населеніе по языку очень мало отличается отъ далматино-хорватскаго; Славонцы — православные и католики; первые, съ кирилловской азбукой, примыкали къ сербской литературѣ, вторые

[1]) Списокъ этихъ далматинскихъ писателей и, вмѣстѣ съ ними, босанскихъ францисканцевъ, писавшихъ тѣмъ же языкомъ, но употреблявшихъ кромѣ латинской азбуки также и буквицу, см. у Шафарика, въ названной выше книгѣ, и чешскій «Часописъ» 1859, 4, стр. 519 и слѣд.

къ далматино-хорватской, но съ начала XVI вѣка для Славоніи наступилъ долгій періодъ мрака, гдѣ никакая книжная дѣятельность не могла имѣть мѣста. Послѣ паденія Бѣлграда (1521), Славонія подпала турецкому игу (съ 1524), которое окончилось только Карловацкимъ миромъ, въ 1699. Крайній упадокъ народа вызвалъ, наконецъ, писателей, которые стали работать для книжнаго образованія. Это были духовные католическіе писатели. Антунъ Канижличъ (1700—1777), изъ Пожега въ Славоніи, іезуитъ, написалъ поэму о святой Розаліи (Sveta Roxalia Panormitanska, Вѣна, 1780) и книгу: „Kamen pravi smutnje velike", о причинахъ раздѣленія восточной и западной церкви (Осекъ 1780); эта книга славилась по языку и стилю, какъ „opus Ciceronianae eloquentiæ". Іосифъ Кермпотичъ, придворный капелланъ въ Вѣнѣ, написалъ между прочимъ „Radost Slavonie" 1787 и описывалъ въ стихахъ „Put u Krim" (1788), т.-е. путешествіе въ Крымъ имп. Екатерины и Іосифа II. Видъ Дошенъ написалъ дидактическую поэму: *Седмиглавая змья* [1]). Въ половинѣ XVIII вѣка явился и писатель иного рода, обратившійся непосредственно къ народному быту. Это былъ Матія-Антунъ Рельковичъ (1732—1798), изъ босанскаго рода, переселившагося въ Славонію. Въ Семилѣтнюю войну онъ, бывши офицеромъ въ австрійскомъ войскѣ, попалъ въ плѣнъ, и живя въ Пруссіи доканчивалъ свое образованіе—выучился по-французски, читалъ, наблюдалъ чужіе нравы. Возвратившись изъ плѣна, Рельковичъ издалъ въ Дрезденѣ своего „Сатира", въ стихахъ (Satir iliti divi csovik, 1761),—его патріотическое чувство было возбуждено сравненіемъ своей родины съ лучшими порядками чужой страны и выразилось сатирическими обличеніями. Книга имѣла, по времени, чрезвычайный успѣхъ; не обошлось и безъ нападокъ, на которыя отвѣчалъ упомянутый Видъ Дошенъ въ стихотворной книжкѣ: „Jeka planine, koja na pisme Satira i Tamburasha Slavonskoga odjekuje i odgovara" (Zagr. 1767). „Сатиръ" между прочимъ изданъ былъ и кирилловскимъ письмомъ [2]). Кромѣ того, Рельковичъ издалъ „Езоповы басни" и другія книги для школъ, „иллирскій" словарь и грамматику. Повидимому, это былъ народный человѣкъ, — его называли pater pauperum, exemplar virtutum; по литературному значенію его сравниваютъ съ Качичемъ, какъ предшественника новаго движенія [3]). Матія-Петръ Катанчичъ (1750—1825), францисканецъ, родомъ изъ Славоніи, нѣсколько времени про-

[1]) «Axdaja Sedmoglava», Загр. 1768. Въ 1803 вышло въ Пестѣ изданіе, печатанное церковнымъ шрифтомъ и «съ далматинскаго языка на славено-сербскій пречищенное» Г. Михальевичемъ.

[2]) Изданія: 1761, 1779, 1822, 1857; послѣднее изданіе: Djela Mat. Ant. Relkovića, izdao M. Seneković, u Vinkovcih 1875. Кирилловскія (въ переводѣ на «просто сербскій языкъ»): 1793, 1807.

[3]) Братъ Рельковича, Іосифъ-Степанъ, написалъ въ стихахъ «Хорошаго Хозяина» (Kuchnik, 1796).

фессоръ пестскаго университета, извѣстный своей ученостью; кромѣ большого количества латинскихъ сочиненій, посвященныхъ между прочимъ славянской древности,—въ славянской литературѣ онъ имѣетъ замѣчательное имя по своему переводу Библіи. Надъ переводомъ Библіи для католическихъ Сербовъ трудились уже съ XVI столѣтія Кассій, потомъ въ 1750—70 Роза, около 1800 Бургаделли, но ихъ переводы остались неизданными; переводъ Катанчича, съ латинскимъ текстомъ, изданъ былъ въ Пестѣ 1831 (свой языкъ онъ называлъ „славно-илирскимъ изговора босанскога"). Его идиллическія стихотворенія изданы были въ книгѣ: „Fructus autumnales in jugis Parnassi Pannonii maximam partem lecti", Загребъ, 1794. Гергуръ Чевановичъ (1786—1835), францисканецъ, написалъ безъ особеннаго таланта, но по крайней мѣрѣ правильнымъ и народнымъ языкомъ, драматическую пьесу: „Josip, sin Jakova patriarke" (Пестъ, 1820), и др.

Такимъ образомъ историческое преданье старой далматинской литературы доходитъ до нынѣшняго столѣтія,—но блестящая эпоха ея уже не возвращалась. Вліяніе ея на общественное развитіе было менѣе значительно, чѣмъ можно было бы ожидать по началу. Усвоивши себѣ одинъ разъ ту степень литературныхъ идей, которую она заимствовала изъ латино-итальянскаго источника, далматинская литература не ушла дальше ея, и въ то время, когда въ цѣлой Европѣ начиналось уже броженіе новыхъ понятій, все еще поставляла духовныя поэмы, псевдо-классическія эпопеи, любовные стихи и пасторали. Правда, эта литература не осталась чужда народности, но въ своемъ главномъ теченіи, у большинства писателей, обработывала подобное содержаніе въ чуждой или недоступной народу формѣ, и не расширяла его до крупнаго общественнаго интереса; съ другой стороны она осталась чужда тому просвѣтительному движенію, которое распространялось тогда изъ Франціи по всей Европѣ и которое способно было оживить общественную мысль и связать ее съ дѣломъ народа. Время вызывало широкіе вопросы общественнаго освобожденія, но далматинское Славянство, въ своихъ трудныхъ политическихъ условіяхъ, раздѣленное отъ ближайшихъ единоплеменниковъ, было еще не въ силахъ за нихъ браться, и литература становится книжной отвлеченностью, или же ограничивается элементарными книжками для школы и житейскаго обихода. Тѣмъ не менѣе, старая далматинская литература имѣетъ свое несомнѣнное историческое достоинство. Во времена своего стараго богатаго развитія, далматинская литература бывала нерѣдко истинно поэтическимъ отраженіемъ жизни свободнаго и цвѣтущаго Дубровника и далматинскихъ общинъ. Она дала доказательства замѣчательной умственной и поэтической производительности. Ея наклонность прислушиваться къ народному содержанію принесла свой

плодотворный результатъ въ трудахъ Качича-Міошича: дубровницкая поэтическая школа сдѣлала для него доступнымъ народное творчество, внушила интересъ къ этому творчеству въ такую эпоху, когда европейская литература еще подчинялась ложному классицизму, смотрѣла свысока на поэзію и преданія народной массы, — и труды Качича стали первымъ шагомъ къ національному Возрожденію. Далѣе, ученость стараго періода, отъ Мавро Орбини до Катанчича, послужила введеніемъ къ новой научной разработкѣ славянской старины. Наконецъ, когда въ нашемъ столѣтіи возрожденіе сдѣлалось господствующимъ интересомъ славянскихъ литературъ, воспоминанія о славной дубровницкой эпохѣ стали для Сербо-Хорватовъ возбуждающимъ примѣромъ, и замѣчательная обработка языка въ ту эпоху послужила для современной литературы. Новая эпоха литературы западнаго сербскаго народа начинается тогда, когда центръ ея дѣятельности перенесенъ былъ къ Хорватамъ, и когда въ новой „иллирской" литературѣ сталъ дѣйствовать панславизмъ, идея цѣлаго славянскаго возрожденія, а вмѣстѣ съ нимъ идея политическаго освобожденія и сербохорватскаго единства.

---

3. Литература собственно-хорватская.

Слѣдуетъ наконецъ упомянуть еще объ одной области сербо-хорватскаго племени, которая представляла отдѣльную литературную жизнь. Это—собственные *Хорваты*, жители австрійской провинціи, носящей ихъ имя.

Имя Хорватовъ, какъ выше замѣчено, въ старину распространялось очень далеко на земли Далмаціи; хорватскіе патріоты увѣряютъ, что и теперь Далматинецъ, даже отдаленныхъ краевъ, называетъ себя Хорватомъ. Дѣйствительно, историческія обстоятельства дали большое распространеніе имени Хорватовъ, но въ тѣсномъ смыслѣ это имя принадлежитъ только одной вѣтви западнаго сербскаго племени, — собственнымъ Хорватамъ, занимающимъ особенно такъ-называемую провинціальную Кроацію [1]).

---

[1]) Нарѣчіе собственныхъ Хорватовъ есть такъ-называемая «кайкавщина». Далматинская литература, о которой до сихъ поръ говорено, и которой также даютъ обыкновенно названіе «хорватской» (въ обширномъ смыслѣ), писана на другомъ, такъ-называемомъ «чакавскомъ» нарѣчіи, очень отличномъ отъ собственно-хорватскаго, и хотя отличномъ, но очень близкомъ къ такъ-называемому «штокавскому», или собственно-сербскому нарѣчію (босанско-герцеговинскому, и нынѣшнему литературному). Литературная исторія двухъ послѣднихъ нарѣчій довольно спутанная, именно вслѣдствіе ихъ топографической и филологической близости; начавшись въ XV столѣтіи на первомъ изъ нихъ, далматинская литература воспринимала потомъ различныя черты второго,—когда вмѣстѣ съ тѣмъ сербскій элементъ изъ Босны и Герцеговины надвигался въ хорватское Приморье.

Подробности объ отношеніяхъ этихъ нарѣчій см. у Ягича, Jihoslované,—Slovník Naučný, IV. 303—304, 306—311; и Даничича, въ «Гласникѣ», т. IX.

Хорватское нарѣчіе, въ тѣсномъ смыслѣ, не имѣло большой литературы. Въ собственной Хорватіи не было тѣхъ благопріятныхъ условій литературнаго развитія, какія были въ Далмаціи. Съ присоединеніемъ къ Венгріи, она была отдѣлена отъ Далмаціи политически и имѣла съ ней только слабыя торговыя связи; отъ Сербіи отдѣлена была религіей. Какъ въ Венгріи, языкомъ церкви, управленія, книги, образованности сдѣлалась латынь. Собственно хорватское нарѣчіе въ первый разъ является въ книгѣ въ XVI столѣтіи, когда къ Хорватамъ и Хорутанамъ проникла реформація. Новое ученіе въ первое время встрѣтило здѣсь усердныхъ послѣдователей и поддержку у сильныхъ магнатовъ, такъ что хорватскіе послѣдователи реформаціи, во второй половинѣ XVI столѣтія, могли сдѣлать попытки для религіознаго просвѣщенія народа. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ покровителей этой дѣятельности былъ графъ Юрій Зринскій (ум. 1603), который устроилъ хорватскую типографію въ своемъ имѣніи Недѣлиштѣ, потомъ въ Вараждинѣ (1570). Здѣсь архидіаконъ Михаилъ Бучичъ напечаталъ, какъ говорятъ, „Новый Завѣтъ", „Христіанское ученіе" и проч., но сколько именно онъ сдѣлалъ—неизвѣстно, потому что уже вскорѣ здѣсь началось преслѣдованіе протестантства, и изданныя книги были кажется совершенно истреблены іезуитской инквизиціей. Въ той же типографіи Иванъ Пергошичъ издалъ свой хорватскій переводъ „Венгерскихъ правъ" (1574). Антонъ Врамецъ написалъ „Хронику" (Любляна 1578) и „Толкованіе на евангеліе" и проч. Бучичъ открыто принялъ и проповѣдовалъ кальвинизмъ; вмѣстѣ съ своими послѣдователями онъ подвергся преслѣдованію епископовъ и синодовъ, но нашелъ нѣкоторое покровительство въ терпимости императора Максимиліана II. Но при его преемникахъ дѣла приняли иной оборотъ: сильнѣйшіе изъ венгерскихъ магнатовъ поднялись съ оружіемъ въ рукахъ на защиту римской церкви, новое ученіе пало. Хорваты возвратились къ католицизму; воспитаніе перешло въ руки іезуитовъ, книжная дѣятельность также. Хорваты не имѣли своихъ типографій до самаго конца XVII вѣка; къ половинѣ этого вѣка относятся новыя попытки литературы. Не много впрочемъ было писателей, которые обратили вниманіе на народный языкъ; между ними могутъ быть названы: Петръ Зринскій, банъ хорватскій (1621—1671), правнукъ знаменитаго сигетскаго героя Зрини, — который перевелъ

Далматинско-дубровницкіе писатели называли свой языкъ различно: всего чаще «иллирскимъ», по предположенію, что они—потомки древнихъ Иллировъ, и «словинскимъ» (т.-е. славянскимъ), даже просто «далматскимъ» и «дубровачкимъ»; употреблялось и названіе «хорватскій» по политической связи. Въ новѣйшее время, религіозная враждебность католичества и православія еще больше спутала мѣстный народъ; православные вообще зовутъ себя «Сербами», а католики (хотя тѣ же Сербы) «Латинами», даже «Шокцами», принимая прозвище, какимъ зовутъ ихъ православные Сербы, или же тѣ и другіе называютъ себя по мѣстностямъ.

поэму, написанную его братомъ Николаемъ, первоначально по-венгерски: „Adrianszkoga mora Sirena“ (Венеція 1660); Юрій Ратткай, извѣстный больше своимъ латинскимъ сочиненіемъ: Memoria regum et banorum regnorum Dalmatiæ, Croatiæ et Slavoniæ (Вѣна 1652); Юре Габделичъ (1599—1678), іезуитъ, написавшій „Dictionarium vocabulorum croaticorum“ и кромѣ того „Kerztchanzki navuk“, „Pervi otcza nashega Adama greh“ (1674) и др.; но въ особенности Павелъ Риттеръ или Витезовичъ (около 1650—1713). Онъ снова устроилъ въ Загребѣ типографію и оставилъ много латинскихъ и хорватскихъ сочиненій,—изъ послѣднихъ напримѣръ всемірную „Хронику“ (доведенную потомъ Рафаемъ до 1744, Лавренчичемъ и Керчеличемъ до 1762), поэму „Oddilenye Szigetzko“, воспѣвающую того же сигетскаго героя, „Хорватскую Сивиллу“, и наконецъ также хорватскій словарь. Въ загребской библіотекѣ Сакцинскаго находится также поэма Витезовича, писанная босанско-хорватской кириллицей, въ прославленіе Петра Великаго, „сѣвернаго властелина“, котораго онъ желалъ видѣть обладателемъ Царяграда и освободителемъ турецкихъ христіанъ, и которому посвящали свои поэтическіе труды и другіе западно-сербскіе поэты [1]). Но стремленія Витезовича не имѣли успѣха; число хорватскихъ писателей увеличивается уже только со второй половины XVIII столѣтія, и особенно въ началѣ нынѣшняго.

Не будемъ перечислять писателей — священниковъ, канониковъ и пр., писавшихъ религіозныя книжки и поученія, и упомянемъ еще работы по изученію языка. Названный выше Габделичъ составилъ уже хорватско-латинскій словарь (изд. въ Градцѣ 1670). Иванъ Белостенецъ (1595—1675) есть авторъ словаря латино-хорватскаго (изд. въ Загребѣ 1740). Андрія Ямбрешичъ составилъ словарь латино-хорвато-нѣмецко-мадьярскій, Загр. 1742.

Знаменитый Хорватъ Юрій Крижаничъ, выѣхавшій въ Россію въ XVII столѣтіи и кончившій жизнь въ Сибири, принадлежитъ скорѣе къ исторіи русской литературы. Къ хорватской исторіи его дѣятельность принадлежитъ только какъ свидѣтельство широкой мысли, которая могла возникнуть на этой почвѣ, а съ другой стороны какъ свидѣтельство отрицательное, что на родинѣ онъ не находилъ исхода для своихъ стремленій. Это былъ первый сознательный панславистъ.

Особеннымъ толчкомъ къ возбужденію литературной дѣятельности послужило то, что когда въ концѣ XVIII стол. въ Австріи правительственная латынь стала замѣняться нѣмецкимъ языкомъ, то у Венгровъ,

[1]) Rodosudje, iliti osudi iz imén prejasnoga etc. poglavnika i gospodina, gospodina Petra Aleksijevica, cara moskovskoga и проч. съ латинскимъ переводомъ: Geniticon sive fatum etc., въ стихахъ. См. Arkiv, кн. 5, 1859, стр. 141, 170. Стихотвореніе издано въ 1710, и хорватскій текстъ напечатанъ двумя азбуками — латинской и кирилловской. Перепечатано въ Чтен. Моск. Общ., 1862, кн. 2.

которые до тѣхъ поръ управляли и говорили по-латыни, явилась національная оппозиція, стремившаяся дать въ „венгерской коронѣ" господство мадьярскому языку: такимъ образомъ Хорватамъ грозила двойная опасность, и пробудился инстинктъ самосохраненія. Хорватскіе депутаты на венгерскихъ сеймахъ страннымъ образомъ явились защитниками латинскаго языка (чтобы устранить мадьярскій), а съ другой стороны это сопротивленіе выразилось оживленіемъ литературы.

На первомъ планѣ стоитъ здѣсь Тома Миклушичъ (1767—1833), опять католическій священникъ, образчикъ тѣхъ патріотовъ и народныхъ людей, какіе вообще бывали нерѣдко первыми дѣятелями славянскаго возрожденія. У него нѣтъ крупныхъ литературныхъ трудовъ, но онъ работалъ чрезвычайно много, съ постоянной цѣлью—поднять народное образованіе, пріучая къ чтенію и давая для этого чтенія необходимѣйшія свѣдѣнія и крупныя, и мелкія. Онъ писалъ по-латыни и по-хорватски, и въ его сочиненіяхъ находятся чтенія изъ евангелія, молитвенныя книги, проповѣди, катихизисъ; столѣтній календарь; хозяйственныя книги; сборникъ съ историческими свѣдѣніями о Славянахъ и въ частности Хорватахъ, съ пословицами, списками хорватскихъ писателей и проч.; трагедіи и комедіи; наконецъ, домашній лечебникъ и наставленіе какъ помогать отъ укушенія бѣшеной собаки. Онъ собиралъ и издавалъ старыя сочиненія, и вообще неутомимо трудился для возвышенія народнаго языка и народнаго обученія. Въ такомъ же родѣ работалъ Брезовачкій (1754—1805), монахъ, писавшій веселые разсказы, комедіи и т. п. Далѣе, Мат. Яндричъ (ум. 1828); Яковъ Лаврёнчичъ (род. ок. 1780), языкъ котораго считается классическимъ; Доминъ Имбрихъ и т. д. Дѣятельности этихъ писателей помогло то обстоятельство, что ей оказывали покровительство загребскіе епископы, въ особенности Максимиліанъ Верховацъ (1752 — 1828), самъ отчасти писатель, возбуждавшій (между прочимъ въ особомъ воззваніи 1813 г.) къ собиранію старыхъ книгъ и изученію народнаго быта и поэзіи.

Въ третьемъ десятилѣтіи для дѣятельности хорватскихъ писателей наступила новая пора, когда литература готовилась стать дѣйствительнымъ отраженіемъ и орудіемъ общественности, а вмѣстѣ съ тѣмъ вышла изъ ограниченныхъ предѣловъ мелкаго областного нарѣчія. Хорватскіе писатели, между которыми на первомъ планѣ дѣйствовалъ докторъ Л. Гай, выбрали своимъ литературнымъ языкомъ тотъ, на которомъ развивалась старая западно-сербская литература, и ихъ дѣятельность пріобрѣла значеніе, важное для цѣлаго сербскаго міра и западнаго, и восточнаго. Собственно хорватское нарѣчіе предоставлено было своей судьбѣ: на немъ только изрѣдка появляются книги для простого народа. Серьёзные вопросы политики и общественной жизни

выражаются на новомъ литературномъ языкѣ, которому дали тогда названіе „иллирскаго“, — долженствовавшее соединить всѣ частныя отрасли не только западнаго, но и восточнаго сербскаго племени въ одно національное цѣлое [1]).

---

4. Новая сербская литература.

Первые признаки литературнаго возрожденія у восточныхъ, православныхъ Сербовъ, являются съ политическими событіями конца XVII и начала XVIII вѣка, когда по крайней мѣрѣ одна часть сербскаго племени, а на время и самая Сербія, освободились отъ турецкаго ига. Возрожденіе утверждается прочно, когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія возстаніе и политическое освобожденіе Сербіи (хотя и неполное) дали ему опору народной свободы. Признаки возрожденія обнаружились стремленіемъ къ основанію школъ, уже въ новомъ направленіи; затѣмъ движеніе начинаетъ примыкать къ идеямъ XVIII вѣка; отголоски европейскаго освободительнаго движенія явились рядомъ съ проявленіями народнаго самосознанія, и въ XIX вѣкѣ сербская литература устанавливается довольно прочно. Цѣлое племя все еще оставалось раздѣленнымъ: хорватское возрожденіе возникало независимо отъ сербскаго,—оба относились ревниво другъ къ другу, заявляя притязаніе на исключительное господство въ сербо-хорватскомъ мірѣ; но съ послѣднихъ десятилѣтій между ними начинается сближеніе, которое можетъ обѣщать по крайней мѣрѣ національно-образовательное объединеніе этого міра.

Политическія обстоятельства съ конца XVII вѣка были таковы. Войны Австріи съ Турціей дали Сербамъ надежду освобожденія отъ ига; Сербы могли быть важными союзниками для Австріи, и по своимъ политическимъ соображеніямъ Австрія въ 1690 вызвала переселеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ семействъ Сербовъ изъ Старой Сербіи въ австрійскія владѣнія, вмѣстѣ съ патріархомъ печскимъ, Арсеніемъ Черноевичемъ; въ 1737 произошло другое переселеніе. Въ 1716 году началась новая война съ Турціей, и по миру Пожаревацкому (1718) Сербія до Ниша перешла во власть Австріи, хотя впрочемъ только лѣтъ на двадцать. Австрія не сдержала обѣщаній, данныхъ Сербамъ при ихъ переселеніи; послѣдній „деспотъ“ сербскій, Юрій Бранковичъ,

---

[1]) Для полноты нужно упомянуть еще о маленькой литературѣ особаго отдѣла этого племени, венгерскихъ Хорватовъ, т.-е. живущихъ въ Венгріи внѣ собственной Хорватіи. Ихъ нарѣчіе не вездѣ одинаково, такъ какъ видоизмѣнилось различно по сосѣдству съ Хорутанами и Словаками. Оторванные отъ главнаго племени, они къ удивленію еще сохраняютъ свою національность. Съ половины XVIII вѣка и для нихъ издано было нѣсколько книгъ, религіозно-нравоучительныхъ и разсказовъ. Объ ихъ поселеніяхъ и книжности, см. Ягича, Jihoslov. 291. 251.

составлявшій планы освобожденія своей родины отъ Турокъ, авторъ упомянутой прежде лѣтописи, умеръ въ заточеніи въ Эгерѣ (Хебѣ) въ Богеміи, 1711. Находятъ, что самое оставленіе Сербами ихъ родины, Старой Сербіи, было для этой родины бѣдствіемъ, такъ какъ непосредственно по ихъ уходѣ Старая Сербія занята была Албанцами, что впослѣдствіи должно было затруднить возвращеніе исторической территоріи сербскому племени;—но, какъ бы то ни было, худо не обошлось безъ добра. Въ Австріи нашлись для Сербовъ условія существованія, которыхъ все-таки нельзя было сравнивать съ турецкими. Сербы встрѣтили здѣсь совсѣмъ иной гражданскій бытъ, встрѣтили западную школу и побужденія основать собственную. Въ 1708 году сербскій митрополитъ Исаія Дьяковичъ уже просилъ австрійское правительство о заведеніи для Сербовъ школы и типографіи; другой митрополитъ, Моисей Петровичъ, устроилъ въ своемъ домѣ въ Бѣлградѣ славянскую школу и вызвалъ учителей изъ Россіи. Преемникъ Моисея, Викентій Петровичъ, основалъ въ 1733 году школу въ Карловцахъ, и для нея опять были приглашены русскіе учителя изъ Кіева. Сербскіе народные „соборы" также говорили о необходимости школъ, которыя и дѣйствительно стали возникать и въ другихъ городахъ. Возвращеніе (собственной) Сербіи подъ турецкую власть въ 1739, нанесло ударъ этимъ предпріятіямъ, но не уничтожило ихъ. Между 1740—50 основана была „духовная коллегія" въ Новомъ-Садѣ, первымъ ректоромъ которой былъ одинъ изъ вызванныхъ русскихъ учителей, Эмануилъ Козачинскій.

Еслибы искать первыхъ начатковъ позднѣйшаго сербскаго возрожденія, они могутъ быть указаны именно въ этомъ основаніи школъ, прервавшемъ долгую умственную и литературную неподвижность. Но переходъ къ новому порядку вещей и идей совершился не вдругъ. Первыя заботы были направлены какъ нѣкогда на чисто церковное обученіе, и здѣсь, какъ мы видѣли относительно Болгаръ, опять дѣйствовала старая литературная взаимность. Русскіе, собственно кіевскіе, дали Сербамъ первыхъ учителей изъ кіевской школы, вѣроятно и самые школьные порядки; отъ Русскихъ шли церковныя и учебныя книги. Своей типографіи Сербы добились не скоро; до 1771 въ цѣлой Австріи не было ни одной кирилловской типографіи. Въ 1755 карловацкій митрополитъ Павелъ Ненадовичъ перепечаталъ грамматику Мелетія Смотрицкаго, но долженъ былъ сдѣлать это въ Молдавіи, въ Рымникѣ; въ 1758 основалась кирилловская типографія въ Венеціи; наконецъ въ 1771 устроена была казенная типографія въ Вѣнѣ, перешедшая вскорѣ въ частныя руки, а въ 1796 доставшаяся университету въ Пештѣ. До самаго 1830 года это была единственная сербская типографія въ Венгріи.

Такимъ образомъ къ Сербамъ перешла та школа, какая была тогда въ Кіевѣ, то-есть церковно-схоластическая и латинская. Въ самой Россіи кіевская школа была первой представительницей образованія и учености, къ которой съ половины XVII вѣка обратилась сама Москва. Схоластическо-латинская школа стала и у Сербовъ такимъ же переходомъ отъ старой церковной книжности къ новому образованію, какъ была въ самой Россіи, и преимущественно церковный характеръ ея съ другой стороны пришелся къ обстоятельствамъ: какъ въ южной Россіи кіевская школа доставила оружіе для борьбы съ католичествомъ, такъ это оружіе понадобилось и Сербамъ, когда, поселившись въ Австріи, они встрѣтились съ притязаніями католицизма въ земляхъ австрійскихъ и венгерскихъ. Сербскія школы и „коллегіи" именно должны были доставлять обученныхъ священниковъ и учителей. Въ шестидесятыхъ годахъ XVIII вѣка Сербы стали отправляться въ вѣнскій университетъ, и уже вскорѣ мы видимъ любопытный фактъ, что представители новаго сербскаго образованія вызываются въ Россію: такъ былъ вызванъ извѣстный дѣятель Екатерининской коммиссіи о народныхъ училищахъ, Ѳ. И. Янковичъ-де-Миріево, авторъ извѣстной книги „О должностяхъ человѣка"; юристъ-профессоръ Терланичъ, и проч.[1]).

Подъ вліяніемъ русскихъ учителей, школьнаго порядка, церковныхъ книгъ, новая книжность, возникавшая у Сербовъ, складывалась по тому же образцу. Сознавая, что языкъ церковныхъ книгъ въ рукописяхъ сильно измѣненъ подъ вліяніемъ народнаго, и испорченъ отъ переписки, сербскіе книжники искали настоящаго славянскаго языка въ русскихъ книгахъ (гдѣ старый славянскій языкъ былъ измѣненъ подъ вліяніемъ русскаго), и языкъ церковныхъ книгъ выбрали своимъ литературнымъ языкомъ. Сначала они иногда просто перепечатывали русскія книги, какъ грамматику Смотрицкаго, книги богословскія и церковно-поучительныя; потомъ и переводили сочиненія русскихъ проповѣдниковъ XVII — XVIII вѣка съ „россійскаго" (или „московскаго") языка на „славено-сербскій". Этотъ „славено-сербскій", смѣсь русско-церковнаго съ сербскимъ, очень долго держался у Сербовъ въ качествѣ литературнаго языка; православные сербскіе книжники, какъ у насъ поклонники „стараго слога" и любители славянскаго языка, считали народный языкъ слишкомъ низкимъ для книжной мудрости. Положеніе ихъ было странное, когда имъ приходило очень естественное желаніе пользоваться литературой своихъ католическихъ единоплеменниковъ, давно писавшихъ на народномъ языкѣ. Такъ въ 1793 изданъ былъ

---

[1]) Ср. Григоровича, Объ участіи Сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ. Одесса, 1876. Французская прибавка *де*-Миріево — во вкусѣ XVIII столѣтія — означаетъ, что родъ Янковичей шелъ изъ села Миріева въ Славоніи.

церковными буквами „Сатиръ“ Рельковича, въ 1803 „Аждая Седмоглава“ Вида Дошена и др.: первый былъ „преведенъ на просто сербскій езыкъ“, т.-е. въ сущности наоборотъ: просто сербскій языкъ Рельковича передѣланъ на книжный „славено-сербскій“; о книгѣ Дошена сказано, что она „пречищена съ далматинскаго языка на славено-сербскій“. Изъ этого положенія возникъ потомъ долго длившійся споръ о литературномъ языкѣ, когда Вукъ Караджичъ явился защитникомъ чистаго народнаго языка; по его идеямъ, литература лишь тогда могла получить живое народное значеніе, когда заговоритъ живымъ народнымъ языкомъ,—чего никакъ не хотѣли допустить его противники изъ „славено-сербской“ школы.

Литература началась, какъ мы видѣли, прямымъ повтореніемъ русскихъ церковно-поучительныхъ книгъ. Съ основаніемъ школъ стали являться учебныя книги—буквари, руководства „славенскаго правочтенія“ и „краснорѣчія“, гдѣ славенскій считался сербскимъ (Зах. Орфелина, Ст. Вуяновскаго, Авр. Мразовича и др.), затѣмъ другіе учебники, наконецъ разныя книги для серьёзнаго и легкаго чтенія, болѣе или менѣе случайно являвшіяся въ переводахъ съ другихъ языковъ или въ собственныхъ произведеніяхъ сербскихъ писателей. Замѣчательнѣйшимъ писателемъ славено-сербской школы прошлаго вѣка былъ извѣстный историкъ Іоаннъ Раичъ (1726—1801). Родомъ изъ Карловца въ Срѣмѣ, изъ бѣдной семьи, онъ учился въ австрійскихъ школахъ, сначала въ низшей у іезуитовъ, потомъ въ евангелическомъ лицеѣ и наконецъ въ кіевской академіи. Впослѣдствіи онъ еще разъ былъ въ Россіи, и въ Кіевѣ задумалъ написать исторію своего народа. Чтобы собрать источники, онъ отправился въ 1758 на Аѳонъ, въ Хиландарскій монастырь, но невѣжественные и подозрительные монахи не дали ему свободно пользоваться библіотекой. Воротившись домой, онъ съ 1759 года занималъ разныя учительскія должности, въ 1772 пошелъ въ монахи, сдѣланъ былъ вскорѣ архимандритомъ Ковыльскаго монастыря, и несмотря на то, что ему нѣсколько разъ предлагали архіерейство, онъ остался въ своемъ санѣ до самой смерти. Онъ не былъ глубокимъ ученымъ, но былъ писателемъ чрезвычайно трудолюбивымъ, и главное его сочиненіе: „Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче же Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ“ и проч. (Вѣна, 1794—95, 4 ч., съ прибавленіемъ). Первая часть была въ 1795 перепечатана въ Петербургѣ, но перепечатка остальныхъ запрещена (не знаемъ, почему дѣлалось изданіе и почему запрещено). Передъ тѣмъ, въ 1793 году Раичъ перевелъ съ нѣмецкаго краткую исторію сербскихъ королевствъ стараго времени. Наконецъ, ему принадлежитъ сборникъ церковныхъ поученій, переведенныхъ съ русскаго, гдѣ онъ повидимому чувствовалъ необходимость больше приблизиться къ на-

родному языку. Остались наконецъ нѣкоторыя неизданныя его сочиненія. Его „Исторія Славенскихъ народовъ“ долго имѣла читателей, по нѣкоторымъ подробностямъ доселѣ сохраняетъ цѣну, и вообще любопытна какъ первая въ новой сербской литературѣ попытка реставраціи историческихъ преданій [1]).

Какъ ни мало было вообще въ произведеніяхъ славено-сербской школы того, что̀ именно было нужно для начинающагося народнаго образованія, эти книги имѣли, какъ говорятъ, чрезвычайный успѣхъ. „Народъ,—чему едва можно повѣрить,—принялъ эти сочиненія, которыхъ не понималъ ни по содержанію, ни по языку, съ безграничной любовью и считалъ ихъ сокровищемъ націи; у кого была какая нибудь изъ нихъ, тотъ сохранялъ ее, какъ сивильскую книгу“ [2]). Это объясняется инстинктивнымъ ожиданіемъ образованія, цѣна котораго бываетъ понятна для свѣжаго народа. Славено-сербскій стиль, хотя и былъ не совсѣмъ понятенъ, напоминалъ однако церковную старину. Если первые писатели дѣйствовали не всегда удачно, это объяснялось и новостью дѣла, и тѣмъ, что истинная дорога народнаго писателя угадывается только талантомъ или по крайней мѣрѣ сильнымъ, на себѣ испытаннымъ, сознаніемъ народной потребности.

Представителемъ такого сознанія явился замѣчательный, чрезвычайно оригинальный человѣкъ, съ котораго собственно и беретъ свое начало новая сербская литература. Это былъ знаменитый въ исторіи сербскаго возрожденія Досиѳей Обрадовичъ (1739—1811). Въ удивительной біографіи этого чисто-народнаго человѣка какъ будто отразились и инстинктивное сильное исканіе широкаго просвѣщенія, и степени развитія самого народа. Имя Досиѳея было монашеское; собственно его звали Димитрій. Онъ былъ родомъ изъ Чакова, въ Темешварскомъ Банатѣ. Еще ребенкомъ онъ осиротѣлъ, и его взялъ къ себѣ дядя, который хотѣлъ выучить его, чтобы сдѣлать священникомъ. Мальчикъ очень скоро выучился грамотѣ и очень скоро перечиталъ всѣ книги, какія нашлись въ мѣстечкѣ, — разумѣется книги церковныя. Житія святыхъ произвели на мальчика такое сильное впечатлѣніе, что онъ рѣшилъ выбрать себѣ карьеру святого. Въ Чаковѣ не было однако нужной для этого „пустыни“, и мальчикъ, прослышавъ, что пустынь много въ Турціи, ушелъ изъ дому съ монахомъ Дечанскаго монастыря, который взялъ его съ собой. Дядя успѣлъ нагнать странниковъ, вернулъ мальчика домой, и отдалъ его учиться ремеслу въ Темешваръ. Димитрій и здѣсь нашелъ себѣ товарища и въ 1753 убѣжалъ съ нимъ тайно въ Хоповскій (или Оповскій) мона-

---

[1]) О Ранчѣ, Шафарикъ, Gesch. der südslaw. Lit. III, 304, 419; краткая автобіографія Ранча въ «Гласникѣ» I.

[2]) Subbotić, Grundzüge, стр. 8.

стырь на Фрушкой-Горѣ [1]). Игуменъ Милутиновичъ принялъ мальчика, думая сдѣлать его своимъ ученикомъ, — но увидѣвъ, что мальчикъ читаетъ всякія книги лучше его самого, хотѣлъ прогнать его, изъ опасенія насмѣшекъ; но мальчикъ былъ ласковый и преданный, и игуменъ оставилъ его. Димитрій продолжалъ читать аскетическія книги, постился до изнеможенія, и черезъ годъ былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Досиоея, и вскорѣ посвященъ въ дьякона. Черезъ три года Милутиновичъ былъ назначенъ игуменомъ въ другой монастырь и на прощанье съ Досиоеемъ подарилъ ему, хотя самъ былъ бѣденъ, пятнадцать дукатовъ, совѣтуя ему отправиться въ Кіевъ и Москву. Досиоей не послѣдовалъ совѣту, но не остался и въ Хоповскомъ монастырѣ, къ которому его уже ничто не привязывало. Онъ тайкомъ ушелъ изъ монастыря... Здѣсь начинаются его многолѣтнія, безпокойныя, но исполненныя труда и любознательныхъ исканій странствованія. Онъ ушелъ сначала съ однимъ Хорватомъ въ Загребъ, гдѣ выучился по-латыни, прожилъ потомъ года три въ Далмаціи, гдѣ жилъ частными уроками, которые вообще стали его средствомъ къ существованію. Потомъ онъ задумалъ отправиться на Аѳонъ, куда влекли его слухи о преподаваніи извѣстнаго Евгенія Булгариса. Но болѣзнь задержала его въ Которѣ (Каттаро); здѣсь онъ прожилъ нѣсколько времени, былъ посвященъ во священники черногорскимъ владыкой и опять вернулся въ верхнюю Далмацію. Здѣсь онъ перевелъ съ церковнаго языка на обыкновенный сербскій проповѣди Іоанна Златоуста, которыя имѣли чрезвычайный успѣхъ и усердно списывались (около 1778). Потомъ онъ отправился все-таки на Аѳонъ, но ему не удалось слышать Булгариса, который ушелъ съ Аѳона отъ раздоровъ тамошняго монашества. Досиоей рѣшилъ отправиться въ Смирну, гдѣ училъ Грекъ Іероѳей, который, услышавъ, изъ какой дали пришелъ къ нему этотъ ученикъ, пріютилъ его въ своемъ домѣ. Здѣсь Досиоей выжилъ три года, предавшись своему ученью, но долженъ былъ оставить Смирну, когда война Россіи съ Турціей сдѣлала его жизнь тамъ небезопасной (его считали за русскаго священника). На дорогѣ, черезъ Грецію, спутникъ его, Грекъ, также ученикъ Іероѳея, заболѣлъ и Досиоей проводилъ его до дому, и попалъ въ Алба-

---

[1]) Фрушка-Гора есть горный, покрытый густыми лѣсами, красивый уголокъ въ Срѣмѣ между Дунаемъ и Савой; здѣсь находится двѣнадцать сербскихъ монастырей. Когда Сербы переселились въ Австрію въ концѣ XVII вѣка, они выразили свою привязанность къ старой роднѣ тѣмъ, что отдѣлили часть своей новой земли и посвятили ее національнымъ воспоминаніямъ. Это была Фрушка-Гора: здѣсь эмигранты построили церкви и монастыри и назвали ихъ именами оставленныхъ на роднѣ; сюда перенесли они свои немногія сокровища; останки послѣдняго сербскаго царя Лазаря, нѣкогда лежавшіе въ монастырѣ Раваницѣ, перенесены были въ *Новую* Раваницу, на Фрушкой-Горѣ. День Косовской битвы («Видов дан», 15 іюня) празднуется какъ годовщина царя, и привлекаеть сюда тысячи богомольцевъ.

нію; здѣсь онъ прожилъ цѣлый годъ, и въ отплату за гостепріимство, принялся, по обыкновенію, за обученіе молодыхъ Албанцевъ. Онъ посѣтилъ разные края Албаніи, выучился скипетарскому языку и даже нѣчто написалъ имъ кирилловскими буквами, что̀ Албанцевъ очень изумило. Отсюда Досиѳей отправился въ Корфу, гдѣ занимался чтеніемъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, затѣмъ черезъ Венецію и Тріестъ въ Вѣну, гдѣ въ теченіе шести лѣтъ обучалъ сербское и греческое юношество, и самъ занимался французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками и литературой. Далѣе, онъ предпринялъ новое странствіе—черезъ Италію въ Царьградъ, гдѣ училъ греческихъ купцовъ французскому и итальянскому языкамъ; отсюда моровая язва заставила его уйти въ Молдавію, потомъ черезъ Львовъ въ Лейпцигъ и Галле, гдѣ онъ былъ воспитателемъ двухъ учившихся тамъ Румуновъ, и самъ, хотя ему было уже за сорокъ лѣтъ, записался въ университетъ и слушалъ прилежно философію, эстетику и теологію. Видя здѣсь такое богатство науки, такое множество любознательнаго юношества, онъ горевалъ о томъ, что его любезные Сербы и Албанцы, живя въ благословенной странѣ, лишены науки и образованія. Но, человѣкъ дѣла, онъ не остановился на однихъ печальныхъ размышленіяхъ; прослышавъ, что въ Лейпцигѣ печатаютъ по-русски, онъ переселился туда съ своими воспитанниками, намѣреваясь напечатать у Брейткопфа гражданскими буквами первую сербскую книгу. По тому времени, когда въ сербской книжности господствовала славено-сербская школа и церковное направленіе, это было смѣлое предпріятіе, которое могло навлечь ему много враговъ между тогдашними книжниками. Но имъ владѣла мысль передать соотчичамъ свои жизненные опыты и знанія. Въ 1783 году онъ издалъ „Животъ (жизнь) и Приключенія“, написанныя очень занимательно; въ 1784 „Совѣты здраваго разума“. Съ этихъ двухъ книгъ начинается настоящая сербская литература—обращенная прямо къ народу, занятая его насущными нуждами и приносившая въ помощь имъ глубокую любовь къ наукѣ и гуманное чувство. Но его странствія еще не кончились: черезъ годъ онъ отправился въ Англію, не зная ни слова по-англійски, встрѣтилъ и тамъ гостепріимнаго человѣка, выучился языку и читалъ англійскихъ классиковъ. Затѣмъ, чтобы набрать денегъ для изданія новой книжки, онъ поселился въ Вѣнѣ и опять давалъ уроки. Въ 1788, у того же Брейткопфа вышла большая книга: „Езопове и прочихъ разнихъ баснотворцевъ... садъ први редъ съ наравоучителнима полезнима изясненіами и наставленіами издате и сербской юности посвећене Басне“. Въ томъ же году онъ былъ въ Россіи, гдѣ хотѣлъ посѣтить своего единоземца генерала Зорича, въ 1789 сложилъ пѣсню на взятіе Бѣлграда, въ 1793 издалъ въ Вѣнѣ „Собраніе нравоучителныхъ

вещей", и въ 1802 поселился въ Венеціи, гдѣ сербскіе купцы дали ему пенсію (въ 2000 гульд.), чтобы онъ могъ спокойно работать для своего народа. Съ 1807 онъ поселился въ Бѣлградѣ, гдѣ былъ учителемъ дѣтей Карагеоргія и вмѣстѣ сенаторомъ, и въ особенности управлялъ школьными дѣлами. Въ 1811 онъ умеръ. Послѣ его смерти издано было много другихъ трудовъ Досиѳея Обрадовича; въ 1818 Соларичъ издалъ его „Мезимца", въ 1829 Магарашевичъ его „Письма" и т. д. [1]).

Имя Досиѳея Обрадовича осталось однимъ изъ славнѣйшихъ именъ сербской литературы, какъ перваго истинно народнаго писателя и начинателя современной сербской образованности въ народномъ смыслѣ. По своему пониманію народной жизни и ея потребностей и даже по литературной формѣ, Досиѳей дѣйствительно стоитъ во главѣ всѣхъ послѣдующихъ писателей. Великая заслуга его была въ томъ, что онъ первый указалъ на дѣлѣ, какъ и что̀ слѣдовало писать для сербскаго народа. Вышедши самъ изъ этой среды, онъ всегда остался близокъ къ народной жизни, зналъ ея нужды и недостатки, и понимая, съ чего нужно начать развитіе народныхъ понятій, сталъ говорить тѣмъ языкомъ, который былъ вполнѣ доступенъ для массы: народъ не понималъ церковнаго языка, и чтобы дѣйствовать на него, нужно было говорить его языкомъ, да и не то только, что̀ народъ могъ найти въ своихъ старыхъ книгахъ. Обрадовичъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательно. Правда, въ его языкѣ есть еще остатки старой манеры, но въ цѣломъ онъ былъ безъ сомнѣнія народенъ, какъ никто изъ его предшественниковъ. И дѣло было вовсе нелегко, потому что Досиѳею приходилось бороться съ упорными предразсудками. Въ своихъ „Совѣтахъ здраваго разума" Досиѳей Обрадовичъ разсказываетъ, между прочимъ: „Когда мой игуменъ увидѣлъ, что я держу въ рукѣ книжку, напечатанную гражданскими буквами, то прямо сказалъ мнѣ, что если я не буду остерегаться такихъ книгъ, то потеряю и тѣ крохи разума, какія есть. Развѣ ты не видишь (говорилъ игуменъ), что въ этой книгѣ половина латинскихъ буквъ, и развѣ ты не знаешь, что всякая книга, въ которой есть хоть одна латинская буква, проклята, и что съ тѣхъ поръ, какъ начали выходить эти книги, люди начали ѣсть улитокъ... Свѣтъ могъ бы стоять нѣсколько сотъ лѣтъ дольше, если бы вы такими книгами не привели его на край погибели". Въ своихъ письмахъ и автобіографіи Досиѳей разсказываетъ любопытную исторію своихъ странствій и своихъ патріотическихъ стрем-

[1]) Полное собраніе сочиненій Обрадовича сдѣлано было въ Бѣлградѣ Григ. Возаровичемъ, въ 10 частяхъ, 1833—36, 1845. Потомъ вышло еще нѣсколько изданій, между прочимъ въ Новомъ-Садѣ, 1850, Медаковича; но бѣлградское изданіе считается лучшимъ.

леній. Онъ все больше убѣждался въ необходимости науки для своего народа, горевалъ о его невѣжествѣ и рабствѣ, мечталъ объ его освобожденіи отъ ига и соединеніи въ одну крѣпкую землю. Это былъ прямой и непосредственный начинатель сербскаго возрожденія.

Вотъ нѣсколько выдержекъ, рисующихъ отчасти характеръ этого народнаго христіанскаго моралиста и патріота.

Въ «нравоученіи» къ баснѣ: «Ластавица и проче птице», Досиѳей Обрадовичъ разсказываетъ,—замѣтимъ, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія:

«Я самъ различне націе желіо и искао познати; а на властито нашу Славено-Сербску одъ Баната до Албаніе. У Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Далмаціи и Ерцеговини, свуда э у селяни ови кралѣвства, характерь во обще еднакъ; као дасу, како и есу, една фамилія. Гди годъ добро стое, ту су великодушни, страннолюбиви, мужественни, пощени (т.-е. почтенны), на добро склонни, и здравимъ то есть общимъ человѣческимъ разумомъ одарени; а притомъ и трудолюбиви. Гди се годъ изметьу себе у комшилуку мрзе, то по найветьой части происходи изъ тога, що су неки греческога и неки римскога закона и паричу едни друге съ коекакви ружни и презрителними именами; први фторе зову, или шокци или буніевци или римци или латини. А ови оне, власи, ркатьи и шизматици: А честно, свето и братско име хрістяни то свакъ само за се држи; или ако кадъ една страна другу назове крштьани, или риштьани (т.-е. христіане), то се за особиту милость и учтивость твори и држи; и по несретьи (т.-е. несчастью) врло редко бива»... Этого бы не было, замѣчаетъ онъ, если бы священство съ обѣихъ сторонъ было «добровоспитано»; оно открыло бы народу очи и объяснило бы ему святую евангельскую науку любви и мира. И теперь мы уже видимъ милость промысла: турецкая власть падаетъ, а христіанская вездѣ возвышается. «Сербія, Босна и Ерцеговина избавитьсе съ временомъ отъ турака и ослободити: али, ако народъ у овимъ землямa не почне отресати одъ себе суевѣріе и неизкорени ону древню и богомрску вражду и мрзость за законъ (т.-е. религіозную вражду); они тьеду сами себе бити турци и мучители». (Басне, Лейпц. 1788, стр. 305—6).

Изъ этого видно, что Досиѳей Обрадовичъ понималъ вещи весьма разумно, какъ многіе не понимаютъ ихъ и до сихъ поръ.

Въ автобіографіи Обрадовичъ разсказываетъ, какъ мечталъ онъ въ молодости объ ученьѣ и какъ онъ собирался для этого въ Россію. Одинъ умный старецъ-монахъ, хотя самъ неученый—по имени Ѳедоръ Милутиновичъ—убѣждалъ его предпочесть науку калугерству (монашеству).

«Колико самь я прость и неучень—говорилъ этотъ старецъ—мені е миліе видити ученогь младога Раича, него четири вселѣнска патріарха, кои би били без Науке као я, видно си га како е младь и без браде; али кадь стане беседити, ми сви с великимь брадама гледамо га као дасмо из дивіегь вилаета дошли... Вѣруй ми, мой синко! кадь годь чуемь младога Раича да беседи, уздишемь за моіомь младоштьу и да имамь какву власть, све би ове наше манастире у школе и у училища преобратіо. За то послушай ти мой последнк совѣтъ: извади из главе то твое светиничеѣ; я ти задаемь мою србску вѣру да из тога нетье нища бити (т.-е. ничего не выдетъ); тражи науку и гладуютьи, и жеднетьи, и наго-

туютьи. Я ти више желимь, да у едномь маломь сеоцу будешь мале деце учитель него у Опову игумань или архимандрить»...

Этотъ старецъ прославлялъ Петра Великаго, который ввелъ науки въ свое царство и чрезъ то пріобрѣлъ себѣ безсмертное имя «паче всѣхъ земледержцевъ», и просилъ Бога, чтобы онъ чаще производилъ на свѣтъ такихъ «человѣколюбивыхъ цезарей и цезарицъ», которые бы могли «сву Европу, Сербію, Босну и Херцеговину, наши стари мило отечество, Болгаріу, Грецiу и остале божіемъ раю подобнѣ землѣ од Тиранства, Глупости и Варварства избавити и освободити.»

Эти мнѣнія перенялъ отъ почтеннаго старца и Досиѳей. Въ своей автобіографіи онъ разсказываетъ о томъ, какія возраженія встрѣчала его дѣятельность, будто нарушавшая народную старину понятій,—и восклицаетъ: «За що да не почнемо разумно и свободно као словесни люди мислити? За що да не дрзнемо и да се неусудимо полезніе неполезніему предьпочтавати? Доклетье сродни наши у старой простоти лежати?.. Защо, како се що почне противь стари, плеснипи и зартьати обичая чи̃нити нама да вичу: пропадосмо! пропаде православіе... Отье ли православіе пропасти ако не буде вѣровати да има вампира, да има вещица (т.-е. колдуньи), да има врачарица, и по воздуху митарства?... Отье ли що наиманѣ вреда благочестію и православію бити, ако калугера настане, кои нису ничимь, развѣ црнимь алинама, неженидбомь и именомь калугери? Не били много полезніе и болѣ било и за православіе и за народъ, да се сви манастири у школе и у училища преобрате?... Правда и истина може ли православію бити противна?... За що смо друго примили одь Бога разумь и словесность развѣ да се нима служимо всегда, мислетьи и разсуждаваютьи?... (Животь и приключенія Димитріа (Досиѳеа) Обрадовича, Лейпц. 1783, стр. 109—120).

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что мнѣнія Обрадовича сложились въ духѣ тогдашней литературы „просвѣщенія“: онъ проникся ея гуманнымъ освободительнымъ содержаніемъ—знаменательный фактъ, который и сдѣлалъ Обрадовича явленіемъ чрезвычайно характеристическимъ. Онъ началъ въ ранніе годы съ полной непосредственности народнаго быта и преданія; въ теченіе своихъ долгихъ странствій, ученія и наблюденія какъ будто выносилъ на себѣ всѣ ступени развитія, какія нужно было пройти народу; въ концѣ онъ является человѣкомъ новаго порядка идей, оставаясь человѣкомъ народа, хотя его новыя мысли далеко уже не сходились съ тѣмъ, что̀ другіе считали (и что̀ обыкновенно считается) народнымъ взглядомъ. Дѣло въ томъ, что Досиѳей отвергалъ въ этомъ взглядѣ то, что̀ было въ немъ остаткомъ простодушнаго или злостнаго невѣжества и исключительности; онъ понималъ, что многое въ народныхъ понятіяхъ есть просто слѣдствіе тѣсноты народной мысли, недостатка знаній, и никакъ не думалъ, чтобы это незнаніе—слѣдствіе давняго гнета и бѣдности—могло считаться неизмѣннымъ свойствомъ народной жизни и мысли [1]).

[1]) Въ нашемъ XVIII столѣтіи люди того направленія, какъ Досиѳей, являлись въ высшемъ классѣ, и отсюда было выведено извѣстной школой, что все образова-

Онъ настаивалъ на необходимости образованія, осуждалъ старые предразсудки, защищалъ вѣротерпимость, указывалъ для своего народа цѣль — сравняться съ просвѣщенными народами Европы. Проповѣдь его не обошлась безъ ожесточенной вражды, прежде всего отъ духовенства и монашества; доходило до того, что непріятели Досиѳея жгли его книги, такъ что онѣ стали очень рѣдки; но съ другой стороны, эти книги, писанныя просто и вразумительно, проникнутыя искреннимъ убѣжденіемъ, нашли и ревностныхъ почитателей, — у кого изъ нихъ была книжка Досиѳея, тотъ берегъ ее какъ драгоцѣнность.

Досиѳей Обрадовичъ не произвелъ рѣшительной реформы; но его вліяніе сказывалось долго послѣ, и на языкѣ, и на содержаніи литературы: изложеніе стало освобождаться отъ прежней славяно-сербской искусственности; въ содержаніи является больше вниманія къ народнымъ потребностямъ. Но еще долго не выработался правильный взглядъ на литературную задачу. Была, правда, немалая забота дать книги о воспитаніи, о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и т. п.; но рядомъ шли неловкія попытки пересадить въ сербскую литературу европейскія произведенія и направленія, для которыхъ еще не было подготовленной публики или которыя были вовсе ненужны. Такимъ образомъ, конецъ прошлаго и начало нынѣшняго столѣтія представляютъ періодъ колебанія, невыясненныхъ попытокъ, остатковъ стараго направленія, поспѣшныхъ и часто совсѣмъ поверхностныхъ работъ въ направленіи новомъ,—но по крайней мѣрѣ готовились сербскіе читатели. Въ направленіи Досиѳея дѣйствовалъ Павелъ Соларичъ (1781—1821), но безъ его практическаго пониманія. Соларичъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ ученый (между прочимъ авторъ первой сербской географіи; его же „Поминакъ книжескій“, 1810) и какъ переводчикъ разныхъ философско-нравоучительныхъ книгъ, въ родѣ знаменитой Циммермановой книги „Объ уединеніи“, и т. п. Въ раціоналистическомъ духѣ Досиѳея написаны книжки пештскаго адвоката Іов. Мушкатировича „О праздникахъ“ и „Постахъ“ (1786, 1794); являлась „Моральная философія“ (1808) Лазаревича, даже „Логика сербскаго языка“, Н. Шимича и т. п. Начинаются попытки книжной поэзіи, или вѣрнѣе стихотворства, и беллетристики. Алексѣй Везиличъ писалъ въ стихахъ „Краткое написаніе о спокойной жизни“ (1788); выше говорено объ архим. Раичѣ, который воспѣвалъ въ стихахъ войну противъ Турокъ („Бой змая са орлови“ 1791). Григ. Терлаичъ, впослѣдствіи профессоръ права въ Россіи (ум. 1811), написалъ, также въ стихахъ, „Забавленіе единаго лѣтняго утра или удивленіе есте-

ніе было чужое, оторванное отъ народа и т. д. Примѣръ Досиѳея очень хорошо объясняетъ истинное положеніе дѣла, именно необходимость для народнаго сознанія, пріобрѣтая образованіе, отрываться отъ патріархальнаго невѣжества.

ственнымъ красотамъ“, на русско-славянскомъ языкѣ, который онъ совѣтовалъ Сербамъ себѣ усвоить; „перевелъ“ съ русскаго на славяно-сербскій „Нуму или процвѣтающій Римъ“ Хераскова и пр. Викентій Ракичъ (1792—1824), священникъ, потомъ монахъ, имѣлъ успѣхъ между сербскими читателями, перекладывая въ стихи церковную легенду въ старомъ средневѣковомъ духѣ. Гавр. Ковачевичъ также пересказывалъ легенды, и кромѣ того воспѣвалъ національныя событія—сербское возстаніе при Карагеоргіѣ: „Пѣснь о случайномъ возмущеніи въ Сербіи приключившемся“ и пр., 1804, а также Косовскую битву: „Стихи о поведеніи и намѣреніи сербскаго великаго князя Лазара противъ турскаго ополченія, съ разнымъ его велможей разговоры и о изображеніи страшнаго и грознаго онаго между Сербами и Турками на полю Косову сраженія“, 1810; эти стихи въ 1856 году имѣли седьмое изданіе. Ковачевичъ и Ракичъ были очень популярны, удовлетворяя незатѣйливымъ вкусамъ своей публики. Но другіе пускались и въ болѣе мудреное писательство; такъ Аѳ. Стойковичъ, бывшій профессоромъ въ Харьковѣ, написавшій первую сербскую физику, былъ авторомъ романовъ—въ сантиментально-мистическомъ вкусѣ, какой былъ тогда въ модѣ у насъ; одинъ изъ нихъ называется „Кандоръ, или откровеніе египетскихъ тайнъ“ (1800). Можно судить, насколько эти откровенія были нужны въ тогдашней сербской литературѣ. Первые драматическіе опыты явились опять на славяно-сербскомъ языкѣ. Въ 1798 вышла „Трагедія, сирѣчь печалная повѣсть о смерти послѣднаго царя сербскаго Уроша Пятаго и о паденіи сербскаго царства“, съ именемъ архим. Раича: первоначально эта пьеса была написана Эм. Козачинскимъ, однимъ изъ русскихъ, вызванныхъ для устройства сербскихъ школъ, и въ дѣтствѣ Раича была дана на сценѣ; но она была „пречищена и исправлѣна“ Раичемъ на тогдашній „славено-сербскій“ языкъ. Особенно для театра работалъ тогда Ем. Янковичъ (1758—1792), который написалъ и перевелъ нѣсколько пьесъ; одна изъ нихъ, „Благодарный сынъ“, была у Сербовъ первой оригинальной комедіей, и написана на „просто сербскомъ“ языкѣ, какъ сказано въ заглавіи. Въ заслугу ему ставятъ, что изъ всѣхъ писателей прошлаго вѣка онъ писалъ самымъ чистымъ языкомъ. Съ первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка однимъ изъ плодовитѣйшихъ и наиболѣе замѣтныхъ писателей былъ Милованъ Видаковичъ (1779—1841). Видаковичъ, родомъ изъ Сербіи, былъ профессоромъ гимназіи въ Новомъ-Садѣ и написалъ много романовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ сербской публикѣ, напр. „Усамлѣни юноша“ (Одинокій юноша, 1810, 1852); „Любомиръ въ Элизіумѣ или Светозаръ и Драгиня“ (1814, 1817, 1823, 1857—58, 3 части); „Касія царица“ 1827; „Силоанъ и Милена“ 1829 и др.;—въ стахахъ написалъ онъ: „Исторію о прекрасномъ Іосифѣ“.

„Молодаго Товію“, „Путь въ Іерусалимъ“. Несмотря на то, что въ языкѣ его было еще много славянской примѣси, онъ читался очень жадно и имѣлъ большое вліяніе въ своей литературѣ: онъ создалъ сербскую читающую публику, и у послѣдующихъ писателей замѣчаютъ слѣды его манеры. Онъ написалъ также сербскую „Исторію“: это — пересказъ Раича, не имѣющій научнаго значенія [1]).

Во второмъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка явился въ сербской литературѣ дѣятель первостепеннаго достоинства. Это былъ знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787—1764), одна изъ тѣхъ оригинальныхъ личностей, какія у разныхъ славянскихъ племенъ любопытнымъ образомъ отмѣтили эпоху національнаго возрожденія: выходя изъ самой подлинной народной среды, безъ предвзятой идеи, эти люди становились по какому-то благородному инстинкту выразителями національно-образовательныхъ стремленій и оказывали великія услуги народу и литературѣ. Вукъ родился въ селѣ Тершичѣ, на升دринѣ, въ турецкой еще Сербіи, и происходилъ изъ герцеговинскаго рода. Еще ребенкомъ выучился онъ читать и писать, но дальнѣйшее ученье ему не удавалось; кругомъ не было порядочной школы, въ Срѣмъ отецъ его не пускалъ. Между тѣмъ началось возстаніе Георгія Черкаго. Вукъ былъ уже извѣстенъ какъ грамотный и смышленый человѣкъ, и его сдѣлали писаремъ. Между тѣмъ Турки разграбили и выжгли родное село Вука; отецъ больше не удерживалъ его. Вукъ отправился въ Карловцы, поступилъ въ училище, но дальше въ гимназію его уже не приняли какъ взрослаго. Онъ вернулся въ 1807 въ Сербію, сдѣлался опять писаремъ въ совѣтѣ. Около этого времени онъ долго болѣлъ, и вслѣдствіе болѣзни охромѣлъ, что вмѣстѣ съ другими обстоятельствами привязало его къ спокойной жизни и къ книгѣ. Въ Бѣлградѣ онъ былъ сдѣланъ учителемъ въ школѣ, и считался уже знатокомъ сербскаго языка. Въ 1813 онъ былъ назначенъ судьей въ Борзой-Паланкѣ; но въ томъ же году ему пришлось оставить павшую Сербію и онъ пріѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь случай свелъ его съ извѣстнымъ Копитаромъ, которому Вукъ считалъ себя чрезвычайно много обязаннымъ въ своей дѣятельности, и дѣйствительно былъ ему много обязанъ. Копитаръ былъ тогда цензоромъ славянскихъ книгъ; его цензурѣ подлежали „Сербске Новине“, въ этомъ году основанныя Фрушичемъ и Дим. Давидовичемъ. Вукъ написалъ статью о паденіи Сербіи, въ видѣ письма къ Георгію Черному. Статья пришла къ Копитару и заинтересовала его складомъ языка; она была написана на народномъ языкѣ, который показался Копитару страннымъ послѣ обыкновенно употреблявшагося тогда „славяно-сербскаго“. Копитаръ,

[1]) Отрывокъ его автобіографіи въ «Гласникѣ», 1871, XXX, 92—129.

уже въ то время считавшійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Славянства, возъимѣлъ большое вліяніе на труды Вука и убѣдилъ его заняться собираніемъ пѣсенъ, и работать для сербскаго языка. У Вука не было ученой подготовки, но за то были другія качества, которыя дали его трудамъ значеніе открытія. Человѣкъ большого природнаго ума, Вукъ владѣлъ обширнымъ знаніемъ народнаго характера, языка, быта, преданій, народной поэзіи, и это знаніе доставило великолѣпные результаты въ многочисленныхъ сборникахъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и проч., дѣйствіе которыхъ перешло за предѣлы сербской литературы. Въ 1814—1815 Вукъ издалъ свое первое собраніе народныхъ пѣсенъ (двѣ части), размноженное впослѣдствіи до шести томовъ [1]). Появившіяся въ болѣе обширномъ изданіи въ двадцатыхъ годахъ, пѣсни Вука уже обратили на себя европейское вниманіе. Въ то время, когда европейскія литературы доискивались въ романтизмѣ непосредственности и народности, когда съ любовью раскапывались преданья средневѣковой поэзіи, пѣсни Сербовъ представили невиданный образчикъ народнаго эпоса, живого и самобытнаго, какъ гомеровская поэзія. Въ томъ же году Вукъ издалъ свою грамматику [2]), и этимъ начался рядъ трудовъ, посвященныхъ изученію языка и народной поэзіи и составившихъ эпоху въ славянской литературѣ. Чтобы вѣрнѣе изучить свой матеріалъ, Вукъ много путешествовалъ по Сербіи, Срѣму, Славоніи, Кроаціи, Далмаціи и Черной Горѣ. Въ 1818 онъ издалъ свой „Српски Рјечник“ съ латинскимъ и нѣмецкимъ переводомъ словъ и этнографическими объясненіями (второе, гораздо болѣе обширное изд. Вѣна, 1852); въ 1823—24 повторилъ изданіе пѣсенъ уже въ трехъ книгахъ,—4-я вышла въ Вѣнѣ 1833; съ 1826 издалъ нѣсколько выпусковъ альманаха „Даница“ (Денница), съ любопытными собственными статьями по сербской исторіи и языку. Всѣ эти изданія были важнымъ пріобрѣтеніемъ для сербской литературы и для славянскаго изученія, которое съ третьяго десятилѣтія нынѣшняго вѣка стало сильнымъ орудіемъ въ нравственной и литературной жизни южнаго западнаго Славянства.

Съ 1816 Вукъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Сербію; онъ думалъ тамъ служить, потомъ устроить училище взаимнаго обученія; но планы его не удавались; наконецъ, въ 1828 онъ получилъ отъ князя Милоша предложеніе заняться составленіемъ законовъ, и 1829—30 провелъ за этимъ дѣломъ; въ 1831 былъ предсѣдателемъ бѣлградскаго маги-

---

[1]) Первая книжка называлась такъ: «Мала простонародньа Славено-србска песнарица». Вѣна 1814, 8⁰. 120 стр.

[2]) «Писменица србскога іезика, по говору простога народа написана Вуком Стефановићем Сербіанцем». Вѣна, 1814. Вторымъ значительно увеличеннымъ и измѣненнымъ изданіемъ ея можно считать грамматику, помѣщенную Вукомъ при его словарѣ, 1818.

страта. Здѣсь онъ близко узналъ сербское правленіе, людей, дѣйствовавшихъ при освобожденіи Сербіи: онъ уважалъ Милоша, но не могъ смотрѣть равнодушно на его турецкій деспотизмъ, и удалившись въ 1831 въ Землинъ, написалъ ему письмо, убѣждая его измѣнить свой способъ дѣйствій и предсказывалъ ему его судьбу. Возвратиться въ Сербію ему было уже нельзя, въ Вѣну его едва пустили. Въ слѣдующихъ годахъ, въ 1834 онъ въ первый разъ ѣздилъ въ Далмацію, Дубровникъ, жилъ въ Черногоріи; въ 1837 и 1838, путешествовалъ по Венгріи, Славоніи и Кроаціи; въ 1839, опять въ Сербіи, откуда Милошъ уже былъ изгнанъ; въ 1841, опять странствовалъ по сербскимъ землямъ съ Княжевичемъ и Надеждинымъ. Эти постоянныя путешествія развили его давнее непосредственное знакомство съ народнымъ бытомъ до обширнаго и многосторонняго знанія своего народа, какимъ не могъ похвалиться никто другой, ни тогда, ни теперь. Множество этнографическихъ свѣдѣній уже было помѣщено имъ въ „Словарѣ"; эти свѣдѣнія умножались и послужили для послѣдующихъ работъ.

Въ 1836, въ Цетиньѣ, Вукъ издалъ „Српске народне пословице" (2-е изд. Вѣна 1849); въ 1837 вышло по-нѣмецки описаніе Черногоріи: „Montenegro und die Montenegriner", безъ его имени. Въ 1828 съ Вукомъ познакомился знаменитый впослѣдствіи нѣмецкій истоикъ Ранке, и плодомъ разсказовъ Вука о сербскихъ событіяхъ явилась книга Ранке о сербскомъ возстаніи [1]). Свѣдѣніями Вука пользовался и извѣстный географъ Турціи, Ами-Буэ. Въ сороковыхъ годахъ Вукъ предпринялъ новое изданіе пѣсенъ, размноженныхъ теперь въ огромное собраніе: „Српске народне пjесме", томы которыхъ выходили въ 1841, 1845, 1846, 1863 (по смерти Вука вышли еще томы въ 1865, 1866 по его рукописямъ).

Въ 1847 Вукъ издалъ переводъ на народный языкъ „Новаго Завѣта". Въ первый разъ онъ предпринялъ этотъ трудъ около 1819, послѣ поѣздки въ Петербургъ, по предложенію русскаго Библейскаго Общества; онъ скоро кончилъ переводъ, но Библ. Общество передало его на разборъ и поправку упомянутому Стойковичу, профессору Харьковскаго университета и писателю „славено-сербской" школы. Стойковичъ, во вкусѣ этой школы, не могъ вынести народнаго языка, и переводъ былъ имъ совершенно передѣланъ, и въ этомъ видѣ изданъ съ его именемъ [2]). Подлинный переводъ Вука затерялся въ рукахъ Стойковича; но каковъ онъ былъ, можно видѣть по небольшому образчику, изданному Вукомъ въ Лейпцигѣ 1824: „Огледи светога писма

---

[1]) Die serbische Revolution. Aus serbischen Papieren und Mittheilungen von L. Ranke. Hamb. 1829.

[2]) Первое изданіе сдѣлано было въ Петербургѣ, 1824; 3-е изданіе вышло въ Лейпцигѣ 1834.

на српском језику“. Впослѣдствіи Вукъ исполнилъ переводъ вновь. Появленіе книги вызвало противъ него цѣлую бурю. Надо сказать, что Вукъ издавна не былъ „пророкомъ въ своемъ отечествѣ“. Дѣятельность его, въ области повидимому индифферентной филологіи и никому не вредившей этнографіи, съ самаго начала вызвала противъ него упорную и непримиримую вражду, дошедшую до оффиціальнаго запрещенія всѣхъ его изданій въ княжествѣ Сербіи.

Первымъ поводомъ къ этому было новое, введенное Вукомъ, сербское правописаніе. Подъ вліяніемъ ученаго Копитара, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, Вукъ изобрѣлъ новое сербское правописаніе, которое разошлось съ тѣмъ славяно-русскимъ преданіемъ (т.-е. условнымъ языкомъ и правописаніемъ), которое еще удерживалось въ „славено-сербской“ школѣ, несмотря на обращеніе къ народному языку со временъ Обрадовича. Вукъ утверждалъ, что „писать надо, какъ говорятъ“, требовалъ, чтобы въ литературѣ господствовалъ чисто-народный языкъ, и изгналъ изъ своего языка и правописанія все, что было заимствованіемъ изъ славяно-русскаго. Вукъ съ самаго начала имѣлъ много сторонниковъ, хотя и люди, ему сочувствовавшіе, думали иногда, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ народности языка (Subbotić. Grundz., 29), — но противники Вука изъ „славено-сербской“ школы (главнымъ образомъ въ княжествѣ) сдѣлали Вуку настоящее преступленіе изъ его реформы. Въ нарушеніи господствовавшей орѳографіи они видѣли нарушеніе славянскаго православнаго преданія; одно введеніе јота казалось приближеніемъ къ латинской азбукѣ, съ которой нераздѣльно понималось католичество.

Противники Вука были такъ сильны своимъ консерватизмомъ, что письмо Вука и его книги долго считались вредной ересью; книги, печатавшіяся въ Австріи для православныхъ Сербовъ, до очень недавняго времени сохраняли старую орѳографію. Главными изъ его противниковъ были извѣстные въ свое время писатели, Давидовичъ и Хаджичъ. Давидовичъ, въ тридцатыхъ годахъ секретарь князя Милоша, побудилъ Милоша запретить въ Сербіи книги Вука; запрещеніе было повторено по выходѣ „Новаго Завѣта“. Хаджичъ, считавшійся въ княжествѣ ученымъ авторитетомъ, началъ противъ Вука полемику, тянувшуюся съ 1838 и завершенную въ 1847 книжкой Даничича, впослѣдствіи знаменитаго сербскаго филолога [1]). Изданіемъ перевода „Новаго Завѣта“ Вукъ особенно усилилъ старую вражду. Ввозъ книги въ Сербію былъ запрещенъ; бѣлградское „Дружество Сербской Словесности“ напрасно дѣлало въ 1848—49 представленія правительству въ защиту

[1]) «Рат за српски језик и правопис». Пестъ 1847. Наиболѣе полный доселѣ обзоръ дѣятельности Вука относительно языка сдѣланъ Ягичемъ въ «Книжевникѣ» I, кн. 4, 457—485 (отдѣльно, Загребъ 1865).

Вука; напрасно онъ самъ защищался литературно, вступалъ въ переговоры съ властными лицами въ Сербіи и въ Вѣнѣ; старыя запрещенія были формально подтверждены въ 1852. Подозрительность отыскивала въ переводѣ признаки наклонности къ латинству, которую видѣли давно и въ самомъ правописаніи; отыскивали ошибочныя истолкованія и между прочимъ одно, гдѣ Петру приписывается высшая власть надъ другими апостолами; утверждали, что изданіе (принятое потомъ Британскимъ Библейскимъ Обществомъ) сдѣлано было на деньги римской пропаганды. И внѣ Сербіи Вукъ пріобрѣлъ жестокихъ враговъ, бросавшихъ тѣнь на его дѣятельность, въ которой видѣли политическую и религіозную (австрійско-католическую) тенденцію.

Между тѣмъ Вукъ продолжалъ свои труды: въ 1849 онъ издалъ „Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба"; въ 1850—„Приповијетке" или разсказы изъ ветхаго и новаго Завѣта; въ 1852 — новое, размноженное (и гораздо лучше напечатанное) изданіе „Рѣчника"; въ 1853—собраніе сказокъ, „Српске народне приповијетке", небольшой сборникъ которыхъ онъ издалъ еще раньше, книжкой 1821 г. и въ „Даницѣ" (новое изданіе сказокъ въ 1870); въ 1857 „Примјери српско-славенског језика". Нѣсколько послѣднихъ трудовъ его издано было по его смерти.

Преслѣдованіе книгъ его кончилось съ новымъ призывомъ въ Сербію князя Милоша: въ январѣ 1860 книги Вука были оффиціально разрѣшены и правописаніе дозволено—кромѣ книгъ, издаваемыхъ для народныхъ училищъ,—и старая вражда противъ него была усмирена временемъ. Вукъ умеръ 26 января 1864. Только въ мартѣ 1868, его языку и правописанію дана наконецъ полная свобода [1]).

Заслуги Вука сербской литературѣ представляются особенно замѣчательными, когда принять въ соображеніе средства его дѣятельности. „Какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ дѣятелей своего времени въ Западномъ Славянствѣ,—говоритъ Срезневскій,—едва-ли не успѣшнѣе всѣхъ ихъ выполнилъ Вукъ свои задачи, и едва-ли не основалъ себѣ въ памяти народной и въ общей признательности воспоминанія, сравнительно съ другими дѣятелями самаго почетнаго и прочнаго — до-

---

[1]) О біографіи Вука, Срезневскій, въ сборникѣ «Братская Помочь», Спб. 1876, 337—365 (ранѣе, первая половина этой біографіи была въ «Моск. Сборникѣ», 1847; по-сербски въ «Даницѣ» 1865 и «Годишњак» 1871); замѣтка Іов. Гавриловича въ Гласникѣ XXXIII, 1872. Часть переписки Вука напечатана въ «Србадија» 1875, 1—4. Самый желчный отзывъ о Вукѣ, и его учителѣ Копитарѣ, сдѣланъ былъ въ анонимной книжкѣ (Гильфердинга): Les Slaves Occidentaux, Paris 1858, повторенной послѣ по-русски и вошедшей въ Собр. Сочин. Гильфердинга, Спб. 1868, т. II (о Вукѣ, стр. 79 — 81). Здѣсь рѣзко высказано обвиненіе Вука въ политической и религіозной тенденціозности подъ вліяніемъ Копитара (ср. Ягича, Knjiž. 462). Срезневскій говоритъ о политическомъ, литературномъ и религіозномъ характерѣ трудовъ Вука въ панегирическомъ смыслѣ, но ни словомъ не отвѣчаетъ прямо на приговоры Гильфердинга. Ср. особенно стр. 348, 360.

стойная отплата за дѣятельную любовь къ своему народу“. Заслуга его двоякая: реформа литературнаго языка и раскрытіе богатства народной поэзіи; обѣ стороны этой дѣятельности впрочемъ тѣсно связаны и дополняются другими его трудами, въ которыхъ собрано множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній по сербской исторіи, этнографіи и описанію сербскихъ земель. Законность реформы литературной не подлежитъ сомнѣнію. „Преданіе“, которое защищали его противники (и Гильфердингъ) имѣетъ свою важность, но имѣетъ и свой предѣлъ; Вукъ полагалъ этотъ предѣлъ, и его защита правъ народнаго языка въ книгѣ въ сущности тожественна съ тѣмъ, къ чему въ русской литературѣ стремились Карамзинъ, Пушкинъ, Гоголь. Заслуга его въ собираніи пѣсенъ не менѣе высока: онѣ были настоящимъ открытіемъ, которое имѣло отголосокъ и вліяніе не только въ средѣ сербской національности, но и въ средѣ всеславянской, и даже обще-европейской. Сербскій эпосъ, открытый Вукомъ, придалъ интересъ народу, вновь выступавшему на историческое поприще. Онъ давалъ драгоцѣнныя указанія о народной древности, и вообще о природѣ живого народнаго эпоса. Для славянскаго возрожденія это было новое „историческое право“. Способъ собиранія, чрезвычайно осторожный, доставлявшій не только подлинные народные тексты, которые не могли возбуждать сомнѣнія, но тексты лучшіе, выбранные послѣ внимательныхъ сличеній, не испорченные случайностями,—этотъ способъ сталъ образцомъ и мѣркой для другихъ собраній.

Мы сказали о полной законности Вуковой реформы языка; осужденіямъ его правописанія, со стороны его сербскихъ и не-сербскихъ противниковъ, можно было бы противопоставить отзывъ судьи компетентнаго (Срезневскаго), который находилъ его правописаніе „образцовымъ въ литературѣ славянской“. Споръ однако былъ возможенъ. Увлекаясь вновь поставленнымъ принципомъ сдѣлать письмо точнѣйшимъ отраженіемъ говора, Вукъ едва ли иногда не преувеличивалъ. Вопросъ правописанія не рѣшается однимъ этимъ условіемъ — тамъ, гдѣ литература имѣетъ прошедшее и родственную связь съ другими литературами. Филологъ, желающій въ точности знать характеръ и переходы звуковъ современнаго языка, можетъ удовлетвориться системой Вука (хотя, строго говоря, все-таки не вполнѣ); но иначе вопросъ ставится съ литературной точки зрѣнія: здѣсь получаетъ свою цѣну историческое правописаніе, и дать ему извѣстную долю въ новой системѣ, быть можетъ, не было бы большой бѣдой. Эта историческая доля не дѣлила бы такъ рѣзко новой книги отъ старой и отъ книги церковной; она меньше бы дѣлила и сербскую книгу отъ русской. Смыслъ всего дѣла Вукова, которое стало теперь фактомъ сербской литературы, заключается въ одномъ общемъ историческомъ стремленіи,

отличающемъ новѣйшее славянское движеніе: стремленіи къ обособленію, къ рѣзкому заявленію своей индивидуальности; у Сербовъ оно выразилось исключительностью Вуковой системы. Это явленіе всеобщее; и какъ бы ни судили о немъ съ другой точки зрѣнія, это—путь, черезъ который необходимо было пройти прежде, чѣмъ могло начаться дѣйствительное, сознательное сближеніе родственныхъ литературъ.

Въ одно время съ Вукомъ началась дѣятельность Димитрія Давидовича (род. 1789 въ Землинѣ, съ 1821 секретарь князя Милоша, ум. 1838). Онъ сталъ дѣйствовать на развитіе литературы посредствомъ газеты, которую онъ издавалъ съ 1814 до 1821; вмѣстѣ съ газетой онъ издавалъ и альманахъ,—въ этихъ изданіяхъ сосредоточилась вся литературная жизнь того времени: здѣсь печатались стихотворенія, статьи историческія, критическія и полемическія. Около Давидовича собрался кружокъ, въ которомъ соединялись главные представители литературной дѣятельности, составившіе себѣ большую славу у сербскихъ читателей. Въ этомъ кругѣ были извѣстнѣйшіе писатели того времени: Мушицкій и І. Хаджичъ. Лукіанъ Мушицкій (1777—1837) учился въ пештскомъ университетѣ, съ 1802 сталъ монахомъ, потомъ шишатовецкимъ архимандритомъ, наконецъ епископомъ въ Карловцѣ. При жизни онъ издалъ только немногія изъ своихъ стихотвореній, но и они уже доставили ему великую славу у соотечественниковъ; онъ имѣлъ также значительное вліяніе на развитіе литературной предпріимчивости. Въ 1819 онъ издалъ „Гласъ шишатовацкой арфы", въ 1821 „Гласъ народолюбца": его стихотворенія (оды) были собраны уже по его смерти въ Новомъ-Садѣ 1838—48, въ 4 книгахъ. Мушицкій произвелъ сильное впечатлѣніе и имѣлъ много, впрочемъ неудачныхъ, подражателей: въ его талантѣ впервые видѣли истинно поэтическую силу, направленную на національные интересы. Мушицкій создалъ въ сербской литературѣ національную оду, прославлявшую языкъ, вѣру и героевъ Сербіи. Въ языкѣ его одъ сначала было сильное вліяніе славянской манеры, но потомъ онъ стремился дать ему болѣе народный складъ. Но вліяніе Мушицкаго совершалось въ ограниченныхъ предѣлахъ: съ одной стороны его поэзія слишкомъ была привязана къ случайнымъ обстоятельствамъ дня, съ другой облекалась въ книжныя псевдо-классическія формы. Нѣсколько позднѣе его выступилъ на литературное поприще Іованъ Хаджичъ (1799—1870), извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Милоша Светича: въ 1821 онъ издалъ свое первое поэтическое произведеніе „Отзывъ молодого Серба на Голосъ шишатовацкой арфы", въ 1827—переводъ Горація De arte poëtica и другія стихотворенія, издавалъ одно время „Сербскій Летописъ", потомъ „Голубицу", писалъ по исторіи и филологіи, въ послѣдней полемизируя съ Вукомъ. Его „Дѣла" изданы въ Карловцѣ 1858. Въ 1864,

онъ издавалъ „Огледало србско“ и пр. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Хаджичъ былъ значительнымъ авторитетомъ въ сербской литературѣ; новѣйшіе современники относятся къ нему очень скептически [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сербская литература пріобрѣтала больше сознательности, она стала больше заботиться и о потребностяхъ школы и народнаго образованія: она получаетъ характеръ педагогическій, наполняется руководствами и популярными книгами. Во второмъ и третьемъ десятилѣтіи число этихъ книгъ, сравнительно съ прежнимъ, очень возрастаетъ. Вуичъ переводитъ „Естествословіе“ (ест. исторію) и „Робинзона“ Кампе; Ст. Живковичъ переводитъ приключенія Телемака; Боичъ пишетъ „Памятникъ“ славныхъ сербскихъ людей; П. Атанацковичъ переводитъ „Тысячу и одну ночь“, Юрій Магарашевичъ пишетъ новую европейскую исторію и переводитъ „Жизнь Наполеона“; издаются руководства географіи, физики, всеобщей исторіи, рекомендутся „Новооткрытая школа добродѣтели“ и т. п.

Матеріальныя средства начинавшейся литературы были крайне незначительны, читающій кружокъ не великъ и не богатъ, — такъ что успѣхъ дѣла существенно зависѣлъ отъ облегченія изданія книгъ и распространенія ихъ въ публикѣ: нужно было наконецъ и обезпеченіе литературнаго труда. Всѣмъ этимъ потребностямъ стремилось удовлетворить учрежденіе, основанное въ 1827 г. въ Пештѣ подъ названіемъ *Сербской Матицы* и представлявшее родъ литературной компаніи на акціяхъ, дивидендомъ которыхъ служатъ книги. Матица основана была упомянутымъ І. Хаджичемъ, вмѣстѣ съ Мушицкимъ, Магарашевичемъ и П. І. Шафарикомъ, въ Пестѣ. Въ первое время Матица имѣла немного средствъ, но успѣла поддержать *Сербскую Лѣтопись* (съ 1825), журналъ Юрія Магарашевича (1791 — 1830, профессора въ Новомъ-Садѣ), посвященный изученію сербской исторіи и народности. По смерти Магарашевича изданіе „Лѣтописи“ продолжалось подъ редакціей Хаджича, потомъ (съ перерывомъ въ 1835—36) Тодора Павловича, съ 1850 подъ редакціей І. Субботича, одного изъ извѣстныхъ новыхъ писателей. Успѣхъ Матицы былъ весьма значителенъ: въ послѣднее время она была самымъ богатымъ изъ славянскихъ литературныхъ обществъ въ Австріи. Въ тридцатыхъ годахъ дѣятельность ея не совсѣмъ отвѣчала потребностямъ литературы: она присвоила себѣ характеръ ученаго общества и въ этой роли возставала противъ литературной дѣятельности Вука Караджича. Однимъ изъ главныхъ пособниковъ Матицы былъ извѣстный сербскій патріотъ

---

[1]) Ср. Ягича, Knjiž. 1864, въ статьѣ о Вукѣ; Даничича, «О Светиħеву Огледалу» (изъ Видова-Дана), Бѣлгр. 1865. и его же «Милош Светић поета», ib. 1865; Новаковичъ, Ист. књиж. 231—234. Ср. Гильфердинга, Собр. Соч. II, 225—233.

Сава Текелія, пожертвовавшій для нея значительныя денежныя средства. Онъ же былъ одно время и ея предсѣдателемъ, и вмѣшивался въ споръ противъ Вука, хотя не имѣлъ для этого должной компетентности. Но вообще вліяніе Матицы было очень полезно, потому что она въ первый разъ установила матеріальныя отношенія литературы. Другимъ вліяніемъ Матицы было распространеніе повременныхъ изданій. Сербская Матица послужила образцомъ и для другихъ славянскихъ племенъ, у которыхъ возникавшая литература нуждалась въ такой же опорѣ. Вслѣдъ за сербской основались: Матица „иллирская" въ Загребѣ, далматинская въ Задрѣ, словинская (хорутанская) въ Люблянѣ, словацкая въ Турчанскомъ Сен-Мартинѣ, галицко-русинская во Львовѣ, двѣ чешскія въ Прагѣ. Въ 1864 сербская Матица перенесена была изъ Песта въ Новый-Садъ.

Началомъ сербскихъ періодическихъ изданій были „Сербскія Новины", 1791—92 г., печатавшіяся въ Вѣнѣ церковнымъ шрифтомъ; въ 1793—94, ихъ названіе перемѣнилось въ „Славено-сербскія Вѣдомости", и онѣ печатались уже гражданскими буквами. Затѣмъ только въ 1813 г. (до 1822) появились упомянутыя „Новине сербске изъ царствующега града Віенне" Давидовича и Фрушича. Въ 1825 начинается журналъ „Србскій Летописъ", продолжающійся и донынѣ.

Въ 1835, адвокатъ Тодоръ Павловичъ началъ издавать еженедѣльный „Сербскій народный листъ", а въ 1837 принялъ редакцію и возстановленной „Лѣтописи" [1]). Въ 1838 году появилась политическая газета „Сербскія Народныя Новины," при которыхъ продолжался и „Народный Листъ": Тодоръ Павловичъ велъ ихъ до венгерскаго возстанія 1848. Дим. Іовановичъ въ 1842 началъ еще газету въ Пестѣ. Въ княжествѣ, Давидовичъ основалъ въ 1834 „Србске Новине" въ Крагуевцѣ, перенесенныя потомъ въ Бѣлградъ, гдѣ онѣ остаются до сихъ поръ оффиціальной газетой; послѣ Давидовича и др., редакторомъ этихъ Новинъ долго былъ Милошъ Поповичъ, основавшій и первую литературную газету въ Сербіи „Подунавка".

Къ этимъ періодическимъ изданіямъ присоединились еще альманахи. Первый примѣръ далъ тотъ же Давидовичъ, издававшій съ 1815 г. до 1836 свой „Забавник", продолженный Тиролемъ въ 1837—38 подъ именемъ „Ураніи". Это, большей частью легкое беллетристическое чтеніе полезно было тѣмъ, что пріучало къ книгѣ все еще немногочисленныхъ читателей. Вукъ Караджичъ издавалъ свой альманахъ „Даницу" (1826—1829, 1834), гдѣ помѣщено немало его важныхъ статей по сербской исторіи и этнографіи. Далѣе издавали альманахи Дим. Тиролъ, А. Николичъ, Павелъ Стаматовичъ, І. Хад-

---

[1]) О Павловичѣ ст. Субботича, въ Летоп. Мат. Срп. 1872, 114, 203—214.

жичъ („Голубица", 1839—44); въ Далмаціи д-ръ Тодоръ, или Божидаръ Петрановичъ началъ издавать съ 1836 въ Задрѣ „Сербско-Далматинскій Магазинъ", выходившій послѣ подъ редакціей свящ. Ю. Николаевича и Гер. Петрановича. Онъ продолжался до послѣдняго времени и служилъ историческимъ, этнографическимъ и церковнымъ органомъ православныхъ Сербовъ въ Далмаціи; и проч.

Въ этихъ журналахъ, газетахъ, „забавникахъ", заключалась почти вся литературная производительность за это время. Здѣсь являлись непремѣнно стихи, историческія статьи о Сербіи, разсужденія нравственнаго и поучительнаго содержанія. Ни издатели, ни читатели не были особенно требовательны; здѣсь охотно принимались первые опыты и совсѣмъ незрѣлыя вещи, недостатки которыхъ покрывались патріотической снисходительностью. Но дѣло все-таки двигалось, образовывался языкъ, чтеніе выростало въ потребность, развивалось историческое знаніе, появлялись и значительныя поэтическія произведенія.

До тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ литературная дѣятельность шла, главнымъ образомъ, почти исключительно въ австрійской Сербіи,—и это было естественно: для Сербовъ въ Австріи представлялось больше возможности приготовиться къ писательскому поприщу; здѣсь были ближе правильная школа и университетъ. Въ тридцатыхъ годахъ литературное движеніе переходитъ и въ княжество Сербію. Чтобы поднять нравственный уровень и образованіе народа, сербское правительство вызвало изъ Австріи замѣчательнѣйшихъ представителей литературы въ княжество, гдѣ теперь и основалось для нея новое поприще. Такъ были призваны Давидовичъ, Хаджичъ, Симеонъ Милутиновичъ, Іованъ Ст. Поповичъ. О двухъ первыхъ было уже говорено.

Симеонъ, или Сима Милутиновичъ,—Сарайлія, какъ онъ называлъ себя, потому что былъ родомъ изъ Сараева, въ Боснѣ, — есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сербскихъ писателей.

Его тревожная, оригинальная біографія тѣсно связана съ политической и литературной исторіей новой Сербіи, и даетъ любопытный образчикъ того, въ какихъ условіяхъ должно было пробивать себѣ путь сербское образованіе въ первую эпоху борьбы и независимости.

Милутиновичъ родился въ Сараевѣ, 3 окт. 1791. Отецъ его Милутинъ былъ родомъ изъ ужицкаго округа въ нынѣшнемъ княжествѣ и поселился въ Сараевѣ, гдѣ женился на герцеговинкѣ. Сима былъ ихъ единственнымъ сыномъ. Моровая язва выгнала ихъ изъ Сараева; ребенкомъ Сима испыталъ разбойничье нападеніе Турокъ; другая моровая язва прогнала ихъ совсѣмъ изъ Босны, и съ великими опасностями семья перебралась въ Бѣлградъ. Здѣсь десятилѣтній Сима отданъ былъ въ школу, но въ первый же день ему пришлось испытать тогдашнюю сербскую педагогію, состоявшую въ употребленіи страшнаго количества розогъ, и онъ рѣшительно отказался идти въ другой разъ въ эту школу. Потомъ ему пришлось быть въ школѣ въ Сегединѣ, гдѣ мальчикъ, отличавшійся

живымъ характеромъ, въ теченіи двухъ лѣтъ все-таки испыталъ эту педагогію; учитель такъ тиранилъ мальчика, что на всю жизнь повредилъ его здоровью. Еще пять лѣтъ пробылъ онъ въ «латинской школѣ» и въ гимназіи въ Карловцѣ; но здѣсь, еще не кончивъ курса, за одну не особенно большую шалость, профессора такъ нажаловались на него архіепископу, что Сима и еще нѣсколько другихъ учениковъ, въ томъ числѣ Давидовичъ, были изгнаны не только изъ гимназіи, но изъ самаго города. Наконецъ онъ нашелъ разумнаго руководителя въ учителѣ, у котораго сталъ въ Землинѣ учиться новогреческому языку для торговыхъ занятій.

Но торговая карьера его не привлекала, и въ 1806, послѣ взятія Бѣлграда Сербами, Симѣ удалось получить мѣсто писаря въ канцеляріи сената. Послѣ паденія Сербіи въ 1813, ему пришлось бѣжать въ Австрію, откуда онъ пробрался въ Босну къ одному родственнику. Между тѣмъ готовилось новое возстаніе, и Сима опять является въ Бѣлградъ, гдѣ поступилъ писаремъ къ сербскому епископу. Осенью 1814 онъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ Турокъ, но вскорѣ вынужденъ былъ поступить писаремъ къ другому «владыкѣ». Этотъ «епископъ», Даніилъ, называвшійся у Турокъ презрительно Дели-Папазъ, былъ однимъ изъ отвратительныхъ образчиковъ фанаріотской іерархіи. Онъ былъ сначала разбойникомъ, потомъ пандуромъ и булю-башой противъ Сербовъ и Русскихъ, потомъ навязался въ «протосинкеллы» къ бѣлградскому епископу потомъ ушелъ въ Константинополь и тамъ добылъ фирманъ на епископство въ Шабцѣ или Ужицѣ. Это былъ циникъ въ гнусномъ азіатскомъ вкусѣ, «турецкій дервишъ и Іуда Искаріотъ въ одномъ лицѣ». Даніилъ съумѣлъ вывѣдать отъ Милутиновича его патріотическія мнѣнія, и когда возстаніе вспыхнуло, перешелъ на сторону Турокъ и захватилъ съ собой въ ихъ лагерь и Симу [1]). Когда Турки перешли въ Босну, Сима успѣлъ бѣжать и жилъ до конца войны въ гайдуцкой дружинѣ; потомъ снова занялъ свое мѣсто писаря въ Бѣлградѣ. Вскорѣ однако онъ отправился разыскивать своего отца въ Валахію, потомъ въ Виддинъ, но не нашелъ его, и впавши въ нужду поступилъ помощникомъ къ садовнику Пазванаоглу, а затѣмъ сталъ и самъ садовникомъ (бостанджи); христіанскіе жители Виддина, узнавши о немъ, сдѣлали его учителемъ въ школѣ. Такъ прошла зима 1816. Весной 1817 явились къ Милутиновичу два эмиссара изъ Валахіи, зазывая его въ заговоръ, но онъ догадался, что здѣсь былъ планъ «разбить стѣну чужимъ лбомъ, и не самому броситься, а пріятеля бросить въ пасть крокодила». Греки, задумывая свое возстаніе, думали затянуть въ него сначала Сербовъ, и сѣсть потомъ за готовый столъ,— между тѣмъ какъ въ 1804—13, во время возстанія Карагеоргія, они остались спокойными зрителями (очень похожи на это и событія 1876—78 г.). Сима не только отказался, но извѣстилъ Милоша, который благодарилъ его. Между тѣмъ эмиссары были схвачены въ Валахіи; Сима также былъ схваченъ, брошенъ въ ужасную тюрьму, подвергнутъ пыткѣ,—но Турки сами убѣдились, что онъ не участвовалъ въ заговорѣ и говорилъ правду.

---

[1]) Милутиновичъ разсказываетъ объ этомъ Даніилѣ въ своей «Исторіи» (стр. 201); о немъ же Караджичъ въ «Даницѣ», 1827, стр. 115—116. Шафарикъ (Gesch. der südsl. Lit.), называя этого «Делипапу» Дьяволопапой, совѣтовалъ его преосвященству (онъ былъ еще тогда живъ) прилежно прочитывать слѣдующія мѣста изъ Византійцевъ: Theophanes ed. Ven. 120, Cedrenus ed. Ven. 291, Joan. Malalas ed. Ven. II, 58.

Виддинскій визирь очень полюбилъ его, сдѣлалъ ему подарки, хотѣлъ оставить при себѣ, но былъ переведенъ въ Азію, а Сима въ 1818 воротился въ Бѣлградъ, гдѣ опредѣленъ былъ къ брату Милоша, Ефрему. Въ слѣдующемъ году онъ отправился, на собственной лодкѣ, по Дунаю въ Бессарабію, нашелъ тамъ своихъ родителей, которые считали его погибшимъ въ Виддинѣ; безпокойства въ Валахіи помѣшали его возвращенію въ Сербію, и онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Бессарабіи, пользуясь пособіемъ отъ русскаго правительства, написалъ здѣсь свою знаменитую «Сербянку» и другія стихотворенія и отправился въ Лейпцигъ, чтобы тамъ—по цензурнымъ соображеніямъ—сдѣлать ея изданіе. Милошъ выслалъ ему на это 250 талеровъ. Въ Лейпцигѣ Милутиновичъ напечаталъ «Сербянку» и книжку стихотвореній[1]), два года слушалъ лекціи въ университетѣ, особенно философскія лекціи извѣстнаго въ то время Круга; онъ познакомился здѣсь съ г-жей Тальви, которая пріобрѣла потомъ большую извѣстность своими книгами о Славянствѣ, и въ частности о сербской народной поэзіи, и помогалъ Вильг. Гергарду въ его переводѣ сербскихъ пѣсенъ. Г-жѣ Тальви Милутиновичъ посвятилъ «Зорицу», другое собраніе своихъ стихотвореній, изданное въ Пештѣ, 1827. Весной этого года Милутиновичъ отправился на «скалу свободы», въ Черногорію, гдѣ думалъ найдти себѣ дѣло по поводу предстоявшей русско-турецкой войны; этого дѣла не оказалось; но черногорскій владыка, Петръ I, встрѣтилъ его гостепріимно, и Сима сталъ его секретаремъ, а послѣ и воспитателемъ его племянника и вскорѣ преемника, знаменитаго владыки и сербскаго поэта Петра II Петровича Нѣгоша[2]). Здѣсь Милутиновичъ написалъ исторію Черногоріи: «Исторія Црне-Горе одъ искона до новіега времена», изданную потомъ въ Бѣлградѣ, 1835; сдѣлалъ значительное собраніе народныхъ черногорскихъ пѣсенъ, изданное потомъ (въ 1833, 1837) подъ псевдонимомъ Чубра Чойковича, и написалъ драму «Дійка црногорска», напечатанную въ Цетиньѣ, 1835. Здѣсь онъ пробылъ кажется лѣтъ пять; затѣмъ, мы снова видимъ его въ Бѣлградѣ, гдѣ онъ получилъ сначала мѣсто въ сербской полиціи, потомъ получилъ въ команду 2000 человѣкъ для охраненія восточной границы, наконецъ Милошъ поручилъ ему написать исторію второго сербскаго возстанія. Милутиновичъ употребилъ на это три года и въ концѣ 1836 отправился для изданія въ Лейпцигъ: «Исторія Сербіе одъ почетка 1813 до конца 1815 год.» вышла въ Лейпцигѣ, 1837. Такъ какъ въ своей книгѣ онъ не скрывалъ истины, она не понравилась въ Бѣлградѣ, и Милутиновичъ воротился туда только въ 1839. Въ смутахъ 1840 г. онъ едва спасъ свою жизнь, былъ приговоренъ къ смерти in contumaciam и долженъ былъ отправиться въ изгнаніе; въ 1841 онъ воротился въ Бѣлградъ. Послѣ удаленія Михаила III, въ 1842, Милутиновичъ сталъ секретаремъ въ министерствѣ просвѣщенія; послѣднимъ трудомъ его была трагедія «Карагеоргій» (неизданная), которая надѣлала ему новыхъ враговъ. Онъ умеръ 30 дек. 1847, въ бѣдности.

---

[1]) «Сербианка», Лейпц. 1826, 4 части; «Неколике піеснице старе, нове, преведене и сочиніене», Лейпц. 1826.

[2]) Владыка Петръ II посвятилъ Милутиновичу свою поэму «Луча Микрокозма», и въ стихотвореніи на его смерть говорилъ:

Ја сам теби много дужан, дужности су ове свете,
Ка олтару признаности нека вјечно оне лете!
Ти м'уведе поглед први у зрачнијем просторима.

Главную литературную славу Милутиновича составляетъ его „Сербянка"; въ этомъ циклѣ эпико-лирическихъ пѣсенъ онъ прославляетъ освобожденіе Сербіи 1804—1815, при Георгіи Черномъ и Милошѣ. Поэма произвела сильное впечатлѣніе; въ ней было дѣйствительное поэтическое одушевленіе, но ея внѣшняя обработка слишкомъ искусственна и тяжела, такъ что простому читателю поэма была недоступна: нѣмецкая философія и поэзія, именно Виландъ и Рамлеръ, оставили свой слѣдъ на „Сербянкѣ" и другихъ сочиненіяхъ Милутиновича изобиліемъ аллегоріи, отвлеченности и классической миѳологіи; въ тогдашнемъ языкѣ ему иногда недоставало выраженій, и онъ не затруднялся вводить искусственныя слова. Сербскіе критики не сомнѣвались, что „Сербянка" была бы выше, если бы Милутиновичъ успѣлъ вполнѣ остаться самимъ собой и не поддался вліяніямъ чужой школы. Тѣмъ не менѣе „Сербянка" остается замѣчательнымъ, первымъ у православныхъ Сербовъ, поэтическимъ опытомъ въ народномъ духѣ; вліяніе чужой школы было неизбѣжнымъ дѣломъ въ начинающейся литературѣ, и именно нѣмецкая поэзія была всего ближе и отразилась также на другихъ писателяхъ того времени.

Другимъ дѣятельнымъ изъ приглашенныхъ писателей былъ Іованъ Стеричъ-Поповичъ (1806—1856), родомъ изъ Баната. Онъ написалъ множество драмъ, которыя дали матеріалъ для сербской сцены. Въ 1827 дана была его драма „Светиславъ и Милена", потомъ явились трагедіи: „Милошъ Обиличъ", „Походъ Симеонъ или Несчастный бракъ"; комедіи: „Скряга" (Тврдица), „Злая жена", „Женидьба и выдаванье"; драма „Гайдуки" и т. д. („Позориштна дела", Новый-Садъ 1845—50, 4 ч.); наконецъ лирическія стихотворенія („Даворіи", Нов.-Садъ 1854), которыя причисляются къ важнымъ произведеніямъ тогдашней литературы. Драмы Поповича давались въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Шабцѣ, и нравились публикѣ: сюжеты ихъ, почти всегда взятые изъ сербской исторіи и сербской жизни, дѣйствовали на національное чувство и Поповичъ умѣлъ придавать имъ сценическій эффектъ. Его современникомъ былъ Лаз. Лазаревичъ (род. 1805), авторъ одной изъ лучшихъ сербскихъ драмъ „Владиміръ и Косара" (1829). Изъ поэтовъ этого круга можетъ быть названъ Юрій Малетичъ (род. 1816), родомъ изъ Баната, жившій то въ Австріи, то въ Сербіи, и приглашенный потомъ профессоромъ въ бѣлградскую гимназію. Изъ сочиненій его извѣстенъ особенно его „Споменикъ Лукіану Мушицкомъ" (1845), и потомъ „Апотеоза Кара-Георгія" (1847). Милошъ Поповичъ, редакторъ Сербскихъ Новинъ, издалъ въ 1846 свои стихотворенія подъ заглавіемъ: „Мачъ и Перо".

Стараніями Іована Поповича основано было въ 1842 г. въ Бѣлградѣ „Дружество србске словесности" и музей. „Дружество", въ кото-

ромъ соединялись всѣ извѣстные писатели сербскаго княжества, имѣло цѣлью обработку языка и распространеніе наукъ на сербскомъ языкѣ. Вслѣдствіе не спокойнаго положенія дѣлъ въ Сербіи, въ первые годы оно не могло дѣйствовать, и только въ 1847 начало издавать журналъ „Гласникъ", въ которомъ впрочемъ главнымъ образомъ разработывалась сербская исторія и помѣщено немало важныхъ матеріаловъ по исторіи и старой литературѣ; въ 1850 оно раздѣлилось на пять спеціальныхъ отдѣленій, въ 1857 нашло возможнымъ устроить ученую экспедицію, поручивши д-ру Янку Шафарику изученіе венеціанскихъ и миланскихъ архивовъ для собранія матеріаловъ по сербской исторіи. Оно стало наконецъ издавать и книги для народа, между прочимъ небольшую энциклопедію. Въ первое время въ Дружествѣ работали особенно І. Поповичъ, тогда министръ просвѣщенія, Коста Бранковичъ, Стеичъ, Гавріилъ Поповичъ (потомъ епископъ), и друг. Янко Шафарикъ (1814 — 1876), родомъ чехо-словакъ, племянникъ знаменитаго Шафарика, съ 1843 дѣйствовавшій въ Сербіи, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей ученаго общества и музея. Первоначально профессоръ физики въ бѣлградскомъ лицеѣ, онъ работалъ потомъ исключительно по сербской исторіи и литературѣ, изданіемъ матеріаловъ, описаніемъ рукописей, трудами по нумизматикѣ и т. д. Длинный рядъ этихъ работъ помѣщенъ въ „Гласникѣ". Съ 1864 Дружество словесности преобразовано было въ „Сербское Ученое Дружество", и Шафарикъ былъ его предсѣдателемъ съ 1869 года [1]).

Наконецъ, сербское правительство стало заботиться о педагогическихъ потребностяхъ литературы и устроило особую коммиссію для составленія учебныхъ книгъ для сербскихъ школъ: здѣсь, подъ руководствомъ М. Спасича, трудились по разнымъ предметамъ К. Бранковичъ, Исайловичъ, Матичъ, Маринковичъ, и пр. Независимо отъ этого продолжалось то педагогическое направленіе, о которомъ мы упоминали прежде, и въ 40—50-хъ годахъ мы опять видимъ значительное количество книгъ для народа: пишутся и переводятся книги по исторіи всеобщей и сербской, жизнеописанія знаменитыхъ людей, „Искусный земледѣлецъ", „Славянскій Пантеонъ" и т. п. Въ литературѣ преобладающимъ интересомъ является ближайшая практическая польза.

Съ оживленіемъ литературы въ княжествѣ шла рядомъ и болѣе живая дѣятельность австрійскихъ Сербовъ, такъ что въ 40—50-хъ годахъ мы встрѣчаемъ здѣсь рядъ именъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ сербскомъ читающемъ мірѣ. Таковы напр. Петръ Іовановичъ (род. 1801: „Различне песме и бесѣде", альманахъ „Бачка вила" 1841—44),

---

[1]) Некрологъ его и исчисленіе трудовъ въ «Слав. Ежегодникѣ». Кіевъ 1877, 305—307.

священникъ Василій Субботичъ (род 1807), Н. Груичъ (род. 1811), но въ особенности д-ръ Іованъ Субботичъ (род. 1817 въ Срѣмѣ, адвокатъ въ Новомъ-Садѣ). Онъ началъ мелкими лирическими стихотвореніями, которыя издалъ подъ заглавіемъ „Лира“ (Пестъ 1837), завѣдывалъ потомъ съ успѣхомъ редакціей „Сербской Лѣтописи“, и въ 1846 издалъ главное свое произведеніе — эпосъ „Стефанъ Дечанскій“, въ которомъ удачно воспроизвелъ многія черты народной поэзіи (его „Дѣла“ изданы въ Карловцѣ 1858). Въ молодомъ поколѣніи поэтовъ формы искусственной поэзіи начинаютъ больше сливаться съ національнымъ содержаніемъ. Замѣчательнѣйшимъ лирикомъ явился Бранко Радичевичъ, который вмѣстѣ съ владыкой Петромъ Петровичемъ Нѣгошемъ ставится во главѣ сербскихъ поэтовъ новѣйшаго времени. Радичевичъ (родомъ изъ Славоніи, 1824—1853) отличается богатствомъ фантазіи и чувства, легкой формой и вмѣстѣ сохраняетъ народный характеръ и даетъ прекрасные образцы сербскаго языка (онъ писалъ на банатско-срѣмскомъ нарѣчіи): стихотворенія его издавались много разъ. Другіе талантливые поэты — Іованъ Иличъ („Песме“, 1854—1858, 2 ч.); Змай-Іованъ Іовановичъ, между прочимъ переведшій „Демона“ Лермонтова; Ю. Якшичъ, кромѣ стиховъ писавшій повѣсти и драмы; Л. П. Ненадовичъ; Огнеславъ Утѣшеновичъ (причисляемый и къ сербской, и къ хорватской литературѣ), авторъ стихотвореній (Vila Ostrožinska, Вѣна 1847) и поэмы „Недѣлько“ (1861), написанной съ патріотической вѣрой въ сербское возрожденіе;—онъ извѣстенъ и своими учеными работами. Наконецъ, могутъ быть еще названы Димитрій Михайловичъ, издавшій два сборника стихотвореній: „Смилье“ (Новый-Садъ 1847) и „Войводянка“ (Темешваръ 1852), и антологію изъ сербскихъ поэтовъ: „Цвѣты сербскихъ пѣсенъ“ (Карловецъ 1859); Стефанъ Фрушичъ (стихотворенія и повѣсти, „Славолюбъ“, Загр. 1851); Милица Стояндиновичева („Песме“ 1852—1855; „У Фрушкой Гори“, 3 ч. 1861—69); І. Райковичъ перевелъ басни Крылова (1854). Является также нѣсколько новеллистовъ, напр. Богобой Атанацковичъ († 1858), которому принадлежитъ сборникъ повѣстей „Дарак Србкиньи“ (1846, 2 ч.); Якубъ Игнатовичъ и др.

Начала развиваться и литература историческая: Павелъ Іовановичъ написалъ „Исторію важнѣйшихъ событій въ Сербіи съ 1459 до 23 сент. 1813“ (Н. Садъ 1847); А. Стоячковичъ—„Исторію восточно-славянскаго богослуженія и кирилловской письменности у Славянъ западной церкви“ (Н. Садъ 1847) и „Черты жизни сербскаго народа въ венгерскихъ областяхъ“ (1849); Милорадъ Медаковичъ—„Исторію Черногоріи“ (Землинъ 1850); Даніилъ Медаковичъ — „Исторію сербскаго народа“ (Н. Садъ 1851—53).

Патріархально-воинственная Черная-Гора не осталась чуждой сербскому возрожденію,—напротивъ, успѣла внести свою крупную долю національно-поэтическаго содержанія [1]). Выше мы упоминали, что книжная дѣятельность уже издавна бросала корень въ странѣ древней Зеты; Черногоріи принадлежала одна изъ первыхъ славянскихъ типографій въ концѣ XV вѣка (Юрія Черноевича, въ Цетиньѣ). Затѣмъ проходятъ вѣка борьбы, въ которые сложился новый черногорскій характеръ. Писателями черногорскими были „владыки". Еще въ прошломъ столѣтіи владыка Василій Петровичъ (ум. 1766) напечаталъ небольшую книжку: „Исторія о Черной Горѣ" (Москва, 1754). Замѣчательнѣйшимъ представителемъ Черногоріи въ сербской литературѣ и, по общему признанію, однимъ изъ лучшихъ сербскихъ поэтовъ новаго времени былъ послѣдній черногорскій „владыка" изъ рода Нѣгошей, Петръ II Петровичъ Нѣгошъ (1813—1851). Онъ былъ племянникъ своего предшественника, владыки Петра I Нѣгоша и назначенъ былъ имъ на черногорскій княжескій и епископскій престолъ. Его имя было собственно Раде. Въ 1825 Петръ I взялъ Рада къ себѣ въ монастырь, для ученья; мальчикъ былъ замѣчательно даровитый, и старый владыка, говорятъ, предсказывалъ, что изъ него, если не умретъ, выйдетъ славный юнакъ и памятный человѣкъ. Уже тогда мальчикъ записы-

---

[1]) По исторіи и этнографіи Черной-Горы см.:

— Василій Петровичъ, митрополитъ черногорскій, «Исторія о Черной Горы». Москва 1854; 2-е изданіе въ «Чтеніяхъ Моск. Общ.» 1860, кн. II (пред. и 16 стр.).

— Влад. Броневскій, Записки морскаго офицера. Спб. 1818; Письма морскаго офицера. Спб. 1825, 2 ч.

— Сим. Милутиновичъ, Исторія Црне-Горе. Бѣлгр. 1835.

— (Вукъ Караджичъ), Montenegro und Montenegriner. Stuttg. 1837.

— Ег. Ковалевскій, Четыре мѣсяца въ Черногоріи. Спб. 1841.

— Stiegliz, Ein Besuch auf Montenegro. 1841.

— А. Поповъ, Путешествіе въ Черногорію. Спб. 1847.

— Wilkinson, Dalmatia and Montenegro. Lond. 1848 (нѣмецкая обработка Линдау, Leipz. 1849).

— М. Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре. Землинъ 1850; Живот и обичаи Црногораца. Н.-Сад, 1860.

— Д. Милаковичъ, Исторія Црне Горе. Зара 1856.

— Paić und Scherb, Crna-gora, eine umfassende Schilderung des Landes und der Bewohner v. Montenegro. Agram 1851.

— J. G. Kohl, Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro. Dresd. 1851, 2 ч.; 2-е изд., Дрезд. 1856.

— A. Andrić, Gesch. des Fürstenthums Montenegro (до 1852). Вѣна 1853.

— X. Marmier. Lettres sur l'Adriatique et le Montenegro, 1854.

— J. Vaclik, La Souveraineté du Montenegro. Прага 1858. (Ср. въ слѣдующей книгѣ стр. 127, 138; Спб. Вѣдом. 1867, № 142).

— В. Макушевъ, Задун. и Адріатич. Славяне. Спб. 1867.

— Архим. Н. Дучичъ, Црна Гора, въ «Гласникѣ» 1874. XL.

— G. Rasch, Vom Schwarzen Berge. Dresd. 1875 (и другія его же статьи и книги).

— Frilley et Jovan Wlahovitj, Le Montenégro contemporain. Paris 1876.

— К. Петковичъ, Черногорія и Черногорцы. Спб. 1877 (изъ «Восточнаго Сборника»).

— Spiridion Gopčević, Montenegro und Montenegriner. Leipz. 1877 (его же есть книга о послѣдней черногорско-турецкой войнѣ).

валъ лучшія черногорскія пѣсни и самъ пѣлъ ихъ съ гуслями. Владыка, никому о томъ не говоря, уже назначившій Рада своимъ наслѣдникомъ, послалъ его въ 1827 году въ богословское ученье къ одному монаху, отцу Осипу, въ Бокѣ-Которской: будущій владыка долженъ былъ стать монахомъ. Года два Раде занимался богословіемъ и—поэзіей: по какой-то русской книгѣ онъ написалъ пѣсню о войнѣ Екатерины II съ Турками, и эта пѣсня пѣвалась потомъ по всей Черногоріи. Раде былъ черногорецъ чистѣйшей крови: энергичный юнакъ, въ 16 лѣтъ—какъ другіе бываютъ въ 25, очень высокаго роста („на цѣлую мужскую пядь выше самаго высокаго Черногорца"), живой, красивый. Въ 1829, онъ вернулся въ Цетинье и нашелъ себѣ другого учителя, непохожаго на отца Осипа. Это былъ Симеонъ Милутиновичъ, вліяніе котораго несомнѣнно отразилось на характерѣ поэзіи Петра Петровича. Въ 1830 году старый владыка умеръ, и 17-лѣтній юноша вступилъ на престолъ—противъ воли, пугаясь труднаго дѣла и отвѣтственности. Онъ сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ правителей Черногоріи.

Вскорѣ началась его литературная дѣятельность. Его талантъ прежде всего сказался въ небольшихъ поэмахъ, близкихъ къ непосредственной народной пѣснѣ. Подъ вліяніемъ Милутиновича эта непосредственная поэзія пріобрѣтаетъ болѣе личный, лирическій характеръ. Основныя черты поэзіи Милутиновича, суровый, энергическій стиль безъ мягкости и нѣжности, поэтическій взглядъ на исторію, особенно сербскую, классическая миѳологія или философская отвлеченность эпизодическихъ разсужденій, до извѣстной степени привились и къ оригинальному черногорскому поэту. Произведенія Петра II отличаются несомнѣнной поэтической силой, и эта поэзія еще болѣе интересна и по народу, въ средѣ котораго она выросла, и по личному положенію поэта. Авторъ—пламенный патріотъ; онъ проникнутъ эпическимъ характеромъ своего народа, но рядомъ съ этимъ въ его произведеніяхъ проходитъ постоянно лирическій отголосокъ его личной внутренней жизни, съ одной стороны стремленія къ возвышенію своего народа, съ другой теоретическія сомнѣнія и выраженіе личнаго настроенія.

Въ печати сочиненія Петра Петровича являлись въ такомъ порядкѣ: въ 1834 онъ устроилъ въ Цетиньѣ типографію, и здѣсь напечатаны были его „Лиек ярости турске" и „Пустиняк црногорски" (Черногорскій Пустынникъ, помѣченный 1833 годомъ); въ 1845 онъ издалъ въ Бѣлградѣ свою поэму „Луча Микрокозма" и собраніе юнацкихъ пѣсенъ: „Огледало србско", гдѣ между прочимъ находятся его собственныя пѣсни; въ 1847 вышло его главнѣйшее произведеніе: „Горскій Віенацъ, историческо событіе при свршетку XVII віека", впослѣдствіи много разъ перепечатанный; наконецъ, въ 1850 или 1851 послѣ его смерти вышли двѣ юнацкія пѣсни, принадлежавшія къ раннимъ сочиненіямъ

Петра: „Кула Дьуришича и Чардак Алексича“, въ Вѣнѣ; „Лажни цар Шћепан мали“ въ Тріестѣ; въ 1854 „Слободіяда“, эпическая поэма въ десяти пѣсняхъ, воспѣвающая битвы Черногорцевъ съ Турками отъ древнихъ временъ, также принадлежавшая ранней молодости автора.

Главныя произведенія Петра Петровича, на которыхъ основывается его поэтическая слава—„Лучъ Микрокозма“, „Горскій Вѣнецъ“ и „Ложный царь Степанъ Малый“ (извѣстный самозванецъ въ Черногоріи въ концѣ XVIII вѣка). „Лучъ Микрокозма“ написанъ подъ вліяніемъ стихотвореній Мильтона, но отличается тѣмъ не менѣе оригинальной поэзіей. „Горскій Вѣнецъ“ есть рядъ картинъ въ драматической формѣ изъ черногорскихъ событій конца XVII вѣка, когда въ правленіе владыки Даніила въ страшномъ внутреннемъ переворотѣ положено было основаніе новой Черногоріи. „Вѣнецъ“ исполненъ народныхъ мотивовъ, истинно-поэтической силы, мастерского изображенія народныхъ сценъ, и проникнутъ черногорскимъ чувствомъ національной свободы. „Ложный царь Степанъ“—такія же картины изъ конца прошлаго вѣка. И тамъ и здѣсь нѣтъ строгой драмы, потому что въ нее слишкомъ много входитъ мотивовъ эпическихъ и особенно лирики. По словамъ сербскихъ критиковъ, „Горскій Вѣнецъ“ есть монументальное произведеніе ихъ литературы, лирическая сербская Иліада, гдѣ воспѣты не событія, а народная душа, воспѣто не только юначество, гордость свободнаго народа, но и самыя задушевныя его мысли и стремленія [1]).

Петръ Петровичъ умеръ 19 окт. 1851, тридцати-восьми лѣтъ [2]). До Петра II въ Черногоріи не было школъ, и только немногіе, готовившіе себя къ духовному званію, учились читать и писать; владыка завелъ школы, въ которыхъ между прочимъ учили и исторіи. Въ основанной имъ типографіи напечатаны были одна книжка Караджича, одна книжка Милутиновича, и кромѣ того ежегодный сборникъ или альманахъ „Грлица“ (1835—39), подъ редакціей Дим. Милаковича, „народнаго секретаря“. Но типографіи не долго ужилось въ черногорскомъ быту. Вскорѣ по смерти Петра II, во время войны князя Даніила съ Турками въ 1852—53 г. шрифты были перелиты въ ружейныя пули.

---

[1]) «Горски Вијенац—говорит одинъ сербскій критикъ—је низ бисера, који ти се никад не може досадити гледати. То су свете бројанице песничке, за тренутке кад се душа поезијом осами. Свако је зрно свето, и свако је от чудотворног дрвета живота народног».

[2]) Объ его личности, біографіи и поэзіи см. Іов. Субботича, «Слово Петру II Петровићу» и пр. въ Сербск. Лѣтоп. 1852, ч. I; Люб. Ненадовича, «Владика Црногорски у Италији», въ Србија 1868—69; Вука Врчевича, о Черног. исторіи въ «Dubrovnik» 1871; Životopis Vladike Crnogorskoga Petra II», въ томъ же «Dubrovnik» 1874; Свет. Вуловича, въ «Годишњица Николе Чупића», I, Бѣлградъ, 1877, стр. 310—347; наконецъ исторіи Черногоріи за время правленія Петра II и разсказы путешественниковъ, его знавшихъ, какъ Ами-Буэ, Коль, Ковалевскій, Поповъ и др.

При князѣ Даніилѣ, въ Цетиньѣ снова устроена была типографія, но напечатанъ былъ одинъ краткій черногорскій „Законникъ". При нынѣшнемъ князѣ Николаѣ черногорская литература опять оживилась,— въ особенности трудами далматинскаго поэта Сундечича, поселившагося въ Черногоріи. Православный священникъ и профессоръ семинаріи въ Задрѣ, Іованъ Сундечичъ (род. 1825), пріобрѣлъ еще ранѣе извѣстность какъ одушевленный славянскій патріотъ; въ 1850 онъ издалъ въ Задрѣ „Срце или различне пѣсме", потомъ другія стихотворенія, гдѣ высказывается горячее общеславянское чувство, призывы къ единодушію и примиренію, надежды на будущую свободу и господство, и своимъ направленіемъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе австрійскихъ властей и притѣсненія, которыя заставили его поселиться въ Черногоріи, съ 1864, гдѣ ему поручено было завѣдовать типографіей и отчасти быть секретаремъ князя. Съ 1865 года Сундечичъ издалъ нѣсколько книжекъ черногорскаго альманаха: „Орлић, црногорски годишњак"—съ общими статьями о славянскомъ вопросѣ, проникнутыми тѣмъ примиряющимъ и возбуждающимъ призывомъ, какой отличаетъ вообще Сундечича, и съ рядомъ стихотвореній. Въ „Орличѣ" приняли участіе и другіе сотрудники: далматинскій писатель Михаилъ Павлиновичъ, католическій священникъ, гонимый подобно Сундечичу; архимандритъ Никифоръ Дучичъ [1]); Тріестинецъ Бастіанъ: имъ принадлежатъ статьи по старой и новой исторіи Черногоріи и стихотворенія. Наконецъ, въ „Орличѣ" приняли участіе отецъ князя Николая, Мирко Петровичъ и самъ князь Николай. Великій воевода, предсѣдатель сената, Мирко Петровичъ не умѣетъ ни читать, ни писать; свои пѣсни онъ поетъ, какъ поютъ ихъ сербскіе пѣвцы, подъ гусли, въ длинные зимніе вечера, въ княжескомъ кругѣ. Въ нихъ разсказывается поэтически герцеговинско-черногорская война; пѣсни записаны были архим. Дучичемъ и изданы подъ названіемъ: „Јуначки споменик; Пјесме о најновијим турско-црногорским бојевима" (Цетинье, 1864 221 стр.). Въ „Орличѣ" 1867, помѣщена пѣсня Мирка Петровича о Граховской битвѣ 1858 г. Князь Николай (род. 1841, учился недолго въ Парижѣ, князь съ 1860) помѣстилъ въ „Орличѣ" нѣсколько стихотвореній лирическихъ, развивающихъ тэму національнаго освобожденія и отличающихся искренностью чувства и дарованіемъ; стихотвореній эпическихъ въ извѣстномъ стилѣ юнацкой пѣсни, и отрывокъ трагедіи „Вукашинъ" изъ временъ паденія сербскаго царства [2]).

---

[1]) Объ архим. Дучичѣ см. у Гильфердинга, Боснія. Въ послѣднихъ событіяхъ архим. Дучичъ явился дѣйствующимъ лицомъ какъ воинъ.

[2]) Переводы изъ сочиненій кн. Николая у Макушева; у Фриллея и Влаовича; въ «Поэзіи Славянъ» помѣщены переводы изъ пѣсенъ Мирка Петровича, стр. 279—281, и изъ стихотвореній кн. Николая, стр. 290—292.

Съ 1870, въ Цетиньѣ начала издаваться первая газета „Црногорац“, переименованная послѣ въ „Глас Црногорца“.

Литературную дѣятельность православныхъ Сербовъ въ Далмаціи, употреблявшихъ кирилловское письмо, можно причислять одинаково и къ литературѣ сербской, и къ хорвато-далматинской. Въ Далмаціи общее сербо-хорватское возрожденіе отразилось тѣми же стремленіями къ обособленію національности и изученію народа и старины. Изъ писателей, дѣйствовавшихъ въ этомъ смыслѣ въ Далмаціи, могутъ быть названы: д-ръ Тодоръ или Божидаръ Петрановичъ (1809—1874), изъ Шибеника, издававшій съ 1836 г. „Сербско-Далматинскій Магазинъ“, который посвященъ былъ сербской исторіи, географіи, поэзіи и проч., и гдѣ сосредоточивалась вся дѣятельность православно-далматинскихъ писателей; въ новѣйшее время онъ много работалъ по церковной исторіи своего края, по исторіи южно-славянскаго права и культуры; выше упомянуто его изслѣдованіе о богомильствѣ [1]). Далѣе дубровницкій „прота“, т.-е. протоіерей, Юрій Николаевичъ (род. 1807) изъ Срѣма, издавшій въ 1840 замѣчательный для своего времени сборникъ грамотъ „Србскіи Споменицы“, подъ именемъ Павла Карано-Твертковича, и съ 1842 до 1861 (съ большимъ перерывомъ въ 50-хъ годахъ) завѣдовавшій редакціей „Магазина“, который потомъ издавалъ архим. Герасимъ Петрановичъ. Іованъ Сундечичъ, о которомъ было сейчасъ говорено, одинаково считается въ православно-сербской и въ хорвато-далматинской литературѣ. Родомъ изъ Дубровника былъ упомянутый секретарь владыки Петра, Милаковичъ, авторъ исторіи Черногоріи [2]). Однимъ изъ плодовитыхъ далматинскихъ писателей былъ Матія Банъ (род. 1818), изъ Дубровника. Жизнь его наполнена разнообразными приключеньями: на 21-мъ году онъ оставилъ родину и поселился въ Константинополѣ, потомъ жилъ въ Малой Азіи, въ Бруссѣ; 1844 переѣхалъ въ Бѣлградъ. Свою литературную дѣятельность онъ началъ на итальянскомъ языкѣ еще въ Бруссѣ, гдѣ написалъ драму и нѣсколько трагедій; изъ нихъ напечатана только одна трагедія: „il Moscovita“. Въ Сербіи онъ былъ воспитателемъ дочерей князя Александра и по этому случаю издалъ книгу о „женскомъ воспитаніи“ (1847); въ 1848, написалъ небольшое руководство къ военной наукѣ для Сербовъ, которые, подъ начальствомъ Кничанина, отправлялись тогда на помощь Сербамъ австрійскимъ противъ Венгровъ. Въ 1849, Банъ отправился на родину и началъ издавать

---

[1]) О трудахъ его, см. Рачкаго, въ «Радѣ» 1875, XXX. 179—193.

[2]) «Живот и дѣла Дим. Милаковића», Ю. Николаевича (19-я книга Сербско-Далмат. Магазина), Вѣна 1860.

тамъ на счетъ иллирской Матицы журналъ „Dubrovnik", вскорѣ однако прекратившійся. Собраніе его стихотвореній начало выходить въ 1855; поэтическая дѣятельность Бана главнымъ образомъ обнаружилась въ драмѣ: его трагедіи „Мейрима", „Урошъ V", „Царь Лазарь" считаются въ ряду лучшихъ произведеній южно-славянской драмы [1]).

Наконецъ, появились попытки литературной дѣятельности въ *Боснѣ*. Въ 1866 году вышла въ Сараевѣ небольшая книжка „Наравоученије о човеку и његовим дужностима", переведенная съ греч. Георгіемъ Іовановичемъ. Это была первая книга, вышедшая изъ печати въ Боснѣ. Съ того же года началось изданіе оффиціальной газеты „Босна", на сербскомъ и турецкомъ языкахъ. Въ 1869 вышелъ „Први босанско-српски календар" (8°. 58 стр.); выходила, по-сербски и турецки, еженедѣльная газетка „Сарајевски Цвјетник" и т. д. Положеніе этой „литературы" въ Сараевѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ турецкихъ пашей, было въ томъ родѣ, какъ мы указывали о Болгаріи.

Объ этнографическихъ трудахъ, посвященныхъ Боснѣ, но издававшихся въ Загребѣ и Бѣлградѣ, упомянемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы указывали въ извѣстной отдѣльности факты сербской литературы по мѣстностямъ, у Сербовъ въ Австріи, въ княжествѣ, въ Черногоріи, въ Далмаціи, наконецъ въ Боснѣ. Такое изложеніе было необходимо по самымъ фактамъ. Правда, племенная связь часто покрывала эту мѣстную раздѣльность и дѣлала наиболѣе крупныя явленія общимъ достояніемъ всѣхъ сербскихъ земель: поэзія австрійскаго Серба Бранка Радичевича, черногорскаго владыки Нѣгоша есть общее пріобрѣтеніе и гордость всей литературы, — но, съ другой стороны, литература все-таки была далеко лишена единства и въ дѣйствіи, и въ интересахъ. Это было не различіе школъ, но различіе въ мѣстныхъ господствующихъ условіяхъ и характерахъ. Замѣчательнѣйшій дѣятель, оказавшій великія услуги сербской литературѣ, Вукъ Караджичъ остается почти до конца своей жизни подъ остракизмомъ именно въ той сербской землѣ, княжествѣ, которая, какъ политическое гнѣздо будущаго развитія народа, должна бы быть настоящимъ мѣстомъ и для наиболѣе энергическихъ заявленій литературнаго возрожденія. Оказывалось наоборотъ, что для Караджича Австрія доставляла больше свободы дѣйствія, чѣмъ собственная Сербія.

---

[1]) «Мейрима или Босняки» переведена на русскій языкъ въ «Р. Вѣстникѣ» 1876, кн. 6.

Здѣсь было тогда меньше образованія, чѣмъ въ австрійской Сербіи. Отражалась въ литературѣ и разница политическихъ положеній: однѣ заботы были въ княжествѣ, гдѣ надо было основать внутреннюю свободу въ сербской средѣ; другія въ Австріи, гдѣ надо было бороться противъ нѣмецкаго абсолютизма и мадьярскихъ національныхъ притязаній; другія въ Далмаціи, гдѣ вообще для Сербо-Хорватовъ [1]) настоятельный вопросъ заключается въ развитіи національнаго начала противъ господства численно ничтожнаго итальянизма, и въ частности для Сербовъ православныхъ въ поддержаніи православнаго элемента населенія; въ Черногоріи, литературная дѣятельность примыкала непосредственно къ патріархально-эпическому быту и вмѣстѣ ставила задачи будущаго развитія народной образованности. Такъ въ каждомъ отдѣлѣ племени были свои особыя условія и свои ближайшія задачи. При политическомъ раздѣленіи и несвободѣ племени, это обстоятельство было самой существенной задержкой для успѣховъ образованности и литературы. Къ этому присоединился раздоръ въ средѣ самого сербо-хорватскаго народа. Этотъ давній раздоръ обновился съ новой силой въ тридцатыхъ годахъ, когда „иллирское" движеніе у Хорватовъ вызвало споръ о первенствѣ между двумя частями племени...

При всемъ томъ, въ этой разъединенной, политически не обезпеченной литературѣ совершался несомнѣнный прогрессъ; мало-по-малу укрѣплялось чувство единства и солидарности; возрожденіе другихъ славянскихъ литературъ начинало давать этому чувству и болѣе широкую все-славянскую подкладку. Но въ особенности сильное возбужденіе дано было народному сознанію событіями 1848 года, какъ всегда бываетъ въ рѣзкихъ столкновеніяхъ историческихъ элементовъ. Борьба съ Венграми вызвала упорное сопротивленіе Сербовъ; они заявили свои старыя права и возстаніе оживило національныя стремленія къ свободѣ; несмотря на домашній раздоръ съ Хорватами, Сербы Австріи стали ихъ союзниками противъ общаго иноплеменнаго врага; Сербы княжества отозвались также и послали отрядъ волонтеровъ за Дунай. Извѣстно, какъ результатъ обманулъ ожиданія Сербо-Хорватовъ, или какъ обмануло ихъ австрійское правительство; но патріотическое одушевленіе за эти годы оставило свое вліяніе. Литература вообще оживляется съ этого времени: за Нѣгошемъ и Бранкомъ Радичевичемъ является рядъ поэтовъ, выше отчасти названныхъ, какъ Іовановичъ, Якшичъ, Иличъ, Любом. Ненадовичъ, Стеф. Качанскій, Новичъ, Сундечичъ, Павлиновичъ; періодическая литература размножается какъ

[1]) Этнографическія отношенія Далмаціи въ общихъ чертахъ такія: Славянъ сербскаго племени вообще до 400,000, изъ которыхъ до 80,000 православныхъ; большинство—католики, въ числѣ которыхъ до 65,000 глаголитовъ; далѣе, до 20,000 итальянцевъ, высшаго городского сословія; до 1000 Албанцевъ; нѣсколько сотъ Евреевъ; незначительное число Нѣмцевъ.

никогда прежде, и хотя изданія бывали часто эфемерны, но вообще она впервые получила настоящее политическое значеніе, выражая взгляды различныхъ партій и развивая политическое сознаніе въ обществѣ. Съ той же поры замѣчается особое оживленіе въ сербскомъ юношествѣ, которое составляетъ патріотическіе кружки и старается о распространеніи образованія въ народѣ. Первымъ опытомъ литературныхъ трудовъ юношескихъ былъ сборникъ стихотвореній „Славянка“ (Пестъ, 1847), затѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ „Лицејка“, издававшаяся въ Бѣлградѣ, „Преходница“ въ Пестѣ. Когда число подобныхъ кружковъ умножилось, въ 1866 собралось въ Новомъ-Садѣ первое общее собраніе ихъ. Это была извѣстная „Омладина“: къ ней, кромѣ юношества, присоединились и другія лица, раздѣлявшія ея цѣли— распространеніе образованія, народное объединеніе и свободныя политическія идеи. На собранныя деньги Омладина издавала „Омладинскій Календарь“, и основала политическій журналъ „Млада Србадија“ (Молодая Сербія); въ 1870, начала она издавать „Политични Рјечник“, подъ редакціей Владиміра Іовановича. Правительства венгерское и сербское, при Михаилѣ III (Гарашанинъ и Христичъ), одинаково подозрѣвали и преслѣдовали Омладину; она не могла дѣлать правильныхъ собраній; ея дѣятели слились съ національной оппозиціей,—но направленіе, ею выраженное, ни мало не утратилось и становится общимъ направленіемъ партіи, стремящейся къ народному объединенію и свободѣ [1]).

Полный списокъ сербскихъ газетъ и журналовъ за это время (и вообще) читатель найдетъ въ „Сербской Библіографіи“ Ст. Новаковича. Кромѣ изданій, прежде названныхъ, были слѣдующія. Даніилъ Медаковичъ, среди стѣсненій и запрещеній, издавалъ съ 1848 газеты „Напредак“ (Прогрессъ) въ Карловцахъ, „Позорник“ и „Војводянку“ въ Землинѣ, наконецъ „Сербскій Дневникъ“ въ Новомъ-Садѣ, который сталъ политическимъ и литературнымъ центромъ австрійскихъ Сербовъ. Съ 1861 началъ выходить въ Бѣлградѣ „Видов Дан“ (день св. Вита, 15 іюня, годовщина Косовской битвы) Милоша Поповича. Въ 1865, Влад. Іовановичъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ радикальной партіи, началъ въ Женевѣ французско-сербскій журналъ „Сло-

[1]) Враги Омладины не пренебрегали никакими средствами для ея уничтоженія. Когда князь Михаилъ былъ умерщвленъ въ 1868 шайкой убійцъ, Христичъ распустилъ слухъ, что убійство подготовлено было революціонной Омладиной. Въ Пештѣ были рады случаю отдѣлаться отъ главныхъ непріятелей: Милетичъ былъ лишенъ должности, занимаемой имъ въ Новомъ-Садѣ, и не могъ быть арестованъ только потому, что былъ депутатомъ въ палатѣ; но за то арестованы были Влад. Іовановичъ, сотрудникъ «Заставы» Милетича, и болгарскій эмигрантъ Любенъ Каравеловъ. Они были освобождены лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ того, какъ въ Новомъ-Садѣ произошло по этому поводу настоящее волненіе и Милетичъ сдѣлалъ рѣзкій запросъ въ палатѣ.

бода", въ Сербіи подвергшійся запрещенію [1]). Въ Бѣлградѣ, Ст. Новаковичъ основалъ еженедѣльный литературный журналъ „Вила", державшійся нѣсколько лѣтъ. Въ 1866, Светозаръ Милетичъ, въ настоящее время глава либеральной партіи въ австрійской Сербіи и глава сербской оппозиціи въ венгерскомъ парламентѣ, талантливый политикъ и публицистъ (которому Мадьяры мстили за его вліяніе извѣстнымъ процессомъ 1876—78 года), основалъ въ Пестѣ газету „Застава" (Знамя), перенесенную потомъ въ Новый-Садъ. Это лучшая политическая газета у Сербовъ. Когда Милетичъ засѣдаетъ въ палатѣ или содержится въ тюрьмѣ, его замѣняютъ въ газетѣ Стеф. Павловичъ, Стеф. Поповичъ, Миланъ Джорджевичъ.

Въ послѣднее время у Сербовъ стало распространяться и знакомство съ нашей литературой. Въ прежнее время южные и западные Славяне знали у насъ обыкновенно лишь нѣсколько именъ нашихъ ученыхъ славистовъ; теперь, у нихъ являются переводы изъ новой литературы, способные познакомить не только съ ея ученымъ, но и поэтическимъ содержаніемъ и направленіемъ. Такъ, на сербскомъ языкѣ явились въ переводѣ „Исторія сербскаго языка" Майкова, и „Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ" Гильфердинга, многія сочиненія Пушкина (стихотворенія и повѣсти), Лермонтова („Демонъ"), Гоголя, Тургенева, Гончарова и друг. [2]).

Наконецъ, многообѣщающимъ фактомъ является развитіе научной дѣятельности, въ особенности по исторіи и этнографіи сербскаго народа, въ которыхъ сербскіе ученые уже представили работы замѣчательнаго достоинства. Во главѣ дѣятелей этой области единогласно ставятъ первостепеннаго филолога Дьюро (Юрія) Даничича (род. въ 1825, въ Новомъ-Садѣ). Даничичъ учился въ Пештѣ и потомъ въ Вѣнѣ, гдѣ познакомился съ Караджичемъ и сталъ ревностнымъ послѣдователемъ его реформы; въ филологіи его учителемъ былъ Миклошичъ. Біографія Даничича есть главнымъ образомъ списокъ его замѣчательныхъ трудовъ по изученію сербо-хорватскаго языка. Онъ обратилъ на себя вниманіе уже первымъ своимъ трудомъ, книжкой: „Рат за српски језик и правопис", 1847 года [3]). Это была рѣшительная защита Вуковой реформы. Вмѣшательство Даничича кончило споръ съ его науч-

---

[1]) Журналъ этотъ держался не долго; послѣ, Іовановичъ былъ сотрудникомъ Милетича въ «Заставѣ». Ему принадлежатъ сочиненія: Les Serbes et la mission de la Serbie dans l'Europe d'Orient. Par Vladimir Jovanovics. Paris 1870; The emancipation of the Serbian nation. Geneva 1871.

[2]) Не будемъ, однако, обольщаться. Знакомство съ русской литературой еще очень невелико. Недалеко время, когда одинъ изъ нашихъ славистовъ, Ламанскій, встрѣтилъ въ самой сербской интеллигенціи изумительный образчикъ незнанія Россіи («Сербія и южно-слав. провинціи Австріи», Отеч. Зап. 1864, февр. 661). *Это* время еще не кончилось.

[3]) Книжка печаталась въ Пештѣ, такъ какъ въ Вѣнѣ цензура не пропустила ея изъ «высшихъ политическихъ причинъ»!

ной стороны. Съ 1856 Даничичъ былъ въ Бѣлградѣ, какъ профессоръ лицея (потомъ „великой школы“) и секретарь Дружества; онъ былъ и редакторомъ „Гласника“, гдѣ помѣщено много важныхъ филологическихъ его работъ. Въ 1850, явилась его краткая сербская грамматика, потомъ совсѣмъ передѣланная подъ названіемъ: „Облици српскога језика“ (5-е изд. Загр. 1869). Въ 1858, вышла его замѣчательная „Српска синтакса“; въ 1862—64 „Рјечник из књижевних старина српских“ въ трехъ книгахъ, необходимый для всякаго, кто изучаетъ старину сербской исторіи и языка. Рядомъ съ тѣмъ, Даничичъ сдѣлалъ много изданій памятниковъ, какъ названныя нами прежде писанія св. Савы, Доментіяна, Даніила, и другія менѣе крупныя изданія въ „Гласникѣ“, „Радѣ“, „Старинахъ“ и ранѣе въ Slaw. Bibliothek Миклошича. Въ 1865, по столкновеніямъ съ сербскимъ правительствомъ и старыми партіями, онъ былъ лишенъ каѳедры, и тогда же приглашенъ былъ въ Загребъ, гдѣ сдѣлался членомъ и секретаремъ юго-славянской академіи. Въ 1874 явился, опять въ Бѣлградѣ, его новый трудъ: „Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека“, а въ 1876: „Основе српскога или хрватскога језика“. Дѣятельность Даничича имѣла и другую сторону: онъ перевелъ на сербскій языкъ Ветхій Завѣтъ (въ полномъ изданіи 1868), который вмѣстѣ съ Вуковымъ переводомъ Новаго Завѣта печатается кирилловскими и латинскими буквами и обращается во всемъ сербскомъ народѣ.

Филологическіе труды Даничича, по признанію вполнѣ компетентныхъ судей, отличаются такими достоинствами, что ни одинъ изъ славянскихъ языковъ не былъ разработанъ съ такою глубиной, какъ сербскій въ изслѣдованіяхъ Даничича [1]).

По исторіи сербской литературы наиболѣе ревностный дѣятель—Стоянъ Новаковичъ (род. 1842), профессоръ „великой школы“ и одно время министръ просвѣщенія. Его труды начинаются около 1860 г.; онъ издалъ книжку стихотвореній, переводилъ изъ славянскихъ поэтовъ, именно изъ Пушкина („Кавказскій Плѣнникъ“) и Чайковскаго, участвовалъ критическими статьями въ „Серб. Лѣтописѣ“, „Даницѣ“, „Видов-Данѣ и др., потомъ доставлялъ много трудовъ въ „Гласникъ“—

---

[1]) Срезневскій, Зап. Акад. XXIV, Проток. 210; Ягичъ, Archiv I, 500; II, 156 и слѣд. Вотъ между прочимъ слова Ягича: «Я убѣжденъ, что каждый европейскій филологъ порадовался бы этимъ превосходнымъ трудамъ, если бы языкъ, на которомъ они написаны, не дѣлалъ для огромнаго большинства ихъ невозможнымъ ближайшее знакомство съ этими трудами, о чемъ я конечно могу только сожалѣть. Потому что, въ виду великаго бѣдствія, только-что постигшаго Сербію (1876), я бы положительно надѣялся, что и въ кругу европейскихъ филологовъ и изслѣдователей языка уже изъ чувства уваженія, какое должны внушить труды Даничича, прибавились бы новые друзья для справедливаго дѣла Сербіи». Ср. Изв. II Отд. Акад. VIII, 396—397 (?). О трудахъ Даничича см. «Србадија» II, 1876, №1, Ст. Новаковича, въ «Српска Зора» 1878 №1 и слѣд. (по поводу тридцатилѣтія дѣятельности Д., которое праздновалось въ январѣ 1878).

изданій памятниковъ, филологическихъ и историческихъ изслѣдованій. Въ 1867 онъ издалъ исторію сербской литературы (2-е изд. 1871); въ 1869 очень полную и обстоятельную „Сербскую Библіографію“ 1741—1867, которую послѣдовательно дополнялъ потомъ въ „Гласникѣ“; въ 1877—историческую хрестоматію сербскаго языка „Примјери“.

Ученая дѣятельность сербскихъ писателей главнымъ образомъ сосредоточена въ „Гласникѣ“, гдѣ помѣщались труды Даничича, Новаковича, Ник. Крстича (между прочимъ автора „Исторіи сербскаго народа“, Бѣлгр. 1863—64), Миличевича, Чедом. Міятовича, Влад. Якшича, Спасича, арх. Дучича, П. Срећковича, Ив. Павловича и мн. др. Изъ отдѣльныхъ трудовъ упомянемъ изданный еще въ 1846 „Географическо-статист. словарь Сербіи“ Іована Гавриловича, въ параллель которому вышла въ 1877 богатая фактами книга Миличевича „Кнежевина Србија“. Въ своемъ мѣстѣ упомянемъ о работахъ по сербской этнографіи.

Вообще, сербская литература, хотя еще не имѣетъ той опоры, какую могло бы доставить ей національно-образовательное, если не полное политическое объединеніе племени, представляетъ и теперь задатки серьёзнаго развитія — и въ области поэтической, и въ научномъ изслѣдованіи Сербіи; сербская журналистика все тѣснѣе примыкаетъ къ потребностямъ и интересамъ народной дѣйствительности. Однимъ изъ благихъ предзнаменованій надо счесть возрастающее сближеніе отдѣловъ племени и стремленіе къ сербо-хорватскому единству.

---

5. „Иллирское“ возрожденіе.

Литература западныхъ Сербо-Хорватовъ падала больше и больше, переживши свой блестящій періодъ въ Дубровникѣ; только по временамъ показывались въ ней талантливые писатели, не оставлявшіе впрочемъ большого слѣда въ народномъ развитіи. Выше указаны отчасти причины этого недостатка движенія. Далматинская литература, хотя и имѣла писателей съ сильнымъ дарованіемъ, не была самостоятельна ни по своему происхожденію, которымъ была обязана вліянію итальянской литературы и Возрожденія, ни по значенію для общества, гдѣ была поэтической роскошью, дополненіемъ къ итальянскому образованію „властелиновъ“, но всего чаще оставалась чужда народной массѣ. Правда, въ числѣ ея дѣятелей бывали люди, вышедшіе изъ народа, но литература не проникала въ народный слой и, за рѣдкими исключеніями, не особенно о немъ заботилась,—такъ что, когда поэзія и литература изсякали въ высшихъ слояхъ общества, народъ не могъ поддержать ихъ своими силами. Для народа существовала только литера-

тура церковныхъ книгъ, застарѣлая глаголица и т. п. Съ другой стороны, самыя народныя силы западно-сербскаго міра были крайне раздѣлены и основная масса православнаго Сербства оставалась въ сосѣдствѣ связанная турецкимъ игомъ; другая доля жила римскимъ католичествомъ; кромѣ того, отрасли племени были раздѣлены мѣстными нарѣчіями, которыя добивались каждое особенной литературы,—Хорваты, Сербы, Далматинцы, Славонцы, Хорутане. Литература могла бы сохранить свою внутреннюю цѣнность, если бы шла вровень съ европейскимъ движеніемъ, но и здѣсь она сильно запоздала; болѣе дѣятельные умы увлекаемы были въ чужія литературы, а туземная до самаго XIX столѣтія остановилась на томъ направленіи, какое завѣщали ей XVI и XVII столѣтіе; какъ будто не чувствуя, что̀ совершается кругомъ, она превращалась въ простое стилистическое упражненіе и забывала объ образованіи народа, которое впрочемъ и вообще забывали въ тѣ времена, удѣляя для него только клерикально-католическое нравоученіе. Отдѣльныя характерныя явленія литературы, въ родѣ Качича-Міошича, не могли помочь общему застою на ту минуту,—только позднѣе, какъ увидимъ, и отчасти въ другой области, Качичъ послужилъ національному возрожденію.

Литература могла освѣжиться только однимъ средствомъ—если бы, стряхнувши съ себя схоластическую пыль, съумѣла соединить разбросанныя силы и направить къ жизненной цѣли въ духѣ новѣйшей образованности и освободительнаго демократическаго движенія. Однимъ этимъ средствомъ она могла пріобрѣсти себѣ интересъ и содержаніе.

Такой переворотъ дѣйствительно совершался въ сербской литературѣ: у Сербовъ православныхъ съ Досиѳея Обрадовича и Караджича; у Хорватовъ это нáчалось въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Центромъ новаго литературнаго движенія сдѣлался хорватскій Загребъ (Аграмъ). Эта эпоха западной сербо-хорватской литературы, сравнительно съ прежнимъ, была дѣйствительнымъ переворотомъ, потому что литература открыла себѣ новую цѣль, и съ нею нашла національное сочувствіе; кругъ зрѣнія расширился и литература пріобрѣла дѣйствительную историческую и народную опору и общественное значеніе. Въ этомъ западно-сербскомъ возрожденіи тридцатыхъ годовъ передъ нами открывается одно изъ яркихъ явленій такъ-называемаго панславизма, который всего сильнѣе сказался здѣсь и въ чешской литературѣ того же времени. Частныя стремленія западныхъ Сербовъ сошлись съ общимъ движеніемъ славянскихъ народностей, которое было въ особенности живо въ 30—50-хъ годахъ.

Это давно подготовлявшееся національное движеніе у разныхъ племенъ имѣло свои различныя мѣстныя причины и условія. У западныхъ Сербовъ эти условія заключались въ ихъ отношеніяхъ къ Венгріи.

Литературный вопросъ съ самаго начала сдѣлался политическимъ или, собственно говоря, вышелъ изъ политическаго: Хорваты должны были защищать свою національность отъ венгерскихъ притязаній; литературный споръ разрѣшался кровавыми схватками, происходившими на выборахъ 1842—45 годовъ въ Загребѣ, и наконецъ событіями 48—49 года. Хорватское движеніе явилось какъ оппозиція ультра-національнымъ притязаніямъ Венгровъ, которые, стремясь къ освобожденію отъ австрійской централизаціи и къ достиженію политической свободы, одно изъ средствъ къ этому видѣли въ возвышеніи національнаго языка. Латинскій языкъ, господствовавшій до тѣхъ поръ въ юридическихъ и политическихъ актахъ, былъ замѣненъ венгерскимъ, которому съ тѣхъ поръ Венгры старались всѣми силами доставить господство во всѣхъ земляхъ королевства, пересыпанныхъ Славянами, и между прочимъ въ Кроаціи и Славоніи, издавна соединенныхъ съ венгерской короной. Это распространеніе венгерскаго языка, по признанію самихъ защитниковъ венгерскаго дѣла, сопровождалось крайностями и преувеличеніями, которыя сами по себѣ могли стать зерномъ послѣдовавшихъ столкновеній. То же дѣйствіе произвела мадьяризація и у другихъ Славянъ, на которыхъ хотѣли ее распространить, у Словаковъ и православныхъ Сербовъ южной Венгріи. Подъ конецъ Хорваты, Сербы и Словаки взялись за оружіе.

Притязанія Венгріи простирались на господство политическое и вмѣстѣ національное. Оппозиція Хорватовъ шла также въ обоихъ направленіяхъ; но прежде чѣмъ открылась прямая политическая борьба, сопротивленіе національное выразилось въ замѣчательномъ литературномъ движеніи, которое извѣстно подъ названіемъ „иллирскаго".

Исторія этого времени еще не написана. Венгерскіе и славянскіе писатели представляютъ дѣло съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, обвиняя то, что́ восхваляетъ другой, но средній выводъ довольно ясенъ. Первые между прочимъ объясняли хорватское движеніе какъ плодъ интриги австрійскаго правительства, которое хотѣло сдѣлать изъ Хорватовъ орудіе противъ революціоннаго движенія Венгріи. Нѣтъ сомнѣнія, что австрійское правительство находило для себя выгоднымъ возстаніе Хорватовъ противъ Венгровъ и имъ пользовалось, — на одномъ изъ главныхъ начинателей хорватскаго движенія до послѣдняго времени лежитъ сомнительная репутація агента Меттерниха,—но, во-первыхъ, Венгры вовсе не были тароваты на свободу относительно своихъ славянскихъ согражданъ [1]); а главное, хорватское движеніе по своему объему, нравственно-національному содержанію вовсе не было

---

[1]) Съ этимъ соглашаются даже историки, писавшіе въ венгерскомъ смыслѣ. См. Gesch. des Illyrismus, стр. 12. Авторъ этой книги находитъ три причины кроатскихъ волненій: «излишнюю поспѣшность и недостатокъ терпимости со стороны самихъ Вен-

такимъ, какія можетъ создавать интрига. Напротивъ, это былъ естественный взрывъ, который потому и могъ найти сильное литературное выраженіе, что въ основѣ его лежало давнее броженіе національныхъ силъ.

Средоточіемъ иллирскаго возрожденія сталъ Загребъ. Здѣсь былъ центръ политики, управленія и образованности, собирались различные дѣятели народной жизни; съ этой хорватской столицей не могъ равняться никакой другой пунктъ западнаго сербо-хорватскаго края: потому естественно собрались тутъ и литературныя силы. Но по мѣстной народности, Загребъ былъ въ центрѣ такъ-называемаго „кайкавскаго" (собственно-хорватскаго или хорутанско-хорватскаго) нарѣчія, и для литературы, вновь возникавшей здѣсь въ новомъ направленіи и съ задачами широкаго національнаго объединенія, предстоялъ вопросъ о выборѣ литературнаго языка. Мѣстное „кайкавское" нарѣчіе должно было бы ограничить кругъ вліянія новой литературы тѣсными предѣлами собственной Хорватіи,—такъ какъ невозможно было ждать, чтобы это частное нарѣчіе могло быть принято массой Сербо-Хорватства, у котораго съ одной стороны были преданія далматинской литературы,

---

гровъ; «возбужденія панславизма», и «ошибки австрійскаго правительства», поощрявшаго Кроатовъ. Ошибки правительства несомнѣнны, только онѣ были ошибки всей системы; что касается «панславизма»,—это было то славянское Возрожденіе, которое на столько же было возбужденіемъ отъ другихъ племенъ, сколько самороднымъ оживленіемъ національнаго чувства. Новѣйшіе безпристрастные историки прямо говорятъ о несправедливости венгерскихъ притязаній. См. Les Serbes de Hongrie, стр. 198, 201, 212 и проч.

Въ сороковыхъ годахъ, когда движеніе выяснялось, возникла цѣлая литература политическихъ брошюръ и памфлетовъ по хорвато- и сербо-венгерскому и нѣмецкому вопросу. Считаемъ не лишнимъ указать нѣкоторые:

— D. H., Sollen wir Magyaren werden? Fünf Briefe geschrieben aus Pesth.... Karlstadt, 1833. (Первое изданіе этой брошюры въ 1832; она приписывалась Венграми Коллару или Гаю. См. Les Serbes de Hongrie, 202).

— Slawismus und Pseudomagyarismus. Leipz. 1842.

— Ungarische Wirren und Zerwürfnisse. Leipz. 1842.

— Vertheidigung der Deutschen und Slaven in Ungarn. Von C. Beda. Leipz. 1843.

— (Die Beschwerden und Klagen der Slaven in Ungarn. Leipz. 1843.)

— Slawen, Russen, Germanen. Ihre gegenseitige Verhältnisse in der Gegenwart und Zukunft. Leipz. 1843.

— Ist Oesterreich deutsch? Eine statistische und glossirte Beantwortung dieser Frage. Leipz. 1843.

— S. H****, Apologie des ungrischen Slawismus. Leipz. 1843.

— (Wesselényi). Eine Stimme über die ungarische und slawische Nationalität. Leipz. 1844 (переводъ венгерской книжки, 1843; съ венгерской стороны).

— Slaven und Magyaren. Leipz. 1844 (также съ венгерской стороны).

— Der Sprachenkampf in Oesterreich (изъ Бидерманнова Monatsschrift, 1844). Leipz. 1845.

— Ludw. Štur, Das neunzehnte Jahrhundert und der Magyarismus, Wien. 1845.

— Das Verhältniss Croatiens zu Ungarn. 1846.

— A. Tebeldi (Beidtel), Die Slawen im Kaiserthume Oesterreich. Wien 1848.

— Geschichte des Illyrismus, nebst einem Vorworte von Dr. W. Wachsmuth. Leipz. 1849.

Изъ новыхъ книгъ по этому предмету наиболѣе отчетливая Les Serbes de Hongrie, Prague et Paris. 1873—74.

съ другой у Сербовъ уже заявленъ былъ самостоятельный путь въ направленіи Обрадовича и Караджича. Загребская литература приняла тогда разумное рѣшеніе, за которое отдаютъ ея руководителямъ справедливыя похвалы, — принять въ свои книги тотъ широкій сербскій языкъ, который въ существѣ, за исключеніемъ „кайкавской“ области, одинаковъ и въ восточной и въ западной области Сербо-Хорватства. Этимъ сдѣланъ былъ знаменательный шагъ къ примиренію національно-литературныхъ различій, которыя ставились тогда еще такъ рѣзко, что Шафарикъ не считалъ этого примиренія возможнымъ [1]).

Этимъ загребская литература стала продолженіемъ славной дубровницкой эпохи и сблизилась съ сербской, отъ языка которой теперь отличаетъ ее только письмо. Но какъ было назвать этотъ языкъ и тотъ національный кругъ, объединить который хотѣла загребская литература? Она выбрала знаменемъ объединенія древнее имя „Иллиріи“, обновляя мнимый фактъ, что Сербо-Хорваты были потомками древнихъ Иллировъ и предполагая себя вождями будущаго объединеннаго цѣлаго.

Первымъ начинателемъ національнаго движенія и новой „иллирской“ литературы явился знаменитый д-ръ Людевитъ Гай (1809—1872), родомъ изъ Крапины въ Хорватскомъ Загорьѣ. Человѣкъ талантливый, подвижной и дѣятельный, онъ оказалъ несомнѣнныя услуги иллирскому возрожденію, но вмѣстѣ съ тѣмъ Гай—тотъ упомянутый сейчасъ дѣятель, на которомъ лежала сомнительная репутація агента Меттерниха. Могло быть, что въ мудреныхъ отношеніяхъ хорватскаго народа между революціонной Венгріей и чиновническо-деспотической Австріей, ставши какъ разъ между народнымъ движеніемъ и злостнымъ абсолютизмомъ, по существу враждебнымъ развитію частныхъ народностей, Гай сдѣлалъ иныя неблагополучныя ошибки (біографія его еще не написана), но для своей литературы онъ работалъ много, и не могъ безъ основанія собраться около него кружокъ талантливыхъ патріотовъ, дѣйствующихъ отчасти и донынѣ. Гай учился въ Грацѣ, Вѣнѣ и Пестѣ; живя въ Пестѣ, онъ узналъ политическія тенденціи Венгровъ, и познакомился съ авторомъ „Дочери Славы“, Колларомъ, знаменитымъ проповѣдникомъ славянскаго возрожденія, и много обязанъ былъ ему направленіемъ своихъ національныхъ идей. Въ 1830, Гай уже напечаталъ книжку о преобразованіи хорватской орѳографіи, которое впослѣдствіи и установилось въ литературѣ.

---

[1]) Іосифъ Иречекъ, въ предисловіи ко 2-й части Шафариковой Gesch. der südsl. Liter., говоря о современномъ сербо-хорватскомъ литературномъ сближеніи, замѣчаетъ: «Alles das sind Fortschritte, welche Šafařik, als er das vorliegende Werk verfasste (около 1830), wohl als wünschenswerth, aber als so wenig wahrscheinlich betrachtete, dass er dieselben kaum anzudeuten gewagt hat».

Съ конца 1834 Гай началъ изданіе политической газеты „Novine Horvatzke“ и литературнаго прибавленія „Danica Horvatzka, Slavonzka i Dalmatinzka“ на собственно-хорватскомъ, „кайкавскомъ“ нарѣчіи. Въ 1835 онъ ввелъ уже въ свои изданія новую ороографію, и печаталъ также статьи на сербо-хорватскомъ,—но скоро увидѣлъ, что, ограничиваясь собственной Хорватіей (населеніе которой не превышало 700,000), онъ не можетъ достигнуть прочнаго и обширнаго вліянія. Поэтому съ 1836 года онъ назвалъ свое изданіе „Ilirske narodne novine“ и „Danica Ilirska“; необработанное хорватское нарѣчіе замѣнено было богатымъ сербо-хорватскимъ языкомъ, который господствуетъ въ Далмаціи, Славоніи, Сербіи, Боснѣ и т. д., имѣлъ уже славныхъ писателей въ далматинскую эпоху, а у новыхъ Сербовъ имѣлъ Обрадовича, Вука и великолѣпный эпосъ. Чтобы соединить въ одно общее понятіе эти разбросанныя отрасли одного народа, Гай принялъ для него старое классическое названіе Иллировъ. Новое имя давало возможность говорить о цѣлой массѣ сербскаго племени; оно поддерживало мысль о національной силѣ племени, которое должно было теперь выдерживать венгерскія нападенія: иллирскій патріотическій энтузіазмъ легко могъ соединять, — и дѣйствительно соединялъ, — подъ одно знамя представителей мелкихъ отдѣльныхъ народностей, которыхъ до того времени раздѣляла провинціальная ревность.

Но сначала иллирская унія возстановила противъ себя православныхъ Сербовъ, которые не хотѣли дать „Иллирамъ“ овладѣть ихъ языкомъ, народными преданьями и національной славой, — началась полемика между двумя литературами одного племени, литературой загребскихъ Иллировъ и литературой православныхъ Сербовъ [1]). Впослѣдствіи, въ 1843, имя „Иллировъ“, чисто книжное, не имѣвшее корня въ народныхъ понятіяхъ и не представлявшее ничего осязательнаго, было оставлено, впрочемъ потому только, что просто было запрещено австрійскимъ правительствомъ. Иллиры назвались „Юго-Славянами“.

Какъ бы то ни было, перемѣна имени, устранявшая тѣсную мѣстную ограниченность, и принятіе новаго литературнаго языка, обнимавшаго значительную часть австрійскаго Славянства и владѣвшаго историческими преданіями, имѣли полный успѣхъ и нашли совершенное сочувствіе въ передовыхъ людяхъ тогдашней славянской литературы. Шафарикъ вполнѣ одобрялъ эту реформу, которая по словамъ его была вызвана настоящей потребностью времени, и поддерживалъ своимъ авторитетомъ иллирскія стремленія [2]): и въ самомъ дѣлѣ юж-

[1]) Со стороны Сербовъ эту полемику велъ особенно упомянутый прежде Тодоръ Павловичъ.

[2]) Ost und West, № 17 (перепечатано въ книжкѣ гр. Драшковича, о которой ниже).

нымъ Славянамъ такъ нуженъ былъ центръ, гдѣ бы могло сосредоточиться западно-сербское развитіе, что Загребъ вдругъ сталъ въ это время почти такимъ же важнымъ славянскимъ средоточіемъ, какъ Прага. Здѣсь собрался цѣлый кружокъ даровитыхъ южно-славянскихъ патріотовъ, ученыхъ, публицистовъ и поэтовъ, принявшихъ участіе въ „Даницѣ“ и предпринимавшихъ самостоятельныя работы. Нѣкоторые писали сначала на „кайкавскомъ“ нарѣчіи, потомъ переходили къ общему „иллирскому“, т.-е. сербо-хорватскому. Такъ ревностными сотрудниками Гая были Драгутинъ Раковецъ, Людевитъ Вукотиновичъ, А. Здепчай, В. Бабукичъ, Ив. Мажураничъ, Станко Вразъ; далѣе Ив. Кукульевичъ, М. Боговичъ и другіе. Многіе изъ нихъ пріобрѣли знаменитое имя въ исторіи цѣлаго славянскаго возрожденія. „Иллиры“ горячо взялись за идею славянскаго единства и ихъ одушевленныя воззванія нашли уже вскорѣ отголосокъ между славянскими патріотами юго-западнаго края Австріи. Сначала „Хорватскія“, потомъ „Иллирскія Новины“ напоминали своимъ читателямъ о великомъ славянскомъ отечествѣ, говорили о могуществѣ славянскаго исполина, раскинувшагося отъ Адріатики до Ледовитаго океана и Китая, вспоминали старую славянскую исторію, указывали враговъ Славянства и призывали къ единству и взаимности, которыя одни могли обезпечить Славянамъ достиженіе народнаго блага. Они говорили о великой цѣли славянскаго племени, которое должно наконецъ низвергнуть своихъ враговъ и занять свое законное мѣсто между народами. Въ особенности же „Иллиры“ указывали на исторію своего собственнаго народа, и возбуждали къ защитѣ своего народнаго интереса отъ врага, т.-е. отъ Венгровъ. Статьи загребскихъ публицистовъ были составляемы съ значительнымъ искусствомъ и удачно дѣйствовали на свою публику. Хорватскіе поэты не уступали имъ въ пропагандѣ той же общей идеи.

Самъ Гай еще въ 1833 написалъ стихотвореніе: „Хорватія еще не погибла, пока мы живы“ (Još Hrvatska nij' propala и пр.), призывавшее всѣхъ Иллировъ къ новому союзу и соединенію въ одно „Коло“ (хороводъ), въ которомъ въ старыя времена хорватскаго царства соединены были Крайнцы, Штирійцы, Каринтійцы, Славонцы съ Босной, Истріей и Далмаціей. Вукотиновичъ, одинъ изъ ревностныхъ проповѣдниковъ и поэтовъ новаго союза, призывалъ въ своихъ пѣсняхъ хорватскій народъ „сбросить суровое иго, которое пятнаетъ ихъ имя и подкапываетъ ихъ племя“. Не указывая еще прямо на „врага“, онъ съ самаго начала говорилъ Хорватамъ:

> «Все на этой землѣ, и старецъ и дитя, желаетъ себѣ золотой свободы и съ отточеннымъ оружіемъ выходитъ противъ ея нарушителя.
>
> «Пора уже теперь отточить наши мечи противъ враговъ нашего имени, и въ потокахъ вражеской крови затопить вражескую несправедливость,— пусть это будетъ нашей первой заповѣдью», и т. д.

Онъ зоветъ Иллировъ явиться со всѣми силами на священную войну и обѣщаетъ вѣрную побѣду. Другой поэтъ, Тѐрнскій, также даетъ понять, что необходимость соединенія очень реальна: „кто поражаетъ моего брата—Серба или Далматинца или кого-нибудь другого,—тотъ проливаетъ и мою кровь; поэтому, пусть единство наше низвергнетъ чужеземца,—и ты, братъ, открой глаза!“ Патріотическая поэзія обращалась къ старинѣ и на развалинахъ замковъ и разрушенныхъ городовъ указывала слѣдствія старыхъ несогласій и новое убѣжденіе — соединиться.

При каждомъ новомъ годѣ, изданія „Иллировъ“ все больше высказывали открытую ненависть къ венгерскому господству. Они находили симпатическіе отклики въ разныхъ славянскихъ земляхъ, у Чеховъ, у отдѣленныхъ своимъ нарѣчіемъ виндскихъ Славянъ; даже отъ православныхъ Сербовъ послышались одобренія (посланіе Савы Текелія, президента сербской Матицы въ Пестѣ, къ Людевиту Гаю, въ Dan. Ilirska, 1840, № 40),—потому что Иллиры (хотя нѣкоторые, какъ самъ Гай, иногда очень заявляли католическое усердіе) на первомъ планѣ ставили цѣль — политическую. Въ Боснѣ „апостольскій викарій“ Барашичъ писалъ въ Римъ жалобы на Гая, какъ на распространителя вредныхъ ученій; по поводу возстанія 1837, босанскій паша жаловался австрійскому правительству на Гая, какъ зачинщика волненій. Заявляло свои сочувствія и русское славянофильство; къ этому времени относятся путешествія будущихъ русскихъ славистовъ, которые завязали здѣсь дружескія связи съ дѣятелями „Иллирства“, какъ въ Прагѣ съ чешскими патріотами, и безъ сомнѣнія вынесли отсюда большую долю своего направленія. Въ 40-хъ годахъ „Иллиры“ выступаютъ уже политической партіей: они громко говорятъ объ отдѣленіи хорватскихъ королевствъ Австріи отъ венгерской короны, пророчатъ гибель Венгріи. Въ 1838, „Иллиры“ основали читальню (Čitaonica), гдѣ собраны были газеты почти всѣхъ славянскихъ земель, и гдѣ сходились патріоты; наконецъ, старались дѣйствовать на общественную жизнь посредствомъ національныхъ баловъ, концертовъ, процессій съ пѣньемъ патріотическихъ пѣсенъ, надѣли національный костюмъ; даже ученики гимназіи приняли участіе въ дѣлѣ: они сожгли свои венгерскія грамматики на кострѣ и оставили школу. Въ то же время основываются въ Загребѣ разныя патріотическія общества: сельско-хозяйственное, президентомъ котораго былъ загребскій епископъ Гавликъ (родомъ Словакъ), приверженецъ новаго движенія, заботившійся о народныхъ школахъ; „иллирская Матица“, основанная по образцу сербской и издававшая произведенія старой далматинской поэзіи (первымъ былъ „Османъ“ Гундулича); „народное дамское общество“; „читальни“ распространялись изъ Загреба по другимъ городамъ Кроаціи и поддерживали инте-

ресъ къ литературному и политическому движенію хорватской столицы. Пропаганда доходила и до наивностей. Графъ Янко Драшковичъ, ревностный „Иллиръ", поддерживавшій всѣ патріотическія предпріятія того времени, президентъ иллирской Матицы, загребской Читальни и т. д., написалъ (хотя по-нѣмецки) книжку для обращенія въ иллиризмъ хорватскихъ женщинъ [1]): пересчитывая въ ней знаменитые факты иллирской исторіи, онъ считаетъ своему племени не меньше трехъ тысячъ лѣтъ! Появилась наконецъ марсельеза приготовлявшейся національной борьбы:

«Тотъ, кто родился Славяниномъ, и родился героемъ,—подними теперь высоко свое знамя; каждый подпояшь свою саблю, каждый садись на бойкаго коня! Впередъ, братья, Богъ съ нами, злой духъ противъ насъ.

«Смотрите, какъ черный дикій Татаринъ (т.-е. Венгръ) попираетъ нашу націю и языкъ; но прежде чѣмъ онъ успѣетъ покорить насъ, мы сбросимъ его въ бездну ада.

«Съ сѣвера храбрый Словакъ и съ юга Иллиръ братски подаютъ другъ другу руки на геройское пиршество, на блескъ копій, звуки трубъ, трескъ мечей, громъ пушекъ.

«Пусть каждый срубитъ одну голову, чтобы омыть нашу славу во вражеской крови, и конецъ нашихъ страданій достигнутъ. Впередъ, братья» и такъ далѣе.

Таковъ былъ складъ иллирской литературы въ послѣдніе годы передъ венгерскимъ возстаніемъ; это уже не одно простодушное увлеченіе стариной, идеальнымъ Славянствомъ, братскимъ единеніемъ: оно смѣнилось раздраженіемъ и открытой борьбой—за то выяснились національныя отношенія. На выборахъ въ Загребѣ, въ 1842—45 годахъ, происходили уже сцены кровопролитія. Страсти были возбуждены до послѣдней степени [2]): политическое броженіе закончилось войной 1848—49 года.

Въ образчикъ того, какъ Иллиры понимали этнографическія отношенія и исторію своего племени, укажемъ напр. книги Сельяна (Početak etc. literature ilirske 1840; Zemljopis pokrajinach ilirskich, 1843). Въ своей географіи (неважной въ ученомъ отношеніи) онъ настаиваетъ на томъ, что „Славяне—та великая и могущественная нація, которая не только въ Венгріи имѣетъ двойной перевѣсъ надъ венгерской націей, но даже и въ Австрійской имперіи составляетъ двѣ-трети цѣлаго населенія; она занимаетъ даже больше половины Европы, треть Азіи

[1]) Ein Wort an Illyriens hochherzige Töchter über die ältere Geschichte und Regeneration ihres Vaterlandes. Agram 1838.

[2]) Die gesammte Literatur des «Jung-Illyriens» erhielt einen neuen, doch höchst beklagenswerthen Aufschwung, und glich einem grossartigen Pasquill, das fast die ganze illyrische Intelligenz in Anspruch zu nehmen schien. Gesch. des Illyrismus, стр. 78, говоритъ защитникъ Венгріи. Но надо бы добавить, что Венгры и «мадьяроны», какъ называютъ ихъ хорватскихъ приверженцевъ, нисколько не уступали съ своей стороны.

и значительную часть Америки и, словомъ, это — величайшая нація на бѣломъ свѣтѣ, потому что считаетъ до 80 милліоновъ" и пр. Указываетъ затѣмъ малочисленность Венгровъ, — не-европейскаго народа, пришедшаго изъ Азіи,—заманчиво изображаетъ счастливую жизнь стараго, еще свободнаго Славянства и призываетъ къ національному единству, которое могло бы возвратить эту счастливую старину. Въ другой книжкѣ онъ говоритъ объ этомъ единствѣ: „Мы тождественны не только по крови и языку вообще, и въ этомъ отношеніи составляемъ одно тѣло съ Чехами, Поляками и Русскими; мы больше родственны съ ними и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, по нарѣчіямъ, пѣснямъ, обычаямъ, національнымъ воспоминаніямъ, — духъ настоящаго Славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность, именно, чтобы всѣ Славяне считали себя братьями одного великаго семейства". Первая изъ этихъ книжекъ, очень въ сущности невинная, обратила на себя вниманіе и венгерскія власти остановили ея продолженіе; но ссылки на 80 милліоновъ славянскаго племени, а также на его 3000-лѣтнюю древность въ Европѣ, стали обычнымъ пріемомъ; ихъ наглядность была понятна, и какъ ни слабо было на ту пору ихъ реальное значеніе, онѣ помогли національному возбужденію, а съ другой стороны дали поводъ къ тѣмъ воплямъ о панславизмѣ, грозящемъ европейской цивилизаціи, которые въ то время поднялись у Венгровъ и Нѣмцевъ. Съ тѣхъ поръ эти вопли поднимались каждый разъ, какъ въ славянскихъ странахъ обнаруживались стремленія пріобрѣсть себѣ свободу и человѣческое существованіе.

„Иллирскія" идеи возъимѣли свое вліяніе и въ политическихъ отношеніяхъ Хорватовъ и Сербовъ въ эту пору. Сербы австрійскіе явились союзниками Хорватовъ, когда пришлось взяться за оружіе, и избранный тогда Сербами патріархъ Раячичъ въ католической столицѣ Хорватовъ благословилъ въ 1848 г. и принялъ присягу отъ выбраннаго Хорватами бана, Елачича,—событіе неслыханное въ хорватской исторіи.

Мы уже назвали нѣсколькихъ писателей, бывшихъ сотрудниками Гая. Самъ Гай писалъ не много; онъ былъ больше начинателемъ и руководителемъ и политическимъ дѣятелемъ. Въ своемъ изданіи онъ помѣстилъ нѣсколько историческихъ статей о прошломъ Хорватовъ, объ ихъ отношеніяхъ къ Сербамъ; у него было много знаній, но мало критики, и защита „Иллирства" не всегда была удачна и полезна, потому что бывала иногда притязательна въ отношеніи къ Сербамъ. Послѣ 1848 Гай уклонился отъ политической дѣятельности, и съ усмиреніемъ венгерскаго возстанія и наступленіемъ реакціи подвергался

не малымъ притѣсненіямъ. Съ 1849 прекратилась „Даница“, и возобновилась только въ 1853 году; здѣсь была помѣщена его „Banologija iliti o hrvatskih banovih“. Упомянемъ еще, что основавши въ 1839 типографію въ Загребѣ, Гай издавалъ между прочимъ старыхъ далматинскихъ писателей—Анниб. Лучича, Рапьину, Джорджича [1]). Сотрудники его были люди съ болѣе искренними тенденціями,—и ихъ дѣятельность, имѣвшая полный успѣхъ въ свое время, доказываетъ всего лучше, что литературная реформа, произведенная ими, была дѣйствительною потребностью. Станко Вразъ (1810—1851, собственно Яковъ Фрасъ), родомъ Словенецъ, былъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ и даровитыхъ Иллировъ, и изъ лучшихъ хорватскихъ поэтовъ. Сначала онъ писалъ на своемъ родномъ нарѣчіи, но послѣ перешелъ къ иллирству, дававшему болѣе широкое поприще. Его стихотворенія отличаются истинной поэзіей и эстетической отдѣлкой — онъ старался ввести въ хорватскую литературу всѣ формы европейской лирики. Съ 1835 онъ помѣщалъ въ Даницѣ свои стихотворенія и корреспонденціи; въ 1840 вышли его эротическія пѣсни, „Djulabije“; въ 1841—Glasi iz dubrave Žeravinske, въ 1845—Gusle i Tambura. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ревностный этнографъ, и въ 1839 издалъ небольшое, но прекрасное собраніе иллирскихъ пѣсенъ изъ Штиріи, Крайна, Каринтіи и западной Венгріи. Вмѣстѣ съ Драгутиномъ Раковцемъ и Вукотиновичемъ, а потомъ одинъ, онъ издавалъ наиболѣе любопытный иллирскій журналъ „Kolo“ (съ 1842 года), который былъ одушевленнымъ органомъ новаго національно-литературнаго движенія [2]). Драгутинъ Раковацъ (1813—1854), другой пламенный поэтъ и патріотъ, писалъ сначала на „кайкавскомъ“ нарѣчіи, потомъ ревностный Иллиръ, много трудившійся для возбужденія національнаго сознанія. Онъ былъ послѣ секретаремъ хорватскаго экономическаго общества. Раковацъ и Міятъ Сабляръ положили основаніе Народнаго Музея (съ коллекціей древностей и естественной исторіи и библіотекой), которому пожертвовали свои собственныя собранія. Къ старѣйшимъ поэтамъ новой эпохи принадлежитъ упомянутый Людевитъ Вукотиновичъ (собственно Farkaš. потомъ Farkaš-Vukotinović); еще въ 1832 онъ написалъ на „кайкавскомъ“ нарѣчіи драму, потомъ сталъ „Иллиромъ“ и писалъ горячія патріотическія стихотворенія, изъ которыхъ иныя поются донынѣ; онѣ вышли въ 1838 („Pěsme i pripovědke“; 2-е изд. 1840); въ 1842 вышли его по-

[1]) Біографіи Гая еще нѣтъ; краткая — въ «Научномъ Словникѣ». Въ книжкѣ Гильфердинга, Les Slaves Occidentaux (Собр. Соч. II, 81), Гай изображается какъ «одно изъ самыхъ искусныхъ орудій австрійской политики». Болѣе умѣренный взглядъ у Лавровскаго, Извѣст. II Отд. VIII, 410—411. См. еще Knjižnica Gajeva, Zagr. 1875, I—XXX.

[2]) Děla Stanka Vraza, въ пяти частяхъ, Zagr. 1863—1868, 1877. Въ пятомъ томѣ, между прочимъ корреспонденціи и статьи изъ «Даницы» и «Кола», и письма 1833—50 г., очень любопытныя для литературной исторіи хорватскаго возрожденія.

выя замѣчательныя стихотворенія: „Ruže i tàrnje“; въ 1844—„Prošastnost ugarsko-horvatska“, историческія повѣсти; въ 1859—61 онъ издавалъ альманахъ „Лептиръ“ (Бабочка). Послѣ 1848, Вукотиновичъ отдался изученію естествознанія и экономіи, и работаетъ въ литературѣ по этой области. Мирко Боговичъ (род. 1816), одинъ изъ даровитѣйшихъ хорватскихъ поэтовъ, началъ свое поприще въ журналѣ „Кроація“ и въ „Иллирской Даницѣ“, затѣмъ издавалъ свои пѣсни, стихотворенія: „Ljubice“ 1844, „Smilje i kovilje“ 1847, политическія стихотворенія: „Domorodni glasi“ 1848, игралъ политическую роль во время революціи. Впослѣдствіи онъ отдался исключительно литературной дѣятельности, писалъ повѣсти, преимущественно историческія (изд. 1860), драмы „Франкопанъ“ 1856, „Матія Губецъ“ 1860, и трагедію „Степанъ, послѣдній краль босанскій“ 1857. Братья Мажураничи, Антонъ и Иванъ, имѣли также свою большую долю въ дѣлѣ иллирскаго возрожденія и начали свою дѣятельность еще съ 30-хъ годовъ. Антонъ (род. 1805), одинъ изъ старѣйшихъ писателей и патріотовъ хорватскихъ, и лучшихъ знатоковъ хорватскаго языка и литературы, кромѣ трудовъ филологическихъ работалъ надъ изданіемъ старыхъ далматинскихъ поэтовъ и составилъ, въ сотрудничествѣ съ Веберомъ и Месичемъ, хрестоматію „иллирской“ литературы, въ которую вошли и нѣкоторые писатели православныхъ Сербовъ („Ilirska Čitanka“, Вѣна 1856). Иванъ Мажураничъ (род. 1813), съ шестидесятыхъ годовъ занимающій важное положеніе въ хорватскомъ правительствѣ, также работалъ надъ языкомъ и исторіей, въ 1848 принималъ участіе въ событіяхъ и написалъ замѣчательную брошюру: Hrvati Magyarom; но главное основаніе его литературной славы составили его поэтическія произведенія. Хорватскіе критики называютъ эти произведенія геніальными и ставятъ Мажуранича на первое мѣсто между всѣми поэтами цѣлаго сербо-хорватскаго юга [1]). Этихъ произведеній немного. Онъ началъ стихотвореніями въ „Даницѣ“; затѣмъ въ 1844 издалъ упомянутыя нами прежде двѣ пѣсни въ дополненіе недостающихъ двухъ въ „Османѣ“ Гундулича, которыя, по мнѣнію хорватскихъ критиковъ, удивительно воспроизводятъ стараго дубровницкаго поэта и однѣ могли бы доставить Мажураничу великое поэтическое имя... Но главнымъ трудомъ его была поэма „Смертъ Смаилъ-аги Ченгича“, одно изъ популярнѣйшихъ произведеній сербо-хорватской литературы. Она издана была сначала „по-иллирски“—латинскими буквами въ загребскомъ альманахѣ „Искра“ 1846, потомъ „по-сербски“—кирилловскими буквами (Субботича, Цвѣтникъ серб. Слов., 1853), далѣе издавалъ ее Ткалацъ кирилловскими и латинскими буквами, въ Загребѣ (1857), и

[1]) Jihoslované, 373—374.

пр.—образчикъ сближенія литературъ, сербской и иллирской, какія нерѣдки теперь съ обѣихъ сторонъ. Русскій переводъ поэмы сдѣланъ былъ Петровскимъ и Бенедиктовымъ [1]); польскій—Кондратовичемъ; чешскій I. Коларжемъ. Къ числу поэтовъ новой „Иллиріи" можетъ быть отнесенъ и Никола Томашичъ (Niccolo Tommaseo, столько извѣстный въ итальянской литературѣ, род. 1802), родомъ изъ Шибеника, на подобіе дубровницкихъ поэтовъ патріотъ итальянскій и славянскій. Его „Iskrice" (изд. 1844, 1848, 1849) пользуются у южнославянскихъ читателей славой классическаго произведенія. Впрочемъ, Томашичъ скорѣе итальянскій политическій человѣкъ и писатель, чѣмъ славянскій поэтъ; въ 1848—1849 онъ былъ товарищемъ знаменитаго Манина во временномъ правительствѣ возставшей Венеціи. Изъ его многочисленныхъ итальянскихъ книгъ замѣтимъ только Canti popolari Slavi, raccolti ed illustrati da N. T. Venezia 1842.

Одинъ изъ старѣйшихъ Иллировъ есть д-ръ Димитрій Деметеръ, изъ греческаго рода, переселившагося изъ Македоніи въ Хорватію (род. 1811), извѣстный въ особенности своими драматическими пьесами, въ которыхъ слѣдовалъ старымъ дубровницкимъ писателямъ (Dramatička pokušenja, Загр. 1838, 1844). Онъ нѣсколько лѣтъ издавалъ „Даницу", въ 1844—46 альманахъ „Искра", гдѣ помѣщено нѣсколько его повѣстей, 1842 издалъ въ „Kolo" поэму „Grobničko polje"; съ 1856 редакторъ оффиціальныхъ „Нар. Новинъ". Онъ много работалъ надъ хорватскимъ театромъ. Графъ Янко Драшковичъ, изъ древняго хорватскаго рода (1770—1856), горячій патріотъ, первый изъ хорватской аристократіи приступившій къ Иллирству, написалъ нѣсколько стихотвореній въ „Даницѣ", упомянутую нѣмецкую книжку, и какъ основатель „Читальницы" много дѣйствовалъ для возбужденія національнаго чувства; между прочимъ былъ большой знатокъ славянскихъ нарѣчій. Иванъ Тѐрнскій (Trnski, по прежнему правописанію Târnski, род. 1819) считается въ ряду лучшихъ хорватскихъ поэтовъ: его стихотворенія стали появляться еще съ тридцатыхъ годовъ, эротическія, въ которыя вводитъ патріотическую идею, и также сатирическія. Могутъ быть названы еще Ант. Нѣмчичъ (1813—1859); Павелъ Штосъ (1807—1861), выступившій еще ранѣе Гая; священникъ Юрій Тординацъ; Мато Топаловичъ (ум. 1861), также священникъ, первый изъ Славонцевъ, приставшій къ иллирскому движенію, и друг.

Наконецъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ приверженцевъ иллиризма былъ Иванъ Кукульевичъ-Сакцинскій (род. 1816), который и до настоящаго времени занимаетъ важное мѣсто въ литературномъ движеніи Хорватовъ. Кукульевичъ учился въ Загребѣ, былъ сначала въ

[1]) Переводъ Петровскаго помѣщенъ въ «Поэзіи Славянъ», стр. 250—263.

военной службѣ, которую оставилъ въ 1842, и вступилъ потомъ на политическое поприще въ земскихъ хорватскихъ сеймахъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ началъ свою литературную дѣятельность, написалъ, кромѣ многихъ стихотвореній, героическую драму „Juran i Sofia“ (1839), которая въ 1840 дана была ново-садской труппой въ Загребѣ,—это была первая оригинальная пьеса хорватскаго театра. Онъ издалъ потомъ свои „Različita djela“ (4 ч., 1842—47), въ которыхъ собралъ свои разсказы, драматическія пьесы и пѣсни, и къ послѣднимъ прибавилъ и народныя хорватскія пѣсни, имъ записанныя. Въ 1848 онъ напечаталъ свои политическія стихотворенія („Slavjanke“) въ общемъ тонѣ „иллирской“ поэзіи той эпохи — съ ненавистью къ „врагамъ“ и панславянскими воспоминаніями и надеждами.

Принявъ практическое участіе въ политическихъ волненіяхъ Хорватіи въ 40-хъ годахъ, Кукульевичъ пріобрѣлъ славу патріотическаго оратора. Онъ первый предложилъ на хорватскомъ сеймѣ 1843, чтобы хорватскій языкъ принятъ былъ оффиціальнымъ языкомъ вмѣсто латыни,—предложеніе, принятое съ великимъ участіемъ патріотами юной Иллиріи, но отвергнутое консерваторами, которые удерживали латынь въ оппозицію мадьярству. Рѣчи Кукульевича на земскихъ собраніяхъ, не проходившія въ печать по своей рѣзкости, доставили ему такую популярность, что въ 1848 г., когда настала полная анархія, онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враничаномъ, во временное правительство Хорватіи. Въ это время устроилъ онъ то народное собраніе, гдѣ баномъ Кроаціи выбранъ былъ извѣстный Елачичъ. Кукульевичъ былъ главой хорватской депутаціи, изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, которая представила императору Фердинанду 24 пункта народныхъ желаній. Затѣмъ онъ же, первый, сдѣлалъ весной 1848 въ газетѣ „Славянскій Югъ“ предложеніе о славянскомъ съѣздѣ, который собрался потомъ въ Прагѣ; и исполнялъ затѣмъ дипломатическія порученія въ австрійской Сербіи и въ княжествѣ, и т. д. Когда началась реакція, Кукульевичъ оставилъ оффиціальную дѣятельность и обратился къ антикварскимъ и историческимъ занятіямъ, и здѣсь также работалъ очень ревностно. Въ 1850 его стараніями основано было „Общество юго-славянской исторіи и древностей“, которое выбрало его своимъ президентомъ; изданіемъ общества былъ извѣстный Arkiv za poviestnicu jugoslavensku, важный для изученія юго-славянской исторіи. Кукульевичъ предпринималъ изданія старинныхъ далматинскихъ писателей, составилъ историческую хрестоматію изъ ихъ произведеній („Stari pjesnici hrvatski XV—XVI vieka“), „Словарь южно-славянскихъ художниковъ“, собралъ обширную библіотеку рукописей, предпринималъ антикварскія путешествія по иллирскимъ землямъ и въ Италіи, издавалъ историческіе памятники (Jura regni Croatiae, Dalmatiae et

Slavoniae, 1860; Monumenta historica Slavorum meridionalium, 1863), составилъ многочисленныя описанія хорватскихъ городовъ и историческихъ мѣстностей, и т. д.

Таково было это „иллирское" возрожденіе, внезапно вызвавшее столько дѣятельности въ литературѣ, которая передъ тѣмъ едва подавала признаки жизни. Австрійское правительство не мѣшало тогда возбужденію славянской народности и даже тайкомъ помогало ему, потому что въ то время хотѣло найти въ немъ оружіе противъ венгерскихъ притязаній. Но когда цѣль была достигнута, дѣла совершенно перемѣнились. Побѣда надъ Венграми не только не помогла Хорватамъ, но имъ же особенно пришлось выносить на себѣ каверзы наступившей реакціи, и Венгерцы имѣли полное право смѣяться надъ ними, что Хорваты, сражаясь за Австрію, выиграли гораздо меньше, чѣмъ Венгерцы, сражаясь противъ нея. Централизаціонная реакція распространилась на всѣ славянскія земли Австріи, какъ только Австрія снова почувствовала свою силу, и Хорваты должны были понять (впрочемъ, еще не всѣ поняли), что кромѣ того „врага", съ которымъ они боролись, у нихъ есть другой гораздо болѣе опасный. Вмѣсто мадьяризаціи началась теперь германизація, поддерживаемая всѣми средствами чиновничьяго управленія. Люди, посѣщавшіе Загребъ въ послѣднее время, указываютъ на сильное ея распространеніе. Разумѣется само собою, что приняты были мѣры и противъ литературы: хорватскій патріотъ, а тѣмъ паче „панславистъ", прежде свободно высказывавшій свои мысли, теперь становился нарушителемъ общественнаго спокойствія и государственнаго порядка. Въ литературѣ наступилъ неблагополучный поворотъ. Одни, работавшіе на политическомъ поприщѣ, должны были устраниться или (какъ напр. Кукульевичъ, Боговичъ и др.) должны были ограничиться чисто литературными предметами; другіе покорились тому, что̀ имъ указывало правительство. Начинаются преслѣдованія печати. Ихъ испыталъ Боговичъ въ 1853, когда онъ подвергся тюремному заключенію „за оскорбленіе величества"; испыталъ Праусъ, издававшій „Süd-Slavische Zeitung", гдѣ онъ разбиралъ скользкій вопросъ объ отношеніяхъ между Славянами и Нѣмцами; имъ подвергся талантливый д-ръ Имбро Ткалацъ, бывшій редакторомъ нѣмецкой газеты „Ost und West", гдѣ выражалась оппозиція противъ новѣйшей конституціи Шмерлинга, и т. д.

Иллирское движеніе нашло ревностныхъ партизановъ и въ Далмаціи, и не осталось безъ результата въ большемъ развитіи общаго національнаго сознанія. Условія литературы здѣсь почти тѣ же, какъ Хорватовъ; славянская литература должна была бороться съ итальянствомъ и поднимать упавшее или неразвитое національное чувство. Здѣсь также нашлись одушевленные патріоты, которые впрочемъ не

всегда сливались съ „Иллирствомъ", сохраняли особенности своего далматинскаго положенія и кромѣ того, какъ выше указано, дѣлились между хорватской и сербской литературой, а иногда, какъ Божидаръ Петрановичъ, равно принадлежали той и другой. Литературная дѣятельность оживилась въ Далмаціи уже въ сороковыхъ годахъ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей сербо-хорватской далматинской литературы является графъ Медо Пучичъ (или Пуцичъ, Orsat Počić, Pozza, род. 1821) изъ древней дубровницкой фамиліи. Сначала онъ писалъ по-итальянски о славянскихъ предметахъ въ La Favilla di Trieste и L'avvenire di Ragusa; переводилъ на итальянскій Краледворскую Рукопись, Гундулича, Мицкевича; въ 1844 издалъ въ Вѣнѣ „Антологію" изъ старыхъ дубровницкихъ поэтовъ; дѣятельно участвовалъ въ загребской „Даницѣ" и въ „Далматинской Зарѣ"; въ 1849 въ Загребѣ издалъ „Taljanke", стихотворенія, писанныя имъ въ Италіи; напечаталъ въ „Дубровникѣ" переводы изъ Залѣскаго, Пушкина. Въ 1856 вышла его „Povĕstnica Dubrovnika"; въ 1858—62 Сербское Дружество издало его сборникъ памятниковъ по исторіи Дубровника: „Споменици српски". Въ иллирскомъ движеніи онъ участвовалъ какъ патріотическій поэтъ; его „Pjesme" вышли въ Карловцѣ 1862, „Cvieta" въ Вѣнѣ 1864; новыя стихотворенія въ „Dubrovnik" 1867 и др. Въ 1844 основана была „Zora Dalmatinska", которую издавали до 1848 Ав. Казначичъ, Валентичъ и А. Кузманичъ: здѣсь сосредоточивались труды далматинскихъ писателей. Августъ Казначичъ былъ редакторомъ упомянутыхъ Favilla и L'avvenire, и писалъ по-итальянски и по-хорватски. Отецъ его, Антунъ Казначичъ, патріотическій поэтъ, работалъ также надъ исторіей своей родины [1]). Матія Банъ, упомянутый прежде, живя въ Далмаціи основалъ журналъ „Dubrovnik", 1849—51, для литературы и дубровницкой исторіи, возобновленный дубровницкой „штіоницей" (читальней) въ 1867, подъ редакціей маркиза Іосифа Бунича (Bona). Однимъ изъ лучшихъ далматинскихъ поэтовъ считается П. Антунъ Казали (Казаличъ, род. 1815); его первыя стихотворенія появились въ „Далм. Зарѣ"; въ 1856 онъ издалъ поэму „Златка", въ 1857 „Trista vicah udovicah", и поэму „О Гробницкомъ полѣ", тэма, которую уже мы видѣли у Деметера [2]).

По началу своей дѣятельности принадлежалъ Далмаціи поэтъ, который въ настоящее время пользуется наибольшей популярностью и ставится многими на первое мѣсто въ хорватской поэзіи. Это—Петръ

[1]) Воспоминанія о немъ, см. въ загребскомъ журналѣ «Vienac», 1874, 255.

[2]) Отрывокъ изъ «Златки» въ «Поэзіи Славянъ», 265—266. Гробницкое поле, близъ Рѣки (Fiume), знаменито какъ поле битвы 1242 года: когда татары, разбивши венгерскаго короля Белу IV и преслѣдуя его, вторгнулись въ Хорватію, то Хорваты, Славонцы и Далматинцы нанесли имъ на Гробницкомъ полѣ пораженіе, заставившее ихъ покинуть Хорватію.

Прерадовичъ, родомъ изъ Военной Границы (1818—1872). Онъ учился въ военной академіи и въ 1838 поступилъ въ военную службу; удаленный надолго отъ родины, онъ почти забылъ родной языкъ, и свои поэтическіе опыты дѣлалъ на нѣмецкомъ языкѣ; только когда ему пришлось стоять съ полкомъ въ Далмаціи, въ немъ пробудилась любовь къ своей народности, и онъ сталъ писать по-хорватски: первыя стихотворенія его явились въ „Zora Dalmatinska" 1844, потомъ въ Гаевой „Даницѣ" [1]). Въ 1846, въ Зарѣ, онъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній „Prvenci". Но ему не долго пришлось жить на родинѣ; онъ участвовалъ въ австро-итальянскихъ войнахъ, былъ адъютантомъ Елачича и т. д. Въ 1851 онъ издалъ въ Загребѣ „Nove pjesme"; въ „Невенѣ" 1852 былъ помѣщенъ отрывокъ драматизированнаго эпоса „Kraljević Marko"; много его произведеній разсѣяно было въ хорватскихъ журналахъ, особенно цѣнятся его эпическія стихотворенія „Prvi ljudi" и „Slavjanski Dioskuri". Собраніе его сочиненій вышло въ 1873 [2]).

Далматинское движеніе подверглось такимъ же стѣсненіямъ, какъ загребское „Иллирство"; славянская дѣятельность въ пятидесятыхъ годахъ упала, не сильна и теперь, но патріоты не теряютъ надежды на будущее, полагая, что народныя массы въ хорватской землѣ и въ Далмаціи еще хранятъ запасъ національности, котораго можетъ достать до лучшихъ временъ. Съ другой стороны хорватскіе „Юго-Славяне" старались сблизиться съ восточными Сербами, и внѣшнимъ знакомъ этого было то, что они въ своихъ изданіяхъ соединяли труды писателей обѣихъ литературъ, или обѣ азбуки; обѣими азбуками печаталась поэма Мажуранича; Ткалацъ напечаталъ по-кирилловски свое „Державное право Сербіи"; Вукотиновичъ даетъ мѣсто этой азбукѣ въ своемъ альманахѣ „Лептиръ" и т. д. Но вообще современная юго-славянская литература носитъ на себѣ слѣды труднаго положенія, въ которомъ находились и находятся политическія и общественныя дѣла сербскаго народа, восточнаго и западнаго.

Одно въ сущности племя остается раздѣленнымъ: въ политическомъ

---

[1]) Въ письмѣ къ Станку Вразу, въ маѣ 1845, Прерадовичъ благодаритъ Враза за добрый отзывъ о его пѣсняхъ и поэтически говоритъ о своемъ возвращеніи къ родному языку и поэзіи: «Sve što ja pišem, to kao iz sna radim, iz sna prvih ljeta moga života, gdje niesam druge glase nego materine slušao. Preveć su me tudji običaji, tudja čustva, tudje mišljenje nadrasli, za da bi ja mogo izvorni domorodni spisatelj postati: ja ću uviek u sumraku basati, medj tudjom noći i domorodnim danom. Po tih razlozih morao bi pero baciti, prekrstiti ruke i plakati. Ali opet pamet mi veli: s plačom nećes ni sebi ni drugima pomoći, čini što možeš, krpaj, ako ne znaš šiti. I tako, moj prijateljn, ja krpam i moja utjeha u tom stoji, da i krpana haljina može biti poštena». Děla St. Vraza, V, XXII.

[2]) Pjesnička djela Petra Preradovića. Izdana troškom naroda. Zagr. 1873, съ біографіей, писанной его другомъ І. Т. (Тèрнскимъ) и эстетической оцѣнкой его произведеній, Марковича.

отношеніи, — между свободными землями, Австріей и Турціей, — въ вѣроисповѣданіи, а затѣмъ въ литературѣ. Узкій провинціализмъ преувеличиваетъ мѣстныя отличія племени; религіозная нетерпимость дѣлитъ людей даже одного племени и мѣстности; неумѣнье помирить исканіе иноземнаго образованія съ любовью къ своему народу и странѣ, ведетъ къ потерѣ національности; политическое соперничество дѣлитъ Сербовъ и Хорватовъ, когда надъ обоими еще виситъ общая опасность,— все это производитъ разладъ, одинаково вредный всѣмъ частямъ племени. Дѣятельность болѣе просвѣщенныхъ людей только теперь начинаетъ разрушать этотъ разладъ и ставить на его мѣсто болѣе широкій національный интересъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ и новая южно-славянская поэзія.

Съ эпохи возрожденія эта поэзія, у Сербовъ всѣхъ оттѣнковъ, одинаково подверглась вліянію европейскихъ литературъ и начала усвоивать ихъ формы. У Сербовъ въ Австріи и княжествѣ не было въ этомъ отношеніи никакой традиціи, и вліяніе нѣмецкой литературы было тѣмъ сильнѣе; у Сербовъ западныхъ обновилось воспоминаніе о старой далматинской поэзіи, которая стала снова предметомъ изученія. Съ другой стороны въ новой литературѣ отражались болѣе или менѣе сильно народно-поэтическіе элементы. Близкое сосѣдство сербскихъ племенъ, единство многихъ старыхъ народныхъ преданій и новыхъ политическихъ интересовъ, наконецъ историческое изученіе больше и больше приводили образованныхъ патріотовъ къ сознанію о необходимости національнаго сербо-хорватскаго единства. Эта мысль высказывалась въ разныхъ концахъ южно-славянской литературы, начиная отъ Досиѳея Обрадовича но поэтовъ иллиризма. Эта идея нашла ревностныхъ проповѣдниковъ и въ поэтахъ всей новѣйшей сербской литературы: они опять говорятъ о братской любви и единодушной борьбѣ противъ врага, сзываютъ своихъ братьевъ отъ Дравы до Балкана, отъ Дуная до Адріатики.

«Слышите ли...., чего начинаютъ требовать народы, какія ихъ желанья и надежды,—говоритъ современный далматинскій поэтъ (Сундечичъ). Нынѣ подъ ногами ихъ трясется земля, рѣчи подпимаются къ облакамъ, и изъ каждой страны всякій вѣтерокъ приноситъ намъ таинственныя слова, которыя будятъ наши сердца и мысли; онѣ предшествуютъ назначенной порѣ, за которой мы будемъ ждать спасенья. Въ глубинѣ пещеры, гдѣ почиваетъ нашъ Марко, уже засверкалъ его мечъ...

«Пусть витязи опоясываются саблями, пусть приготовятъ добрыхъ коней, пусть спятъ у готовыхъ коней, чтобы скорѣе быть въ сѣдлѣ и скорѣе напасть на врага, а тамъ что дастъ Богъ и наша рука!.. Но не будемъ полагаться на одпѣ юнацкія мышцы; противъ коварства надо бороться мудро, а нашъ врагъ—коварство. Пусть умъ повелѣваетъ нашею рукою, но, разъ начавши, пусть не перестаетъ она, пока не падетъ или не побѣдитъ»...

Въ томъ же тонѣ національнаго единства говорили другіе современные поэты, и Сербы: Малетичъ, Якшичъ, Утѣшеновичъ, Субботичъ; и Хорваты: Вукотиновичъ, Мажураничъ, Боговичъ; и Далматинцы: Медо-Пучичъ, Казали и проч. Къ сожалѣнію, дѣйствительность еще мало соотвѣтствуетъ восторженнымъ призывамъ: Сербо-Хорваты все еще остаются крайне раздѣлены и чужимъ гнетомъ, и собственнымъ раздоромъ и непониманіемъ положенія; проповѣдь братства еще не сблизила племенъ „Дуная и Адріатики", да и проповѣдники мирятъ какъ-то свои національныя воззванія съ заявленіями австрійскаго патріотизма.

Но надобно думать, что поэтическіе призывы не однѣ пустыя идеалистическія фразы, что они имѣютъ свой корень въ національно-политическомъ сознаніи, которое, хотя и медленно, развивается въ сербохорватскомъ народѣ, и даетъ угадывать впереди болѣе прочное, политическое и образовательное движеніе, гдѣ опытность, пріобрѣтенная въ прошломъ, послужитъ передовымъ людямъ народа на будущее время.

Оставаясь въ предѣлахъ литературнаго обозрѣнія, мы не касаемся политическихъ подробностей; довольно сказать, что Хорватія въ дѣйствительности далеко не имѣетъ того, что́ считаетъ своимъ исконнымъ историческимъ правомъ: политическая власть находится исключительно въ рукахъ дуалистической Австро-Венгріи, которой обѣ половины одинаково нерасположены уважать чужія историческія права. Во внутреннемъ быту Хорваты пользуются извѣстными конституціонными вольностями, но не имѣютъ силы въ рѣшеніи общихъ національно-политическихъ вопросовъ, какъ можно было видѣть недавно въ дѣлѣ Военной-Границы. Патріоты видятъ, что дѣлу нельзя помочь ссылками на справедливость или на старинные документы, — но въ народѣ нѣтъ того одушевленія и рѣшительности, какъ бывало въ 1848 году. Тогда, явныя и тайныя поощренія самой власти, враждовавшей съ Венграми, потомъ ея слабость открыли политическимъ людямъ возможность обратиться къ народу и выступить на открытую борьбу; теперь этихъ условій нѣтъ...

Не мудрено, что въ невозможности практическаго дѣйствія развивается политическая фантазія. Она и обнаруживалась въ политической литературѣ хорватской. Внѣ публицистики, болѣе или менѣе практической, находящей мѣсто въ немногихъ политическихъ газетахъ (нынѣ главнѣйшая изъ нихъ „Obzor", основанный въ 1871), политическая литература Хорватовъ представляетъ нѣсколькихъ писателей, изъ которыхъ мы остановимся на двухъ. Одинъ — Кватерникъ, другой—Антунъ Старчевичъ. Евгеній Кватерникъ (1825—1871), сынъ профессора и также писателя Іосифа Ромуальда, еще юношей, въ

1848, вступилъ на политическое поприще и затѣмъ, среди разныхъ неудачъ, разочарованій, столкновеній, сдѣлался политическимъ писателемъ, болѣе и болѣе рѣзкимъ. Основной его идеей была защита историческихъ правъ своего народа, возвеличеніе его прошедшаго и борьба противъ Венгріи и дуализма. Онъ началъ французской книгой: La Croatie et la Confédération italienne (avec une introduction par L. Leouzon Le Duc, Paris, Amyot, 1859), гдѣ хороша была историческая часть, но политическія предположенія далеко не были основательны: автору казалось, что Кроацію должна, ради ея исторической заслуги,— отраженія татарско-турецкихъ нашествій,— поддержать западная Европа [1]). Книга была издана имъ, когда онъ временно эмигрировалъ изъ Австріи. Затѣмъ, вернувшись въ Хорватію въ концѣ 1860, онъ издалъ „Politička razmatranja"; „Das historisch-diplomatische Verhältniss des Königreichs Kroatien zu der ungarischen St. Stephans Krone"; „Was ist die Wahrheit?" (Agr. 1861) противъ венгерца Салая. Вторая часть его хорватской книжки въ 1862 была конфискована, онъ преданъ суду, посаженъ въ тюрьму, и опять эмигрировалъ, послѣ чего ему запрещенъ былъ въѣздъ въ Австрію. Въ 1871 онъ погибъ въ попыткѣ возстанія въ Огулинѣ [2]). Въ исторической части трудовъ Кватерника есть историческое знаніе, много патріотическаго чувства; въ своихъ политическихъ построеніяхъ онъ фантазируетъ, но по крайней мѣрѣ защищаетъ дѣйствительное право. Не совсѣмъ таковъ Антунъ Старчевичъ, адвокатъ и политическій дѣятель, издавшій нѣсколько рѣчей и политическихъ памфлетовъ (у насъ были въ рукахъ не всѣ: „Govor u sednici Sabora hervatskoga", Zagr. 1866; „Nekolike Uspomene", 1870; „Koja je prava hervatska politika", 1871; „Pasmina Slavoserbska po Hervatskoj, 1876). Это — самый рѣзкій, самый крайній представитель панхорватства, какіе только бывали въ хорватской литературѣ; онъ одинаково рѣзокъ и въ обсужденіи внутреннихъ хорватскихъ дѣлъ и дѣятелей (напр. нападенія на Мажуранича и Штросмайера). Въ послѣднемъ, онъ, кажется, иногда говоритъ правду, хотя говоритъ грубо. Но его панхорватство не выдерживаетъ, и даже не заслуживаетъ критики. По его мнѣнію, никакихъ „Юго-Славянъ" или „Сербо-Хорватовъ" не существуетъ, и историческое право принадлежитъ именно Хорватамъ на всемъ томъ пространствѣ земель, которое всѣ другіе считаютъ занятымъ не столько Хорватами, сколько Сербами [3]). Къ серб-

[1]) Довольно сочувственный разборъ этой книги былъ сдѣланъ Гильфердингомъ, который впрочемъ указалъ и ея увлеченія. Собр. Сочин. II, 153—165.

[2]) Объ этомъ «возстаніи» см. Les Serbes de Hongrie, 331.

[3]) Вотъ территорія хорватской державы, по Старчевичу: «Zemlje, što ih obuhvaća deržavno pravo Hervatah, po historiji i po narodnosti, prostiru se: od Nemačke do Macedonije, od Dunaja do mora, a po današnjih posebitih provincialnih imenih, sledeće su: Južna Štajerska, Koruška, Kranjska, Gorica, Istra, Hervatska, Slavonija,

скому племени онъ относится не только съ соперничествомъ, но съ ожесточенной враждой, даже съ презрѣніемъ. Онъ совсѣмъ не желаетъ признать въ немъ родственнаго народа: это—„Славо-Сербы“, имя, котораго обѣ половины означаютъ рабство; это—не какое нибудь старое племя, а какая-то особая „порода“ (pasmina), помѣсь, нѣчто въ родѣ охорватенныхъ цыганъ [1]). Послѣдняя книжка Старчевича посвящена историческому доказательству этихъ положеній. Старчевичъ пишетъ особымъ лаконическимъ стилемъ, и говоритъ рѣшающимъ тономъ, недопускающимъ возраженій; небольшой кружокъ его послѣдователей высказался недавно въ полемикѣ съ А. А. Майковымъ по поводу панхорватскихъ притязаній на Босну и Герцеговину, по „историческому праву“ временъ короля Звониміра). Старчевичъ—крайность, но неслучайная, къ сожалѣнію. Это еще одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ неумѣнья направить даже свой патріотизмъ, несчастной политической мелочности, которая мѣшаетъ славянскимъ обществамъ воспользоваться своей возможной силой. Онѣ спорятъ изъ-за будущаго воздушнаго зàмка, а въ настоящемъ ихъ успѣваютъ ограбить добрые сосѣди.

Но въ современной хорватской литературѣ есть другая сторона, производящая болѣе отрадное впечатлѣніе. Это — развитіе научной и образовательной дѣятельности, которое может дать одно изъ сильныхъ средствъ къ лучшему сознанію національнаго блага. Выше упомянуто объ основаніи общества юго-славянской исторіи, óрганомъ котораго былъ „Архивъ“ Кукульевича. Въ 1864 основанъ былъ ученый журналъ „Književnik“, издававшійся (три года) на иждивеніе Иллирской Матицы и посвященный въ особенности историко-филологическимъ изученіямъ: редакторами его были Рачкій, Ягичъ и Торбаръ. Наконецъ въ 1867 дѣятельность хорватскихъ ученыхъ нашла центръ и болѣе широкое поприще въ „Юго-Славянской Академіи“ въ Загребѣ, основанной подъ покровительствомъ хорватскаго патріота и католическаго епископа Іос. Юрія Штросмайера. Съ перваго же года Академія начала издавать свои труды: Rad jugoslav. Akademije znanosti i umjetnosti (теперь до сорока томовъ); Monumenta spectantia historiam

Krajina, Dalmacija, gornja Albanija, Cerna gora, Herzegovina, Bosna, Rašia (Старая Сербія), Serbia,—ter sve u kupno jesu jednim pravim imenom: deržava Hervatska». Koja je prava herv. politika? стр. 6.

[1]) «Slavoserbi su smetje naroda, versta ljudih, koji se prodavaju svakomu tko i po što ih hoće, i svakomu kupcu davaju Hervatsku u nametak... Da bi Slavoserbi imali iskru uma i poštenja, oni ne bi bili Slavoserbi, a da bi imali iskru otačbeničtva, oni ne bi bili izdajice naroda hervatskoga» и т. п. Nekolike Uspomene, 28, 32.

[2]) Умѣренные хорватскіе публицисты выражаются о «Pasmina Slavoserbska» очень сурово: «Mjesto da nam bude idealom hrvatskoga rodoljuba (pa i sa svom svojom skrajnosti mogao bi to biti), on (т.-е. Старчевичъ) nije nego prosti paskvilant». Obzor, 1877, № 77. «Otvoreno pismo na preučena gospodina Majkova» по поводу статьи въ Нов. Вр. 1876, «отъ скупщины хорватской академической молодежи», 25 янв. 1877—ребячество и незнаніе русской исторіи и литературы. Отвѣтъ Майкова, Нов. Время, 1877, 20 февр.

Slavorum meridionalium, 1868—76, пять томовъ; Starine, 1869—76, восемь томовъ; она сдѣлала рядъ изданій старыхъ дубровницкихъ поэтовъ, поддерживала частные труды хорватскихъ ученыхъ. Замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ Академіи является ея предсѣдатель, Франьо Рачкій (род. 1829). Родомъ изъ приморской Хорватіи, Рачкій учился въ Рѣкѣ (Фіуме) и Вараждинѣ, потомъ въ Вѣнѣ и выбралъ себѣ церковное поприще; съ 1852 г. священникъ и профессоръ церковной исторіи и права, Рачкій уже въ пятидесятыхъ годахъ заявилъ себя замѣчательными изслѣдованіями преимущественно по церковной исторіи своего отечества. Въ 1857, по убѣжденію хорватскаго мецената Штросмайера онъ отправился въ Римъ, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ канonикомъ иллирскаго капитула (въ S. Girolamo dei Schiavoni), ревностно занимаясь въ Ватиканской и другихъ библіотекахъ Рима. Въ 1857—59 вышла его замѣчательная книга о Кириллѣ и Меѳодіи, которая дала ему почетную извѣстность въ славянскомъ ученомъ мірѣ. Затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ трудовъ по славянской древности и хорватской исторіи: Pismo slovjensko, Загр. 1861; Odlomci iz državnoga prava horvatskoga, Вѣна 1861; много замѣчательныхъ историко-политическихъ статей въ газетѣ „Pozor“; изданіе знаменитаго глаголическаго евангелія Ассемани, вмѣстѣ съ Ягичемъ, 1865; въ „Книжевникѣ“ и отдѣльно, 1865, изданъ былъ обзоръ источниковъ хорватской исторіи: Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest srednjega vieka; въ Трудахъ Академіи новый рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій, напр. упомянутое выше, лучшее изслѣдованіе о Богомилахъ; Pokret na slavenskom jugu koncem XIV i početkom XV stoljeća (также отдѣльно), 1868; Borba južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku, 1875; въ „Старинахъ“: Gradja za poviest hrvatsko-slovenske seljačke bune god. 1573, 1875, и множество частныхъ изслѣдованій, критическихъ статей, изданій памятниковъ. Рачкій есть одинъ изъ первостепенныхъ славянскихъ ученыхъ и просвѣщенный хорватскій патріотъ, умѣющій соединить археологическую ученость съ живымъ пониманіемъ политической жизни и Славянства.

Не менѣе замѣчательны заслуги другого хорватскаго ученаго, труды котораго мы много разъ указывали въ теченіи настоящей книги, — Ватрослава Ягича (род. 1835). Онъ былъ сначала профессоромъ въ Загребѣ, затѣмъ въ Одессѣ, нынѣ занимаетъ каѳедру въ Берлинскомъ университетѣ. Изслѣдованія Ягича направлены главнымъ образомъ на предметы филологическіе, археологію и исторію литературы. Нѣсколько его важныхъ работъ было помѣщено въ „Книжевникѣ“; затѣмъ въ 1867 онъ издалъ „Исторію сербо-хорватской литературы“ (древній періодъ), гдѣ соединяетъ въ одно исторію обоихъ отдѣловъ племени; къ этой „Исторіи“ примыкаютъ упомянутые „Примѣры“ и „Прило-

женія"; съ основанія Академіи многочисленныя изслѣдованія Ягича являлись въ „Радѣ" и въ „Старинахъ" (Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa, и въ отдѣльномъ изданіи, 1873, 1874, 1877). Поселившись въ Берлинѣ, Ягичъ основалъ замѣчательный „Archiv für slavische Philologie" съ 1875, гдѣ ему принадлежатъ главные труды, по описанію рукописей, филологической критикѣ, по изслѣдованію народной поэзіи, научной библіографіи. Новѣйшій, чрезвычайно любопытный и оригинальный трудъ Ягича помѣщенъ въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ „Рада": Gradja za historiju Slovinske narodne poezije, 1876.

Въ трудахъ академіи принимаютъ участіе много другихъ хорватскихъ и ино-славянскихъ ученыхъ, какъ Шиме Любичъ (работавшій по исторіи, литературѣ, нумизматикѣ и эпиграфикѣ), Богославъ Шулекъ (родомъ Словакъ, обжившійся въ Хорватіи, одинъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ Гая, въ послѣднее время составившій замѣчательный технический словарь хорватско-нѣмецко-итальянскій), Адольфъ Веберъ (иначе Ткальчевичъ), М. Вальявецъ, Мато Месичъ, Ив. Ткальчичъ, Арминъ Павичъ (авторъ „Исторіи дубровницкой драмы" и другихъ изслѣдованій по старой хорвато-далматинской литературѣ, переводчикъ „Поэтики" Аристотеля и проч.); Петръ Матковичъ, Люд. Вукотиновичъ (по естествознанію); Франьо Курелацъ (1811—1874), оригинальный ученый самоучка, политическій человѣкъ, большой знатокъ живыхъ славянскихъ нарѣчій и этнографъ, котораго Хорваты приравниваютъ къ Караджичу [1]); ино-славянскіе ученые, какъ Фр. Миклошичъ, Даничичъ, Стоянъ Новаковичъ, Леопольдъ или Лавославъ Гейтлеръ, Яроміръ Ганель (оба послѣдніе, родомъ Чехи, профессора въ Загребскомъ университетѣ).

Надобно желать, чтобы этотъ союзъ Хорватовъ съ Сербами въ научной области не остался временнымъ и случайнымъ. Путь, которымъ могутъ быть устроены южно-славянскія отношенія, есть прежде всего—сербо-хорватское единство; только оно дастъ и той и другой сторонѣ ту нравственно-національную силу, которая обезпечитъ ихъ будущее. Наука можетъ служить къ этому именно однимъ изъ благороднѣйшихъ средствъ. Въ неблагополучномъ внѣшнемъ положеніи почти всѣхъ отраслей сербо-хорватскаго племени, наука всего сильнѣе можетъ укрѣпить національное сознаніе, пробужденное первыми великими начинателями Возрожденія; только она укажетъ историческую цѣну прошедшаго, давно прожитаго, устранитъ національныя распри и заблужденія и научитъ идеаламъ, къ которымъ должна стремиться національ-

[1]) Его біографія, написанная Веберомъ, но не довольно полная, въ «Радѣ» 1874, XXXIX, 160—205; ср. стр. 210. Біографическія черты встрѣчаются и въ сочиненіяхъ Курелца; см. напр. введеніе къ его Jačke ili narodne pěsme, Zagr. 1871, и друг.

ная жизнь и на которыхъ слѣдуетъ сосредоточивать силы всѣмъ политическимъ обломкамъ замѣчательнаго племени.

Духъ примиренія стараго племенного раздвоенія дѣйствительно проникаетъ труды хорватскихъ и сербскихъ ученыхъ; въ этомъ смыслѣ они объединяютъ обѣ отрасли именемъ Юго-Славянъ, и соединяютъ въ обоихъ центрахъ труды сербскихъ и хорватскихъ научныхъ силъ; просвѣщенный взглядъ на національные интересы сглаживаетъ и религіозную исключительность. Хорватскій предсѣдатель академіи, католическій каноникъ, нашелъ теплыя и разумныя слова, говоря о православно-далматинскомъ ученомъ [1]). Знаменитый сербскій ученый, коснувшись сербо-хорватской вражды, настаиваетъ на полномъ племенномъ тождествѣ Сербовъ и Хорватовъ, и указываетъ въ простыхъ словахъ одно достойное рѣшеніе мелкой, но глубоко вредной распри.

„Ја мислим,—говоритъ Даничичъ, — да не може бити друго него да су Срби и Хрвати један народ, само имају два имена... Истина, може некоме бити тешко кад га ко зове другим именом него што се он сам зове; али овдје не бива тешко само једној страни, него исто тако и другој; то би већ могло тегобу прилично олакшавати, а још би се више олакшала кад би се узимало на ум, да је њу сама историја нашега народа собом донијела, те припада међу толике друге невоље народне, које нам ваља јуначки подносити докле их не укинемо, а које *се не укидају никаквим распрама, него великим, историјским дјелима.* Да така дјела може народ чинити, о томе нам ваља радити“.... [2]).

---

6. Народная поэзія Сербовъ.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, даже изъ всѣхъ европейскихъ, Сербы представляютъ наиболѣе обширное развитіе народной поэзіи, сохранившейся до настоящаго времени въ той живой полнотѣ, какую вообще предполагаютъ для народной поэзіи въ старые періоды непосредственно-патріархальнаго быта. Это явленіе дѣйствительно замѣчательно,—потому что, хотя болѣе внимательное изслѣдованіе до сихъ поръ продолжаетъ открывать и у другихъ славянскихъ народовъ много этого поэтическаго матеріала, считавшагося затеряннымъ (примѣръ у Болгаръ и въ новыхъ открытіяхъ древняго русскаго эпоса), нигдѣ однако не находится такого роскошнаго обилія пѣсни, такого живучаго творчества, какъ у Сербовъ. Это явленіе должно конечно имѣть свои

---

[1]) Рачкій, въ некрологѣ Петрановича, Rad, XXX, 193.

[2]) Диоба словенских језика, из лекција др. Даничића. Бѣлгр. 1874, стр. 7.

причины въ особенныхъ качествахъ національнаго характера и народной исторіи.

Историческое развитіе сербской народной поэзіи доселѣ мало разработано, хотя о ней есть уже значительная литература [1]). Первые начатки ея должны корениться въ первобытныхъ временахъ племени, но они давно покрыты позднѣйшими историческими наслоеніями. Слѣды отдаленнѣйшей древности скорѣе могутъ быть отысканы въ обрядовыхъ пѣсняхъ, которыми закрѣпленъ былъ языческій обычай, и гораздо меньше именно въ эпосѣ, который воспринималъ въ себя и новую совершавшуюся исторію и новыя героическія сказанія, свои, чуженародныя и книжныя.

Но въ старину народный эпосъ у Сербовъ почти никогда, или очень рѣдко попадалъ въ книгу. Очень рѣдки и извѣстія объ его существованіи въ народѣ. По введеніи христіанства, духовенство у южныхъ Славянъ, какъ и у насъ, возставало противъ пѣсенъ, видя въ нихъ языческій обычай, и не удостоило бы упоминать о нихъ иначе, какъ въ церковномъ обличеніи. Во всей старой литературѣ православныхъ Сербовъ нашлось, кажется, только одно упоминаніе о пѣсняхъ въ Доментіановомъ житіи св. Савы (XIII вѣка). Даже послѣ паденія царства, когда сербскій эпосъ получилъ особенное развитіе, въ книжной литературѣ не нашлось мѣста для патріотическаго преданія; напротивъ, напыщенная пустота церковнаго слога доходила до крайностей, которыя приводили иногда ученыхъ въ негодованіе противъ этой реторики, не находившей живого слова для трагическаго національнаго событія [2]).

Первый историческій слѣдъ народнаго эпоса давно уже указывали въ лѣтописи попа Діоклейскаго или Дуклянскаго, составленной въ XII вѣкѣ [3]). Изъ XIV столѣтія, неясное упоминаніе о сербскихъ юнацкихъ пѣсняхъ осталось у Византійца Никифора Григоры, который путешествовалъ по Сербіи въ 1325 — 26 году, и слышалъ, какъ поются пѣсни въ память героевъ; но онъ не зналъ языка, и съ византійскимъ высокомѣріемъ, а также и невѣжествомъ относительно иноземцевъ, самый языкъ находилъ звѣринымъ, а не человѣческимъ. Свидѣтель-

[1]) По-русски, первая характеристика сербской поэзіи сдѣлана въ диссертаціи Бодянскаго: «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» М. 1837; далѣе Прейсомъ: «О эпической поэзіи Сербовъ», въ Актѣ Спб. Унив. 1845; П. Безсоновымъ при «Болг. Пѣсняхъ»; о современныхъ пѣвцахъ и пѣсняхъ—путевые разсказы А. Попова, Гильфердинга, П. Ровинскаго; въ «Поэзіи Славянъ» довольно много пѣсенъ переведено. Изъ изслѣдованій славянскихъ ученыхъ лучшія принадлежатъ Миклошичу, Die serbische Epik, въ Oesterr. Revue, 1863, II; Ягичу, въ журн. Отачбина, 1875, № 12, 574—589, и полнѣе въ «Радѣ» XXXVII, 1876: «Gradja za historiju» и проч.

[2]) Выше мы приводили отзывъ Гильфердинга, «Боснія» и пр. 277—279.

[3]) Ранке, Ист. Сербіи, М. 1857, 62; Ягичъ, Hist. Knjiž. 113 — 117; Gradja (отд. изд. 1876), 80.

ство Григоры должно такимъ образомъ указывать на эпосъ, предшествовавшій циклу Косовской битвы [1]).

Довольно опредѣленно упоминается о сербскихъ героическихъ пѣсняхъ въ описаніи путешествія посольства изъ Вѣны въ Константинополь въ 1531 году. При этомъ посольствѣ находился нѣкто Курипешичъ, родомъ Словинецъ, который и описалъ путешествіе по-нѣмецки. Здѣсь въ трехъ мѣстахъ упоминается о пѣсняхъ: „въ Кроаціи (Хорватіи) и Боснѣ много поется пѣсенъ о Малкошичѣ—Босняки и Хорваты поютъ еще много пѣсенъ о рыцарскихъ подвигахъ вѣрнаго слуги князя Радослава Павловича—у Хорватовъ и доселѣ поется много пѣсенъ о Кобиловичѣ" [2]). Первыя имена неясны; послѣднее относится къ извѣстному сподвижнику князя Лазаря въ Косовской битвѣ, Милошу Кобиличу или Обиличу. Въ другомъ путешествіи, изъ Пешта въ Адріанополь, 1553 г., омадьяреннаго Хорвата Вранчича (родомъ изъ Шибеника, въ итальянской формѣ — Веранціо, позднѣе примаса Венгріи), есть косвенное упоминаніе о герояхъ сербскаго эпоса. Вранчичъ не говоритъ о пѣсняхъ и вообще больше интересовался классическими воспоминаніями объ этихъ странахъ, нежели славянскими; но въ двухъ случаяхъ упоминаетъ о сербскихъ герояхъ, однажды о князѣ Лазарѣ и Милошѣ [3]). Другая замѣтка довольно любопытна. Упоминая объ одной тѣснинѣ въ Балканахъ (у Ветрена и Сухой-Клиссуры), съ остатками древности, Вранчичъ предполагаетъ, что здѣсь могли быть древнія укрѣпленія; но нынѣшніе жители, говоритъ онъ, не зная о древнихъ Грекахъ, Ѳракійцахъ, Македонянахъ и Римлянахъ, все примѣняютъ къ своему времени; такъ и построеніе Клиссуры приписываютъ Новаку Дебельяку, или Марку Кралевичу [4]). Это замѣчаніе любопытнымъ образомъ указываетъ, что сербскіе герои уже въ XVI столѣтіи усвоивались различнымъ мѣстностямъ, на этотъ разъ въ Болгаріи, гдѣ имя Марка Кралевича было не менѣе популярно, чѣмъ у Сербовъ. Герлахъ, въ описаніи путешествія по Турціи въ

---

[1]) Ср. впрочемъ А. Павича, Narodne pjesme o boju na Kosovu, Zagr. 1877, стр. 3, 4.

[2]) «Wegreise K. K. Majestät Botschaft nach Konstantinopel», 1531. Изложеніе путешествія въ «Видов-Данѣ», 1863.

[3]) «Quod Lazari temporibus fuisse memorant, quem ab Amurathe magno Turca constat esse occisum una die cum Milosso Kobilith. Iter Buda Constantinopolim, издано у Фортиса, Viaggio, XXI.

[4]) «Credibille est, Haemi hic fuisse claustra... Verum incolae nostri aevi, ignari bellorum veterum, quæ inter Graecos et Thraces, Macedonas et Romanos successivis temporibus per eas Europae partes viguerunt, ad sua tempora cunctas accommodant, et trahunt ejusmodi vetustates. Unde et Clyssurae Pagum Clyssuram alii *Novak Debeglie*, alii Marci Kraglievitz regulorum Graeciae (?), eisque, quoniam per tot successiones in his regionibus dominorum ipsi quoque illas tenuerunt praesidiis, coeca vetustatis barbaries originem etiam locorum adscribit. Sed fallitur, quia veterum est utrumque opus». Тамъ же, XXXIV—XXXV. Пѣсня о Новакѣ-Дебельякѣ см. у Вука (т. III, изд. 1846); Безсонова, Болг. Пѣсни, введ. 86 и слѣд.; Пѣсни, Миладиновыхъ, гдѣ онъ называется «айдутъ Дебелъ Новакъ».

1573 и 1578, упоминаетъ по разсказамъ окольныхъ жителей о развалинахъ (близъ Пирота) замка, гдѣ жилъ Милошъ Обиличъ [1]). Извѣстный австрійскій дипломатъ и путешественникъ Бусбекъ, XVI вѣка, сообщаетъ любопытныя замѣчанія о сербскихъ и болгарскихъ народныхъ обычаяхъ и пѣсняхъ, именно „нарицаньяхъ", naeniae [2]). Чешскій путешественникъ послѣднихъ годовъ XVI вѣка, Вратиславъ зъ-Митровицъ, ѣздившій при посольствѣ въ Константинополь (и много вытерпѣвшій въ Турціи), видѣлъ на пути между Софіей и Филиппополемъ развалины Дервентъ-капи, и слышалъ, что здѣсь жилъ послѣдній деспотъ или князь болгарскій „Марекъ Карловичъ", т.-е. Марко Кралевичъ [3]).

Въ первый разъ сербская народная поэзія стала проникать въ книгу съ XV вѣка, у поэтовъ дубровницкой эпохи. Несмотря на то, что вся ихъ школа была построена на чужихъ, латино-итальянскихъ образцахъ, они сохранили живой и, у отдѣльныхъ поэтовъ, все возраставшій интересъ къ народной поэзіи. У первыхъ дубровницкихъ лириковъ, Менчетича и Держича, уже встрѣчаются отрывки или чисто народныхъ пѣсенъ, или близкія имъ подражанія [4]). У Гекторевича, въ его поэмѣ о рыбной ловлѣ, приведены три чисто народныхъ пѣсни: початница (пѣсня, которая поется при питьѣ за здоровье); пѣсня о Маркѣ Кралевичѣ и братѣ его Андріяшѣ; пѣсня о гибели северинскаго воеводы Радосава, убитаго удбинскимъ воеводой Владкомъ. Бараковичъ, въ своей Vila Slovinska, сохранилъ замѣчательную и чрезвычайно своеобразную пѣсню „Majka Margarita". Динко Раньина повторяетъ мотивы народныхъ пѣсенъ. Гундуличъ въ „Османѣ", Пальмотичъ въ своихъ пѣсняхъ поминаютъ героевъ сербской народной поэзіи—царя Лазаря, Милоша Обилича, Марка Кралевича, Сибинянина Янка (Гуніада), Михайла Свилоевича: очевидно, они хорошо знали народную эпопею. Любопытное бытовое свидѣтельство находится у извѣстнаго Крижанича. Упоминая о древнемъ обычаѣ Римлянъ слушать за столомъ пѣсни о славныхъ подвигахъ предковъ, Крижаничъ замѣчаетъ: „У Хорватовъ и Сербовъ еще во время моего дѣтства (въ первой половинѣ XVII столѣтія) было нѣчто похожее на этотъ римскій обычай. Я видѣлъ, какъ знатные люди и воеводы сидѣли за пирше-

---

[1]) Tagebuch Stephan Gerlach des älteren, Frankf., 1674, стр. 522. Gradja, 83—86.

[2]) Мѣсто изъ Бусбека приведено въ ст. Ч. Міятовича, Гласникъ XXXVI, 200; Миличевичъ, Кнеж. Србија, 185—187.

[3]) Приключенія чешск. дворянина Вратислава, рус. перев. Спб. 1877, 40. О мѣстныхъ пріуроченіяхъ Марка Кралевича, см. еще у Безсонова; Mackenzie and Irby, Travels.

[4]) Pjesme, въ изд. юго-слав. акад. 505—512. «Ни одинъ славянскій народъ,— замѣчаетъ Ягичъ,—не имѣетъ теперь изъ такого давняго времени несомнѣнныхъ примѣровъ обрядныхъ пѣсенъ, какъ эти отрывки изъ XV вѣка». (Gradja, 91).

ствомъ, а стоявшіе за спиной ихъ воины воспѣвали славу предковъ. Всѣ эти пѣсни заключаютъ въ себѣ восхваленіе Марка Кралевича, Новака Дебельяка, Милоша Кобилича и нѣкоторыхъ другихъ героевъ". Въ его грамматикѣ приведены два стиха изъ подобныхъ пѣсенъ,— оба длиннаго (въ шестнадцать слоговъ) метра, о которомъ упомянемъ дальше.

Есть, наконецъ, польскія свидѣтельства первой половины XVII вѣка, что сербскія „гусли" и сербскія юнацкія пѣсни доходили до Польши и Малороссіи: въ эту эпоху турецкихъ войнъ сербскіе пѣвцы по домамъ шляхетныхъ людей и особенно малорусскихъ козаковъ воспѣвали славные подвиги хорватскихъ и польскихъ героевъ [1]).

Прибавимъ, наконецъ, еще одно свидѣтельство о сербской поэзіи, свидѣтельство довольно ужасное. Оно находится въ „Исторіи славянскихъ народовъ", Раича, которымъ заимствовано изъ хроники Бранковича. Раичъ разсказываетъ о томъ, какъ Павелъ князь (Kiniszi) и воевода Баторій праздновали побѣду надъ Турками въ 1485: — „Славно уже оконченной побѣдѣ и прогнаннымъ Туркомъ, Павелъ князь съ единоравнымъ властникомъ и другомъ своимъ воеводою Баторимъ и со всѣми полками веселящеся уставъ сотворили, да между мертвыми тѣлесы чинятъ вечеру. И поставленной бывшей трапезѣ на трупіяхъ мертвыхъ сѣдоша ясти и веселитися, и воставше начаша *воинственно хоро* (т.-е. коло, хороводъ) *играти* припѣвающе *различныя юначкія пѣсни*. И Павелъ князь въ скакательное играніе понудивъ себе и въ средѣ круга того зубами схвативъ мертвую тѣлесину непріятельску и долго съ нею скакаше, зубами держе ю. Симъ дѣйствіемъ всѣхъ зрящихъ въ великое удивленіе приведе и о своей херкулесовой крѣпости всѣхъ увѣри" [2]).

Недавно найдены были цѣлые сборники эпическихъ пѣсенъ XVII и XVIII вѣка, свидѣтельствующіе, что тогдашніе любители наконецъ стали прямо изучать источники народной поэзіи. Въ 1851 Миклошичъ напечаталъ по старой рукописи 1663 г. (въ Slav. Bibliothek, I) пѣсню о Свилоевичѣ, и на первый разъ не могъ понять ея размѣра, такъ какъ въ рукопкси стихи были написаны къ ряду. Новыя открытія указали, что здѣсь являлся особый (пятнадцати-слоговой) эпическій метръ, тотъ же какъ въ пѣсняхъ Гекторевича и Бараковича,—тогда какъ обыкновенный эпическій метръ у Сербовъ есть десяти-слоговой. Свилоевичъ, по объясненію Миклошича, есть Михаилъ Шилаги, извѣстный въ венгерской исторіи и обезглавленный въ Константинополѣ въ 1460.

---

[1]) Gradja, 86—87.

[2]) Ягичъ, въ Отачбинѣ, 578—579; ср. Gradja, 86: «Ja ne bih odveć žalio, da mi tko dokaže, da se ovaj grozni prizor velike surovosti ne proteže na Hrvate i Srbe, već na koga god drugoga, n. pr. na «braću» Magjare».

Пѣсня записана была, по его предположенію, хорватскимъ баномъ и писателемъ Петромъ Зрини (ум. 1671).

Въ настоящее время извѣстны три старыхъ сборника эпическихъ пѣсенъ. Одинъ изъ нихъ, Дубровницкій, былъ въ первый разъ указанъ въ 1859 Гильфердингомъ, который напечаталъ изъ него двѣ замѣчательныя пѣсни, относящіяся къ Косовской битвѣ [1]. Въ 1870, Миклошичъ напечаталъ болѣе двадцати пѣсенъ, между прочимъ очень длинныхъ, изъ того же сборника и еще двухъ другихъ. Сборникъ Дубровницкій заключаетъ 38 пѣсенъ, изъ которыхъ одна доля собрана была Дубровчаниномъ Дьюро Матеемъ (1675 — 1728), который вмѣстѣ съ Игнатіемъ Джорджичемъ сдѣлалъ много для оживленія далматинской литературы въ Рагузѣ послѣ страшнаго землетрясенія въ 1667; другая доля сборника принадлежала Іозо Беттонди или Бетондичу (ум. въ 1764); третья прибавлена неизвѣстнымъ собирателемъ въ 1758. Второй сборникъ пѣсенъ, находящійся въ Перастѣ (предмѣстьѣ Каттаро, или Боки-Которской), составленъ, какъ полагаютъ, въ 1682—1714. Третій сборникъ, начала XVIII вѣка, находится въ библіотекѣ южно-славянской академіи, въ Загребѣ.

Встрѣтивъ въ Дубровницкомъ сборникѣ неизвѣстный до тѣхъ поръ 15-ти-слоговой метръ, Гильфердингъ увидѣлъ въ немъ образчикъ особаго народнаго размѣра, „который теперь уже *исчезъ въ сербскомъ эпосѣ*, но который *въ прошломъ столѣтіи* преобладалъ въ пѣсняхъ, прославлявшихъ событія прошедшихъ временъ“. По словамъ его, этотъ размѣръ „имѣетъ еще въ большей степени спокойный медлительный характеръ эпическаго разсказа, чѣмъ десятисложный стихъ, который въ Дубровницкомъ сборникѣ 1758 года является въ эпическихъ пѣсняхъ *новѣйшаго* происхожденія и въ пѣсняхъ лирическихъ, теперь же исключительно господствуетъ въ сербскомъ эпосѣ“. Иначе взглянулъ на дѣло Миклошичъ (изслѣдовавшій большее число пѣсенъ, чѣмъ Гильфердингъ). Онъ объяснялъ ихъ особенность не тѣмъ, что пѣсни 15-ти-слогового метра были старѣе извѣстныхъ нынѣ пѣсенъ 10-ти-слогового сербскаго метра, а тѣмъ, что онѣ принадлежали другому племени. До сихъ поръ полагали, что изъ славянскихъ племенъ эпосъ существуетъ только у Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ; Миклошичъ прибавлялъ теперь и Хорватовъ, которымъ по его мнѣнію должны принадлежать новооткрытыя пѣсни. Правда, собственные Хорваты, не смѣшанные съ Сербами, не имѣютъ эпической поэзіи; и хотя въ тѣхъ земляхъ, гдѣ Хорваты жили вмѣстѣ съ Сербами и перемѣшаны съ ними, они знаютъ эпическія пѣсни и употребляютъ эпическій метръ Сербовъ (*десятислоговой* стихъ, съ цезурой послѣ четвертаго слога); но теперь оказывается, что въ

---

[1]) «Боснія» 1859, 242—263.

старину они имѣли свой особый эпическій метръ, который у Сербовъ не встрѣчается. Что этотъ метръ дѣйствительно принадлежалъ именно Хорватамъ, Миклошичъ заключалъ изъ того, что пѣсни XVI—XVII вѣка, составленныя въ этомъ метрѣ, и по языку несомнѣнно хорватскія. Этотъ хорватскій, по мнѣнію Миклошича, метръ состоитъ обыкновенно изъ *пятнадцати* слоговъ, съ цезурой послѣ седьмого слога, и, кромѣ того, во многихъ пѣсняхъ является метрическая форма, опять неизвѣстная въ сербскомъ эпосѣ: именно, послѣ нѣсколькихъ стиховъ, восьми, шести, четырехъ, даже двухъ, ставится въ видѣ рефрена (вѣроятно, замыкавшаго въ пѣніи музыкальную фразу) особый короткій стихъ, гдѣ повторяются или дополняются новымъ опредѣленіемъ послѣднія слова предыдущаго длиннаго стиха, и вообще ихъ смыслъ усиливается. (Нѣчто подобное въ малорусскихъ думахъ). Впослѣдствіи, этотъ метръ исчезъ, и Миклошичъ замѣчаетъ объ этомъ слѣдующее: „исчезновеніе хорватскаго эпическаго метра, а также происшедшее отчасти сербизированіе многихъ пѣсенъ, по всей вѣроятности, надо приписать тому, что сербскій элементъ неоспоримо продвинулся (въ хорватскія земли) на западъ и сѣверъ, и отсюда же объясняется тотъ фактъ, что есть края, жители которыхъ называютъ себя Хорватами, хотя говорятъ по-сербски“. Такимъ образомъ, проникали на западъ и сѣверъ и пѣсни чисто сербскаго происхожденія [1]).

Естественно было ожидать, что интересъ къ народной поэзіи, проявившійся у дубровницкихъ поэтовъ и упомянутыхъ собирателей, найдетъ и болѣе прочное мѣсто въ книгѣ. Славонскій писатель Релковичъ помѣстилъ въ своемъ „Сатирѣ“ (1761) подлинную пѣсню о братьяхъ Якшичахъ (ср. Вука, II, 100). Но въ особенности горячимъ любителемъ народной поэзіи и преданій явился названный прежде Андрія Качичъ-Міошичъ. Немногія изъ его пѣсенъ подлинно-народныя, но онъ такъ умѣлъ схватить ихъ характеръ, что его сборникъ получилъ и доселѣ сохраняетъ великую популярность. Любопытно слѣдить теперь это первое обращеніе къ народному эпосу. Настроеніе автора „Разговора“ выражается въ стихотвореніи, которое служитъ введеніемъ къ пѣснямъ: авторъ является въ роли народнаго пѣвца, старца Милована, котораго убѣждаютъ воспѣть старыхъ витязей; Милованъ берется за это, но указываетъ, какъ трудно это дѣло — кто соберетъ облака? кто можетъ воспѣть юнаковъ на свѣтѣ? Онъ не ищетъ прибыли, но

[1]) Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoesie. I. Die Volksepik der Kroaten, въ Denkschriften вѣнской академіи, XIX. 1870. Съ этимъ взглядомъ Миклошича не согласенъ, однако, Ягичъ, который (въ «Отачбинѣ», стр. 582) думаетъ, что и эпическія пѣсни съ длиннымъ стихомъ столько же сербскія, сколько хорватскія. Вопросъ еще не совсѣмъ ясенъ, и можетъ быть рѣшенъ только по приведеніи въ извѣстность всѣхъ сохранившихся памятниковъ этого рода. Собраніе ихъ напечатано Богишичемъ, но еще не издано въ свѣтъ.

берется пѣть ихъ за любовь и славу... [1]). Въ слѣдующей пѣснѣ, которую, по указанію автора, можно было „пѣть въ колѣ", т.-е. хороводѣ, онъ вспоминаетъ всѣ славянскія страны, и прославляетъ ихъ юначество. Самое изложеніе начинается хронологическимъ перечисленіемъ событій „иллирской" исторіи съ древнѣйшихъ временъ, славныхъ царей и князей; далѣе отдѣльныя событія разсказываются въ прозѣ, а за этими разсказами идутъ пѣсни. Первыя пѣсни, о царѣ Константинѣ и Еленѣ, четырехъ святыхъ Савахъ и пр., явно сочинены. Въ другихъ, имѣющихъ болѣе народный складъ, какъ, напримѣръ, пѣсня о Степанѣ Томашевичѣ, кралѣ босанскомъ, пѣсни о Сибиняпинѣ Янкѣ, о взятіи Царяграда и др., самъ Качичъ указываетъ источникъ въ латинскихъ книгахъ, грамотахъ и „различныхъ исторіяхъ". Наконецъ, во многихъ случаяхъ онъ несомнѣнно пользовался народнымъ преданіемъ. Вукъ Караджичъ, вообще очень требовательный относительно подлинности народныхъ пѣсенъ, замѣчаетъ, что самъ Качичъ только о двухъ пѣсняхъ говоритъ, что онѣ такъ поются въ народѣ: это — пѣсня о женитьбѣ Сибинянина Янка и пѣсня о Секулѣ, Мустай-пашѣ и дѣвушкѣ-драгоманѣ [2]), но Вукъ думалъ, что и здѣсь Качичъ не прямо записалъ ихъ отъ народа, но писалъ ихъ „изъ своей головы, какъ могъ припомнить"; къ этимъ двумъ пѣснямъ (съ народнымъ основаніемъ) Караджичъ присоединялъ еще пѣсню о Юришѣ Сенянинѣ [3]). Но могло быть, что и другія пѣсни болѣе или менѣе слѣдовали народной основѣ, напримѣръ, пѣсня о Милошѣ Кобиличѣ и Вукѣ Бранковичѣ, того же содержанія, какъ въ Дубровницкомъ сборникѣ: это разсказъ о ссорѣ Милоша и Вука, объ измѣнѣ послѣдняго и происшедшемъ отъ нея несчастномъ концѣ Косовской битвы [4]). Но вообще, пѣсни Качича до того отличаются народнымъ складомъ, что на первый взглядъ не легко узнать искусственную пѣсню отъ народной.

Замѣчательно, что эпическія пѣсни Качича-Міошича (только съ двумя-тремя исключеніями) всѣ написаны въ десятислоговомъ метрѣ, и нѣтъ ни одной пѣсни съ 15-ти-слоговымъ. Главнымъ источникомъ

---

[1]) Ko će skupit po nebu oblake?
Ko l'izpjevat' po svjetu junake?
Ne bi ti ji Vile izpjevale,
Kamo li e starac Milovane.
Nije lasno uz gusle vikati,
Ni junake po imenu zvati.
. . . .
Da za novce ne pjevam junake;
Već za ljubav, slavu i poštenje,
Vitezovah starih uzvišenje...

[2]) Стр. 119—121 венеціанскаго изд. Качича, 1801.

[3]) Стр. 239—240, венеціанскаго изданія. См. «Народне српске пјесме», Караджича, 2-е изданіе. Лейпцигъ, 1824, I, предисл., стр. XXXVIII.

[4]) Эта пѣсня (единственная изъ Качича) извѣстна и въ русскомъ переводѣ: «Поэзія Славянъ», стр. 239—241.

его эпическаго сборника послужили Босна, Герцеговина и то Хорватское Приморье, куда уже сильно проникъ сербскій элементъ. Босна и Герцеговина до послѣдняго времени были главнымъ очагомъ сербскаго эпоса: вѣроятно и въ прошломъ вѣкѣ здѣсь онъ былъ всего богаче [1]). Строгіе критики находили у Качича мало вкуса; но, во-первыхъ, популярная книга рѣдко можетъ не подпасть этому упреку, потому что по своей цѣли и не можетъ стремиться къ высшему искусству; Качичъ именно обращался къ народу, не къ тѣмъ людямъ, „koji latinski i talianski jezik possiduju", а къ своимъ простымъ соотечественникамъ, которымъ онъ хотѣлъ внушить любовь къ своей старинѣ. Были люди, которымъ не нравились затѣи Милована; онъ говоритъ имъ—„кому угодны эти пѣсни, пусть поетъ ихъ; кому нѣтъ, пусть идетъ спать".

Наконецъ, въ европейской литературѣ народная поэзія Сербовъ въ первый разъ указана была въ замѣчательныхъ трудахъ итальянскаго аббата Фортиса [2]). Человѣкъ обширнаго образованія, очень тонкаго ума, знакомый съ европейскими литературами, Фортисъ прекрасно угадывалъ возникавшіе интересы литературы, когда посвятилъ свое изученіе народному быту далматинскихъ Сербовъ, къ которымъ питалъ большое сочувствіе, и ихъ народной поэзіи. Въ своей книгѣ онъ помѣстилъ нѣсколько образчиковъ сербскихъ (или „морлацкихъ") пѣсенъ, между прочимъ знаменитую „Жалостную пѣсню о благородной женѣ Асанъ-аги" [3]). Фортисъ отзывается о Качичѣ слишкомъ строго, хотя видѣлъ и дѣйствительные его недостатки, напр. произвольность нѣкоторыхъ сюжетовъ; но вообще Фортисъ для своего времени былъ хорошимъ наблюдателемъ, напр. замѣтилъ, до какой исторической эпохи (именно XIV в.) идутъ сербскія пѣсни, умѣлъ оцѣнить ихъ своеобразное достоинство, „напоминающее простоту гомеровскихъ временъ", оцѣнить „звучный и гармоническій языкъ, который однако какъ будто совсѣмъ заброшенъ даже тѣми образованными націями, которыя говорятъ на немъ"—замѣчаетъ онъ, разумѣя упадокъ дубровницкой литературы.

Книги Фортиса имѣли то особенное значеніе, что въ европейской литературѣ были первымъ указаніемъ на южное Славянство съ его народно-поэтической стороны. „Путешествіе въ Далмацію" вызвало дру-

---

[1]) О формѣ пѣсней Качича, см. Jihoslov. 353—354.

[2]) Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. Venezia 1771, и въ особенности Viaggio in Dalmazia, Ven. 1774.

[3]) Canto di Milos Cobilich e di Vuko Brankovich, въ «Saggio» 162—168, изъ Качича; «Xalostna pjesanza plemenite Asan-Aghinize», Viaggio I, 98 и слѣд. Фортисъ цитируетъ еще пѣсни Качича, въ венеціанскомъ изд. 21, 119—120, Viaggio I, 22, 72—73.

гую книгу, далматинца Джованни Ловрича [1]), съ любопытными дополненіями и поправками къ Фортису [2]); потомъ, книга Фортиса была въ тѣ же годы переведена въ цѣломъ и частями на французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Сербскія, или какъ ихъ звали тогда по Фортису, „морлацкія", пѣсни обратили на себя вниманіе, а вмѣстѣ обратили вниманіе и на народъ. Знаменитый Гердеръ помѣстилъ въ своихъ Stimmen der Völker пѣсни, напечатанныя Фортисомъ, и другія, взятыя изъ его рукописей [3]).

Настоящій успѣхъ сербскихъ пѣсенъ во все-славянской и европейской литературѣ сдѣланъ былъ съ изданіями Караджича. Въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, давно приготовленномъ гуманно-національной проповѣдью Гердера и начинавшемъ новую науку народныхъ изученій, пѣсни Караджича въ особенности привѣтствовалъ Яковъ Гриммъ, который познакомился съ собирателемъ еще въ 1813, и былъ съ тѣхъ поръ его другомъ и партизаномъ. Въ 1819 Караджичъ былъ въ Россіи, но труды его были здѣсь меньше замѣчены (впослѣдствіи онъ впрочемъ получалъ изъ Россіи пенсію), чѣмъ въ Германіи, гдѣ іенскій университетъ сдѣлалъ его почетнымъ докторомъ философіи, гдѣ Гриммъ, Фатеръ, Боппъ, Гумбольдтъ удивлялись его сборнику. Это впечатлѣніе выразилось въ отзывѣ, сдѣланномъ въ Göttingische gelehrte Anzeigen (1823, № 177—178) по поводу второго изданія его пѣсенъ.

> Гёттингенскій журналъ встрѣтилъ новое изданіе Вука съ величайшимъ сочувствіемъ, и его отзывъ можетъ служить образчикомъ того, какъ вообще относились къ Вуку въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ. «Эти сербскія пѣсни,—говорилъ критикъ,—не выисканы изъ старыхъ пергаменовъ; онѣ всѣ приняты изъ теплыхъ устъ народа; быть можетъ, прежде онѣ никогда не были записаны, такъ что въ этомъ смыслѣ онѣ вовсе не древни, но онѣ сдѣлаются древними. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ воспѣваютъ подвиги, совершённые не далѣе двадцати лѣтъ. И нельзя услѣдить, чтобы пѣсни, имѣющія предметомъ болѣе старыя, т.-е. неопредѣленныя событія народныхъ преданій, отличались отъ нихъ въ стилѣ и манерѣ». Эти пѣсни невозможно и сравнивать съ такъ-называемыми народными пѣснями нѣмецкими.
>
> «Нѣмецкія пѣсни отличаются въ формѣ той грубостью (das Rohe),

---

[1]) Osservazioni di Giov. Lourich sopra diversi pezzi del Viaggio in Dalmazia del Signor Abate Alberto Fortis (съ присоединеніемъ біографіи гайдука Сочивицы). Венеція, 1776.

[2]) Подробнѣе о Фортисѣ и Ловричѣ см. Вѣстн. Европы 1876, дек., «Первые слухи о сербской народной поэзіи».

[3]) Пѣсня объ Асанъ-агиницѣ получила большую славу. Она была переведена Гёте, и нашла мѣсто въ Stimmen der Völker. Позднѣе, Вукъ помѣстилъ ее въ свой первый сборникъ, 1814; потомъ выпустилъ ее въ другомъ изданіи, такъ какъ хотѣлъ помѣщать только пѣсни имъ самимъ слышанныя или иначе доказанныя, а этой пѣсни онъ не встрѣтилъ, хотя нарочно былъ въ мѣстахъ, гдѣ могъ слышать ее Фортисъ; но въ ней было столько народнаго, что онъ опять помѣстилъ ее въ новомъ изданіи своихъ пѣсенъ (кн. III, Вѣна 1846, 527—533). По-французски она явилась въ переводѣ Нодье, по-нѣмецки—въ новомъ переводѣ въ сборникѣ г-жи Тальви.

какая свойственна простонароднымъ нарѣчіямъ, въ содержаніи безсвязностью, неловкостью, которыя объясняются, если мы вспомнимъ, какъ давно образованный классъ удалилъ изъ своего круга эти предметы и изображенія. Но сербскія пѣсни отличаются чистымъ, благороднымъ языкомъ, въ разсказѣ полны, незапутанны и ясны съ начала до конца. Въ сербскихъ земляхъ нѣтъ простонароднаго площадного нарѣчія (gemeine pöbelhafte Volksmundart), по крайней мѣрѣ въ такой рѣзкой разницѣ, какъ у Нѣмцевъ. Собиратель могъ все записывать прямо изъ устъ народа, не перемѣняя и не подправляя ничего въ словахъ и въ метрѣ». Это отсутствіе простонародно-пошлаго критикъ справедливо объясняетъ историческими условіями: вульгарность является лишь тогда, когда развитіе образованности и литературы выдвигаетъ изъ многихъ одно нарѣчіе и дѣлаетъ его господствующимъ, а другія заслоняетъ и ставитъ на задній планъ. Подобное предстоитъ и сербскому языку, когда одно изъ его нарѣчій станетъ господствующимъ литературнымъ языкомъ. Критикъ восхищается далѣе поэтическими введеніями, съ которыхъ обыкновенно начинаются эпическія пѣсни, въ видѣ сравненій или противоположеній; указываетъ въ пѣсняхъ богатый матеріалъ для изученія свойствъ эпической поэзіи; наконецъ, удивляется чистотѣ и благозвучности сербскаго языка. «Сербъ владѣетъ счастливыми, мужественно-эвфоническими формами языка гораздо въ бóльшей степени, чѣмъ кто-либо изъ его славянскихъ братьевъ; многое напоминаетъ объ Италіи»,— какъ, напримѣръ, разнообразный переходъ буквы *л* въ мягкую гласную. Мы видѣли выше, что самихъ Итальянцевъ поражала благозвучность «морлацкаго» языка. Дѣйствительно, кромѣ превращенія буквы *л* въ мягкую гласную, въ сербскомъ языкѣ есть и другія діалектическія особенности, которыя способствуютъ благозвучію. Онъ вообще стремится смягчать твердыя согласныя, иногда грубыя въ другихъ нарѣчіяхъ; избѣгаетъ ихъ неблагозвучнаго стеченія, столь частаго въ русскомъ, польскомъ, чешскомъ; старается увеличить процентъ гласныхъ звуковъ; — такъ онъ превращаетъ согласныя *т* и *д* въ смягченные звуки, почти не знаетъ звука *х*, смягчаетъ *ѣ* въ je или иje; избѣгая стеченія согласныхъ, онъ вмѣстѣ достигаетъ сокращенія словъ, длина которыхъ вообще составляетъ неудобство славянскихъ языковъ,—такъ что одно и то же слово въ сербской формѣ бываетъ короче, нежели въ русской; вставляетъ гласныя между двумя согласными даже въ иностранныхъ словахъ. Это обиліе ясныхъ и полныхъ гласныхъ звуковъ дѣйствительно дѣлаетъ вѣрнымъ сравненіе сербскаго языка съ итальянскимъ.

Съ двадцатыхъ годовъ въ европейской литературѣ появляется длинный рядъ переводовъ сербскихъ пѣсенъ. Прежде всѣхъ выступила, кажется, г-жа Тальви, замѣчательные нѣмецкіе переводы которой явились въ двухъ книгахъ въ 1825 — 1826 г. [1]); далѣе В. Гергардъ [2]); Зигфридъ Капперъ, который, между прочимъ, собралъ въ переводѣ циклъ пѣсенъ о Косовской битвѣ; Фогель и другіе. Первымъ фран-

[1]) Второе изданіе: Volkslieder der Serben. Halle und Leipz. 1835, 2 ч.; третье изд. въ пятидесятыхъ годахъ.

[2]) Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmärchen, von W. Gerhard. Leipz. 1828, 2 ч.

цузскимъ переводчикомъ былъ, кажется, Шарль Нодье; затѣмъ французскій переводъ сдѣланъ былъ, по Тальви, г-жей Войяръ (m-me Elise Voïart) въ 1834; съ подлинника, переводъ Огюста Дозона въ 1859. Англійскіе переводы сдѣлалъ Боуринтъ; итальянскіе—Каррара; есть переводъ мадьярскій.

Въ русской литературѣ первымъ переводчикомъ сербскихъ пѣсенъ былъ, кажется, знаменитый филологъ Востоковъ, который нѣкогда былъ также и поэтъ: въ числѣ его переводовъ (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", 1827) была и „Жалостная пѣсня объ Асанъ-агиницѣ". Но затѣмъ нашему знакомству съ сербской поэзіей не посчастливилось: Пушкинъ, думая перенесть въ русскую литературу подлинную сербскую поэзію, перевелъ „Пѣсни западныхъ Славянъ" изъ поддѣльнаго сборника Мериме (la Guzla), хотя зналъ о сборникѣ Вука [1]). Настоящая оцѣнка сербской поэзіи начинается только съ началомъ научной славистики, съ трудами Бодянскаго, Прейса, Срезневскаго, Григоровича, новѣе, Гильфердинга, А. Попова, П. Ровинскаго, М. Петровскаго и др. Значительное количество переводовъ изъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ собрано въ „Поэзіи Славянъ" (Спб. 1871). Малорусскіе переводы сдѣланы Старицкимъ [2]); чешскіе — упомянутымъ выше Зигфридомъ Капперомъ [3]).

Приводимъ сужденія г-жи Тальви, съ любовью изучавшей сербскую народную поэзію: онѣ представляютъ довольно вѣрныхъ замѣчаній и вмѣстѣ даютъ понятіе о впечатлѣніи, которое сербскія пѣсни дѣлали въ европейской литературѣ.

«Поэзія Сербовъ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ ихъ обыкновенной жизнью. Это — картина ихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій и страданій; это—поэтическое воспроизведеніе разныхъ положеній массы людей, составляющихъ народъ. Въ комнатѣ, гдѣ сидятъ у очага женщины за вязаньемъ; въ горахъ, гдѣ парни пасутъ свои стада; на площадяхъ, гдѣ деревенская молодежь собирается танцовать *коло;* на равнинахъ, гдѣ собирается жатва; въ лѣсахъ, черезъ которые проѣзжаетъ одинокій путешественникъ,—вездѣ раздается пѣсня. Пѣсня сопровождаетъ всякую работу и часто относится къ ней. Сербъ *живетъ* свою поэзію.

«Сербы раздѣляютъ обыкновенно свои пѣсни на двѣ большія части. Небольшія пѣсни разныхъ размѣровъ, лирическія или эпическія, и которыя поются безъ аккомпанимента, называются *женскими* пѣснями, потому что онѣ складываются большею частью женщинами. Другія пѣсни, состоящія изъ длинныхъ эпопей въ стихахъ изъ пяти правильныхъ трохеевъ, и которыя поются подъ *гусли*, родъ простой однострунной скрипки, называются *юнацкими* пѣснями... Первыя изъ этихъ пѣсенъ носятъ въ высокой степени домашній характеръ. Онѣ сопровождаютъ насъ во всѣхъ различныхъ отношеніяхъ домашней жизни, какъ въ ежедневныхъ занятіяхъ, такъ и въ праздники и дни веселья, прерывающіе ихъ обыкно-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ въ Вѣстн. Евр. 1876, дек. 740—742.
[2]) Сербськi народнi Думи i Пiснi. Пер. М. Старицький. Кiевъ, 1876. 420 стр.
[3]) Zpěvy lidu srbského; 2 выпуска. Прага 1872—74.

венное теченіе. Многое было сказано, и многое еще можно сказать въ похвалу этихъ гармоническихъ изліяній нѣжнаго, свѣжаго и неподдѣльнаго чувства... Мы ограничимся здѣсь замѣчаніями о томъ, что̀ отличаетъ сербскую поэзію отъ другихъ славянскихъ пѣсенъ.

«Это отличіе мы находимъ главнымъ образомъ въ веселости, основномъ элементѣ сербской поэзіи,—свѣтлой и прозрачной ясности духа, похожей на блестящую синеву южнаго неба. Только намеки на несчастье замужней жизни собираются иногда въ тяжелыя облака на этомъ прекрасномъ небѣ. Страхъ быть отданной за стараго мужа, страхъ злой свекрови, ссоры съ невѣстками, увеличивающіяся заботы домашняго быта,—потому что въ истинно патріархальномъ стилѣ женатые сыновья остаются въ родительскомъ домѣ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одну семью,—всѣ эти обстоятельства возмущаютъ иногда неистощимую веселость сербскихъ женщинъ и часто вызываютъ изъ ихъ покорнаго сердца кроткія жалобы, и можетъ быть еще чаще ужасныя проклятія. Пѣсни, не назначенныя для какого-нибудь частнаго случая, также сильно и ясно носятъ отпечатокъ семейной жизни, и полны намековъ на домашнія отношенія...

«Изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя поются въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, самыя замѣчательныя—свадебныя пѣсни, приспособленныя къ разнообразнымъ церемоніямъ славянской свадьбы. И здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ разнообразныхъ противорѣчій нравственнаго міра, которыя ставятъ философію въ тупикъ. Между тѣмъ какъ всѣ символическія церемоніи сильно выказываютъ постыдное состояніе рабства и униженія, въ какое ставитъ славянскую женщину заключеніе брака (потому что славянскія дѣвушки до извѣстной степени свободны и счастливы, и если онѣ красивы и трудолюбивы, то пользуются уваженіемъ и за ними особенно ухаживаютъ), *пѣсни*, поэтическія воспроизведенія этихъ грубыхъ, суровыхъ, унизительныхъ *дѣйствій*,—деликатны, веселы и почти изысканно любезны. Есть разныя указанія на то, что онѣ, подобно русскимъ пѣснямъ этого рода, очень похожимъ на сербскія, происходятъ изъ очень древняго періода. Какъ и въ русскихъ пѣсняхъ, въ нихъ нѣтъ намековъ на церковные обряды...

«Предметъ, еще болѣе достойный удивленія, представляютъ намъ Сербы въ своихъ *героическихъ* пѣсняхъ. Въ самомъ дѣлѣ, по этому множеству простыхъ легендъ и запутанныхъ разсказовъ мы можемъ изучать, что̀ такое народная эпическая поэзія, какимъ образомъ она создается и распространяется, какую естественную силу вымысла она обнаруживаетъ,—силу, которой не владѣетъ никакое искусство. Сербы стоятъ въ этомъ отношеніи совершенно уединенно; ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не можетъ сравниться съ ними въ эпической производительности; они какъ будто бросили новый свѣтъ на великія произведенія древнихъ. Такимъ образомъ мы безъ преувеличенія можемъ назвать изданіе сербскихъ поэмъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ событій новѣйшаго времени.

«Общій характеръ сербскихъ поэмъ — *объективность* и *пластичность*. Въ большей части случаевъ поэтъ замѣчательнымъ образомъ стоитъ выше своего предмета. Онъ рисуетъ свои картины не блестящими красками, а ясными, выдающимися чертами; читателю не нужно никакихъ объясненій, онъ видитъ все своими собственными глазами. Сравнивая сербскія эпопеи съ тѣмъ, что̀ имѣли прежде другіе славянскіе народы,

мы находимъ, что Сербы далеко превосходятъ ихъ... Сербъ, даже когда онъ представляетъ своихъ соотечественниковъ въ битвѣ съ смертельными врагами и гонителями, обнаруживаетъ къ первымъ почти столько же пристрастія, сколько Гомеръ къ своимъ Грекамъ... Главное достоинство сербскихъ лирическихъ пѣсенъ заключается вовсе не въ прекрасныхъ частяхъ, но, большею частью, въ цѣломъ ихъ составѣ и въ ясномъ, наглядномъ и пластическомъ способѣ представленія. Относительно ихъ стиля мы прибавимъ только одно замѣчаніе. Въ славянской народной поэзіи нѣтъ вообще ни одного изъ тѣхъ вульгаризмовъ, которые во многихъ случаяхъ обезображиваютъ народныя баллады тевтонскихъ народовъ. Впрочемъ *достоинства* стиля, какъ оно обыкновенно понимается, нельзя ожидать ни отъ какой народной поэзіи. Тѣ изъ читателей, которыхъ чувство, отъ незнакомства съ поэзіей природы, оскорбляется извѣстными неблагородными выраженіями, безсознательно разсѣянными иногда въ самыхъ прекрасныхъ описаніяхъ,—не избѣгнутъ непріятнаго впечатлѣнія, читая сербскія пѣсни. Картины всегда свѣжи, осязательны и поразительны; но, хотя нерѣдко эффектъ высокаго, и эффектъ глубокаго трагическаго паѳоса, достигается совершенной простотой, ничто такъ не чуждо имъ, какъ напыщенная важность и щепетильная утонченность французской сцены.

«Количество и разнообразіе сербскихъ героическихъ поэмъ огромны. Древнѣйшій циклъ легендъ составляютъ великій царь Душанъ Неманичъ и его герои; благочестивый князь Лазарь, послѣдній свободный повелитель Сербовъ, взятый въ плѣнъ въ сраженіи и казненный Турками, и смерть его вѣрныхъ сподвижниковъ на Косовомъ полѣ. Двѣ битвы, происходившія здѣсь, въ 1389 и 1447 годахъ, ставятъ конецъ существованію сербскаго царства. Въ непосредственной связи съ этими эпическими пѣснями находятся пѣсни, герой которыхъ—сербскій Геркулесъ, Марко Кралевичъ,—числомъ по крайней мѣрѣ тридцать или сорокъ. Картины, представляемыя этими пѣснями, въ высшей степени суровы и смѣлы, и часто начерчены на миѳологическомъ основаніи».

Эти симпатичные отзывы тѣмъ больше любопытны, что высказаны внѣ всякаго національнаго пристрастія. (Talvi, Historical view, 368—378).

Сербскій эпосъ разработанъ отчасти въ подробностяхъ; но до сихъ поръ все еще нѣтъ его цѣльнаго изученія. Реальную исторію этого эпоса трудно опредѣлить съ достовѣрностью: произведенія его мы знаемъ уже въ ихъ новѣйшей формѣ, гдѣ старое и новое до такой степени сливаются въ одинъ общій тонъ, что эти произведенія могли дѣлать впечатлѣніе одной цѣльной поэмы. Это впечатлѣніе и производила сербская поэзія на первыхъ изслѣдователей.

„Сличая разсказы о событіяхъ временъ древнѣйшихъ съ новѣйшими,—говорилъ Прейсъ,—мы не находимъ рѣзкаго между ними различія ни въ тонѣ, ни въ слогѣ, ни въ пріемахъ и оборотахъ эпическихъ. Тѣ и другіе кажутся произведеніями одного лица. Правда, въ древнѣйшихъ пѣсняхъ на сценѣ являются преимущественно Сербы; въ новѣйшихъ большею частію изображается борьба Сербовъ съ Турками; въ первыхъ герои сражаются мечами, стрѣлами, копьями; но

во вторыхъ господствуетъ уже огнестрѣльное оружіе. Но какъ эти черты, такъ и подобныя имъ, очевидно несущественны, не имѣютъ вліянія на способъ изложенія, служатъ скорѣе доказательствомъ, что въ древнѣйшихъ пѣсняхъ вѣрнѣе отражено прошедшее. Отъ этого такъ нерѣдко новѣйшія пѣсни въ языкѣ и подробностяхъ народнаго быта представляютъ такіе архаизмы, которые не согласны съ нынѣшнимъ состояніемъ языка народа. Откуда эти архаизмы могли зайдти въ новыя пѣсни, если не изъ стараго, наслѣдственнаго заученнаго матеріала? Эпическій стиль,—работа вѣковъ и поколѣній,—остается вездѣ одинъ и тотъ же: силѣ его подчиняется талантъ народнаго поэта, какъ бы онъ ни былъ оригиналенъ и изобрѣтателенъ". Причину этого единства въ характерѣ пѣсенъ Прейсъ находитъ въ томъ, что сербская поэзія всегда вѣрно отражала жизнь, а самая жизнь въ сущности не измѣнялась и съ перемѣною политическаго господства. Сербы съ давнихъ поръ были народомъ воинственнымъ и пастушескимъ; какъ народъ, они ничего не заимствовали ни отъ Византіи, ни отъ латинскаго запада, съ которыми сближались ихъ династія и бояре; они остались тѣми же и въ эпоху турецкаго господства. Въ это время ихъ воинственность возстала противъ турецкаго гнета и породила безчисленные подвиги Черногорцевъ, гайдуковъ и приморскихъ Ускоковъ,—подвиги, именно и давшіе содержаніе позднѣйшему эпосу, который создался по тому же древнему типу. Таково общее непосредственное впечатлѣніе, которое производитъ сербскій эпосъ, слившійся теперь въ устахъ народа въ длинную, повидимому цѣльную и однородную, поэму его исторической судьбы.

„На всемъ этомъ длинномъ пути,—продолжаетъ Прейсъ,—эпическія пѣсни всюду сопутствовали народу, въ этой бивачной жизни черпали свой матеріалъ: онѣ донынѣ въ свѣжей памяти народа. Любопытно при этомъ слѣдить за выборомъ предметовъ для пѣсенъ. Народные поэты преимущественно останавливаются на разсказахъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ Сербы участвовали своею головою, своими руками. Отъ этого народная пѣсня не говоритъ о кровопролитныхъ войнахъ первыхъ королей изъ дома Немани. Изъ всѣхъ дѣлъ Неманичей уцѣлѣли въ памяти народной одни монастыри—эти „вѣчныя ихъ обители на томъ свѣтѣ", какъ выражаются пѣсни,—и сохранились, вѣроятно, по одному только отношенію монастырей къ послѣдующимъ судьбамъ сербскаго народа. Въ годину тяжкихъ испытаній, монастыри были утѣшеніемъ народа, были щитомъ христіанства, стражемъ народности. Вблизи ихъ Сербы легче забывали настоящее, и въ пѣснѣ вспоминая о священной своей старинѣ, не теряли упованія на будущее, готовились къ нему. Народная пѣсня молчитъ также о подвигахъ Матвѣя Корвина, скупа на разсказъ о дѣйствіяхъ австрійскихъ полководцевъ

противъ Турокъ; напротивъ того становится говорливою, когда зайдетъ рѣчь о тѣхъ битвахъ, въ которыхъ каждый въ дружинѣ былъ и вождемъ и воиномъ. Огромныя массы, покорныя мысли одного, не предметъ народнаго поэта... Здѣсь, кажется, должно искать главнѣйшую причину упадка ея въ настоящее время у большей части славянскихъ народовъ" [1]).

Но это впечатлѣніе единства вѣрнѣе дополняется историческимъ изученіемъ. Если нѣтъ возможности имѣть точную хронологію произведеній сербскаго эпоса, современная наука даетъ средство опредѣлить послѣдовательныя эпохи главнѣйшихъ измѣненій, происшедшихъ во внутреннемъ его характерѣ. Такимъ образомъ передъ нами раскрывается первобытная миѳическая основа эпоса и послѣдовательныя наслоенія позднѣйшихъ временъ. Изученіе эпическихъ пріемовъ и подробностей объясняетъ первобытный смыслъ этого условнаго языка, ставшаго теперь однимъ поэтическимъ обычаемъ; мы отличаемъ историческія эпохи, которыя оставляли въ этой поэзіи свое отраженіе; наконецъ, въ массѣ сходныхъ и отчасти однообразныхъ подвиговъ отличаемъ индивидуальныя черты героевъ.

Въ цѣломъ сербскія юнацкія пѣсни представляютъ замѣчательный, и въ настоящее время единственный въ Европѣ, примѣръ живого народнаго эпоса. Въ нихъ возстаютъ передъ нами точно времена гомеровской поэзіи, со всѣми свойствами ея архаическаго творчества и всенародности. Въ прошедшіе вѣка, когда юнацкая пѣсня была ближе къ событіямъ, составляющимъ ея основное содержаніе, и полнѣе передавала ихъ подробности, ей недоставало только своего собирателя, чтобы представить цѣльную эпопею, какова Иліада. У Сербовъ были для того всѣ задатки. Наблюдая народныя свойства Сербовъ, можно открывать причины превосходства ихъ эпоса надъ поэзіей другихъ славянскихъ народовъ, и въ частности Болгаръ, находившихся въ сходныхъ съ ними условіяхъ. Если сербскій эпосъ вѣрнѣе сохранилъ черты старины, лучше сберегъ память старыхъ героевъ и владѣетъ бо́льшею степенью творчества, это объясняется энергическимъ характеромъ сербскаго народа, не упавшаго подъ испытаніями, которыя достались ему на долю, и сохранившаго въ отдѣльныхъ, и не рѣдкихъ, примѣрахъ геройство патріархальныхъ временъ. Было замѣчено, что гдѣ два населенія встрѣчаются, сербское населеніе беретъ верхъ надъ болгарскимъ, передаетъ ему свои нравы и языкъ: если это такъ, то подобное обнаруживается и въ превосходствѣ сербскаго эпоса.

Первый собиратель сербскихъ пѣсенъ, Караджичъ, уже обозначилъ два главные отдѣла сербской народной поэзіи: пѣсни юнацкія и жен-

[1]) Прейсъ, О эпич. поэзіи Сербовъ, въ Актѣ Спб. Унив. 1845, стр. 143—147.

скія, другими словами: эпическія и лирическія (пѣсни личнаго чувства, бытовыя и обрядовыя). Эпическія пѣсни по исторической послѣдовательности дѣлятся на четыре главные періода.

Къ *первому* принадлежатъ пѣсни съ остатками древнихъ миѳологическихъ представленій и стараго быта, остатками, которые можно услѣдить сравненіемъ съ пѣснями другихъ славянскихъ народовъ или общими индо-европейскими преданьями; древніе мотивы перемѣшаны обыкновенно съ новыми наслоеніями, языческое преданіе съ христіанскимъ, или старые мотивы продолжаются съ новыми историческими именами или въ христіанской одеждѣ. Таковы пѣсни, гдѣ являются вилы, змѣи, троеглавые люди, описываются чудесныя приключенія, разсказываются христіанскія народныя легенды и т. п. Напримѣръ, въ сборникахъ Вука и Петрановича: „Женидба змије Лутице Богдана“, „Кумоваҭе Грчиħа Манојла“, „Любоморност“, „Смрт Гроздане шħери Душанове“, „Женидба Реље Бошњанина с вилом“ (самъ Реля „Крылатый“, быть можетъ, получилъ это прозваніе по какому-нибудь миѳологическому воспоминанію), „Свеци (или: анђели) благо дијеле“, „Огњана Марија у паклу“ и друг. [1]). Къ миѳологическо-легендарнымъ пѣснямъ примыкаютъ прозаическія легенды и сказки.

Второй, уже историческій отдѣлъ и періодъ сербскаго эпоса составляютъ пѣсни о старыхъ краляхъ изъ рода Неманичей. Этотъ отдѣлъ, теперь немногочисленный, былъ безъ сомнѣнія гораздо обширнѣе; но былъ заслоненъ послѣдующими пѣснями о событіяхъ, которыя сильнѣе затрогивали народное чувство.

Этотъ третій періодъ представляется знаменитымъ цикломъ пѣсенъ, изображающимъ борьбу христіанства съ Турками, пѣсенъ о Косовскомъ боѣ, о Маркѣ Кралевичѣ, о гайдукахъ и ускокахъ. Это—центральный отдѣлъ сербскаго эпоса, наиболѣе многочисленный и наиболѣе распространенный. Если по краямъ сербскаго племени, теряющимъ старыя воспоминанія, сохраняется что-нибудь изъ стараго эпоса, это—бываютъ въ особенности пѣсни о Косовѣ и Маркѣ Кралевичѣ. Мы упоминали, что слава Марка перешла далеко границу сербскаго племени; у Болгаръ онъ также свой національный герой; его имя издавна знакомо сербо-хорватскому Приморью, Хорватамъ и даже Словенцамъ. Это значеніе средняго эпоса объясняется значеніемъ самой эпохи: вѣковая борьба съ Турками поглощала всѣ національныя силы, сохраняла преданіе старой свободы и готовила новую. Понятно, что эта эпоха послужила основнымъ и любимымъ матеріаломъ для народнаго эпоса.

Къ послѣднимъ временамъ ускоковъ и гайдуковъ, примыкаетъ четвертый періодъ сербскаго эпоса—пѣсни о Георгіи Черномъ и его спо-

[1]) Ср. предисл. Новаковича къ сборнику Петрановича, Бѣлгр. 1867, VI и слѣд.

движникахъ, о новѣйшихъ войнахъ съ Турціей, о подвигахъ Черногорцевъ. Эта струя обильна и до сей минуты; теперь пѣсни эпическихъ пѣвцовъ иногда прямо переходятъ въ книгу — пѣсни владыки Петра Петровича, воеводы Мирка.

Поэтическимъ чувствомъ и производительностью сербское племя представляетъ исключительное явленіе между всѣми другими племенами Славянства, но подъ вліяніемъ историческихъ и мѣстныхъ условій эта производительность распредѣлена не равно между отдѣльными краями. Юнацкія пѣсни помнятся и ростутъ больше въ горныхъ краяхъ южной Сербіи, Боснѣ и Черногоріи. „Къ сѣверо-востоку производительность уменьшается,—замѣчаетъ Тальви;—въ австрійскихъ провинціяхъ еще *знаютъ* пѣсни, но пѣнье и самыя гусли оставлены слѣпцамъ и нищимъ. Пирхъ слышалъ впрочемъ пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ въ сосѣдствѣ Новаго-Сада въ Венгріи. Съ другой стороны, любовныя сербскія пѣсни и всѣ тѣ, которыя понимаются подъ названіемъ женскихъ,—хотя поются вовсе не исключительно женщинами,—появляются главнымъ образомъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ, быть можетъ, блескъ западной цивилизаціи далъ нѣкоторую утонченность общему чувству. Родина большей части изъ нихъ—*деревни* Срѣма, Баната и Бачки; онѣ слышатся также въ городкахъ Босны, тогда какъ въ *городахъ* австрійскихъ провинцій онѣ вытѣснены новѣйшими пѣснями, можетъ быть менѣе замѣчательными, и безъ сомнѣнія менѣе національными“ [1]). Прейсъ объясняетъ сохраненіе пѣсенъ на юго-западѣ характеромъ горныхъ жителей, но точнѣе объяснить это во-первыхъ тѣмъ, что эти края были и мѣстомъ самыхъ подвиговъ, во-вторыхъ вліяніемъ „цивилизаціи“, которая здѣсь была далека, а въ другихъ мѣстахъ ближе, и невыгодно дѣйствовала на свое сосѣдство относительно сбереженія пѣсенъ. Съ поэзіей Сербовъ происходило то же явленіе, какое замѣчается въ этомъ отношеніи вездѣ: народная пѣсня живетъ только тамъ, гдѣ еще тверды преданія стараго сельскаго быта, она забывается и пропадаетъ въ городахъ, съ приближеніемъ быта „цивилизованнаго“. Прейсъ вѣрно опредѣлялъ сохраненіе поэтическаго матеріала у Сербовъ неподвижностью ихъ народной жизни въ исторіи: въ этомъ ихъ сила, но въ этомъ же и ихъ слабая сторона. Старая поэзія забывалась, когда оканчивалась патріархальная непосредственность быта и понятій. Грубая мнимая цивилизація, старая схоластика и псевдо-классицизмъ пренебрегали народной поэзіей, не давали ей мѣста въ книгѣ, считали ее неприличной и содѣйствовали ея упадку. Новѣйшая наука и новѣйшее общественное обращеніе къ народу снова признаютъ достоинство народной поэзіи и хотятъ по крайней мѣрѣ оберечь ея остатки, какъ

---

[1]) Talvi, Historical view, стр. 383.

наслѣдіе предковъ и отголосокъ народной жизни, къ которому надо прислушиваться, чтобы сохранить съ народомъ и его исторіей нравственную связь.

Въ заключеніе, укажемъ изданія произведеній сербской народной поэзіи и труды по описанію и объясненію народнаго быта.

Изданія Вука остались образцомъ точнаго критическаго собиранія устной поэзіи, народныхъ обычаевъ и преданій. Рядомъ съ нимъ можно указать немногіе труды. Въ тридцатыхъ годахъ явилось собраніе пѣсенъ Милутиновича [1]), изъ Черногоріи и Герцеговины. Въ 1845, въ Бѣлградѣ—„Огледало Србско“, черногорскія юнацкія пѣсни, собранныя подъ надзоромъ владыки Петра Петровича, и также нѣкоторыя, ему принадлежащія. Въ 1858, въ Бѣлградѣ—„Црногорске гусле, или народне несме, приче, подскочнице (или „поскочницы“, плясовыя пѣсни) и наніялице“, Стефана Поповича. Въ томъ же году вышло собраніе изъ Босны и Герцеговины: Narodne pjesme bosanske i hercehovačke (Osiek 1858), которыя собрали Иванъ Франьо Юкичъ, баньялучанинъ, и Любомиръ Герцеговацъ, сборникъ, впрочемъ не совсѣмъ одобряемый критикой. Любомиръ Герцеговинецъ есть псевдонимъ босанскаго фратра Грго Мартича, который писалъ также подъ другими псевдонимами: Ненада Познановича, Радована, и извѣстенъ какъ довольно замѣчательный поэтъ въ народномъ стилѣ, такъ что его сочиненія занимаютъ середину между поэзіей чисто-народной и искусственной. Ему принадлежитъ поэма „Osvetnici“ (въ трехъ частяхъ: „Обреновъ“, событіе въ Герцеговинѣ 1857, какъ зародышъ борьбы съ Турками: „Вука Вукаловичъ и бой при Граховѣ“; „Война турецкая и черногорская 1862 года“—1861, 1862, 1866), которую ставятъ близко къ „Ченгичъагѣ“ Мажуранича [2]).

Самъ Караджичъ не бывалъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ, и очень объ этомъ жалѣлъ, такъ какъ это — два, особенно богатыхъ гнѣзда сербской поэзіи. Босанскія и герцеговинскія пѣсни его сборника записаны имъ не на самомъ мѣстѣ, но отъ мѣстныхъ пѣвцовъ. Такимъ же образомъ, VI томъ его пѣсенъ, изданный по его смерти: „Српске народне пјесме из Херцеговине“ (женске; Вѣна 1866) заключаетъ пѣсни, собранныя собственно Вукомъ Врчевичемъ, о которомъ раньше упоминалось. Для Босны и Герцеговины три замѣчательные сборника составилъ іеромонахъ Боголюбъ Петрановичъ [3]): здѣсь много варіантовъ

[1]) Пѣванія церногорска и херцеговачка, собрана Чубромъ Чойковићемъ церногорцемъ. Издана Іосифомъ Миловукомъ. Вѣна 1833, съ портретомъ Милутиновича. Второе изданіе, компактное, — повтореніе стараго и новыя пѣсни, съ добавленіями самого собирателя, Лейпц. 1837. (Въ концѣ книги примѣчаніе: «Одъ Пѣваніе стотину є пѣсана Г. Вилхелмъ Герхардъ зимусъ превео са мномъ на Тайтонскій єзыкъ»).

[2]) Jihoslované, 554.

[3]) «Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине» (эпическія пѣсни стараго времени). Бѣлгр. 1867, изданіе Сербскаго Ученаго Дружества, съ предисловіемъ

извѣстныхъ уже пѣсенъ, но много также новыхъ и любопытнѣйшихъ текстовъ. Далѣе могутъ быть упомянуты „Гусле црногорске", Филиппа Раячевича (Бѣлгр. 1872); „Српске нар. пјесме покупљене по Босни", Косты Ристича (Бѣлгр. 1873), изданныя по смерти собирателя; небольшой, но хорошій сборникъ пѣсенъ срѣмскихъ [1]).

Литература о сербской народной поэзіи очень обширна; о ней говорили много и славянскіе и не-славянскіе ученые и писатели. Болѣе или менѣе компетентно писали о ней Бодянскій, Прейсъ, Безсоновъ, Штуръ, Тальви, Мицкевичъ и т. д. Въ послѣдніе годы предпринимались и болѣе спеціальныя изученія. Такъ въ особенности привлекали вниманіе косовскія пѣсни, и съ ученой и съ поэтической стороны. Еще въ 1851 чешско-нѣмецкій переводчикъ Зигфридъ Капперъ сдѣлалъ опытъ свести пѣсни о Косовскомъ боѣ въ одинъ циклъ [2]), но заполнялъ недостающее собственными прибавками — не всегда удачными. Другой опытъ возстановленія Косовскаго эпоса сдѣлалъ Безсоновъ (Р. Бесѣда 1857, II, „Лазарица", стр. 38 — 80). Названный прежде Медо Пучичъ сдѣлалъ свою попытку того же рода въ итальянскомъ переводѣ книжки Мицкевича [3]). Далѣе, французскій ученый д'Авриль сдѣлалъ во французскомъ переводѣ сводъ косовскихъ пѣсенъ, строго держась подлинныхъ текстовъ [4]). Подобный сводъ, въ сербскихъ текстахъ, сдѣлалъ Стоянъ Новаковичъ: „Косово. Српске нар. пјесме о боју на Косову уређене као цјелина" (3-е изд. Бѣлгр. 1876). Наконецъ, еще подобный трудъ издалъ Арминъ Павичъ: „Narodne pjesme o boju na Kosovu godine 1389" (Zagr. 1877) съ обширнымъ введеніемъ, поднимающимъ нѣкоторые важные вопросы изъ исторіи сербскаго эпоса [5]).

Подобный обширный циклъ могли бы составить пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ [6]).

Сербскія сказки также ранѣе и лучше всѣхъ изданы были Караджичемъ; послѣднее изданіе ихъ вышло въ 1870 [7]). Кромѣ того есть сборники Аѳанасія Николича 1842—43, Іов. Воиновича 1869, Юрія

Стояна Новаковича XXVIII и 700 стр. (объ этомъ изданіи см. Ягича, Rad. II). Второй томъ эпическихъ пѣсенъ въ Бѣлградѣ, 1870. XVI. 653. И его же: Српске нар. пјесме из Босне» (женскія). У Сарајеву, 1867. XXIII и 359 стр.

[1]) Српске нар. песме. Скупио их у Срему Б. М. Панчево, 1875. 151 стр.

[2]) Lazar der Serbenzar. Nach serbischen Sagen und Heldengesängen. Wien, 1851.

[3]) Mickievicz dei canti populari illirici. Zara, 1860, 154—175.

[4]) La bataille de Kossovo. Rhapsodie serbe tirée des chants populaires et traduite en français. Paris 1868.

[5]) Выше мы упоминали о сборникѣ Милоевича. См. о немъ еще «Гласникъ» XXXVIII, 329 и слѣд.; I. Иречка, въ Sitz.-ber. der böhm. Ges. 1874, 248 и слѣд.; Ягича, Archiv I, 576; Krek, Einleitung, стр. 68—69, прим.

[6]) См. умный обзоръ пѣсенной исторіи Марка-Кралевича въ книгѣ Мэккензи и Ирби, I, 119—127. Мы знаемъ только по объявленію новый сборникъ: «Краљевић Марко, велики српски народни спев у 30 песама», собранный изъ юнацкихъ пѣсенъ, въ изданіи книгопр. бр. Поповичей. Н.-Садъ, 1878.

[7]) Српске нар. приповијетке. Вѣна 1870. X и 342 стр.

Коянова Стефановича, 1871. Сказки изъ Босны собрало учащееся духовное юношество въ 1870 году [1]). Въ Загребѣ вышло собраніе Міята Стояновича: „Pučke pripoviedke i pjesme", 1867. Наконецъ, много сказокъ помѣщено было въ „Лѣтописи" сербской Матицы, въ „Даницѣ", „Вилѣ", „Матицѣ", „Босанскомъ пріятелѣ" и др. [2]).

Въ западномъ сербо-хорватскомъ краѣ, вѣроятно вслѣдствіе иныхъ историческихъ условій, чѣмъ на югѣ и востокѣ сербскаго племени, народный эпосъ или вовсе не существуетъ, или очень скуденъ. Выше упомянуто о рукописныхъ сборникахъ прошлаго вѣка, на которыхъ Миклошичъ основываетъ предположеніе о существованіи встарину эпоса хорватскаго,—но вопросъ остается еще открытымъ. Пѣсни лирическія до сихъ поръ были мало собираемы. О Дубровникѣ Караджичъ говорилъ, что тамъ нѣтъ теперь совсѣмъ никакихъ пѣсенъ; пѣсни его сборника (женскія и обрядовыя), отмѣченныя Дубровникомъ, записаны были не отъ тамошнихъ уроженцевъ,—это были просто герцеговинскія пѣсни, немного передѣланныя по приморскому говору. Но другіе указываютъ (что́ и вѣроятно), что въ Дубровникѣ есть свои пѣсни, любовныя и обрядныя [3]).

На собственно хорватскомъ (словенско-хорватскомъ, кайкавскомъ) нарѣчіи сдѣланы слѣдующіе сборники пѣсенъ и сказокъ. Въ сороковыхъ годахъ Кукульевичъ напечаталъ, въ послѣднемъ выпускѣ своихъ Različita diela, собраніе народныхъ пѣсенъ изъ Хорватіи, Венгріи и Австріи. Проф. Матія Вальявецъ издалъ два прекрасныхъ сборника сказокъ [4]). Въ 1868, собраніе хорватскихъ пѣсенъ и сказокъ издалъ Плоль-Гердвиговъ [5]); въ 1871 вышелъ сборникъ извѣстнаго этнографа и филолога Фр. Курелца [6]). На чакавскомъ нарѣчіи въ хорватскомъ Приморьѣ сдѣланъ сборникъ Микуличича [7]). Даничичъ издалъ въ 1871, въ Загребѣ, замѣчательное собраніе сербскихъ пословицъ; Ст. Новаковичъ сборникъ загадокъ: „Српске нар. загонетке", (Панчево 1877); Вукъ Врчевичъ описывалъ народныя игры и т. д. [8]).

---

[1]) Bosanske nar. pripovjedke. Skupio i na svietlo izdao zbor redovničke omladine bosanske u Djakovu. U Sisku 1870. Sv. I. 146 стр.

[2]) Подробная библіографія у Ягича, Archiv, I, 269—270.

[3]) Макушевъ, Изслѣд. 73—75.

[4]) Matija Valjavec Kračmanov, Narodne pripoviedke u i oko Varaždina. Вараждинъ 1858; Nar. pripoviesti iz susjedne Varaždinu Štajerske. Загребъ 1875.

[5]) Plohl-Herdvigov, Hrvatske nar. pjesme i pripoviedke u Vrbovcu. Вараждинъ, 1868 (2 вып.).

[6]) Jačke ili narodne pěsme prostoga i neprostoga puka hrvatskoga... na Ugrih. Skupio Fran Kurelac, starinom Ogulinac, a rodom iz Bruvna u Krbavi. Zagr. 1871.

[7]) Mikuličić, Nar. pripovietke i pjesme iz hrvatskoga Primorja, u Kralevici (Porto Rè), 1876.

[8]) Сербскія сказки были переведены на нѣмецкій яз. (сборникъ Вука) дочерью Вука Караджича, Вильгельминой: Volksmärchen der Serben, съ предисловіемъ Якова Гримма. Берл. 1854. Англійскій пер. сдѣланъ г-жей Міятовичъ: Mijatovics Csedomille, Serbian Folk-Lore, popular tales. Lond. 1874.

Этнографическія изслѣдованія быта, нравовъ и обычаевъ представляютъ уже значительный запасъ цѣнныхъ свѣдѣній. Многое было нами уже указано. Начинателемъ и здѣсь былъ Вукъ. Изъ новѣйшихъ трудовъ могутъ быть указаны еще слѣдующіе. В. Богишичъ специально занимался изслѣдованіемъ славянскихъ, и въ частности южно-славянскихъ юридическихъ обычаевъ. Главныя его сочиненія: Pravni običaji u Slovena, Загр. 1867 (сначала въ „Книжевникѣ") и Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena, Загр. 1874 (LXXIV и 714 стр.)—обширное собраніе обычаевъ изъ всѣхъ сербо-хорватскихъ земель и отчасти Болгаріи [1]). Миличевичъ, кромѣ названной выше книги „Кнежевина Србија" ранѣе далъ описаніе сельскаго быта: „Живот Срба сељака" въ „Гласникѣ" (XXII, 1867; XXXVII, 1873) и друг. Тома Ковачевичъ издалъ „Опис Босне и Херцеговине", Бѣлгр. 1865 [2]). Боголюбъ Петрановичъ, издатель упомянутыхъ пѣсенныхъ сборниковъ, описывалъ обычаи сербскаго народа въ Боснѣ (Гласникъ XXVIII—XXX, 1870—71).

Изъ католическихъ Босняковъ много работалъ для описанія своей родины Янъ, по монашескому имени Франьо Юкичъ (1818—1857). Родомъ изъ Босны, онъ учился въ Загребѣ и сталъ послѣдователемъ Гая. Онъ трудился много для народнаго образованія, собиралъ пѣсни, сказки, преданія, изучалъ исторію. Главные его труды: Bosanski prijatelj (1850, 1853, 1861); Zemljopis i povestnica Bosne, 1851. По его смерти Филиппъ Куничъ издалъ въ 1858 упомянутую книгу босанскихъ и герцеговинскихъ пѣсенъ, собранныхъ вмѣстѣ Юкичемъ и Мартичемъ.

Отдѣльныя описанія географическія и этнографическія, Мишковича, Обрадовича, Сретьковича и друг., разсѣяны въ Гласникѣ и иныхъ изданіяхъ.

---

[1]) О книгѣ Богишича: «Словенски Музеум», Новый-Садъ, 1867 (изъ «Србск. Летописа» 1866) скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Объ этой книгѣ Рачкій въ «Книжевникѣ» III, 156.

II. Хорутане.

Особую отрасль юго-славянскаго міра составляютъ—Хорутане, или Винды, Словинцы, Словенцы [1]).

Старая средневѣковая исторія Каринтіи, Крайна, Штиріи и Истріи, земель, занятыхъ племенемъ Хорутанъ, чрезвычайно запутывается въ народныхъ переселеніяхъ, такъ что очень трудно сказать, было ли здѣсь славянское населеніе раньше VI вѣка, когда хорутанскіе Славяне были вытѣснены сюда Аварами съ востока. Но съ этого времени есть уже несомнѣнныя историческія данныя объ этомъ народѣ, который у западныхъ писателей называется обыкновенно Виндами и Карантанами, а по-славянски—Словинцами, Словенцами или Хорутанами (послѣднее у Нестора и Далимила). Быстро распространившись и утвердившись въ этихъ земляхъ, Хорутане съ самаго начала вступили во

---

1) О хорутанской исторіи, этнографіи, статистикѣ:

— Valvasor, Ehre des Herzogthums Krain. Laibach, 1689, 4 тома. Съ 1877 выходитъ выпусками новое изданіе этой книги, въ Люблянѣ.

— K. Mayers, Geschichte von Kärnten. Cilly 1785.

— A. Linhart, Versuch einer Gesch. von Krain, Laib. 1788—91. 2 т.

— Göth, Das Herz. Steiermark etc. Wien 1840—41. 2 т.

— Muchar und Prangeer, Geschichte des Herz. Steiermark. Grätz 1844—65. 8 томовъ.

— Herrmann, Handbuch der Geschichte d. Herz. Kärnten. Klagenfurt 1843.

— Wilh. Gebler, Gesch. des Herz. Steiermark. Gratz 1862.

— Felicetti u. Liebenfels, Steiermark im Zeitraume vom VIII bis XII Jahrh. (въ Beiträge zur Kunde Steierm. Geschichtsquellen. Gratz, 1872—73. IX—X, и вообще это изданіе).

— A. Dimitz, Geschichte Krains von der ältesten Zeit bis auf das Jahr 1873. Laib. 1874—76. 3 т.

— Czoernig, Das Land Görz und Gradisca, geogr.-stat.-hist. dargestellt. Wien 1873.

— Ant. Krempl, Dogodovšine Štajerske zemlě, v' Grádci, 1845 слѣд.

— В. Ф. Клунъ, Словенцы, этнограф. очеркъ, въ Р. Бесѣдѣ 1857, III; Очеркъ исторіи ихъ словесности, тамъ же, 1859, кн. I—III.

— Janez Trdina, Zgodovina Slovenskega národa. Ljubljana 1866.

— Slovník Naučný, ст. Korutany, Štýrsko, Коржапа; Krajina, пр. Эрбена.

По языку:

— Копитаръ, Grammatik der slaw. Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark. Laib. 1808.

— P. Dainko, Lehrbuch der windischen Sprache. Grätz 1824.

— F. S. Metelko, Lehrgebäude der slowenischen Sprache im Königreich Illyrien и пр. (по системѣ Добровскаго), Laib. 1825.

— Мурко, Gramm. der slawischen Sprache in Steiermark. Grätz 1843.

— Янежичъ, Slovenska slovnica. Celovec, 1854; Popólni ročni slovár slovenskega in nĕmsk. jezika. Celov. 1851. 2 т.

По литературѣ:

— В. Ф. Клунъ, упомянутыя статьи Р. Бесѣды 1859; его же, Die slovenische Literatur. Eine historische Skizze, Wien 1864 (изъ Oesterreichische Revue 1864, III, 76—100. V, 52—66).

— Шафарикъ, Gesch. der südslaw. Literatur. I. Slowenisches und Glagolitisches Schriftthum. Prag 1864. (До 1830 года).

— Iv. Macun, отдѣлъ словенской литературы, въ Jihoslované, Slovník Naučný IV, 311—318, и отдѣльно, на сербо-хорватскомъ языкѣ и подробнѣе: Kratak pregled slovenske literature. Zagr. 1863.

враждебныя отношенія къ Аварамъ, къ своимъ итальянскимъ и нѣмецкимъ сосѣдямъ и къ Византіи, еще имѣвшей владѣнія въ этихъ мѣстахъ. Въ VII столѣтіи хорутанскіе Славяне присоединяются къ обширному славянскому царству Само (627—662), который подавилъ въ это время аварское царство. Но обширный славянскій союзъ, основанный этимъ загадочнымъ историческимъ лицомъ, не удержался надолго, и Хорутане опять приходятъ въ столкновенія съ сосѣдями, которыя кончились тѣмъ, что Хорутане подчиняются сначала Баварцамъ, а потомъ, въ концѣ VIII столѣтія, при Карлѣ Великомъ, поднали окончательно подъ власть Франковъ. Положеніе покоренныхъ было очень трудно: побѣдители оставили Славянамъ ихъ мелкихъ князьковъ,—но только для того, чтобы удобнѣе управлять ими; затѣмъ Славяне были совершенно подчинены нѣмецкимъ герцогамъ и маркграфамъ. Земли, занятыя покоренными виндскими Славянами и Аварами, образовали подъ властью Карла Великаго и его преемниковъ три провинціи: Восточную Марку, послужившую впослѣдствіи основаніемъ герцогству австрійскому; далѣе княжество Хорутанское (Каринтія, Карантанія) и наконецъ славянскую Украйну, состоявшую изъ нынѣшняго Крайна, части Каринтіи и части Штиріи. Первыя двѣ земли подчинены были герцогству баварскому, послѣдняя—фріульскому или фурлянскому. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончается независимое славянское существованіе этихъ земель, исторія которыхъ входитъ въ исторію нѣмецкой имперіи, потомъ Австріи.

Христіанство проникло къ виндскимъ Славянамъ уже давно: еще съ VII столѣтія западные проповѣдники стали являться у Хорутанъ, и притомъ съ двухъ сторонъ: со стороны Аквилеи, отъ Итальянцевъ, и со стороны Зальцбурга, отъ Нѣмцевъ. Но аквилейскіе патріархи меньше прилагали заботъ объ этой пропагандѣ, чѣмъ епископы зальцбургскіе, и послѣдніе дѣйствительно пріобрѣли потомъ главную духовную власть надъ землями карантанскихъ Славянъ. Впрочемъ христіанство, проводимое западнымъ духовенствомъ, принималось туго: Славяне не понимали латинскаго богослуженія и подозрѣвали своекорыстныя цѣли въ иноземномъ духовенствѣ. Нѣсколько разъ происходили возстанія. Но проповѣдь продолжалась съ VII вѣка постоянно. Во второй половинѣ VIII столѣтія особенно ревностно заботился о распространеніи христіанста между Хорутанами епископъ зальцбургскій Виргилій, получившій поэтому имя апостола Хорутанъ, — хотя самъ онъ ни разу не навѣстилъ лично этихъ земель. Окончательное введеніе христіанства установилось послѣ франкскаго покоренія, когда западному духовенству открыты были всѣ пути для достиженія этой цѣли: хорутанскіе христіане зависѣли отъ аквилейскаго патріарха и зальцбургскихъ епископовъ и приняли латинскую литургію по римскому обряду.

Этимъ хорутанскимъ Славянамъ принадлежатъ знаменитые *Фрейзингенскіе Отрывки*: это—три славянскія (писанныя латинскимъ письмомъ) статьи, именно: двѣ формулы исповѣди и отрывокъ поученія, вставленные въ старую латинскую рукопись. Эти отрывки относимы были учеными къ началу XI, къ X, и даже IX вѣку, и считаются однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго языка [1]). Эти отрывки,—по мнѣнію Шафарика, писанные въ 957—994, можетъ быть епископомъ фрейзингенскимъ Авраамомъ,—очевидно служили для латинскихъ священниковъ, которые должны были имѣть подобныя пособія для поученія своей славянской паствы. Такому памятнику естественно было явиться въ странѣ, гдѣ проповѣдь христіанства была постоянно въ рукахъ латинскаго духовенства—итальянскаго и нѣмецкаго. Не смотря на то, въ ученомъ славянскомъ мірѣ было высказано и рѣзко защищаемо мнѣніе, что Хорутане были именно тѣмъ славянскимъ народомъ, для котораго была изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ знаменитая азбука, и что именно на ихъ языкъ было переведено ими св. Писаніе. Первымъ защитникомъ этого мнѣнія былъ знаменитый ученый славистъ Копитаръ, родомъ Краинецъ, о которомъ упомянемъ дальше: онъ относилъ именно къ землѣ Хорутанъ то, что̀ говорили старые памятники о дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ *Панноніи* (принадлежавшей къ обширной Моравской области тѣхъ временъ), объяснялъ старо-славянскій языкъ формами хорутанскаго нарѣчія и обстоятельствами хорутанской исторіи, и старался доказать, что земля Хорутанъ была родиной старо-славянскаго языка. Въ свое время этотъ парадоксъ встрѣтилъ отпоръ у чешскихъ и русскихъ филологовъ и археологовъ; потомъ нашелъ сильнаго послѣдователя въ ученикѣ и преемникѣ Копитара, Миклошичѣ.

Послѣ Фрейзингенскихъ отрывковъ, на нѣсколько столѣтій хорутанское нарѣчіе совсѣмъ теряется изъ виду. Настоящая исторія его литературнаго развитія начинается только со временъ Реформаціи, когда въ Штирію, Каринтію и Крайну проникло новое ученіе и нашло горячихъ послѣдователей въ тамошней аристократіи и земскихъ чинахъ. Хорутанскіе приверженцы реформы естественно пришли къ мысли воспользоваться для распространенія новаго ученія народнымъ языкомъ. Такимъ образомъ во второй половинѣ XVI вѣка хорутанское нарѣчіе вдругъ пріобрѣло извѣстную обработку въ книгахъ, ко-

[1]) Латинская рукопись съ Отрывками принадлежала прежде Фрейзингенскому монастырю, а теперь находится въ Мюнхенской библіотекѣ. Первое упоминаніе о ней сдѣлано у Аретина (Neuer Liter. Anzeiger, 1807, № 12, стр. 190), потомъ Добровскаго (Slovanka. Prag 1814, 249—251). Изданіе Отрывковъ съ полнымъ fac-simile и объясненіями Востокова сдѣлано Кёппеномъ, въ «Собраніи словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи». Спб. 1827. 4°, и Копитаромъ, Glagolita Clozianus. Вѣна 1836. Новыя перепечатки текста у Янежича (Slovnica, 160—168) и Миклошича (Chrestomathia palaeoslovenica, 1854, 89—92).

торыя должны были служить для религіознаго просвѣщенія народа. Знаменитѣйшій изъ этихъ хорутанскихъ дѣятелей реформы былъ Примусъ, или Приможъ, Труберъ (1508 — 1586), каноникъ и викарій въ разныхъ мѣстахъ Карніоліи и Каринтіи. Онъ рано, кажется, сталъ приверженцемъ реформы, поставилъ распространеніе ея въ своемъ народѣ цѣлью своей жизни и для того рѣшился писать на нарѣчіи, которое еще не было до тѣхъ поръ письменнымъ. „Тридцать четыре года тому назадъ,—говорилъ онъ въ своемъ изданіи Новаго Завѣта 1582,—не было писано нашимъ языкомъ даже писемъ, не говоря о книгахъ; народъ думалъ, что виндскій и венгерскій языки слишкомъ грубы и дики, чтобы на нихъ писать или читать". Дѣятельность Трубера нашла усердную поддержку въ баронѣ Иванѣ Унгнадѣ (1493—1564), который вслѣдствіе приверженности къ реформаціи долженъ былъ оставить родину (1554) и переселиться во владѣнія герцога Виртембергскаго, открывшаго у себя убѣжище для тѣхъ, кто терпѣлъ въ другихъ мѣстахъ за свою вѣру. Унгнадъ ревностно заботился о распространеніи протестантскихъ книгъ, основалъ типографію и давалъ средства для изданій цѣлому кружку славянскихъ протестантовъ, которые собрались здѣсь и печатали книги хорватскія и краинскія, глаголическія, латинскія и кирилловскія. Этотъ кружокъ обнаружилъ замѣчательную дѣятельность, которая остается чрезвычайно любопытнымъ эпизодомъ южно-славянской литературы. Баронъ Унгнадъ былъ меценатомъ этого круга; онъ положилъ большую долю своего имущества на основаніе типографіи (въ Урахѣ, въ Вюртембергѣ) и на поддержку изданій и работавшихъ надъ ними писателей; значительныя пособія были получены и отъ разныхъ протестантскихъ владѣтелей Германіи. Типографія закрылась по его смерти. Труберъ еще въ 1547 долженъ былъ бѣжать изъ Любляны; въ 1550 у него впервые возникла мысль начать писать на народномъ языкѣ, для котораго онъ употребилъ нѣмецкія и латинскія буквы; въ 1555 онъ въ первый разъ сдѣлалъ опытъ печатанія, которое велъ потомъ въ Тюбингенѣ и Урахѣ. Въ 1561 краинскіе земскіе чины вызвали его опять въ Любляну, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ, поддерживая связи съ Унгнадомъ (въ 1562 онъ ѣздилъ не надолго въ Урахъ); но вражда и преслѣдованія со стороны католическаго духовенства снова заставили его бѣжать въ Германію, гдѣ онъ и дожилъ свой вѣкъ, пользуясь уваженіемъ за свой христіанскій характеръ. Унгнадъ думалъ о широкомъ распространеніи реформаціонной проповѣди по всѣмъ сербо-хорватскимъ землямъ, печаталъ книги не только для Словинцевъ, но и для Хорватовъ; въ 1562 Труберъ привезъ ему изъ Любляны двухъ православныхъ поповъ изъ Ускоковъ: это были Матвѣй Поповичъ, изъ Сербіи, и Иванъ Малешевацъ, изъ Босны, которые должны были работать для кирил-

ловскихъ изданій; былъ призванъ въ Вюртембергъ Стефанъ Консулъ, родомъ Истріянинъ, который съ Антономъ Далматиномъ трудился надъ книгами глаголическими; въ предпріятіи участвовали далматинцы Юрій Юричичъ и Леонардъ Мерчеричъ, также работавшіе для глаголическихъ изданій, и другіе представители южно-славянскихъ народностей. За книгами, собственно хорутанскими, трудились въ одно время и отчасти вмѣстѣ съ Труберомъ въ особенности Себастіанъ Крель (1538—1567), Юрій Далматинъ (ум. 1589) и Адамъ Богоричъ. Книги печатались прежде всего въ Тюбингенѣ и въ Урахѣ, потомъ въ хорутанской Люблянѣ (Лайбахѣ), — гдѣ работалъ вывезенный сюда Труберомъ въ 1561 типографщикъ Іоаннъ Манлій (Janez Mandelz),—наконецъ въ Виттенбергѣ, Регенсбургѣ, Нюренбергѣ и пр. [1]). Кромѣ изложеній протестантскаго ученія, издатели скоро позаботились и о переводѣ св. Писанія. Не зная по-гречески, Труберъ составилъ свой переводъ Новаго Завѣта по латинскому, нѣмецкому и итальянскому переводамъ; впослѣдствіи издана была и цѣлая библія (1584), Юрія Далматина.

Труды этого Далматина и Богорича много содѣйствовали установленію книжнаго языка, которое далеко не было достигнуто Труберомъ. Учившись въ Зальцбургѣ и Вѣнѣ, долго живши между Нѣмцами, Труберъ въ своихъ переводахъ слишкомъ подчинялся вліянію нѣмецкихъ оборотовъ и ввелъ много варваризмовъ; кромѣ того онъ держался одного мѣстнаго нарѣчія своей родины, Нижняго Крайна — языкъ Далматина богаче и правильнѣе. Юрій Далматинъ стоялъ выше Трубера и по своей учености; онъ переводилъ Библію не только по Лютерову переводу, но „изъ источниковъ первоначальныхъ языковъ“. Самъ Копитаръ, какъ увидимъ, строгій судья этого періода, отдалъ справедливость достоинствамъ трудовъ Юрія Далматина, признавъ, что „языкъ Далматиновой Библіи и черезъ 200 лѣтъ (т.-е. почти къ тому времени, когда писалъ Копитаръ) *еще нисколько не устарѣлъ*“, т.-е. уловилъ чистоту народнаго стиля. Всѣ эти труды надъ необработаннымъ дотолѣ языкомъ вызвали наконецъ замѣчательное по своему времени грамматическое изслѣдованіе: эту первую грамматику (Виттенб. 1584) написалъ ученый Адамъ Богоричъ, ученикъ знаменитаго гуманиста и мягкаго реформатора Меланхтона [2]).

[1]) Объ исторіи этой типографской дѣятельности южно-славянскихъ протестантовъ см. Schnurrer, Slawischer Bücherdruck in Würtemberg im XVI Jahrh. Tübingen 1799; Добровскаго, Slavin; Копитара, Хорут. грамматику; Кукульевича, Arkiv za pov. jugosl. I, 142—154; А. Дювернуа, Тюбингенскіе акты славянской книгопечатни въ Вюртембергѣ (Моск. Универс. Извѣстія 1868, 3, 275—315); Iv. Kostrenčić, Urkundliche Beiträge zur Geschichte der protest. Literatur der Südslaven in den J. 1559—69. Wien, 1873. Предметъ все еще однако не вполнѣ разработанъ и выясненъ.

[2]) Заглавіе этой грамматики: Arcticae horulae succisivae de Latino-Carniolana litteratura, ad Latinae linguae analogiam accommodata, unde Moshoviticae, Ruteni-

Но этотъ замѣчательный разцвѣтъ литературы подъ возбужденіями протестантства не долго удержался у хорутанскихъ Славянъ и Хорватовъ. Въ первой половинѣ XVII столѣтія началась католическая реакція того же обскурантнаго, возмутительнаго характера, какъ у Чеховъ послѣ Бѣлогорской битвы. Католики, поддерживаемые деспотическими мѣрами эрцгерцога, а потомъ императора Фердинанда II, взяли окончательно верхъ надъ приверженцами реформы. Особая коммиссія, „Reformations-Commission in Krain“, занялась возстановленіемъ католичества, и только-что начавшаяся литература кончилась подъ религіознымъ гоненіемъ. Всѣ евангелическіе проповѣдники и всѣ, кто не хотѣлъ отказаться отъ протестантства, были изгнаны, имѣнія ихъ конфискованы, люблянская типографія уничтожена—іезуиты собирали и жгли книги съ такимъ усердіемъ, что въ настоящее время изданія южно-славянскихъ протестантовъ составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость; многія истреблены совсѣмъ. Съ этихъ поръ начинается *католическій* періодъ словенской литературы, обнимающій XVII и XVIII столѣтія.

Это протестантское движеніе есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ въ исторіи славянскихъ литературъ. Какъ вообще реформа была отрицаніемъ средневѣковой теократіи и начинала болѣе свободную критику, такъ въ народной жизни она была возбужденіемъ общественныхъ силъ. Въ Крайнѣ начиналось то же оживленіе, какое было у Чеховъ. И дѣйствительно, у народа, малочисленнаго, совсѣмъ безписьменнаго въ теченіи девяти вѣковъ (съ VII до XVI) католическаго господства, вдругъ открывается энергическая работа, создается литературный языкъ, является цѣлый рядъ замѣчательныхъ людей и трудовъ, научныя знанія времени примѣняются къ славянскимъ предметамъ, завязываются между-славянскія связи, и движеніе отъ Словенцевъ сообщается къ Хорватамъ и Сербамъ Босны и Приморья—начало, которому могла предстоять будущность. Побѣда католической реакціи подавила эту возникавшую жизнь на цѣлыхъ два столѣтія, и столь основательно, что даже новѣйшіе историки словенской литературы—подъ вліяніемъ своей католической точки зрѣнія — не видятъ или не хотятъ видѣть значенія этого историческаго поворота. Съ одной стороны, они невольно гордятся этимъ періодомъ своей литературы: они „должны упоминать имя Унгнада съ величайшей признательностью“, онъ былъ „меценатомъ Словенцевъ XVI вѣка“, „крѣпкимъ дубомъ, вкругъ котораго обвилась юная лоза словенской литературы“; Труберъ,

---

cae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur. Praemittuntur his omnibus tabellae aliquot Cyrillicam, Glagoliticam et in his Rutenicam et Moshoviticam Orthographiam continentes. Разборъ ея см. у Добровскаго, Slavin 1834, стр. 11—22, 124—145.

Юрій Далматинъ, Богоричъ были „основателями и отцами" этой литературы (Клунъ). Но съ другой стороны, словенскіе историки ни мало не печалятся о паденіи этой литературы, и осуждаютъ ея дѣятелей съ католической точки зрѣнія. Таковъ уже отзывъ Копитара (1808): „Труберъ, Далматинъ и Богоричъ,—говоритъ онъ,—принадлежали къ *религіозной партіи*, подавленной въ здѣшней странѣ *мощною волею* Фердинанда II. Писателями краинскими сдѣлалъ ихъ духъ *религіознаго фанатизма;* а отъ этого *злого духа* бѣгутъ *свободныя музы* (!). Первымъ отсюда слѣдствіемъ было то, что пренебреженныя музы отмстили за себя варваризмами (въ языкѣ первыхъ словенскихъ писателей); а вторымъ, что ненависть, гнавшая протестантскую партію, постигла и ея сочиненія".

Странно читать обвиненія въ фанатизмѣ противъ переводчиковъ библіи, и какъ будто не были гораздо злѣйшими фанатиками тѣ іезуиты, которые сжигали эту библію, какъ будто іезуиты, преслѣдуя протестантство, завоевывали свободу для музъ!

Что же пріобрѣли „музы" послѣ побѣды іезуитовъ? Сами историки соглашаются, что словенская литература вплоть до настоящаго столѣтія состояла почти изъ однихъ молитвенниковъ и другихъ церковныхъ книгъ, т.-е. иными словами, что литературы собственно вовсе не было, что „музы" вовсе ушли изъ Крайны [1]). Краинскіе историки, или нѣкоторые изъ нихъ, старались доказывать, что особой потери не произошло, что католическое духовенство было „главнымъ представителемъ, самымъ ревностнымъ двигателемъ" литературы и языка. Но факты, ими же признаваемые, говорятъ напротивъ о полномъ застоѣ литературы въ теченіи цѣлыхъ двухъ столѣтій, до тѣхъ поръ, пока проникли сюда новыя возбужденія времени. При этомъ, тѣ же историки едва ли не взваливаютъ на первыхъ „основателей и отцовъ" литературы и „крѣпкихъ дубовъ" напраснаго обвиненія, будто *съ нихъ* начинается въ словенской литературѣ „преобладаніе германскаго элемента" надъ славянскимъ, которое продолжается и послѣ. Въ литературномъ отношеніи этого невозможно сказать потому уже, что *до нихъ* славянскій элементъ и вовсе ничѣмъ не высказывался. Дѣло было скорѣе наоборотъ, когда съ протестантствомъ національный элементъ вдругъ

---

[1]) Для оправданія этого факта историки ссылаются на то, что «большинство народа еще не чувствовало потребности въ собственно литературныхъ произведеніяхъ, чему довольно доказательствъ видимъ и теперь» (!); что особый интересъ къ религіи въ характерѣ Словенцевъ и всѣхъ ихъ соплеменниковъ, «у которыхъ пустое доктринерство и философскія утопіи еще не успѣли притупить и заглушить природнаго, мощнаго религіознаго чувства» (однако у другихъ соплеменниковъ давно развивалась литература; или, можетъ быть, она совсѣмъ и ненужна?); что религіозныя книги все-таки «положили прочную основу для отечественной литературы: ибо низшій классъ началъ читать, теперь читаетъ уже больше и охотнѣе чѣмъ прежде и можетъ идти все далѣе по этому пути». Клунъ, Р. Бес. 1859. I, 112—113. II, 96—97.

обнаружился съ такою силой; нѣмецкое вліяніе въ языкѣ, которое указываютъ у Трубера и Богорича, было естественнымъ слѣдствіемъ того, что *до нихъ* хорутанскій языкъ не имѣлъ никакого литературнаго употребленія и обработки. Сами историки соглашаются, что въ тогдашнемъ положеніи Крайны „литературный обмѣнъ съ Германіей былъ *необходимъ*" [1]). Юрій Далматинъ, переводчикъ цѣлой Библіи, который принадлежалъ отчасти болѣе молодому поколѣнію, уже дѣйствовалъ противъ этого недостатка, въ духѣ народнаго языка. Въ теченіи XVII столѣтія католическое духовенство только изрѣдка издавало на народномъ языкѣ книги чисто религіознаго и поучительнаго содержанія. Намъ достаточно назвать имена: ревностнаго католика и преслѣдователя протестантизма, епископа Крена (Chrön, Hren, 1560—1630), подъ наблюденіемъ котораго изданъ переводъ евангелія; Кастелleца (Matija Kastelec, Castellez, Kasteliz, род. 1620), Янежа Керстника (Janez Kerstnik od S. Križa, Jo. Baptista a S. Cruce); тупого грамматика, капуцина Ипполита (ум. 1722); Пагловица (1690—1740) и др. Начинаетъ, еще въ XVII-мъ столѣтіи, показываться и ученая дѣятельность, но языкомъ ея былъ латинскій и нѣмецкій; такими учеными были Шёнлебенъ и особенно Вальвазоръ, стоявшіе поэтому внѣ развитія національной литературы.

Истребленіе реформаціи было тяжелымъ ударомъ для хорутанской народности; съ побѣдой католицизма беретъ верхъ и нѣмецкое вліяніе. Когда для высшихъ классовъ нѣмецкій языкъ становился языкомъ образованія, и когда народный языкъ предоставлялся неразвитой массѣ,— литература не могла имѣть большого успѣха. Не останавливаясь на писаніяхъ католическихъ патеровъ и іезуитовъ, довольно сказать, что эти писанія не подвигали ни мало литературнаго развитія. По признанію самихъ католическихъ историковъ, хотя XVII вѣкъ „и не былъ бѣденъ учеными Краинцами" (писавшими по-латыни и по-нѣмецки), но тогдашнія церковныя сочиненія въ литературномъ отношеніи „не имѣютъ большой важности и даже, можно сказать, представляютъ, сравнительно съ прежними, неутѣшительный шагъ назадъ". Кастеллецъ былъ очень дѣятельный писатель съ нѣкоторыми достоинствами, но образовалъ онъ себя на трудахъ Далматина и Богорича; патеръ Іоаннъ Керстникъ былъ не болѣе какъ рабское повтореніе Кастеллеца, „котораго онъ еще и исказилъ"; грамматика патера Ипполита— „безсмысленная выборка изъ книги Богорича". „Прекрасный словенскій языкъ находился въ самомъ жалкомъ состояніи—книжный языкъ (къ началу XVIII вѣка) отличался отъ языка простолюдина только тѣмъ, что былъ еще *хуже* просторѣчія" [2]).

---

[1]) Клунъ, тамъ же, I, 112.

[2]) Тамъ же, II, 99—103. Клунъ утѣшается тѣмъ, что хотя поэтому трудъ исто-

Краинскіе ученые, какъ замѣчено, не писали по-хорутански—опять признакъ упадка: хорутанскій языкъ не считался годнымъ для серьёзныхъ предметовъ науки. Изъ нихъ назовемъ I. Людв. Шёнлебена (1618—1681), который кромѣ изданія нѣсколькихъ церковныхъ книгъ извѣстенъ въ особенности своими трудами по краинской исторіи, трудами, крайне некритическими, но по крайней мѣрѣ указывавшими на любовь къ знанію и патріотическія стремленія. Замѣчательнѣе Іоаннъ Вейнгардъ баронъ ф. Вальвазоръ (1641—1693): онъ получилъ по своему времени очень обширное образованіе, былъ членомъ „королевскаго общества наукъ“ въ Лондонѣ, былъ въ связяхъ съ краинскими и иностранными учеными, и хотя всѣ его сочиненія писаны по-латыни или по-нѣмецки, онъ неизмѣнно находитъ мѣсто въ исторіи хорутанской литературы по великому уваженію, какимъ пользуется его патріотическое изученіе своей родины. Онъ составилъ нѣсколько латинскихъ топографическихъ описаній разныхъ мѣстностей, занимаемыхъ Словенскимъ народомъ, а главный его трудъ: „Ehre des Herzogthums Krain“ (1689)—четыре фоліанта съ рисунками и картами — представляетъ обширное собраніе свѣдѣній о природѣ страны, о ея народахъ, исторіи, обычаяхъ, городахъ, замѣчательныхъ мѣстностяхъ и т. д., и донынѣ сохраняетъ свое значеніе. Вальвазоръ истратилъ значительное состояніе на свой трудъ, на поѣздки по краю, на изданіе, на содержаніе граверовъ, которые работали для его книги, и умеръ въ бѣдности. Съ прошлаго года въ Люблянѣ выходитъ выпусками новое изданіе этой книги, почитаемой какъ національный памятникъ.

Такъ, въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій хорутанская литература влачила довольно жалкое существованіе, гдѣ ея „представителями“ и предводителями были католическіе патеры и іезуиты. Только съ конца прошлаго вѣка, когда у всѣхъ Славянъ обнаружились попытки самобытной дѣятельности, хорутанскій народъ нашелъ также нѣсколькихъ защитниковъ своего національнаго интереса. Словенскія книги стали появляться чаще со второй половины XVIII-го столѣтія, и литература начинаетъ отчасти выходить изъ прежней исключительно патерской точки зрѣнія, хотя все еще остается главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства. Нѣкоторый поворотъ начинаютъ замѣчать съ патера Марка Поглина (1735—1801), который сталъ издавать книжки для народа и распространилъ кругъ читателей. Но главнымъ образомъ новый періодъ словенской литературы начинаютъ съ его послѣдователей и сотрудниковъ: Янеля, Кумердея, Лингарта и Водника. Юрій

рика тогдашней словесности неблагодаренъ, но «въ области науки» имѣетъ цѣну и «дѣльное стремленіе», т.-е. стремленіе католическихъ патеровъ; но мы видѣли, что оно было не совсѣмъ дѣльное и оставалось безъ всякаго результата двѣсти лѣтъ ихъ исключительнаго господства.

Янель (1744—1807), священникъ, каноникъ и инспекторъ народныхъ школъ въ Крайнѣ, остается на той же общей дорогѣ церковныхъ писателей, и извѣстенъ особенно какъ главный дѣятель въ новомъ переводѣ библіи,—при чемъ сотрудниками его были Кумердей, Шкриняръ, Шрай, Рихаръ и др. Старый переводъ Далматина былъ издавна запрещенъ какъ протестантскій, и чрезвычайно рѣдокъ. Изданіе Янеля вышло въ 1784—1804. Въ рукописи остались его работы надъ грамматикой, гдѣ онъ думалъ уже о соединеніи южныхъ Славянъ на одномъ языкѣ, и предлагалъ для нихъ общее имя Иллировъ. Янель началъ и словенское стихотворство переводами изъ иностранныхъ поэтовъ и собственными стихотвореніями, хотя не особенно замѣчательными,—которыя впрочемъ остались въ рукописи. Антонъ Лингартъ (1758—1795) заявилъ свою дѣятельность одной комедіей и переводомъ „Свадьбы Фигаро" (большая новость въ тогдашней хорутанской литературѣ), но особенно извѣстенъ книгой: „Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen südslawischen Völkern Oesterreichs". Изъ хорутанскихъ ученыхъ, писавшихъ тогда по-нѣмецки, указываютъ также Ивана Поповича (ум. 1763), автора книги „Untersuchungen vom Meere", гдѣ между прочимъ высказывается его славянскій патріотизмъ. Леопольдъ или Лавославъ Волькмеръ (1741—1816), родомъ изъ Штиріи, стихотворецъ, описывавшій сельскую жизнь; его стихотворенія очень распространились въ томъ краѣ, гдѣ народная поэзія все больше и больше падаетъ въ народѣ подъ осужденіями патеровъ и замѣняется плоскими стихотвореніями ихъ издѣлія. Его стихотворенія издалъ Мурко: „Leop. Volkmera fabule in pesmi", Грацъ, 1836. Но первымъ настоящимъ поэтомъ у Хорутанъ былъ Валентинъ Водникъ (1758—1819); священникъ и потомъ учитель въ Люблянской гимназіи, онъ началъ въ 1797 издавать „Ljubljanske Novice", передъ тѣмъ издалъ нѣсколько календарей съ разсказами. Подъ вліяніемъ Добровскаго и подъ покровительствомъ словенскаго мецената барона Зигмунда Цойса, Водникъ пріобрѣлъ болѣе правильныя филологическія понятія и расширилъ свои научныя свѣдѣнія; онъ одинъ изъ первыхъ съ наибольшимъ успѣхомъ сталъ вводить въ литературу народный языкъ, и какъ многіе писатели славянскаго возрожденія, соединялъ труды поэтическіе съ изслѣдованіями народности. Многія изъ пѣсенъ Водника стали народными. Въ 1809 онъ писалъ свои воинственныя пѣсни (pesmi sa brambovze) для словенскаго ополченія. Когда въ 1809 Крайна и Приморье отошли къ Франціи, Водникъ, знавшій по-французски, назначенъ былъ завѣдывать низшими и средними школами Любляны; подъ французскимъ правленіемъ онъ могъ приложить къ дѣлу свои заботы о пробужденіи народности, и сталъ почитателемъ Наполеона. Въ 1811 онъ издалъ свою грамматику, „Pismenost", въ началѣ которой помѣ-

стилъ стихотвореніе „Ilirija oživljena“, гдѣ высказалъ свои національно-патріотическія надежды народной цѣлости и свободы. Послѣ удаленія Французовъ и новаго водворенія Австріи, въ 1814, это стихотвореніе и приверженность Водника къ Французамъ навлекли на него преслѣдованія австрійскаго правительства. Онъ потерялъ свое мѣсто и умеръ въ бѣдности, не кончивъ своихъ работъ, напр. своего словаря. Водникъ есть вообще замѣчательнѣйшая личность словенской литературы, которая начинаетъ съ его дѣятельности свой новѣйшій періодъ [1]).

Періодъ, отмѣченный именами Япеля и Водника, представляетъ между прочимъ цѣлый рядъ грамматическихъ трудовъ. Чуть не каждый писатель работалъ надъ грамматикой или словаремъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — къ этому вызывала съ одной стороны, вѣроятно, неустановленность хорутанскаго литературнаго языка, разумная обработка котораго была прервана католической реакціей; съ другой стороны примѣръ Добровскаго: та первая пора національнаго пробужденія вообще выдвинула вопросъ о языкѣ — сводились счеты родства и выработывался органъ для будущей литературы. Такъ писали грамматики Зеленко, Поповичъ, Кумердей (сравнительно со всѣми славянскими нарѣчіями!), Япель, Водникъ, Копитаръ, Даинко, Метелко, Мурко и т. д. Иные, какъ Даинко и Метелко пытались даже, для болѣе точной передачи языка дать новую азбуку, несткладно мѣшая латинскія буквы съ кирилловскими.

Послѣ Водника, въ хорутанской поэзіи долго не явилось ничего замѣчательнаго; впрочемъ являлись поэты-филологи, какъ патеръ Урбанъ Ярникъ (1784—1844), патеръ Петръ Даинко (Dainko, собственно Danjko); епископъ тріестскій Матеужъ Равникаръ (1776—1845), духовный писатель; Миха Кастеличъ, памятный тѣмъ, что въ 1830 основалъ первое небольшое изданіе, „Краинскую Пчелу“ (Kranjska Zhbeliza), гдѣ между прочимъ выступилъ замѣчательнѣйшій изъ хорутанскихъ поэтовъ, Францъ Прешернъ (1800—1849). Біографія Прешерна еще не написана. Его родители были поселяне; свое ученье онъ началъ въ Люблянѣ, потомъ изучалъ права въ Вѣнѣ. Его житейскія обстоятельства были, какъ говорятъ, очень тяжелыя, что въ значительной мѣрѣ приписываютъ его врагамъ, патерамъ. Только въ 1846 онъ пріобрѣлъ извѣстную независимость, сдѣлавшись адвокатомъ въ Люблянѣ. Товарищемъ его литературныхъ начинаній былъ Станко Вразъ, съ которымъ они разошлись потомъ въ своихъ литературныхъ взглядахъ, когда Вразъ, писавшій сначала по-словенски, присталъ

---

[1]) Стихотворенія его явились сначала въ книжкѣ «Pesmi za poskušnjo» 1806, потомъ въ неудовлетворительномъ изданіи 1840, наконецъ въ сборникѣ: Vodnikove pesni, uredil France Levstik. Любл. 1869. Объ его біографіи: «Vodnikov Spomenik», Этбина Косты, 1859; Pleteršnik, въ Laibacher Gymn.-Programm 1875.

потомъ къ загребскому „иллирству“. Поэзія Прешерна очень разнообразна; онъ писалъ въ эпическомъ, лирическомъ, сатирическомъ родѣ, отличался истинной силой фантазіи, чувства и выраженія,—но по преимуществу онъ лирикъ; его поэтическая форма очень разнообразна. Онъ издалъ собраніе своихъ стихотвореній незадолго до смерти: Poezije doktora Franceta Prešerna, Любл. 1847. Замѣчательно, что Прешернъ въ эпоху славянскихъ возрожденій не слѣдовалъ за этимъ движеніемъ, къ которому относился какъ будто недовѣрчиво; онъ оставался чисто мѣстнымъ словенскимъ писателемъ и одно время даже предпочиталъ писать по-нѣмецки [1]).

Въ числѣ сотрудниковъ „Краинской Пчелы“ [2]) могутъ быть еще названы: Блаже Поточникъ (1799—1872), патеръ, дѣятельность котораго впрочемъ относится главнымъ образомъ къ новѣйшему времени, авторъ грамматики (по-нѣмецки), церковный писатель, австрійско-патріотическій стихотворецъ—отличавшійся, какъ говорятъ, большими и очень разнообразными знаніями; пѣсни его переходили въ народъ [3]); I. Жемля (1805—1844), опять патеръ; Вал. Станичъ (1774—1847); Кремпель (1790—1844); Янежъ Залокаръ (1792—1872), между прочимъ составившій хорутанско-нѣмецкій словарь (въ рукописи), который по богатству сравниваютъ съ сербскимъ Вуковымъ [4]); епископъ Ант. Сломшекъ (1800—1862) и друг.

Въ 1843, докторъ и ветеринаръ, Янъ Блейвейсъ (род. 1808), въ то время секретарь экономическаго общества, основалъ въ Люблянѣ хозяйственную газету „Kmetijske in rokodilske Novice“. Блейвейсъ сдѣлалъ „Новицы“ средоточіемъ хорутанской литературы: сюда внесли свой вкладъ всѣ современные писатели; дѣло проникнуто было стараніями о народномъ образованіи и обработкѣ языка, о соединеніи Словенцевъ въ одно народное цѣлое, тогда какъ прежде самая литература была разъединена дѣленіемъ областнымъ и дѣленіемъ нарѣчій. Вопросъ былъ въ самомъ дѣлѣ настоятельный. Мы приводили замѣчаніе Копитара, что языкъ Далматина не устарѣлъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ—такъ была неподвижна литература въ католико-церковническомъ ея направленіи. О писателяхъ, вновь начинавшихъ хорутанскую литературу съ конца прошлаго вѣка, не разъ замѣчали, что имъ мѣшала недостаточность языка. Введеніе новыхъ образовательныхъ интересовъ должно было отразиться и на расширеніи языка; теперь литературный

---

[1]) Fr. Levstik, «Prešern». Listki, 1872, Sv. I; Bleiweis, Literarna zapuščina dr. Fr. Prešerna. Letopis Mat. slov. 1875, 153—179. Его любопытная переписка съ Вразомъ повторена въ «Dėla St. Vraza, peti dio, 1877: Прешернъ переписывался съ нимъ, своимъ землякомъ, по-нѣмецки!

[2]) Ея было 5 выпусковъ, 1830—33, 1848; въ послѣднемъ напечатана вновь «Оживленная Иллирія» Водника.

[3]) Letopis Matice Slovenske 1872—1873. 137—152.

[4]) Letopis, тамъ же 148—150 (bis).

языкъ пріобрѣтаетъ новый характеръ и обогащеніе. Блейвейсъ старался содѣйствовать практическимъ потребностямъ народа, и это было однимъ изъ главныхъ основаній его популярности. Онъ положилъ начало и новому правописанію; на второй годъ своего изданія онъ оставилъ старую, неудобную азбуку Богорича и ввелъ способъ писанія, принятый „Иллирами", гораздо болѣе простой. Его сотрудниками бывали почти всѣ новѣйшіе хорватскіе писатели: М. Вертовецъ (ум. 1851); Фр. Малавашичъ (1818—1863); Матія Маяръ (род. 1809) и І. Муршецъ, сверстники Ст. Враза,—писатели по предметамъ практическихъ, популярныхъ, религіозно-нравственныхъ знаній; Орославъ Цафъ, филологъ [1]); Даворинъ Терстенякъ, священникъ, занимающійся славянской древностью, филологіей и миѳологіей (впрочемъ, съ порядочнымъ произволомъ въ своихъ выводахъ), и друг.

Сорокъ восьмой годъ отразился и здѣсь особеннымъ оживленіемъ политическихъ и литературныхъ интересовъ: явилось нѣсколько политическихъ изданій; почти всѣ прекратились потомъ съ наступленіемъ реакціи, но политическій элементъ вошелъ съ тѣхъ поръ въ литературу. Въ послѣдніе годы однимъ изъ дѣятельныхъ работниковъ хорутанской литературы былъ Антонинъ Янежичъ (род. 1828): съ 1850 года онъ велъ небольшія періодическія изданія, посвященныя литературѣ, и съ 1858 Glasnik za literaturo in umetnost, гдѣ снова собирались представители словенской поэзіи, беллетристики и популярной литературы. Въ 1851 году онъ издалъ словарь (2-е изд. Slavo-Nemški Slovar, Celov. 1874), въ 1854 грамматику „Slovenska Slovnica", къ которой приложенъ обзоръ литературы; въ 1861 сборникъ стихотвореній, затѣмъ—Cvetje iz domačih in tujih logov (цвѣты изъ родныхъ и чужихъ луговъ), сборникъ пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ, между прочимъ съ другихъ славянскихъ нарѣчій. Но первое мѣсто въ современной словенской поэзіи занимаетъ Іованъ Весель-Косескій (финансовый совѣтникъ въ Тріестѣ). Его первыя стихотворенія явились въ 1844 въ „Новицахъ": авторъ былъ уже въ зрѣлой порѣ. Его стихотворенія отличаются сильнымъ чувствомъ и фантазіей, и среди его поэтическихъ тэмъ, религіозныхъ, лойяльныхъ, идетъ и политическая струя, призывы къ національному возрожденію, такъ что Весель, въ ряду хорутанскихъ поэтовъ, считается политическимъ вождемъ своего народа. Между прочимъ онъ переводилъ много стихотвореній изъ Шиллера, Гёте, Шамиссо, Кёрнера, Уланда, изъ ново-греческой поэзіи, наконецъ изъ русскихъ поэтовъ: Державина (ода „Богъ"), Рылѣева, Пушкина („Клеветникамъ Россіи", „Пророкъ", „Къ морю", сказки), Лермонтова, Хомякова („Орелъ") и пр. Изъ крупныхъ вещей онъ пе-

[1]) Его некрологъ, писанный Штифтеромъ, въ Ж. Мин. Нар. Просв. 1874. 175. IV, 107—110.

ревелъ „Мессинскую Невѣсту“ и „Орлеанскую Дѣву“ Шиллера и нѣсколько пѣсенъ Иліады. Собраніе сочиненій его вышло въ 1870 [1]).

Вліянію Веселя приписываютъ новое оживленіе литературы, которая все больше направляется къ народному интересу. Изъ ряда хорутанскихъ поэтовъ и популярныхъ писателей могутъ быть названы: Фр. Цегнаръ (род. 1826); Ловро Томанъ (1827—1870), поэтъ и политическій дѣятель; Мирославъ Вильхаръ, одинъ изъ любимыхъ поэтовъ и композиторъ [2]); Францъ Левстикъ (род. 1833), издавшій въ 1853 „Пѣсни“, навлекшія на него гнѣвъ патеровъ; Крекъ („Poezije“, 1850); Іосифъ Юрчичъ, журналистъ, авторъ трагедіи „Тугомеръ“ (1877) изъ древней славянской исторіи, и издатель сборника: „Klasje z domačega polja, zbirka najboljših dél slov. pisateljev“ и т. д. Словенская литература пріобрѣтаетъ переводы изъ другихъ литературъ, между прочимъ славянскихъ: Лавославъ Горенецъ (Gorénjec) перевелъ нѣсколько повѣстей Гоголя; Максиміліанъ Самецъ — „Дымъ“ Тургенева (Грацъ, 1870); Янежъ Бильцъ—„Смерть Смаилъ-аги Ченгича“, Мажуранича и проч. Изъ писателей по научнымъ предметамъ—Франьо Брадашка, писавшій о древней славянской исторіи; Янежъ Парапатъ по исторіи словенскаго народа и др.

Въ 1865 основана была „Словенская Матица“, которая издаетъ свой „Letopis“ и которой предсѣдателями были Ловро Томанъ, Коста, и нынѣ Блейвейсъ. Этбинъ Коста (род. ок. 1830, ум. въ 1874 или 1875), сынъ нѣмецко-краинскаго юриста и писателя, самъ былъ также нѣмецкимъ юридическимъ писателемъ и издателемъ нѣмецкихъ „Mittheilungen“ по исторіи Крайна, но вмѣстѣ съ тѣмъ работалъ въ хорутанской литературѣ. Онъ былъ редакторомъ нѣмецко-словенскаго альманаха въ память Водника (Vodnikov Spomenik—Vodnik-Album, 1859), гдѣ написалъ біографію этого поэта; затѣмъ, какъ предсѣдатель Матицы, былъ редакторомъ ея „Лѣтописи“ и составлялъ обстоятельную ежегодную библіографію словенской литературы [3]).

Въ послѣдніе годы въ хорутанской литературѣ обнаруживается значительная, по размѣрамъ племени, дѣятельность. Кромѣ Матицы, существуетъ нѣсколько другихъ обществъ, которыя служатъ различнымъ интересамъ народной жизни, обществъ хозяйственныхъ, ремесленныхъ, политическихъ; многія имѣютъ свои изданія. Католическій элементъ занимаетъ въ нихъ не послѣднее мѣсто и окрашиваетъ эту дѣя-

---

[1]) Razne dela pesniške in igrokazne. Изданіе Словенской Матицы. Любляна 1870, большой томъ, 690 стр.; Letopis Mat. Slov. 1870. 163—201. Мацунъ, Pregled, стр. 58 и слѣд., указываетъ первое стихотвореніе Веселя еще въ 1818, въ Laibacher Wochenblatt.

[2]) Сборникъ его пѣсенъ вышелъ въ 1860.

[3]) По поводу Кіевскаго археологическаго съѣзда онъ собралъ книжку: «Slovenska Bibliografia» 1868—73.

тельность въ свой извѣстный цвѣтъ, какъ „Katoliška družba za Kranjsko"; Католическо-политическое общество въ Люблянѣ; Общество св. Могора (Гермагора) въ Целовцѣ, основанное епископомъ Сломшекомъ для изданія и распространенія въ народѣ книгъ религіозныхъ; далѣе, „Kmetijska družba"; Драматическое общество въ Люблянѣ; „Народныя Читальницы" въ Люблянѣ и Новомъ-Мѣстѣ; Учительское общество; „Народно-политическое общество" въ Горицѣ; „Slovenija, društvo za brambo narodnih pravic", т.-е. общество для защиты народныхъ правъ, въ Люблянѣ, и пр. Это расширеніе общественной самодѣятельности, направленной къ пользамъ народа, можетъ обѣщать возрожденіе и усиленіе національнаго чувства въ народной массѣ и вывести ее изъ-подъ исключительной ферулы патеровъ. Что въ литературѣ являлись уже протесты противъ этой ферулы, мы видѣли. Изъ изданій этихъ обществъ могутъ быть названы: „Slovenska Talija", съ 1867 издаваемая драматическимъ обществомъ,—сборникъ оригинальныхъ и переводныхъ драматическихъ пьесъ; „Soča", издаваемая съ 1871 Викторомъ Доленцомъ какъ органъ горицкаго политическаго общества; „Slovenski učitelj", изданіе учительскаго общества; обществомъ св. Могора издается „Slovenski prijatelj", редактируемый съ 1857 г. Андреемъ Эйншпилеромъ, который былъ ревностнымъ защитникомъ словенскихъ интересовъ въ нѣмецкомъ журналѣ „Stimmen aus Innerösterreich", прекратившемся въ 1863. Изъ другихъ изданій могутъ быть упомянуты „Besednik", съ 1869; „Slavjan, za Slavjane kniževne i prosvětljene", Матіи Маяра, съ 1873. Изъ политическихъ газетъ лучшая теперь „Slovenski narod", съ 1868, въ настоящее время издаваемая упомянутымъ І. Юрчичемъ.

Тѣсныя условія, въ которыхъ стояла словенская народность и которыя не давали мѣста для широкаго литературнаго или ученаго труда, издавна вынуждали Словенцевъ уходить въ нѣмецкую литературу. По всей вѣроятности тѣ же условія привели въ эту литературу двухъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ, какіе только являлись среди Словенцевъ. Это—Копитаръ и его ученикъ Миклошичъ, которые и въ исторіи славянскаго „возрожденія" и науки заняли сродное положеніе. Не принадлежа собственно къ словенской литературѣ по языку (нѣмецкому и также латинскому), на которомъ писали, они должны занять въ ней мѣсто какъ представители своего племени въ развитіи славянскихъ изученій, для котораго сдѣлали очень много; содержаніе ихъ трудовъ — отвлеченная филологія и археологія, но и въ немъ есть немалое отношеніе къ словенскому племени.

Бартоломей Копитаръ (Jernej Kopitar, 1780—1844) родился въ деревнѣ Горной-Крайны; отецъ его былъ простой поселянинъ и Копи-

таръ мальчикомъ помогалъ отцу въ сельскихъ работахъ. На 9-мъ году онъ поступилъ въ нѣмецкую школу, потомъ въ гимназію, и кончивъ курсъ въ 1799, поступилъ сначала домашнимъ учителемъ, потомъ секретаремъ къ тому словенскому меценату, барону Цойсу, который былъ покровителемъ Водника. Копитаръ провелъ восемь лѣтъ въ этомъ домѣ, отдавшись классическимъ занятіямъ; знакомство съ Водникомъ навело его на изученіе народнаго языка и литературы. Онъ отправился затѣмъ въ Вѣну изучать права, но уже вскорѣ сдѣланъ былъ цензоромъ славянскихъ и греческихъ книгъ, а потомъ получилъ мѣсто въ придворной библіотекѣ. Въ 1814 онъ посланъ былъ въ Парижъ для возвращенія въ Вѣну книгъ и рукописей, забранныхъ Французами въ 1809; въ другой разъ онъ путешествовалъ въ Италіи въ 1837. Копитаръ былъ человѣкъ сильнаго ума, чрезвычайно обширныхъ историческихъ и филологическихъ свѣдѣній и — крайней нетерпимости. Рядъ его замѣчательныхъ трудовъ начинается въ 1808, изданіемъ упомянутой прежде „Грамматики славянскаго языка въ Крайнѣ, Каринтіи и Штиріи“ (по-нѣмецки): въ свое время это былъ лучшій трудъ во всемъ славянскомъ языкознаніи. Во введеніи къ этой книгѣ, онъ дѣлаетъ обзоръ славянскихъ языковъ, судьбы языка церк.-славянскаго, затѣмъ излагаетъ исторію хорутанскаго языка, отъ первыхъ протестантскихъ изданій (въ то время болѣе древніе памятники не были извѣстны); въ послѣсловіи сообщаетъ обзоръ хорутанской литературы. Вторымъ большимъ трудомъ его былъ знаменитый „Glagolita Clozianus“ (1836, по-латыни), гдѣ при разборѣ старой глаголической рукописи XI вѣка онъ разсматриваетъ также Фрейзингенскіе Отрывки, и приходитъ къ выводу, что церковно-славянскій языкъ есть не старо-болгарскій, а старо-словенскій или хорутанскій. Выводъ былъ неожиданный, парадоксальный, и встрѣченъ былъ другими славянскими филологами какъ ересь, что̀ вызвало со стороны Копитара тѣмъ бо̀льшее упорство. Въ 1839 вышла новая латинская книга Копитара: „Hesychii glossographi discipulus et epiglossistes russus in ipsa Constantinopoli sec. XII—XIII“: это—объясненіе греческой рукописи XI—XII в., вывезенной изъ Константинополя Бусбекомъ въ XVI столѣтіи, и гдѣ рядомъ съ греческими глоссами къ тексту, прибавлены русскіе переводы. Наконецъ, въ 1843, при изданіи знаменитаго Реймскаго евангелія, Text du Sacre, сдѣланномъ по приказанію имп. Николая, въ Парижѣ, помѣщены были написанныя Копитаромъ Prolegomena historica о началѣ славянскаго христіанства и о судьбѣ рукописи. Здѣсь онъ опять утверждаетъ, что церковный языкъ есть старо-словенскій, который въ древности простирался отъ нынѣшнихъ словенскихъ земель до нижняго Дуная, и что этотъ специфически „словенскій“ народъ былъ разорванъ на двѣ части, хорутанскую и болгарскую, сначала приходомъ Хорватовъ и

Сербовъ въ VII вѣкѣ, потомъ Мадьяръ въ IX, и что Меѳодій въ 870, проповѣдуя у Блатенскаго озера, началъ славянское богослуженіе на языкѣ Хорутанъ.

Мелкія сочиненія Копитара изданы были Миклошичемъ: B. Kopitar's Kleinere Schriften. Wien. 1857, 2 вып.

У Копитара несомнѣнно былъ тяжелый характеръ «абсолютиста», какъ замѣчаетъ его біографъ въ «Научномъ Словникѣ»,—человѣка, желчно интолерантнаго, имѣвшаго высокое понятіе о себѣ и невысокое о своихъ противникахъ (по *не всѣхъ*). Мы слышали отъ очевидцевъ, говорившихъ съ Копитаромъ, что напр. онъ съ величайшимъ уваженіемъ говорилъ о Востоковѣ, который однако вовсе не держался «словенской» теоріи. Не беремся судить окончательно объ его личности; но думаемъ, что недостаточно назвать его «Мефистофелемъ», или австрійскимъ агентомъ, или врагомъ Славянства, безъ дальнѣйшихъ околичностей: въ этомъ характерѣ могли быть черты совершенно искреннія, которыхъ не хотятъ видѣть. Во-первыхъ, на Копитарѣ отражалась исторія его родного племени, небольшого, далекаго отъ другихъ, давно загнаннаго въ католическую исключительность. Писатели Крайны давно дѣлались нѣмецкими писателями; славянское «возрожденіе» и въ слѣдующемъ краинскомъ поколѣніи не возбуждало такихъ розовыхъ ожиданій, какъ бывало у другихъ,—оно не представлялось Прешерну такъ, какъ Вразу; будущее ожидалось развѣ рядомъ съ Нѣмцами, но не безъ нихъ, и не выше ихъ. Во-вторыхъ, Копитаръ поэтому не былъ руссофилъ, какъ многіе Чехи того времени, съ которыми сходились особенно наши слависты и любители Славянства, составлявшіе по нимъ и по себѣ понятіе о томъ, чѣмъ долженъ быть «Славянинъ». Когда отсутствіе руссофильства могло имѣть свои основанія, у насъ отождествляли его съ «враждой къ Славянству». Но безпристрастный наблюдатель согласится, что это отсутствіе руссофильства не только въ тѣ времена бывало нерѣдкой чертой западнаго образованнаго и у себя патріотическаго Славянства, но и теперь часто высказывается въ обособленіи западнаго Славянства отъ восточнаго. Въ результатѣ являлся извѣстный скептицизмъ относительно славянскихъ дѣлъ, заостренный невыгоднымъ состояніемъ собственной родины, и при этомъ могли особенно бросаться въ глаза слабыя стороны «панславизма», какія бывали. Мы знаемъ теперь, что напр. его подозрительность къ нѣкоторымъ открывавшимся тогда памятникамъ древней чешской литературы очень оправдывается. «Вражда къ Славянству» трудно примиряется съ тѣмъ ревностнымъ содѣйствіемъ, какое онъ оказывалъ Вуку. Доля тяжелаго недовѣрія и сомнѣнія была и у знаменитаго Шафарика, которому принадлежитъ такая великая заслуга въ славянскомъ возрожденіи,—какъ мнѣ самому случилось видѣть въ разговорѣ съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни. Наконецъ, у Копитара была исключительность католическая; но на нее недовольно было отвѣтить исключительностью греко-восточной. Словомъ, объясненіе характера Копитара—болѣе сложный вопросъ, чѣмъ обыкновенно полагается [1]).

[1]) Крайне враждебные отзывы Гильфердинга въ брошюрѣ Les Slaves Occid., или въ Собр. Соч. II, 79—80. Подробный разборъ мнѣній Копитара о родинѣ церк.-славянскаго языка, у Бодянскаго, О времени происхожденія слав. письменъ, 213—266. Объ отношеніяхъ Копитара въ славянскомъ ученомъ мірѣ, см. тогдашнюю полемику

Францъ Миклошичъ (Miklošić, или по старому венгерскому правописанію, какимъ онъ обыкновенно пишетъ свое имя, Miklosich), род. 1813, въ нижней Штиріи, въ настоящее время знаменитѣйшій изъ славянскихъ филологовъ. Онъ учился въ Вараждинѣ и Мариборѣ, потомъ изучалъ философію и право въ Грацѣ, гдѣ въ 1837 занялъ-было каѳедру философіи. Но въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Вѣну продолжать занятія, сталъ докторомъ правъ и вступилъ въ адвокатскую канцелярію. Знакомство съ Копитаромъ вывело его на настоящую дорогу. Миклошичъ еще въ гимназіи хорошо зналъ греческій языкъ, и любилъ изученіе языковъ. Копитаръ убѣдилъ его посвятить себя вполнѣ славянскому языкознанію, что Миклошичъ и сдѣлалъ. Въ 1844 онъ поступилъ въ придворную библіотеку, и будущее его поприще опредѣлилось. Дома, на родинѣ онъ былъ въ кружкѣ словенскихъ молодыхъ патріотовъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Станкомъ Вразомъ, но съ своими учеными замыслами окончательно отдалился отъ литературныхъ интересовъ своего края [1]). Въ 1844 онъ уже заявилъ себя компетентнымъ филологомъ (рецензія Сравнительной Грамматики Боппа, въ Wiener Jahrb. der Literatur, 1844, CV, 43—70). Въ 1848 онъ былъ выбранъ своими земляками на сеймъ, но сложилъ депутатство и взамѣнъ получилъ профессуру въ Вѣнскомъ университетѣ, гдѣ уже въ 1853 былъ выбранъ въ rector magnificus. Миклошичъ много путешествовалъ для своихъ ученыхъ цѣлей, въ 1836 и 1842 въ Италіи, 1851 былъ въ Царьградѣ, 1852 въ Германіи и Франціи, 1856 въ Далмаціи и Черногоріи и т. д. Не перечисляя многочисленныхъ трудовъ Миклошича (многіе изъ нихъ уже названы выше въ библіографическихъ примѣчаніяхъ), укажемъ лишь ихъ главные разряды. Въ первое время онъ посвящалъ свои изслѣдованія главнымъ образомъ старо-словенскому или церковно-славянскому языку, относительно котораго онъ принялъ и развивалъ теорію Копитара. Другой отдѣлъ его изысканій составляетъ единственная доселѣ сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, дошедшая теперь до четырехъ томовъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ, къ крупнымъ трудамъ примыкаетъ много частныхъ изслѣдованій; такъ напр. нужно упомянуть здѣсь любопытныя изысканія о славянскихъ элементахъ въ чужихъ языкахъ—новогреческомъ, албанскомъ, мадьярскомъ, цыганскомъ. Далѣе, рядъ важныхъ изданій памятниковъ: Vitae sanctorum, Супрасльской рукописи, Шишатовацкаго апостола, Законника Душана, Несторовой лѣтописи и проч. Изданія историческихъ источниковъ:

его и противъ него, также Slovník Naučný s. v.; Переписку А. Х. Востокова (Сборникъ II акад. отдѣленія, т. V). Спб. 1873, въ указателѣ, особенно письма № 271, 290; стр. 348, 464, 474.

[1]) О немъ нерѣдко поминается въ перепискѣ Враза.

Monumenta Serbica; Acta et diplomata graeca medii aevi и проч. Наконецъ, упомянутыя изслѣдованія о сербо-хорватскомъ эпосѣ, о „русальяхъ", важныя изслѣдованія о христіанской терминологіи въ славянскихъ языкахъ, и т. д. Отношеніе къ своей словенской литературѣ Миклошичъ имѣетъ только какъ составитель одного руководства (Berilo) для высшихъ классовъ гимназій.

Въ лицѣ двухъ первостатейныхъ филологовъ, хотя и не писавшихъ на родномъ языкѣ, Словенцы имѣли свою долю въ славянскомъ движеніи. Миклошичъ, на нѣмецкомъ языкѣ, есть до сихъ поръ единственный всеславянскій филологъ.

Нѣсколько книгъ имѣетъ и родственное хорутанскому нарѣчіе штирско-словенское въ западной Венгріи,—между этими Словенцами остались единственные слѣды прежняго хорутанскаго протестантства. Ихъ нарѣчіе приближается съ другой стороны къ словацкому, такъ что можетъ считаться соединительной нитью между языками западнаго и восточнаго Славянства. Степанъ Кюзьмичъ (Stevan Küzmics), евангелическій проповѣдникъ, перевелъ на это нарѣчіе Новый-Завѣтъ (Nouvi Zákon и пр. Галле 1771, Пресбургъ 1818). Кажется, сюда же относятся изданія церковныхъ книгъ другого Кюзьмича, Никлава, католическаго священника, въ концѣ прошлаго столѣтія [1]).

Образцы словенскаго нарѣчія въ Венгріи сообщены были въ послѣдніе годы М. Вальявцемъ [2]).

Другой, самый западный уголокъ словенскаго племени и вообще Славянства, составляетъ небольшое племя Резьянъ, числомъ около 3,000 чел. Оно живетъ, уже въ предѣлахъ Италіи, въ углу ея сѣверной и восточной границъ въ двухъ долинахъ Юлійскихъ Альпъ. Подробное (даже до мелочности) изученіе этого отбившагося островка Славянства сдѣлано было Бодуэномъ де-Куртенэ, который издалъ и образчикъ ихъ нарѣчія [3]).

Народная поэзія Словенцевъ не богата, и очень мало изучена. Такъ какъ народъ издавна потерялъ національную самобытность и былъ раздѣленъ провинціально, у него не могло явиться эпическаго содержанія; пѣсни подобнаго рода есть только о войнахъ съ Турками, въ которыхъ Краинцы также принимали участіе: это обстоятельство, и

[1]) См. у Шафарика, Gesch. der südslaw. Literatur, I, 28, 49, 80, 101 и проч.
[2]) Въ Letopis Matice Slov. 1874, 102—155.
[3]) «Резья и Резьяне», въ Слав. Сборникѣ, 1876. III, 223—371, гдѣ указана и вся литература объ этомъ племени; его же: Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ, Лейпц. 1875; Резьянскій катехизисъ. Лейпц. 1875.

сближеніе съ Сербами сдѣлали то, что къ Словенцамъ проникла слава эпическихъ героевъ Сербіи. Словенцы знаютъ Марка Кралевича, и также Матвѣя Корвина. Изъ словенскихъ племенъ, обиліе пѣсенъ Клунъ указываетъ только у Бѣлокраинцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Сербами и болѣе близкихъ къ Сербамъ, чѣмъ къ Словенцамъ. Поэзія лирическая повидимому издавна стала подчиняться чужимъ вліяніямъ и книжнымъ пѣснямъ.

Не было у Словенцевъ и хорошихъ собирателей. То, что являлось иногда съ названіемъ народной пѣсни, напр. у Водника, въ „Краинской Пчелѣ“, у Данко, въ сборникѣ польскаго эмигранта Корытко [1]) и друг., или совсѣмъ не народно, или передѣлано и подправлено въ языкѣ. Лучшимъ собраніемъ остается до сихъ поръ сборникъ Станка Враза: Narodne pěsni Ilirske, koje se pěvaju po Stajerskoj, Koruškoj i zapadnoj strani Ugarske (Загр. 1839). Можно назвать еще сборникъ А. Янежича: Cvetie Slovanskega naroda (Целовецъ, 1852); небольшіе сборники сказокъ Крижника и Вальявца [2]). Нѣмецкій переводъ словенскихъ пѣсенъ сдѣлалъ извѣстный нѣмецкій поэтъ Анастасіусъ Грюнъ (графъ Ауэрспергъ), принадлежащій къ старой краинской аристократіи [3]).

Хорутанская народность и литература, какъ мы видѣли, и въ прошломъ и въ настоящемъ стояли въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Немногочисленное и раздѣленное племя не имѣло силы, чтобы образовать независимую литературу и однако держалось отдѣльно отъ сосѣднихъ Хорватовъ, которые могли бы служить для него поддержкой. Литература Хорутанъ ограничивалась случайными книжками, календарями и альманахами, которые представлялись одному недавнему наблюдателю „послѣдними вспышками затухающаго огня“. Говорили, что ни одно славянское племя Австріи не обнѣмечивалось и не истощалось такъ быстро, какъ хорутанское, и въ то же время держалась въ немъ страсть къ національной особности, которая грозила привести его къ окончательному паденію... „Въ послѣднія десять лѣтъ,—говорилъ въ 1861 о хорутанскомъ народѣ путешественникъ, негодовавшій противъ Нѣмцевъ,—германизація пустила такіе глубокіе корни, что не въ городахъ уже

---

[1]) Slovenske pèsmi krajnskiga naroda, изд. Блажникомъ (кромѣ 1-го выпуска). Любл. 1839—44, 5 вып.

[2]) Slovenske pripovedke iz Motnika. Nabral Podšavniški (Gašpar Križnik) Celovec 1874; М. Вальявца, Narodne pripoviesti iz susjedne Varaždinu Štajerske, въ Bericht des k. Gymn. zu Waraždin, 1875.

[3]) Volkslieder aus Krain. Leipz. 1850, съ предисловіемъ о краинской народной поэзіи. Объ этомъ предметѣ см. также M. Žolgar, Slovensko narodno pesništvo. Gymnas.-Programm, Cilli 1873, 23—39; Krek, Nekoliko opazek o izdaji slov. nar. pesnij (Listki, IV Svez., Любляна, 1873).

только, а въ *селахъ* и *деревняхъ* не трудно бываетъ встрѣтить Словенцевъ или забывшихъ языкъ свой, или на половину, если не болѣе, примѣшивающихъ къ нему словъ нѣмецкихъ. Въ молодомъ поколѣніи нѣмецкій языкъ сталъ модою... Теперь нѣтъ больше и неудовольствія на отсутствіе языка родного во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, а этимъ еще больше дана возможность спѣшить поскорѣе устранять и то, что́ еще осталось изъ туземнаго, напоминающаго о народности" [1]).

Сами словенскіе патріоты соглашаются въ томъ, что германизація уже сильно отразилась на ихъ народѣ порчей языка, потерею обычаевъ, упадкомъ народной поэзіи. Но съ 1860-хъ годовъ начинается и у Словенцевъ особенное оживленіе, какого не бывало прежде и которое вновь подавало надежды на возрожденіе [2]). Этому оживленію могли быть разныя причины, и прежде всего вѣроятно относительная конституціонная свобода, дававшая больше простора для общественной дѣятельности, что̀ и отразилось на литературѣ; подъ вліяніемъ подобныхъ условій и времени католическое духовенство явилось ревностнымъ дѣятелемъ въ школѣ на народномъ языкѣ; патріотическіе писатели привлекли народъ, съумѣвши войти въ его практическіе интересы.

Но и для этого первоначальнаго оживленія народности сдѣлать остается еще очень многое [3]).

---

[1]) Русское Слово 1861, кн. I, стр. 28. Д-ръ Клунъ защищаетъ словенскій языкъ отъ подобныхъ нареканій, хотя сознается, что около Лайбаха народный языкъ уже крайне испорченъ: «не слѣдуетъ однако — прибавляетъ онъ — судить о словенскомъ языкѣ по тѣмъ ужасающимъ уродливостямъ (abschreckende Verunstaltungen), какія напр. приходится слышать въ Лайбахѣ, гдѣ пестро перемѣшаны нѣмецкія и даже итальянскія слова съ славянскими окончаніями, или славянскія слова съ нѣмецкими окончаніями, и гдѣ все это производитъ такое смѣшеніе языковъ, что одинъ сатирикъ остроумно противопоставлялъ эту «iblanska Spraha» и настоящій «Slovenski jezik». (Oesterr. Revue 3,821. Ср. Р. Бесѣд. 1859. II, 103).

[2]) Ср. Zeitschrift für slav. Literatur, Смолера, 1864, II, 2, 112—115.

[3]) Къ библіографическимъ указаніямъ этой главы добавимъ:

— Новое изданіе книги Е. Ковалевскаго: Черногорія и славянскія земли. Спб. 1872.

— Караджича (по его матеріаламъ), Deutsch-serbisches Wörterbuch. Wien, 1877.

— Въ изданіи Загребской академіи: Stari pisci hrvatski, явились Djela Ivana Frana Gundulića (Zagr. 1878), подъ ред. Армина Павича.

— Похожденія Кватерника, отчасти весьма неблаговидныя, разсказаны въ газетѣ «Застава», 1878, № 55—56: «Жртве раковичке 1871 г.»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РУССКОЕ ПЛЕМЯ.

Частныя литературы Русскаго Языка.

Русскій языкъ представляетъ въ настоящее время обширную литературу, собственно русскую (великорусскую), и двѣ частныя вѣтви южнорусскія: одну, развившуюся въ предѣлахъ нынѣшней Малороссіи; и другую, въ нынѣшней австрійской Галиціи. Отлагая до особой части своего труда изложеніе русской литературы, по обширности предмета и еще болѣе по его историческому значенію,—здѣсь остановимся на частныхъ литературахъ южнорусскихъ.

Выше было говорено о разселеніи русскаго племени, его численности и этнографическомъ распредѣленіи. Русское племя, уже съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ его исторически, не было сплошной національной массой; раздѣленное на мелкія племена, оно не успѣло въ старину объединиться въ національную цѣльную массу. Древній лѣтописецъ помнитъ борьбу частныхъ племенъ, какъ борьба Полянъ съ Древлянами; объединеніе, начатое въ Кіевѣ, совершалось покореніемъ и завоеваніемъ. Кіевское объединеніе осталось неполнымъ, и дѣленіе удѣловъ соотвѣтствовало дѣленію земель. Древняя Русь достигла однако сознанія племенной цѣльности. Языкъ древняго времени, хотя не былъ вполнѣ тожественъ въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но и не былъ такъ видоизмѣненъ, какъ послѣ, и выдѣлялся отъ языка сосѣдняго Славянства. Греческое христіанство стало общимъ достояніемъ русскаго племени и дало частямъ его сознаніе общности, въ противоположность не только языческому и магомеданскому населенію сѣвера, востока и юговостока, но и католическому польскому западу. Князья изъ одного рода съ своей стороны поддерживали понятіе объ единствѣ русской земли. Такъ, напр., это понятіе сказалось въ древнихъ памятникахъ русской литературы, въ лѣтописи Нестора, въ Хожденіи игумена Даніила, въ Словѣ о полку Игоревѣ.

Еще съ древняго періода русское племя начало колонизироваться на сѣверъ и востокъ. Чтó сталось съ его старыми частными оттѣнками, еще не выяснила историческая этнографія; но если они на югѣ сгладились въ кіевскомъ объединеніи, то въ среднемъ періодѣ русское племя снова варьируется подъ вліяніемъ колонизаціи и исторіи. Разселяясь на громадныя пространства (уже въ XVII вѣкѣ до Амура), оно видоизмѣнялось въ различные типы уже отъ одного различія климатовъ, почвы и труда; новыя видоизмѣненія вносились поглощеніемъ инородцевъ, какъ, напр., въ сѣверной долѣ русскаго народа еще въ старомъ періодѣ началось поглощеніе финскихъ племенъ въ нынѣшней средней Россіи; различное сосѣдство налагало свой отпечатокъ на типъ, бытъ и нравы; племена, раздѣленныя пространствомъ, отдалялись естественнымъ развитіемъ ихъ особенностей. Наконецъ, громадное вліяніе оказала политическая судьба всего племени. Ранѣе, чѣмъ оно сплотилось въ одно цѣлое, нашествіе азіатскихъ варваровъ нанесло южной Руси ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла оправиться. Политическій центръ русской народности окончательно перешелъ на сѣверъ, а югъ и западъ были подчинены чужому господству, Литвѣ и Польшѣ. Крайняя югозападная отрасль русскаго племени, Галичъ, послѣ татарскаго нашествія, еще имѣлъ свою эпоху политическаго значенія съ князьями изъ дома Владиміра, но поставленной между сильными сосѣдями, въ концѣ XIV вѣка подчинился окончательно Польшѣ. Южная и западная Русь, связанныя съ Литвой и Польшей, стали въ условія, сильно подѣйствовавшія на ихъ политическій бытъ. Высшіе классы мало-по-малу отдѣлились отъ народа, приняли католичество, или унію, и стали польскими.

Такимъ образомъ уже съ древняго періода существовали условія, порождавшія этнографическое разнообразіе. Когда затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ южная и западная Русь вели совсѣмъ отдѣльную отъ сѣвера политическую жизнь (а крайній западный уголъ, Галиція и Венгерская Русь ведутъ ее и донынѣ), естественно, что племенныя вѣтви еще отдалились. Въ Московской Россіи образовался окончательно типъ великорусскій, которому принадлежитъ объединеніе средней и сѣверо-восточной Руси и созданіе крѣпкаго деспотическаго государства, которое только съ Петра Великаго сближается съ европейской образованностью. На Руси юго-западной русскій типъ сложился, подъ вліяніемъ козачества, въ патріархально-демократическомъ духѣ, и борьба съ Польшей, вызвавшая всю энергію народа, заслонила въ воспоминаніи южнаго русскаго народа старыя преданья, хранившіяся между тѣмъ на сѣверѣ, и ввела новыя бытовыя черты.

Въ такихъ этнографическихъ варіантахъ русское племя существуетъ въ настоящую минуту. Они выразились и въ литературѣ. Когда

главное теченіе русской образованности совершается нынѣ въ литературѣ, созданной всего болѣе (хотя, какъ увидимъ, вовсе не исключительно) великорусскимъ племенемъ, вѣтвь южно-русская, имѣвшая въ прошедшемъ свои періоды самобытной дѣятельности, также стремится найти выраженіе своимъ племеннымъ особенностямъ. Это явленіе, со стороны великорусской, встрѣчено было недружелюбно въ администраціи, и многими даже въ литературѣ, возбудивъ опасеніе, какъ разъединеніе національныхъ силъ, идущее отъ личнаго произвола одного кружка, неблагоразумнаго или даже неблагонамѣреннаго. Другіе думаютъ, что оно не только не представляетъ никакой опасности, но напротивъ ищетъ только болѣе широкаго развитія національныхъ силъ. Взглянувъ на дѣло съ точки зрѣнія чисто исторической, нельзя не увидѣть, что южно-русское движеніе, по своему источнику и содержанію, совершенно параллельно съ тѣми фактами въ жизни другихъ славянскихъ народностей, которые мы называемъ національнымъ *возрожденіемъ:* слѣдовательно, это — явленіе историческое и необходимое.

I. Южноруссы.

Новѣйшее развитіе южнорусской литературы, нашедшей много своихъ одушевленныхъ дѣятелей, подняло и у насъ спорный національный вопросъ, который возникалъ и въ другихъ областяхъ славянскаго возрожденія. Споръ возникъ о степени отдѣльности малорусскаго племени и языка отъ господствующаго великорусскаго, о правѣ малорусской литературы на существованіе, и принялъ особенно острую форму въ послѣднія десятилѣтія: когда одни настаивали на всей полноправности южнорусской литературы, другіе оспаривали ее съ крайней нетерпимостью. Литературному вопросу была наконецъ придана политическая окраска, и обстоятельства уже не разъ прерывали (какъ и теперь) спокойное литературное и научное разъясненіе предмета [1]).

[1]) Труды по статистикѣ и этнографіи Южной Руси:

— Шафарикъ, Slovanský Narodopis. 3-е изд. Прага, 1849.

— Кулишъ, Записки о Южной Руси. Спб. 1856—57, 2 тома.

— Мих. Лебедкинъ, въ Зап. Геогр, Общества, 1861, 3,—цифры населенія въ девяти западныхъ губерніяхъ.

— Записки Юго-Зап. Отдѣла Геогр. Общества. 2 тома. Кіевъ, 1874—1875.

— Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ Западно-русскій край, снаряженной Рус. Геогр. Обществомъ. Изд. П. Чубинскимъ. Спб. 1872—1877. Томы I, III—VII.

— Отдѣльныя изслѣдованія указаны далѣе въ текстѣ.

По исторіи:

— Общіе труды по русской исторіи:—Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. М., 1851—1878, 27 томовъ; Н. Костомаровъ, Историч. Монографіи и Изслѣдованія, Спб. 1863—1870, 11 томовъ. Славянскимъ читателямъ,

Вопросъ объ отдѣльности и давности южнорусской народности рѣшался на почвѣ исторіи, филологіи, этнографіи и литературы; онъ еще далеко не выясненъ, и къ сожалѣнію упомянутыя обстоятельства затруднили самое разбирательство.

которые затруднились бы имѣть дѣло со столь обширными трудами, мы указали бы: Соловьева, Учебная книга русской исторіи, 7-е изд. Спб. 1867; Костомарова, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. Спб. 1873—1876; или всего короче: Н. Павлова, Тысячелѣтіе Россіи. Спб. 1863.

— Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. Археогр. Коммиссіею подъ ред. Костомарова. Спб. I, 1863; II, 1865; III, 1861; IV, 1863; V, 1867; VI, 1869; VII, 1872. (Особенно богаты для эпохи Хмельницкаго и его первыхъ преемниковъ-гетмановъ).

— Архивъ югозап. Россіи, изд. временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. 6 частей, во многихъ томахъ. Кіевъ, 1859—71.

— Памятники, изд. временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1847—59, 4 тома.

— М. Судіенко, Матеріалы для отечественной исторіи. Кіевъ, 1853—55, 2 тома.

— Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ. Спб. 1865.

— Дневникъ Люблинскаго Сейма 1569 г. Соединеніе великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Спб. 1869.

— Н. Закревскій, Лѣтопись и описаніе города Кіева. М. 1858.

— Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Изд. Временною Коммиссіею и пр. Кіевъ, 1874.

— О малорусскихъ *лѣтописяхъ* и старыхъ историческихъ сочиненіяхъ (Самовидца, Величка, Грабянки, Симоновскаго и пр.) сказано далѣе въ текстѣ.

— Кіевскій Сунопсисъ, или краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцовъ о началѣ Славенороссійскаго народа и первоначальныхъ князехъ Богоспасаемаго града Кіева и пр. Второе изданіе кіевское исправнѣйшее. Кіевъ, 1823.

— В. Рубанъ, Краткая лѣтопись Малыя Россіи, съ 1506 по 1776 годъ, и пр. Спб. 1777.

— Д. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, со временъ присоединенія оной къ Росс. государству при царѣ Алексѣѣ Мих., съ краткимъ обозрѣніемъ первобытнаго состоянія сего края. М. 1822, 4 части; 2-е изд., 3 ч., М. 1842.

— Н. Маркевичъ, Исторія Малороссіи. М. 1842—1843, 5 томовъ.

— А. Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша Запорожскаго. Изд. 2-е. Одесса, 1846.

— М. Кояловичъ, Литовская церковная унія. Спб. 1859—1861 (съ обзоромъ литературы предмета), 2 тома; Лекціи по исторіи Западной Россіи (изъ газеты «День»). М. 1864.

— В. Шульгинъ, Югозападный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, 1838—1863. Кіевъ, 1864.

— П. Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси. 2 тома. Спб. 1874; Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси. Спб. 1877.

— О. Левицкій, Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ, 1875. I.

— О трудахъ В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова—въ текстѣ.

По языку:

— Ал. Павловскій, Грамматика малоросс. нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малоросс. нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка, и пр. Спб. 1818.

— Я. Головацкій, Розправа о языцѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ. Львовъ, 1849.

— И. Срезневскій, Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1850.

— П. Лавровскій, Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими слав. нарѣчіями, въ Ж. Мин. Н. Пр. 1859, № 6.

— О нѣкоторыхъ фонетическихъ и граммат. особенностяхъ южнорусскаго (ма-

Споръ начинался съ основного вопроса: кому принадлежала древнѣйшая Русь, какой народъ дѣйствовалъ въ древнѣйшей русской исторіи? Одни считали этотъ народъ за чистыхъ Южноруссовъ; другіе въ Кіевской Руси видѣли тотъ же народъ, который создалъ потомъ русское государство въ Москвѣ, и считали нынѣшнихъ Южноруссовъ племенемъ новѣйшей формаціи, позднѣйшими пришельцами. Ошибка споривших была въ томъ, что обѣ стороны переносили на старину *современныя* этнографическія отношенія.

Уже одно то, что обѣ отрасли племени приписываютъ себѣ Кіевскую древность (обѣ онѣ дѣлаютъ это въ сущности справедливо), показываетъ, что онѣ исторически одна къ другой ближе, чѣмъ кажется теперь по нынѣшнимъ отличіямъ народностей, накопившимся у каждой въ теченіе тысячелѣтней жизни, изъ которой много вѣковъ они прожили совершенно врозь. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію какъ этнографическая разница древняго сѣвера и юга (хотя гораздо менѣе рѣзкая, чѣмъ потомъ), такъ и то, что историческая дѣятельность древняго Кіева принадлежала южной отрасли.

Начальный лѣтописецъ,—со временъ Шлёцера, вызывавшій столько похвалъ своей разумности, — оставилъ недомолвки, которыя донынѣ составляютъ crux commentatorum, какъ напр. вопросъ о Варягахъ; но лѣтописецъ сообщилъ и важные факты этнографическіе. На мѣстѣ разселенія нынѣшняго южнорусскаго народа, мы находимъ въ IX вѣкѣ цѣлый рядъ племенъ, которые лѣтописецъ счелъ нужнымъ пересчитать отдѣльно: на Волыни и въ Подоліи — Дулѣбы, Волыняне, къ морю —Уличи и Тиверцы, въ Галиціи —Хорваты, въ Полѣсьѣ — Древляне, по Днѣпру—Поляне, въ Черниговскомъ краѣ — Сѣверяне и др.; на сѣверѣ жили Новгородцы, спеціально названные у Нестора „Словенами"; по Двинѣ, Нѣману, верхнему Днѣпру—Кривичи, или Полочане, родоначальники нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ; на востокѣ жили Радимичи и Вятичи, которымъ лѣтописецъ даетъ ляшское происхожденіе; еще

лорусскаго) языка, несходныхъ съ великорусскимъ и польскимъ,—тамъ же, 1863, т. CXIX, науки, 45—56.

— А. Потебня, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ, 1871 (изъ «Филологическихъ Записокъ», Хованскаго).

— П. Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія (съ обзоромъ мнѣній о предметѣ). Кіевъ, 1876.

— Ф. Пискуновъ, Словниця украіньскоі (або юговоі русьскоі) мови. Одесса, 1873 (брошюра, 152 стр.).

— М. Левченко, Опытъ русско-украинскаго словаря. Кіевъ, 1874.

По литературѣ:

— Разныя статьи въ «Основѣ», Спб. 1861—62.

— И. Прыжовъ, Малороссія (Южная Русь) въ исторіи ея литературы съ XI по XVIII вѣкъ. Воронежъ, 1869 (Изъ «Филол. Записокъ», 1869, вып. I—III, 51 стр.). По поводу этой книги, статья П. Т—ева, въ «Вѣстн. Евр.» 1870, кн. 6.

— Н. Костомаровъ, о малорусской литературѣ, въ «Поэзіи Славянъ», 1871, стр. 157—163. (Другія указанія въ текстѣ).

далѣе на востокъ и сѣверъ шли финско-тюркскія племена, которыя уже рано стали подчиняться колонизаціи и власти Русскихъ Славянъ.

Съ началомъ государственной жизни, въ IX вѣкѣ, земля Полянъ и ея столица Кіевъ заняла господствующее мѣсто среди племенъ и сохранила это положеніе до половины XII вѣка. Именно этотъ южный союзъ княженій, съ Кіевомъ во главѣ, въ тѣ вѣка и носилъ специфическое названіе *Руси*, которое въ XI вѣкѣ распространялось на Волынь и Галицію, но еще не переходило ни въ Новгородъ, ни къ Бѣлоруссамъ, ни на сѣверо-востокъ.

Несторъ не называетъ никакого отдѣльнаго племени, которое можно было бы счесть родоначальникомъ собственныхъ Великоруссовъ. Очевидно, что здѣсь происходили новыя формаціи какъ и на югѣ, гдѣ древнія племенныя названія замѣнились именемъ Руси. Съ теченіемъ времени образовались три главные оттѣнка русской народности: Южноруссы, Бѣлоруссы и Великоруссы. Обособленіе юга отъ сѣвера обнаружилось въ половинѣ XII вѣка и въ политической формѣ, основаніемъ и возростаніемъ княжества суздальско-владимірскаго, прямымъ продолженіемъ котораго стала Москва. Новѣйшіе историки вообще признаютъ, что великорусская отрасль племени организовалась уже позднѣе южнорусской въ процессѣ завоеваній и колонизаціи сѣверо-востока.

Окончательный разрывъ юга и сѣвера, историческій и этнографическій, произвело татарское нашествіе. Татары взяли и разрушили древнюю столицу Кіевъ, опустошили и обезлюдили страну. Кіевъ никогда уже не могъ возвратить своего прежняго значенія и богатства, хотя и послѣ остался центромъ южной Руси. Въ началѣ XIV вѣка послѣдовало новое завоеваніе: южная и западная Русь подпали подъ власть Литвы, и это имя осталось специфическимъ названіемъ западно-русскаго края или Бѣлоруссіи; югъ сохранялъ названіе Руси.

На этомъ историческомъ пунктѣ въ особенности шли споры относительно южно-русской народности. Историки южно-русскіе, приписывая древнюю Кіевскую Русь исключительно своему племени, считаютъ современныхъ Южно-руссовъ непосредственными потомками Кіевской Руси, и современный языкъ южно-русскій прямымъ потомкомъ древнерусскаго,—языка Нестора, южныхъ и западныхъ лѣтописцевъ, „Слова о полку Игоревѣ". Историки великорусскіе (и особенно рѣзко Погодинъ) утверждали, что малорусская народность — явленіе новое, что жители Южной Руси въ древности были тѣ же Великоруссы, которымъ принадлежитъ и характеръ древне-русской исторіи, и древнія кіевскія преданья, сохранившіяся въ эпосѣ, извѣстномъ имъ однимъ. Происхожденіе новѣйшей малорусской народности и ея языка онъ объяснялъ тѣмъ, что нынѣшніе Малоруссы—потомки карпатскихъ Русиновъ, пришедшихъ сюда послѣ татарскаго нашествія и заселившихъ земли,

опустошенныя Татарами. Другіе ученые съ филологической стороны полагали, что малорусскій языкъ есть вообще только позднее мѣстное нарѣчіе.

Чѣмъ разрѣшалось это противорѣчіе? Единственнымъ средствомъ къ его рѣшенію могло быть ближайшее изслѣдованіе древнихъ этнографическихъ отношеній, а въ то время такого изученія сдѣлано еще не было; но и то, что̀ было извѣстно, не допускало отрицанія давняго и непрерывнаго бытія южно-русской народности. Первыя лѣтописныя извѣстія указываютъ уже на различіе мѣстныхъ племенъ, имѣвшихъ „кождо свой нравъ“. Предполагаемый перерывъ старой кіевской народности въ татарское нашествіе едва ли можетъ быть доказанъ—населеніе не было же все истреблено; изъ тѣхъ, кто бѣжалъ, вѣроятно большинство вернулось по миновании бѣды (какъ это бывало обыкновенно), а тѣ новые колонисты, которые могли прибавиться, были тѣ же Южноруссы галицкіе — они и донынѣ отличаются лишь немногими легкими варіантами отъ другихъ, а въ старину составляли одну племенную и политическую группу съ Кіевской Русью. Съ другой стороны, современное различіе южно-русской народности отъ сѣверной далеко превышаетъ всѣ другія мѣстныя отличія русскаго племени, и указываетъ, что дѣленіе этихъ двухъ вѣтвей восходитъ къ очень давнему времени.

Относительно малорусскаго языка шли также споры. Въ прежнее время въ малорусскомъ языкѣ видѣли просто русскій языкъ, испорченный польскимъ вліяніемъ (такъ судили напр., когда грамотѣйство Греча считалось за науку) и самый языкъ называли даже польско-русскимъ; потомъ, противъ мнѣнія, считавшаго южно-русскій языкъ независимымъ и самобытнымъ (Максимовичъ), высказывалось другое, что этотъ языкъ не былъ языкомъ древней Руси, а пришлымъ нарѣчіемъ (Погодинъ), или что онъ есть нарѣчіе вторичной формаціи, выдѣлившееся изъ древне-русскаго языка не ранѣе XIII—XIV вѣка, что русскіе памятники до названныхъ вѣковъ не представляютъ никакихъ признаковъ его исконности и самобытности (Срезневскій). Но съ другой стороны, рядъ филологовъ бо́льшаго или меньшаго авторитета, считали южно-русскій языкъ самостоятельнымъ языкомъ, на ряду съ главными славянскими нарѣчіями: такъ думали Миклошичъ, Шлейхеръ, и съ нѣкоторыми варіантами Бодянскій, Лавровскій, Ламанскій и др. [1]).

---

[1]) Въ полемикѣ о южнорусской народности и языкѣ въ 1850-хъ годахъ и позднѣе приняли бо̀льшее или мѐньшее участіе Погодинъ, Максимовичъ, Срезневскій (въ «Мысляхъ объ исторіи русск. языка»; но иначе говорилъ онъ въ «Обозрѣніи главн. чертъ сродства въ слав. нарѣчіяхъ», Ж. Мин. Нар. Пр. XL), Лавровскій, Котляревскій и др., въ «Москвитянинѣ», «Р. Бесѣдѣ», академич. «Извѣстіяхъ», «Основѣ». Въ послѣдніе годы полемика, въ другихъ рукахъ, превратилась въ политическое заподозриванье украинофильства.

Мнѣнія Миклошича въ Vergleichende Gramm. I, IX; Шлейхера въ Beiträge zur vergl. Sprachforsch. I, 22; Лавровскаго въ «Обзорѣ», указ. выше, стр. 263;

Въ послѣднее время вопросъ поставленъ всего шире въ трудахъ Потебни и Житецкаго, именно на почву историческаго изученія формъ и звуковъ, въ связи съ изученіемъ частныхъ южнорусскихъ нарѣчій и съ этнографической исторіей племени. Житецкій исходитъ изъ положенія, что древній русскій языкъ или пра-языкъ, который долженъ считаться источникомъ всѣхъ позднѣйшихъ вѣтвей, не былъ единообразнымъ цѣлымъ во всемъ племени, но уже заключалъ въ себѣ извѣстное разнообразіе, которое отражало собой разрозненный бытъ племенъ, но покрывалось общимъ характеромъ цѣлаго языка. Изъ этой неустановленности стараго языка шло въ разныхъ направленіяхъ развитіе нарѣчій. Гнѣздомъ восточнаго Славянства были земли между Карпатами и верховьями Днѣпра; отсюда выходили поселенцы на сѣверъ и востокъ, и здѣсь надо искать древнѣйшихъ племенныхъ группъ. О старыхъ племенахъ мы знаемъ очень мало, и чтобы выяснить ихъ этнографическую судьбу, Житецкій находитъ наиболѣе цѣлесообразнымъ слѣдить за современными крупными единицами племени, опредѣляя ихъ отношеніе степенью близости современныхъ нарѣчій къ архаическимъ формамъ стараго русскаго языка. Исходной точкой въ этомъ смыслѣ Житецкій принимаетъ подлясско-малорусскія нарѣчія. Съ ходомъ исторіи, изъ мѣстныхъ говоровъ мелкихъ племенъ слагались говоры *земель*, въ которыя народъ собирался политически (т.-е. изъ мѣстныхъ частныхъ говоровъ выдвигался особенно одинъ и получалъ преобладающее значеніе), и тогда выдѣлились главнымъ образомъ элементы южнорусскіе, бѣлорусскіе и новгородскіе. Такъ было приблизительно въ періодъ отъ половины IX до половины XII вѣка: къ этому времени старый племенной бытъ окончательно разложился и на смѣну земельныхъ нарѣчій стали обозначаться еще болѣе крупныя группы, въ видѣ двухъ главныхъ нарѣчій русскаго языка, южнаго и сѣвернаго. Авторъ выставляетъ очень справедливую мысль (которой доселѣ почти не давалось мѣста въ разсужденіяхъ объ историческомъ ходѣ языка), что на развитіе языка глубокое вліяніе оказывали именно бытовыя и историческія условія; что съ одной стороны племя, заброшенное вдаль или въ сторону отъ историческаго движенія способнѣе сохранить неприкосновенно старину языка (какъ очень древнія формы и сохраняются въ областныхъ нарѣчіяхъ), съ другой,

---

Бодянскаго въ «Чтеніяхъ» 1858, IV, III, 72; Ламанскаго, О нѣкот. слав. рукоп., стр. 80.

По мнѣнію Миклошича, «изслѣдованіе показываетъ, что малорусскій языкъ слѣдуетъ разсматривать какъ самостоятельный языкъ, а не какъ нарѣчіе великорусскаго»; объ этомъ Ягича, Archiv, I, 508. Ламанскій находилъ, что нѣкоторыя особенности южнорусскаго языка должны быть отнесены ко времени до-историческому. По словамъ Лавровскаго, «черты этого нарѣчія даютъ ему неоспоримое право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія славянскія нарѣчія».

племя, вовлеченное въ разгаръ исторической жизни, скорѣе покидаетъ старину, развиваетъ новое содержаніе и съ тѣмъ вмѣстѣ новыя формы языка. Такъ это и было съ Южноруссами и Великоруссами: съ половины XII вѣка между югомъ и сѣверомъ началась борьба за преобладаніе; возвышеніе сѣверо-восточной Руси возвысило и сѣверо-восточный оттѣнокъ языка, въ которомъ поглотились мѣстныя нарѣчія того края (какъ новгородское), и великорусскій мало-по-малу получилъ господствующее значеніе. Историческая судьба, раздѣлившая сѣверъ и югъ, повела въ различномъ направленіи и ихъ нарѣчія [1]).

Съ XIV столѣтія южная и западная Русь окончательно отдѣлились отъ сѣверной: политическій центръ южной Руси еще ранѣе перешелъ на западъ, въ Червонную Русь, знаменитые князья которой, Романъ и Даніилъ, пытались объединить южно-русскій народъ, но попытки не удались или не удержались, и въ концѣ XIV вѣка Галицкая Русь присоединена къ Польшѣ, какъ провинція. Въ восточной части южной Руси и въ Руси сѣверо-западной (Бѣлоруссіи) образовалось съ начала XIV вѣка особое русское государство, подъ властью князей литовскихъ, почему оно и назвалось княжествомъ Литовскимъ или просто Литвой. Польша постоянно стремилась присоединить къ себѣ это русское государство, и съ этой цѣлью выбирала литовскихъ князей на польскій престолъ; наконецъ достигла окончательнаго соединенія на Люблинскомъ сеймѣ 1569.

Въ то время какъ Москва объединяла сѣверо-восточную Русь и выработывала свой особый стиль государственности и культуры, южная и западная Русь стали въ совсѣмъ иныя отношенія, которыя еще болѣе отдалили ихъ другъ отъ друга. Татарское нашествіе прервало общерусское развитіе, отъ котораго уцѣлѣло лишь отвлеченное сознаніе племенного единства съ сѣверомъ, и въ особенности единства православнаго. Въ литовскомъ правленіи наступилъ новый общественный порядокъ, сильно подѣйствовавшій на положеніе народности: въ первое время русская народность въ „Литвѣ“ оставалась господствующей, но затѣмъ народъ сталъ терять свои высшіе классы, которыхъ вліяніе и богатство могли бы служить ему защитой; боярство принимаетъ все больше польскіе нравы, языкъ, католичество, наконецъ почти совсѣмъ сливается съ польскимъ магнатствомъ и шляхтой, и вмѣстѣ съ ними становится чуждой, наконецъ враждебной собственному народу. Перемѣна народности и религіи не только раздѣлила высшіе классы отъ народа, но и предала послѣдній крайнему безправію. Введеніе уніи поставило народную церковь въ положеніе едва терпимой ереси. На-

[1]) Подробнѣе у Житецкаго, стр. 259, 269—273; ср. «Вѣстн. Евр.» 1876, іюнь, «Древній періодъ русской литературы».

конецъ, подавленный элементъ обнаружилъ страшную реакцію и заявилъ себя рядомъ ожесточенныхъ возстаній, которыя начинаются въ концѣ XVI столѣтія, а въ половинѣ XVII-го, при Хмельницкомъ, оканчиваются присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому царству. Заднѣпровская Украйна еще оставалась польской, и прежнія отношенія господствующаго класса къ народу продолжались; во второй половинѣ XVIII вѣка „Колiивщина" напомнила жестокости козацкихъ войнъ противъ Польши. Затѣмъ слѣдовали раздѣлы Польши, вся Малороссія кромѣ Галицкой Руси и Русь западная „возсоединились" съ Россіей, но только освобожденіе крестьянъ 1861 развязало, въ главномъ по крайней мѣрѣ, тотъ узелъ, который такъ тяжело для всѣхъ сторонъ связалъ народныя отношенія южной и западной Руси и Польши.

Присоединенная Малороссія въ теченіе ста лѣтъ сохраняла еще свое устройство, но власть гетмана все больше падала, стала номинальной, и наконецъ была упразднена. Малороссія больше и больше подчинялась русской администраціи, правамъ, образованію. Но при самомъ „возсоединеніи" Южноруссы, по противоположенію съ Поляками чувствовавшіе себя единокровнымъ (не только единовѣрнымъ) народомъ съ московскими Русскими, внѣ этого противоположенія чувствовали себя особымъ народомъ отъ Москвичей: присоединяясь къ Москвѣ, они дѣлали оговорку о сохраненіи своихъ политическихъ правъ и независимости, но разница шла и глубже политическихъ правъ,—именно простиралась вообще на бытъ, языкъ и характеръ народа.

Когда въ своемъ средневѣковомъ дѣленіи русское племя распадалось на политическія группы, дѣленіе выразилось въ значительной пестротѣ народныхъ названій, которая въ наше время не разъ подавала поводъ къ національно-полемическимъ парадоксамъ, въ родѣ того, какъ польскіе писатели украинской школы или школы Духинскаго, называли „Русью" собственно Южноруссовъ, а Великоруссовъ звали или „Москвой" или (что̀ было уже уступкой) „Россіянами", считая ихъ совсѣмъ другимъ племенемъ (по Духинскому, туранскимъ), тогда какъ Южноруссы выходили почти однимъ племенемъ съ Поляками; или, какъ Галичане (которыхъ путаютъ еще австрійскія дипломатическія соображенія) доселѣ не могутъ разобраться съ названіями: „русскій", „россійскій" или „русинскій" (рутенскій). Но эта средневѣковая пестрота объясняется очень просто.

При завоеваніи южно-западной Руси князьями литовскими и основаніи Литовскаго княжества, имя „Литва" стало принадлежностью западной Руси (Бѣлоруссіи); южная Русь осталась при старомъ специфическомъ названіи Руси. Въ XV вѣкѣ въ нынѣшней Россіи составилось четыре политическіе отдѣла восточнаго Славянства: Русь, Литва,

Новгородъ, Москва. Въ XVI столѣтіи Новгородъ палъ, и осталось три отдѣла: Русь, Литва и Москва. На востокѣ имя Руси принималось какъ принадлежность къ общему славяно-русскому роду (какъ это понятіе унаслѣдовано было еще отъ древней Кіевской Руси); на юго-западѣ сохранялось старое мѣстное имя. На востокѣ это имя означало единство племени по происхожденію, общимъ чертамъ языка, вѣрѣ и книжной образованности; на юго-западѣ была кромѣ того старая мѣстная традиція частнаго „русскаго“ племени. Когда стало совершаться московское объединеніе, на него по давней привычкѣ перенесено было имя, распространенное кіевскимъ объединеніемъ, перенесено было какъ политическій терминъ національнаго государства, а затѣмъ отъ общихъ признаковъ перенесено было на болѣе частные и мѣстные московскіе признаки. „Тогда южно-русскій народъ остался какъ-бы безъ названія,—говоритъ Костомаровъ; — его мѣстное, частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ (великорусскимъ) только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ было прежде для перваго. У южнорусскаго народа было какъ будто похищено его прозвище. Роль должна была перемѣниться въ обратномъ видѣ. Какъ въ старину сѣверо-восточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія (т. е. земельныя: Новгородъ, Суздаль, Москва и пр.), такъ теперь южно-русскій народъ могъ назваться русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ долженъ былъ найти себѣ другое названіе“. Южнорусскій народъ сохранилъ свое спеціальное имя только въ Червонной Руси (Русины)—только тамъ, гдѣ онъ стоялъ противъ чужихъ народовъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, и гдѣ слѣд. требовалось отличать себя и въ обще-національномъ смыслѣ; но не сохранилъ этого имени тамъ, гдѣ встрѣчался съ такими же Русскими—Москвой и Западной Русью: здѣсь требовалось уже отличить себя не отъ иноземца, а отъ единоплеменника, и слѣд. нужно было мѣстное названіе. Отсюда названія: Украина, Малороссія, Гетманщина, Козаки, Черкасы. „Правду сказать, — замѣчаетъ Костомаровъ, — между этими названіями ни одного не было вполнѣ удовлетворительнаго (такъ какъ ни одно не обнимало всей сферы народа), можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполнѣ выработывалось... Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется таковымъ“ [1]).

---

[1]) Костомаровъ, Историч. Монографіи I, 229—233. Названіе «Украины» употреблялось еще въ XIII столѣтіи (Полное Собр. Лѣтоп. II, 160); также старо названіе Малороссіи, хотя въ примѣненіи *не къ нынѣшней* Малороссіи: византійскій писатель Кодинъ употребляетъ имя μικρὴ Ῥωσσία для обозначенія княжества Галицко-Владимірскаго (1292 г.); въ томъ же значеніи это названіе находится въ латинской грамотѣ князя Юрія Владиміро-Волынскаго, въ 1335 (Nos Georgius Dei

Въ результатѣ всей этой исторіи получились два современные русскіе типа, которые всего лучше характеризованы Костомаровымъ („Двѣ народности"). Изъ одного корня они развились отъ колонизаціи въ странахъ разной почвы, климата и сосѣдства. Исторія довершила ихъ образованіе въ разныхъ направленіяхъ; но не уничтожила ихъ связи. И тотъ, и другой народъ въ своемъ историческомъ развитіи тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ древнему кіевскому періоду: отсюда сѣверъ велъ исторію своей церкви, своей государственной власти, своей книжной образованности, своихъ народно-историческихъ преданій; отсюда югъ наслѣдовалъ то сознаніе своей народной личности, которое спасло народъ отъ полнаго порабощенія во времена чужого гнета политическаго и религіознаго. По соединеніи съ Московскимъ царствомъ въ половинѣ XVII в., Малороссія довольно долго сохраняла свое особенное положеніе, но наконецъ вполнѣ раздѣлила внѣшнюю и внутреннюю политическую судьбу русскаго народа, его торжества и его невзгоды. Но она не осталась только пассивнымъ участникомъ русской жизни: напротивъ, кромѣ того, что она вообще прибавила свою долю матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, во многихъ случаяхъ Малороссія заявила себя особенно дѣятельнымъ участіемъ въ исторіи русской науки и литературы. Такъ было въ XVII-мъ столѣтіи, когда кіевская ученость была возбуждающей силой для Москвы; такъ было при Петрѣ, который между южнорусскими учеными встрѣтилъ ревностныхъ помощниковъ реформы; такъ бывало въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда малорусская стихія вошла могущественной струей въ русскую литературу въ произведеніяхъ Гоголя, и когда, съ развитіемъ національныхъ интересовъ, съ обращеніемъ къ народу, съ возникновеніемъ этнографическихъ изученій Малороссія открыла намъ замѣчательное богатство своей народной поэзіи. Одного этого участія южнорусскихъ стихій въ развитіи общерусской умственной жизни и поэзіи было бы уже довольно, чтобы внушить интересъ къ изученію южнорусской народности, чтобы желать успѣха ея пробуждающемуся самосознанію.

---

gratia natus dux totius Russiae minoris). Названіе «Черкасъ» очень долго держалось и въ старомъ русскомъ приказно-дипломатическомъ языкѣ, и въ популярномъ употребленіи. Недавно читали мы, какъ великоруссъ-архіерей, прошлаго вѣка, бранилъ іерарховъ малорусскихъ, которыхъ было не мало въ прошломъ столѣтіи,—«черкасишки» («Р. Старина» 1878, V, 190). Названіе «Козаччины» явно очень тѣсно. Мы предпочитаемъ терминъ «южнорусскій», такъ какъ «Малороссія» въ географическомъ и историческомъ смыслѣ не обнимаетъ всего южнаго племени даже въ самой Россіи, напр. восточнаго Люблинскаго края и другихъ поселеній этого племени, не простирается на Червонную Русь (Галицію) и Русь Венгерскую, и неудобно въ примѣненіи къ старой исторіи.

Главныя событія южнорусской исторіи.

Древняя Русь. Объединеніе ея въ Кіевѣ.

1240—Взятіе и разореніе Кіева Батыемъ.

1321—Завоеваніе Кіева и Волыни Гедиминомъ. Столица Литовскаго княжества въ Вильнѣ.

1386—Соединеніе Литовскаго княжества съ Польшей, бракомъ Ягелла и Ядвиги.

1392—Отдѣленіе Литовскаго княжества Витовтомъ. [Затѣмъ новыя соединенія].

1500—(около)—Первые казацкіе гетманы: Евстафій Дашковичъ; Ландскоронскій.

1569—Окончательное соединеніе Литвы съ Польшей, оффиціально на равныхъ правахъ, на Люблинскомъ сеймѣ.

1589—Основаніе Кіевской братской школы (съ 1631, коллегія; съ 1701, академія).

1596—Брестская унія.

1648—1649. Возстаніе Хмельницкаго; Зборовскій миръ.

1653—Переяславскій договоръ: Малороссія отдается подъ покровительство царя Алексѣя Михайловича, съ сохраненіемъ политической самостоятельности и гражданскихъ правъ.

1667—Андрусовскій миръ: дѣленіе Малороссіи между Польшей и Россіей.

1686—Возвращеніе Кіева Москвѣ.

1750—1764. Послѣдній номинальный гетманъ, Кириллъ Разумовскій. Учрежденіе Малороссійской Коллегіи. [Далѣе, при Екатеринѣ II, раздѣленіе Малороссіи на три намѣстничества; введеніе или усиленіе крѣпостного права; уничтоженіе Запорожья; присоединеніе Крыма].

1767—Гайдамаки и Уманьская рѣзня.

1772—Первый раздѣлъ Польши. Присоединеніе западнаго края (Галиція отходитъ къ Австріи).

Исторія южно-русской литературы представляетъ три особенные періода. Первый совпадаетъ съ древнимъ періодомъ русской литературы вообще; второй обнимаетъ время раздѣленія южной Руси отъ сѣверной, ознаменованное борьбою первой за православіе и козацкими войнами, и отличается новымъ характеромъ языка съ явными чертами малорусскаго нарѣчія; третій идетъ въ особенности съ конца прошлаго столѣтія и совпадаетъ съ общимъ возрожденіемъ Славянства и возникновеніемъ народныхъ литературъ.

Вслѣдствіе указаннаго выше разногласія о началѣ южно-русской народности (главнымъ источникомъ котораго было недостаточное изученіе южно-русской древности) древніе памятники русской литературы были также предметомъ спора между партизанами двухъ народностей; не только „Слово о полку Игоревѣ", но самая лѣтопись Нестора и другія произведенія древняго періода одними считались за памятники той русской народности, которая потомъ дѣйствовала на сѣверѣ и въ Москвѣ, другими—за памятники спеціально южные, съ

южно-русскимъ языкомъ и народностью [1]). Но, какъ объяснено выше, къ X—XII вѣку невозможно примѣнять той мѣрки народностей сѣверной и южной, какую мы принимаемъ теперь: сѣверъ и югъ были тогда тѣсно связаны политически и національно, и примѣнять къ тому древнему періоду условія XIX, или даже XV—XVI вѣка было бы страннымъ анахронизмомъ. Спокойное развитіе русской народности было несомнѣнно прервано сперва татарскимъ нашествіемъ, потомъ литовскимъ завоеваніемъ запада и юга; но до того времени между ними была крѣпкая реальная связь общественно - политическаго и національно-религіознаго сознанія. Писатель юга выражалъ собой и сѣверную Русь; писатель сѣверный былъ извѣстенъ на югѣ. Словомъ, югъ и сѣверъ представляли въ письменности полную общность и одно цѣлое. Такъ старые лѣтописные своды, какимъ была и Несторова лѣтопись, обобщаютъ извѣстія о *всей русской землѣ*, и сѣверные лѣтописцы начинали свои болѣе поздніе своды съ кіевскаго Нестора. Была мѣстная особность, даже ревность, слѣдствіе федеративнаго склада земель, но народное единство сознавалось неизмѣнно и постоянно выражалось въ письменности. Сколько бы ни былъ произведеніемъ юга Несторъ, Печерскій Патерикъ, Хожденіе Даніила, Кириллъ Туровскій, они были всеобщимъ русскимъ достояніемъ, и вся эта южная литература сохранилась почти исключительно сѣвернымъ преданіемъ и въ сѣверныхъ спискахъ, когда старые памятники южной книжности были истреблены въ безконечныхъ опустошеніяхъ, какимъ подвергалась южная Русь. Такъ ясно отражалось въ письменности единеніе національнаго сознанія, которое заслоняютъ отъ насъ событія позднѣйшей эпохи. Отъ произведеній кіевскаго періода велась въ московскомъ періодѣ своя, уже великорусская традиція, когда на югѣ событія и условія народной жизни ввели новыя направленія: произведенія старо-славянскія и древне-русскія, явившіяся первоначально на югѣ, потомъ забылись или помнились на югѣ далеко не съ той отчетливостью какъ на сѣверѣ. Параллельное явленіе мы увидимъ въ судьбѣ древняго эпоса.

Такимъ образомъ памятники древняго періода составляли общее достояніе обѣихъ отраслей русской народности, которыя обѣ коренятся, съ разными оттѣнками, въ этомъ періодѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что древній періодъ русской литературы, когда все-таки дѣятельность преобладала на югѣ, носитъ значительно иной характеръ, чѣмъ средній періодъ, когда основное теченіе националь-

---

[1]) Извѣстно, что на эти памятники заявляли притязаніе и польскіе историки «украинской» школы, которымъ, напр., Поляне казались Поляками, Русь—совсѣмъ особымъ народомъ отъ «Московитовъ» и т. п. Такъ наприм., даже Вишневскій причислилъ къ польской литературѣ «Слово о Полку Игоревѣ». Странность этихъ притязаній излишне доказывать. Впрочемъ, эта точка зрѣнія является слишкомъ случайной и не раздѣляется разсудительными польскими писателями.

ной жизни шло на сѣверѣ и въ центрѣ, —различіе, въ которомъ необходимо признать извѣстное участіе этнографической разницы юга отъ сѣвера. Древній періодъ отличается вообще характеромъ свободной непосредственности и свѣжей силы: въ исторіи внѣшней, это была пора смѣлыхъ подвиговъ, обширнаго распространенія земель; въ образованности—пора оживленной дѣятельности, замѣчательныхъ начатковъ литературы и поэтическаго творчества. Народныя отношенія были и внѣ и внутри свободнѣе, не было упорной національной и религіозной исключительности, которая потомъ такъ долго оставляла Москву внѣ всякаго общенія съ европейскимъ образованіемъ. Воинственная дѣятельность, борьба съ наступавшими ордами сдѣлала кіевскій періодъ героическимъ періодомъ народной поэзіи. Большему простору народной жизни надо приписать и оригинальную самобытность старой литературы: Кіевъ, проводникъ христіанства, безъ сомнѣнія еще ранѣе былъ путемъ извѣстной цивилизаціи, шедшей съ юга, и первыя начала литературы на югѣ замѣчательны для той эпохи. Кромѣ книгъ, приходившихъ отъ южнаго Славянства, эта литература представляетъ самобытныя произведенія, съ которыми не могутъ равняться труды южно-славянскіе. Едва было принято христіанство въ концѣ X-го вѣка, и уже въ половинѣ XI-го являются писатели, овладѣвшіе новымъ порядкомъ идей и искусствомъ изложенія, а въ XII вѣкѣ мы видимъ уже настоящаго церковнаго ритора, какъ Кириллъ Туровскій; далѣе, видимъ цѣлый рядъ легендъ, отчасти весьма поэтическихъ (Патерикъ Печерскій); замѣчательную лѣтопись, съ которой не могутъ равняться даже гораздо болѣе позднія произведенія, и вообще обильное веденіе лѣтописей, между которыми Волынская есть единственная въ своемъ родѣ по живому, народно-поэтически окрашенному разсказу; князя-писателя какъ Владиміръ Мономахъ; путешественника Даніила, который по отзывамъ новѣйшихъ ученыхъ занимаетъ мѣсто въ ряду лучшихъ средневѣковыхъ описателей Святыхъ Мѣстъ; высокаго достоинства поэму изъ дружиннаго быта, которой къ сожалѣнію уже не съумѣли понять и вѣрно передать поздніе книжники. И вообще книжники московскаго періода,—говоря относительно,—не достигали тѣхъ достоинствъ, какія обнаруживаются въ древнюю эпоху, — какъ, „Слово о полку Игоревѣ“ нашло въ немъ только слабое подражаніе въ „Задонщинѣ“; „Патерикъ“ имѣлъ достойное продолженіе лишь въ немногихъ житіяхъ,—особенно новгородскихъ.

Насколько въ памятникахъ древняго періода обнаружилось то нарѣчіе, какое называютъ теперь южнорусскимъ, это еще не вполнѣ выяснено. Вопросъ труденъ, потому что старо-славянскій языкъ, по большей части господствовавшій въ книгѣ, устранялъ мѣстныя нарѣчія; кромѣ того, памятники стараго періода дошли до насъ почти исклю-

чительно въ спискахъ сѣверныхъ. Шафарикъ видѣлъ слѣды южно-русскихъ формъ уже въ извѣстныхъ сборникахъ 1073 и 1076 годовъ; далѣе, такіе слѣды находятъ въ евангеліи 1143 года, въ „Прологѣ" XII столѣтія и т. д. Эти признаки въ старыхъ рукописяхъ еще не многочисленны и могутъ казаться лишь неглубокими чертами мѣстнаго говора, какъ напр., подобныя черты въ памятникахъ новгородскихъ; но нѣсколько позднѣе, они носятъ уже несомнѣнно южно-русскій характеръ и въ церковныхъ книгахъ, какъ Луцкое евангеліе XIV вѣка, поученія Ефрема Сирина XIV вѣка, а особенно въ актахъ и грамотахъ, гдѣ живой языкъ всегда находилъ больше мѣста [1]).

Съ татарскимъ нашествіемъ южная Русь отдѣлилась отъ сѣверной; затѣмъ Литовское завоеваніе дало новый поворотъ и политической, и духовной жизни народа. Въ Литовскомъ завоеваніи южная и западная Русь стала въ одно общее положеніе [2]). Первый завоеватель, Гединминъ былъ язычникъ, но оказывалъ полную терпимость къ православію. Ольгердъ позволилъ крестить въ православіе двѣнадцать своихъ сыновей, подъ конецъ и самъ принялъ православіе. При Ягеллѣ произошло впервые роковое соединеніе Литвы и Польши, которое тотчасъ сказалось насильственной пропагандой католичества: здѣсь началось угнетеніе, ставшее источникомъ вѣковыхъ бѣдствій для западнаго и южнаго русскаго народа и приведшее къ кровавому разрыву XVII вѣка. Ягелло уже отнималъ у православныхъ политическія права. Отдѣленіе Литовскаго княжества при Витовтѣ не измѣнило существа дѣла; онъ имѣлъ больше терпимости, но католичество тѣмъ не менѣе объявлено было господствующей религіей. Побѣда православія при

---

[1]) См. Шафарика, Slov. Národopis, 1849, стр. 27—28; Буслаева, Хрестом. 276, 278; Записки Акад. Н. VII, II, 154, 161; Горскаго и Невоструева, Опис. Синод. библіотеки, I, 208 и др., и книгу Житецкаго.

[2]) Выше указанныя сочиненія по исторіи южной Руси въ значительной мѣрѣ относятся и къ западной. Спеціальнѣе о западной Руси укажемъ еще слѣдующее:

— Акты, относ. къ исторіи западной Руси, собр. и изд. Археогр. Коммиссіею. 5 томовъ. Спб. 1846—1853.

— Акты, издав. Коммиссіею, высоч. учрежд. для разбора древнихъ актовъ въ Вильно. Т. 1—2. Вильно, 1865—67; т. 3, 1870.

— П. Батюшковъ, Памятники русской старины въ зап. губерніяхъ имперіи. Спб. 1867—1875 (6 вып.).

— Археогр. Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣвер.-зап. Руси. Вильно, 1867—1870, 8 томовъ.

— О. Турчиновичъ, Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1857.

— Эркертъ, Взглядъ на исторію и этнографію зап. губерній Россіи. Съ атласомъ. Спб. 1864.

— И. Д. Бѣляевъ, Очеркъ исторіи сѣверо-зап. края Россіи. Вильна, 1867.

— Игнатій Даниловичъ, Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. W Wilnie 1827 (русская лѣтопись, переписанная по-польски, съ комментаріемъ).

— Труды польскихъ историковъ: Лелевеля, Бандтке, Нарбутта, Вишневскаго, Шайнохи, Ярошевича, Лукашевича и проч., касающіеся Литовской Руси.

Свитригайлѣ была непродолжительна, и за ней послѣдовали опять католическія отместки.

Политическое отдѣленіе юго-западной Руси отъ московской сопровождалось и раздѣленіемъ церковнымъ. „Литва“ (какъ стала называться южная и западная Русь, и особенно послѣдняя) нѣсколько разъ стремилась основать русскую митрополію, отдѣльную отъ той старой, которая изъ древняго Кіева черезъ Владиміръ перешла въ Москву. Во второй половинѣ XV вѣка это отдѣленіе окончательно совершилось. Его желали особенно князья по политическимъ соображеніямъ; какъ послѣ стало видно, въ немъ сказалось и другое, бытовое, основаніе—иной характеръ духовной жизни и образованія на югѣ и сѣверѣ, такъ что отдѣленіе могло имѣть свою естественность; но вообще оно было невыгодно для юго-западной церкви и народа. На ту пору, когда церкви пришлось бороться съ католичествомъ, она ограничена была своими собственными силами, и перерывъ церковной связи — при тогдашнемъ значеніи подобныхъ связей—неблагополучно отражался на самой народной судьбѣ,—хотя надо принять въ разсчетъ, что Русь восточная сама выработывала тогда крайне исключительный національный и церковный типъ, и ея деспотическій взглядъ не способствовалъ сближенію.

При Ягеллонахъ положеніе православія въ южной и западной Россіи было еще сносно, такъ какъ иногда они не хотѣли или опасались раздражать жителей религіозными притѣсненіями; но онѣ все-таки бывали, и вслѣдствіе того (при Александрѣ) много западно-русскихъ князей перешло въ подданство московскаго князя, потеряны были сѣверскіе города и Смоленскъ. Папство уже давно мечтало о подчиненіи себѣ русской церкви; въ Москвѣ его старанія были совершенно безуспѣшны; но на западѣ шансовъ было больше, такъ какъ того-же искало и польское правительство. Флорентинскій соборъ давалъ надежду достигнуть цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы окончательно привязать юго-западную Русь къ католической Польшѣ и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніи. Принявшій флорентинскую унію, митр. Исидоръ долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, но признанъ былъ въ Литвѣ, однако уніатская митрополія уже вскорѣ (по смерти рекомендованнаго Исидоромъ Григорія, ум. 1472) должна была уступить православной. Наконецъ, сила православія была повидимому окончательно подорвана: Люблинское соединеніе, на мнимо равныхъ правахъ, Литвы и Польши, дало весь просторъ польской исключительности, и завершеніемъ дѣла была Брестская унія.

Вся исторія Литовской Руси подъ польскимъ владычествомъ была постепеннымъ стѣсненіемъ русской народности и религіи. Въ Рѣчи Посполитой постоянно провозглашался принципъ свободы исповѣданій, но на дѣлѣ православіе было все больше и больше стѣсняемо въ по-

литическихъ правахъ; сеймы отказывались принимать въ сенатъ русскихъ православныхъ магнатовъ, свѣтскихъ и духовныхъ; въ обыденныхъ отношеніяхъ общественной жизни православіе подвергалось униженіямъ; право короля утверждать епископовъ и настоятелей монастырей повело къ крайнимъ злоупотребленіямъ: эти мѣста продавались, или давались людямъ недостойнымъ; монастыри отдавались свѣтскимъ людямъ, какъ аренда; въ мѣстахъ, принадлежавшихъ польскимъ владѣльцамъ, православные русскіе подвергались всякимъ притѣсненіямъ и не находили защиты. Въ первое время по литовскомъ завоеваніи князья и владѣльцы оставались православными; но мало-по-малу политическія связи съ польскимъ магнатствомъ, вліяніе польскихъ нравовъ и извѣстной образованности, привлекали русское шляхетство въ польскую среду, оно ополячивалось и переходило въ католицизмъ—чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Съ призваніемъ іезуитовъ въ Польшу начинается особенно тяжелая пора для православія и русскаго народа. Іезуиты умѣли привлекать въ унію и русское духовенство — перспективой независимаго положенія и господства, тогда какъ теперь оно зависѣло и отъ чужевѣрныхъ властей и пановъ, и отъ собственныхъ міряпъ; и шляхту—указаніями на невѣжество православнаго духовенства, на то, что православіе есть низшая вѣра, свойственная грубому холопству; факты общественнаго быта подтверждали ихъ увѣренія, и съ конца XVI вѣка обращенія въ унію или прямо въ католичество усиливаются до того, что въ XVII вѣкѣ народъ оставался почти одинъ въ своемъ православіи съ долей гонимаго и унижаемаго духовенства.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе вещей въ среднемъ періодѣ исторической жизни южной и западной Руси.

Но нѣтъ худа безъ добра, и польское господство имѣло свои благопріятныя стороны. Временами въ Польшѣ бывала дѣйствительная свобода исповѣданій: когда законы исполнялись, то православная община имѣла свободный и широкій кругъ дѣятельности, какого не установилось въ московской Руси; черезъ Польшу приходила въ юго-западную Русь школа, хотя спеціальнаго церковно-схоластическаго направленія, но съ европейскимъ характеромъ. Эти условія помогли литературному движенію южной и западной Руси въ ту пору, когда опасность, угрожавшая народности, вызвала энергическое проявленіе ея умственной и воинственной силы—въ XVI—XVII столѣтіяхъ.

Судьба русской письменности въ этомъ краѣ съ XIII-го вѣка, до сихъ поръ очень мало извѣстна. При разореніи страны Татарами, древніе памятники гибли и естественно было, что литературная дѣятельность упала; позднѣйшія опустошенія истребляли и тѣ памятники,

какіе могли возникать въ XIV—XV столѣтіяхъ. Послѣ паденія Кіева, книжная образованность нашла убѣжище въ болѣе западныхъ русскихъ княжествахъ, какъ Галичъ и Владиміръ, при Ярославѣ Галицкомъ и Владимірѣ Волынскомъ, который самъ писалъ и переводилъ книги. Изъ позднѣйшихъ фактовъ можно заключать, что въ самомъ Кіевѣ не прерывалась традиція, и старые памятники, какъ напр. Лѣтопись и Патерикъ, сохранили свою извѣстность и авторитетъ. Русская народность долго сберегала свое господствующее значеніе не только въ старомъ гнѣздѣ, Кіевѣ, но и на сѣверо-западѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Литвой. Еще до завоеванія, были извѣстныя связи между Литвою и Русью, и литовскіе завоеватели въ сѣверо-западномъ краѣ скоро принимали русскій языкъ какъ языкъ правленія, русскую вѣру и грамоту. Въ сѣверо-западной Руси въ тѣ времена политическая жизнь была дѣятельнѣе чѣмъ на югѣ, и оттого съ XV вѣка господствующимъ языкомъ и въ книгѣ стало нарѣчіе западно-русское (бѣлорусское, называвшееся также польско-русскимъ). Это былъ довольно странный языкъ, гдѣ главнымъ элементомъ была общерусская основа, но съ оттѣнками старославянскаго и польскаго языка и наконецъ южнаго и собственно бѣлорусскаго нарѣчія; оттѣнки являлись въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по содержанію: въ церковныхъ книгахъ оставался старо-славянскій, лишь нѣсколько затронутый мѣстной рѣчью писца; въ актахъ юридическихъ—больше народно-русскаго; мѣстность писанія отзывалась южными или западными особенностями; въ позднѣйшихъ памятникахъ польское вліяніе становится все замѣтнѣе, какъ въ бѣлорусскомъ, такъ и въ южнорусскомъ. Въ то же время и южно-русское нарѣчіе дѣйствовало, какъ оффиціальный языкъ власти, и какъ языкъ книги съ тѣми же оттѣнками старославянскимъ и польскимъ. Общность условій, общность литературныхъ цѣлей дѣлали то, что оба теченія книжнаго языка сливались, и писатели XVI--XVII вѣка изъ южной или западной Руси принадлежали равно обѣимъ. Впрочемъ, къ концу описываемаго періода южная Русь и Кіевъ снова пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе.

Памятники русскаго нарѣчія идутъ въ рядѣ актовъ и грамотъ съ XIV вѣка; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ—„Судебникъ" вел. кн. Казиміра (1468) и „Литовскій Статутъ", составленный въ 1522—29 годахъ, принятый сеймомъ въ 1530, и размножавшійся впослѣдствіи новыми узаконеніями; такъ называемая „Литовская Метрика" [1]). Въ Статутѣ 1566 оффиціально постановлено, что „писарь земскій маеть по руску литерами и словы русскими вси листы и позвы писати, а не

[1]) Большое число оффиціальныхъ актовъ и грамотъ этого языка находится въ изданіяхъ прот. Григоровича, кн. Оболенскаго, Археограф. Коммиссіи, Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и т. д.

нишымъ языкомъ и словы". Литвинъ Михалонъ въ своей латинской книгѣ жалуется на преобладаніе русскаго языка: „мы учимся московскому языку, не древнему, не заключающему въ себѣ никакого возбужденія къ доблести, такъ какъ русское нарѣчіе чуждо намъ Литовцамъ, *то-есть* итальянцамъ, происходящимъ отъ крови итальянской" [1]). Тотъ же языкъ былъ дипломатическимъ языкомъ въ сношеніяхъ съ Татарами, Молдавіей.

Въ западной Руси велось и старое лѣтописное преданье; но лѣтописи западно-русскія мало замѣчательны, коротки и отрывочны; любопытно, что онѣ встрѣчаются въ сборникахъ вмѣстѣ съ лѣтописями восточной Руси [2]). Въ церковной книжности тѣмъ естественнѣе береглась церковно-славянская старина: сюда принадлежатъ знаменитыя кирилловскія инкунабулы, напечатанныя Фіолемъ. Швайпольтъ Фіоль (ум. 1525) былъ кажется польскій нѣмецъ, родомъ изъ Люблина, гдѣ начиналось западно-русское православное населеніе. Это былъ, повидимому, предпріимчивый человѣкъ; путешествуя въ Германіи для своего ремесла, онъ научился тамъ книгопечатному дѣлу и устроивъ типографію въ Краковѣ, издалъ здѣсь Шестодневъ, Часословъ, Псалтирь (и можетъ быть другія книги), въ 1490 и 1491 годахъ. Но въ томъ же 1491 году онъ былъ призванъ на судъ краковскаго епископа, гдѣ долженъ былъ присягнуть въ вѣрности католической церкви, и наконецъ, для избѣжанія тревогъ, ушелъ въ Венгрію. Повидимому, его подозрѣвали въ связяхъ съ гуситствомъ и въ наклонности къ православной церкви, которой должны были служить его изданія. На нѣсколько времени книгопечатаніе прервалось; но съ 1517 года выступилъ новый дѣятель. Это былъ Францискъ Скорина: онъ былъ родомъ изъ Полоцка, учился въ Краковѣ, гдѣ сталъ докторомъ медицины, и предпринялъ въ Прагѣ изданіе Библіи на русскомъ языкѣ,— отчасти кажется въ старославянскомъ переводѣ, провѣренномъ по греческому и еврейскому тексту, а особливо по Вульгатѣ; думаютъ также, что онъ пользовался и чешскимъ переводомъ Библіи. Отдѣльныя библейскія книги выходили въ Прагѣ, 1517—1519, потомъ онъ продолжалъ изданіе въ Вильнѣ. До сихъ поръ не рѣшено, былъ ли Скорина православный, или католикъ; за православнаго считаетъ его между прочимъ польскій историкъ литературы, Вишневскій [3]). Запад-

[1]) «Временникъ» М. Общ. Ист. и Др. XXIII; Арх. истор.-юридич. свѣдѣній, Калачова, II, пол. 2, 43. Брат. Помочь, 378.

[2]) Выше названо изданіе этихъ лѣтописей у Даниловича: Latopisiec Litwy; см. также А. Н. Попова, въ Запискахъ II Отд. Акад. I. Подробная лѣтопись издана Нарбуттомъ, Pomniki do Dz.

[3]) Вишневскій, Hist. liter. polskiéj, VIII, 477. Изданія Скорины были описаны у Сопикова, въ Опытѣ росс. библіографіи; далѣе, перечислены въ «Хронолог. Указателѣ славяно-русскихъ книгъ церк. печати съ 1491 по 1864 г.» (Ундольскаго, съ дополненіями Викторова и Бычкова). М. 1871, стр. 3—5, гдѣ указана отчасти ли-

ное нарѣчіе представляетъ затѣмъ много другихъ книгъ, переводовъ отцовъ церкви, богословскихъ полемическихъ сочиненій; старославянскія богослужебныя книги, печатанныя въ западно-русскихъ типографіяхъ, снабжались бѣлорусскими предисловіями, дополненіями и объясненіями, и т. д.

Дѣятельности собственно литературной не замѣтно въ западной Руси этого времени; но приведенные факты свидѣтельствуютъ, что былъ извѣстный уровень образованія. Въ ту эпоху религіозныхъ броженій переводъ Библіи былъ признакомъ умственнаго запроса, потребности изслѣдованія: возможно, что указанія на чешскія вліянія въ біографіи Фіоля и въ дѣятельности Скорины имѣютъ свое основаніе, какъ вообще въ Польшѣ и княжествѣ Литовскомъ нашло сильныя отраженія сначала чешское движеніе со временъ Гуса, потомъ нѣмецкая реформація. Въ XVI в. реформація имѣла много послѣдователей въ польской и западно-русской аристократіи; такъ покровителемъ протестантства былъ литовскій канцлеръ Радзивиллъ при Сигизмундѣ II Августѣ. Это религіозное броженіе съ одной стороны возбуждало потребность въ изслѣдованіи религіозныхъ вопросовъ, съ другой заставляло ревностныхъ приверженцевъ церкви готовить оружіе на возникавшую опасность. Вообще начиналось иное положеніе религіозно-умственныхъ интересовъ, чѣмъ было тогда въ московской Руси. Православіе лицомъ къ лицу встрѣчалось здѣсь съ враждебными ученіями; ему не довольно было отвлеченно-книжнаго отрицанія „еретическихъ“ ученій, или не довольно было голословной нетерпимости и исключительности, заставлявшихъ (чуть не буквально) считать католика или протестанта слугами сатаны; напротивъ, здѣсь приходилось имѣть дѣло съ живыми людьми, которые не всѣ же были слугами сатаны, съ фактами, которые надо было выяснять— оттого является здѣсь потребность въ тѣхъ же орудіяхъ борьбы, слѣдовательно въ тѣхъ же средствахъ образованія, какими владѣли противники. При этомъ должно было оказываться, и оказывалось, что образованіе само по себѣ имѣло привлекательность; оно дѣлалось привычнымъ понятіемъ, для людей просвѣщенныхъ—твердо сознаваемой потребностью. Поэтому, между Москвой и западной, а также и южной Русью (гдѣ дѣйствовали тѣ же условія) стало обнаруживаться нѣкоторое недоразумѣніе, какъ скоро стала выясняться разница этихъ характеровъ: московская неподвижность заподозрѣвала южныхъ и западныхъ православныхъ богослововъ, и если мы видимъ это въ XVII и

тература предмета; см. также Копитара, Hesychii Glossographi, 38; Головацкаго, въ галицкомъ «Науковомъ Сборникѣ», Львовъ, 1865, вып. 4; Мацѣевскаго, въ Encyklop. Powszechna. Вообще: А. Гатцука, Очеркъ исторіи книгопеч. дѣла въ Россіи, въ «Р. Вѣстникѣ» 1872. V.

XVIII столѣтіяхъ, то первое начало недоразумѣній является въ особенности въ эту эпоху, въ XVI или даже еще въ XV столѣтіи.

Полагаютъ, вѣроятно не безъ основанія, что движеніе, начавшееся въ западной Руси, не осталось безъ вліянія на Москву; думаютъ, напримѣръ, что одинъ изъ первыхъ начинателей книгопечатанія въ Москвѣ, Петръ Мстиславецъ, былъ однимъ изъ мастеровъ въ типографіи Скорины, и въ Москву пришелъ изъ Вильны; позднѣе, ученость бѣлорусская и кіевская стали крупнымъ фактомъ въ цѣлой исторіи русской образованности.

Въ изложеніи книжной церковно-полемической литературы нѣтъ надобности раздѣлять исторіи западнаго и южнаго русскаго движенія, такъ какъ въ книжномъ отношеніи они носили одинъ общій характеръ и стояли въ одинаковомъ положеніи къ польскому и католическому міру. Своеобразныя отличія юга отъ сѣверо-запада выступаютъ тогда, когда на историческую сцену является народный элементъ — въ козацкой борьбѣ и выразившей ее народной южно-русской поэзіи.

Языкъ южно-русскій въ этотъ періодъ уже является въ письмѣ съ тѣми особенностями, какія отличаютъ его отъ западнаго (бѣлорусскаго) и сѣвернаго (великорусскаго). Выше упомянуты памятники, въ которыхъ находятъ его признаки еще въ первые вѣка русской письменности; съ XIV вѣка эти признаки выражаются уже совсѣмъ ясно. Таковы они въ южно-русскихъ актахъ, значительное число которыхъ издано въ послѣднее время [1]).

Отъ первыхъ вѣковъ средняго періода осталось мало извѣстій и мало письменныхъ памятниковъ, такъ что трудно составить себѣ понятіе о литературныхъ явленіяхъ этого времени. Конецъ древняго періода указывалъ возможность замѣчательнаго литературнаго развитія. „Слово о полку Игоревѣ“ и Волынская лѣтопись представлялись нѣкоторымъ изслѣдователямъ какъ результатъ особой школы, и если было дѣйствительно такъ, эта школа обнаружила много замѣчательнаго народно-поэтическаго искусства. Татарское нашествіе повидимому нанесло окончательный ударъ этимъ зародышамъ; но позднѣе въ южнорусскомъ племени, при всемъ его подчиненіи чужой государственности, развилось своеобразное и оживленное движеніе, которое многими чертами напоминаетъ его старину.

Въ церковной письменности южная Русь сохранила (хотя повидимому въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ сѣверная) книжныя преданія

[1]) Изданія выше названы; образчики собраны у Житецкаго, стр. 353 и слѣд.

древняго періода; но какъ въ сѣверной письменности, такъ и въ южной, народный говоръ все больше выступаетъ въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя были ближе къ жизни—именно въ грамотахъ и письмахъ; въ книгѣ онъ, какъ бѣлорусскій, мѣшался съ церковно-славянскимъ и польскимъ. И здѣсь, какъ на сѣверо-западѣ, живое чувство народности и умственный запросъ выразились стремленіемъ къ передачѣ свящ. писанія на народномъ языкѣ—замѣчательное явленіе, которому нѣтъ параллели на сѣверѣ. Такъ, къ концу XV или началу XVI вѣка относятъ южнорусскій переводъ „Пѣсни Пѣсней" съ послѣсловіями, въ которомъ находятъ слѣды чешскаго подлинника [1]). Въ 1556—1561 написано писцомъ Михаиломъ, сыномъ протопопа Саноцкаго, четвероевангеліе, переведенное по порученію княгини Гольшанской съ болгарскаго на южно-русскій языкъ, „для лѣпшого вырозумленья люду христіанского посполитого", повидимому этимъ самымъ Михаиломъ, подъ руководствомъ Григорія, архимандрита Пересопницкаго [2]). Это такъ называемое Пересопницкое евангеліе (Пересопница—на Волыни, между Ровномъ и Луцкомъ, нынѣ съ остатками древняго монастыря). Далѣе, евангеліе на славянскомъ и малороссійскомъ языкахъ, напечатанное въ типографіи Тяпинскаго, безъ означенія мѣста и времени печатанія, но вѣроятно около 1580, съ ссылками на поляхъ на евангеліе московское, недавно друкованное [3]); малорусская Псалтирь XVII-го вѣка и проч.

Литературная дѣятельность южной (какъ и западной) Руси обнаружилась особенно въ области религіозной. Выше говорено о томъ, какъ государство и національность польская стремились овладѣть высшими классами русскаго народа въ „Литвѣ" и Южной Руси, а католицизмъ, въ параллель къ тому, стремился подавить православіе. Послѣ „уніи" политической, въ Люблинѣ, совершается „унія" вѣроисповѣдная, въ Брестѣ. Та и другая сдѣлали большія завоеванія. Но какъ ни были значительны выгоды, какія доставались русскому боярству въ положеніи польскаго магнатства, и какія пріобрѣтало высшее духовенство, вступая чрезъ унію въ положеніе господствующей католической іерархіи, въ этой средѣ нашлись люди, которые стали пламенными защитниками народности—эта борьба и составила главнѣйшее содержаніе южно-русской литературы въ теченіе XVI—XVII сто-

---

[1]) «Основа», 1861, ноябрь; «Науковый Сборникъ», 1865, вып. 4, 235.

[2]) Оно открыто Бодянскимъ (Ж. Мин. Нар. Просв. 1838, май); образцы изъ него у Житецкаго, 360—364, и его же: „Описаніе пересопницкой рукописи XVI в., съ приложеніемъ текста евангелія отъ Луки" и пр. Кіевъ, 1876, 4°.

[3]) Отчетъ Публичной Библіотеки за 1856 г., стр. 29; Хронолог. Указатель Ундольскаго, № 87. Нѣсколько интересныхъ малорусскихъ рукописей средняго періода, до сихъ поръ еще не изслѣдованныхъ, находится въ рукописныхъ собраніяхъ Е. В. Барсова и Н. С. Тихонравова, въ Москвѣ.

лѣтій. Когда этихъ усилій было недостаточно, чтобы бороться съ нароставшимъ гнетомъ, и онъ отягчался еще гнетомъ экономическимъ, начались знаменитыя козацкія войны — настоящее народное дѣло, наложившее свою глубокую печать на южнорусскую исторію. Козацкія войны были финаломъ борьбы, начавшейся съ XV, въ иныхъ мѣстахъ (какъ въ Галицкой Руси) съ XIV вѣка, или даже еще ранѣе. Польша, теряя земли и населеніе на западѣ, стремилась вознаграждать себя на востокѣ и югѣ; по характеру своей собственной государственности, она разсчитывала, что достигнетъ своей цѣли, овладѣвъ русской шляхтой и духовенствомъ; но она не считала *народа*.

Выше упомянуто, какія особенныя условія западной и южной русской жизни помогли развитію національной оппозиціи противъ наплыва польской народности и католицизма. Православная церковь сохранила здѣсь всѣ существенныя черты устройства по православному преданію и канонамъ; но народъ гораздо больше, чѣмъ въ восточной Руси, принималъ участія въ церковной жизни. Въ московской Руси церковь имѣла твердую опору въ правительствѣ также православномъ; здѣсь правительство было иновѣрное, далеко не всегда толерантное, часто враждебное, и церковь естественно опиралась на народъ и сильное боярство. Послѣдніе участвовали въ выборѣ митрополита и духовенства, въ управленіи дѣлами, въ защитѣ правъ церкви передъ правительствомъ. Города имѣли патронатъ надъ своими церквами, богатые паны надъ монастырями и церквами ихъ земель, — это часто бывало единственной поддержкой православія противъ уніи и католицизма, но имѣло и свою неблагополучную сторону, когда патронатъ переходилъ въ произволъ, особливо когда онъ (какъ выше замѣчено) попадалъ даже въ руки пановъ католическихъ. Сама православная іерархія бывала не совсѣмъ довольна тѣмъ, что ея власть стѣснялась мірянами, и стремясь получить отъ королей обезпеченіе своей независимости отъ вмѣшательства мірянъ, изъ-за своего іерархическаго интереса не всегда умѣла различать полезную сторону этого вмѣшательства: отсюда многіе споры іерархіи съ „братствами“ и даже, во время козацкихъ войнъ, недоразумѣнія съ самимъ народнымъ движеніемъ.

Дѣятельность „братствъ“ составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей западной и южной русской церковной, а косвенно и политической жизни. Первое начало ихъ относится еще къ древнему періоду русской жизни. Въ храмѣ сходились не только интересы приходскихъ общинъ; онъ олицетворялъ цѣлое политическое общество: Новгородъ отождествлялъ себя съ св. Софіей; приходскія собранія были „братчины“, которыя имѣли даже право суда. Въ московской Россіи братчина и сохранила потомъ только значеніе временной праздничной сходки и пира. На западѣ и югѣ, гдѣ церковные интересы

не обезпечивались правительствомъ, братчина развилась въ постоянный союзъ, въ общину, которая и приняла на себя (какъ выше указано) заботу о благосостоянiи своей церкви, о церковномъ управленiи и т. д. Главными элементами западныхъ и южныхъ братствъ были городское магдебургское право вмѣстѣ съ обычнымъ патронатомъ приходскихъ общинъ надъ своими церквами. Братства имѣли постоянную организацiю, старостъ и членовъ; нѣкоторыя получали утвержденiе правительства. Братство Львовское извѣстно съ 1439 г., Виленское съ 1458. Главное развитiе братствъ относится именно къ тому времени, когда борьба православiя и народа за свое существованiе стала принимать острый характеръ—съ конца XVI столѣтiя.

Вслѣдствiе условiй времени и положенiя русской народности, литературная дѣятельность юго-западной Руси за этотъ перiодъ сосредоточилась всего болѣе именно на церковной литературѣ. Мы не имѣемъ надобности входить въ догматическое и богословско-полемическое содержанiе этой литературы: для нашей цѣли довольно указать ея распространенiе и ея общественно-литературную сторону, указать, что подъ формой богословской полемики велась въ ней борьба за самые капитальные интересы русской народности.

Съ внѣшней стороны любопытно отмѣтить замѣчательное развитiе книгопечатанiя. Въ то время какъ въ Москвѣ первая типографiя появляется только въ 1564, черезъ сто лѣтъ по изобрѣтенiи печати, въ западной Руси типографская дѣятельность началась уже въ 1491, упомянутыми изданiями Швайпольта Фiоля. Цифры количества типографiй и изданiй въ московской Россiи и въ западной и южной Руси могутъ довольно наглядно представить степень развитiя книжной дѣятельности въ той и другой [1]). До 1600 года, изъ московскихъ типографiй вышло 16 книгъ, изъ западныхъ и южныхъ 67; до 1625, изъ московскихъ—65, западныхъ и южныхъ—147; до 1650 (т.-е. до самой поры присоединенiя Малороссiи къ Москвѣ), изъ московскихъ—275, изъ западныхъ и южныхъ — 300 [2]). Далѣе, въ то время какъ въ московской Россiи типографiи были только въ Москвѣ, въ западной и южной Руси типографская дѣятельность распространена была по всему

---

[1]) Приводимыя далѣе цифры только приблизительны. Для XVI—XVII вѣка еще не сдѣлано такого обстоятельнаго инвентаря, какой сдѣланъ въ книгѣ Пекарскаго «Наука и литература» и пр. для Петровской эпохи. Послѣднiе библiографическiе счеты читатель найдетъ въ сочиненiяхъ: И. Каратаева, Хронолог. Роспись слав. книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб. 1861; Ундольскаго, Хронол. Указатель, вып. 1. М. 1871; Я. Головацкаго, Дополненiе къ Очерку Славяно-русской библiографiи Ундольскаго (въ «Сборникѣ» II Отдѣл. Акад. XI). Спб. 1874.

[2]) Къ послѣднимъ мы не причисляемъ изданiй, выходившихъ въ «Угровлахiи»; но причислили краковскiя изданiя Фiоля и пражскiя Скорины, такъ какъ онѣ были разсчитаны именно для западной и южной Руси, и были ея дѣломъ. Прибавимъ еще, что не вводили въ счетъ мелкихъ изданiй—напр. отдѣльныхъ листовъ и т. д.

краю, отъ главныхъ городовъ до небольшихъ мѣстечекъ и монастырей. Такимъ образомъ, послѣ Кракова (1491) и Праги (1517) до 1650 г. являются слѣдующія типографіи: Вильна (съ 1525), Несвижъ (1562), Заблудово (у Ходкевича, 1569), Львовъ (1574), Острогъ (1580), типографія Тяпинскаго (около 1580), Евье (1600), Дерманскій монастырь (1604), Стрятино (у Ѳ. Болобана, 1604), Крилосъ (близь Галича, 1606), Угорцы (въ Самборскомъ округѣ, 1611 или 1618), Кіевъ (1614), Могилевъ (1616), Почаевъ (1618), Рохманово (1619), Четвертня (1625), Луцкъ (1628), Чорненскій монастырь (1629), Кутеинъ (1630), Буйничи (1635), Долгополье (1635), Кременецъ (1638), Дельскій монастырь (1646), Черниговъ (1646). Многія изъ этихъ типографій произвели не болѣе какъ двѣ-три книги; но замѣчательно это распространеніе печати, въ которомъ видно умственное оживленіе общества. Наиболѣе дѣятельны были типографіи въ Вильнѣ, Кіевѣ, Львовѣ, Евьѣ, Острогѣ, Кутеинѣ. Наконецъ, московскія изданія состоятъ въ огромномъ большинствѣ изъ богослужебныхъ книгъ, святцевъ, постныхъ и цвѣтныхъ Тріодей, служебныхъ Миней, Канонниковъ и т. д.; въ изданіяхъ западныхъ и южныхъ большой процентъ составляютъ самостоятельные труды православныхъ полемистовъ, нерѣдко такіе, которымъ и новѣйшіе наши богословы отдаютъ самыя высокія похвалы. Наконецъ, здѣсь явились и первыя учебныя книги [1]).

Между боярствомъ, которое стало тогда на защиту и развитіе православія, наиболѣе знамениты имена кн. Курбскаго и кн. Константина Острожскаго. Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, ученикъ Максима Грека и русскій полководецъ, ушедшій въ Литву въ 1563 отъ свирѣпствъ Ивана Грознаго, съ которымъ велъ извѣстную переписку, въ Литвѣ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ православія, возбуждалъ своихъ западныхъ и южныхъ единоплеменниковъ, разсылая письма и къ русскимъ вельможамъ, и къ простымъ ремесленникамъ и т. д.; онъ видѣлъ недостатокъ силъ и просвѣщенія, между прочимъ въ самомъ Кіевѣ, гдѣ монахи отказывались отъ его порученій переводить книги, и находя, что умноженіе книгъ должно быть однимъ изъ главныхъ средствъ для борьбы, самъ на старости выучился по-латыни, читалъ Аристотеля, на которомъ строилась тогда школьная католическая діалектика, перевелъ вполнѣ бого-

---

[1]) Первая азбука напечатана въ Вильнѣ, 1596 (и потомъ Букварь, Могилевъ, 1636); за ней уже слѣдуютъ московскія азбуки Бурцова, 1634 и 1637 г., и Букварь словено-греко-латинскій, Ѳ. Поликарпова, 1701.

Первая грамматика, еллино-словенская, Ἀδελφότης, напечатана во Львовѣ, 1591; вторая, славянская грамматика Лаврентія Зизанія, въ Вильнѣ 1596; третья, славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, Евье, 1618, 1619; Вильна, 1619, 1629 (еще кажется другая книга, Вильна, 1621); московскія изданія Смотрицкаго 1648, 1721. Особая слав. грамматика, въ Кременцѣ 1638.

Первый словарь, славяно-россійскій, составленъ Памвою Берындою, Кіевъ 1627.

словіе Дамаскина, его Діалектику и нѣсколько другихъ книгъ, переводилъ Златоуста, Василія Великаго, и къ переводу перваго присоединилъ любопытное предисловіе. Его сотрудниками были — родственникъ его князь Оболенскій, учившійся въ краковской академіи, ѣздившій за границу и помогавшій ему въ переводахъ, и еще три московскіе выходца [1]). Книги Курбскаго писаны отчасти обычнымъ въ московской Россіи церковнымъ языкомъ съ примѣсью русской, но въ другихъ—юго-западный книжный языкъ, перемѣшанный съ польскими и латинскими словами.

Не менѣе знаменитъ былъ кн. Константинъ Острожскій (ум. 1608). Курбскій, вѣрный московскому преданію, заботился всего больше о чистотѣ православія; кн. Острожскій дружился съ протестантами, не считалъ невозможною уніи (хотя самъ сохранилъ и защищалъ православіе), но главную заботу полагалъ о просвѣщеніи. Богатый и сильный магнатъ, онъ основалъ въ Острогѣ первое южнорусское высшее училище, которое при немъ называлось академіей, и устроилъ типографію, издавшую нѣсколько первостепенно важныхъ книгъ. Главнымъ произведеніемъ этой типографіи была знаменитая Острожская Библія, 1580—1581, первая полная печатная Библія въ старославянскомъ текстѣ. Одно предисловіе здѣсь писано самимъ княземъ. Его побуждало къ труду прискорбное состояніе церкви, „расхищаемой волками". Нужны были великія усилія для исполненія этой задачи: не было ни способныхъ людей, ни полныхъ списковъ Библіи. Около 1575 онъ получилъ изъ Москвы, съ посланникомъ Гарабурдой, полный списокъ, но крайне испорченный. Другіе тексты онъ выписывалъ отъ патріарха Іереміи, изъ монастырей греческихъ, болгарскихъ и сербскихъ, но нѣсколько книгъ (Товита, Юдиѳь, 3 Эздры) все-таки пришлось перевести съ Вульгаты. Изданіе кн. Острожскаго надолго осталось единственнымъ изданіемъ старо-славянскаго текста; первая московская Библія явилась только въ 1663. Въ изданіи есть еще много недостатковъ; но самые строгіе судьи дѣла въ русской церковной литературѣ считали трудъ кн. Острожскаго „дорогимъ подаркомъ для православной церкви" [2]).

Но покровительство церкви со стороны магнатства было непрочно; уже сыновья Курбскаго и Острожскаго были врагами православія. Съ конца XVI вѣка религіозно-національная оппозиція велась главнымъ

---

[1]) О Курбскомъ см. Устрялова, Сказанія кн. Курбскаго; 2-е изд. Спб. 1842; Иванишева, Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Кіевъ, 1850.

[2]) Такъ—Филаретъ Черниговскій: «особенно дорогъ былъ этотъ подарокъ тогда, какъ съ одной стороны гордая реформація, съ другой коварный папизмъ кололи глаза православнымъ всякимъ недостаткомъ образованности, тѣмъ болѣе, что у православныхъ нѣтъ и Библіи». Обзоръ русской духовн. литер., 862—1720. Харьковъ, 1859, 235.

образомъ въ *братствахъ*. Наканунѣ Брестской уніи и еще болѣе послѣ нея, старыя братства начали работать съ особенной энергіей, получили организацію, размножили число своихъ участниковъ, основывали школы и типографіи и вмѣшались въ борьбу. Въ 1586 патріархъ антіохійскій Іоакимъ, посланный тогда въ Россію отъ собора всѣхъ восточныхъ патріарховъ, далъ Львовскому братству грамоту, съ обширными полномочіями, стѣснявшими даже власть епископа. Львовское братство получило старѣйшинство надъ всѣми другими братствами, которыя въ своихъ учрежденіяхъ должны были имѣть его образцомъ. Вскорѣ потомъ былъ здѣсь патріархъ константинопольскій, Іеремія, который еще болѣе усилилъ значеніе братства и поощрялъ къ основанію другихъ: въ 1588 онъ учредилъ братство Виленское; затѣмъ основаны были братства въ Брестѣ 1591, Минскѣ 1592, Бѣльскѣ 1594, Могилевѣ 1597, Луцкѣ 1617 и т. д. Братства обыкновенныя подчинялись епископамъ; но главнѣйшія изъ нихъ имѣли право „ставропигій", т.-е. зависѣли только отъ патріарха (или отъ митрополита, когда тотъ былъ и патріаршимъ экзархомъ), пользовались извѣстнымъ политическимъ значеніемъ: онѣ были приглашаемы королями на сеймы, духовными властями на соборы, такъ что дѣйствовали отъ лица народа какъ его представители [1]).

Братства тотчасъ заявили свою дѣятельность вмѣшательствомъ въ практическія дѣла церкви, основаніемъ школъ и типографій. Образованные люди понимали, что „коли бы (русскіе) были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковые погибели" [2]). Послѣ перваго училища, основаннаго кн. Острожскимъ въ Острогѣ, появились училища при братствахъ въ Львовѣ (1586), Вильнѣ (1588), Кіевѣ (1588), Брестѣ (1591), Бѣльскѣ (1594), Минскѣ (1613), Луцкѣ (1617), Могилевѣ, Оршѣ, Пинскѣ. Не всѣ эти школы удержались; но нѣкоторыя, именно Львовская, Виленская, и особенно Кіевская постоянно развивали свои средства и стали надолго опорой православной образованности цѣлаго края. Довольно сказать, что Кіевская братская школа была началомъ кіевской академіи.

Историческое значеніе братскихъ школъ было то, что онѣ вообще были первыми русскими правильными училищами. Ихъ цѣль была спеціальная—сообщать религіозное образованіе, приготовлять борцовъ богословской полемики; но онѣ приняли также въ свои программы, какъ и во внѣшнее устройство, многое изъ тогдашнихъ католическихъ акаде-

---

[1]) Первыми ставропигіями были львовская и виленская (1588); въ 1620 іерусалимскій патріархъ Өеофанъ далъ права ставропигій братствамъ Луцкому, Кіевскому (Богоявленскому) и Слуцкому; но въ 1626 патр. константинопольскій Кириллъ снова подчинилъ эти послѣднія епископамъ, а въ 1633 учредилъ третью ставропигію въ братствѣ Могилевскимъ.

[2]) «Пересторога», въ Актахъ Зап. Россіи, IV, 204.

мій и черезъ это онѣ внесли въ свои курсы и значительную долю свѣтскихъ знаній—именно философскихъ, историческихъ и литературныхъ. Уставъ Луцкой братской школы требуетъ отъ учителя, чтобы онъ выдавалъ ученикамъ въ запискахъ ученія церковныя, а также и ученія „отъ философовъ, поэтовъ, историковъ“ [1]), и дѣйствительно западно- и южнорусскіе ученые бывали съ ними хорошо знакомы. Новѣйшіе историки упрекаютъ иногда этихъ ученыхъ за ихъ схоластику и небреженіе о свѣтской наукѣ, историки церковные—за наклонность къ иновѣрной латыни,—но въ этихъ упрекахъ забываются историческія условія этихъ школъ: онѣ были дѣломъ самого общества, замѣшаннаго въ церковную борьбу, и отсюда ихъ схоластическая теологія; но онѣ исполнили свое назначеніе. Еще долго послѣ присоединенія Малороссіи, кіевская и западно-русская ученость была единственной ученой силой въ Россіи, и если схоластика продолжалась и въ XVIII вѣкѣ, то упрекъ за ея излишнее господство долженъ быть обращенъ уже къ власти, которая дѣлала тогда слишкомъ мало для водворенія новой науки.

Какъ выше замѣчено, приготовленіе, и потомъ совершеніе Брестской уніи послужили особеннымъ толчкомъ къ сильному богословско-литературному движенію, съ обѣихъ сторонъ. Уніаты старались оправдать свое дѣло, православные энергически оспаривали и обличали его. Подробную исторію этой литературной борьбы читатель найдетъ у историковъ церкви и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ [2]). Намъ довольно указать главныхъ дѣятелей этого движенія, составляющаго замѣчательный фактъ южной и западной русской образованности. Русскимъ полемистамъ

---

[1]) Памятники Кіевской Комм. I, отд. 1, стр. 83 слѣд.

[2]) См. напр. Филарета Черниговскаго, Исторія Русской Церкви, четыре части, 4-е изд. Черниговъ, 1862; 5 часть, М. 1859; Обзоръ русской дух. литературы, ч. 1, Харьковъ 1859; ч. 2, изд. 2. Черниговъ, 1863;—П. Знаменскаго, Руководство къ русской церк. исторіи. Казань, 1870.

Цѣльнаго изслѣдованія объ этомъ вѣкѣ еще нѣтъ; частныхъ изслѣдованій довольно много:

— I. Флеровъ, О православныхъ церк. братствахъ, противодѣйствовавшихъ уніи и пр. Спб. 1857.

— «Петръ Могила, митроп. Кіевскій». Творенія св. отецъ, 1846, № 1, прил. 29—76.

— П. Пекарскій, Представители кіевской учености въ половинѣ XVII столѣтія. «Отеч. Зап.» 1862, кн. 2, 3, 4.

— Макарій Булгаковъ (нынѣ архіеп. Литовскій), Исторія Кіевской Академіи. Кіевъ, 1846.

— С. Голубевъ, Петръ Могила и Исаія Копинскій, въ Правосл. Обозрѣніи, 1874, кн. 4—5.

— Памятники полемической литературы въ западной Руси. Книга I. (Русская историч. Библіотека, издав. Археогр. Коммиссією. IV). Спб. 1878. Здѣсь помѣщены: 1, Дѣянія Виленскаго собора, 1509 года; 2, Дѣянія Кіевскаго собора, 1640, по разсказу К. Саковича; 3, Діаріушъ берестейскаго игумена, Аѳанасія Филипповича, 1646; Оборона уніи, Льва Кревзы; 5, Палинодія, Захаріи Копыстенскаго; 6, Посланія, припис. старцу Артемію, сотруднику Курбскаго, конца XVI вѣка.

— Исторіи польской литературы, Мацѣёвскаго, и особенно Вишневскаго, сочиненія Лукашевича (Historya szkól etc.), Ярошевича (Obraz Litwy) и др.

пришлось бороться лицомъ къ лицу съ католической теологіей, выступившей въ защиту папства и уніи во всеоружіи латино-схоластической учености, и русскіе писатели съ честью выдержали эту борьбу: многія сочиненія ихъ въ защиту православія до сихъ поръ восхваляются самыми требовательными критиками, которые отдаютъ справедливость силѣ ихъ доказательствъ, обширнымъ историческимъ и церковнымъ свѣдѣніямъ. Брестскій соборъ тотчасъ вызвалъ съ обѣихъ сторонъ полемику, гдѣ между прочимъ вмѣшался знаменитый польскій іезуитъ Скарга. По поводу этой полемики явилось замѣчательное сочиненіе противъ уніи Христофора Бронскаго (подъ псевдонимомъ Христофора Филалета): „Апокрисисъ, альбо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ“ (Вильна 1597), который изданъ былъ на русскомъ, т.-е. западно-русскомъ, и польскомъ языкахъ и произвелъ сильное впечатлѣніе и на друзей и на враговъ [1]). Другое важное сочиненіе объ уніи было „Пересторога“ (предостереженіе), около 1606; авторъ, доселѣ неизвѣстный, по новѣйшимъ изысканіямъ—львовскій священникъ Андрей, который былъ представителемъ львовскаго братства на Брестскомъ соборѣ и очевидцемъ варшавскаго сейма и также отличался обширными свѣдѣніями [2]). Захарія Копыстенскій (ум. 1627), кіевскій іеромонахъ, знаменитъ какъ авторъ книги „О вѣрѣ единой“ (s. l. et a., вѣроятно въ Кіевѣ, 1619—1620, подъ псевдонимомъ) и особенно какъ авторъ „Палинодіи“, обширнаго трактата противъ уніи, оставшагося тогда въ рукописи [3]). Однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ того времени былъ Мелетій Смотрицкій (ум. 1633): ученый монахъ и православный епископъ въ Полоцкѣ, онъ учился въ іезуитской коллегіи, потомъ бывалъ въ нѣмецкихъ университетахъ; сначала пламенный защитникъ православной церкви (его „Плачъ“, Вильна 1610, и другія сочиненія), противъ котораго двинулся самъ Скарга, но потомъ, быть можетъ испуганный преслѣдованіями, которыя вызваны были убійствомъ уніатскаго епископа въ Полоцкѣ Кунцевича, или вслѣдствіе безхарактерности, онъ перешелъ въ унію: „Апологія“ (на польскомъ яз. 1628), въ которой онъ рекомендовалъ унію, вызвала русскія опроверженія Іова Борецкаго, митроп. кіевскаго (ум. 1631), Андрея Мужиловскаго, слуцкаго священника, и др. Осужденный на кіевскомъ соборѣ, Смотрицкій отказался отъ своихъ ученій, но потомъ издалъ новую книгу, гдѣ объявлялъ отреченіе вынужденнымъ, и умеръ уніатомъ.

[1]) «Сочиненіе превосходное по основательности мысли и любопытное по множеству историческихъ документовъ», говоритъ Филаретъ, «Обзоръ», I, 242. Ср. Кояловича, Унія, I, 181. «Апокрисисъ Христофора Филалета, въ переводѣ на современный русскій языкъ». Кіевъ, 1870. Н. Скабалановичъ, Изслѣдованіе объ Апокрисисѣ. Спб. 1873.

[2]) Напечат. въ Актахъ Зап. Россіи, т. IV.

[3]) „Палинодія“ издана въ Р. Ист. Б—кѣ IV, ст. 313—1200.

На ряду съ учеными богословами, защитниками православія, стоитъ еще своеобразный писатель, нѣсколько иного и болѣе народнаго характера, Іоаннъ Вишенскій или Вишневскій (изъ Вишни), писавшій въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка. О біографіи его извѣстно только, что это былъ инокъ, подвизавшійся въ Зографскомъ монастырѣ на Аѳонѣ; какимъ уваженіемъ пользовался онъ въ южной Руси, видно изъ постановленія Собора 1621 года, которымъ рѣшено— призвать его съ Аѳона какъ одного изъ благочестивыхъ мужей, „процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ“. Аѳонскіе старцы подали свой голосъ противъ уніи, и ихъ посланіе было однимъ изъ первыхъ протестовъ; Іоаннъ Вишенскій тогда же отправилъ съ Аѳона свои посланія, которыя и ходили по рукамъ. Въ настоящее время напечатано четыре его посланія — къ князю Василію Острожскому и всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи; къ „народу русскому, литовскому и лядскому“ всѣхъ вѣръ и сектъ; къ митрополиту и епископамъ, принявшимъ унію; и „Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ“ т.-е. заблужденіяхъ [1]). Аѳонскій инокъ представляетъ иную сторону борьбы: онъ не блистаетъ, и не желаетъ блистать ученостью и реторическимъ искусствомъ, но у него много настоящаго краснорѣчія, внушаемаго сильнымъ чувствомъ и — талантомъ. Строго осуждая отпавшихъ „объеретиченныхъ“, онъ строго обличаетъ и остающихся, за недостатокъ вѣры, пановъ за роскошную жизнь, за несправедливости и насилія, проклинаетъ владыкъ и игуменовъ, которые изъ святыхъ мѣстъ понадѣлали себѣ фольварки, собираютъ гроши и „дѣвкамъ своимъ“ вѣно готовятъ, и т. п.; слабыхъ и колеблющихся возбуждаетъ держаться противъ гибельныхъ соблазновъ, какими ихъ смущало лживое католичество, и насмѣхается надъ щегольствомъ и ученостью ксендза; словомъ, переноситъ полемику теологовъ въ жизнь, и защищаетъ православное благочестіе и старину какъ святыню. Онъ не любитъ латинской учености, говоритъ съ пренебреженіемъ объ Аристотелѣ и Платонѣ, и рекомендуетъ вмѣсто нихъ Часословъ и Псалтырь. Словомъ, это—книжникъ стараго закала, каковъ былъ московскій выходецъ Курбскій; но хотя старой книжности, которую одну онъ признавалъ, было уже мало для національной борьбы, онъ долженъ былъ производить впечатлѣніе силой своего убѣжденія и народнаго чувства; какъ писатель, онъ даетъ живыя картины нравовъ, написанныя съ оригинальнымъ смѣшеніемъ суроваго аѳонскаго аскетизма и крѣпкаго народнаго юмора.

---

[1]) Въ Актахъ Южной и Зап. Россіи, Спб. 1865, II, 205—270. См. о немъ также Памятники Кіев. Комм. 1848. I, 247; Филарета, Обзоръ, I, 243. Патетическая характеристика Іоанна Вишенскаго у Кулиша, Ист. Возсоединенія Руси, I, 286—319.

Іоаннъ Вишенскій горячо защищаетъ и славянскій языкъ. «Евангелія и Апостола въ церкви на литургіи простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же, для вырозумѣнья людского, попросту толкуйте и выкладайте. Книги церковные всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте: сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва; радъ бы его до щеты погубилъ, и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведеть; и што нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять—да знаешъ заневно, яко того майстра дѣйствомъ и рыганіемъ, духа его поднявши, творять. А то для того діаволъ на словенскій языкъ борбу тую маетъ, заваже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій: понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, діавола вмѣстныхъ, простымъ прилѣжнымъ читаніемъ, безъ всякаго ухищренія, къ Богу приводить, простоту и смиреніе будуеть и Духа святого подъемлетъ... Егда есте на латинскую и мірскую мудрость ся полакомили, тогда есте и благочестіе стратили, въ вѣрѣ онемощили и поболѣли, и ереси породили и въ Него же крестихомся прогнѣвали. Чи не лѣпше тобѣ изучити часословецъ, псалтыръ, охтоихъ, апостолъ и евангеліе, съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати, и въ геену отъити? Разсуди. Мнѣ ся видитъ [1])—лѣпше есть аби аза знати, толко бы до Христа ся дотиснути, которій блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собѣ чинитъ и тамъ ся упокоеваетъ. Тако да знаете, якъ словенскій языкъ предъ Богомъ честнѣйшій есть и отъ Еллинскаго и Латинскаго—се же не басни суть, но нынѣ о томъ доводъ широкій чинити мѣста не маю...»

Онъ проситъ не скрывать его посланія и напротивъ показывать его всѣмъ, и своимъ и Ляхамъ,—чтобы выучиться открыто заявлять свои мысли. «И мое писаніе всѣмъ до ушей пропустѣте. Не бойтеся для того Ляха, але убойтеся Ляхова творца, которій и Ляхову и насъ всѣхъ души въ своей горсти держитъ... И тотъ бо страхъ Ляховъ за безвѣріе ваше на васъ попущенъ, да ся познаете, если есте христіане или еретики».

Іоаннъ Вишенскій есть представитель народной стороны въ этой борьбѣ. По своему онъ былъ правъ въ своей враждѣ къ латинской наукѣ; онъ видѣлъ, что рядомъ съ латинской наукой шла испорченность и измѣна панства и высшей іерархіи, и двѣ вещи онъ связалъ въ одну. И это было отчасти въ народномъ духѣ, а главное, въ этомъ духѣ была его упорная борьба за старую вѣру, преданье и народный обычай.

Возвращаемся къ ученой дѣятельности Южноруссовъ. Въ XVII столѣтіи центръ тяжести ея переходитъ въ Кіевъ, и главная заслуга принадлежитъ здѣсь знаменитому кіевскому митрополиту, Петру Могилѣ. Сынъ бывшаго молдавскаго воеводы, Петръ Могила (1597—1647) получилъ образованіе въ Парижѣ, служилъ въ польскихъ вой-

---

[1]) Въ изданіи Арх. Комм.: «милъ ся видитъ».

скахъ, и между прочимъ участвовалъ въ битвѣ съ Турками при Хотинѣ; имѣлъ большія связи съ польской аристократіей, лично извѣстенъ былъ королю, и выступилъ ревностнымъ бойцомъ за православіе: онъ постригся въ монахи, былъ архимандритомъ Печерской лавры и наконецъ, будучи посланъ въ Варшаву для защиты правъ церкви, принятъ былъ тамъ съ большимъ уваженіемъ и объявленъ кіевскимъ митрополитомъ. Такое полученіе сана не было правильно, но кромѣ аристократіи поддерживали его и козаки, съ которыми онъ сблизился въ своей военной службѣ. Потомъ онъ заставилъ забыть этотъ фактъ своими трудами для церкви. Онъ возстановлялъ древнія историческія святыни, исправлялъ церковныя книги, писалъ и издавалъ книги въ защиту церкви отъ уніатовъ (Λίθος, противъ Кассіана Саковича, на польскомъ языкѣ, 1644); есть извѣстія, что онъ работалъ надъ исправленіемъ Библіи, надъ собраніемъ житій святыхъ. Съ именемъ Петра Могилы связано „Православное исповѣданіе вѣры" (обширное и краткое), много разъ изданное и имѣющее славу классическаго изложенія православной догматики. Наконецъ, славнымъ дѣломъ Петра Могилы было расширеніе и обогащеніе кіевской братской школы — будущей академіи; этой школѣ онъ жертвовалъ и свои неутомимые труды, и свое богатство [1]).

Прежнія школы, Острожская и школы братствъ, образовали много замѣчательныхъ литературныхъ дѣятелей и патріотовъ. Такъ изъ острожской школы вышли: Леонтій Карповичъ (ум. 1620), извѣстный проповѣдникъ и полемистъ; гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный (ум. 1622), между прочимъ оказавшій услуги и южнорусскому просвѣщенію; Исаія Копинскій (ум. 1634), предшественникъ Могилы на кіевской митрополіи, авторъ „Духовной Лѣствицы", трактата объ аскезѣ. Изъ львовскихъ и волынскихъ школъ вышли: Лаврентій Зизаній-Тустановскій, авторъ первой славянской грамматики и Большаго Катихизиса; Іовъ Борецкій (ум. 1631), кіевскій митрополитъ, полемистъ и исправитель церковныхъ книгъ; Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій, извѣстный проповѣдникъ и авторъ „Зерцала Богословія" (Почаевъ,

---

1) «Когда Богъ благословилъ мнѣ быть пастыремъ столицы митрополіи Кіевской, и прежде того еще архимандритомъ Печерской Лавры,—писалъ потомъ Могила въ своемъ завѣщаніи,—съ того времени, видя упадокъ благочестія въ народѣ русскомъ не отъ чего иного, какъ отъ того, что не было никакого наставленія и наукъ, я положилъ обѣтъ мой Господу Богу—все мое имущество, доставшееся отъ родителей и что́ только, за должнымъ удовлетвореніемъ святыхъ мѣстъ, мнѣ ввѣренныхъ, останется изъ доходовъ съ имѣній имъ принадлежащихъ, обращать частію на обновленіе разрушенныхъ домовъ божіихъ, которыхъ жалкія оставались развалины, и частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, на утвержденіе правъ и вольностей народа русскаго... А этотъ мой недостойный обѣтъ и намѣреніе благословилъ святою своею благодатію и Господь Богъ, такъ что еще при жизни моей я увидѣлъ уже великую пользу церкви божіей отъ тѣхъ наукъ, и умножились люди ученые и благочестивые на служеніе церкви божіей»....

1618; Уневскій монастырь 1692), перваго опыта систематическаго православнаго богословія, составленнаго съ большимъ знаніемъ церковной и свѣтской литературы; Памва Берында, извѣстный составитель перваго славено-россійскаго лексикона; упомянутый авторъ „Палинодіи“ Копыстенскій, и другіе. Въ школѣ кіевской образовались: Тарасій Земка; Ѳеодосій Сафоновичъ, богословъ и составитель хроники волынскаго княжества; Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій, извѣстные своей дѣятельностью въ Москвѣ при „исправленіи книгъ“. Въ Кіевѣ учились: знаменитый гетманъ Хмельницкій, имѣвшій большія свѣдѣнія и знавшій нѣсколько языковъ, и извѣстные казацкіе предводители — Тетеря, Сомко, Сирко, Самойловичъ и т. д. Въ братскихъ школахъ игралъ значительную роль греческій элементъ, который входилъ при основаніи братствъ и представленъ былъ такими людьми какъ элассонскій митрополитъ Арсеній, экзархъ Никифоръ, Кириллъ Лукарисъ (впослѣдствіи патріархъ). Предпринявши расширеніе кіевской школы, Петръ Могила не былъ доволенъ греческимъ образованіемъ и предпочиталъ западную школьную ученость съ латинскимъ языкомъ. Еще будучи печерскимъ архимандритомъ, онъ послалъ на западъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые должны были стать учителями въ новомъ духѣ: это были Тарасій Земка, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ, Гизель и др. Они стали потомъ во главѣ школы: Трофимовичъ какъ ректоръ, Коссовъ какъ префектъ. Новая школа была встрѣчена весьма недружелюбно; католики и уніаты распускали слухи, что ея науки — еретическія и кальвинскія; въ народѣ пошли подозрѣнія, школу ґрозили разорить, хотѣли убить самого Могилу, а латынщиками накормить днѣпровскихъ осетровъ. Но „коллегія“, какъ стала называться кіевская школа, установилась—не сдѣлавшись ни латыно-польской, ни кальвинской; хотя въ ней сильнѣе прежняго распространилась схоластика, она стала первымъ высшимъ училищемъ въ Россіи, дѣятельность котораго занимаетъ важное мѣсто въ исторіи русскаго образованія.

Литература, до сихъ поръ указанная, составляетъ, какъ мы видѣли, самостоятельное дѣло западной и особенно южной Руси, дѣло тѣмъ болѣе замѣчательное, что было исполнено въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, подъ иновѣрной властью, въ борьбѣ съ могущественнымъ католичествомъ, было исполнено собственной самодѣятельностью общества. Историки русской литературы обыкновенно вносятъ произведенія этого періода и школы въ свое изложеніе; но если поставить вопросъ о національныхъ элементахъ, эта литература должна быть внесена въ исторію западной и особливо южно-русской народности. Всѣ ея дѣятели—русскіе западнаго и южнаго края, принадлежатъ народу, который московская Русь постоянно отъ себя различала, какъ „Литву“,

„Черкасъ", „Козаковъ", „Малороссіянъ" [1]). Тому же народу принадлежатъ средства, которыми выросла эта образованность, и матеріальныя — въ пожертвованіяхъ богатаго, еще православнаго боярства, и въ пожертвованіяхъ братствъ; и нравственныя, въ силѣ убѣжденій и характеровъ, которой требовалось много въ трудностяхъ этой борьбы, и въ ревности къ просвѣщенію, которая произвела въ короткое время длинный рядъ ученыхъ, высоко цѣнимыхъ даже поздними и строгими критиками. Литературная борьба была не безопасна. Полемисты тѣхъ временъ обыкновенно предпочитали скрывать свои имена, даже время и мѣсто печатанія своихъ книгъ, чтобы избѣжать опасностей личнаго преслѣдованія и мщенія. Такъ скрывались Бронскій, Копыстенскій, самъ Петръ Могила и т. д. [2]). Эта литература приняла новое направленіе, неизвѣстное и несочувственное въ Москвѣ, но потомъ ею принятое: южнорусская образованность самобытно воспользовалась новыми источниками просвѣщенія—и въ тогдашней греческой учености, и въ латинской схоластикѣ, которой нужно было овладѣть, потому что она была оружіемъ противной стороны. Здѣсь были устроены первыя правильныя школы; развилась обширная типографская дѣятельность; здѣсь, ранѣе чѣмъ въ Москвѣ, предприняты были труды исправленія и изданія богослужебныхъ книгъ—надъ которыми трудились Константинъ Острожскій, Гедеонъ Болобанъ (ум. 1607, еп. галицкій и львовскій, печатавшій ихъ въ Стрятинѣ и Крилосѣ), Іовъ Борецкій, Петръ Могила, Іосифъ Тризна и другіе, отчасти выше названныя лица; здѣсь составлены были первые догматическіе трактаты (труды Лаврентія Зизанія, Исаіи Трофимовича, Петра Могилы, Кирилла Транквилліона), надолго оставшіеся единственными изложеніями русскаго православія; здѣсь явились первыя русскія грамматики и словари. Въ Москвѣ, гдѣ не было въ тѣ времена никакой правильной школы, относились недовѣрчиво къ западной и южной русской образованности; новизна чисто литературная уже казалась вещью подозрительной, ересью или латинствомъ. Въ Москвѣ заподозривали Катихизисъ Лаврентія Зизанія, но потомъ однако его приняли; „Учительное Евангеліе" Кирилла Транквилліона признано папистическимъ; но московскія книги „О вѣрѣ" были повтореніемъ западно-русскихъ сочиненій, которыя въ нихъ еще были только испорчены [3]). Словомъ,

[1]) Сѣверо-восточные русскіе участвовали въ этомъ движеніи лишь немногими представителями, какъ выходецъ Курбскій и его сотрудники; какъ выходецъ Иванъ Ѳедоровъ.

[2]) Копыстенскій говоритъ: «А зась коли хто зъ нашихъ, особливе противъ Латинниковъ, выдастъ книгу, теды таковего преслѣдовати и през верхность свѣтскую опримовати не встыдаются. Нелзи теды, ено за таковыми задатками, отступникомъ, называючимся унеятомъ отповѣсти и исправитися правды своеи и выводъ о собѣ дати, чого и право всѣхъ народовъ допущаетъ».

[3]) Ср. Р. Истор. Б—ка, IV, примѣч. стр. 23; Филарета, Обзоръ, I, 238, 251, 265 и др.

элементы движенія въ русскомъ образованіи представляли тогда западная и южная Русь, которой и должна быть отдана эта историческая заслуга.

Вліяніе юго-западной русской науки на Москву можно слѣдить еще съ конца XVI вѣка, съ дѣятельности Константина Острожскаго; оно продолжается въ трудахъ Лаврентія Зизанія, Смотрицкаго, Захаріи Копыстенскаго, Петра Могилы. Еще до присоединенія Малороссіи вызванъ былъ въ Москву Епифаній Славинецкій (ум. 1675). Со времени присоединенія Малороссіи, южнорусское вліяніе находитъ уже прямые пути и связи. Кіевская литература продолжала размножаться; во второй половинѣ XVII вѣка встрѣчаемъ опять длинный рядъ церковныхъ писателей, которые нерѣдко доводили до излишества недостатки схоластическаго направленія, но въ той или другой степени распространяли потребность и вкусъ къ знанію. Назовемъ: Іоанникія Галятовскаго (ум. 1688), проповѣдника и полемиста; Антонія Радиviловскаго; Лазаря Барановича (ум. 1694), архіепископа черниговскаго, писавшаго также по-польски — поученія ихъ считаются характерными образцами схоластической проповѣди; Варлаама Ясинскаго (ум. 1707); Іоанна Максимовича (ум. 1715), плодовитѣйшаго стихослагателя, и друг. Можно назвать здѣсь ученѣйшаго богослова, впрочемъ мало извѣстнаго въ свое время, Адама Зерникова (ум. 1691).

Къ концу XVII-го вѣка западные и южно-русскіе ученые дѣйствуютъ въ самой Россіи, какъ Симеонъ Полоцкій, Димитрій Ростовскій, которые одинаково могутъ быть причтены и къ сѣверной русской литературѣ. Въ московской славяно-греко-латинской академіи преобладаетъ сначала греческій элементъ, но съ 1701 г., когда ею сталъ завѣдывать кіевскій ученый, рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, и она была преобразована по кіевскому образцу. При Петрѣ кіевскіе ученые получаютъ особенное значеніе. Петръ не любилъ духовныхъ стараго московскаго типа, которые въ большинствѣ были врагами реформы, и хотя патріархъ Досиѳей просилъ Петра не ставить на іерархическія должности ни Грековъ, ни Сербовъ, ни „Черкасъ", т.-е. Малороссіянъ, а назначать природныхъ Москвитянъ, „аще и немудріи суть", Петръ предпочиталъ ученыхъ Южноруссовъ, которымъ и давались важныя іерархическія и другія мѣста: такъ возвышаются Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Филоѳей Лещинскій, Варлаамъ Коссовскій, Ѳеодосій Яновскій, Гедеонъ Вишневскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій и др., и затѣмъ въ послѣдующія царствованія, архіереи изъ „Черкасъ" сохраняли свое значеніе, возбуждая ревность и вражду великорусскаго духовенства [1]).

---

[1]) О литературныхъ отношеніяхъ великорусскихъ, гдѣ отражались дальнѣйшія

Другой обильный отдѣлъ южнорусской литературы составила исторія. Эта отрасль опять возникла здѣсь самобытно, на почвѣ новыхъ условій народной жизни, которую она и хотѣла передавать.

Извѣстно, въ чемъ состояла народная жизнь южной Руси съ конца XVI столѣтія. Со времени основанія Литовскаго княжества, при отдѣльныхъ соединеніяхъ съ Польшей, русская народность оставалась господствующей и спокойной; борьба противъ Татаръ и Турокъ даже сближала народы въ общихъ подвигахъ и воспоминаніяхъ; многія имена пріобрѣтали почетную славу и въ Польшѣ и на Руси; — сближеніе могло бы продолжаться, еслибъ соблюдалось одно условіе, котораго, къ сожалѣнію, чрезвычайно рѣдко умѣютъ понимать исторически связанные народы, — условіе племенной и исповѣдной равноправности. Магнатская и католическая Польша особенно неспособна была понять это условіе: обращеніе въ католичество и ополяченіе русскаго боярства еще усилило ея пренебреженіе къ народной массѣ и къ „хлопской вѣрѣ“—но уже вскорѣ начались страшныя предостереженія: народъ, покидаемый своимъ боярствомъ, часто покидаемый и высшей іерархіей, нашелъ свое представительство и защиту въ козачествѣ. Начались возстанія. Они были трактованы какъ хлопскіе бунты и отмщались страшными казнями. Никто не хотѣлъ понимать, что это возставалъ цѣлый народъ, оскорбляемый въ самыхъ дорогихъ ему чувствахъ и самыхъ насущныхъ интересахъ. Возстанія Лебеды и Наливайки во время уніи уже получали характеръ религіозной борьбы. Вмѣстѣ съ духовенствомъ и мѣщанами вступали въ братства и запорожскіе козаки; на интриги и насилія католиковъ и уніатовъ они отвѣчали своими насиліями и убивали измѣнниковъ православію. Сама Запорожская Сѣчь образовалась какъ своего рода религіозно-національное братство. Козачество вмѣшивалось прямо въ церковныя дѣла: гетманъ Конашевичъ устроилъ, при помощи іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, назначеніе Іова Борецкаго на кіевскую митрополію и обезпечилъ православную іерархію; козацкая сила становилась народной опорой для усилій духовенства, и еще задолго до

вліянія южнорусской школы, см.: Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. Спб. 1862. 2 тома.

— Ю. Самарина, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій, какъ проповѣдники. М. 1844.

— И. Чистовича, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868 (Сборн. стат. Акад. т. IV).

— М. Сухомлинова, О литературѣ переходнаго времени—конца XVII и начала XVIII вѣка. Ж. Мин. Нар. Просв. 1862, кн. 4.

— Д. Извѣкова, Отношеніе русскаго правительства въ первой половинѣ XVIII стол. къ протест. идеямъ. Ж. Мин. Нар. Пр. 1867, окт.; объ отношеніи его къ католич. пропагандѣ, ibid. 1870, сент.; Изъ исторіи богословской полемич. литературы XVIII стол., въ Правосл. Обозр. 1871, авг. и сент.

— Цѣлый рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій о литературѣ XVII—XVIII вѣка, укажемъ вообще въ послѣднихъ годахъ «Трудовъ» Кіевской Духовной Академіи.

войнъ Хмельницкаго, козаки въ совѣтѣ съ митр. Іовомъ отправили въ Москву посольство съ просьбой о русскомъ покровительствѣ. Но положеніе вещей оставалось то же; и наконецъ, за неудачными возстаніями Тараса, Павлюка, Остранина, вспыхнулъ общій пожаръ — возстаніе Хмельницкаго, окончившееся присоединеніемъ Малороссіи къ Московской Россіи.

Эта пора крайняго возбужденія народа создала южнорусскую исторіографію. Выше упомянуто, какъ въ первые вѣка Русско-Литовскаго княжества продолжалась тутъ старая лѣтописная традиція; времена козацкихъ войнъ произвели особый историческій стиль. Сначала это была форма тѣхъ же краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Таковы лѣтописи, изданныя Н. Бѣлозерскимъ: „Лѣтописецъ въ руских и полскихъ що ся сторонахъ дѣяло и якого року", съ 1587 года до 1750; „Краткое лѣтоизобразителное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе", 1506—1783: „Хронологія высокославныхъ ясневелможныхъ гетмановъ", 1506—1765 и др. [1]). Таковы были по всей вѣроятности тѣ „козацкія кроннчки", „козацкіе лѣтописцы" и „записки", о которыхъ упоминаютъ южнорусскіе историки XVII—XVIII вѣка, напр. Величко [2]).

За краткими лѣтописями слѣдуютъ уже настоящіе историческіе труды, центральнымъ пунктомъ которыхъ были войны Хмельницкаго. Эти труды начаты были современниками и участниками самыхъ событій и сохранили печать народнаго одушевленія тѣхъ временъ; онѣ проникнуты горячей любовью къ родному краю и сознаніемъ вынесенной борьбы. Такова „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго", изданная впервые Бодянскимъ [3]) и чрезвычайно важная для исторіи этихъ войнъ. Какъ видно изъ самаго текста, авторъ ея жилъ и дѣйствовалъ отъ начала войнъ Хмельницкаго, быть можетъ, до послѣднихъ годовъ XVII вѣка, — такъ думаютъ потому, что съ этихъ годовъ разсказъ теряетъ описательную форму и переходитъ въ хронолической перечень. Начало лѣтописи взято Самовидцемъ вѣроятно

---

[1]) Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I (небольшая книжка; 2-го не было). Кіевъ, 1856.

[2]) У Маркевича упоминается «Лѣтопись Малороссіи», собранная священникомъ кіевскаго флоровскаго монастыря, іеромонахомъ Максимомъ Никифоровичемъ Илиною и доведенная до 1708. Автографъ ея былъ въ рукахъ Маркевича (Исторія Малор. V, стр. 10, 19, 40, 92). Не знаемъ, есть ли это короткая или обширная лѣтопись.

[3]) Въ «Чтеніяхъ» 1846. Бодянскимъ дано и названіе, для отличія отъ другихъ лѣтописей; въ самомъ сочиненіи есть только заглавія частныхъ отдѣловъ, напр. стр. 1: «Лѣтописецъ въ Малой Россіи прежде Хмелницкаго бывшихъ гетмановъ и при нихъ дѣйствія»; стр. 6: «Лѣтописецъ о началѣ войны Хмелницкаго»; стр. 8: «Война самая, року 1648»; стр. 14: «Починается война Збаражская» и т. д. Нынѣ готовится другое изданіе Самовидца Кіевской Археогр. Комиссіей по новооткрытымъ спискамъ.

изъ другой украинской хроники [1]). Другой капитальный трудъ для исторіи козацкихъ войнъ есть лѣтопись Самуила Величка, о которомъ извѣстно лишь, что онъ служилъ въ канцеляріи войска Запорожскаго, а изъ его труда видно, что это былъ горячій патріотъ, для котораго Украина—родная мать: „матка наша Малая Россія" (II, 18, 32, 34, 36), Хмельницкій — Моисей, ниспосланный вывесть Украину изъ польской неволи (I, 31). Величко писалъ не только личныя воспоминанія, но предпринялъ нѣчто въ родѣ ученой исторіи, пользуясь козацкими „кроничками" и другими писателями, домашними и чужими. Лѣтопись его есть драгоцѣнное собраніе историческихъ извѣстій, писемъ и оффиціальныхъ документовъ [2]).

Самуилъ Зорка, которымъ пользовался Величко,—современникъ Хмельницкаго, но трудъ его нынѣ неизвѣстенъ. Родомъ съ Волыни, Зорка былъ сначала въ Запорожскомъ войскѣ „писаремъ" (т.-е., какъ объясняютъ по нынѣшнему, правителемъ дѣлъ при военномъ штабѣ) и въ продолженіе войны съ Поляками „о всѣхъ рѣчахъ и поведеніяхъ совершенно вѣдалъ, и досконально и пространно въ Діаріушѣ своемъ оніе описалъ" [3]). У Велички сохранилось надгробное слово Хмельницкому, которое написалъ Зорка. Далѣе, къ замѣчательнѣйшимъ южнорусскимъ лѣтописямъ принадлежитъ трудъ Григорія Грабянки (ум. 1730), писателя столь же безпристрастнаго и свѣдущаго, какъ Величко, и человѣка ученаго. О біографіи его извѣстно только, что въ 1723 ѣздилъ онъ съ порученіями Полуботка въ Петербургъ, что въ 1729, по ходатайству гетмана Даніила-Апостола, пожалованъ былъ отъ Петра II гадячскимъ полковникомъ. Его историческій разсказъ простирается отъ древнихъ временъ до избранія гетмана Ско-

---

[1]) Въ б—кѣ Моск. Общества Ист. и Древн. есть великорусскій переводъ Самовидца, съ любопытными добавленіями, сдѣланный, вѣроятно, въ прошломъ столѣтіи.

[2]) Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ, составилъ Самоилъ Величко, 1720. Издана Временной Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1848, 1851, 1855, 1864; 4 тома. Заглавіе разсказа о Хмельницкомъ у самого Велички слѣдующее: «Сказаніе о войнѣ козацкой зъ Поляками, чрезъ Зѣновія Богдана Хмелницкого, гетмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтехъ точившойся... Отъ авторовъ: Нѣмецкого—Самуила Пуфендорфія, Козацкого—Самуила Зорки, и Полского—Самуила Твардовского, войну тую въ книзѣ своей, Война Домова названной, вѣршомъ Полскимъ описавшого. Нынѣ же вкратцѣ стилемъ гисторичнимъ и нарѣчіемъ малороссійскимъ справленное и написанное тщаніемъ Самоила Величка, канцеляриста негдись войска Запорожского. Въ селѣ Жукахъ, уѣзду Полтавского. Року 1720». Въ числѣ источниковъ Величка былъ также польскій Діаріушъ Окольскаго. Рукопись Сказанія украшена портретами гетмановъ, отъ Хмельницкаго до Мазепы. Упоминаніе о «кроничкахъ»—въ предисловіи, также III, 13, 516. Но у Величка недостаетъ трехъ важныхъ годовъ 1649—51.

[3]) Величко, I, 54. Зорка сообщаетъ, между прочимъ, важное извѣстіе, что послѣ присяги козаковъ царю Алексѣю на Переяславской радѣ, 1654, московскіе бояре дали отъ имени царя клятвенное обѣщаніе, что онъ будетъ держать Малую Россію подъ своимъ покровительствомъ при ненарушимомъ сохраненіи всѣхъ ея древнихъ правъ, охранять войсками и помогать казною отъ всякихъ непріятельскихъ нападеній. Величко I, 173; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, 3-е изд., 1870, III, 134—135.

ропадскаго, 1709; но главный предметъ опять — времена Хмельницкаго [1]). Какъ видно по самому заглавію книги, Грабянка могъ бесѣдовать съ современниками и сподвижниками знаменитаго гетмана, который является здѣсь идеализированнымъ національнымъ героемъ. Наконецъ, Грабянка уже вводитъ ученыя разсужденія о древней исторіи козаковъ, которыхъ производитъ отъ Козаръ [2]).

Всѣ названные писатели писали обычнымъ языкомъ южнорусскихъ книгъ конца XVII и начала XVIII вѣка, представлявшимъ, въ различныхъ дозахъ, смѣсь церковно-славянскихъ и отчасти польскихъ элементовъ съ чисто народными. Съ XVII вѣка, съ развитіемъ кіевской книжности и учености начинаются и попытки систематическаго изложенія исторіи. Такой опытъ представляетъ „Патерикъ" Сильвестра Коссова (ум. 1657, митрополитомъ кіевскимъ), изданный на польскомъ языкѣ въ Кіевѣ 1635, но въ особенности „Хроника" Ѳеодосія Сафоновича, съ 1665 игумена одного изъ кіевскихъ монастырей. Его хроника до 1290 заимствована изъ Кіевской и Волынской лѣтописи, затѣмъ слѣдуютъ отрывочныя извѣстія о послѣдующихъ русскихъ событіяхъ, наконецъ короткая хроника Польши и Литвы, взятая изъ Стрыйковскаго. Въ подобномъ стилѣ старой лѣтописной компиляціи или хронографа составлена обширная лѣтопись, которую написалъ черниговскій монахъ Леонтій Боболинскій, въ 1699: „Лѣтописецъ, сій естъ Кроника зъ розныхъ авторовъ и гисторыковъ многихъ" и пр. Это нѣчто въ родѣ хронографа, съ сотворенія міра до начала XVII столѣтія, — собраннаго изъ Библіи, латинскихъ, греческихъ и польскихъ историковъ, литовскихъ хроникъ, Нестора, Четь-Минеи и проч. и писаннаго языкомъ очень близкимъ къ народному [3]). Собственно для южнорусской исторіи здѣсь найдется немного; но есть отдѣльныя важныя извѣстія и документы. Языкъ Боболинскаго очень близокъ къ народной рѣчи [4]). Но наиболѣе извѣстнымъ историческимъ произведеніемъ этого времени былъ „Синопсисъ", обыкновенно приписываемый Иннокентію Гизелю (ум. 1684): „Синопсисъ" составленъ по Сафоновичу съ новыми дополненіями; онъ конечно не-

---

[1]) Лѣтопись Григорія Грабянки. Изд. Врем. Комм. Кіевъ 1854. Собственное заглавіе автора: «Дѣйствія презѣльной и отъ начала Поляковъ крвавшой небывалой брани Богдана Хмелницкого, гетмана Запорожского, съ Поляки..., зъ розних лѣтописцовъ и изъ діаріуша, на той войнѣ писанного, въ градѣ Гадячу трудомъ Григорія Грябянки собранная и самобитнихъ старожиловъ свѣдительстви утвержденная. Року 1710». Ср. Костомарова, Б. Хмельницкій, 3-е изд. I, стр. V, № 22 (?).

[2]) Со времени гетманства Брюховецкаго, Грабянка очень сходенъ съ Самовидцемъ, такъ что трудно рѣшить, кто у кого заимствовалъ.

[3]) Извлеченія изданы при Лѣтописи Грабянки, стр. 273—327.

[4]) Здѣсь же находится «Короткое собраніе Кроники Литовской»: это—та «Литовская Хроника» неизвѣстнаго автора XVI—XVII в., которая издана Нарбуттомъ въ Pomniki do dziejów litewskich, Wiln. 1846. Боболинскій внесъ ее съ небольшими дополненіями, и измѣнивъ отчасти языкъ.

удовлетворителенъ какъ исторія; но чѣмъ была книга въ свое время, видно изъ того, что „Синопсисъ" надолго остался учебникомъ русской исторіи, и не былъ совсѣмъ удаленъ даже книгами Ломоносова. Первое изданіе его явилось въ 1674, послѣднее въ 1836 году [1]).

Не станемъ перечислять другихъ памятниковъ южнорусской исторіи, отчасти изданныхъ, отчасти остающихся въ рукописи и гдѣ главный пунктъ составляетъ опять эпоха Хмельницкаго [2]). О болѣе позднихъ трудахъ XVIII вѣка упомянемъ далѣе.

Наконецъ, южнорусская литература представила и свою книжную поэзію. Какъ вообще эта литература, возникая изъ собственной потребности образованія, ближайшій примѣръ имѣла въ латино-польской литературѣ, такъ послѣдняя дала образцы и въ стихотворствѣ. Въ тѣ вѣка, въ школѣ еще сильно было господство кухонной латыни и латинскаго стихотворства; къ латинскимъ образцамъ присоединялись польскіе, и не удивительно, что у книжниковъ Западной и Южной Руси распространились и латынь и плетеніе „виршей" (versus) въ польской формѣ силлабическаго стиха, совсѣмъ не свойственной русскому языку, да тяжелой и въ самомъ польскомъ. При основаніи школъ, писаніе виршей стало еще обильнѣе, потому что вошло въ правило, въ курсъ преподаванія. Рѣдкая книга обходилась безъ стихотворнаго посвященія, надписи къ гербу; стихи писались по всевозможнымъ торжественнымъ случаямъ. Въ XVII — XVIII стол. школьники писали стихи на праздники, особливо на рождество и пѣли ихъ по домамъ богатыхъ и достаточныхъ людей, за что получали подарки, или передъ народомъ. Старѣйшія извѣстныя „вирши", кажется, не идутъ далѣе конца XVI вѣка; въ XVII встрѣчаемъ уже отдѣльныя изданія стиховъ, какъ „Вѣршѣ" на Рождество Христово (Львовъ, 1616); „Вѣршѣ" Кассіана Саковича (Кіевъ, 1622) на погребеніе гетмана Сагайдачнаго, посвященныя „Войску Запорожскому" [3]); „Евхаристиріонъ, албо вдячность", сборникъ благодарственныхъ стихотвореній, поднесенныхъ учениками Кіевской коллегіи Петру Могилѣ (Кіевъ 1632) и т. д. Половина книгъ Кирилла Транквилліона „Перло Многоцѣнное" (Черниговъ, 1646) состоитъ изъ стихотвореній въ похвалу Троицы, Богородицы, ангеловъ, святыхъ и пр. Писатели виршей отозвались и на событія козацкихъ войнъ; нѣсколько пьесъ издано было въ послѣднее время по старымъ текстамъ [4]). Но гораздо больше разрослось виршеписаніе чисто реторическое и ремесленное.

---

[1]) Пекарскій, Наука и Литер. I, 317.

[2]) Они отчасти перечислены у Костомарова, Богд. Хмельн. I, стр. III—XIII.

[3]) Эти вирши повторены въ изданіи «Историч. Пѣсенъ Малорусскаго народа», Антоновича и Драгоманова, Т. II, вып. 1, стр. 127—135.

[4]) См. Костомарова, Богд. Хмельницкій, т. III, и «Историч. Пѣсни», II, 1, стр. 135—144.

Изъ многихъ примѣровъ приведемъ одинъ: упомянутый выше Іоаннъ Максимовичъ написалъ стихотвореніе „Богородице, дѣво радуйся", въ которомъ было до 25.000 силлабическихъ стиховъ. Такимъ образомъ до Геркулесовыхъ столбовъ было дойдено. Послѣдняя судьба виршей была та, что онѣ еще долго оставались обычаемъ бурсы, а иные стали достояніемъ народныхъ пѣвцовъ, вошедши въ число народныхъ духовныхъ стиховъ и кантовъ [1]). Но прежде чѣмъ забыться совсѣмъ, силлабическіе стихи вошли и въ русскую литературу, были поэтической формой Кантемира, а слово „вирши" осталось въ языкѣ какъ обозначеніе плохаго и грубаго стихоплетства.

Изъ того же латино-польскаго источника южнорусскіе книжники переняли духовную драму или *мистерію*. Элементарной формой ея были вертепныя представленія, съ куклами, причемъ или говорились рѣчи отъ лица отдѣльныхъ фигуръ, или читались вирши; любимыми тэмами вертепныхъ представленій были Поклоненіе волхвовъ, Бѣгство въ Египетъ, Смерть Ирода и т. п. Сначала пьесы строго держались своей тэмы, но потомъ въ нихъ проникъ бытовой и комическій элементъ. Одну вертепную драму такого рода, съ комическими сценами изъ народныхъ нравовъ, на церковно-славянскомъ и южнорусскомъ языкѣ, относятъ ко временамъ гетманства Сагайдачнаго [2]).

Духовная драма принята была вмѣстѣ съ книжно-схоластическимъ стилемъ литературы и оставалась спеціальной принадлежностью школы; преподаватели реторики и піитики должны были ежегодно написать драматическую пьесу, которая и представлялась во время лѣтнихъ рекреацій. Вмѣстѣ съ схоластической наукой, мистерія перешла въ Москву. Въ числѣ первыхъ мистерій южнорусскаго происхожденія, представленныхъ въ Москвѣ, считаются: „Алексѣй, человѣкъ Божій"— передача извѣстной легенды; „Іосифъ, сынъ Израилевъ"; „Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ". Два писателя, которые были тогда посредниками между Южной Русью и Москвой, были также и авторами мистерій: Симеонъ Полоцкій написалъ двѣ пьесы — „о блудномъ сынѣ" и „о Навуходоносорѣ и о тріехъ отрокахъ, въ пещи сожженныхъ"; Димитрій Ростовскій, который вообще сохранилъ въ своей дѣятельности много южнорусскаго, и напр., свой „Діарій" или дневникъ писалъ на южнорусскомъ языкѣ, написалъ цѣлый рядъ пьесъ: „Грѣшникъ кающійся", „Эсѳирь и Агасферъ", „Рождество Христово" и пр. [3]).

---

[1]) См. большое число ихъ у Безсонова, Калѣки перехожіе.

[2]) Она издана Н. Маркевичемъ: Обычаи и повѣрья Малороссіянъ. Кіевъ. 1860.

[3]) О духовной драмѣ см. вообще: «Древн. Росс. Вивліоѳику», Новикова, ч. VIII (драмы Полоцкаго); Пекарскаго. Наука и Литер.. т. I; Тихонравова, Лѣтописи рус. литер. и древности, т. III—V. Тихонравовымъ приготовлено цѣлое изданіе старинныхъ пьесъ. выходъ котораго ожидается.

Одна изъ любопытнѣйшихъ пьесъ старой южнорусской драмы есть: „Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго и пр. свободившая", которая была представлена „въ школахъ кіевскихъ въ 1728 г." [1]). Пьеса приписывается обыкновенно Ѳеофану Прокоповичу, но, можетъ быть, вовсе ему не принадлежитъ. Извѣстны еще драмы въ родѣ мистерій Варлаама Лящевскаго, Георгія Конисскаго и пр.

Но наиболѣе живую часть старой драмы составляютъ такъ называемыя „интерлюдіи" или интермедіи, пьесы, которыя давались вмѣстѣ съ мистеріями и служили для отдыха и развлеченія зрителей. Интерлюдіи не представляютъ цѣльныхъ пьесъ; это—рядъ сценъ и разговоровъ, связанныхъ не сюжетомъ, а только комическою цѣлью. Насколько мистерія своимъ церковнымъ сюжетомъ была вынуждена оставаться отвлеченно-книжной и бытовыя черты проникали въ нее лишь нѣсколькими случайными подробностями, настолько интерлюдія была открыта для бытовыхъ изображеній. До сихъ поръ издано или указано еще немного такихъ произведеній. Комическія лица взяты изъ народной жизни, русской и малорусской: раскольникъ, подъячій, пономарь, гаеръ, молодки, цыганъ, жидъ; одни лица говорятъ по-русски, другія по-украински; прибавляется и польскій шляхтичъ,—какъ напр., въ указанной выше вертепной драмѣ, изданной Маркевичемъ.

Обязанность поставлять пьесы для представленій, какъ замѣчено выше, лежала на учителяхъ піитики и реторики. Одинъ изъ такихъ учителей, Довгалевскій, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, написалъ нѣсколько пьесъ, гдѣ опять встрѣчаются Русскіе, Поляки, Украинцы; типы нарисованы грубо, но съ желаніемъ передавать дѣйствительность; козакъ поетъ пѣсню, безъ правильнаго размѣра, но съ нѣкоторыми слѣдами народныхъ мотивовъ [2]).

Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія еще продолжалось литературное развитіе, ясныя начала котораго лежатъ въ XVI вѣкѣ и даже раньше. Присоединеніе къ Москвѣ было и выгодно и невыгодно для южнорусскаго развитія, и въ литературномъ, какъ въ политическомъ смыслѣ: малорусскія силы стали дѣйствовать въ средѣ цѣлаго племени, которому несомнѣнно принесли много важной пользы; для *государства*, въ цѣломъ, открывалась болѣе широкая историческая перспектива, но мѣстная народность стала въ пассивное положеніе и понесла различный ущербъ, отчасти неизбѣжный, отчасти напрасный. Здѣсь не мѣсто опредѣлять политическія отношенія при-

---

[1]) Издана Максимовичемъ въ «Чтеніяхъ» и перепечатана при «Истор. Пѣсняхъ».

[2]) Тихонравовъ, Лѣтописи, III—V; Пекарскій, Наука и Литер., т. I; Труды Кіевской Акад. 1865, кн. 2.

соединенной Малороссіи, и мы коснемся ихъ лишь насколько они имѣли связь съ національно-литературнымъ движеніемъ.

Присоединеніе Малороссіи 1654 г. освободило отъ польскаго господства только одну часть Южной Руси; заднѣпровская и сѣверо-западная Русь надолго еще остались подъ властью польскаго панства и католичества; мало того, даже по раздѣлѣ Польши, русская народность присоединенныхъ тогда областей не получила признанія и была закрѣплена за прежними властителями; въ Галиціи она и совсѣмъ была заброшена подъ властью Польши и Австріи. Это могло быть необходимостью, вызванной историческими обстоятельствами; но уже вскорѣ послѣ присоединенія открылось различіе во взглядѣ на національный южнорусскій вопросъ между московскимъ правительствомъ и гетманствомъ. Москва, по своимъ видамъ, не настаивала на томъ стремленіи, какое было у Южноруссовъ возвратить и другія земли, которыя еще оставались подъ Польшей. Съ политическимъ раздѣленіемъ южнорусская умственная жизнь, представлявшая столько любопытныхъ зародышей, раздвоилась и въ одномъ смыслѣ упала. Малорусскія силы болѣе и болѣе сливались съ русскими и, оказавши здѣсь большія услуги, съ XVII вѣка и до половины XVIII, для общерусскаго образованія, все менѣе служили непосредственнымъ преданіямъ своего края; западный край и Галиція была лишены (все въ бо́льшей степени) той главной опоры, какою съ начала XVII вѣка представлялся для нихъ именно Кіевъ. Дѣйствіе русской, московской и петербургской централизаціи, отозвалось извѣстнымъ стѣснительнымъ образомъ на внутреннемъ бытѣ Малороссіи и должно было не совсѣмъ выгодно отразиться и на литературной жизни: прежняя эпоха, при всемъ произволѣ польскаго господства, оставляла мѣсто для самодѣятельности общества и народа; въ русской жизни эта самодѣятельность издавна была стѣснена и въ XVIII вѣкѣ подавлена еще болѣе, и это отражалось на мѣстной народности.

Съ другой стороны, противъ южнорусской исторіи и образованности выставляются разнообразныя обвиненія: по мнѣнію польскихъ историковъ народное движеніе XVI — XVII вѣковъ было только дикимъ бунтомъ хлоповъ противъ власти и порядка; нѣкоторымъ изъ историковъ русскихъ, въ томъ числѣ и важнѣйшихъ, козацкія войны (главнымъ образомъ, отъ участія козаковъ въ польскомъ нашествіи временъ междуцарствія) представлялись почти въ подобномъ родѣ, и козаки являются „искателями зипуновъ“; филологамъ южнорусскій языкъ казался „польско-русскимъ“ т.-е. неорганической мѣшаниной; южнорусская образованность кіевскихъ школъ — запоздалой схоластикой, гнетъ которой долго лежалъ на русской литературѣ: южнорусскіе ученые наполнили нашъ языкъ полонизмами; эта образованность слу-

жила духовенству и шляхетству, не вышла изъ потребностей народа, а потому „не могла развиться до самостоятельности и почти исчезла безъ слѣда“ и т. д. [1]).

Не будемъ говорить о польскихъ историкахъ, которые руководились слишкомъ явнымъ національнымъ пристрастіемъ; довольно замѣтить, что польскіе писатели болѣе критической школы уже начинаютъ сами смотрѣть на прошедшее Польши иными глазами. Далѣе, исторія не можетъ оправдать козацкихъ набѣговъ на единоплеменное московское государство; но нельзя отождествлять козацкія шайки временъ междуцарствія съ южнорусскимъ народомъ. Обвиненія противъ южнорусской образованности не менѣе странны: нѣтъ спора, что кіевская ученость запоздала для второй половины XVIII вѣка, но чтобъ оцѣнить ее вѣрно, надо вспомнить ея историческое начало, а здѣсь, какъ выше указано, она была напротивъ чрезвычайно замѣчательнымъ фактомъ, тѣмъ болѣе заслуживающимъ признанія, что возникла именно инщіативой общества, подъ давленіемъ чужого политическаго и религіознаго господства. Опредѣляя ея отношеніе къ русской жизни и просвѣщенію, надо брать не конецъ, а начало и цвѣтущую эпоху, а въ то время западная Русь и Кіевъ были неоспоримо выше Москвы: невѣжество, въ Москвѣ господствовавшее, отсутствіе училищъ поражали всякаго свѣжаго человѣка [2]); для основныхъ потребностей церкви, какъ полемика съ католицизмомъ, какъ установленіе догматики, работали гораздо больше въ несвободномъ Кіевѣ, чѣмъ въ свободной Москвѣ; Москва не понимала кіевской учености и заподозривала ее; самого Никона винили въ латинствѣ за его расположеніе къ кіевскимъ ученымъ; Москва представляла себя хранительницей вѣры, и однако въ концѣ концовъ заимствовалась у тѣхъ же кіевскихъ ученыхъ. Кіевская схоластика, силлабическіе стихи, реторика были устарѣлы въ XVIII вѣкѣ, но были первымъ шагомъ для усвоенія европейскихъ, болѣе живыхъ литературныхъ формъ. Притомъ, схоластика имѣла свои спеціальныя церковно-школьныя цѣли; силлабическими стихами писалъ Кантемиръ; схоластическую реторику при-

---

[1]) Объ этихъ предметахъ велась цѣлая полемика между Костомаровымъ и Падалицей, въ 1861. См. также Соловьева, Ист. Россіи XIII, 49, 228 и слѣд.; Пекарскаго, Представители Кіевской учености, Отеч. Зап. 1862, 4, 390 — 391 и др. Ср. Филологич. Записки 1869, вып. II—III, 42—43. О новѣйшихъ взглядахъ г. Кулиша упомянуто далѣе.

[2]) Фактъ такъ извѣстенъ, что излишне собирать свидѣтельства; припомнимъ лишь нѣкоторыя; напр., слова Паисія Лигарида, который пораженъ былъ въ Москвѣ отсутствіемъ училищъ; слова Димитрія Ростовскаго, что тамъ «небрежено сѣяніе, вельми оставися слово божіе», т.-е. разумное церковное ученіе, при всей крайней ревности къ обрядовому благочестію; жалобы Посошкова на пресвитеровъ, которые «не только отъ лютеранской или римской ереси, но и отъ самаго дурацкаго раскола не знаютъ оправити себя»; извѣстныя свидѣтельства Котошихина; разсказы серьёзныхъ иноземцевъ, какъ Флетчеръ, Олеарій и т. д. и т. д.

знавалъ еще Ломоносовъ. Въ ряду замѣчательнѣйшихъ сотрудниковъ Петра былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ самыхъ характерныхъ представителей кіевской учености... Если схоластика слишкомъ долго сохраняла свое вліяніе, то вина этого, какъ мы уже замѣчали, лежитъ не на Кіевѣ, а на слабой заботѣ государства о болѣе свѣжемъ образованіи; не вина стараго Кіева, что академія наукъ дѣйствовала въ слишкомъ тѣсномъ кругѣ, что первый университетъ надумали устроить только въ 1755, и т. д. Замѣчаніе, что южнорусская литература не могла развиться до самостоятельности отъ собственнаго безсилія и оттого, что не была дѣломъ народной потребности, очень произвольно: южнорусская литература, напротивъ, именно вышла изъ потребностей самого общества, выразившихся въ „братствахъ"; она развилась очень сильно и вовсе не изчезла безъ слѣда, а своей учено-церковной долей перелилась въ русскую литературу въ *общерусскомъ* интересѣ, и это составляетъ ея историческое право и заслугу, а не недостатокъ.

Въ такомъ отношеніи являлась южнорусская литература къ собственно-русской, московской литературѣ. Что при этомъ терялись специфическія южно-русскія черты, это объясняется очень просто. Это все-таки не было два разныхъ языка. Какъ ни различно образовывались двѣ отрасли русскаго корня, въ церковно-литературномъ употребленіи и въ Московской Руси, и на „Литвѣ", и въ Южной Руси, хранилась церковно-славянская традиція: какъ въ Московской Руси литературный языкъ церковныхъ книжниковъ былъ старо-славянскій съ великорусскимъ оттѣнкомъ, такъ на Литвѣ и въ Южной Руси тотъ же старославянскій являлся съ оттѣнками бѣлорусскимъ и южнорусскимъ. Участіе мѣстнаго элемента въ литературномъ языкѣ, тамъ и здѣсь, было очень различно: въ книгахъ церковныхъ былъ наибольшій процентъ церковно-славянскаго языка, такъ что многія произведенія южнорусскія (постановленія соборовъ, посланія о церковныхъ дѣлахъ, богословскія сочиненія и т. п.) нерѣдко почти совершенно свободны отъ элементовъ мѣстнаго языка; послѣдній напротивъ является преобладающимъ въ дѣловыхъ актахъ, политическихъ письмахъ, историческихъ сочиненіяхъ и т. д. При сліяніи литературы южнорусской съ великорусскою, ихъ общій интересъ заключался именно въ книгахъ учено-церковныхъ, и они сошлись—вовсе не на великорусскомъ языкѣ, а на условномъ церковно-славянскомъ, а въ богословскихъ сочиненіяхъ даже на латыни. Языкъ первыхъ силлабическихъ виршей, появившихся и въ Россіи, былъ такой же средній и условный. Первыя начала повѣствовательной литературы русской были сдѣланы чрезъ посредство западныхъ и южныхъ книжниковъ... Но государственное значеніе великорусскаго языка, съ конца XVII в. все больше и больше устра-

няло малорусскій языкъ изъ оффиціальной жизни, изъ управленія, быта высшихъ классовъ, наконецъ изъ письменности и книги — установилась цензура, принимались мѣры противъ „особаго нарѣчія“ и т. д. [1]).

Въ теченіе XVIII вѣка Малороссія подъ русскимъ государственнымъ вліяніемъ все болѣе теряла черты своего особеннаго общественнаго быта, какихъ имѣла много въ эпоху присоединенія; упраздненіе гетманства уничтожило послѣднюю тѣнь ея автономическаго устройства; введеніе (или сильное распространеніе) крѣпостного права при Екатеринѣ II уравняло малорусскій народъ съ безправнымъ положеніемъ русскаго крестьянства. Съ тѣхъ поръ Малороссіи оставалось все больше превращаться въ русскую провинцію, терять народную старину и принимать русскіе нравы, языкъ, образованіе и наконецъ литературу. Высшіе классы и принимали ихъ. Съ XVIII вѣка Малороссія дала русской литературѣ много писателей, сначала особенно духовныхъ, потомъ и свѣтскихъ; малорусскій языкъ дѣлался мѣстнымъ нарѣчіемъ; правда, онъ еще жилъ, не говоря о народѣ, и въ мелкомъ и среднемъ панствѣ, но ему повидимому уже не предстояло будущаго. Для образованныхъ людей болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ—томъ, на которомъ говорило правительство, администрація, образованное русское общество, русская литература,—которому принадлежала единственная литературная публика: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный работали вполнѣ для русской литературы. Одинъ изъ сильнѣйшихъ русскихъ писателей, Южноруссъ Гоголь, по широтѣ своихъ поэтическихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ — языкъ родины не давалъ ему достаточнаго поприща.

Казалось, малорусское нарѣчіе теряло всякую будущность. Но въ эпоху славянскихъ возрожденій, съ конца прошлаго вѣка, и для него открылась новая пора развитія.

Когда въ эту эпоху возникла первая попытка малорусскаго нарѣчія войти въ литературу, различіе между нимъ и господствовавшимъ въ книгѣ русскимъ языкомъ была уже такъ велика, что единство представлялось невозможнымъ: для него требовалась особая литература. Въ нашей литературѣ этотъ фактъ сначала мало обратилъ на себя вниманія, потомъ возбудилъ различныя недоумѣнія, — откуда взялось это нарѣчіе, и гдѣ его право? Мы видѣли выше, какъ исторически развивалась разница русскихъ нарѣчій, первые признаки которой замѣчаютъ еще въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ; въ періодъ

1) Ср. синодальный указъ 1721 г. (слѣд. вскорѣ же по учрежденіи Синода), у Пекарскаго, II, 670.

отдѣльной жизни южнорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII вѣкахъ, она была уже значительна, но когда, съ XVII вѣка, кіевская книжность сливалась съ великорусской, онѣ сходились на нейтральной почвѣ церковно-славянскаго языка. Между тѣмъ, нить литературнаго развитія южнорусскаго языка въ домашнихъ произведеніяхъ не прерывалась, его давнія особенности продолжали развиваться, и когда новыя литературныя попытки начались именно на чисто-народномъ языкѣ, его отдаленіе отъ великорусскаго должно было тѣмъ больше броситься въ глаза, что въ само́мъ великорусскомъ литературномъ языкѣ со временъ Ломоносова шло постоянное стремленіе освободиться отъ церковно-славянскихъ примѣсей и основаться на чисто́-народномъ. Такимъ образомъ къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ, когда русскій литературный языкъ сталъ окончательно и спеціально великорусскимъ, появленіе южнорусскаго чистаго языка было встрѣчено съ недоумѣніемъ. Филологи стараго склада, какъ Гречъ, утверждали просто, что „малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ юго-западной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ“ [1]). Позднѣе, Погодинъ, въ спорѣ съ Максимовичемъ, совершенно отвергалъ присутствіе малорусскаго племени на югѣ въ періодъ до-татарскій, и Кіевлянъ называлъ Великоруссами. Наконецъ, вопросъ поставленъ былъ научнымъ образомъ: Шафарикъ категорически заявилъ, что въ южнорусскомъ нарѣчіи мы имѣемъ дѣло съ такимъ же самобытнымъ нарѣчіемъ, какъ другія главнѣйшія славянскія нарѣчія, и послѣдующія изысканія компетентныхъ филологовъ, какъ Миклошичъ, Лавровскій, Потебня, Житецкій вывели вопросъ изъ произвольныхъ толкованій къ его дѣйствительному фактическому значенію.

Въ послѣднія десятилѣтія, когда южнорусскіе литературные интересы особенно выросли, поднятъ былъ вопросъ о самомъ правѣ существованія малорусской литературы. Она встрѣтила ожесточенныхъ противниковъ, которые, называя южнорусскій языкъ мѣстнымъ провинціализмомъ, литературное развитіе его находили не только безполезнымъ, но вреднымъ; отвергали его какъ насильственное стараніе создать литературу, въ которой народъ не чувствовалъ надобности, и видѣли въ этомъ стремленіе къ розни, „сепаратизмъ“, не безопасный и въ политическомъ отношеніи... Защитники, указывая на отдѣльность южнорусской народности, которая есть фактъ, доказывали ея право и съ общей точки зрѣнія, и въ смыслѣ практической необхо-

[1]) Опытъ исторіи русск. литер. Спб. 1822, стр. 12. Объ этомъ Бодянскій, въ Учен. Зап. Моск. Унив. 1835, ч. IX; Житецкій, Очеркъ звук. исторіи, 4. Польскіе писатели настаивали именно на томъ, что южнорусскій языкъ есть областной польскій.

димости—такъ какъ отдѣльная народность имѣетъ нравственное право и потребность развивать свои особенности, и съ другой стороны русскій языкъ въ книгѣ пока еще непонятенъ для огромной массы южнорусскаго народа. Доказательство усиливалось тѣмъ особымъ обстоятельствомъ, что наша южнорусская литература могла бы и должна бы служить еще для нѣсколькихъ милліоновъ того же самаго племени, живущихъ въ Австріи — въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи и еще менѣе понимающихъ великорусскій книжный языкъ; для нихъ упраздненіе нашей малорусской литературы было бы прямымъ вредомъ ихъ національному дѣлу.

Чтобы вѣрно понять этотъ споръ, надо обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое однако оставалось обыкновенно не замѣченнымъ. Развитіе южнорусской литературы есть только часть цѣлаго обширнаго факта, не признать котораго нѣтъ возможности — именно факта славянскаго возрожденія, смыслъ котораго есть инстинктивное влеченіе массъ и благородное стремленіе ихъ лучшихъ представителей развить и выразить внутреннія народныя силы, въ той формѣ, какая дана ихъ происхожденіемъ и исторіей, въ формѣ народной. Для цѣлаго ряда славянскихъ племенъ, пробужденіе народнаго чувства было спасеніемъ ихъ національности и основаніемъ ихъ новаго развитія; сущность этого движенія есть въ высшей степени человѣчное и человѣколюбивое стремленіе — возвысить нравственное сознаніе народовъ, открыть для нихъ возможность умственной жизни, доселѣ крайне ограниченной [1]).

Историческое изученіе южнорусской литературы должно убѣдить безпристрастнаго наблюдателя, что она должна быть разсматриваема именно съ этой общей точки зрѣнія.

Въ теченіе XVIII-го вѣка происходилъ тотъ процессъ сліянія южнорусской образованности съ общерусской, о которомъ выше говорено: лучшія силы южной Руси, кіевскіе воспитанники, занимали высокія мѣста въ церковной и чиновной іерархіи [2]), и когда трудъ ихъ шелъ на служеніе общегосударственному дѣлу, естественно, что мѣстные элементы должны были терять, тѣмъ болѣе, что государство стремилось къ большей и большей централизаціи. Но народъ не только не могъ

---

[1]) Указываемъ, среди изложенія, на этотъ предметъ, потому что онъ составлялъ и составляетъ въ послѣднія десятилѣтія основной пунктъ, на которомъ сосредоточиваются интересы южнорусской литературы и съ которымъ фактически связана ея судьба. Обстоятельство, на которое противъ нея опираются и ея русскіе противники, и нѣкоторые изъ западно-славянскихъ ученыхъ, состоитъ въ томъ, что южнорусская литература стоитъ въ сосѣдствѣ сильной русской литературы, которая-де обезпечиваетъ національный интересъ: но внутреннія отношенія русской литературы, къ сожалѣнію, еще не даютъ полнаго основанія къ такому соображенію.

[2]) Первыхъ мы уже называли; изъ вторыхъ назовемъ Завадовскаго, Безбородку, Трощинскаго.

слиться съ великорусскимъ въ такое короткое время, но и доселѣ кажется нельзя замѣтить подобной тенденціи: рядомъ, два населенія остаются отдѣленными не только языкомъ, но нравами, обычаями, всѣмъ характеромъ. Въ прошломъ вѣкѣ два народныхъ характера держались еще болѣе особнякомъ; въ мелкомъ и среднемъ дворянствѣ еще хранились преданія, любовь къ своему быту, свой малорусскій патріотизмъ; малорусскій языкъ держался даже у высокопоставленныхъ Малоруссовъ, которые попадали въ среду русско-французской аристократіи прошлаго вѣка. Разумовскіе, Безбородко, Завадовскій, Трощинскій сберегали теплое чувство къ обычаямъ и языку родины.

Малорусская литература, при всемъ наплывѣ великорусскихъ порядковъ и языка, въ теченіи XVIII вѣка представляетъ однако нѣсколько произведеній, которыя ходили въ свое время въ рукописяхъ, въ тѣхъ скромныхъ кругахъ, гдѣ не было большихъ литературныхъ затѣй, но хотѣлось слышать родной языкъ. Здѣсь ходили вертепныя драмы, слушались пѣсни и думы, наконецъ читались и тѣ тяжеловатыя силлабическія вирши, въ которыхъ было все-таки своенародное содержаніе и языкъ. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ проявленій своенароднаго интереса было распространеніе историческихъ трудовъ. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ выше историческихъ книгъ писались еще въ началѣ XVIII вѣка, и книги находили продолжателей, которые дополняли ихъ позднѣйшими фактами. Такъ, козацкія „кронички“ доводились до конца XVIII столѣтія. Послѣ Димитрія Ростовскаго, писавшаго по-малорусски свои ежедневныя записки, послѣ лѣтописи Грабянки и пр., не прерывается рядъ историческихъ сочиненій, иногда впрочемъ уже и на русскомъ (или смѣшанномъ) языкѣ, посвященныхъ спеціально Малороссіи. Яковъ Андр. Марковичъ, ученикъ кіевской академіи и близкій къ Ѳеофану Прокоповичу, ведетъ свои записки, 1718 — 1768, заключающія много любопытныхъ подробностей о переходной порѣ южнорусской исторіи [1]). Къ 1722 относится „Діаріушъ“ или журналъ Николая Ханенка, старшаго канцеляриста войсковой канцеляріи. Потомокъ Запорожца и принадлежа къ роду, занимавшему важныя мѣста въ козацкомъ войскѣ, Ханенко учился въ кіевской академіи, былъ при гетманѣ Скоропадскомъ старшимъ канцеляристомъ, вмѣстѣ съ генеральной старшиной былъ въ Петербургѣ, потомъ былъ наказнымъ полковникомъ, участвовалъ въ войнахъ и былъ предпослѣднимъ генеральнымъ хорунжимъ [2]). Авторомъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ по исторіи Малороссіи былъ Петръ Ив. Симоновскій (ум. 1809, почти ста лѣтъ отъ

[1]) Дневныя записки Якова Марковича. М. 1859, съ портретами Марковича и его жены въ народныхъ костюмахъ.

[2]) Чтенія Моск. Общ. 1847, I; 1858, I, Смѣсь.

роду): онъ учился въ кіевской академіи, потомъ въ Варшавѣ, гдѣ самъ былъ учителемъ, потомъ, путешествуя за границей съ дѣтьми малороссійскаго генеральнаго подскарбія Гудовича, слушалъ лекціи въ Кёнигсбергѣ, Галле, Лейпцигѣ и пр., и вернувшись, составилъ свое „Описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ" [1]). Разсказъ (уже на русскомъ языкѣ, съ церковными архаизмами) доведенъ только до пріѣзда гетмана Разумовскаго въ Глуховъ, въ 1751; послѣдующаго времени онъ не хотѣлъ описывать, такъ какъ, судя по его послѣднимъ словамъ, тому времени не сочувствовалъ [2]). Не менѣе важны труды объукраинившагося иностранца, Александра Ив. Ригельмана. Закинутый судьбой въ Малороссію, онъ такъ полюбилъ новую родину и такъ много работалъ для нея, что его нѣмецкое имя стоитъ въ ряду лучшихъ малороссійскихъ патріотовъ. „Такое чудное и единственное въ своемъ родѣ общество (какъ украинское)—говоритъ Бодянскій — не могло не поразить юнаго, любознательнаго и просвѣщеннаго инженера. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, обличаютъ человѣка, хорошо сжившагося съ тѣми, кого описываетъ, и описываетъ въ высшей степени достовѣрно, подробно и безпристрастно". Ему принадлежитъ нѣсколько историческихъ сочиненій: „Лѣтописное повѣствованіе", начатое въ 1777 и потомъ дополненное до четырехъ томовъ; „Исторія о донскихъ козакахъ", 1778, и др.; важно въ особенности первое [3]). Ригельманъ много воспользовался Самовидцемъ и Грабянкой, и изъ послѣдняго многія мѣста взялъ цѣликомъ. Упомянемъ далѣе записки Чепы, географическіе и историческіе труды Шафонскаго, наконецъ знаменитаго архіепископа Бѣлорусскаго Георгія Конисскаго (1717 — 1795), ревностнаго защитника религіозныхъ и гражданскихъ правъ западнорусскаго народа, работавшаго и для его исторіи: но замѣчательнѣйшій трудъ, который считали его славой, „Исторія Руссовъ", по всѣмъ вѣроятіямъ ему не принадлежитъ, о чемъ скажемъ далѣе.

Перечисленные труды, часто исполненные весьма разумно и съ

---

[1]) Подробное заглавіе: «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и военныхъ его дѣлахъ, собранное изъ разныхъ исторій иностранныхъ, нѣмецкой— Бишенга, латинской—Безольди, французской—Шевалье, и рукописей русскихъ, чрезъ бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго, 1765 года». М. 1847 (изъ «Чтеній», 1847, № 2, IV не нумер. стр. и 159).

[2]) «Сколь ни великолѣпное и славное сего гетмана (Разумовскаго) какъ избраніе, такъ и вступленіе его на правленіе, а сверхъ сего и содержаніе всего напротивъ протчихъ гетмановъ дому чрезъ всю бытность его было, что иныхъ ко удивленію, а другихъ въ зависть приводило, столь окончаніе онаго гетманскаго уряду Малой Россіи неполезное; но о семъ, такъ какъ и о всемъ житіи его и правленіи, оставляю потомнымъ вѣкомъ описаніе».

[3]) Оно издано Бодянскимъ: «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ и козакахъ вообще и пр., собрано и составлено чрезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1785—86 года». М. 1847 (изъ «Чтеній» 1847, кн. 5—9), съ 28 изображеніями Малороссіянъ разныхъ сословій въ народныхъ одеждахъ, и двумя картами.

большимъ знаніемъ, указываютъ, что въ малорусскомъ обществѣ живо сохранялось чувство своей особности. Чисто литературныхъ произведеній за это время извѣстно мало.

Таковъ былъ въ началѣ XVIII вѣка Климентій Зѣновіевъ, повидимому, не совсѣмъ доученый и не совсѣмъ монастырски строгій іеромонахъ временъ Мазепы. Рукопись его сочиненій, найденная не такъ давно, представляетъ большой сборникъ силлабическихъ виршей во вкусѣ XVII вѣка. Климентій начинаетъ философскими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ божіихъ, о смерти, затѣмъ пускается въ изображеніе и обличеніе дѣйствительной жизни, говоритъ о бытѣ разныхъ классовъ общества, монастыряхъ и церквахъ, о писаніи и письменныхъ людяхъ, наконецъ даже „о дѣвицахъ, дѣти рождающихъ" и т. д. Такимъ образомъ, по содержанію, стихотворенія Климентія представляютъ пожалуй не безъинтересный матеріалъ о малороссійской жизни того времени: это былъ человѣкъ бывалый и много видѣвшій, но его точка зрѣнія очень не высока, вообще это поклонникъ господствующаго сословія, и противъ него не осмѣливается направить своей сатиры. Въ поэтическомъ отношеніи стихотворенія Климентія ничтожны; это сборъ сухихъ школьныхъ описаній съ нравоучительными сентенціями. Малорусскій языкъ его изуродованъ силлабическимъ стихомъ и примѣсью польскаго и церковнославянскаго [1]). Такъ какъ до сихъ поръ нашлась только одна рукопись этихъ стихотвореній, то можно думать, что Климентій и не заинтересовалъ ими своихъ соотечественниковъ. Но въ стихотвореніяхъ Климентія довольно наглядно отражается однако внутреннее состояніе Малороссіи въ первое время по присоединеніи. Народъ, освободившій родину, остался въ рабствѣ у высшаго сословія, которое думало только о собственномъ интересѣ. Малороссія теряла окончательно мѣстную автономію и въ управленіи, и въ общественности, и русскіе обычаи, языкъ, образованіе и литература замѣняли мало по-малу малороссійскую старину, сначала въ высшихъ классахъ, а за ними и въ другихъ сословіяхъ. Отличительныя черты племеннаго характера хранились только въ собственномъ народѣ, т.-е. низшемъ классѣ, но онъ не имѣлъ голоса въ общественной и оффиціальной жизни, и вмѣстѣ съ нимъ малорусскій элементъ по необходимости становился на заднемъ планѣ. Простой народъ, презираемый во времена польскаго владычества, и теперь въ сущности стоялъ на той же ступени общественнаго права. Общество отдѣлилось отъ народа и смотрѣло на него какъ на что-то чужое и низшее, хотя само не далеко ушло въ образованіи и не понимало своего народно-общественнаго положенія.

---

[1]) Обширные отрывки изъ его книги приведены въ статьяхъ г. Кулиша, Русск. Бесѣда, 1859, и Основа, 1861, январь.

Этимъ объясняется, почему въ этомъ обществѣ могъ играть замѣтную роль и даже получить историческое значеніе такой странный человѣкъ, каковъ былъ Сковорода. Его дѣятельность и сочиненія показываютъ въ немъ столько семинарской схоластики и чудачества, что многимъ до сихъ поръ мудрено видѣть въ немъ что нибудь кромѣ юродства и схоластики,—между тѣмъ, малороссійскіе патріоты не сомнѣваются приписывать ему достоинство серьёзнаго христіанскаго мудреца и народнаго дѣятеля.

Сковорода, Григорій Савичъ (1722 — 1794), сынъ простого козака, а по другимъ сынъ священника, учился въ кіевской академіи, попалъ здѣсь въ число малороссійскихъ пѣвчихъ, отправлявшихся въ придворную капеллу въ Петербургъ, возвратился потомъ на родину, изъ любознательности отправился путешествовать по Европѣ, гдѣ странствовалъ (пѣшкомъ) въ Польшѣ, въ Германіи и Италіи. Воротившись домой, онъ велъ жизнь странника; большей частью проживалъ у пріятелей и знакомыхъ и отказывался отъ всякихъ оффиціальныхъ мѣстъ, которыя стѣсняли его привычку къ простой, свободной жизни и любовь къ природѣ. Пренебрегая всякимъ внѣшнимъ комфортомъ, онъ жилъ крайне бѣдно и мало по-малу сталъ бродячимъ философомъ. Онъ былъ, наконецъ, и писателемъ. Философія Сковороды состояла въ туманной мистической теософіи и морали. Сочиненія его, подъ разными вычурными заглавіями, состояли всего чаще изъ подобныхъ мистическихъ нравоученій, писанныхъ большею частью схоластически-фигурнымъ и часто уродливымъ языкомъ. Его басни, „симфоніи", „діалоги", ходили по рукамъ друзей и знакомыхъ; его стихотворенія и пѣсни разошлись даже въ народѣ черезъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Подъ конецъ имя его стало знаменито по всей Украйнѣ: для однихъ это былъ глубокій философъ и мудрецъ, для другихъ просто чудакъ и даже юродивый. На большинство онъ производилъ впечатлѣніе своимъ добровольно наложеннымъ аскетизмомъ,—чуждымъ, впрочемъ, аскетизму оффиціальному—и своей нравственной проповѣдью. Повидимому, онъ похожъ былъ на русскихъ масонскихъ моралистовъ, которые часто бывали сухими мистическими педантами, но тѣмъ не менѣе по своему возбуждали въ обществѣ извѣстное нравственное движеніе. Малорусскіе историки ставятъ Сковороду въ ряду своихъ общественныхъ дѣятелей, вмѣстѣ съ Каразинымъ, Котляревскимъ и Квиткой, Они опредѣляютъ его значеніе такимъ образомъ: „Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой козацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-й, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ... Онъ бросаетъ схоластическую академію для странствованія за границей. Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславѣ, въ Харьковѣ и въ Мо-

скв̀ѣ удобства профессорства для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго общества, современникъ Гаркуши и былой неурядицы на Украйнѣ, достоинъ полной признательности“ [1]). По мнѣнію г. Костомарова, Сковорода былъ поборникомъ свободы въ сферѣ религіозной, нравственной, гражданской, терпѣлъ за то гоненіе и не уживаясь съ деспотизмомъ окружавшей его среды, обрекъ себя на скитальческую жизнь. Ханжество, низкопоклонство, угнетеніе слабыхъ, лѣнь барства, постоянно находили въ немъ смѣлаго обличителя. Въ извѣстной пѣснѣ „Всякому граду нравъ и права“ онъ громитъ и того, кто „для чиновъ углы панскіе третъ“, и попа безъ христіанской добродѣтели, и ханжу-пана, и всякаго „вишчого що нижчого гне, и дужого що недужого давитъ и жме“. Но мысль о достоинствѣ народа едва ли была для него ясна, по крайней мѣрѣ, она не ясно высказана. Главнымъ образомъ, пропаганда его была мистически-религіозная и нравственная, заходившая даже дальше предѣловъ, возможныхъ въ малороссійской жизни: онъ берется за философскіе вопросы, обличаетъ матеріалистовъ и т. п.

Сочиненія его не были собственно малорусскія, но малороссійская дѣйствительность стояла къ нему всего ближе и мѣстное нарѣчіе отчасти нашло въ нихъ мѣсто. Поэтому Сковорода можетъ быть названъ на ряду съ малорусскими писателями. Напечатаны далеко не всѣ сочиненія Сковороды: „Библіотека духовная“, Спб. 1798, 3 ч., изд. М. Антоновскимъ безъ имени автора; „Начальная дверь къ христіанскому добронравію“, въ Сіонскомъ Вѣстникѣ, 1806; „Убогій Жайворонокъ“, притча, М. 1837; „Басни Харьковскія“, М. 1837; „Брань архистратига Михаила съ Сатаною“, М. 1839; „Сочиненія въ стихахъ, Г. С. Сковороды“, Спб. 1860 и др. Остается кромѣ того много ненапечатанныхъ сочиненій, съ такими же ухищренными заглавіями, мистической моралью и тяжелымъ языкомъ [2]).

Новѣйшіе защитники народнаго начала строго осуждали „народность“ писателя, которымъ собственно начинается новая малороссійская литература,—Котляревскаго. Иванъ Петровичъ Котляревскій (1769 — 1838) происходилъ изъ дворянскаго малороссійскаго рода, впрочемъ бѣднаго, учился въ полтавской семинаріи, гдѣ уже прослылъ стихотворцемъ, былъ потомъ домашнимъ учителемъ, служилъ въ гражданской и военной службѣ, и былъ наконецъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Онъ рано сталъ интересоваться народнымъ языкомъ, нравами и обычаями, и

---

[1]) Основа, 1862, сент. 70.

[2]) О. Халявскій, въ Основѣ 1862, августъ, 1—39; сент., 39—96. Здѣсь перечислены подробно сочиненія Сковороды, изданныя и неизданныя; см. также «Основу» 1861, іюль. Въ примѣръ крайнихъ преувеличеній значенія Сковороды можно указать ст. Хиждеу въ «Телескопѣ» 1835. Ср. также Филарета, Обзоръ, II, 116—119.

знаніемъ малороссійскаго быта воспользовался въ своихъ произведеніяхъ. Свои литературныя попытки онъ началъ знаменитой *Енеидой*. Какъ говорятъ, онъ еще въ семинаріи принялся „перелицовывать“ Виргиліеву поэму, и находясь въ военной службѣ, прославился своей пародіей, которая пошла по рукамъ въ спискахъ; потомъ она была много разъ издана. (Енеида, на малороссійскій языкъ перелицiованная, 3 ч., Спб., 1798; потомъ 1808; 1809, 4 ч.; Харьковъ, 1842, 6 ч.). Поселившись въ Полтавѣ, Котляревскій былъ частымъ гостемъ у тогдашняго малороссійскаго военнаго губернатора Репнина, и для его домашняго театра написалъ „Наталку-Полтавку“ (1819) и „Москаля Чаривника“. Обѣ пьесы имѣли большой успѣхъ, и до сихъ поръ появляются на сценѣ. Сочиненія Котляревскаго пріобрѣли чрезвычайную популярность, которая сохранилась отчасти и до сихъ поръ. Это былъ первый писатель, заговорившій настоящимъ малороссійскимъ языкомъ; въ его поэмѣ было столько веселой шутки, что она и послѣ надолго осталась любимымъ чтеніемъ грамотнаго люда — стихи ея запоминались и обращались въ пословицы, пѣсни его пріобрѣтали извѣстность какъ народныя пѣсни. Котляревскій имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе по тому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ въ свое время; но малороссійскіе критики сильно расходились въ оцѣнкѣ его дѣятельности. Когда одни считали съ него начало малорусской литературы въ народномъ направленіи, первую попытку національнаго возрожденія, другіе болѣе строгіе находили въ его сочиненіяхъ только „органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простодушно вѣруетъ и чѣмъ держится въ своей здоровой нравственности... Въ его перелицованной Енеидѣ собрано все, что только могли найдти *паны* каррикатурнаго, смѣшнаго, нелѣпаго въ худшихъ образчикахъ *простолюдина*... Уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку... Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣднею пробою малороссійской народности, которая упала мало по малу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго“ [1]). У добродушнаго Котляревскаго едва ли могли быть такія злостныя цѣли; его пародія была не угодливостью вкусамъ пановъ, а скорѣе отголоскомъ начавшейся оппозиціи старому классицизму и плодомъ простой шутки. „Пародія Котляревскаго, — говоритъ другой болѣе спокойный критикъ, — возъимѣла гораздо большее значеніе, чѣмъ можно было ожидать отъ такого рода литературныхъ произведеній. На счастье Котляревскому, въ малорусской натурѣ слишкомъ много особеннаго, ей только свойственнаго юмора, и его-то вы-

---

[1]) Кулишъ, въ «Основѣ» 1861, I, 235 и слѣд.

велъ Котляревскій на свѣтъ, желая позабавить публику; но этотъ народный своеобразный юморъ оказался, независимо отъ пародіи, слишкомъ свѣжимъ и освѣжающимъ элементомъ на литературномъ полѣ" [1]). Въ поэмѣ и въ драматическихъ пьесахъ Котляревскій удачно схватываетъ черты народныхъ нравовъ, и если рядомъ съ этимъ внадаетъ въ сантиментальность, которая на нашъ взглядъ преувеличена, а тогда была въ духѣ времени, какъ, напр., въ русской Карамзинской школѣ, то уже изъ этого можно видѣть, что для него народная жизнь не была однимъ поводомъ къ глумленью. Наконецъ, юморъ и сантиментальность Котляревскаго мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей, обращавшихся къ малорусскому народному быту: та же сантиментальность и поползновеніе къ шутовству у Основьяненка, Гребенки, въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголя. У самого Котляревскаго пропадаетъ шутовской характеръ, когда онъ вспоминаетъ въ той же Энеидѣ о прошедшихъ временахъ гетманщины,—времени національной автономіи [2]).

Современникомъ Котляревскаго былъ Гоголь-отецъ (Вас. Аѳан.). Извѣстно изъ біографіи знаменитаго сына, что пьесы отца были одними изъ его первыхъ литературныхъ впечатлѣній: Гоголь-отецъ писалъ комедіи на украинскомъ языкѣ, которыя давались на домашнемъ театрѣ его родственника Трощинскаго, бывшаго министра, жившаго на покоѣ въ Малороссіи. Отрывки изъ этихъ пьесъ были даны въ біографіи Гоголя, писанной Кулишомъ; затѣмъ отыскалась цѣльная пьеса „Простакъ", съ тѣмъ же почти сюжетомъ, какъ „Москаль-Чаривникъ", но написанная лучше и по языку, и по драматической постановкѣ, и по простотѣ. Но пьесы Гоголя-отца не были въ свое время изданы, и остались безъ другого литературнаго вліянія, кромѣ того впечатлѣнія, какое дѣлали они на Гоголя-сына; но ихъ можно отмѣтить какъ фактъ внутренней жизни южнорусской народности въ началѣ столѣтія [3]).

Примѣръ Котляревскаго не остался безъ послѣдователей. Появились подражанія „Энеидѣ", которыя ходили по рукамъ между любителями и пріучали общество къ литературнымъ попыткамъ на малороссійскомъ языкѣ. Въ 1816 году основанъ былъ журналъ „Украинскій Вѣстникъ" (прекрат. въ 1821), который, занявшись мѣстными малороссійскими интересами, занялся и малороссійской литературой. Здѣсь помѣстилъ свои первыя пьесы Петръ Петр. Артемовскій-Гулакъ, сочиненія котораго—первое замѣтное явленіе малороссійской литературы послѣ Котляревскаго. Артемовскій-Гулакъ (род. 1791 г., ум.

---

1) Костомаровъ, въ «Поэзіи Славянъ», 158.

2) «Писання И. П. Котляревського» (съ портретомъ и проч.). Спб. 1862, и критическія статьи въ Основѣ, 1861, январь и февраль; Собраніе сочиненій на малоросс. языкѣ. Кіевъ 1875, изд. 2-е.

3) «Простакъ» напечатанъ Кулишомъ въ «Основѣ» 1862, февр. 19—43; здѣсь не указано, гдѣ и какимъ образомъ сохранилась рукопись пьесы.

въ половинѣ 1860-хъ годовъ) былъ сынъ священника въ кіевской губерніи, учился въ кіевской семинаріи и харьковскомъ университетѣ, послѣ въ этомъ университетѣ долго былъ профессоромъ русской исторіи, а съ конца сороковыхъ годовъ ректоромъ въ теченіи десяти лѣтъ. Артемовскій-Гулакъ напечаталъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ юмористическую пьесу „Панъ та Собака", гдѣ въ разсказѣ о бѣдствіяхъ собаки, которая въ награду за все усердіе получаетъ одни побои и преслѣдованія, снова появляется тонъ шутки, но шутка клонится уже въ серьёзную сторону, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ формѣ и языкѣ гораздо больше силы и свѣжести, чѣмъ было у Котляревскаго. Эта небольшая пьеса, по отзывамъ малорусскихъ критиковъ, занимаетъ тѣмъ болѣе высокое мѣсто, что выражала „болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволъ крѣпостничества". Затѣмъ слѣдовали другія пьесы: „Солопій та Хивря, або горохъ при дорозі"; „До Пархима", подражаніе Горацію; баллада „Твердовскій"; переводы изъ Горація, Гёте и проч. (изд. въ „Славянинѣ" 1827 и въ „Утр. Звѣздѣ" 1834); но всѣ эти вещи далеко уступаютъ его первому опыту. Какъ говорятъ, Артемовскій былъ большой талантъ и въ особенности рѣдкій знатокъ народнаго быта и нравовъ, и народной рѣчью владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, какъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей; но онъ не освободился отъ манеры Котляревскаго, и рано пересталъ писать; то, что́ онъ сталъ опять писать уже въ старости, было слабѣе прежняго. Повидимому, онъ и боялся выступить яснѣе въ томъ направленіи, котораго задатки у него были. Но хотя онъ написалъ немного и сочиненія его не были собраны, онѣ были чрезвычайно популярны, ходили въ рукописяхъ и заучивались на память. Позднѣе, литературные взгляды малорусскихъ писателей ушли дальше этой манеры, но Артемовскій-Гулакъ сохранилъ въ ихъ глазахъ извѣстное значеніе по мастерскому знанію языка, который у него силенъ и выработанъ [1]).

Болѣе непосредственно отнесся къ народной жизни писатель, въ которомъ можно видѣть переходъ къ новому періоду малорусской литературы, когда ея писатели понимаютъ свою задачу болѣе сознательно и ищутъ въ народѣ не однихъ предметовъ для шутки и балагурства, но и общественныхъ и бытовыхъ идеаловъ. Квитка, о которомъ мы говоримъ, дѣйствовалъ еще больше въ русской, чѣмъ въ малорусской литературѣ, но соотечественники давали и даютъ ему значеніе, котораго не признавала за нимъ русская критика.

Григорій Ѳедор. Квитка, въ свое время извѣстный больше подъ псевдонимомъ Основьяненка, изъ харьковскихъ помѣщиковъ (1778—1843), учился какъ училось тогда большинство помѣщичьихъ дѣтей

[1]) Кулишъ, въ Основѣ 1861, мартъ, 78—113, гдѣ приведены и его лучшія стихотворенія; Костомаровъ, въ «Поэзіи Славянъ», 159.

провинціи, т.-е. довольно плохо, безъ правильной школы; на двѣнадцатомъ году ему уже хотѣлось поступить въ монастырь, но его удержали; потомъ его отдаютъ „въ полкъ", оттуда онъ перешелъ въ гражданскую службу, потомъ опять въ военную, на 23-мъ году поступилъ наконецъ въ монастырь послушникомъ, гдѣ и оставался около четырехъ лѣтъ. Ему не понравилась потомъ и монастырская жизнь; онъ поселился дома и мало по-малу вошелъ въ общественную жизнь Харькова, гдѣ вслѣдствіе основанія университета началось нѣкоторое литературное движеніе. Здѣсь Квитка нашелъ себѣ дѣятельность; онъ хлопоталъ о дворянскомъ клубѣ, театрѣ, институтѣ для дѣвицъ, былъ членомъ институтскаго совѣта, уѣзднымъ предводителемъ и т. п. Съ этой общественной жизнью началась и его литературная дѣятельность уже не въ молодыхъ лѣтахъ: онъ принялъ участіе въ литературныхъ вечерахъ и въ изданіи „Украинскаго Вѣстника". Эта первая дѣятельность скроена была совершенно по манерѣ тогдашнихъ журналовъ и безчисленныхъ альманаховъ; это была невинная сатира и остроуміе. Съ 30-хъ годовъ начался рядъ его малороссійскихъ разсказовъ, которые и составили главнѣйшую литературную заслугу Основьяненка. Эти повѣсти, разбросанныя въ журналахъ и альманахахъ, появлялись обыкновенно и на малорусскомъ, и на русскомъ языкахъ, переведенныя имъ самимъ или другими, и собраны были Квиткой въ книжкѣ: Малорусскія повѣсти (М. 1834 — 37; Харьковъ 1841; изданіе П. Кулиша: „Повісті Григóрия Квітки", 2 ч. Спб. 1858). Кромѣ того Основьяненко написалъ нѣсколько пьесъ для театра, изъ которыхъ „Шельменко" долго оставался популяренъ, и два нравоописательные романа: „Панъ Халявскій" и „Похожденія Столбикова". Но существеннымъ результатомъ трудовъ Основьяненка остались его малорусскіе разсказы, изъ которыхъ лучшими считаются *Маруся*, *Сердéшна Оксáна*, *Конотопська відьма*, *Кóзирь-дивка* и *Щира любовь*. Русскимъ читателямъ повѣсти Основьяненка казались вообще чувствительными идилліями, его женскіе народные характеры слишкомъ идеализованными, разсказъ манернымъ и болтливымъ, но его соотечественники до сихъ поръ сохранили о немъ то же выгодное мнѣніе, какое произвели повѣсти Основьяненка при своемъ первомъ появленіи: — правда, что для русскаго читателя не существовала прелесть языка, подкупающая Малоруссовъ. Въ русской литературѣ, которая начинала тогда ставить себѣ вопросы о внутреннихъ общественно-политическихъ отношеніяхъ, Основьяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія своимъ общественнымъ пониманіемъ, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ, или за поученіе народа въ „Листахъ до любезныхъ земляковъ", — но изображеніе малорусской жизни и особенно малорусской женщины составляло особенную область, которую онъ могъ воспроизводить съ

бо́льшей непосредственностью и поэтической правдой. Успѣхъ Основьяненка въ этой области имѣетъ несомнѣнное историческое значенiе, потому что своимъ сочувственнымъ отношенiемъ къ народной жизни и свойствамъ онъ открывалъ возможность новаго литературнаго пути, который и принятъ былъ потомъ малорусскими писателями. Современный писатель, самъ переживавшiй впечатлѣнiя малорусскихъ произведенiй Основьяненка, говоритъ съ великими похвалами объ его повѣстяхъ, умѣвшихъ передавать и этнографическiя черты быта, и самыя задушевныя народныя чувства. По словамъ его, Квитка „вездѣ является вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношенiи онъ стоитъ выше своего современника Гоголя, хотя много уступаетъ ему въ художественномъ построенiи... Квитка имѣлъ громадное влiянiе на всю читающую публику въ Малороссiи; равнымъ образомъ и простой, безграмотный народъ, когда читали ему произведенiя Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ. Не помѣшали успѣху творенiй талантливаго писателя ни литературные прiемы, черезъ-чуръ устарѣлые, ни то, что у него господствуетъ слободское нарѣчiе, отличное отъ нарѣчiя другихъ краевъ Малороссiи... Великорусскiе критики упрекали его въ искусственной сантиментальности, которую онъ будто навязываетъ изображаемому народу; но именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязываемаго народу—нѣтъ; незаслуженный упрекъ происходитъ отъ того, что критики не знали народа. которой изображалъ малорусскiй писатель“ [1]).

Въ эту пору малорусская литература обнаружила большую плодовитость, которая указывала, что это движенiе было не однимъ случайнымъ заявленiемъ провинцiализма. Около Основьяненка, занимавшаго тогда самое почетное мѣсто въ новой литературѣ, группируется цѣлый кружокъ писателей, которые отчасти выражали то же самое отношенiе къ народной жизни, отчасти вели его дальше. Къ этому перiоду принадлежатъ: Боровиковскiй, переводчикъ „Фариса“ Мицкевича и авторъ нѣсколькихъ балладъ; Евг. Гребенка (1812—1848), по-русски авторъ цѣлаго ряда повѣстей, по-малорусски переводчикъ „Полтавы“ Пушкина, издатель малорусскаго альманаха „Ластивка“ (1841) и авторъ Сказокъ („Приказки“ 1834, 1836); псевдонимъ Исько Материнка (О. М. Бодянскiй), разсказавшiй съ полнымъ знанiемъ языка нѣсколько малороссiйскихъ сказокъ („Наськи украинськи казки“ 1833); Кириллъ Тополя („Чары или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ“) и псевдонимъ Амвросiй Могила (А. Метлинскiй: „Думки та Пѣсни“, „Южнорусскiй сборникъ“), извѣст-

[1]) Костомаровъ, тамъ же, 159—160.

ные своими удачными воспроизведеніями народнаго быта, нравовъ и поэзіи, — въ особенности послѣдній, въ которомъ малорусскіе критики видѣли глубину чувства, прекрасное пониманіе козацкой старины и художественныя достоинства выполненія. Далѣе, Писаревскій, Петренко, Корсунъ, Щоголевъ и др., писавшіе стихотворенія на малорусскомъ языкѣ. Тому же періоду, т.-е. послѣднимъ тридцатымъ годамъ принадлежитъ и первая дѣятельность писателей, которые стали руководящими представителями малорусской литературы въ послѣдующее время. Это — Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко, о которыхъ далѣе.

Конецъ тридцатыхъ и сороковые года представляютъ уже совсѣмъ иное отношеніе литературы къ народу, предмету ея воспроизведеній, чѣмъ было у Котляревскаго, Артемовскаго и самого Основьяненка. Выше упомянуто, какъ строго осуждали новѣйшіе малорусскіе критики манеру двухъ первыхъ писателей, у которыхъ народъ являлся предметомъ комическо-каррикатурнаго глумленія или преувеличенной сантиментальности; эту манеру особенно ставили въ вину Котляревскому, какъ слѣдствіе угодничества панству, отставшему отъ народа. Но если уже видѣть здѣсь тенденцію, то это была обще-русская черта того времени: „угодничество“ было чертой и у знаменитѣйшаго русскаго поэта прошлаго вѣка; высокомѣріе къ „подлой“ черни (какая бы она ни была, малорусская или русская) слишкомъ извѣстно; да и русскіе писатели не были здѣсь исключеніемъ—дѣло въ томъ, что псевдо-классицизмъ, у насъ господствовавшій, былъ совсѣмъ чуждъ народному интересу, и литература еще не находила настоящаго пути къ этому интересу. Относительно Котляревскаго, признаютъ и сами критики, что въ тѣ времена онъ былъ все-таки „единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья“ [1]). Это была непосредственная, инстинктивная привязанность къ своему, и читателями Котляревскаго была вовсе не одна испорченная и пониженная публика, готовая глумиться надъ простонародьемъ, но и просто такіе же инстинктивные любители своего языка, не подозрѣвавшіе никакой другой подкладки въ „Енеидѣ“. Сантиментальный элементъ, который идетъ также съ Котляревскаго, свидѣтельствуетъ, что въ основаніи идей Котляревскаго все-таки лежало не желаніе изъ угодничества глумиться надъ народомъ. Недостатки его — гораздо больше недостатки литературнаго вкуса, чѣмъ дурного отношенія къ своему народу.

У Основьяненка также еще замѣтны недостатки его предшественниковъ; русскіе критики находили въ немъ недостатки не потому

---

[1]) Кулишъ, въ Основѣ 1861, янв. 249.

(или не потому только), что не знали описываемаго имъ народа, но потому, что не находили его юмора, а также и общественнаго пониманія достаточно глубокимъ. Тѣмъ не менѣе Основьяненко несомнѣнно любилъ свой народъ и сочувственно рисовалъ его этнографическій бытъ и нравственныя черты. Потому онъ и сталъ ступенью отъ первыхъ начинателей малорусской литературы къ тому новому направленію, которое возникло въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Это послѣднее направленіе въ первый разъ возъимѣло широкое понятіе о значеніи народной литературы, — хотя съ извѣстной постепенностью. Когда одни все еще ограничивались только инстинктивной любовью къ языку своего народа и повторяли на немъ немногосложныя тэмы своего стихотворства, въ умахъ другихъ воскресали преданья тяжелаго и славнаго прошедшаго и казались залогомъ иного будущаго. Въ этомъ пунктѣ малорусской литературы становится очевидной та параллельность ея развитія съ обще-славянскимъ „возрожденіемъ", о которой мы упоминали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ у другихъ славянскихъ народовъ, такъ и здѣсь литература начиналась полусознательнымъ обращеніемъ къ народному языку и преданію; народность высказывалась невѣрными стремленіями, для которыхъ повидимому не было почвы. Чѣмъ дальше, тѣмъ эти стремленія дѣлаются сильнѣе, тѣмъ больше пробуждаютъ сочувствіе. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ малорусской литературѣ, хотя еще очень необширной, обнаруживаются всѣ особенности славянскаго возрожденія: во-первыхъ, усиленная литературная дѣятельность, усердное стихотворство и повѣствованіе на народномъ языкѣ,—отчасти повтореніе народныхъ мотивовъ, отчасти стремленіе передавать на народномъ языкѣ литературныя идеи высшаго порядка; во-вторыхъ, усиленный интересъ къ этнографическимъ изученіямъ; въ-третьихъ, столь-же сильный интересъ къ преданіямъ исторической жизни своего народа, и здѣсь—именно къ тѣмъ, которыя принадлежали спеціально новой южнорусской формаціи, къ преданіямъ времени козачества и борьбы за національную свободу. Мы назвали имена малорусскихъ писателей того времени. Труды этнографовъ, какъ кн. Цертелевъ, Метлинскій, Бодянскій, Срезневскій, Максимовичъ, Костомаровъ и другіе, будутъ приведены далѣе. Любопытно, что въ малорусской литературѣ повторилось и то оригинальное обстоятельство, какимъ сопровождалось литературное возрожденіе у Чеховъ: и здѣсь, вѣроятно вслѣдствіе торопливости возсоздать любимую старину, явились фальзификаты, въ видѣ цѣлаго ряда мнимо-старыхъ народныхъ „думъ".

Отчасти къ разряду фальзификатовъ принадлежитъ упомянутая „Исторія Руссовъ",—по крайней мѣрѣ по имени автора, которому она приписана. Она впрочемъ возвращаетъ насъ нѣсколько назадъ.

Исторія этой книги состоитъ вкратцѣ въ слѣдующемъ. „Исторія Русовъ или Малой Россіи" съ именемъ Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго, давно (неизвѣстно однако, съ какого именно времени) ходила въ рукописи между малорусскими патріотами. Въ 1846 она въ первый разъ явилась въ печати, изданная Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ" и отдѣльной книгой. Въ предисловіи этой „Исторіи", написаніе ея объясняется такъ. „Извѣстный ученостію и знатностію Депутатъ Шляхетства Малороссійскаго, господинъ Полетыка, отправляясь по должности Депутатства въ великую оную Имперскую Коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенья, имѣлъ надобность необходимую отыскать отечественную Исторію. Онъ относился о семъ къ первоначальному учителю своему, Архіепископу Бѣлорусскому, Георгію Конисскому, который былъ природный Малороссіянинъ и долголѣтно находился въ Кіевской Академіи Префектомъ и Ректоромъ. И сей-то Архіерей сообщилъ господину Полетыкѣ Лѣтопись или исторію сію, увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ каѳедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимись о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшимъ Малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій Гетманъ Малороссійскій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего Гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что притомъ она вновь имъ пересмотрѣна и исправлена.—Господинъ Полетыка, сличивъ ее со многими другими лѣтописями Малороссійскими и нашедъ отъ тѣхъ превосходнѣйшею, всегда ея держался въ справкахъ и сочиненію по Коммиссіи. Итакъ, Исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть достовѣрною" и пр.

Бодянскій, печатая ее, не заявилъ относительно ея авторства никакихъ сомнѣній, и въ первое время и послѣ, многіе, хотя считали нѣкоторыя свѣдѣнія этой исторіи неточными, принимали авторство Конисскаго, и даже когда высказаны были сомнѣнія въ немъ, продолжали защищать его вѣроятность по извѣстному патріотизму и таланту Конисскаго [1]). Сомнѣнія высказывалъ прежде другихъ, кажется, Максимовичъ; Костомаровъ утвердительно говоритъ, что Исторія приписана Конисскому ложно, и что она „переполнена выдумками" [2]). Но произведеніе во всякомъ случаѣ замѣчательно: какова бы ни была его чисто историческая цѣнность, оно чрезвычайно любопытно какъ памятникъ литературный. Исполненная извѣстнаго малорусскаго патріо-

---

[1]) Кромѣ прежнихъ историковъ Малороссіи, напр., также Филаретъ, Обзоръ, 1863, 122; Прыжовъ, въ Филол. Зап. 1869, II—III, 36—37.

[2]) Въ Р. Старинѣ, 1877, т. XIX.

тизма, „Исторія“ отличается прекраснымъ, хотя немного архаическимъ, разсказомъ, построена на опредѣленной мысли, и можно признать отзывъ Филарета, что „многія картины страданій православія начертаны кистью великаго художника“. Откуда же взялось это произведеніе?

Къ сожалѣнію, этотъ любопытный вопросъ еще ждетъ своего изслѣдователя. Какъ мы сказали, книга ходила по рукамъ; по показанію Бодянскаго, есть ея списки русскіе, малорусскіе и бѣлорусскіе,— и это надо отнести вѣроятно къ тому, что ея тенденціозный патріотизмъ вызывалъ сочувствіе въ читателяхъ. По мнѣнію новыхъ южнорусскихъ ученыхъ (передаемъ его по личному сообщенію одного изъ лучшихъ знатоковъ Южной Руси), „Исторія Руссовъ“ очевидно не была писана Конисскимъ, ни вообще духовнымъ его времени и не можетъ считаться достовѣрной фактической лѣтописью; по языку и стилю она принадлежитъ началу нашего столѣтія, а по духу—эпохѣ декабристовъ украинскаго происхожденія, когда либерализмъ Александровскихъ временъ искалъ себѣ мѣстныхъ опоръ въ исторіи Новгорода, Украйны и т. п., когда писались „Исповѣдь Наливайки“, „Войнаровскій“. Максимовичъ, принадлежавшій къ числу первыхъ распространителей „Исторіи Руссовъ“ (которую потомъ опровергалъ) и сообщавшій ее Пушкину, передавалъ потомъ, что всѣ слѣды, на какіе онъ нападалъ, разспрашивая о первыхъ рукописяхъ „Исторіи“, приводили его къ князю Репнину, который былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и какъ-то загадочно оставилъ эту должность. Максимовичъ подозрѣвалъ въ Репнинѣ, или лицѣ ему близкомъ, автора или передѣлывателя „Исторіи Руссовъ“. Дѣйствительно, „Исторія“ имѣетъ характеръ историческаго памфлета; авторъ или авторы ея не были особенно точны въ выборѣ источниковъ (это впрочемъ довольно понятно въ тогдашнемъ положеніи нашего историческаго знанія вообще); ихъ изложеніе напоминаетъ манеру древнихъ, или псевдо-древнихъ, съ сочиненными рѣчами историческихъ лицъ; факты прилаживаются къ тенденціи,—но во всякомъ случаѣ авторы „выдумывали“ меньше, чѣмъ ихъ обвиняютъ: они много брали изъ старыхъ лѣтописцевъ, какъ Самовидецъ, Грабянка, но какъ теперь можно видѣть, брали много изъ устныхъ преданій, анекдотовъ, виршей, пѣсенъ, которыя ходили не только въ украинскомъ дворянствѣ, потомствѣ козацкой „старшины“, но и въ средѣ народа.

По своей тенденціи „Исторія Руссовъ“ чрезвычайно любопытна для исторіи малорусскихъ національныхъ взглядовъ. По отзыву Костомарова, она „вся проникнута духомъ полудворянскаго малорусскаго мѣстнаго патріотизма, недавно еще бывшаго въ модѣ въ средѣ малорусской публики“; по мнѣнію другихъ, патріотизмъ псевдо-Конисскаго былъ гораздо шире и именно близокъ къ русскому либера-

лизма эпохи декабристовъ; въ сложности, это были мечтанія о возстановленіи старой свободы, съ той же примѣсью дворянской, какая была у декабристовъ. Но, хотя „Исторія" подвергается упрекамъ въ этомъ смыслѣ, она замѣчательна какъ проявленіе живого патріотическаго чувства, какъ произведеніе, закрѣпившее много устныхъ преданій; она питала любовь къ мѣстной родинѣ,—безъ которой развитіе общественныхъ массъ едва ли мыслимо.

Псевдо-Кониссkій стоитъ такимъ образомъ въ связи съ тѣмъ интересомъ къ прошедшему, который обнаруживается уже очень сильно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Историческія воспоминанія оживляли настоящую дѣятельность, и прикрашивали прошедшее—времена „Гетманщины" казались завидными временами народной свободы; любители-этнографы и археологи съ полу-наивнымъ патріотическимъ чувствомъ подправляли или просто сочиняли старыя пѣсни и думы о подвигахъ козачества и его вождей,—какія можно найти въ старыхъ изданіяхъ Максимовича и Срезневскаго (подобное есть даже въ изданіяхъ Кулиша). Старина была идеализирована, какъ во всѣхъ національно-романтическихъ школахъ; слѣдъ этой идеализаціи проникъ и въ новое литературное поколѣніе.

Между тѣмъ обращеніе къ народности становилось болѣе и болѣе серьёзнымъ, усиливаемое и такимъ же движеніемъ въ русской литературѣ, и вліяніями славянскаго возрожденія. Къ концу тридцатыхъ годовъ является названныя выше тріада замѣчательныхъ талантовъ, дѣятельность которыхъ — съ перерывомъ въ сороковыхъ годахъ — составляетъ крупнѣйшее явленіе послѣднихъ десятилѣтій.

Тарасъ Григор. Шевченко (25 февр. 1814—26 февр. 1861) есть замѣчательнѣйшая поэтическая сила всей южнорусской литературы. Принадлежа началомъ своей дѣятельности концу прежняго періода, Шевченко сталъ талантливѣйшимъ поэтическимъ представителемъ новыхъ стремленій южнорусской литературы. Шевченко родился крѣпостнымъ, въ имѣніи кіевскаго помѣщика Энгельгардта. На восьмомъ году онъ остался сиротой, прошелъ школу у приходскаго дьячка, бѣжалъ отъ его притѣсненій и побоевъ, хотѣлъ-было учиться у другого дьячка-маляра, наконецъ попалъ въ такъ-называемые „козачки". Въ 1832 баринъ, по неотступной просьбѣ Шевченка, законтрактовалъ его въ ученики къ цеховому живописныхъ дѣлъ мастеру въ Петербургѣ: Шевченко сталъ заниматься самоучкой рисованьемъ, познакомился съ однимъ художникомъ, который увидѣлъ его успѣхи и представилъ его конференцъ-секретарю академіи художествъ—съ просьбой помочь ему освободиться отъ его жалкой судьбы. Черезъ конференцъ-секретаря въ немъ принялъ участіе Жуковскій и дѣло было устроено: знаменитый Брюлловъ написалъ съ Жуковскаго портретъ, розыгранный по-

томъ въ лоттерею, и деньги послужили выкупомъ Шевченка. Это было 22 апрѣля 1838. Съ того же года онъ сталъ посѣщать классы академіи художествъ, гдѣ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Брюллова; въ 1844 онъ получилъ званіе свободнаго художника и отправился въ Малороссію искать новаго содержанія для своей живописи и для своей поэзіи.

Въ 1840 вышло первое собраніе стихотвореній Шевченка, „Кобзарь", и съ тѣхъ поръ его положеніе въ малорусской литературѣ прочно установилось. Онъ признанъ былъ (и остался доселѣ) сильнѣйшимъ южнорусскимъ поэтомъ. Эти первыя произведенія обнаружили въ немъ глубокое поэтическое чувство народной жизни, проходившей предъ нимъ съ ея горемъ и трудами, мрачно-героическими историческими воспоминаніями и съ надеждами. „Гайдамаки", 1841, понравились меньше, какъ и другія пьесы, явившіяся въ тѣ годы въ „Ластовкѣ", „Маякѣ" и „Молодикѣ", альманахѣ Бецкаго... Несмотря на то, что въ дѣятельности его, какъ сейчасъ скажемъ, произошелъ перерывъ, его стихотворенія всегда сохранили популярность смѣлаго поэтическаго слова.

Въ Малороссіи съ Шевченкомъ случилась большая бѣда. „Неудивительно,—говоритъ Костомаровъ,—что живя и дѣйствуя въ періодъ строжайшаго сохраненія существующаго порядка, малорусскій поэтъ, дерзнувшій открыть завѣсу тайника народныхъ чувствъ и желаній и показать другимъ то, что́ гнетъ и страхъ пріучили каждаго закрывать и боязливо заглушать въ себѣ, осужденъ былъ судьбою на тяжелыя страданія, которыхъ отголоски рѣзко отозвались въ его произведеніяхъ". Въ 1847, онъ подпалъ обвиненію въ одно время съ обвиненіемъ противъ Костомарова и Кулиша, — отданъ былъ въ солдаты и посланъ былъ на службу въ Оренбургскій край съ запрещеніемъ — писать: здѣсь его держали сначала въ самомъ Оренбургѣ, потомъ въ Орской крѣпости, потомъ назначили въ трудную экспедицію къ Аральскому морю, а въ 1850 поселили въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Къ счастію нашлось нѣсколько просвѣщенныхъ людей, которые дружескимъ вниманіемъ облегчали ему тяжесть его ссылки. Въ 1857, благодаря хлопотамъ его петербургскихъ друзей, особливо графини А. И. Толстой, Шевченко получилъ амнистію — увольненіе отъ военной службы; онъ поселился въ Петербургѣ, въ зданіи Академіи Художествъ, въ 1859 побывалъ на родинѣ, и умеръ въ началѣ 1861.

Ссылка остановила печатную дѣятельность поэта; но онъ продолжалъ работать. Въ 1857, въ „Запискахъ о Южной Руси" Кулиша, напечатана была поэма „Наймичка", безъ имени автора; вернувшись въ Петербургъ, онъ приступилъ къ новому изданію „Кобзаря", кото-

рое вышло въ 1860. Въ 1861 онъ написалъ свою коротенькую автобіографію („Народная Бесѣда“, 1861). Передъ концомъ своей жизни онъ задумалъ издать рядъ образовательныхъ книжекъ для народа; но успѣлъ издать лишь одну или двѣ... По его смерти, въ „Основѣ“ 1861—62, изданъ былъ новый рядъ пѣсенъ „Кобзаря“, и его „Дневникъ“, печатавшійся впрочемъ съ пропусками.

Перенесенныя страданія не заглушили въ немъ поэтической силы, не затемнили и не ослабили ея свѣтлыхъ и гуманныхъ воззрѣній. Человѣкъ народа по самому происхожденію, онъ естественно привязанъ былъ къ дѣлу народа, чувствовалъ и высказывалъ истину его положенія безъ помощи и безъ прикрасъ искусственной сантиментальности. Позднѣйшее развитіе только укрѣпило его на дорогѣ, принятой по поэтическому инстинкту. Оттого Шевченко былъ рѣдкимъ примѣромъ непосредственно народнаго поэта, не отдѣлившагося отъ массы лучшими свойствами характера, но вмѣстѣ свободнаго отъ неизбѣжной ограниченности простонародныхъ взглядовъ. „Поэзія Шевченка, — говоритъ Костомаровъ,—поэзія цѣлаго народа, но не только та, которую самъ народъ уже пропѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами: это такая поэзія, которую народъ самъ бы долженъ былъ запѣть, если бы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ далѣе пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсенъ; или лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передового человѣка. Такой поэтъ какъ Шевченко, есть не только живописецъ народнаго быта, не только воспѣватель народнаго чувства, народныхъ дѣяній,— онъ народный вождь, возбудитель къ новой жизни, пророкъ“.

Въ первыхъ произведеніяхъ Шевченка есть отголоски того романтическаго прикрашиванья старины, которое указывали мы въ предъидущемъ періодѣ; но это „археологическое“ направленіе продолжалось недолго. Ближе познакомившись съ исторіей своей родины, онъ разочаровался въ „гетманщинѣ“ и совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ серьезнѣе изучать исторію, которая должна была убѣдить, что настоящей причиной политическихъ бѣдствій ихъ края была та „козацкая старшина“, которая погналась за личными выгодами, забывши объ интересахъ народа. Шляхетскимъ преданіямъ гетманства онъ противопоставляетъ идею освобожденія крестьянства. Онъ возстаетъ и противъ самодовольнаго книжничества (напр. славянофильскаго), которое остается глухо къ настоятельной нуждѣ народа и къ его невѣжеству и рабству. Малорусскій патріотъ и демократъ, онъ однако чуждъ религіозной и національной нетерпимости; къ его непосредственному гуманному чувству естественно прививались лучшія мысли, приносимыя ли-

тературнымъ развитіемъ. При національныхъ стремленіяхъ не забывались общечеловѣческіе интересы. Настоящее его тяготило, и онъ ждалъ для народа „апостола правды и науки"... [1]).

Въ другой области южнорусской литературы не менѣе извѣстно имя современника и друга Шевченка, Н. И. Костомарова (род. 1817). Родомъ изъ Воронежской губерніи (гдѣ сходятся населенія великорусское и малорусское), Костомаровъ учился въ одномъ частномъ московскомъ пансіонѣ, потомъ въ воронежской гимназіи и харьковскомъ университетѣ. По окончаніи курса, въ 1836, Костомаровъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ харьковскомъ краѣ, и ревностно занимался изученіемъ народности. Около того же времени онъ началъ свою литературную дѣятельность на малорусскомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки: это были — историческая драма „Сава Чалый" (1838), „Украинскія баллады" (1839), сборникъ стихотвореній „Вѣтка" (1840), трагедія „Переяславська ничъ", и малорусскій переводъ „Еврейскихъ мелодій" Байрона, одной пѣсни изъ Краледворской рукописи, въ альманахѣ „Снипъ" (Снопъ, 1841), нѣсколько стихотвореній въ альманахѣ Бецкаго „Молодикъ". Онъ держалъ потомъ магистерскій экзаменъ въ харьковскомъ университетѣ и представилъ диссертацію „объ Уніи": но этому первому историческому труду не посчастливилось, и книга была истреблена. Была написана другая диссертація: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи", 1843, одинъ изъ первыхъ опытовъ подобнаго изслѣдованія въ русской и вообще славянской литературѣ. Изъ Харькова онъ отправился на Волынь, гдѣ

---

[1]) О Шевченкѣ существуетъ значительная литература. Въ «Основѣ» 1861—62 г. печатались, кромѣ новыхъ пѣсенъ «Кобзаря», его «Дневникъ» и другіе біографическіе матеріалы; Аѳан.-Чужбинскаго, Воспоминанія о Ш. Спб. 1861 (Р. Слово, 1861, кн. 5); Е. Ганненко, Новые матеріалы для біографіи Ш. (Др. и Нов. Россія, 1875, VI, 193—196); Д. Мордовцевъ, въ томъ же изданіи 1876, V; нѣсколько свѣдѣній о первой жизни Ш. въ Петербургѣ, въ книжкѣ: «Иванъ Макс. Сошенко», біогр. очеркъ М. Ч. Кіевъ 1877. Новое изданіе «Кобзаря» сдѣлано въ Спб. 1867; нѣсколько изданій сочиненій—во Львовѣ, Прагѣ, Женевѣ (между прочимъ, «Кобзарь», съ присоединеніемъ воспоминаній о Ш. Тургенева, Я. Полонскаго, и др., и автобіографіи, взятой изъ «Нар. Чтенія»; Прага 1876). См. также: Ом. Партицькій, Провідни идеі в письмах Т. Шевченка. Львовъ 1872; Огоновскій, Критично-естетичный погляд на декотрі поезіи Т. Шевченка («Правда» 1873);—В. Масловъ, Т. Г. Шевченко, біогр. очеркъ, М. 1874. См. еще указанія Межова, Библ. Указ. Ист. Слов. 1872, стр. 474—476.

Въ иностранной литературѣ явилось также нѣсколько статей о Шевченкѣ, напр.: Battaglia, T. Szewczenko, życie i pisma jego. Lwów 1865; Georg Obrist, T. G. Szewczenko, ein kleinruss. Dichter. Czernowitz, 1870 (біогр. очеркъ и нѣсколько переводовъ); ст. въ Revue de D. Mondes, 1874; Wald. Kawerau, въ Magazin für die Liter. d. Auslandes, 1878, № 12 и друг.

Есть также много переводовъ: «Кобзарь», въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданъ былъ Гербелемъ, Спб. 1860. Польскіе переводы дѣлали Л. Совиньскій (Вильно, 1861), В. Сырокомля (Кобзарь, Вильно, 1862), А. Горжалчинскій (Кіевъ, 1862); чешскіе переводы—въ «Obrazech života», 1860 и «Květech», 1866; сербскіе—въ журналѣ Ст. Новаковича «Вила», 1868, и проч.

опять занимался этнографическими изученіями и между прочимъ осмотрѣлъ мѣстности, ознаменованныя событіями временъ Хмельницкаго. Уже съ тѣхъ поръ, 1844, онъ задумалъ писать его исторію. Въ 1845 онъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ вскорѣ выбранъ былъ на каѳедру русской исторіи въ университетѣ; здѣсь напечатано было имъ, но не могло выйти въ свѣтъ сочиненіе о славянской миѳологіи (напечатано оно было церковнымъ шрифтомъ, 4°), и вскорѣ, въ 1847, самая его дѣятельность здѣсь была печальнымъ образомъ прервана. Помощникомъ попечителя кіевскаго университета былъ тогда М. В. Юзефовичъ. На Костомарова сдѣланъ былъ доносъ въ политическомъ преступленіи — по поводу, о которомъ скажемъ далѣе, — онъ былъ арестованъ, провелъ годъ въ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, потомъ съ 1848 по 1856 въ ссылкѣ въ Саратовѣ. Время тяжелаго досуга онъ могъ впрочемъ употребить на свои обычныя занятія — исторію и мѣстную этнографію. Въ 1856 г. онъ былъ амнистированъ, и съ этого года начинается новый рядъ его трудовъ, писанныхъ по-русски, но содержаніемъ принадлежащихъ въ особенности южнорусской исторіи и южнорусской народности: „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго“ (1856), „Богданъ Хмельницкій“ (1857, 3-е переработанное изданіе 1871), „Бунтъ Стеньки Разина“ (1858), „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (1859). Въ 1861 — 1862 издавался журналъ „Основа“, В. Бѣлозерскаго, посвященный исторіи, общественности и литературѣ Южной Руси, гдѣ Костомаровъ и Кулишъ были главными дѣйствующими лицами. Костомаровъ напечаталъ здѣсь нѣсколько важныхъ статей по южнорусскому вопросу: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, „Черты народной южнорусской исторіи“, „Двѣ русскія народности“, „Гетманство Выговскаго“, и т. д., и рядъ полемическихъ статей, какъ „Правда Полякамъ о Руси“, „Правда Москвичамъ о Руси“, полемика съ польскими писателями о южнорусской исторіи (начатая еще съ 1859 въ „Современникѣ“) и проч. Далѣе, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ новый рядъ изслѣдованій по русской исторіи: „Сѣверно-русскія народоправства“, „Ливонская война“, обширныя историческія работы — „Смутное Время“, „Паденіе Рѣчи Посполитой“, рядъ частныхъ изслѣдованій — о Димитріи Донскомъ, Иванѣ Сусанинѣ, наконецъ „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ“; труды по изданію источниковъ: „Старинные памятники русской литературы“, 1861 — 1862, „Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи“ (издаваемые Археогр. Коммиссіею); труды по собиранію и изданію произведеній народной поэзіи, и ихъ объясненію; наконецъ чисто литературныя произведенія: трагедія „Кремуцій Кордъ“, изъ римской

исторіи (писанная въ Саратовѣ); „Сынъ“, разсказъ изъ XVII вѣка; „Кудеяръ“, изъ временъ Іоанна Грознаго и пр.

Такимъ образомъ дѣятельность Костомарова принадлежитъ почти исключительно общерусской литературѣ, но труды его всего чаще направлены къ объясненію историческихъ судебъ и народности Южной Руси. Поэтому, хотя число собственно южнорусскихъ сочиненій Костомарова не велико, его справедливо ставятъ въ ряду первостепенныхъ дѣятелей южнорусскихъ. Онъ дѣйствительно оказалъ великія заслуги южнорусскому самосознанію, избравъ для этого серьёзный путь историческаго и этнографическаго изслѣдованія: изученіе исторіи и народной поэзіи навсегда оставило въ немъ почтеніе къ нравственной народной личности, и онъ больше чѣмъ кто-нибудь сдѣлалъ для разъясненія внутренней исторіи Южной Руси. Его историческіе труды съ 1856 года съ перваго раза дали ему высокое мѣсто въ русской исторіографіи: послѣ Карамзина, это былъ первый, и доселѣ единственный историкъ-художникъ, умѣющій рисовать прошедшее живыми картинами лицъ, нравовъ и событій, иногда безъ гелертерской точности, но всегда съ умѣньемъ реставрировать прошедшую жизнь, доходящимъ до настоящей художественности. Его труды, въ томъ числѣ мастерски читанныя университетскія и публичныя лекціи, сдѣлали его однимъ изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей; но историческіе взгляды его создали ему и враговъ, съ одной стороны между русскими, съ другой между польскими писателями. Дѣло въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, Костомаровъ впервые, рядомъ съ исторіей централистической и частію противъ нея, выставилъ идею федеративной, областной исторіи. Быть можетъ, онъ не вездѣ строго развилъ свою теорію, но въ сущности своей мысли онъ вполнѣ правъ, и ему принадлежитъ заслуга, что онъ первый настаивалъ на опредѣленіи областныхъ элементовъ русской національности и на признаніи ихъ историческаго права. Главнымъ образомъ шла рѣчь конечно о крупнѣйшемъ областномъ элементѣ нынѣшней русской народности, о Южной Руси. Для историковъ русскихъ, это показалось нанесеніемъ ущерба историческому значенію Москвы; Костомарова даже прямо обвиняли (напр. по поводу Дим. Донского и Сусанина) въ недоброжелательствѣ къ Москвѣ, въ стараніи унизить ея славы, подорвать ея чтимыя преданія и идеалы. Во-вторыхъ, польскіе критики нападали на Костомарова съ другой стороны — приписывая ему извращеніе дѣйствительныхъ историческихъ отношеній между Южной Русью и Польшей, преувеличеніе козацкихъ войнъ въ дѣло національнаго освобожденія,—вообще возбужденіе національной ненависти къ Полякамъ. Отвѣтомъ на тѣ и другія обвиненія можетъ быть только одно: строгая критическая провѣрка историческихъ по-

ложеній Костомарова. Но она была сдѣлана только отчасти, и если нѣкоторыя частности въ историческихъ взглядахъ Костомарова могли быть отвергнуты, то въ главномъ онъ остается вѣренъ фактамъ и является лучшимъ выразителемъ южнорусскаго историческаго сознанія [1]).

Наконецъ, третьимъ дѣятелемъ этого замѣчательнаго кружка былъ П. А. Кулишъ (род. 1819). Происходя изъ старыхъ козацкихъ родовъ по отцу и по матери (въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи), Кулишъ съ дѣтства росъ среди чисто народнаго украинскаго быта и старыхъ поэтическихъ преданій, которыя въ его воспріимчивой натурѣ стали основаніемъ его позднѣйшей дѣятельности. Онъ учился въ новгородъ-сѣверской гимназіи, потомъ въ кіевскомъ университетѣ; ученье шло неправильно, по недостатку средствъ и другимъ обстоятельствамъ; Кулишъ не кончилъ курса въ университетѣ, но умѣлъ собственными неутомимыми трудами восполнить этотъ недостатокъ и рано обратилъ на себя вниманіе горячимъ интересомъ къ народности и ея знаніемъ. Бывши въ университетѣ, онъ познакомился съ профессоромъ русской словесности, извѣстнымъ Максимовичемъ, который послѣ своими связями помогъ Кулишу устроить свои матеріальныя дѣла. Оставивъ университетъ, Кулишъ былъ учителемъ въ Луцкѣ, въ Кіевѣ, въ Ровнѣ. Въ альманахѣ Максимовича, „Кіевлянинѣ“ (1840—1841), явились первые труды Кулиша, разсказы изъ народныхъ преданій. Около того же времени Кулишъ познакомился съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ Мих. Грабовскимъ, библіоманомъ Свидзинскимъ, содѣйствіе которыхъ много помогло его изученіямъ украинской старины. Въ 1843, Кулишъ напечаталъ свой историческій романъ „Михайло Чарнышенко“, поэму „Украина“, въ 1845—первыя главы своей „Черной Рады“ въ „Современникѣ“ Плетнева. Въ Кіевѣ Кулишъ познакомился съ кружкомъ молодыхъ украинскихъ патріотовъ, которые были одушевлены тѣмъ же стремленіемъ работать для своей родины—Костомаровымъ, Шевченкомъ, В. Бѣлозерскимъ. Между тѣмъ Плетневъ вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ готовилъ ему ученую карьеру: Кулишъ былъ уже въ Варшавѣ, по дорогѣ за границу, куда посылали его для изученія славянскихъ нарѣчій, когда и его задѣла, хотя легче, та же буря, которая разразилась въ то

---

[1]) Краткія біографіи Костомарова въ «Slovník Naučný» s. v.; въ «Поэзіи Славянъ», стр. 172—173; въ «Галлереѣ» Мюнстера; въ изданіи Баумана: «Рус. соврем. дѣятели». Противъ Костомарова полемизировали, главнымъ образомъ, писатели славянофильскіе, также Забѣлинъ, Карповъ («Г. Кост., какъ историкъ Малой Россіи», Г. Карпова, М. 1871; отвѣтъ Костомарова въ «Голосѣ» 1871, № 130; П. А., въ «Гражданинѣ» 1872, № 2 и др.); съ польской стороны, въ особенности Падалица (Зенонъ Фишъ) и др.

время надъ Костомаровымъ. Кулишъ былъ политически заподозрѣнъ, пробылъ два мѣсяца въ крѣпости, потомъ три года прожилъ въ Тулѣ. Однимъ изъ поводовъ къ обвиненію послужила „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“, помѣщенная Кулишомъ въ „Звѣздочкѣ“ г-жи Ишимовой. Въ 1850, Кулишу разрѣшено было ѣхать въ Петербургъ, но было запрещено писать. Онъ поступилъ-было на службу, — много работалъ (безъ имени) въ журналахъ, написалъ нѣсколько повѣстей, „Записки о жизни Гоголя“ (первая редакція вышедшей послѣ біографіи); но служба не шла, онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ на Украйну, гдѣ занялся хозяйствомъ и литературой. Въ 1856, амнистія дала ему возможность открытой литературной дѣятельности. Въ томъ же и слѣдующемъ году Кулишъ издалъ два тома очень замѣчательныхъ „Записокъ о Южной Руси“; въ 1856, сдѣлалъ 2-е изданіе „Проповѣдей“ свящ. Гречулевича на малорусскомъ языкѣ, которыя переработалъ и наполовину написалъ самъ; въ 1857, напечаталъ въ „Р. Бесѣдѣ“ свой давно начатый романъ „Черная Рада, Хроника 1663 года“, которую тогда же издалъ на малорусскомъ языкѣ. Въ 1860, онъ собралъ свои „Повѣсти“ (въ 4 томахъ), издалъ альманахъ „Хата“; изданіе журнала ему не было разрѣшено, и когда въ слѣдующемъ году началась „Основа“, Кулишъ, какъ замѣчено прежде, былъ дѣятельнѣйшимъ ея сотрудникомъ: критическія и историческія статьи на русскомъ языкѣ; историческіе разсказы, стихотворенія на языкѣ малорусскомъ, появлялись почти въ каждой книжкѣ. Въ 1862, вышелъ небольшой сборникъ его стихотвореній „До́світки“. Еще въ 1857, явилось первое изданіе его „Граматки“, съ которой пошло въ ходъ и принятое имъ правописаніе, такъ называемая „кулишовка“. Въ шестидесятыхъ годахъ, стѣсненныя матеріальныя обстоятельства побудили его искать службы въ Польшѣ; но онъ не сошелся съ кн. Черкасскимъ (впослѣдствіи правителемъ Болгаріи), характеромъ упорнымъ и деспотическимъ, — и вышелъ вскорѣ въ отставку. Въ шестидесятыхъ годахъ, Кулишъ одно время участвовалъ въ галицкихъ изданіяхъ, но въ путаницѣ галицкихъ отношеній у него и здѣсь нашлись враги. Въ 1869, онъ издалъ „Пятикнижіе“, въ южнорусскомъ переложеніи, въ 1870, въ Вѣнѣ и Лейпцигѣ, Четвероевангеліе и Псалтырь [1]). Положеніе южнорусской литературы характеризуется тѣмъ, что Кулишъ предназначалъ эти труды не для русской Украйны, а только для Галиціи, гдѣ надо было спасать русскую народность въ тамошнемъ обществѣ: онъ хотѣлъ или былъ принужденъ устранять

[1]) Эти изданія вышли безъ имени перелагателя, но Кулишъ призналъ ихъ потомъ своими (Ист. Возсоед. Руси, т. II).

отъ этого дѣла ту же самую народность на Украйнѣ. Какъ говорятъ однако, въ Галиціи—по другимъ соображеніямъ — этихъ книгъ тоже боятся! Съ 1874 стала выходить его, съ разныхъ сторонъ, замѣчательная „Исторія возсоединенія Руси", задуманная въ обширныхъ размѣрахъ (до сихъ поръ—два тома текста и томъ матеріаловъ).

Длинный рядъ разнообразныхъ трудовъ Кулиша указываетъ на подвижной и энергическій талантъ, но въ немъ бывали всегда извѣстныя неровности и увлеченія: Кулишъ никогда не былъ ни чистымъ этнографомъ, ни чистымъ историкомъ—въ исторію и этнографію онъ вноситъ поэтическое или публицистическое возбужденіе; а въ дѣятельности художественной недостатокъ чистой поэзіи восполняется искусственной обдуманностью [1]). Подъ вліяніемъ чувства теоретическія воззрѣнія колебались, и не разъ впадали въ противоположныя крайности. Такъ, за восторженнымъ панегирикомъ Гоголю въ біографіи слѣдовалъ крайне строгій судъ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта: этотъ судъ (какъ бы ни были отдѣльныя осужденія справедливы) былъ невѣренъ уже тѣмъ, что совсѣмъ забывалъ отношенія времени и мѣста. Такъ, подъ вліяніемъ чувства произошелъ послѣдній изумительный поворотъ въ мнѣніяхъ Кулиша, выразившійся въ „Исторіи Возсоединенія" и статьяхъ о козачествѣ въ „Р. Архивѣ" 1877 (№№ 3 и 6), гдѣ прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ, и авторъ вообще явился злѣйшимъ противникомъ стремленій, въ которыхъ прошла однако вся его прежняя жизнь [2]).

Такова судьба и дѣятельность трехъ главнѣйшихъ писателей, труды которыхъ составляли зерно и основаніе южнорусскаго литературнаго движенія. Намъ остается упомянуть о томъ обстоятельствѣ, которое навлекло бурю, прервавшую ихъ дѣятельность въ 1847 году, и которое представляетъ любопытный фактъ для исторіи цѣлаго обще-славянскаго сознанія.

Въ 1846, въ Кіевѣ собрался небольшой кружокъ южнорусскихъ патріотовъ; въ средѣ этого кружка возникла мысль составить общество,

---

[1]) Это замѣчали одинаково и русскіе критики и польскіе, какъ напр., Грабовскій, однако, очень дружески расположенный къ автору.

[2]) О біографіи Кулиша см «Slovník Naučný» s. v., и особенно любопытную статью «Жизнь Кулїша» въ галицкомъ журналѣ «Правда», 1868, №№ 2—4, 24—28, со свѣдѣніями, очевидно идущими и отъ самого г. Кулиша. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1877, № 6, тамъ же, гдѣ помѣщена статья Кулиша съ его новыми идеями объ южнорусской исторіи, издатель «Архива» помѣстилъ (какъ будто для назиданія г. Кулиша или на смѣхъ) записку Самарина по поводу «Повѣсти объ украинскомъ народѣ». Опроверженіе новыхъ мнѣній Кулиша, съ объясненіемъ ихъ изъ характера писателя, сдѣлалъ Костомаровъ, въ Р. Старинѣ, 1878, мартъ, 385 — 402. Другіе украинофилы, вообще гораздо болѣе требовательные, чѣмъ Костомаровъ, говорили очень умѣренно о послѣднихъ трудахъ Кулиша. Они видѣли въ нихъ непохвальную дорогу (нападеніе на козачество, «хлопоманію» и т. д.), но, все-таки, видѣли въ той же Украйнѣ цѣль этихъ увлеченій, по правдѣ, переходящихъ мѣру.

съ цѣлью дѣйствовать (совершенно мирно) какъ для внутренняго развитія украинскаго народа, такъ и для распространенія идеи славянской взаимности. Общество основывалось на самыхъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ основаніяхъ. Рѣшено было приглашать образованнѣйшихъ людей, которые, вліяя на молодое поколѣніе, готовили бы его къ будущей дѣятельности; рѣшено было дѣйствовать только силою мысли и убѣжденія, чистыми средствами, избѣгая всякихъ мѣръ насильственныхъ; въ религіи—признавалась полная свобода мнѣній. Относительно Украйны думали прежде всего о просвѣщеніи народа, объ изданіи для него полезныхъ книгъ, объ основаніи сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ; дѣломъ первой важности считалось уничтоженіе крѣпостного права и сословныхъ привилегій, тѣлесныхъ наказаній и под. Чтобы ясно было однако, что Украйна вовсе не составляетъ здѣсь исключительнаго интереса, патронами общества избраны были все-славянскіе апостолы, и общество названо „Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ". Во главѣ общества стояли Гулакъ, Костомаровъ, Шевченко; косвенно принадлежали Кулишъ и Бѣлозерскій; потомъ присоединились еще нѣсколько малорусскихъ патріотовъ. Главныя лица кружка́ мечтали объ очищенномъ идеальномъ христіанствѣ, которое всѣхъ любитъ, особливо бѣдняка, которое стоитъ за правду и народность,—это были тѣ мечты, которыя нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламеннѐ, Гверрацци и пр. Слѣды этого христіанскаго направленія можно видѣть въ стихахъ Іереміи Галки и Шевченка, также и въ трудахъ Кулиша. Славянскій вопросъ ставился въ томъ же гуманно-свободолюбивомъ духѣ. То, что̀ говорилось въ кружкѣ теоретически, Шевченко выражалъ поэтическими о̀бразами (его замѣчательныя пьесы: „До мертвихъ и живихъ," „Шафарикови" и друг.). „Изъ этого одного можно видѣть,—говоритъ знающій разсказчикъ, упомянутый біографъ Кулиша,—какимъ духомъ отличался кіевскій украинскій кружокъ. Христіанство и исторія Славянъ были имъ свѣтомъ и тепломъ для великаго подвига. Всѣ они хорошо знали и высоко почитали св. писаніе. Они твердо стояли на той мысли, что Славянамъ надо надѣяться не на дипломатію, что для этого дѣла нужны новые люди и новая сила, а этой силой должна быть чистота сердца, истинное просвѣщеніе, свобода народа и христіанское самопожертвованіе". Ихъ идеаломъ политическимъ было не централизованное государство, а федерація подъ протекторствомъ русскаго императора, но чтобы это стало возможно, надо стремиться прежде всего—распространять убѣжденіе о необходимости уничтоженія крѣпостного права, и расширеніи просвѣщенія [1]).

[1]) Въ нашей литературѣ донынѣ не разсказана исторія этого любопытнаго общества. Свѣдѣнія о немъ см. въ «Научномъ Словникѣ» (ст. о Костомаровѣ, Шев-

Фактъ возникновенія Кирилло-Меѳодіевскаго братства чрезвычайно любопытенъ; его значеніе простирается не только на южнорусскую, но и на цѣлую русскую литературу. Онъ подтверждаетъ высказанное выше положеніе, что развитіе южнорусской литературы возникло и шло параллельно съ славянскимъ „возрожденіемъ", съ которымъ оно здѣсь вступало въ прямую связь и солидарность. Въ русской литературной жизни вообще „братство" было заявленіемъ *панславизма*, очень непохожаго на тотъ, который начинался въ это же время въ московскомъ кружкѣ — панславизма, основаннаго не на господствѣ одного племени надъ другими, а на равноправности и внутренней свободѣ [1]). Въ этомъ характерѣ той и другой постановки вопроса отразились и разница исходныхъ теоретическихъ пунктовъ, и разница государственнаго положенія народностей: одной—подчиненной, другой—оффиціальной и господствующей. Теорія кіевская не вышла тогда изъ предѣловъ тѣснаго кружка, и ея славянская доля никогда уже не была высказана въ ея цѣломъ смыслѣ; сами дѣятели „братства" впослѣдствіи далеко не остались вѣрны старымъ идеямъ,—тѣмъ не менѣе, въ трудахъ людей этого круга и ихъ ближайшихъ преемниковъ сказывался иной, противъ московскаго, взглядъ на развитіе народныхъ литературъ и на между-славянскія отношенія, взглядъ, въ которомъ было много исторически вѣрнаго и человѣчески справедливаго. Полагаемъ, что этому взгляду, въ болѣе широкой постановкѣ, предстоитъ больше и больше пріобрѣтать распространенія и вліянія на ходъ „славянской идеи" въ Россіи.

Такимъ образомъ, когда послѣ десятилѣтняго перерыва, съ 1856 возобновились труды украинскихъ писателей, движеніе оказалось гораздо болѣе серьёзнымъ. Въ 1861, органомъ его явилась „Основа", которая въ теченіи двухъ лѣтъ своего существованія доставила очень много матеріала, поэтическаго, историческаго, этнографическаго и публицистическаго. „Основа" не удержалась дольше, отчасти потому, что начинались уже снова неблагополучныя внѣшнія обстоятельства, отчасти потому, что ея содержаніе было слишкомъ ограничено только предметами чисто украинскими. Она вызвала много новыхъ силъ; но

ченкѣ, Кулишѣ), въ упомянутой «Жизни Кулиша» и др.; воспоминанія Костомарова въ пражскомъ изданіи Шевченка, очень неполны; у Киркора, O literaturze pobrat. narod., стр. 64, о преслѣдованіяхъ Костомаровскаго кружка написанъ вздоръ. Въ приговорѣ надъ Костомаровымъ сказано было, какъ говорятъ, что онъ осуждается за «основаніе тайнаго общества, въ которомъ обсуждаемо *было бы* соединеніе Славянъ въ одно государство».

[1]) Необходимо, впрочемъ, оговорить, что иногда и московскіе панслависты высказывались въ подобномъ смыслѣ; но обыкновенно преобладала теорія московской гегемоніи.

главными дѣятелями послѣ Шевченка остались Костомаровъ и Кулишъ. Это было настоящее начало такъ называемаго новѣйшаго *украинофильства*. „Основа“ была крупнымъ и вліятельнымъ фактомъ, но имѣла и крупные недостатки: въ ея теоріяхъ дѣло украинофильства утверждалось больше на непосредственой, но неясной любви къ родному краю и племени, чѣмъ на опредѣленной мысли о свободѣ личной и общественной, свободѣ научнаго изслѣдованія. До „Основы“ малорусскіе писатели были чистыми дилеттантами, — и такими оставались еще и въ ней: съ „народнымъ“ направленіемъ мирились вещи, для народнаго дѣла неполезныя или чуждыя; южнорусскимъ дѣятелямъ слѣдующаго поколѣнія не нравились напр. нападенія на „модный матеріализмъ“, которыя можно было бы предоставить другимъ [1]), исключеніе исторіи изъ круга содержанія народной книги, примиреніе съ общественнымъ status quo, дѣятельность особаго рода (какъ А. Стороженка)— такъ какъ эти вещи не показывали особеннаго политическаго и общественнаго пониманія. Оттого потомъ одни замолкли, другіе потеряли прежнюю силу, третьи заблудились.

Исторія украинофильства за послѣднія пятнадцать лѣтъ такъ близка, что нѣсколько полная передача ея невозможна уже по однимъ чисто внѣшнимъ причинамъ, отъ насъ независящимъ; да и всегда трудно доводить исторію до настоящей минуты. Но необходимо указать главныя черты этого движенія, которое—какъ увидимъ, даже по мнѣнію людей изъ совсѣмъ иного, великорусско - славянофильскаго лагеря — заключаетъ въ себѣ цѣнные жизненные элементы и должно бы дополнять ими русское развитіе. Къ сожалѣнію, оно было обставлено самыми неблагопріятными условіями, теряло подъ ихъ гнетомъ возможность литературнаго дѣйствія, и наконецъ протестъ противъ этихъ условій поставилъ дѣло на совсѣмъ новую почву.

Съ той обще-славянской точки зрѣнія, какую мы указывали и съ какой смотримъ на южнорусское движеніе, оно представляетъ естественное проявленіе народнаго (хотя бы областного) самосознанія; стремленіе къ развитію мѣстныхъ особенностей имѣетъ, поэтому, за себя все нравственно-общественное право; оно не представляетъ также (какъ говорятъ его противники) никакого преступленія противъ господствующаго литературнаго языка, потому что подобныя движенія только вызываютъ на свѣтъ уже существующую внутреннюю потребность (которая доказывается всей предшествующей исторіей) и слѣд. только дополняютъ органическій процессъ національнаго развитія, и въ частности еще потому, что одна изъ существенныхъ задачъ украинофиль-

[1]) «Основа», 1862, май, 2.

ства, именно стремленіе работать для Галицкой Руси, доселѣ была совсѣмъ чужда русской литературѣ [1]).

Вслѣдствіе малой общественно-политической развитости русской жизни, всякое новое движеніе принимается большинствомъ съ подозрительностью и враждой, которыя не могутъ не вліять тяжело на ходъ понятій и на самыхъ дѣятелей, особенно наиболѣе искреннихъ. Украинофильство подверглось обвиненію въ политической неблагонадежности еще тогда, когда оно едва начало складываться и мало давало повода къ этому обвиненію. Здѣсь мы имѣемъ возможность только указать первые источники движенія.

Въ украинофильствѣ выразилась не только непосредственная любовь къ своей народности, но наконецъ и сознаніе ея междуплеменныхъ и общественныхъ отношеній. То̀, что было съ конца прошлаго вѣка однимъ дилеттантствомъ и романтизмомъ, въ сороковыхъ годахъ, въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ, становилось глубокимъ, задушевнымъ, исторически-сознательнымъ стремленіемъ. Эта была первая попытка самосознанія: она кончилась — какъ выше указано, но спокойная и серьёзная оцѣнка ея могла бы показать, что въ ней затронуты были вопросы, существенно важные для самого русскаго общества и русской власти. Эти вопросы были: мысль о Славянствѣ (какъ теперь очевидно, неясная для нашего общества и понынѣ), мысль о просвѣщеніи народа (на отсутствіе котораго мы и понынѣ жалуемся), мысль о защитѣ малорусскихъ народныхъ элементовъ отъ господства поль-

---

1) Полемическая литература о нашемъ украинофильствѣ значительно превышаетъ самую литературу украинофильства на малорусскомъ языкѣ—немногочисленную уже вслѣдствіе надавшихъ на нее стѣсненій. Споръ начался въ особенности съ «Основы», и велся съ начала 1860-хъ годовъ въ «Днѣ», «Рус. Вѣстникѣ» и «Моск. Вѣдомостяхъ, «Спб. Вѣдомостяхъ», «Голосѣ», «Сіонѣ» (о̀рганѣ русскихъ Евреевъ), «Кіевлянинѣ», «Кіевскомъ Телеграфѣ», «Вѣстникѣ Юго-Западной Россіи», въ галицкой «Правдѣ», «Метѣ», «Словѣ» и т. д. Замѣтимъ лишь нѣкоторыя статьи:

— Костомаровъ, «Двѣ русскія народности», въ «Основѣ», 1861, мартъ; «О южно-русскомъ языкѣ», тамъ же, 1862, май.

— В. Будянскій, Замѣтки о Галиціи (Спб. Вѣдом. 1867, № 213—214, по связи галицкихъ отношеній съ нашими малорусскими).

— Волынецъ, Съ галицкой границы (Спб. Вѣдом. 1867, девять статей, важныхъ въ томъ же смыслѣ).

— «Славянское Обозрѣніе» (въ Спб. Вѣд. 1868).

— М. Т—въ, «Восточная политика Германіи и обрусеніе», въ Вѣстникѣ Европы 1872, февраль—май; «Евреи и Поляки въ юго-западномъ краѣ», тамъ же, 1875, іюль.

— Б. В., «Письма Русина» (въ Спб. Вѣд. 1873, №№ 5, 44, 64, 174, 180, 188, 229, 280).

— Украінець, Литература российска, великоруска, украінска и галицька. Львовъ, 1873—1874 (изъ «Правды» этихъ годовъ, т. VI—VII);—того же автора: По вопросу о малор. литературѣ. Вѣна, 1876, и друг. сочиненія.

— Выдумки «Кіевлянина» и польскихъ газетъ о малорусскомъ патріотизмѣ (изъ «Кіевскаго Телеграфа). Кіевъ, 1874.

— Хв. Вълк..., Письма изъ Кіева (въ Спб. Вѣдом. 1874, №№ 63, 196).

— Гогоцкій, Соврем. украинофильство (въ Р. Вѣстникѣ, 1875, т. 115, 117).

скаго элемента (противъ котораго позднѣе сама власть приняла мѣры военно-политическія, и общественно-политическія, въ формѣ „обрусѣнія“). Такова была общественно-политическая подкладка литературнаго движенія, возникавшаго въ сороковыхъ годахъ. Послѣ промежутка десятилѣтняго молчанія, тѣ же идеи возобновились и нашли, болѣе или менѣе, выраженіе въ „Основѣ“ и другихъ трудахъ ея главныхъ дѣятелей. То-есть, общественная мысль (южнаго края), оттолкнутая разъ, снова возвращалась на прежній путь, потому что справедливо чувствовала и понимала въ немъ насущный интересъ своего общества. При освобожденіи крестьянъ всѣмъ разумнымъ людямъ была ясна мысль о необходимости работать для народа, его просвѣщенія, для поднятія его положенія. Событія первыхъ шестидесятыхъ годовъ показали, что эта давняя мысль о между-племенныхъ отношеніяхъ имѣла настоящую практическую важность, — малорусская оппозиція польскому элементу оказала и политическую пользу для самого правительства. Новое поколѣніе, какъ обыкновенно бываетъ, принимало идеи стараго украинофильства съ жаромъ, еще не охлажденнымъ опытами, вело ихъ изъ отвлеченной области въ практическую жизнь, отдавало имъ искренній энтузіазмъ,—а съ другой стороны, неосторожное выраженіе, одиночный поступокъ возводились въ обвиненіе цѣлаго направленія, цѣлаго круга людей; дѣйствительныя отношенія толковались превратно, союзники принимались за враговъ и враги за союзниковъ; неразвитое большинство вторило обвиненію, повторяя ходячія клички и ничего не понимая. Создается тягостная атмосфера, матеріальная и нравственная; въ ней и жило современное украинофильство. Положеніе было тѣмъ прискорбнѣе и страннѣе, что мотивы движенія въ самой русской литературѣ были объясняемы весьма достаточно.

Національное положеніе украинофильства такъ объясняетъ одинъ безпристрастный критикъ.

«До перваго раздѣла Польши юго-западный край былъ постоянной ареной кровавой борьбы за національность. Цѣлымъ рядомъ мелкихъ возстаній, разразившихся незадолго до раздѣла Колiивщиною, малорусская національность защищалась противъ ополяченія, шляхетской и жидовской эксплуатаціи. Съ указаннаго времени (какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Т—овъ въ статьяхъ «Вѣстн. Европы», 1872) положеніе дѣлъ рѣзко измѣняется и въ краѣ замѣтно усиливается польско-шляхетскій элементъ. Цѣлые города и мѣстечки отдаются въ собственность польскимъ магнатамъ; уніатскимъ священникамъ, стоявшимъ за національность и желавшимъ противодѣйствовать переходу уніатовъ въ католицизмъ посредствомъ проповѣдей на русскомъ (даже великорусскомъ) языкѣ, запрещается дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Всѣ эти мѣры, очевидно, могли имѣть только и дѣйствительно имѣли одинъ логическій исходъ — самое широкое ополяченіе народа съ одной стороны, а съ другой то, что Поляки, которымъ принадлежала вся земля въ краѣ, получили пол-

ную возможность провозгласить, какъ политическій принципъ, что юго-западный край есть край польскій.

«Вотъ въ какомъ положеніи находился національный вопросъ въ юго-западномъ краѣ, когда въ началѣ 60-хъ годовъ, въ средѣ кіевской интеллигенціи проявилась идея національнаго самосознанія. Первымъ дѣломъ ея было заявленіе, что край и университетъ—не польскіе; вторымъ, возможно широкое распространеніе національнаго сознанія и борьба со всякими внѣшними вліяніями посредствомъ поднятія уровня народнаго образованія».

Кіевская интеллигенція поняла, что послѣднее есть лучшее средство противъ притязаній Поляковъ, которые позаботились завести свои школы съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ явились воскресныя школы, содержимыя на частныя средства; нужны были книги — явились книжки, изъ которыхъ иныя (какъ «Де що про світъ божий») выдержали до трехъ изданій въ русскомъ переводѣ, копеечныя изданія Квитки, Шевченка; при «Основѣ» стали собирать деньги для изданія малорусскихъ книгъ. Эти книжки началъ издавать Костомаровъ...

Въ какомъ положеніи былъ народъ? Народъ, которому историческая судьба не дала даже выработать себѣ имени, который называетъ Великорусса «Русскимъ» и однако цѣлой пропастью отдѣленъ отъ Поляка, этотъ народъ не нуждался въ національномъ возрожденіи: онъ обнаружилъ это на фактѣ—въ противодѣйствіи польскому возстанію въ юго-западномъ краѣ, противодѣйствіи по собственной иниціативѣ. Но этому народу нужно было обезпеченіе его народности, и какъ одно изъ первыхъ средствъ къ этому—образованіе.

Началась въ интеллигенціи и другая работа, тѣсно связанная съ первой — изученія историческія и этнографическія: повсемѣстное собираніе этнографическихъ матеріаловъ, записываніе пѣсенъ, сказокъ и проч.; собираніе свѣдѣній объ экономическомъ, юридическомъ, этнографическомъ бытѣ народа; изслѣдованія по архивамъ, по плану, составленному Иванишевымъ, тогдашнимъ ректоромъ кіевскаго университета.

Польская интеллигенція не осталась равнодушной, когда подрывались ея идеи. Она пыталась дѣйствовать на самолюбіе украинскихъ патріотовъ, клеймя ихъ именемъ «хлопомановъ»; но патріоты этимъ не оскорбились. Началась литературная полемика: Gazeta Narodowa, Biblioteka Warszawska осмѣивали малорусскую поэзію; Czas, Revue Contemporaine, Dziennik Literacki печатали нелѣпости Духинскаго, доказывали, что Малоруссы—отрасль польскаго племени, и что земля ихъ — польская. На это отчасти отвѣчала уже «Основа». Украинофилы считаютъ намѣреннымъ дѣломъ своихъ враговъ, что вслѣдъ затѣмъ явились доносы на «сепаратизмъ»—слово, которое стало моднымъ вслѣдствіе американской войны и усердно выкликалось извѣстною партіей, ополчавшейся на украинофильство. Въ первый разъ оно было сказано «Сіономъ», еврейскимъ изданіемъ, злымъ на украинофиловъ, говорившихъ о еврейской эксплуатаціи малорусскаго народа. «Московскія Вѣдомости» и «Р. Вѣстникъ» подхватили это обвиненіе, но усовершенствовали его еще другимъ — что украинофилы и повстанцы-Поляки чуть-ли не одно и то же. (Вълк., Спб. Вѣд. 1874, № 63).

Таково было основное содержаніе украинофильства—желаніе дать своему племени какую-нибудь долю образовательныхъ средствъ, защитить его отъ польскаго вліянія, противъ котораго вскорѣ стало бороться само правительство, и наконецъ, помочь своими силами родственной Галиціи.

Амнистія Кирилло-Меѳодіевскаго кружка́ совпадала вообще съ оживленіемъ русской общественности въ половинѣ 1850-хъ годовъ. Съ этого времени оживляются и малорусскіе литературные интересы— что́ и было первымъ началомъ украинофильства. Послѣ сороковыхъ годовъ пробудилась снова потребность литературнаго выраженія на родномъ языкѣ. Съ 1857 года выступила писательница, подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка (М. А. Марковичъ) извѣстная и въ русской, и въ южнорусской литературѣ. Ея малорусскіе разсказы изъ народной жизни были высоко оцѣнены малорусскими критиками и публикой по своимъ художественнымъ достоинствамъ, по обилію чувства, по вѣрности изображеній. Въ этой области Марко-Вовчокъ, кажется, еще не превзойденъ ни однимъ изъ южнорусскихъ писателей, нынѣ дѣйствующихъ: „Повістки (Наро́дні оповидання)“, Спб. 2-е изд., 1861; „Оповідання“, Спб. 1865; „Сочиненія“, т. I, разсказы изъ украинскаго народнаго быта, Спб. 1867; „Укр. народные разсказы“, перев. И. Тургенева, Спб. 1860. Изданіе „Основы“ вызвало къ дѣятельности многихъ, болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, которые занялись изображеніемъ народнаго южнорусскаго быта, отчасти продолжая прежнюю нить малорусской литературы (съ Основьяненка), отчасти въ связи съ русской реалистической школой. Изъ числа ихъ наибольшей извѣстностью пользуется Алексѣй П. Стороженко (1814—1874, служившій въ 1860-хъ годахъ при М. Н. Муравьевѣ въ западномъ краѣ), по умѣнью рисовать народный бытъ и владѣть народнымъ языкомъ (Українські оповидання. Спб. 1863, 2 т.) Далѣе: Л. И. Глѣбовъ (Глібовъ: „Байки“, Кіевъ 1863, 2-е изд. Кіевъ и Черниговъ 1872); А. Нечуй-вітеръ; Ст. Руданскій; М. Т. Номисъ (Українськи приказки, Спб. 1864); А. Конисскій; Ѳ. Г. Кухаренко; Дм. Олельковичъ; Ст. Носъ и др. Еще до изданія „Основы“ сталъ писать по-малорусски Д. Л. Мордовцевъ, издавшій „Малорусскій литературный сборникъ“ (Саратовъ, 1859), въ которомъ соединены труды его и Костомарова. Н. Гатцукъ издалъ „Ужинок рідного поля“ (М. 1875). Изъ новаго поколѣнія писателей долженъ быть замѣченъ Ив. Левицкій (Повісті, Кіевъ 1874; На Кожемъякахъ, комедія, 1875; Маруся Богуславка, опера, 1875; рядъ популярныхъ книжекъ: Унія и Петро Могила, Перші кіевські князі, Татари и Литва, 1875—76): онъ сдѣлалъ попытку рисовать не одинъ народный бытъ, но и

нравы того образованнаго класса, котораго до сихъ поръ не касались украинскіе повѣствователи; въ своей главной повѣсти „Хмари“ онъ изображалъ именно проявленія украинскаго народнаго чувства въ новыхъ образованныхъ поколѣніяхъ и встрѣчу его съ враждебными элементами общественности; „Запорожці“ — разсказъ съ романтическими мечтаніями о южнорусской старинѣ. — Въ послѣдніе годы были собраны прежнія украинскія сочиненія Костомарова (Іеремія Галка, „Сбірник творів“, Одесса, 1875). М. Старицкій издалъ книгу переводовъ изъ сербской народной поэзіи (Сербські народні думи і пісні. Кіевъ 1876), и проч.

Какъ ни мало благопріятны были обстоятельства, малорусское движеніе не ограничилось, какъ бывало, одними чисто литературными, беллетристическими попытками. Оно направлялось также на работу для народной школы, на изданіе образовательныхъ книгъ, на изслѣдованія историческія и этнографическія, наконецъ на установленіе литературно-общественныхъ связей съ Южноруссами въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи. Приводимъ нѣсколько частностей.

Забота о народной школѣ явилась у патріотовъ украинскихъ еще съ конца 50-хъ годовъ. Въ польской средѣ шли уже приготовленія къ возстанію; Поляки заводили по деревнямъ школы, гдѣ ксендзы учили украинскихъ поселянъ по польскимъ книгамъ, въ Кіевѣ польскіе студенты учили своихъ хлопцевъ. Въ противодѣйствіе этому, кіевскіе студенты-Украинцы открыли „воскресныя школы“, 1859; народную школу открыли также при гимназіи въ Бѣлой-церкви, — въ школахъ давали для чтенія малорусскія книжки, непонятное въ русскихъ книгахъ толковали по-малорусски [1]). Но необходимы были первоначальныя книги для ученія и чтенія. Ихъ думалъ издавать Шевченко, потомъ къ этой мысли возвратился Костомаровъ и въ „Основѣ“ (1862, май) призывалъ малорусскихъ писателей не довольствоваться дилеттантствомъ —писаньемъ стишковъ на мужицкій ладъ, а идти на практическую помощь народу: „соловья баснями не кормятъ“, для образованія народа нужны книжки на его языкѣ. При „Основѣ“ объявленъ былъ сборъ денегъ на изданіе этихъ книгъ, и нѣсколько книжекъ явилось; лучшей изъ нихъ были „Оповидання з святого писання“, свящ. Стеф. Опатовича.

При первомъ началѣ украинофильства, русская публицистика не была противъ этого движенія, которое было естественно, встрѣчала его даже радушно. Органомъ его была много разъ упомянутая „Основа“

[1]) Замѣтимъ кстати, что первымъ начинателемъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ былъ извѣстный *русскій* ученый, нимало не принадлежащій къ украинофильству.

(1861—1862). Журналъ подготовлялся въ такое время, когда въ русскомъ обществѣ еще живо было одушевленіе первыхъ годовъ нынѣшняго царствованія, когда литература была наполнена стремленіями къ прогрессу, первыми опредѣленными мыслями о народномъ благѣ, духомъ національнаго примиренія; по крайней мѣрѣ въ литературѣ проявленія украинской самодѣятельности еще не возбуждали недоумѣній и подозрительности. Но это было очень недолго.

Съ того же 1862 въ русской жизни обозначился ясно поворотъ, неблагопріятный для общественной иниціативы; онъ вскорѣ отразился и на положеніи украинофильства. Пока еще продолжалось начавшееся движеніе; по оффиціальнымъ видамъ считалось нужнымъ противодѣйствовать польской пропагандѣ, воскресныя школы были цѣлы, въ Кіевѣ основана была (въ 1862—63) „временная педагогическая школа", для образованія учителей въ малорусскія школы; педагоги русскіе и мѣстные учителя высказывались за употребленіе въ низшей школѣ на ряду съ русскимъ и малорусскаго языка... Но дѣло скоро измѣнилось. Кіевскія воскресныя школы были закрыты; въ 1863 запрещено преподаваніе и изданіе школьно-популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ; въ газетной литературѣ извѣстнаго сорта, которая въ это время взялась представлять русскіе „національные" консервативные интересы, началось заподозриванье „украинофильства", сопоставленіе его съ „нигилизмомъ", въ немъ открыта была „польская интрига", наконецъ— „сепаратизмъ". Причины этого поворота были разныя. „Консервативная" литература (которая сама вчера была либеральной) съ успѣхомъ эксплуатировала это положеніе вещей въ смыслѣ videant consules. У насъ это въ особенности развязываетъ руки худшимъ инстинктамъ толпы и связываетъ руки у людей и направленій заподозрѣнныхъ; такъ ничего не стоило приравнять украинофильство съ такъ называемымъ „нигилизмомъ", на который однако оно вовсе не было похоже, съ другой стороны съ „польской интригой" — въ вопіющее противорѣчіе съ фактами. Любопытно, что сами украинофилы утверждали напротивъ (и приводили доказательства), что обвиненія противъ украинофильства шли прежде всего именно изъ польскаго лагеря и были настоящей „польской интригой": что польскіе паны юго-западнаго края (еще передъ возстаніемъ) доносили на украинскія школы и книжки, какъ вредно волнующія народъ (напр. что „Граматка" Кулиша будитъ въ народѣ старый „казацкій и гайдамацкій духъ"). Извѣстно теперь, что польскіе революціонеры-паны были обыкновенно плохіе либералы: видя польскую національность въ шляхетскомъ преданіи и католицизмѣ, они не могли выносить украинофильскихъ сочувствій къ народу, которыя должны были отзываться невыгодно на польскихъ притязаніяхъ

на юго-западный край [1]). Не понявши этого, русскіе „охранители" присоединили свой голосъ къ тѣмъ же обвиненіямъ, и сами стали игрушкой именно той „польской интриги", противъ которой столь усердно ратовали. Далѣе, противъ воскресныхъ школъ возстали наши клерикалы, видѣвшіе (какъ и польскіе паны) вольнодумство въ воскресныхъ школахъ и украинофильствѣ: шелъ вопросъ о передачѣ народной школы въ руки духовенства, и ревнители этой передачи думали оказать услугу духовенству, нападая на тогдашнюю украинскую школу. Наконецъ еврейскій „Сіонъ", раздраженный обличеніями еврейской эксплуатаціи малорусскаго народа, пустилъ въ ходъ обвиненіе украинофиловъ въ „сепаратизмѣ", т.-е. ни болѣе ни менѣе какъ въ намѣреніи отдѣлить Малороссію (неизвѣстно, куда) отъ Россіи.

Нападенія на украинофильство обыкновенно соединялись съ реакціонными тенденціями и въ самыхъ русскихъ дѣлахъ. Отождествленіе украинофильства съ „польской интригой" совсѣмъ спутало понятія о малорусской литературѣ даже у многихъ, кто прежде относился къ ней доброжелательно.

Славянофилы, въ 1850-хъ годахъ, привѣтствовали малорусскія проповѣди Гречулевича, потомъ малорусское переложеніе евангелія, брали-было сторону украинофильства, но наконецъ тоже заговорили о „польской интригѣ". „Моск. Вѣдомости" сначала принимали подписку на изданіе малорусскихъ книгъ; въ „Соврем. Лѣтописи" принятъ былъ протестъ кіевскихъ „хлопомановъ" (какъ тогда презрительно называли украинофиловъ ихъ противники) противъ клеветъ, взводимыхъ на нихъ мѣстными панами-реакціонерами. Но Катковъ уже спорилъ съ „Основой", утверждая, что украинофилы „передразниваютъ" народную рѣчь; въ заключеніе сталъ говорить о „польской интригѣ". Мѣстный „Вѣстникъ юго-западной Россіи", Говорскаго, явившійся въ это время, сначала самъ былъ въ связяхъ съ украинофилами (напр., статья: „Что такое хлопоманы", 1862, кн. 5,—въ ихъ защиту) и утверждалъ, что украинская молодежь, при всѣхъ увлеченіяхъ, больше опасна польскому панству, чѣмъ Россіи,—этотъ же журналъ сталъ вскорѣ объявлять украинофиловъ союзниками польскаго возстанія, отчасти поддѣлываясь подъ

---

[1]) Украинофилы справедливо замѣчали, что по своему шляхетскому ретроградству польскіе революціонеры-паны были, по нашимъ отношеніямъ, всего ближе не съ какимъ-нибудь либерализмомъ и украинофильствомъ, а съ «Московскими Вѣдомостями»: послѣднія замѣтили это неблагополучное сосѣдство, когда появилась «Вѣсть», которая, предпринявъ проповѣдь «охранительныхъ началъ», была открытымъ органомъ русскаго и польскаго крѣпостничества.

духъ времени, отчасти желая повредить „хлопоманамъ" въ вопросѣ о передачѣ народной школы въ руки духовенства; утверждалъ очень пріятную Полякамъ мысль, что малорусскій языкъ есть испорченный польскій и т. п.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ продолжалась полемика по разнымъ сторонамъ предмета, въ 1874 году возобновилась, между прочимъ, по поводу кіевскаго археологическаго съѣзда и перешла наконецъ въ галицкія, вѣнскія и т. д. изданія. Въ Россіи этотъ періодъ украинофильства завершился въ 1876 закрытіемъ въ Кіевѣ юго-западнаго отдѣла русскаго Географическаго Общества.

Этотъ эпизодъ вражды къ украинскому движенію даетъ мало утѣшительное свидѣтельство о положеніи русской общественности. По старой привычкѣ къ внѣшней одноформенности, по старой боязни къ какой-либо общественной инціативѣ по невниманію къ процессамъ развитія народностей, украинское движеніе—естественность котораго доказывалась уже его исторической продолжительностью — при первыхъ нѣсколько яркихъ заявленіяхъ встрѣчено было (въ значительной долѣ общества) съ непріязнью, которая можетъ принести вредъ обѣимъ сторонамъ. Забывалось, что сила цѣлаго достигается развитіемъ частей, сила государства—развитіемъ силъ мѣстныхъ; что „двѣ русскія народности" составляютъ фактъ исторіи, котораго нельзя вычеркнуть ни журнальной бранью, ни мѣропріятіемъ, и что обѣ онѣ однако соединены тѣснымъ родствомъ, глубокой исторической связью и дорожатъ однѣми преданьями; забывалось, что дѣйствительное народное сознаніе достигается только просвѣщеніемъ, и матеріальное процвѣтаніе только искреннимъ вниманіемъ къ народнымъ нуждамъ; что благородная мысль о народѣ возникла у патріотовъ украинскихъ, какъ и у русскихъ, еще во времена крѣпостного гнета, не какъ политическая бредня, а какъ глубокое чувство къ народу и къ родинѣ, у многихъ какъ настоящее христіанское чувство, теплое и безкорыстное; забывалось, наконецъ, что забота о народности въ западномъ краѣ имѣла широкій политическій смыслъ, какъ поднятіе русскаго національнаго элемента, туземнаго и гораздо болѣе многочисленнаго, противъ политическихъ притязаній польскихъ, и, наконецъ, какъ воздѣйствіе на ту же русскую народность, отдѣленную

отъ русскаго политическаго центра, въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи. Къ сожалѣнію, непріязнь и порождаетъ непріязнь.

Въ русской литературѣ высказывались впрочемъ и совсѣмъ иные взгляды на эти отношенія. У многихъ не только не было вражды къ украинскому движенію, но было полное сочувствіе къ его общественнымъ и литературнымъ успѣхамъ. Они чувствовали единство того и другого народа, и одинаково желали добра двумъ оттѣнкамъ цѣлаго. Кромѣ множества историческихъ и образовательныхъ связей между ними, въ развитіи нашей новѣйшей литературы есть еще звено, въ лицѣ великаго писателя, которымъ начинается ея настоящій періодъ, и котораго обѣ народности съ равнымъ правомъ могутъ считать своимъ. Мы говоримъ о Гоголѣ. Исторія двухъ народностей въ теченіе многихъ вѣковъ была одна, и русскій изслѣдователь долженъ признать старыя и новыя историческія заслуги племени, уважать его этнографическія особенности. Малорусская народная поэзія послѣ самихъ Малоруссовъ едва ли кому такъ понятна, какъ русскому читателю. Рылѣевъ поэтизировалъ эпизоды малорусской исторіи; Пушкинъ восхищался малорусскими пѣснями, и слѣдъ впечатлѣнія остался въ „Полтавѣ"; Тургеневъ переводилъ разсказы Марка-Вовчка; Шевченко, возвратившійся изъ ссылки,—мы помнимъ это,—былъ встрѣченъ въ русскомъ литературномъ кругѣ съ самымъ живымъ сочувствіемъ; Костомаровъ, котораго такъ упрекали за нелюбовь къ старой Москвѣ и за пристрастіе къ Малороссіи, пользовался у читателей и слушателей популярностью, какая у насъ рѣдко достается ученому.

Отмѣтимъ, наконецъ, что въ средѣ славянофиловъ высказывались сочувствія къ малорусскому народу и его развитію, очень любопытныя со стороны такихъ исключительныхъ партизановъ великорусской народности. Таковы бывали отзывы Хомякова о малорусской литературѣ для народа, о южнорусскихъ историческихъ изученіяхъ [1]), и въ особенности отзывы Гильфердинга. Говоря, при одномъ случаѣ, о развитіи въ русскомъ обществѣ славянской идеи, онъ особенныя надежды возлагалъ при этомъ именно на Малоруссовъ.

„Въ средѣ русскаго народа особенное призваніе должны имѣть въ этомъ Малоруссы... Кіевъ ближе къ другимъ Славянамъ, чѣмъ Москва, и точно также племя малороссійское ближе къ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ великорусское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко опредѣленнаго типа, какъ нашъ великорусскій языкъ, стоитъ какъ-бы на серединѣ между имъ и нарѣчіями западныхъ Славянъ, и въ западныхъ краяхъ малорусскаго племени сливается съ рѣчью Венгерскихъ Словаковъ; оно ближе къ другимъ Славянамъ и въ отношеніи историческомъ и общественномъ... Наконецъ и то,

---

[1]) Ср. Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, 451.

въ чемъ малорусское племя отдалилось отъ коренныхъ началъ славянскихъ, уступивъ западнымъ общественнымъ началамъ (большее развитіе въ народѣ начала личности, отсутствіе поземельной общины, большая особность городской жизни и т. п.) служитъ какъ-бы переходомъ отъ своеобразнаго славянскаго быта племени великорусскаго къ западно-европейскому быту Славянъ западныхъ. А ко всему этому прибавимъ, что вѣковая борьба съ Поляками,—для насъ имѣющая преимущественно значеніе государственнаго вопроса и представляющаяся намъ болѣе или менѣе, какъ нѣчто безличное и отвлеченное, а у Малоруссовъ затрогивающая всѣ струны народной жизни, какъ домашняя, личная тяжба, что эта повседневная борьба Малоруссовъ непремѣнно должна вызывать въ нихъ, какъ примирительницу, идею славянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, Малоруссы могутъ первые выработать въ своей средѣ и внести въ общественное сознаніе Русской земли идею славянства; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ нашимъ съ остальнымъ славянскимъ міромъ... Эту мысль я выдаю не болѣе какъ за предположеніе, за гаданіе; однако, можетъ быть, не даромъ Шевченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, нашелъ въ ней, кромѣ струны народной малороссійской и струны религіозной, еще третью струну — славянскую (поэмы „Гусъ“ и великолѣпное посланіе къ Шафарику, — и то и другое написаны еще въ сороковыхъ годахъ)“.

Но полное осуществленіе славянской идеи,—прибавлялъ этотъ писатель,—достигнется лишь тогда, когда она усвоится и землею великорусской и станетъ общественнымъ двигателемъ всей Россіи: тогда только совершится и наше собственное народное самосознаніе [1]).

II. Народная поэзія.

Параллельность малорусскаго движенія съ обще-славянскимъ, между прочимъ, обнаруживается въ ревностномъ изученіи „народности“, къ которому вскорѣ обратилась возрождавшаяся литература. Оригинальность и богатство малорусской народной поэзіи, разъ почувствованныя, вызвали восторженныхъ любителей и собирателей. Народность, менѣе своеобразная по нравамъ, быту, поэтическому содержанію, имѣла бы меньше поводовъ настаивать на своей индивидуальности. Напротивъ, народность малорусская, при всемъ обиліи великорусскихъ вліяній, проникавшихъ въ нее различными путями сосѣдства, администраціи, образованія, при всемъ обрусѣніи высшихъ классовъ сохранила столько своеобразнаго, что особность ея была очевидна: настоящій Малоруссъ (хохолъ) издавна держался особнякомъ отъ Великорусса (москаля, кацапа); населенія, находясь рядомъ, не смѣшивались; и когда народная стихія была разъ вызвана въ литературно-общественномъ движеніи,

---

1) Гильфердингъ, Собраніе сочиненій I, 338—340.

она еще болѣе возбуждала къ заявленію и развитію народныхъ особенностей.

Малорусскія „думы“ и пѣсни представляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій славянской народной поэзіи. Малоруссы, вмѣстѣ съ Великоруссами, Болгарами и Сербами, принадлежатъ къ той славянской группѣ, которая имѣетъ дѣйствительный народный эпосъ, и слѣд. одно изъ свидѣтельствъ стародавности и подлинности своего народнаго существа: эта группа исключительно сохранила почти донынѣ даръ эпическаго творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ въ лирикѣ, обрядовыхъ пѣсняхъ и самыхъ обычаяхъ сберегла гораздо больше далекой бытовой старины, чѣмъ осталось ея въ народной поэзіи западныхъ племенъ подъ чужими бытовыми и книжными вліяніями. Но, какъ было большею частію у Славянъ, національная поэзія жила исключительно въ народной средѣ и, кромѣ самой послѣдней эпохи, возвращеніе къ народности почти никогда не входило въ литературное развитіе. Поэтому, историческая судьба малорусской поэзіи остается очень темна: нѣтъ памятниковъ, которые сберегли бы древнія редакціи ея произведеній, слѣд. выводы объ ея древности могутъ дѣлаться только теоретически и по историческимъ аналогіямъ.

Въ этой древности, изслѣдователей ставилъ въ особенное недоумѣніе вопросъ (недавно снова поставленный на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ 1874): почему малорусскій эпосъ (какъ онъ извѣстенъ теперь) не знаетъ тѣхъ преданій стараго кіевскаго эпоса, которыя повидимому необходимо должны были въ немъ сохраниться и которыя напротивъ сбереглись такъ хорошо въ поэзіи сѣверной Руси. Нѣкоторые объясняли это именно новостью самого малорусскаго племени: оно не знало древне-кіевскихъ преданій, потому что заняло эти мѣста въ болѣе поздній періодъ. Но этотъ фактъ могъ имѣть, и безъ сомнѣнія имѣлъ, другія очень естественныя причины. Во-первыхъ, отсутствіе древнихъ преданій въ современномъ народѣ не есть исключительное, потому что теперь еще нѣкоторыя воспоминанія о древнихъ временахъ сохраняются въ видѣ отрывочныхъ, неясныхъ сказаній. „Слово о полку Игоревѣ“, оставшееся слѣдомъ несомнѣнно южнорусской поэтической дѣятельности XII вѣка, представляетъ въ своихъ чертахъ не столько родства съ сѣверными редакціями кіевскаго эпоса, сколько съ послѣдующей малорусской думой. А главное въ томъ, что преданія древнекіевскія были заслонены тѣмъ новымъ содержаніемъ, какое явилось въ позднѣйшей исторической жизни южнорусскаго народа и доставило богатую пищу для воспроизведеній народной поэзіи: XVI—XVII вѣка были для южнорусскаго народа новымъ героическимъ періодомъ; его могущественныя впечатлѣнія были слишкомъ свѣжи, чтобы ихъ можно было связать со стариной въ какую-нибудь эпическую преемственность,

и были такъ близки народному чувству, что старыя преданія забылись и на ихъ мѣсто возникла новая поэтическая „дума" [1]).

Съ этой поры сохранилось нѣсколько литературныхъ свидѣтельствъ о южнорусской поэзіи, въ частности о думахъ. Въ первый разъ, сколько извѣстно, о думахъ упоминается въ анналахъ Сарницкаго подъ 1506 годомъ [2]), т.-е. почти въ одно время съ первыми извѣстіями о самомъ козачествѣ, хотя разумѣется и козачество и думы явились раньше, чѣмъ ихъ названія попали въ акты и лѣтописи. Въ старой чешской грамматикѣ знаменитаго Яна Благослава, оконченной въ 1571 и изданной нынѣ по рукописи XVI вѣка, приведенъ въ подлинникѣ любопытный памятникъ южнорусской поэзіи тѣхъ временъ, подъ именемъ „словенской пѣсни изъ Венеціи, гдѣ много Словаковъ или Хорватовъ". Пѣсня идетъ вѣроятно изъ-за Днѣстра, и имѣетъ свои параллели въ извѣстныхъ теперь [3]). Упомянутый прежде Іоаннъ Вишенскій, въ одномъ изъ своихъ посланій съ Аѳона къ православнымъ землякамъ Малой Россіи, убѣждая ихъ хранить отеческую вѣру и бодро держаться въ борьбѣ съ противниками, преподаетъ имъ наставленіе о благочестивомъ житіи, и здѣсь—въ томъ же духѣ, какъ бывало въ русскихъ церковныхъ предписаніяхъ тѣхъ временъ — строго осуждаетъ народные обычаи и пѣсни. Перечисленіе ихъ даетъ любопытныя этнографическія черты.

Іоаннъ Вишенскій совѣтуетъ во-первыхъ «очистить» праздничныя ярмарки, потому что иначе — «праздникъ есть твой таковый не христіяньскій, але діаволскій.

«*Коляды* зъ мѣстъ и зъ селъ ученіемъ выженѣте; не хочетъ бо Христосъ, да при его Рождествѣ діаволскіе коляды мѣсце маютъ, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесетъ.

«*Щедріи вечеръ* изъ мѣстъ и зъ селъ въ болота заженѣте, нехай зъ діаволомъ сѣдитъ, а не съ христіанъ ся ругаетъ.

«*Волочьлное* (т. наз. волочебныя пѣсни) по Въскресеніи зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши, утопѣте. Не хочетъ бо Христосъ при своемъ славномъ Въскресеніи того смѣху и руганя діаволскаго имѣти.

«На Георгія мученика праздникъ діаволскій на поле изшедшихъ сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити разорѣте: гнѣваетъ бо ся на

---

[1]) Этотъ взглядъ мы высказывали въ первомъ изданіи настоящей книги. Прекрасныя объясненія этого вопроса даны были г. Житецкимъ, Очеркъ звуковой исторіи, 287—291; ср. «Вѣстн. Евр.» 1876, іюнь, 593—598; также взглядъ Костомарова, въ «Бесѣдѣ», 1872, XII, 30—32.

[2]) «Per idem tempus duo Strusii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quas *dumas* Russi vocant, canuntur, voce lugubri et gestu canentium se in utramque partem motantium, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit». Annales, sive de origine et gestis Polonorum et Lituanorum, 1587, VII, 379.

[3]) J. Hradil a J. Jireček, Jana Blahoslawa Grammatika Česká. Вѣна 1857, стр. 341. Обстоятельное объясненіе пѣсни сдѣлалъ Потебня: «Малорусская нар. пѣсня по списку XVI вѣка». Воронежъ, 1877 (изъ «Филолог. Записокъ»).

землю вашу Георгій мученикъ, што не машъ христіанина православного, которій бы ругане тое діаволское очистити и изгнати моглъ.

«Пироги и яица надгробные въ Острозѣ и гдѣ бы ся знаходило упразнѣте, да ся въ христіанствѣ тотъ квасъ поганскій не знаходитъ.

«*Купала* на Крестителя утопѣте, и огненное скакания отсѣчете; гнѣваетъ бо ся Креститель на землю вашу, што ся на день памяти его попущаете діаволу ругатися вами зъ васъ же самыхъ.

«Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и попалите колыски и шибеницѣ (качели), на день ихъ чиненые по Волыню и Подолю, и гдѣ бы ся толко тое знаходити мѣло; мерзско бо имъ на землю съ небеси смотрѣти на тое діаволское позорище, христіанскимъ людемъ збираючися». (Акты, отн. къ исторіи Южной и Западной Россіи, II, 223—224).

О козацкихъ думахъ встрѣчаемъ далѣе извѣстія у историковъ войнъ Хмельницкаго. Когда сынъ Хмельницкаго, Тимоѳей, женился на дочери молдавскаго господаря, теща, въ угожденіе ему, приготовила свадебный пиръ по украинскому обычаю, а невѣста, въ вечеръ расплетанія косы, приказала себѣ пѣть козацкія думы [1]). Малорусскіе историки дѣлаютъ самого Богдана Хмельницкаго авторомъ извѣстной пѣсни, въ которой изображалось печальное положеніе Малороссіи тѣхъ временъ, окруженной врагами [2]).

Польскій историкъ XVII вѣка, Станиславъ Темберскій, приводитъ въ латинскомъ извлеченіи извѣстную донынѣ пѣсню о Байдѣ, относя ее къ Дмитрію Вишневецкому (1564), знаменитому своими военными подвигами основателю первой Запорожской Сѣчи [3]). Наконецъ, отъ семнадцатаго вѣка есть уже рукописи, въ которыхъ записаны современныя пѣсни о событіяхъ козацкихъ войнъ [4]). Но главнымъ хранителемъ этихъ пѣсенъ былъ самъ народъ. Собранныя изъ его устъ, эти произведенія жили, такъ сказать, вторую жизнь, сближая своей поэтической силой образованные классы современнаго общества съ славнымъ прошеднимъ и съ народной средой.

---

[1]) Костомаровъ, Богд. Хм., изд. 1870, III, 42—43.

[2]) Малороссія уже соединилась съ Россіей; но Москва заключила миръ съ Польшей—въ надеждѣ избранія Алексѣя Мих. польскимъ королемъ; Австрія и Турція грозили Украйнѣ, требуя отъ нея покорности Польшѣ—изъ опасенія усиленія Россіи. «Все это повергло Хмельницкаго въ тоску и уныніе, а потомъ въ болѣзнь. Вѣроятно въ эти грустныя минуты гетманъ-поэтъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птицами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной Южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ». Костомаровъ, тамъ же, III, 241.

Это—извѣстная пѣсня: «ой біда, біда—чайці небозі». Текстъ ея (много разъ печатанный), и замѣчанія о ней см. у Закревскаго, Старосвѣтскій Бандуриста, II, 37—38. Она приписывалась и другимъ историческимъ лицамъ Украйны.

[3]) Chronologia synoptica palmitis Coributci. Краковъ, 1669, стр. 16—17; Антон. и Драгомановъ, «Истор. Пѣсни», I, стр. 154 и слѣд.

[4]) См. напр. у Костомарова, 3-й томъ, въ приложеніяхъ; Антоновича и Драгоманова, «Историч. Пѣсни»; см. также Ягича, Gradja za historiju Slov. nar. poezije, стр. 74—77; и Archiv für slav. Philologie II, 297—307, замѣтки Петрова и Житецкаго.

Первые собиратели малорусской народной поэзіи являются одновременно съ тѣмъ, когда литературныя попытки на малорусскомъ языкѣ стали впервые пріобрѣтать характеръ сознательнаго направленія. Какъ самостоятеленъ былъ ихъ инстинктъ, видно изъ того, что русскія и малорусскія собранія являлись почти безъ указаній и образцовъ въ иностранной литературѣ, безъ которыхъ обыкновенно не обходились наши литературныя и научныя школы. Романтизмъ наводилъ литературу на область народныхъ преданій; распространеніе національныхъ тенденцій внушало мысль объ изученіи народности,—и еще Гердеръ высоко цѣнилъ и собиралъ „Голоса народовъ", —но въ частности, собраніе народныхъ пѣсенъ было дѣло новое, и въ немъ русская и малорусская литература показали много самобытнаго пониманія. Первую попытку указать на малорусскій эпосъ сдѣлалъ князь Н. Цертелевъ, въ „Опытѣ собранія старинныхъ малоросс. пѣсенъ", Спб. 1819. Далѣе ревностнымъ собирателемъ малорусскихъ пѣсенъ былъ Максимовичъ, которому вообще принадлежитъ большая заслуга въ малорусскихъ изученіяхъ.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (1804—1873), изъ небогатыхъ дворянъ Полтавской губерніи, учился въ московскомъ университетѣ, сначала по словесному, потомъ по физико-математическому факультету, былъ спеціалистомъ по ботаникѣ, съ 1829 сталъ въ томъ же университетѣ профессоромъ ботаники, а въ 1834 назначенъ былъ въ Кіевъ уже на каѳедру русской словесности. Это впрочемъ былъ уже давній любимый его предметъ: еще въ 1827, когда онъ защищалъ магистерскую диссертацію по ботаникѣ, онъ издалъ свое первое собраніе „Малоросс. пѣсенъ". Въ 1834, изданъ былъ другой болѣе обширный сборникъ, съ историко-филологическими примѣчаніями. Въ сороковыхъ годахъ Максимовичъ оставилъ университетъ, и жилъ въ деревнѣ, изрѣдка бывая въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Его труды направились теперь окончательно на изслѣдованіе исторіи, литературной старины и этнографіи южной Россіи: въ свое время эти труды давали множество важныхъ указаній, и способствовали разработкѣ южнорусскаго прошлаго. Выше упомянуто, какъ въ капитальномъ вопросѣ о происхожденіи малорусскаго племени Максимовичъ защищалъ старобытность народа и языка; особеннымъ его интересомъ было объясненіе малорусской народной поэзіи. Въ 1845, Максимовичъ приготовилъ третье изданіе своихъ пѣсенъ, но по какимъ-то цензурнымъ затрудненіямъ оно могло выйти лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, Кіевъ 1849). Не перечисляя въ частности трудовъ Максимовича, довольно указать, что изданіе ихъ начато было въ послѣдніе годы югозападнымъ отдѣломъ Географич. Общества въ Кіевѣ, а по закрытіи этого отдѣла продолжается Церковно-Археологическимъ

Обществомъ въ Кіевѣ же [1]). Дѣятельность Максимовича любопытна между прочимъ тѣмъ, что она была почти исключительно посвящена одному краю,—это мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда при всей спеціальности его работъ онѣ далеко не имѣли благопріятныхъ условій. Одинъ изъ біографовъ его нашелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ „Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ". Его личныя связи съ литературнымъ кругомъ Пушкина, потомъ съ Гоголемъ придавали его трудамъ и силу живаго вліянія на тогдашній ходъ литературныхъ идей.

Какъ писатель, Максимовичъ прекрасно владѣлъ малорусскимъ языкомъ, напр., въ переводѣ Слова о полку Игоревѣ; онъ былъ также однимъ изъ первыхъ малорусскихъ переводчиковъ Св. Писанія, именно въ „Псалмахъ, переложенныхъ на украинское нарѣчіе" (1859, 1867).

Послѣднее изданіе пѣсенъ Максимовича въ свое время считалось авторитетнымъ; но теперь болѣе внимательное изученіе открыло, что въ этомъ сборникѣ есть поддѣлки,—на которыя, какъ видно, смотрѣли тогда очень снисходительно [2]). Въ тѣ же годы, И. И. Срезневскій (род. 1812), впослѣдствіи столь извѣстный славистъ, началъ издавать „Запорожскую Старину" (2 части, въ 6 книжкахъ, Харьковъ, 1833—1838), гдѣ сообщено было значительное число думъ и пѣсенъ съ историческими объясненіями, но, какъ теперь выясняется, и здѣсь, какъ у Максимовича, было много несомнѣнныхъ поддѣлокъ [3]). Далѣе, явился сборникъ Платона Лукашевича: „Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни", Спб. 1836, который воспользовался и русинскимъ матеріаломъ. Въ пятидесятыхъ годахъ старые сборники были смѣнены новымъ сборникомъ упомянутаго прежде профессора харьковскаго, послѣ кіевскаго университета, Амвросія Метлинскаго: „Народныя южнорусскія пѣсни", Кіевъ, 1854 [4]). Въ 1856—57 вышли „Записки о Южной Руси" г. Кулиша, съ замѣчательнымъ этнографическимъ матеріаломъ. Эта книга также не обошлась безъ поддѣлки; издатель напечаталъ мнимо древнюю думу—о морскомъ походѣ князя-язычника въ

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Кіевъ, 1876—1877, 2 большихъ тома; при третьемъ томѣ должна явиться біографія Максимовича.

[2]) См. указанія объ этомъ у Антон. и Драгом., «Истор. Пѣсни», т. I, предисловіе. Вообще о Максимовичѣ, см. некрологъ въ «Вѣстн. Евр.», 1874, мартъ, 442—453; Костомаровъ, въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», 1877, № 25.

[3]) «Истор. Пѣсни», въ предисловіи. *Какъ* это дѣлалось, еще неизвѣстно; но самъ издатель такъ выражается впослѣдствіи о «Старинѣ»: «Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ записаны самимъ мною со словъ пѣвцовъ, другія мнѣ доставлены пріятелями и благопріятелями». Сборн. статей Акад. т. V, вып. II, 461—462.

[4]) О немъ см. въ статьѣ Де-Пуле о Харьковскомъ университетѣ, въ «Вѣстн. Евр.», 1874, февр. 101—104.

христіанскую землю, сообщенную Шинацкимъ-Иличемъ (I, стр. 172—178), но явно и притомъ дурно сочиненную [1]).

Костомаровъ издалъ тогда въ „Малорусскомъ литер. сборникѣ“ Д. Мордовцева (Саратовъ, 1859) пѣсни, собранныя имъ въ 1844 на Волыни. Н. Закревскому принадлежатъ: „Лѣтопись и описаніе города Кіева“, М. 1858; „Описаніе Кіева“, 2 тома. М. 1868, и „Старосвѣтскій Бандуриста“ (3 ч.), М. 1860—61, собраніе пѣсенъ, пословицъ, загадокъ, и малорусскій словарь.

Великимъ пособіемъ для изученія малорусской народности послужили изслѣдованія историческія. Мы видѣли выше, что со времени войнъ Хмельницкаго и въ теченіе XVIII вѣка малорусскіе патріоты-историки съ любовью собирали свѣдѣнія и разсказывали о прошедшихъ судьбахъ своего края. Труды ихъ лежали долго „подъ спудомъ“, или ходили по рукамъ въ спискахъ. Въ нашемъ столѣтіи продолжателями ихъ дѣла явились Дм. Ник. Бантышъ-Каменскій, потомъ Н. А. Маркевичъ (1804—1860) съ своими исторіями Малороссіи [2]), и съ сороковыхъ годовъ въ особенности извѣстный заслуженный славистъ, Осипъ Макс. Бодянскій (1808—1877). Въ 1846 году, московское „Общество исторіи и древностей россійскихъ“ предприняло изданіе извѣстныхъ „Чтеній“, и Бодянскій, который передъ тѣмъ былъ выбранъ секретаремъ общества и въ сущности былъ главнымъ его дѣйствующимъ лицомъ, особенное вниманіе обратилъ на малорусскія историческія произведенія стараго времени, до тѣхъ поръ никому не извѣстныя, кромѣ немногихъ любителей. Это было возстановленіе цѣлой литературы. Въ отдѣлѣ „матеріаловъ“, среди множества важныхъ источниковъ исторіи обще-славянской и русской, въ „Чтеніяхъ“ открылся цѣлый рядъ старыхъ малорусскихъ историческихъ памятниковъ. Въ 1849, изданіе „Чтеній“ подъ редакціей Бодянскаго было прекращено „по независящимъ обстоятельствамъ“, но и въ это короткое время Бодянскій успѣлъ издать замѣчательнѣйшія вещи, какъ Лѣтопись Самовидца, труды Ѳигельмана, Симоновскаго, Ханенка, „Исторія Руссовъ“ Конисскаго и т. д. Когда черезъ десять лѣтъ, „Чтенія“ были возстановлены, Бодянскій снова сталъ дѣйствовать въ Обществѣ исторіи и древностей и продолжалъ по прежней программѣ замѣчательное изданіе, необходимое для тѣхъ, кто изучаетъ малорусскую (также обще-русскую, и славянскую) древность, исторію и этнографію [3]).

---

[1]) Тогда же это было указано въ рецензіи «Современника». Ср. «Истор. Пѣсни», I, Предисл. XXI.

[2]) Выше упомянута книжка того же Маркевича: «Обычаи, повѣрья и проч. Малороссіянъ». Кіевъ, 1860. О Маркевичѣ см. «Р. Старину», 1874, кн. 5.

[3]) О Бодянскомъ у насъ будетъ еще рѣчь впереди; некрологъ его въ «Вѣстн. Евр.», 1877, окт. 899—904.

Въ сороковыхъ годахъ начался рядъ другихъ изданій, чрезвычайно важныхъ для изученія прошлаго юго-западной Руси. Во второй четверти столѣтія, правительство, сколь ни мало поощряло литературу, имѣло свои представленія о важности историческихъ изслѣдованій, и въ параллель извѣстной археографической коммиссіи въ Петербургѣ, начавшей съ тридцатыхъ годовъ изданіе старыхъ актовъ и лѣтописей, въ Кіевѣ основана была въ 1843 „временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ". Ревностнѣйшими начинателями этого дѣла были Максимовичъ и Ник. Дм. Иванишевъ (1811 — 1874), профессоръ и одно время ректоръ Кіевскаго университета. Иванишевъ сталъ вообще самымъ дѣятельнымъ работникомъ по археологическому изслѣдованію разныхъ остатковъ мѣстной древности, въ особенности по изученію архивной старины юго-западнаго края и изданію памятниковъ, которые доставили обильный матеріалъ для историковъ южной и западной Россіи и раскрыли историческую непрерывность ея русской народности подъ наплывомъ разныхъ чуждыхъ элементовъ [1]). Выше, въ библіографіи, указаны изданія этой кіевской „временной коммиссіи". Въ 1859, Коммиссія ближе ознакомившись съ кіевскимъ центральнымъ архивомъ, составленнымъ въ 1852 при кіевскомъ университетѣ изъ городскихъ и земскихъ актовыхъ книгъ, губерній Кіевской, Волынской и Подольской, расширила свои труды и начала изданіе „Архива Юго-Зап. Россіи", по слѣдующей программѣ; 1) матеріалы для исторіи православія въ западной Украйнѣ; 2) акты объ устройствѣ селеній; 3, о козакахъ и гайдамакахъ; 4) о происхожденіи шляхетскихъ родовъ; 5) о городахъ; 6) объ экономическомъ и юридическомъ бытѣ крестьянъ [2]). Каждому изъ отдѣловъ посвящено уже по нѣскольку томовъ. Вмѣстѣ съ Иванишевымъ работалъ, и послѣ него остался главной ученой силой „Архива" В. Б. Антоновичъ, какъ въ громадномъ трудѣ разбора матеріаловъ и редакціи изданія, такъ и въ историческомъ изслѣдованіи внутреннихъ отношеній стараго юго-запада. Таковы труды г. Антоновича, явившіеся результатомъ его архивныхъ изслѣдованій: „Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра"; „Изслѣдованіе о происхожденіи казачества"; „Очеркъ состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи въ XVIII вѣкѣ"; изслѣдованія о городахъ, о крестьянахъ, наконецъ о гайдамачествѣ,—все образцовые труды, гдѣ наглядно и доказательно выясняется народная исторія южной Руси [3]). Выше упомянуто о другомъ мѣстномъ изданіи, богатомъ матеріалами

[1]) Подробная біографія Иванишева, впрочемъ, довольно странная, въ «Древней и Новой Россіи», 1876.

[2]) Всего въ центральномъ архивѣ считалось 5,815 актовыхъ книгъ и 453,381 отдѣльныхъ актовъ съ XVI вѣка. Историческаго матеріала оказалось множество, хотя разсмотрѣно было еще не болѣе 500 книгъ.

[3]) О дѣятельности В. Б. Антоновича см. «Недѣлю», 1878, № 20—21.

и изслѣдованіями по южнорусской, особенно церковной исторіи — „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“. А. М. Лазаревскому принадлежитъ важное изслѣдованіе: „Малоросс. посполитые крестьяне, 1648—1783“ (Черниговъ 1860) и другія изысканія о старой Малороссіи. О трудахъ г. Костомарова мы говорили: по признанію малорусскихъ критиковъ, труды Костомарова о народной сторонѣ русской исторіи стали основой новаго украинства; его полемика съ Поляками и Москвичами выяснила сосѣдскія и родственныя отношенія малорусскаго народа; изслѣдованія о федерализмѣ древней Руси и старое „Кирилло-Меѳодіевское братство“ дали первое начало украинскаго панславизма.

Съ 1860-хъ годовъ начинаются особенно усердныя этнографическія изысканія, собираніе памятниковъ народной поэзіи, описаніе обычаевъ, наблюденіе народнаго быта общественнаго и экономическаго. Замѣчательные результаты этихъ трудовъ явились особенно въ 1870-хъ годахъ въ цѣломъ рядѣ важныхъ изданій и были справедливо оцѣнены нашими и западно-славянскими учеными. Съ 1873 года въ Кіевѣ началъ дѣйствовать „юго-западный отдѣлъ“ русскаго Географическаго Общества. Въ 1874—1875 вышли два тома „Записокъ“, гдѣ кромѣ изслѣдованій по естественной исторіи и экономіи страны помѣщены были замѣчательныя этнографическія работы П. П. Чубинскаго, А. А. Руссова, („Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ“), Н. В. Лисенка (о музыкальныхъ особенностяхъ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая), М. П. Драгоманова, П. С. Иващенко, А. И. Лоначевскаго, Г. И. Купчанко („Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ“, съ картой и сборникомъ пѣсенъ).

Рядомъ съ этимъ являлись замѣчательныя отдѣльныя собранія, напр. И. Я. Рудченко, Народныя южнорусскія сказки. 2 ч. Кіевъ 1869—70; Чумацкія народныя пѣсни, Кіевъ 1874 (ср. Вѣст. Евр. 1872, кн. IX—X); Лисенка, Зборник україньских пісень, 2 вып. Кіевъ 1872; А. И. Сементовскаго, Малорусскія загадки, Спб. 1872; Ефименко, Сборникъ малоросс. заклинаній (въ „Чтеніяхъ“ 1874, I, 1—70). Но въ особенности трудъ гг. Антоновича и Драгоманова: „Историческія пѣсни Малорусскаго народа“ (т. I. Кіевъ 1874; первый вып. II-го тома, 1875), образцовое изданіе пѣсенъ, основанное на обильномъ количествѣ варіантовъ, впервые освобождающее тексты отъ поддѣлокъ и подправокъ и снабженное обстоятельными историческими комментаріями. Къ сожалѣнію, о продолженіи этого изданія нѣтъ пока никакихъ извѣстій. Изъ матеріаловъ, собравшихся въ кіевскомъ Географическомъ Обществѣ, г. Драгомановъ составилъ „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, Кіевъ 1876. Костомаровъ, уже въ своей книгѣ 1843 года сдѣлавшій попытку историческаго опредѣленія рус-

ской народной поэзіи, возвратился къ этому предмету въ статьяхъ о великорусской народной поэзіи (Вѣстн. Евр. 1872, VI), и особенно подробно о малорусской („Историч. значеніе южнорусскаго нар. пѣсеннаго творчества", въ Бесѣдѣ 1872, IV—VI, VIII, X—XII). Онъ подробно останавливался также на изданіяхъ Антоновича и Драгоманова[1].

Остается упомянуть еще объ одномъ монументальномъ предпріятіи по изученію юго-западнаго края, исполненномъ малорусскими силами. Это—„Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русской край, снаряженной Имп. Рус. Геогр. Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ" (шесть большихъ томовъ, 1872—1877). Мысль о снаряженіи экспедиціи въ западный русскій край для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій возникла въ петербургскомъ Географическомъ Обществѣ еще въ 1862. Тогда же выработаны были программы, но политическія волненія западнаго края заставили отложить дѣло до болѣе спокойнаго времени. Въ 1865 вопросъ былъ поднятъ снова, снова обсуждены и отчасти измѣнены программы, даже начато исполненіе предпріятія (поѣздка С. Максимова въ западный край), но дѣло шло весьма неудовлетворительно. Наконецъ, въ 1869, коммиссія Географическаго Общества, завѣдывавшая этимъ дѣломъ, выбрала для изслѣдованія сѣверно-западнаго края г. Кузнецова, а для юго-западнаго пригласила П. П. Чубинскаго. Успѣхъ этого послѣдняго выбора вѣроятно превзошелъ ожиданія Географическаго Общества. Изслѣдованія поведены были съ замѣчательной энергіей и обдуманностью. Съ половины слѣдующаго, 1870, года, въ Общество уже начали поступать результаты трудовъ экспедиціи, которая встрѣтила самое теплое сочувствіе въ образованныхъ кругахъ южнаго края и могла воспользоваться изученіями, собраніями, указаніями, помощью мѣстныхъ ученыхъ и любителей. Съ 1872 начали появляться „Труды" экспедиціи Чубинскаго, которые печатались въ Петербургѣ подъ наблюденіемъ Костомарова и П. Гильтебрандта.

Въ 1-мъ томѣ (вып. 1, 1872; вып. 2, 1877) заключаются матеріалы о народныхъ вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ, колдовствѣ; загадки и пословицы. Томъ 2-й (въ печати) долженъ заключать сказки миѳическія и бытовыя.

---

[1]) Объ «Историч. Пѣсняхъ»—въ «Вѣстн. Евр.», 1874, XII; о «Нар. преданіяхъ и разсказахъ»—въ «Р. Старинѣ», 1877, XIX. Замѣтимъ еще рецензіи «Пѣсенъ» и «Малор. преданій» А. Н. Веселовскаго («Спб. Вѣдом.», 1874, № 278 и въ «Др. и Новой Россіи», 1877, II, 205—211); рецензіи «Пѣсенъ» Ив. Новицкаго (въ «Кіевлянинѣ», 1874, № 100); «Малор. народныя думы и кобзарь О. Вересай», Ор. Миллера, въ «Др. и Новой Россіи», 1875, IV, 348—362. Объ Останѣ Вересаѣ, котораго мы слышали въ Петербургѣ, см. также галицкую «Правду», 1868.

Прибавимъ еще, что въ «Памятной книжкѣ» Саратовской губ. на 1872 годъ, Саратовъ, 1872, есть свѣдѣнія о малорусскихъ островкахъ этой губерніи: «Малороссійскія пѣсни, записанныя въ Баландѣ, Аткарскаго уѣзда», С. Иллюминарскимъ (ч. II, отд. III, 1—27); «Слобода Самойлова», съ малорусскимъ населеніемъ, И. Горизонтова (тамъ же, стр. 28—43).

Томъ 3-й (1872): народный дневникъ. Томъ 4-й (1877): обряды—родины, крестины, свадьбы, похороны, съ подробнымъ описаніемъ обычаевъ, массою относящихся къ нимъ пѣсенъ и 138 №№ нотъ. Томъ 5-й (1874: 1209 стр.): пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя [1]). Томъ 6-й (1872): народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Томъ 7-й (вып. 1, 1872; вып. 2, 1877): Евреи; Поляки; племена не-малорусскаго происхожденія; Малоруссы—статистика, сельскій быть, языкъ, съ тремя картами: еврейскаго населенія юго-западнаго края, населенія католическаго и польскаго, и картой южнорусскихъ нарѣчій и говоровъ.

Таково богатое содержаніе, добытое экспедиціей въ очень короткое время. Фактъ очень замѣчателенъ, если обратить вниманіе на то, что эти матеріалы собраны и изслѣдованія сдѣланы исключительно мѣстными учеными силами, и быстрый успѣхъ предпріятія показываетъ, что въ обществѣ южнорусскомъ есть дѣйствительно живой интересъ къ всестороннему изученію своего народа и его общественныхъ отношеній, тотъ интересъ, на который указывало украинофильство и котораго само оно было выраженіемъ.

Изложенный выше ходъ научной реставраціи народной малорусской поэзіи показываетъ, что теперь еще трудно дать ея точную исторію. Съ одной стороны нѣтъ почти никакихъ записанныхъ памятниковъ ея изъ старыхъ временъ, съ другой ея современный составъ нельзя считать вполнѣ выясненнымъ и собраннымъ. Еще только начато первое критическое изданіе историческихъ пѣсенъ; еще только явился, въ экспедиціи Чубинскаго, первый опытъ систематическаго собранія народно-поэтическаго и бытового матеріала; едва начато сравнительно-историческое изученіе русской народной поэзіи въ трудахъ Веселовскаго, Драгоманова, Буслаева, и предъ настоящими и будущими изслѣдователями лежитъ еще длинный рядъ вопросовъ, между прочимъ и по самымъ основнымъ пунктамъ. Лучшій обзоръ малорусской народной поэзіи, въ ея современномъ status quo, читатель найдетъ въ названномъ выше сочиненіи г. Костомарова.

Новые изслѣдователи малорусскаго эпоса указываютъ въ немъ слѣдующіе періоды, отвѣчающіе историческимъ періодамъ народной жизни: 1) пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго, составляющія воспоминаніе изъ стараго еще до-татарскаго быта, который послѣ, при Гедиминовичахъ, продолжался до половины XVI вѣка или до Люблинской уніи; 2) пѣсни козацкаго вѣка, о борьбѣ съ Татарами и Поляками; 3) пѣсни вѣка гайдамацкаго, времени упадка козачества, но еще продолжавшихся притѣсненій въ тѣхъ частяхъ южной Руси,

[1]) Объ этомъ см. Ягича, Archiv, I. 320 и слѣд.

которыя оставались пока подъ польскимъ владычествомъ; 4) пѣсни вѣка рекрутскаго и крѣпостного, и наконецъ 5) новѣйшія пѣсни про волю.

Южнорусскій эпосъ забылъ, или почти забылъ преданія стараго Кіева, но взамѣнъ того народъ создалъ самобытную эпопею козацкой эпохи, которая отличается рѣзко отъ эпоса, сохранившагося на сѣверѣ Россіи. Въ то время какъ въ сѣверномъ эпосѣ наиболѣе развитымъ пунктомъ осталась Кіевская древность съ ея богатырями, а позднѣйшія историческія эпохи тронуты слабѣе и случайнѣе, центръ южнаго эпоса—вѣка́ козацкихъ войнъ; когда сѣверный эпосъ уже издавна забывался народомъ и въ послѣднее время былъ настоящимъ открытіемъ—въ захолустьяхъ, нетронутыхъ историческою жизнью, эпосъ малорусскій до послѣднихъ десятилѣтій оставался свѣжимъ фактомъ народной жизни. Наконецъ, сѣверная былина, въ своей основной кіевской части, осталась въ разумѣніи народа далекой миѳической древностью, непричастной настоящему, и могла сохранить тонъ эпическаго невозмутимаго спокойствія; южная дума выросла изъ живыхъ событій, и въ эпическій тонъ приливаетъ лирическое чувство.

Порожденный новыми условіями, южнорусскій эпосъ отличается такимъ образомъ и иными свойствами. Между тѣмъ какъ древній кіевскій эпосъ, даже какъ онъ сохраняется теперь, носитъ въ себѣ много миѳологическаго, не только въ случайныхъ подробностяхъ, но въ самой своей основѣ, новый малорусскій эпосъ исключительно героическій. Миѳологическіе мотивы и старыя эпическія формы остались въ немъ однимъ пріемомъ, условной манерой: это скорѣе поэтическій символизмъ, чѣмъ миѳологическое воспоминаніе. Существенное содержаніе эпоса—дѣйствительная исторія, его герои—дѣйствительные герои національной борьбы, которыхъ подвиги, характеры, трагическая судьба поражали воображеніе и чувство народа. Такимъ образомъ малорусскій эпосъ обнимаетъ всѣ существенные періоды исторической малорусской жизни съ XV-го по XVIII столѣтіе, разсказываетъ о борьбѣ съ Татарами и Турками въ степяхъ и на Черномъ морѣ, о бѣдствіяхъ невольничества, о войнахъ съ Польшей, наконецъ о новѣйшихъ событіяхъ, гайдамачествѣ и пр. При всемъ поэтическомъ колоритѣ этихъ произведеній въ нихъ нерѣдко съ точностью можетъ быть указанъ историческій фактъ, послужившій имъ основаніемъ, лицо, выбранное въ герои, и наконецъ общественныя и бытовыя отношенія;—все это трудно указать въ древнемъ эпосѣ. Поэтическая картина думы оттѣняется теплымъ чувствомъ лирической пѣсни и представляетъ нерѣдко замѣчательныя красоты, и это дѣлаетъ ее однимъ изъ привлекательнѣйшихъ явленій всей славянской поэзіи. Живое чувство природы даетъ

думѣ множество поэтическихъ образовъ, выразительно обставляющихъ эпическій сюжетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ собственно народная жизнь упадаетъ, малорусскій эпосъ теряетъ свою производительность. XVIII столѣтіе еще сохранило черты малорусской старины; Запорожье еще доживало послѣдніе дни; бурные подвиги прежняго времени находили отголосокъ въ удалыхъ похожденіяхъ гайдамакъ, въ „колиівщинѣ“,—и малорусская дума еще свѣжо хранилась въ памяти народа: бандуристы, кобзари, лирники могли еще передавать богатый запасъ старыхъ преданій, но теперь изслѣдователи-этнографы и любители спѣшатъ слышать и записать пѣсни „послѣднихъ менестрелей“ малорусской поэзіи.

Лирическія пѣсни Малоруссовъ отличаются той же поэтической свѣжестью и глубокимъ чувствомъ: кромѣ пѣсенъ личнаго, особенно женскаго чувства, малорусская поэзія представляетъ большое разнообразіе обрядныхъ и бытовыхъ пѣсенъ.

Одинъ изъ большихъ знатоковъ южнорусской народной поэзіи, самъ собиравшій ее изъ устъ народа, Костомаровъ, такъ сравниваетъ ее съ поэзіей великорусскаго племени: «Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разъ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріальному и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсенъ, присмотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другого племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народнымъ произведеніямъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи, напротивъ, въ нихъ высокопоэтическою является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что́ такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлилъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества.

«Великорусскій народъ, практическій, матеріальный по преимуществу, восходитъ къ поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность опоэтизированія всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, такъ часто ниспадаетъ до простой забавы и развлеченія. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку, тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени она болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эпоса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически

плѣняетъ насъ въ южнорусскихъ пѣсняхъ..... Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и снѣгъ—все дышетъ, мыслитъ, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, рѣдко возвышается (въ пѣсняхъ великорусскихъ) надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи ǒбразовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ изображается съ тою анакреонтическою граціею, которая скрадываетъ тривіальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагороживаетъ. Женщина, въ великорусскихъ пѣсняхъ, рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матеріею; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить чтó нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко высказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противоположность натуры того и другого племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода выработывается прелесть слова и выраженія, доходящая до истинной художественности; отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслію». (Историч. Монографіи, I, 266—268).

Народность бѣлорусская всего позднѣе у насъ обратила на себя вниманіе, и до сихъ поръ изучалась всего менѣе. Бѣлорусскій край, присоединенный при раздѣлахъ Польши, считался краемъ польскимъ, оставался по прежнему въ рукахъ польской администраціи, польскихъ помѣщиковъ, католическаго духовенства; никто не вспоминалъ, что народная масса въ этомъ краѣ — русская. Только недавно, съ польскаго возстанія, мы спохватились, что и здѣсь живетъ русскій народъ, и только теперь начались настоящія изученія.

Но этотъ край такъ долго жилъ въ союзѣ съ Польшей, доставилъ ей столько матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, что Польша естественно тоже считала его своимъ. И, если мы, говоря словами г. Безсонова, „теперь, весьма поздно, спохватились называть и признавать Бѣлоруссію своею..., то мы никакъ не осмѣлимся упрекнуть литературу и науку другую, польскую или ополяченную, за то, что она также точно, и гораздо раньше насъ, считала и вела дѣло изученія бѣлорусской народности и старины своимъ, собственнымъ и приснымъ,

убѣждаясь къ тому и дѣйствительнымъ родствомъ, хотя подалѣе нашего, и родствомъ привычки давняго сожительства, и памятью о существѣ или корнѣ мѣстныхъ, позднѣе ополяченныхъ, формъ жизни" [1]. Первыя изученія были сдѣланы польскими писателями, и ихъ труды, особенно прежніе, были большою научною заслугой. „Дурно, — продолжаетъ Безсоновъ, — если въ дѣло это замѣшивалась политика, съ исключительностью польской тенденціи: но это случалось, въ настоящемъ вопросѣ, лишь позднѣе, а мы должны вспомнить, что мы сами разсчитывали, по крайней мѣрѣ недавно, сдѣлать изъ всего этого также орудіе политическое. Во всякомъ случаѣ другая сторона предварила насъ"... Прежніе польскіе дѣятели, „не обинуясь, называли языкъ и народъ съ его произведеніями прямо *русскимъ*, и только позднѣе, подъ вліяніемъ политики, стали появляться и утвердились разныя хитросплетенныя названія, скрывавшія суть дѣла, не чуждыя, къ сожалѣнію, и нашему собственному невѣжеству".

Отсылая читателя, который искалъ бы подробностей о ходѣ изученій бѣлорусской народности, къ названной книгѣ Безсонова, приводимъ лишь главнѣйшія указанія.

Еще знаменитый польскій лексикографъ Линде въ своемъ „Словарѣ польскаго языка" (1-е изд. 1814) ввелъ многія бѣлорусскія выраженія, и съ ними черты быта и народнаго творчества. Лукашъ Голембёвскій въ своихъ сочиненіяхъ (особенно, Lud Polski, 1830) сообщилъ довольно чертъ бѣлорусскаго быта, между прочимъ нѣсколько пѣсенъ, въ подлинникѣ, хотя въ латинской азбукѣ. Извѣстный польско-русскій археологъ, Зоріанъ Доленга-Ходаковскій самъ собиралъ бѣлорусскія пѣсни изъ устъ народа. Мало-по-малу интересъ къ народному творчеству возрасталъ; пѣсни являлись въ сборникахъ уже съ полнымъ польскимъ правописаніемъ или просто переводились на польскій языкъ, такъ что къ тогдашнимъ сборникамъ надо относиться очень осторожно. Въ нашемъ столѣтіи западный и южный край дали Польшѣ цѣлый рядъ замѣчательныхъ поэтовъ, и въ томъ числѣ величайшаго изъ польскихъ поэтовъ, Мицкевича, и нѣтъ сомнѣнія, что народная поэзія Украйны и Бѣлоруссіи имѣла свою долю вліянія на ихъ поэтическое развитіе. Изъ болѣе крупныхъ сборниковъ этого времени, бѣлорусскія пѣсни (подъ именемъ „славяно-кривическихъ") попали въ книжки: „Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny", Вильна 1837—44; „Piosenki gminne ludu Pińskiego", Ковно 1851, Ромуальда Зенкевича; „Pieśni ludu", Варшава 1836, извѣстнаго Казиміра-Владислава Войцицкаго. Книжка Алекс. Кыпинскаго, „Białoruś", Парижъ, 1840, тенденціозна и ненаучна.

---

[1]) Бѣлор. пѣсни, XX—XXI.

Въ русской литературѣ, кажется, впервые Калайдовичъ, извѣстный археологъ, обратилъ вниманіе на особенности бѣлорусскаго нарѣчія. Позднѣе, П. В. Кирѣевскій, которому принадлежатъ столь великія заслуги въ изученіи русской народной поэзіи, возбуждаемый примѣромъ Ходаковскаго, посѣтилъ Бѣлоруссію, и хотя самъ не собиралъ здѣсь пѣсенъ, но вошелъ въ сношенія съ нѣсколькими лицами, которыя доставили ему пѣсни, записанныя польскимъ письмомъ. Извѣстно однако, что, кромѣ небольшой доли, онъ такъ и не могъ самъ издать своего собранія. П. Безсоновъ, предпринявъ изданіе собраній Кирѣевскаго (сначала, изданіе духовныхъ стиховъ) и дополняя ихъ самъ, коснулся и области бѣлорусской и между прочими народными бѣлорусскими рукописями пріобрѣлъ замѣчательную рукопись этого рода изъ XVII вѣка [1]).

Между тѣмъ на мѣстѣ дѣло развивалось своимъ путемъ. Бѣлорусская старина, въ общемъ составѣ исторической „Литвы“, нашла замѣчательныхъ историковъ въ лицѣ знаменитаго Нарбутта, Ярошевича, Лукашевича, Крашевскаго, Даниловича и пр. Затѣмъ, начались русскія изданія западныхъ актовъ, начиная съ трудовъ прот. Григоровича и кончая изданіями виленской археографической коммиссіи, гдѣ съ 1867 г. предсѣдательствуетъ галицкій ученый, выѣхавшій въ Россію, Я. Головацкій. Гр. Тышкевичъ, извѣстный мѣстный археологъ, издалъ въ 1847, на польскомъ языкѣ, описаніе Борисовскаго уѣзда Минской губ., а затѣмъ стали появляться статистическія и этнографическія описанія уже на русскомъ языкѣ. Таковы труды А. Киркора, въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, „Этнограф. Сборникѣ“ Петерб. Геогр. Общества, 1858, и проч. Но у Киркора мѣстное населеніе еще не всегда называется русскимъ, это — „славянское“ племя, нарѣчіе его — „кривичанское“; но сравнительно съ прежнимъ, и то былъ успѣхъ. Въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ и другихъ изданіяхъ Географ. Общества разбросано вообще довольно много свѣдѣній и матеріаловъ, но все это еще очень случайно, отрывочно, не приведено къ общему вопросу; остается не выяснена самая область русской народности западнаго края, въ ея цѣломъ. Много свѣдѣній представляютъ далѣе „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, издававшіеся съ конца 1850-хъ годовъ при генеральномъ штабѣ, по губерніямъ; но собственно этнографическая сторона этихъ описаній страдаетъ тѣми же недостатками; такъ и здѣсь еще, напр. у г. Коревы, повторяется „кривичанское“ племя и бѣлорусскія пѣсни называются пѣснями „Славянъ“. Въ „Матеріалахъ“ изданы описанія гу-

[1]) Образцы изъ нея даны были въ «Историч. Хрестоматіи» Буслаева, М. 1861, стр. 1623—1624.

берній: виленской—Коревы (1861), ковенской—Аѳанасьева (1861), минской—Зеленскаго (1864), смоленской—Цебрикова (1862), гродненской—Бобровскаго (1863, обширное и лучшее изъ всѣхъ описаній, гдѣ много мѣста заняла и этнографія). Далѣе, этнографическій матеріалъ о бѣлорусской народности находимъ въ изданіяхъ II отдѣленія Академіи; сборники пословицъ Шпилевскаго, Носовича; первый бѣлорусскій словарь, Носовича.

Польское возстаніе и потомъ усмиреніе его отразились въ положеніи края, а также въ литературѣ очень странными явленіями, которыя вѣрно указаны Безсоновымъ (тамъ же, XVII--XVIII, XLVII, LIII). Явились въ краѣ особаго рода дѣятели, которыхъ нельзя было признать лучшими представителями русскаго общества и образованности. Въ первый разъ узнали, что западный край — русскій; возникла идея „обрусенія" и также „возстановленія" русской народности въ краѣ, которымъ владѣли Поляки. Но оказалось, что самая народность Бѣлоруссіи была не та, какую „дѣятели" ожидали встрѣтить; и они принялись подправлять эту народность на извѣстный имъ образецъ. Это отразилось и въ той области, гдѣ повидимому надо было бы ожидать пониманія историческихъ процессовъ, и разнообразія явленій въ одномъ племенномъ типѣ.

Въ это время явилось изданіе П. Гильтебрандта: „Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверозападномъ краѣ", Вильна 1866, изданіе не критическое, куда между прочимъ попали и поддѣланныя пѣсни, и грубыя разсужденія о національныхъ отношеніяхъ края. Тотъ же издатель, вмѣстѣ съ другими лицами работалъ надъ „Археографическимъ Сборникомъ" по исторіи западнаго края.

Нѣсколько пѣсенъ, хорошо записанныхъ, помѣщено было въ „Вѣстникѣ Западной Россіи"; безъ ученыхъ претензій, съ ошибками, но не безполезно „Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверозап. края", М. Дмитріева, Вильна, 1869. А. Сементовскій издалъ „Этнографическое обозрѣніе Витебской губерніи", Спб. 1872. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ книги. Одна — „Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта", П. Безсонова вып. 1, М. 1871 [1]). Другая — „Бѣлорусскія народныя пѣсни съ относящимися къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями, съ приложе-

---

[1]) Предисловіе Безсонова, которое мы цитировали, важное какъ свидѣтельство дѣйствующаго лица и очевидца, можетъ дать читателю любопытныя данныя о положеніи народности въ краѣ вслѣдъ за польскимъ возстаніемъ. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ въ его защитѣ народной индивидуальности и во взглядѣ на «дѣятелей»,—но находимъ забавными нападенія на «Петербургъ», который у него во всемъ виноватъ. Бо́льшее безпристрастіе сказало бы г. Безсонову, что «дѣятелей», «полонофаговъ», «обрусителей» и т. п. Москва воспитывала столько же, если не гораздо больше.

ніемъ объяснительнаго словаря и грамматическихъ примѣчаній", П. Шейна, Спб. 1874. Эти два изданія представляютъ начало серьёзнаго, научнаго изслѣдованія бѣлорусскаго народнаго быта и поэзіи.

III. Галицкіе Русины.

Галицкая земля въ древности принадлежала къ центральнымъ пунктамъ Славянства [1]). Здѣсь была Великая Хорватія и Великая Сербія, откуда вышли нѣкогда па юго-западъ племена этого имени. Имя Хорватовъ долго сохранялось и на мѣстѣ, за однимъ изъ племенъ карпатскаго края. Въ IX вѣкѣ, западная часть нынѣшней Галиціи входила въ составъ извѣстнаго велико-моравскаго княжества, въ X-мъ одно время принадлежала чешскому королевству, отъ него взята была Польшей; восточная часть была въ концѣ X вѣка завоевана кіевскимъ княземъ Владиміромъ: этотъ край уже тогда назывался „Червонная Русь" (Червенскіе города). Отнятый королемъ польскимъ Болеславомъ, онъ былъ снова завоеванъ русскими князьями Ярославомъ и Мстиславомъ, и съ половины XI вѣка оставался въ родѣ князя Ростислава Владиміровича. Въ половинѣ XII столѣтія Владимірко выбралъ своей

---

[1]) По этнографіи и статистикѣ Галицкой и Венгерской Руси и Буковины, см.:
— Шафарикъ, Slov. Národopis, 1849, и статистики Австро-Венгріи.
— Як. Головацкій, Cesta po halické a uherské Rusi, въ чешскомъ «Часописѣ» 1841—42, и еще 1843; Карпатская Русь, въ «Слав. Сборникѣ» I, 1875, 1—31; II, 1877, 55—84, съ этнографической картой Галиціи, Буковины и Венгерской Руси.
— И. Срезневскій, Русь Угорская, въ «Вѣстникѣ Географ. Общества». Спб. 1851—1852, IV.
— Дешко, о Карпатской Руси, въ галицкой «Семейной Библіотекѣ» 1855.
— H. J. Bidermann, Die ungarischen Ruthenen. I. Statistik, Geo- und Ethnographie. II. Historischer Theil. Innsbruck, 1862—67.
— Schmedes, Geogr.-statist. Uebersicht Galiziens und der Bukowina. Lemberg, 1869.
— «Славянскій Сборникъ» I, 1873, 31—88 (статьи Наумовича и другихъ).
— H. Stupnicki, Geogr.-statystyczny opis królewstwa Galicyi i Lodomeryi. Lwów, 1864.
— Wł. Rapacki, Ludność Galicyi, Lwów 1874.
— Г. И. Купчанко, Нѣкоторыя историко-географ. свѣдѣнія о Буковинѣ. Кіевъ, 1875 (въ «Запискахъ юго-зап. отдѣла Геогр. Общ.» т. II, 289—369). Буковина и ея народонаселеніе, въ Буков. Календарѣ 1875.
— «Австро-Венгрія». Составл. Ѳ. Фельдманомъ и А. Риттихомъ, подъ ред. Н. Обручева. 3 вып 4°. Спб. 1874—76.
По исторіи:
— Общія книги по русской и польской исторіи, для древней исторіи Галича и Владиміра-Волынскаго.
— Engel, Geschichte von Halitsch und Wladimir; 2 ч. Вѣна, 1793; Gesch. der Ukraine und der ukrain. Kosaken, wie auch der Königr. Halitsch und Wladimir. Halle 1796.
— Денисъ Зубрицкій (Dion. Zubrzycki), Kronika miasta Lwowa. Lwów 1844; Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси, до конца XV столѣтія. Пер. съ польскаго О. Бодянскаго. М. 1845; Исторія древняго Галичско-русскаго княжества, 4 ч. Львовъ, 1852—55 (по-русски).

столицей Галичъ на Днѣстрѣ, — это было начало *Галицкаго княжества*. Владимірко, предпріимчивый, хитрый и энергическій, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ удѣльныхъ князей своего времени. Его сынъ былъ знаменитый Ярославъ Осмомыслъ, упоминаемый въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Съ переходомъ русскаго великаго княженія на сѣверовостокъ, въ Суздаль, Галичъ составилъ особое владѣніе, обыкновенно не признававшее главенства князей суздальскихъ. Исторія Галицкаго княжества въ XII—XIII вѣкахъ имѣла свои блестящія времена процвѣтанія и политической силы,—но также смутъ внутренней и внѣшней борьбы. Уже по смерти Ярослава Галичъ становится предметомъ споровъ между русскими князьями разныхъ линій, а также сосѣдями, Поляками и Венграми. Въ 1199 умеръ послѣдній изъ Ростиславичей, и послѣ новыхъ волненій Галицкое и Владиміро-Волынское княжества соединились подъ властью другого знаменитаго князя Галицкой Руси, Романа, который присоединилъ къ своему княжеству самый Кіевъ и назывался даже „самодержцемъ всей Руси“. Но Романъ правилъ недолго. Сынъ его, Даніилъ, остался по смерти отца ребенкомъ, въ молодости нѣсколько разъ получалъ престолъ своего отца, въ 1224 году сражался съ русскими князьями противъ Татаръ при Калкѣ, и только къ серединѣ XIII вѣка утвердился въ Галичѣ, и назывался королемъ русскимъ. Съ татарскимъ нашествіемъ, связи Галича съ восточной Русью прерываются: югъ былъ въ упадкѣ отъ татарскихъ разореній; сѣверъ былъ далеко, а дома все настойчивѣе становились притязанія и вліянія

— K. Stadnicki, Synowie Gedymina, 3 тома. Львовъ, 1853 (именно томъ 2-й; Lubart, ksiąže Wolynski).

— М. Смирновъ, Судьба Червонной или Галицкой Руси до соединенія ея съ Польшею (1387). Спб. 1860.

— Aug. Bielowski, Królestwo Galicyi, въ Bibl. Ossolińskich, poczet nowy, I, 1—43. Львовъ, 1862.

— Ис. Шараневичъ (Izydor Szaraniewicz), Исторія Галицко-Володимирскои Руси отъ найдавнѣйшихъ временъ до року 1453. Львовъ, 1863, съ картой; Kościelne sprawy na Rusi za rządow Kazimierza Wielkego. Bibl. Ossol., тамъ же, II, 318—337; Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniéj w drugiéj połowie XV wieku. Lwów 1869; Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-völker im Alterthum und im Mittelalter. Lemberg 1871.

— А. Петрушевичъ, сочиненія, указанныя далѣе въ текстѣ.

— Дулишкевичъ, Историческія черты Угро-Русскаго народа. Унгваръ, I—III. 1875—77.

— А. Шагуна (еп. трансильванскій), Gesch. der griechisch-orientalischen Kirche in Oesterreich. Hermanstadt, 1862.

— I. Fiedler, Beiträge zur Geschichte der Union der nen in Ungarn,Ruthe въ Sitzungsberichte вѣнской акад. XXXIX. 1862.

— Орлай, «Исторія о Карпато-Россахъ», въ Сѣверн. Вѣстникѣ, 1804.

— Войтковскій, «Объ уніи венгерскихъ Русиновъ», Рус. Бесѣда, 1859, кн. IV.

— Игуменъ Арсеній, «Русскіе въ Венгріи», Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, іюнь, 699—716.

— Матисовъ, «Движеніе народной жизни въ Угорской Руси», Бесѣда, 1871, VI, 225—248.

— Влад. Мордвиновъ, Православная церковь въ Буковинѣ. Спб. 1874.

— Г. А. Деволанъ, Угорская Русь. Историческій очеркъ. М. 1878.

польскаго и венгерскаго сосѣдства. Конецъ XIII вѣка занятъ былъ правленіемъ Льва Даниловича. Правнукъ Льва, Юрій II Андреевичъ, былъ послѣднимъ самостоятельнымъ княземъ Галича. По его смерти, въ 1337 году, Галицкая Русь снова стала добычей, за которую спорили княжество Литовское, Польша и Венгрія. Въ 1352, король польскій Казиміръ, въ династическомъ договорѣ съ Людовикомъ венгерскимъ (послѣ Казиміра онъ былъ королемъ польскимъ), уступалъ ему верховное право на Галицію,—это обстоятельство черезъ 420 лѣтъ и послужило основаніемъ для такъ-называемой „ревиндикаціи" Галиціи со стороны Австріи. Наконецъ, въ 1387 Галицкая Русь была окончательно присоединена къ Польшѣ, какъ собственность польской короны, и называлась съ тѣхъ поръ „русскимъ воеводствомъ"; Волынь, которая раньше досталась Литвѣ, присоединена была къ Польшѣ въ составѣ княжества Литовскаго, вслѣдствіе брака Ядвиги и Ягелла.

Такимъ образомъ, въ началѣ своей исторіи Галицкая Русь была непосредственно связана съ цѣлой Русью и составляла часть древней федераціи русскихъ княжествъ: это былъ тотъ же народъ (южнорусскій), тотъ же княжескій родъ, то же кіевское православіе, іерархія, бытъ, языкъ, наконецъ письменность. Древнія племенныя дѣленія и здѣсь, какъ въ цѣлой Руси, со временемъ изчезли и смѣнились объединяющимъ именемъ Руси, обозначавшимъ тогда, какъ извѣстно, въ особенности южную отрасль русскаго народа; эту Галицкую Русь тянуло къ Кіеву; въ Кіевѣ также считали ее своею, и авторъ „Слова о полку Игоревѣ" съ гордостью говоритъ о галицкихъ князьяхъ, какъ о славѣ русскаго княжескаго рода.

Но съ половины XIV вѣка дѣло измѣняется. Галицкая Русь вошла въ составъ Польши и съ тѣхъ поръ дѣлила ея внѣшнюю политическую судьбу въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ до паденія этого государства. Польское господство обнаружилось постепеннымъ и, наконецъ, крайнимъ упадкомъ русской народности. Галицкая Русь отличалась отъ другихъ русскихъ земель, между прочимъ, той особенностью, что здѣсь уже рано, съ XII вѣка, развилась боярская аристократія, которая, поставивъ свои сословные интересы выше народныхъ, несетъ бóльшую долю вины въ политическихъ бѣдствіяхъ Галицкой Руси. Подъ господствомъ Польши, галицкіе высшіе классы стали принимать польскіе обычаи, языкъ, католичество, и наконецъ совсѣмъ отрывались отъ народной массы. Русская народность въ концѣ-концовъ осталась только за этой массой, больше и больше терявшей свои правà національныя, церковныя и общественныя. Словомъ, здѣсь съ половины XIV вѣка началось то положеніе вещей, которое въ Кіевской и западной Руси развилось особенно съ XVI столѣтія, вызвавши тамъ бурную національную реакцію. Здѣсь подобный отпоръ былъ невозможенъ;

народъ рано остался безъ руководителей, когда его боярство соединилось съ польскимъ, притомъ былъ страшно ослабленъ и подавленъ внѣшними бѣдствіями: еще съ съ древняго періода страна, кромѣ княжескихъ междоусобій, польскихъ и венгерскихъ войнъ, подвергалась набѣгамъ и опустошеніямъ отъ Татаръ, Молдаванъ, козаковъ, Турокъ. Наконецъ, религіозныя стѣсненія надолго оставили народъ и безъ церковнаго руководства. Уже въ 1361 году основана была во Львовѣ католическая епископія, хотя въ ту пору католиковъ было еще мало, и то были только пришлые Поляки, Венгры, Нѣмцы; католицизмъ тотчасъ сталъ властью, онъ давалъ своимъ послѣдователямъ разныя выгоды и привилегіи, а съ другой стороны, православная митрополія не была замѣщена почти двѣсти лѣтъ (1361—1539). Когда совершилась брестская унія, галицкіе епископы (львовскій и перемышльскій) больше ста лѣтъ не приступали къ ней; Галичане приняли дѣятельное участіе въ защитѣ православія, но въ 1700 году епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій принялъ унію, которая господствуетъ въ Галиціи и донынѣ.

Несмотря на то, что Галицкая Русь гораздо раньше Кіевской и Западной подверглась двойному гнету, національно-политическому и религіозному, и народныя силы были подорваны, здѣсь нашло сильный откликъ національно-религіозное возбужденіе, охватившее съ XVI вѣка Литву и Украйну. Когда здѣсь поднялись волненія въ защиту правъ народа и религіи, эта борьба нашла и въ Галицкой Руси своихъ ревностныхъ участниковъ и руководителей. Здѣсь въ XVI столѣтіи основывались братства, школы, типографіи, которыя доставляли полемическое оружіе для обороны православія; на галицкой землѣ совершились многіе рѣшительные эпизоды войнъ Хмельницкаго. Но войны кончились; въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, Заднѣпровская („правобо́чная“) Украйна осталась за Польшей, а тѣмъ болѣе Галиція: шляхетско-республиканское правленіе лежало всей своей тяжестью на русскомъ народѣ; православные элементы подавлены уніей; русская народность была унижена и презираема.

Съ первымъ раздѣломъ Польши, Галиція отошла къ Австріи, которая на основаніи упомянутаго договора 1352 между королемъ польскимъ и венгерскимъ заявляла права на Галицію, какъ на достояніе венгерской „короны“. Галиція получила при этомъ титулъ королевства (Königreich Galizien und Lodomerien,—т.-е. Галицкое и Владимірское). Правленіе Іосифа II ознаменовано большими преобразованіями въ управленіи, заботами объ устройствѣ края, закрытіемъ католическихъ монастырей, основаніемъ во Львовѣ университета, но вмѣстѣ стремленіями къ германизаціи, для выполненія которой явилось много пришлаго чиновничества, особенно своихъ же братьевъ-Славянъ, Мораванъ и Чеховъ. Но впослѣдствіи польскій элементъ снова господствовалъ надъ русин-

скимъ. Въ 1809, по вѣнскому миру Австрія потеряла значительную часть Галиціи, вошедшую тогда въ составъ герцогства Варшавскаго, но Вѣнскій конгрессъ возстановилъ ее опять въ прежнемъ видѣ: такъ она остается и до настоящаго времени.

Внутреннія политическія отношенія Галиціи подъ австрійскимъ правленіемъ, какъ мы видѣли, остались тѣ же, какія завѣщала Польша. Продолжалась борьба между двумя національными элементами, или вѣрнѣе подавленіе русинскаго польскимъ. Австрійское управленіе только временами нейтрализовало эту борьбу, но не уничтожило ея. Поляки, по старому преданію, продолжали считать себя господами Русиновъ и вообще не хотѣли признавать въ Галиціи другой національности кромѣ польской. Въ 1846, когда Поляки задумали возстаніе, въ польскомъ и панскомъ смыслѣ, русинскіе крестьяне извѣстной страшной рѣзней польскихъ помѣщиковъ заявили противъ нихъ свой протестъ и соціальный, и національный. Австрійское правительство опять сочло нужнымъ воспользоваться русинскимъ элементомъ противъ польскаго, и тогда-то графъ Стадіонъ, правитель Галиціи, „изобрѣлъ Русиновъ", какъ говорили вѣнскіе юмористы того времени. 1848 годъ открылъ наконецъ и для русской народности въ Галиціи перспективу политическихъ правъ, и съ тѣхъ поръ борьба выступила наружу, переходя различныя положенія, то извѣстной свободы, то прежняго притѣсненія; австрійское правительство смотря по обстоятельствамъ то „изобрѣтаетъ" и поддерживаетъ Русиновъ, когда надо воздержать Поляковъ, то опять „отдаетъ ихъ на жертву" Полякамъ...

Главныя событія исторіи Галицкой Руси.

907—Галицкіе «Хорваты» участвуютъ въ походѣ Олега на Царьградъ.

981—Владиміръ, русскій князь, завоевалъ отъ Ляховъ Перемышль и Червенскіе города (Червонную Русь).

1145—Владимірко. Княжество *Галицкое*.

1153—1187. Ярославъ Осмомыслъ.

1199—Романъ, князь владиміро-волынскій, соединяетъ Волынь и Галичъ.

1249—1264. Даніилъ Романовичъ, въ Галичѣ, «король русскій».

1268—1270. Левъ Даниловичъ строитъ Львовъ.

1335 (около)—Смерть Юрія II Андреевича, правнука Льва, послѣдняго самостоятельнаго русскаго князя въ Галичѣ.

1387—Присоединеніе Галицкой Руси къ Польшѣ. (Волынь ранѣе досталась Гедимину). Галиція дѣлитъ исторію Польши и Малороссіи.

[Съ XIII вѣка нашествія Татаръ; потомъ Молдаванъ, Турокъ; козацкія войны].

1772—Первый раздѣлъ Польши. Галиція отходитъ къ Австріи.

1777—Присоединеніе Буковины къ Австріи.

1784—Основаніе университета во Львовѣ, при Іосифѣ II. (Въ 1806, этотъ университетъ соединенъ съ Краковскимъ).

1795—Третій раздѣлъ Польши.
1809—Вѣнскій миръ.
1817—Возобновленіе львовскаго университета.
1846—Галицкая рѣзня.
1848—Начало національно-политическаго возрожденія Галицкой Руси.

Выше мы говорили, какимъ образомъ сдѣлались предметомъ спора южные памятники древней русской письменности, которые въ послѣдующіе вѣка стали историческимъ преданьемъ Россіи сѣверной и московской, и поэтому считаются фактомъ обще-русской, даже по преимуществу великорусской исторіи, а съ другой стороны у малорусскихъ историковъ считаются за преданье собственно малорусское. Галицкіе ученые и патріоты также видятъ въ нихъ достояніе своей исторіи [1]): Несторъ, Иларіонъ, Владиміръ Мономахъ, Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, Слово о полку Игоревѣ, усвоиваются и ими какъ южнорусское историческое воспоминаніе; Южная Русь, къ которой они себя причисляютъ, является у нихъ „представительницей всего умственнаго развитія по всѣмъ землямъ, называвшимся русскими" (Головацкій, Предподав., 14). Словомъ, эта оторванная часть Руси вполнѣ объединяетъ свою старую исторію съ исторіей кіевской Руси, — и имѣетъ на то полное право, потому что въ тѣ вѣка составляла съ ней одно цѣлое, и политическое и національное. Какъ была тѣсна эта связь въ понятіяхъ того времени, видно изъ лѣтописи, которая знаетъ близко Червонную Русь и слѣдитъ за ней наравнѣ со всѣми другими русскими землями, видно изъ „Слова о полку Игоревѣ", ко-

---

[1]) По литературѣ Галицкой Руси см.:

— Іосифъ Левицкій, Судьба галицко-русскаго языка и литературы, въ «Денницѣ» П. Дубровскаго, 1843, мартъ и апрѣль, и въ Jahrb. der slav. Liter., Іордана, 1844, 5—6 Hefte.

— Як. Головацкій, Три вступительнiи предподаванія о руской словесности. Львовъ, 1849; Историческій очеркъ основанія Галицко-руской Матицѣ и проч. Львовъ, 1850; Библіографія галицко-русская съ 1772—1848 года, въ «Галичанинѣ», 1863, вып. III—IV, стр. 309—327; О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи со временъ Австрійскаго владѣнія въ той землѣ (39 стр.; изъ Науковаго Сборника, вып. II, 1865); О червонно-русской литературѣ, въ «Поэзіи Славянъ», стр. 197—204; Дополненіе къ Очерку славяно-русской библіографіи, Ундольскаго (въ Сборникѣ стат. Акад. XI, 1874), и другія библіогр. замѣтки въ томъ же Сборникѣ, т. X, XVII.

— Зоря Галицка, съ 1848; Галичанинъ; Временникъ Института Ставропигійского; Науковый Сборникъ; Правда, и др. галицкія изданія представляютъ много историческаго матеріала.

— Основа, 1862: «Русины въ 1848 году» (апр.); «Библіограф. указатель галицко-русской словесности», Вл. Межова (іюнь).

— Современникъ, 1861: «Національная безтактность» (кн. 7).

— М. Т—овъ, Литературное движеніе въ Галиціи, въ «Вѣстникѣ Евр.» 1873, сент.-октябрь.

— М. Драгомановъ, о галицко-русской литературѣ въ предисловіи къ изданію повѣстей О. Федьковича. Кіевъ, 1876; разборъ «Дополненія» Головацкаго, въ Древней и Нов. Россіи, 1876, I, 90—93.

— Украінець. Литература российска, великорусска и пр. Львовъ, 1873—74 (изъ «Правды» г. VI—VII).

торое дѣлаетъ извѣстное поэтическое обращеніе къ галицкому князю Ярославу [1]). Одна изъ замѣчательнѣйшихъ лѣтописей нашей старины, Волынская, извѣстная своимъ оригинальнымъ живымъ разсказомъ, принадлежитъ именно галицко-волынскому краю древней Руси. Но въ Галицкой Руси еще несравненно болѣе чѣмъ въ Кіевской, эти древнѣйшія преданія забылись потомъ, подъ вліяніемъ цѣлыхъ вѣковъ чужой власти, католицизма и уніи.

Далѣе, галицкіе историки считаютъ преданьемъ своей литературы и Литовскій Статутъ, дѣятельность Швайпольта Фіоля въ Краковѣ, Скорины и Константина Острожскаго, и самое козачество съ его подвигами и его поэзіей. Кому въ дѣйствительности принадлежали эти факты, мы видѣли прежде: факты, происходившіе въ Вильнѣ и Кіевѣ, нельзя, разумѣется, приписать Львову, но народно-общественное движеніе, начавшееся съ XVI вѣка въ Руси литовской, кіевской и галицкой, начавшееся при одинаковыхъ источникахъ, условіяхъ и цѣляхъ, представляло тѣсную солидарность, которая часто не даетъ никакой возможности выдѣлять мѣстные факты изъ цѣлаго. Такова была роль, которую играли въ этомъ движеніи Львовское братство, галицкія школы и типографіи, церковные дѣятели и писатели. Труды этихъ дѣятелей въ составѣ южнорусской образованности XVI—XVII вѣка принесли также свою историческую долю для послѣдующаго развитія образованности обще-русской.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ, образовательная дѣятельность юга раздѣлилась и главное теченіе ея направилось въ Россію. Въ той части Южной Руси, которая осталась за Польшей, и особенно въ Галиціи, продолжалось прежнее угнетеніе русской народности и ея православія; но сила сопротивленія все болѣе и болѣе упадала, и положеніе галицко-русской народности становилось по

— М. Колодскій, Замѣтки о Галиціи, въ Спб. Вѣдом. 1869, №№ 293, 297, 305. Другія указанія приведены выше въ библіографіи о русскомъ украинофильствѣ.

По языку:

— Тѣ труды, которые упомянуты выше для языка малорусскаго.

— M. Lutskay, Grammatica Slavo-ruthena seu Vetero-Slavicae, et actu in montibus Carpathicis Parvo-Russicae, seu dialecti viventis linguae, Пестъ 1830.

— I. Lewicki, Grammatik der klein-russischen sprache in Galizien.

— I. Wagilewiez, Gram. ięzyka małoruskiego w Galicyi. Lwów, 1845.

— I. Lozinski, Gram. ięzyka ruskiego. Przem. 1846.

— Я. Головацкій, Росправа о языцѣ южно-рускомъ и его нарѣчіяхъ, Львовъ 1849 (и при Истор. очеркѣ Матицы); Грамматика руского языка. Во Львовѣ, 1849.

— Осадца, Грамматика русскаго языка (по Миклошичу). Львовъ, 1864.

— П. Дячанъ, Методична грамматика языка малорусскаго, Львовъ, 1865 (учебникъ).

[1]) «Галичкыи Осмомысле Ярославе! — говоритъ авторъ Слова: — высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорьскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная: грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши Кіеву врата; стреляеши съ отня злата стола салътани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганаго кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!»

истинѣ плачевнымъ. Высшіе классы уже давно стали переходить въ католицизмъ и становились польскими; мѣщане лишены своего городского самоуправленія и отданы на произволъ старостъ и каштеляновъ; не стало богатыхъ купцовъ и ремесленниковъ; торговля была въ рукахъ Евреевъ. Старая враждебность польскаго и русскаго элемента въ населеніи доходила до крайней степени: вражда племенная усиливалась шляхетскимъ презрѣніемъ къ „хлопу“,—потому что Русинами остались только „попъ да хлопъ“. Значеніе и образованіе духовенства все болѣе и болѣе понижалось: братства уже не дѣйствовали съ прежнею ревностью, и главное изъ нихъ, Ставропигійское во Львовѣ, подчинено было римской коллегіи de propaganda fide; имущества православной церкви присвоивались католиками; низшее духовенство было бѣдно и необразовано [1]). Выше стояло и по образованію и въ матеріальномъ отношеніи духовенство монашеское, послѣ принятія уніи устроенное по іезуитскому образцу. Изъ этихъ такъ-называемыхъ „базиліанъ“ выбирались епископы и другія церковныя власти; въ ихъ рукахъ остались еще большія имущества, типографіи, школы; по изгнаніи іезуитовъ, къ базиліанамъ перешли и высшія латинскія школы. Но базиліане дѣйствовали въ польскомъ смыслѣ и составляли переходъ къ чистому католичеству, а старая книжность, знаніе славяно-русскаго языка становилось все больше рѣдкостью.

Въ 1772 году Галиція вступила въ составъ Австріи, въ качествѣ полу-польской провинціи. Вообще говоря, подъ новой властью матеріальный бытъ улучшился, но русинская народность еще надолго осталась подчиненной и угнетенной. Несмотря на всѣ мѣры австрійскаго правительства, которыя имѣли цѣлью улучшеніе администраціи, уравненіе народностей, не изцѣлилась язва старой междуплеменной вражды. Поляки, потерявъ политическую независимость, хотѣли вознаградить себя расширеніемъ своей національной области на счетъ Русиновъ и значительно успѣвали въ этомъ по прежнему авторитету матеріальной силы, общественнаго значенія и образованности. Выше упомянуто было о реформахъ Іосифа II. Галицкіе историки съ благодарностью вспоминаютъ о тогдашнихъ мѣрахъ австрійскаго правительства; Іосифъ II, выполняя свои либеральныя и филантропическія идеи, далъ ожить тѣмъ двумъ сословіямъ, какія одни представляли тогда русинскую народность — крестьянству и духовенству: онъ вводилъ правильную администрацію и судъ, облегчилъ участь русинскаго

[1]) Въ предисловіи къ славяно-русскому словарю, изданному въ Супраслѣ 1722, говорится о невѣжествѣ духовныхъ лицъ: «Съ неисчетною болестію сердца изобрѣли (т.-е. нашли, увидѣли) искусителіе или ексаминаторове поставляемыхъ въ іерейство людей, яко сотый іерей едва славенскій сразумѣетъ языкъ, невѣдяй что чтетъ въ божественной службѣ, съ погибелію своея и порученыхъ паствѣ его душъ».

крестьянства, ограничивъ права помѣщиковъ, открылъ всѣмъ сословіямъ равный доступъ въ школы и т. д. Іосифъ II желалъ поднять народное образованіе, требовалъ, чтобы духовенство учило и проповѣдовало на народномъ языкѣ. Въ 1783, основана первая русская духовная семинарія, гдѣ впервые открылось русское преподаваніе въ заведеніи, содержимомъ казной. Въ ноябрѣ 1784 основанъ университетъ во Львовѣ, гдѣ вскорѣ введено было преподаваніе на русскомъ языкѣ [1]), сначала въ богословскомъ факультетѣ, потомъ и въ другихъ. Въ галицкія школы приходили кромѣ Галичанъ, русскіе изъ Седмиградіи и Венгріи. Въ числѣ профессоровъ былъ извѣстный Петръ Лодій, родомъ угорскій Русинъ, впослѣдствіи вызванный въ Россію и занимавшій въ Петербургѣ каѳедры философіи и потомъ права. Но Русины отдыхали недолго. Поляки уже вскорѣ пріобрѣли снова господствующее положеніе. Австрійское правительство, считавшее прежде полезнымъ поддерживать Русиновъ для противодѣйствія Полякамъ, тянувшимъ къ Варшавѣ, послѣ окончательнаго раздѣла Польши успокоилось съ этой стороны и соединилось съ Поляками для притѣсненія Русиновъ. Стремленія Русиновъ представлены были какъ опасныя церкви и правительству, русское преподаваніе было прекращено, наконецъ самый университетъ перенесенъ въ 1806 въ Краковъ; во Львовѣ остался только лицей. Русскія лекціи окончились здѣсь въ 1808 [2]). Старанія галицкихъ духовныхъ властей установить по крайней мѣрѣ низшія школы съ народнымъ языкомъ разбивались о противодѣйствіе католическаго польскаго духовенства и нѣмецкаго чиновничества, которые считали заботу излишней, находя, что можно просто перевести на польскій языкъ нѣсколько нужныхъ церковныхъ книгъ, и что не стóитъ для мужиковъ размножать языки и азбуки; тогда уже полагали, что въ крайнемъ случаѣ русинскія книги можно печатать латинскими буквами. Уже въ 1816 заявлено было мѣстными властями, что изъ политическихъ соображеній было бы неполезно вмѣсто польскаго языка распространять русинскій, такъ какъ послѣдній составляетъ нарѣчіе русскаго языка.

Галицкіе историки, какъ ни хвалили смѣну польской власти австрійскою, замѣтили однако очень вѣрно, что съ 1772 года явилось одно крупное неблагопріятное обстоятельство: галицкіе Русины были совсѣмъ отрѣзаны отъ своихъ малорусскихъ единоплеменниковъ, предоставлены были самимъ себѣ, открыты всѣмъ чужимъ притѣсненіямъ

[1]) Въ то время мѣстный языкъ назывался не русинскимъ и не «рутенскимъ», а просто «русскимъ»: lingua russica, russische Sprache. Собственно говоря, языкъ тогдашняго преподаванія было славяно-русскій.

[2]) Къ этому времени названіе «русскаго» языка уже замѣняется «рутенскимъ», менѣе поражавшимъ подозрительный слухъ: ruthenische или Landessprache, lingua patria.

—католическимъ, польскимъ и нѣмецкимъ. Дѣйствительно, опоры имъ можно было искать только въ своемъ племени.

Новѣйшая галицкая литература стала складываться по воспоминаніямъ о старой книжности XVI—XVII вѣка, по нѣкоторымъ русскимъ образцамъ XVII—XVIII столѣтія; съ конца прошлаго вѣка, въ связи со львовскимъ университетомъ и его русскими лекціями, начиналось сближеніе съ русской литературой, но шло очень недалеко. Литературныя попытки дѣлались по образцамъ старыхъ уцѣлѣвшихъ книгъ и русскихъ книгъ прошлаго вѣка: стихотворная часть литературы состояла изъ реторическихъ виршей на торжественные случаи, во вкусѣ старыхъ бурсъ, на странномъ мѣшаномъ языкѣ, гдѣ церковно-славянскій до-ломоносовскій языкъ искажался незнаніемъ его формъ и примѣсью польской и русинской. Гораздо болѣе живыя вліянія обнаруживаются въ тридцатыхъ годахъ.

Между галицкими книжными людьми не было недостатка въ патріотахъ, желавшихъ развитія своей народности,—но они долго не могли выбиться изъ тяжелыхъ условій своего быта, изъ мелкой борьбы съ окружающимъ притѣсненіемъ народности, изъ уніатства, удалившаго ихъ и отъ Малоруссовъ и отъ собственной старины; не мудрено, что они долго не находили пути. Наконецъ, проникаютъ и сюда отголоски славянскаго возрожденія, говорившаго о возстаніи Славянъ для новой жизни, и съ другой стороны, дошли сюда произведенія малорусской литературы на Украйнѣ, гдѣ уже прямо давались образцы того, какъ народный языкъ можетъ быть поднятъ до литературнаго выраженія. Украинская литература могла оказать самое непосредственное дѣйствіе, потому что вся исторія не помѣшала племенному тождеству Русиновъ съ Малоруссами въ народной области языка, быта и поэзіи. Сами Русины были не въ силахъ поднять знамя своей народности; но когда рядомъ, въ Малороссіи, народный южнорусскій языкъ явился въ книгѣ, создавалась маленькая литература, это не могло не затронуть самыхъ глубокихъ инстинктовъ и не возбудить сочувствій у Русиновъ. Народная поэзія Малоруссовъ оказала то нравственно-національное дѣйствіе, о какомъ мы упоминали. Тогда уже изданы были сборники Цертелева и Максимовича; польскіе ученые, Доленга-Ходаковскій, Вацлавъ изъ-Олѣска обратили вниманіе на русскія пѣсни въ Галиціи и ставили ихъ выше польскихъ: это признаніе придало также бодрости галицкимъ патріотамъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ составился небольшой кружокъ галичанъ-студентовъ львовскаго университетѣ, которые поставили себѣ цѣлью изученіе своей народности и основаніе галицкой литературы. Примѣры возрожденія у другихъ племенъ укрѣпляли ихъ въ мысли, что ихъ народъ—они считали его, въ цѣломъ, 15 милліоновъ — имѣетъ такое же право на особое лите-

ратурное развитіе. Въ этомъ кружкѣ были Шашкевичъ, Вагилевичъ, Головацкій, Илькевичъ и другіе; чтобы закрѣпить свое народно-славянское направленіе, они приняли славянскія имена Руслана, Далибора, Ярослава, Мирослава и пр. Въ 1834 году они задумали издать небольшую книжку—изъ народныхъ пѣсенъ и собственныхъ статеекъ въ прозѣ и стихахъ; но мѣстныя власти не только запретили книжку, но и отдали писателей подъ надзоръ полиціи. Позднѣе, однако, друзья успѣли издать книжку въ Пештѣ (такъ какъ въ Венгріи были на то свои порядки), но въ Галиціи она была снова запрещена. Это была „Русалка Днѣстровая" (у Будимѣ, письмом корол. всеучилища Пештанского 1837. XX, 135, мал. 8⁰), съ которой можно считать начало новѣйшей галицкой литературы.

Маркіанъ Шашкевичъ (1811—1843) есть замѣчательнѣйшій писатель этой поры. Сынъ священника въ Золочевскомъ округѣ, онъ учился во львовскомъ университетѣ; здѣсь ему попались „Енеида" Котляревскаго, сборникъ пѣсенъ Максимовича и малороссійская грамматика Павловскаго (1818), и произвели въ немъ совершенный переворотъ: эти книги открыли ему новый путь—онъ принялся за изученіе своего народа, его пѣсенъ, преданій, обычаевъ, книжной старины; онъ сталъ съ увлеченіемъ работать надъ возрожденіемъ народности и подѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ на кружокъ друзей, который собрался около него. „Днѣстровая Русалка" была въ особенности его дѣломъ. Его „Думки" и „Псалмы Руслановы" были началомъ новой поэтической литературы; многія изъ его пѣсенъ перешли въ народъ. Шашкевичъ рано умеръ, священникомъ въ томъ же Золочевскомъ округѣ; но онъ успѣлъ положить основаніе дѣлу. Имя его пользуется у галицкихъ патріотовъ великимъ уваженіемъ: онъ „первый пробудилъ Галичанъ къ настоящей русской жизни", „далъ услышать чародѣйные звуки родного слова", „указалъ путь галицкой литературѣ" [1]).

Иванъ Вагилевичъ (1811—1866) учился въ львовской уніатской семинаріи, за участіе въ „Днѣстровой Русалкѣ" и за связи съ славянскими учеными (напр. Шафарикомъ) былъ исключенъ изъ кандидатовъ на духовныя мѣста; только въ 1845 исключеніе было отмѣнено, онъ сталъ священникомъ; въ 1848 онъ много работалъ для пробужденія народности, но уже вскорѣ разошелся съ прежними товарищами (по отзыву Головацкаго, „предался Полякамъ"), перешелъ въ протестантство, не мало бѣдствовалъ, потомъ былъ однимъ изъ библіотекарей въ Институтѣ Оссолинскихъ, во Львовѣ, переводчикомъ, началь-

---

[1]) Ср. «Правду» 1868, 132. О біографіи Шашкевича, см. Головацкаго, въ «Вѣнкѣ Русинамъ» 1846, стр. 47—66; Дѣдицкаго, «Вспомника о Маркіанѣ Шашкевичу» въ Зорѣ Галицкой 1860, стр. 488 — 497; Ом. Огоновскаго, въ «Правдѣ» 1872, 157—163.

никомъ львовскаго архива, и много работалъ—по исторіи края, языку, этнографіи и археологіи. Его русинское писательство ограничилось участіемъ въ „Русалкѣ“; потомъ онъ писалъ по-польски, и ученыя работы разсѣяны въ журналахъ, въ чешскомъ „Часописѣ“, „Варшавской библіотекѣ“, „Библіотекѣ Оссолинскихъ“ и т. д. Многое осталось въ рукописяхъ [1]).

Запрещеніе „Русалки“ мало поощряло галицкихъ патріотовъ, но съ тридцатыхъ годовъ появлялись отдѣльные труды, говорившіе объ интересѣ къ народности. Такова была книжка Григорія Илькевича (ум. 1841): „Галицкіи приповѣдки и загадки“ (Вѣна 1841); нѣсколько грамматикъ—Левицкаго, Вагилевича, Лозинскаго; нѣсколько пѣсенныхъ сборниковъ, печатанныхъ латинскими буквами — Вацлава изъ-Олѣска, Жеготы Паули, Лозинскаго. Но хотя Шашкевичъ указывалъ для литературы настоящій путь—въ народномъ духѣ и на живомъ народномъ языкѣ, еще появлялись старыя реторическія вирши. Таковы писанія Іосифа Левицкаго („Стихъ“ въ честь галицкаго митрополита. Перемышль 1838), Сим. Лисенецкаго („Воззрѣніе страшилища во Пестѣ и Будѣ“ и пр.; описаніе наводненія Дуная, Вѣна 1838); и т. д. Любопытно, что авторы подобныхъ виршей, уродуя церковный языкъ, думали, что пишутъ по-малорусски.

Максимовичъ, разбирая въ „Кіевлянинѣ“ 1841 подобные плоды червоно-русской литературы, пришелъ въ ужасъ отъ ихъ языка, невозможности котораго повидимому ни мало не сознавали сами писатели. Онъ старался объяснить имъ, что литература не можетъ существовать съ языкомъ искусственнымъ, и что орудіемъ ея долженъ быть живой народный языкъ [2]). Но убѣжденія его были довольно безу-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія въ Slovník Naučný. s. v; ср. «Правду» 1868, 274.

[2]) «Желая Лисенецкому и всѣмъ товарищамъ его возможныхъ успѣховъ на поприщѣ стихотворномъ, — писалъ Максимовичъ, — мы замѣтимъ одно: зачѣмъ на его «Воззрѣніи» надписано, будто оно изображено языкомъ малорусскимъ? Ни одинъ Малороссіянинъ не назоветъ этого языка своимъ, да это и не великорусскій, и не бѣлорусскій языки: это — *искусственное* словено-русское словосочиненіе, которымъ лѣтъ за сто писали наши русскіе стихотворцы, и отъ того ихъ произведенія состарѣлись преждевременно... Литературный или письменный языкъ нашъ усовершенствовался черезъ приближеніе къ живому, естественному народному языку русскому, отъ котораго такъ далекъ былъ книжный языкъ русскихъ писателей прошлаго вѣка. Тредьяковскій, котораго стихи такъ непрекрасны, народныя пѣсни называлъ *подлыми;* между тѣмъ какъ Пушкинъ лучшимъ щегольствомъ для своихъ несравненныхъ стиховъ почиталъ *выраженіе народное*, и очень любилъ свои піесы, написанныя въ народномъ вкусѣ...

«Вѣковой опытъ нашего русскаго стихотворства долженъ послужить въ урокъ для писателей червоно-русскихъ. Пусть они избѣгаютъ искусственнаго словосочиненія и стихосложенія! Живая литература у нихъ можетъ процвѣсти только на ихъ народномъ живомъ языкѣ: пусть они всѣ изучаютъ его въ народныхъ пословицахъ, поговоркахъ, сказкахъ и еще болѣе въ пѣсняхъ малороссійскихъ, особенно украинскихъ, гдѣ народное движеніе процвѣло съ наибольшею силою и красотою. Тѣмъ болѣе это прилично червоно-русской Музѣ, которая возрождается въ средоточіи словенскаго міра, и въ ту именно пору, когда почти всѣ Словены сознали цѣну своей народности и такъ горячо за нее ухватились».

спѣшны — потому что этотъ языкъ еще и теперь держится у одного разряда галицкихъ писателей.

Небывалое прежде оживленіе литературы началось съ 1848 года. Не одни Галичане думали, что старымъ порядкамъ пришелъ конецъ; конституція, объявленная въ мартѣ, освобожденіе крестьянъ, провозглашеніе равнаго права народностей, какъ будто осуществляли давно питаемыя надежды: оставалось самому обществу воспользоваться своимъ правомъ. Возбужденіе умовъ отразилось усиленной дѣятельностью литературной [1]).

Тотчасъ по объявленіи конституціи во Львовѣ собралась русинская „головная рада“ (родъ политическаго клуба), которая поставила себѣ цѣлью опредѣлить желанія и охранить права народа; основалась галицко-русская „Матица“, для изданія дешевыхъ полезныхъ книгъ; во львовскомъ университетѣ открыта каѳедра русскаго языка и словесности; преподаваніе русскаго языка введено въ гимназіяхъ восточной (русинской) Галиціи. Опираясь на „равноправность“, львовская „головная рада“ требовала введенія русскаго языка не только въ школахъ, но въ „публичныхъ урядахъ“, т.-е. въ управленіи и судѣ. Рада чувствовала трудность достигнуть такого результата, но Русины разсчитывали, что правительство окажетъ имъ свою помощь. Дѣло въ томъ, что правительство опять искало тогда средствъ противодѣйствовать Полякамъ, и Русины доставляли это средство: первое время имъ не противорѣчили, соглашались, что русинскій языкъ имѣетъ то же право какъ и польскій; но когда венгерское возстаніе было усмирено и Поляки перестали быть страшны, правительство стало опять на ихъ сторону, потому что не слѣдовало очень поощрять и Русиновъ; оно нашло, что русскій языкъ еще не вполнѣ развитъ, и потому пусть останется оффиціальнымъ языкомъ нѣмецкій, пока Русины не приготовятъ людей, способныхъ занять мѣста учителей и чиновниковъ.

Такимъ образомъ Галичане оказались снова въ очень невыгодномъ положеніи. Они было - заявляли усердно свою вѣрность престолу, но престолъ не задумывался отдавать ихъ въ жертву Полякамъ.

Къ этому присоединялись внутреннія затрудненія. Событія шли

[1]) О событіяхъ 1848 года и новѣйшемъ положеніи галицкихъ дѣлъ см. новыя исторіи Австріи, напримѣръ, Шпрингера; также:

— Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien zur Aufklärung ihrer Verhältnisse, von der ruth. Hauptversammlung (Головной рады). Lemberg, 1848, 31 Juli.

— An die Russinen. Mit kurzen historisch-politischen und statist. Notizen über die Russinen überhaupt und jene Galiziens insbesondere. Von einen Russinen. Lemb. 1848.

— Słow kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości. Lwów, 1848.

— D. Zubrzycki. Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Lemb., 1849; (его же) Die ruthenische Frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen. Lemb., 1851.

— М. Т—овъ, Русскіе въ Галиціи, Вѣстн. Европы, 1873, кн. 1—2.

скорѣе, чѣмъ Галичане успѣли приготовиться къ нимъ. Возраженіе властей, что русинскій языкъ еще не развитъ для оффиціальнаго употребленія, не было лишено основанія. Въ то же время, когда Русины подняли политическій вопросъ о правахъ своей народности, „соборъ ученыхъ русскихъ и любителей народнаго просвѣщенія" собрался во Львовѣ для учрежденія Матицы, и въ вопросѣ литературномъ долженъ былъ буквально начать съ азбуки: съ опредѣленія правописанія, печатнаго шрифта и литературнаго языка. Вопросъ былъ не шуточный: до тѣхъ поръ образованные Галичане гораздо лучше владѣли польскимъ языкомъ, нежели своимъ [1]); теперь нельзя было создать вдругъ готоваго письменнаго языка: одни хотѣли писать языкомъ церковно-русскимъ, другіе—народнымъ. Вопросъ о языкѣ, обычный вопросъ возрождавшихся славянскихъ литературъ, заключалъ въ себѣ далеко не одно литературное и филологическое разногласіе.

Мало-по-малу оно выразилось въ двухъ главныхъ партіяхъ (не считая перебѣжчиковъ въ польскую сторону). Одна настаиваетъ и теперь на „обще-русскомъ" единствѣ и старается писать на русскомъ языкѣ; другая говоритъ о единствѣ въ предѣлахъ южнорусскаго племени и вводитъ въ книгу языкъ народный. Партіи отличались и политическими взглядами. Первая (которую Поляки называли отъ церкви св. Георгія, или св. Юра, „святоюрцами"), состоявшая прежде всего изъ галицкаго духовенства, отличалась клерикальнымъ консерватизмомъ въ понятіяхъ, порядочнымъ пренебреженіемъ къ черни и, противодѣйствуя Полякамъ, старалась заискивать у власти и лавировать въ „высшей политикѣ". Вторая ожидала, что единственное средство поднять русскую народность въ Галиціи есть забота о народныхъ массахъ, ихъ образованіи и самосознаніи—слѣдовательно, литература на языкѣ народа, потому что другой онъ не можетъ понимать; слѣдов., далѣе, сближеніе и соединеніе съ малорусскимъ возрожденіемъ въ Россіи; политическіе взгляды этой партіи болѣе свободолюбивые и демократическіе. При трудномъ политическомъ положеніи русинской народности подъ нѣмецко-польской властью, галицкіе патріоты до-сихъ-поръ не могли согласно выяснить національныхъ отношеній своего народа. Отсюда—постоянныя взаимныя инкриминаціи, которыя особенно со стороны святоюрцевъ теряли часто всякую мѣру.

Разногласіе галицкихъ партій длится и по сію минуту, поэтому необходимо войти въ нѣкоторыя подробности.

Старѣйшій ветеранъ галицкой литературы, Я. Головацкій, изображаетъ новѣйшій ходъ галицкой словесности, послѣ 1848 и донынѣ, съ слѣдующей политической точки зрѣнія:

«Русскіе Галичане, — говоритъ онъ, — застигнутые 1848 годомъ безъ подготовки въ своемъ языкѣ, полуграмотные, начали писать по-русски

---

[1]) Ср. Головацкаго въ «Поэзіи Слав.», 200.

какъ попало, питаясь надеждой, что со временемъ естественнымъ ходомъ выработается правильный письменный языкъ.

«*Передовые люди* видѣли, что галицко-русская письменность должна слиться съ русскою, но немногіе дерзали выступить явно съ этимъ мнѣніемъ, боясь потерять довѣріе и поддержку правительства. Графъ Стадіонъ еще въ 1848 году сказалъ: «если галицко-русскій языкъ и *россійскій* одинъ и тотъ же, то мнѣ лучше поддерживать Поляковъ». Со времени назначенія графа Голуховскаго намѣстникомъ во Львовъ, Поляки тѣмъ усерднѣе начали противодѣйствовать русскому дѣлу... Стѣснительныя мѣры правительства принудили Русскихъ въ 1854 году закрыть русскій клубъ во Львовѣ и превратить «Галицкую Зорю» изъ политической газеты въ литературный журналъ. Разсчеты Галичанъ, что Поляки никогда не перестанутъ волновать Австрію, которая, не будучи въ состояніи одна подавить ихъ революціонныя вспышки, всегда будетъ нуждаться въ русскихъ Галичанахъ, оказались неосновательными. Когда князь Шварценбергъ «удивилъ міръ австрійской неблагодарностью» и Поляки стали на сторону Австріи противъ Россіи, то австрійскій патріотизмъ русскихъ Галичанъ не могъ подавить внутренняго чувства и племенного сродства—и австрійцы убѣдились, что, въ случаѣ столкновенія съ Россіей, нельзя будетъ сдѣлать изъ русскихъ Галичанъ покорное орудіе австрійской политики. Съ тѣхъ поръ правительство начало еще сильнѣе угнетать и оскорблять русскихъ—и безпрестанными обидами довело ихъ до полнаго (?) отреченія отъ солидарности съ Австріей. Это выразилъ одинъ изъ передовыхъ Галичанъ въ 1866 году (послѣ сраженія подъ Садовой), выступивъ въ «Словѣ» съ положеніемъ, что русскіе Галичане и Малоруссы одинъ и тотъ же народъ съ Великороссіянами, что они составляютъ одну національность по происхожденію, по исторіи, по вѣрѣ, по языку и литературѣ; и никто не прекословилъ и не возражалъ ему, кромѣ заклятыхъ украйнофиловъ и Поляковъ.

«Впрочемъ, начало двухъ русскихъ народностей еще до сихъ поръ смущаетъ умы галицкихъ украйнофиловъ, которые, поддерживаемые Поляками (?), сдѣлались политической партіей, враждебной Россіи.. Нѣмцы и Поляки наперерывъ стараются разными подложными теоріями затемнить здравый смыслъ народа въ его понятіяхъ объ единствѣ его съ Великою Русью въ исторіи, языкѣ и литературѣ (?), заманивая неопытныхъ въ сѣти малорусскаго, украинскаго и польско-русскаго патріотизма... Люди, предавшіеся врагамъ Руси, морочимые Нѣмцами и Поляками, морочатъ самихъ себя и другихъ, а народу и наукѣ не въ состояніи, разумѣется, принести никакой пользы. Разсудительные люди изъ Галичанъ признаютъ одну русскую народность и одну русскую литературу». («Поэзія Славянъ», статья о червоно-русской литературѣ, стр. 203—204).

Въ такой постановкѣ вопроса есть однако крупныя недоразумѣнія и историческія невѣрности. Можно было бы сказать, что Галичане должны стремиться къ объединенію съ русскимъ народомъ (и въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ бы представлять тотъ центръ, къ которому естественно могла примкнуть отставшая доля), но сказать, что Галичане съ Великороссіянами составляютъ одну національность не только по происхожденію (что̀ вѣрно), но и по своей дальнѣйшей исторіи,

вѣрѣ, литературѣ—есть большая натяжка. Напротивъ,—по исторіи они раздѣлились еще въ XIII вѣкѣ; по вѣрѣ—Галичане уніаты, а Великороссіяне православные; по литературѣ, они разошлись еще въ томъ же XIII вѣкѣ. Гораздо болѣе тѣсная связь соединяла Галичанъ съ Малоруссами, но и эта связь съ конца прошлаго вѣка очень ослабѣла,—и другая партія имѣла разумныя основанія, когда прежде всего старалась возстановлять именно эту связь. Съ историческимъ недоразумѣніемъ соединялась вредная практическая ошибка. Когда святоюрская партія занималась свой книжной теоріей обще-русскаго единства, народъ предоставлялся въ этой теоріи самому себѣ: если бы даже справедлива была теорія, то въ настоящую минуту народъ галицкій оставался совершенно чуждъ „обще-русской" стихіи, въ національномъ, религіозномъ, образовательномъ и всего меньше государственномъ отношеніи и, оставаясь въ своихъ *нынѣшнихъ* условіяхъ нуждался прежде всего въ литературѣ, которая говорила бы на его языкѣ и сдѣлала бы что-нибудь для его самосознанія. Нравственное и матеріальное положеніе галицкаго народа было таково, что эта образовательная помощь была для него неотложна. Чѣмъ дольше онъ оставался бы въ своемъ нынѣшнемъ заброшенномъ состояніи, тѣмъ дольше продолжалось бы общественное и политическое порабощеніе. Партія, забывающая о народѣ, работаетъ сама противъ своей народности, потому что послѣдняя можетъ извлечь свои силы только изъ рядовъ самого народа.

Это и поняла другая партія, которую Головацкій называетъ украинофилами и которой онъ придаетъ свои неблагополучные эпитеты. Эти „украинофилы" или „народовцы" могли впадать въ нѣкоторыя крайности; съ ними можно было спорить, но считать все направленіе плодомъ „мороченія" отъ Нѣмцевъ и Поляковъ, значитъ ничего не понимать ни въ потребностяхъ литературнаго возрожденія, ни въ интересахъ своего народа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ господствовать русскому языку, котораго еще не знаютъ сами его партизаны? Какъ отказываться отъ народной индивидуальности, когда надъ ней еще господствуетъ нѣмецко-польская власть и когда спасеніе только въ возрожденіи и образованіи народной массы?

Въ литературномъ отношеніи здѣсь повторилось отчасти явленіе, которое мы видѣли въ сербской книжности прошлаго вѣка. Мнимая обще-русская школа у Галичанъ была похожа на ту „славено-сербскую" школу, которая, не умѣя еше открыть настоящей литературной формы, стала писать смѣсью церковнаго, извѣстнаго изъ книгъ, и народнаго языка, и впослѣдствіи съ ожесточеніемъ напала на Вука, который хотѣлъ писать для народа и взялъ для того его собственный языкъ. У Галичанъ дѣло было еще сложнѣе: также не съумѣвши го-

ворить языкомъ народа, они предпочли мѣшаный языкъ, гдѣ былъ не только элементъ славяно-русскій и народный, но также польскій и канцелярско-латинскій. Такъ какъ подобный языкъ въ дѣйствительности нигдѣ не существовалъ, то смѣсь очевидно была произвольная, и въ разныхъ рукахъ въ нее попадали разныя дозы того или другого языка. Очевидно также, что языкъ этотъ былъ непонятенъ для народа. Заблужденіе тѣмъ болѣе странно, что русинскій народъ, издавна потерявшій свой высшій классъ, не имѣющій зажиточнаго средняго класса, состоитъ только изъ сельскихъ населеній, и народность литературнаго языка становилась необходимостью.

Но приведенное изложеніе и исторически невѣрно. „Передовые люди“ изъ Галичанъ (подъ которыми авторъ разумѣлъ именно людей „старо-русской“ партіи), вовсе не такъ были убѣждены въ „единствѣ галицкой народности, языка“ и проч. съ великорусскими, какъ авторъ утверждаетъ. Напротивъ, тотъ первый кружокъ, въ которомъ началось галицкое возрожденіе, кружокъ Шашкевича, не зналъ этихъ тенденцій и считалъ свою народность (что̀ она и есть) южнорусской, какъ наша Малороссія: сюда прежде всего тянули ихъ сочувствія. Самъ Головацкій, наиболѣе авторитетный изъ „старо-русскихъ“ писателей, не считалъ тогда свою народность за „россійскую“ (какъ называютъ Галичане нашу русскую народность) и отождествлялъ ее съ южнорусскою. Въ этомъ смыслѣ написана его замѣчательная для своего „Росправа“ (1848), гдѣ онъ съ любовью собиралъ свѣдѣнія о *своемъ* южнорусскомъ языкѣ [1]). „Передовые люди“ долго не могли выяснить себѣ этого дѣла и высказывались весьма различно, смотря даже по случайнымъ политическимъ обстоятельствамъ: то они считали себя 15-милліоннымъ народомъ (вмѣстѣ съ нашими Малоруссами), то 3-милліоннымъ (т. е. собственно Галичанъ, венгерскихъ Русскихъ и Буковинцевъ), и только позднѣе стали говорить о „единствѣ народности“ своей съ великорусской или „россійской“—и всѣ эти мнѣнія высказывали одни и тѣ же люди на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ. Какъ не велико было „единство“, видно изъ признанія Головацкаго, что въ первое время даже передовые люди „писали по русски, какъ попало“, и самъ онъ, лучшій между Галичанами знатокъ языка и партизанъ „единства“, въ тѣ годы не меньше другихъ мѣшалъ русскій языкъ съ малорусскимъ [2]).

---

[1]) Относительно литературнаго языка онъ и тогда настаивалъ на необходимости дать въ немъ мѣсто исторической сторонѣ языка (что̀ вообще справедливо), но думалъ также, что «языкъ изъустный народа є запевно правдиве и перше жерело для письменного языка, бо въ устахъ народа найчистѣйше заховуются всѣ формы, цѣлый ладъ и складъ языка, правый духъ єго». Стр. 74. То же въ «Предподаваніяхъ», 1849, гдѣ онъ предпочитаетъ малорусскую народность великорусской.

[2]) Замѣчено было, что самый манифестъ Русской Рады о желаніяхъ русскаго

Въ ту пору, какъ видимъ, „передовые люди" сами находились въ большомъ недоумѣніи относительно своего языка, и къ сожалѣнію надо сказать, что правильной оцѣнкѣ дѣла съ ихъ стороны помѣшало ихъ старое, полу-семинарское, полу-польское образованіе и обычаи; они вынесли отсюда какое-то странное высокомѣріе и презрѣніе къ тому же народу, который сами намѣревались „взносить" и развивать [2]).

Разладъ двухъ партій усилился съ шестидесятыхъ годовъ. Оживленіе (хотя и кратковременное) малорусской литературы въ Россіи около 1860 года, сообщилось и въ Галицію: галицкая молодежь увидѣла здѣсь нѣчто болѣе живое, съ интересомъ читала украинофильскія изданія и настаивала, что и у нихъ дѣло должно быть поставлено такъ же. Русское украинофильство указывало, какъ слѣдовало заботиться со народномъ образованіи, давало образчики популярныхъ книгъ на народномъ языкѣ. Старое поколѣніе, которому вообще не нравилась такая литература на языкѣ „черни", стала въ прямо враждебное отношеніе къ „народовцамъ"; позднѣе она не преминула воспользоваться

народа и объ охранѣ его свободы написанъ такимъ «русинскимъ» языкомъ, которымъ никто никогда не говорилъ и гдѣ только польскія слова были переписаны русскими буквами. Русская Рада писала:

«Чувствомъ народности напоени, и въ томъ намѣренію собралисьмося, мы Русини, котрымъ добро и щастье народу на сердци, и будемъ дѣлати въ способъ *наступающій:*

а) Первымъ *заданьемъ* нашимъ буде *заховати* вѣру и поставити на ровни *обрядокъ* нашъ и права церкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ *обрядковъ*.

б) Розвивати и *взносити* народность нашу во всѣхъ еи частехъ: *выдосконаленьемъ* языка нашого, *запровожденьемъ* его въ школахъ низшихъ и выжшихъ, выдаваньемъ письмъ часовыхъ, *утримованьемъ* кореспонденцій съ письменными *такъ* нашими, *якъ* иньнымп до щепу славяньского належащими, розширеньемъ добрыхъ и ужиточныхъ книжокъ въ языцѣ рускомъ, и усильнымъ стараньемъ *впровадити* и на ровни поставити языкъ нашъ зъ инными въ урядахъ публичнихъ и т. д.

в) Будемъ чувати надъ нашими правами конституційными, розпознавати потребы народу нашого и поправленя быту нашого на дорозѣ конституційной шукати, а права наши одъ всякой напасти и оскорбленя *стале* и сильне хоронити.

О томъ-то всемъ васъ, братя Русини, свѣдомыхъ чинимъ, и упоминаемъ, абысте такъ, якъ доси, незломную вѣру *заховали* нашому найяснѣйшему цесареви и королеви конституційному Фердинанду I, въ томъ силномъ *переконаню*, що подъ можнымъ заступленьемъ Австріи права наши и народность наша укрѣпится и силы свои розвинути могутъ». (Основа, 1862, стр. 45).

[1]) Вотъ чрезвычайно характерныя слова Дениса Зубрицкаго, рисующія это пренебреженіе къ „черни":

«Есть мрачные *изступленники,* — говоритъ Зубрицкій, — или скорѣе низкіе невѣжды (?), въ лѣнѣ доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка (?), употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только простонародному разговору собственныхъ слугъ и работниковъ, и желавшіе теперь, чтобъ мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи *галичской черни.* Странное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыри...»—которыхъ, впрочемъ, старо-русская партія тоже не желала видѣть на народномъ языкѣ. (Исторія древняго гал. княж. II, 47, пр. 13).

Дальше упомянемъ, что самъ Зубрицкій въ прежнее время не владѣлъ «наукой собственнаго языка» и писалъ свои сочиненія по-польски и по-нѣмецки.

противъ „заклятыхъ украинофиловъ“ (которыхъ приравнивала къ Полякамъ) и тѣми обвиненіями въ нигилизмѣ, какія поднялись въ русской литературѣ противъ украинофильства, и тѣми обвиненіями въ „козаколюбствѣ“, какія шли отъ тѣхъ же Поляковъ. Тотъ протестъ 1866, гдѣ „старо-русская“ партія заявила о единствѣ Галичанъ съ Великоруссами, далеко не былъ такимъ „полнымъ отреченіемъ отъ солидарности съ Австріей“, какъ это кажется Головацкому. Еще не задолго передъ тѣмъ то же „Слово“ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ возставало противъ „непрыхильныхъ Малороссамъ журналистовъ-диктаторовъ, на сѣверѣ Россіи Каткова, завзятаго противника Малороссовъ, на югѣ Говорскаго“, и было за малорусское единство: могъ ли такой радикальный поворотъ во мнѣніяхъ быть всеобщимъ? Напротивъ, въ цѣломъ кругѣ противниковъ „старо-русской“ партіи манифестація 1866 года произвела самое непріятное, отталкивающее впечатлѣніе: она понята была какъ отреченіе отъ своего народа [1]). И въ самомъ дѣлѣ, что̀ вывести изъ приведенныхъ словъ Головацкаго, какъ не заключеніе о совершенной ненужности галицкой литературы?

Въ литературѣ, вопросъ выяснялся однимъ несомнѣннымъ фактомъ: то, что̀ писалось Галичанами на мнимомъ русскомъ языкѣ, было безжизненно и бѣдно содержаніемъ; напротивъ, сколько-нибудь сильный талантъ обращался обыкновенно къ народному языку.

Въ концѣ-концовъ, народовцы подѣйствовали отчасти на своихъ противниковъ; послѣдніе сдѣлали уступку для народнаго языка въ популярныхъ книгахъ, повѣстяхъ и т. п. Но и донынѣ галицкая литература, и по языку, и по содержанію, все еще представляетъ хаосъ— которому пора бы кончиться.

По одной довольно отчетливой библіографіи галицкой литературы, съ 1837 до 1862 вышло до 250 русинскихъ книгъ: большею частью

[1]) Приводимъ для образчика одинъ отзывъ изъ круга народовцевъ:

«Першим почином безжизненности староруськоі партиі — було прилюдне опущене народнёі підстави, вирeченеся свого народу и языка, яке відбулося в злопамятній манифестациі здесперованого «Слова» в 1866 р. Хто троха міг застановитись пад досяглостю сего акту, мусів зрозуміти, що наші проводирі кинувшись в рамена «общерусизму»—після іх власних слів — готового и «пiякого труда нестоячого»—відцуралися праці и совісного труду для добра народу, зреклися органичного розвою, самовіжого житя, а тим самим и втратили підставу всякого житя. Галицьке «общерусске обединеніє» було непеpечною ознакою ліпивости, здряхлілости и морального павперизму»... (Правда, 1876, 953).

Обѣ стороны не отличали двухъ разныхъ вещей: «общеруссизмъ» какъ элементъ образовательный, и какъ тенденцію политическую. Въ первомъ смыслѣ онъ былъ бы очень полезенъ для Галичанъ; во второмъ, «старо русская» партія поступила съ своимъ «актомъ» слишкомъ поспѣшно, и по австрійскимъ, да и по русскимъ отношеніямъ. А когда она въ своемъ «общеруссизмѣ» понимала союзъ съ русскими реакціонными направленіями, то негодованіе народовцевъ было совершенно справедливо.

это были небольшія брошюры, букварии, популярныя книги, „набожныя пѣсни“, поздравительныя и другія торжественныя стихотворенія. Гораздо меньшая доля служила болѣе серьёзнымъ предметамъ литературы. Въ классѣ писателей безпрестанно встрѣчаются лица духовныя (уніаты); характеръ ихъ образованія отражался въ ихъ писаніяхъ изобиліемъ реторики и страннымъ книжнымъ языкомъ, смѣшаннымъ изъ церковнаго, народнаго, польскаго и латинскаго. Въ первое время они и господствовали въ галицкой книжности: изъ ихъ круга образовалась „старо-русская“ партія.

Внѣшнимъ средоточіемъ этого круга былъ „Ставропигійскій Институтъ“ — продолженіе знаменитаго стараго львовскаго братства. Институтъ—единственное церковное общество Русиновъ-мірянъ, которое (по словамъ его собственныхъ историковъ) „отъ своего начала среди безпрестанныхъ треволненій прошедшихъ вѣковъ до настоящаго часа удержатись возмогло, и соединяя въ собѣ предстоятельство и заступничество тубыльцевъ-Русиновъ, всегда имѣло сильное и благоносное вліяніе на русское народонаселеніе и еще до сего времени по возможности обстоятельствъ благотворно дѣйствуетъ“ [1]). Выше указано историческое значеніе стараго братства, игравшаго важную роль въ судьбѣ галицкой церкви и народа: въ 1699 г. оно присоединилось къ уніи и подчинено конгрегаціи de propaganda fide; при Іосифѣ II, въ 1788, когда церковныя братства были вообще уничтожены, львовское было сохранено и въ видѣ „Института“ поставлено въ зависимость отъ правительства; наконецъ, новое положеніе оно получило при заключеніи конкордата.

Въ настоящее время, Ставропигійскій Институтъ „есть вмѣстѣ патрономъ церкви, управителемъ всего церковного и приходского имѣнія, учредительныхъ фондовъ для обрядового училища и сиротского заведенія, для стипендій и вспоможеній учащогося руского юношества, для исполненія фундованыхъ богослуженій, властелиномъ типографіи, литографическаго заведенія и продажной книжной лавки... и вознамѣряетъ розширеніе просвѣщенія между рускимъ народонаселеніемъ въ Галиціи; слѣдовательно, есть въ извѣстныхъ отношеніяхъ краевымъ заведеніемъ... Члены того института суть въ относительномъ придворномъ приговорѣ названы отцами и заступниками руского народа, слѣдственно яко представители нашой Руси признаны“ [2]).

Этотъ титулъ: patres et proceres gentis ruthenae, въ декретѣ 1788 года, былъ предметомъ гордости для отцовъ; Институтъ въ самомъ дѣлѣ оставался единственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ оффиціально

---

[1]) Временникъ Института Ставропигійского, рочникъ I—III, Львовъ, 1864—66, пред.

[2]) Временникъ, II, 96—97.

заявлялась русская народность, и когда, въ 1848 году, австрійское правительство сочло нужнымъ поощрить Русиновъ, „отцы“ явились естественнымъ представительствомъ русинскаго народа. Подъ ихъ авторитетомъ, подъ вліяніемъ ихъ понятій книжныхъ, и устроивалась первая литература Галичанъ. Этого авторитета они не хотѣли уступать, когда являлись новыя идеи—политическія и литературныя. Въ рукахъ этой партіи, „святоюрцевъ“ (или „рутенцевъ“, какъ ихъ тоже зовутъ, крылошанъ, группирующихся вокругъ іерархіи) и близкихъ къ нимъ свѣтскихъ „руссофиловъ“, кромѣ Института находится также „Матица“, „Народный домъ“, построенный на пожертвованія галицкаго народа, политическій клубъ „Русская Рада“ и „Общество имени Мих. Качковскаго“ [1]). Качковскій (ум. въ 1873 году, въ Кронштадтѣ, во время путешествія въ Россію) въ завѣщаніи оставилъ 50.000 гульденовъ на литературныя цѣли, и по иниціативѣ Наумовича основано было общество съ его именемъ, поставившее себѣ цѣлью изданіе на эти средства полезныхъ книгъ для народа. Во всѣ эти учрежденія и общества закрытъ доступъ „народовцамъ“ и „украинофиламъ“.

Съ 1848 г. галицкая литература оживилась. Основана была „Зоря Галицка“ (1848—1857; въ 1860 году въ видѣ альманаха), важнѣйшее изъ тогдашнихъ галицкихъ изданій, посвященное защитѣ правъ русинскаго народа и заключающее много свѣдѣній о галицкомъ національномъ движеніи, также старинѣ и литературѣ. Редакторами ея, между прочимъ, были Зубрицкій, Гушалевичъ, Дѣдицкій, Савчинскій. Издавались, кромѣ того, „Семейная Библіотека“ С. Г. Шеховича (1855 — 1856); „Галицкій историческій сборникъ“, издававшійся Матицей (1854—1860, 3 вып.); „Отечественный сборникъ“ В. Зборовскаго (Вѣна, 1858); альманахъ „Перемышлянинъ“ съ 1850-хъ годовъ. Далѣе, въ шестидесятыхъ годахъ: „Временникъ Института Ставропигійского“ (1864 — 1866); „Галичанинъ, литературный сборникъ“, издававшійся съ 1862 Я. Головацкимъ и Б. Дѣдицкимъ; „Научовый сборникъ“ (Львовъ, 1865).

Въ 1849 году стала издаваться также оффиціальная газета „Галичо-рускій Вѣстникъ“, редакторомъ котораго былъ Н. Устіановичъ; явился органъ русско-польской партіи, „Ruskij Dnewnik“, издававшійся Вагилевичемъ. Съ 1861 г. началась извѣстная газета „Слово“, которая есть главный органъ святоюрской или старо-русской партіи и ведетъ теперь ожесточенную войну противъ „народнаго“ направленія. Оно издавалось сначала Б. Дѣдицкимъ, а въ послѣдніе годы В. Пло-

[1]) О немъ см. книжку Дѣдицкаго: «Михаилъ Качковскій и современная галицко-русская литература. Очеркъ біографическій и историко-литературный». Ч. I. Львовъ, 1876. (Ср. «Правду», 1876, 913).

щанскимъ [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ въ томъ же направленіи, въ защиту „единства русскаго языка", дѣйствовали писатели новаго поколѣнія, О. Ливчакъ, издававшій юмористическій журналъ „Страхопудъ" съ прибавленіемъ „Золотой грамоты", и въ 1867—1868„ Славянскую Зарю". Того же направленія держался „Другъ".

Первые галицкіе писатели полагали много усердія на изученіе своей старины, народнаго быта и поэзіи, много хлопотали надъ вопросомъ о литературномъ языкѣ, составляли элементарныя книжки; но чисто-литературная сторона ихъ трудовъ была мало замѣчательна. Они скоро забыли дѣло, начатое Шашкевичемъ, и оставили вѣрный путь народнаго содержанія и языка для реторическаго и безжизненнаго направленія и мѣшанаго книжнаго языка. Даже у лучшихъ между этими писателями рѣдко бывала истинная поэзія, а чаще искусственное стихотворство, отталкивающее уже своимъ языкомъ, мало вразумительнымъ для простыхъ Галичанъ и уродливымъ для насъ: реторика процвѣтала долго — въ „стихахъ" разнымъ духовнымъ потентатамъ, одахъ, „восторгахъ благодарнаго чувства", „радостныхъ пѣніяхъ" и подобныхъ произведеніяхъ, напоминавшихъ вкусы прошлаго столѣтія. Галицкіе писатели обращались иногда и къ русской литературѣ, но уже по свойству литературныхъ взглядовъ своихъ не могли хорошенько понять ея содержанія и характера: Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ были имъ мало доступны не только по ихъ спеціально-русскому содержанію, Галичанамъ мало знакомому, но вѣроятно и по самому стилю, по живому реализму, по новымъ идеямъ: словомъ, при всемъ желаніи служить своей народности, галицкіе писатели „старо-русской" школы ни у себя дома не видѣли ея истинныхъ источниковъ, ни въ русской литературѣ не отличали ея живой стороны.

Назовемъ главныхъ писателей этой поры и этого направленія. Мы много разъ упоминали имя Я. Ѳ. Головацкаго (род. 1814). Родомъ изъ Золочевскаго округа, онъ учился во львовской гимназіи, потомъ въ Кошицахъ (Кашау), Пестѣ и наконецъ во львовскомъ университетѣ, по богословскому факультету. Онъ принадлежалъ здѣсь къ кружку Шашкевича, и первое стихотвореніе его было помѣщено въ „Днѣстровой Русалкѣ". Въ 1843 году онъ сталъ священникомъ (уніатскимъ), а въ 1848 приглашенъ былъ на каѳедру русскаго языка и словесности во львовскомъ университетѣ. Онъ очень дѣятельно участвовалъ въ галицкихъ изданіяхъ, ученыхъ и политическихъ, защищавшихъ права русской народности, и навлекалъ этимъ ожесточенную вражду со стороны Поляковъ, особенно усилившуюся, когда намѣстникомъ Галиціи

[1]) Имя этого публициста у насъ довольно извѣстно. Ср. напр. статью К. В.: «Дѣло г. Иловайскаго въ Галиціи. Небольшая глава изъ славянской патологіи», Вѣстн. Евр., 1878, янв. 361—379.

сталъ гр. Голуховскій. Въ 1867, Головацкій отправился на московскую выставку (бывшую своего рода славянскимъ съѣздомъ) и въ томъ же году покинулъ Галицію и назначенъ былъ предсѣдателемъ археографической коммиссіи въ Вильнѣ. Главная литературная заслуга Головацкаго заключается въ его историческихъ трудахъ, частію указанныхъ выше въ библіографіи [1]). Въ послѣднее время своей дѣятельности, онъ ревностно проповѣдовалъ „единство русской народности" отъ Карпатъ до Камчатки. Его послѣднія работы печатались въ трудахъ петербургской Академіи наукъ [2]). Къ тому же кружку Шашкевича принадлежалъ Николай Устіановичъ (род. 1811). Родомъ изъ Стрыйскаго округа [3]), онъ окончилъ свое образованіе во львовскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ философію и теологію. Первымъ его стихотвореніемъ была „Слеза на гробѣ Михаила, барона Гарасевича" (русинскаго патріота, терпѣвшаго большія гоненія отъ Поляковъ)—какъ говорятъ, лучшее русинское стихотвореніе до „Днѣстровой Русалки" и „Вѣнка" (о которомъ далѣе). Въ 1849, Устіановичъ сдѣлался редакторомъ политической газеты „Вѣстника", а по запрещеніи его поселился въ своемъ сельскомъ приходѣ. Съ тѣхъ поръ онъ дѣятельно участвовалъ въ галицкихъ изданіяхъ. („Поезіи Н. Устыановича", изд. Б. Дѣдицкимъ, ч. 1-я. Львовъ 1860). Его стихотворенія ставятся нѣкоторыми въ ряду лучшихъ, какія есть въ галицкой литературѣ. Стиль Устіановича двоякій: сначала онъ писалъ языкомъ народнымъ, но потомъ, по выраженію одного галицкаго критика, „збився з пантелику" и началъ употреблять искусственный книжный языкъ; стихотворенія второго рода даже „старо-русскій" писатель, Дѣдицкій, считаетъ натянутыми. Устіановичъ писалъ также и по-польски (напр. „Згадка" на смерть Шашкевича на русинскомъ и польскомъ языкахъ, 1848 г.). Заслуженнымъ поэтомъ считается Антонъ Могильницкій (род. 1811), также уніатскій священникъ, въ послѣдніе годы членъ львовскаго сейма и вѣнскаго рейхсрата, гдѣ онъ ревностно защищалъ русскую народность Галиціи. Онъ написалъ: нѣсколько думъ, эпическую поэму „Скитъ Малявскій", „Повѣсть стараго Савы изъ Подгорья", сатирическую поэму „Пѣснь поэта". Теперь сами Галичане находятъ, что въ его поэмахъ мало поэзіи. Иванъ Головацкій, братъ Якова (род. 1816), учился во Львовѣ и Вѣнѣ сначала

---

[1]) Къ нимъ прибавимъ еще важное изданіе, сдѣланное Головацкимъ: «Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej». Историческія записки Θеодосія Бродовича, архи-пресвитера греч. уніят. капитула Луцкого, о событіяхъ на Волынѣ и Подольѣ въ 1789 году». Ч. 2. Львовъ, 1861—62. На польскомъ языкѣ. Во второй разъ это сочиненіе издано, съ русскимъ переводомъ, въ «Чтеніяхъ» 1868 — 1869. О пѣсенномъ сборникѣ Головацкаго см. ниже.

[2]) Подробная біографія Головацкаго въ чешскомъ «Научномъ Словникѣ».

[3]) Въ мѣстечкѣ Николаевѣ, почему онъ и подписывался иногда «Николаемъ изъ Николаева».

богословію, потомъ медицинѣ, былъ военнымъ врачомъ, а въ послѣдніе годы состоялъ редакторомъ „Вѣстника законовъ державныхъ“ въ русскомъ переводѣ. Ему принадлежитъ „Вѣнокъ Русинамъ на обжинки“ (уплѣлъ Иванъ Б. Ѳ. Головацкій. Вѣна, 1846—47, 2 части) и „Пѣніе радостнаго голоса государю Николаю Павловичу, императору *всей Руси*“ (1845, изд. 1848). Въ „Вѣнкѣ“ кромѣ Головацкаго участвовали и другіе галицкіе писатели; назовемъ изъ нихъ К. Скоморовскаго, писавшаго также подъ псевдонимомъ „Долиняненко“. Іосифъ Левицкій (1801—1860), издавшій первую русинскую грамматику, нѣсколько элементарныхъ книжекъ, переводилъ „Балляды“ Шиллера (Перемышль, 1839—44). Иванъ Гушалевичъ (род. 1823) учился во львовскомъ университетѣ, принялъ духовное званіе, былъ учителемъ русскаго языка во львовской гимназіи, потомъ приходскимъ священникомъ, накопецъ членомъ львовскаго сейма и вѣнскаго рейхсрата. Въ 1849 онъ издавалъ „Новины“, потомъ „Пчолу“, въ 1851—52 „Галицкую Зорю“; въ 1852 издалъ „Цвѣты зъ надъ-Днѣстрянской ливады“; въ 1860 въ „Галицкой Зорѣ“ напечатаны его пѣсни и „Сонъ князя Льва“; въ 1861 изданы были его „Поезіи“ (ч. 1, Львовъ, съ небольшой біографіей, писанной Дѣдицкимъ). Галицкіе критики ставятъ очень высоко его стихотворенія, — но языкъ ихъ часто мѣшаный и потому тяжелый [1]). Гушалевичъ былъ также и авторомъ „Пастырскаго богословія.“ Иванъ Наумовичъ (род. 1826) извѣстенъ какъ политическій дѣятель и ораторъ и также какъ писатель для народа. Богданъ Дѣдицкій (род. 1827) учился во львовскомъ и вѣнскомъ университетѣ, былъ съ 1856 учителемъ русскаго и польскаго языка въ гимназіи въ Перемышлѣ, съ 1861 первымъ редакторомъ газеты „Слово“. Это—дѣятельный стихотворецъ, авторъ поэмъ „Конюшій“ (1853) и „Буй-туръ Всеволодъ, князь Курскій“ (1860), стихотвореній на торжественные случаи и т. д. Въ 1859 году, когда въ правленіе гр. Голуховскаго возникъ въ польскихъ видахъ планъ (при содѣйствіи извѣстнаго чешскаго ученаго Іос. Иречка) замѣнить русское кирилловское письмо латинскимъ, Дѣдицкій возсталъ противъ него въ книжкахъ „О неудобности латинской азбуки въ письменности русской“, Вѣна 1859, и „Споръ о рускую азбуку“, Львовъ 1859 [2]).

---

[1]) О политической пѣснѣ Гушалевича: «Миръ вамъ, братья», Дѣдицкій замѣчаетъ, что ее съ 1848 поетъ не только Галицкая Русь, но «знаютъ ее Поляки и сыны иныхъ земель славянскихъ».

[2]) Споръ объ азбукѣ начался съ первыхъ шаговъ новой галицкой литературы. Въ тридцатыхъ годахъ нѣкоторые изъ Галичанъ думали ввести латинскую азбуку, напр., Лозинскій. Его опровергалъ М. Шашкевичъ въ книжкѣ: «Azbuka i abecadło, odpowiedź na zdanie J. Łozińskiego o wprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego», Перемышль, 1837. На эту мысль наводило, конечно, сосѣдство польской литературы, гдѣ въ то время у многихъ развивался особенный интересъ къ южнорусской народности, а у другихъ желаніе ее ассимилировать. Пово-

Духовными сочиненіями и проповѣдями извѣстны: М. Малиновскій, упомянутый Гушалевичъ, Гр. Гинилевичъ, Ст. Мустяновичъ, А. Радолинскій и другіе.

Литературныя и общественныя силы обѣихъ партій были не велики; одна еще не вышла изъ тѣсныхъ рамокъ крылошанскаго образованія,—другая едва набиралась въ свѣтской интеллигенціи. Между тѣмъ передъ ними вставалъ трудный вопросъ о политической и національной судьбѣ Галиціи. Обѣ партіи чувствовали, что Галиція не можетъ существовать самобытно, не можетъ создать отдѣльной литературы; борьба съ Поляками заставляла Русиновъ бросаться въ объятія Австріи, но и здѣсь ихъ ждали тяжелыя и оскорбительныя разочарованія; становилось ясно, что ихъ національный центръ находится „за кордономъ". Но „за кордономъ" были двѣ русскія народности. Одна была господствующей народностью могущественнаго государства, но представляла отличную отъ русинской племенную формацію; другая, подчиненная политически, была совершенно тожественна съ русинкой. Одни изъ Галичанъ склонялись на сторону первой, другіе—на сторону второй. Святоюрцы или старо-русская партія — отчасти намѣренно, отчасти думая, что продолжаютъ свое историческое преданіе — старались приблизить свою литературу и письменный языкъ къ русскому, и объясняли своей публикѣ (противъ польскихъ толкованій), что русскій народъ вовсе не чужой и схизматическій, что политическая власть у него не дастъ народа въ обиду Полякамъ. Народовцы думали, что надо, напротивъ, завязать союзъ съ Малой Русью, составляющей одну народность съ Русинами, что это обширное племя въ силахъ одно создать свою литературу, а что отъ Великой Руси можно ждать только поглощенія южнорусской народности.

Но выполненіе этихъ программъ было очень недостаточно. Стремясь къ „обще-русскому единству", слѣдовало изучить русскую жизнь, языкъ и литературу; но старо-русская партія не дѣлаетъ почти ничего для этого изученія; русская литература остается мало понятна въ Галиціи, и толки о единствѣ ведутся на языкѣ, о порченности

домъ къ книжкѣ Дѣдицкаго о неудобности латинской азбуки послужила новая попытка Венглинскаго (о немъ далѣе) писать по-русински польской азбукой. Планъ ввести латинскую азбуку, при Голуховскомъ, встрѣтилъ въ Галиціи всеобщее неудовольствіе и былъ тогда же оставленъ.

Споръ старо-русской партіи съ народовцами о литературномъ языкѣ распространился вмѣстѣ и на азбуку: первые употребляли такъ-называемое историческое или этимологическое правописаніе, держась по возможности русско-церковнаго написанія; вторые употребляли кулишовку, а въ послѣднее время стараются приблизить ее еще больше къ народному говору.

(Ср. Головацкаго, въ «Поэзіи Слав.», 204; Мих. Куземскаго, Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien. Lemberg, 1861).

котораго мы говорили. Со времени польскаго возстанія, галицкіе политики стали справляться съ русскими газетами, но и изъ нихъ вынесли немного: извѣстные толки объ украинофильствѣ, Полякахъ, нигилизмѣ еще болѣе спутали ихъ понятія о Россіи и только прибавили пищи домашнему обскурантизму, котораго и безъ того было довольно.

Такъ-называемые „народовцы" нашли, что вмѣсто погони за отвлеченнымъ и проблематическимъ обще-руссизмомъ, забота о своемъ народѣ должна обратиться къ его ближайшимъ и живымъ національнымъ связямъ: въ самомъ дѣлѣ, украинство, наибольшая масса того же южнорусскаго племени, въ прошедшемъ успѣло выказать великую энергію въ національной борьбѣ, и теперь представило наиболѣе сильныя выраженія своей народности въ литературѣ. Чтобы поднять галицкую народность, сближеніе съ малорусской литературой представлялось самымъ естественнымъ дѣломъ. Оно и началось; но съ шестидесятыхъ годовъ и донынѣ вопросъ остается невыясненъ между галицкими партіями. „Обѣ партіи,—говорилъ одинъ наблюдатель десять лѣтъ тому назадъ,—говорятъ о своей любви къ народу, передъ обѣими стоитъ, какъ самый насущный и первый вопросъ,—охраненіе народности, элементарное народное образованіе... И вмѣсто того, чтобъ дружно работать, оставивъ до поры всякія разногласія изъ-за далекихъ вопросовъ, онѣ именно объ этихъ-то вопросахъ и толкуютъ преимущественно, изъ-за нихъ-то и ссорятся. Изъ-за того, поглотитъ ли „Москва" ихъ,—изъ-за того, ка́къ и на какой языкъ переводить „Гамлета", обѣ галицкія партіи забываютъ голодный и безграмотный народъ для того, чтобъ бросать другъ другу въ глаза эпитеты перевертней и запроданцевъ — то „Москвѣ", то „Полякамъ"! Но что̀ всего непростительнѣе, такъ это мелочная ссора изъ-за азбуки,—изъ-за того, патріотично ли письмо à la Кулишъ, или à la Максимовичъ". Съ тѣхъ поръ какъ сдѣлано было это замѣчаніе, литература для народа нѣсколько подвинулась, но раздоръ продолжается: партіи стали еще рѣзче другъ противъ друга, и нѣсколько позднѣе тотъ же наблюдатель находилъ, что народовцамъ и нельзя мириться съ тѣмъ обскурантизмомъ и зложелательствомъ, которыя они видѣли отъ „старорусской" партіи... Съ голоса русскихъ газетъ, шли толки о нигилизмѣ и польской интригѣ и, какъ мы видѣли изъ словъ Головацкаго, старорусская партія не можетъ выносить „заклятыхъ украинофиловъ" (т.-е. своихъ „народовцевъ") и ставитъ ихъ рядомъ съ Поляками, т.-е. какъ враговъ отечества; польскія и австрійскія газеты кричали о козаколюбствѣ и москвофильствѣ; внутреннія политическія отношенія запутаны. Во всемъ этомъ никакъ не могли доселѣ разобраться галицкіе патріоты.

Съ шестидесятыхъ годовъ „народовцы" обнаружили довольно ожив-

ленную дѣятельность. Они основали собственные журналы, какъ напр.: „Вечерницы“ (1862—63), „Мета“ (1863—65), „Нива“ (1865), и въ особенности „Правда“ (съ 1867 года, подъ разными редакціями), лучшій изъ галицкихъ журналовъ. Въ путаницѣ отношеній, явились изданія сомнительной репутаціи, какъ „Русь“, которая была ѳрганомъ австрійско-польскимъ; были люди, мѣнявшіе свои политическіе цвѣта, какъ Кс. Климковичъ, сначала издатель „Меты“, потомъ сотрудникъ „Руси“, потомъ издатель „Славянской Зари“, гдѣ былъ славянофиломъ и партизаномъ „единства“, наконецъ издатель „Основы“ (1871). Въ новѣйшее время образовалась новая фракція народовцевъ, начавшая издавать „Громадського Друга“, потомъ по его запрещеніи „Дзвін“ (1878).

Для содѣйствія народной литературѣ, народовцы основали въ 1868 году свое общество „Просвіта“, которое съ тѣхъ поръ издало не мало полезныхъ популярныхъ книгъ и представляетъ одно изъ лучшихъ проявленій галицкой общественной дѣятельности въ народномъ смыслѣ; далѣе, составилось „товарищество имени Шевченка“, основавшее свою типографію, и пр. Старо-русская партія негодовала на „Просвіту“, называя членовъ ея то украиноманами, то ляхоманами, но въ концѣ-концовъ сама нашла нужнымъ обратить больше вниманія на народную литературу: Дѣдицкій сталъ печатать при „Словѣ“ добавленія, подъ названіемъ „Листи до громадъ“; Наумовичъ сталъ издавать народныя книжки, а потомъ основалъ для народа два журнала: „Наука“ и „РусскаяРада“; по его мысли основано было упомянутое общество имени Качковскаго, — хотя у людей старой партіи все-таки остается мысль, что народнымъ языкомъ можно писать только для простонародья, и что „украинщина“ отрываетъ людей отъ „малорусскаго письменства“.

Сближеніе съ нашей украинской литературой съ шестидесятыхъ годовъ сдѣлало у Галичанъ большіе успѣхи—по самой силѣ вещей. Появленіе петербургской „Основы“ 1861—62, перваго журнала, спеціально посвященнаго южнорусскимъ интересамъ, съ именами авторитетныхъ писателей и помнившаго о Галичинѣ, не могло не произвести здѣсь впечатлѣнія. Слава Шевченка въ украинскомъ мірѣ перешла и сюда; его имя стало для молодыхъ поколѣній галицкихъ предметомъ великаго почитанія: объ его поэзіи писались трактаты (Партицкаго, Омел. Огоновскаго, Згарскаго и пр.); въ его имя основывались общества; его годовщина праздновалась въ патріотическихъ кружка́хъ и становилась напоминаніемъ о народномъ дѣлѣ; во Львовѣ дѣлались изданія его сочиненій. Наши малорусскіе писатели привлекаютъ больше вниманія, чѣмъ когда-нибудь прежде. Сочиненія Костомарова, относящіяся къ южнорусской исторіи, переводятся въ

галицкихъ изданіяхъ (напр. „Хмельницкій“, „Русская исторія въ жизнеписаніяхъ“). Кулишъ, псевдонимъ „Украинецъ“, прямо участвовали въ этихъ изданіяхъ своими трудами (повѣсти и историческія статьи Кулиша въ „Вечерницахъ“, „Метѣ,“ „Правдѣ“). Въ галицкихъ журналахъ являлись произведенія украинскихъ беллетристовъ, какъ Ив. Левицкій-Нечуй [1]), Марко Вовчокъ, Стороженко [2]). Русинскій театръ, основанный на скромныя пожертвованія патріотовъ и открытый во Львовѣ въ 1864, первою пьесою поставилъ драматическую передѣлку повѣсти Квитки „Маруся“ и особенно любимыми были пьесы или передѣлки изъ малорусскихъ писателей, напр., Котляревскаго—„Наталка-Полтавка“, Основьяненка—„Сватанье на Гончаривци“, „Щира любовь“, Шевченка—„Назаръ Стодоля“, „Катерина“ (изъ поэмы), Костомарова — „Сава Чалый“, Кухаренка — „Черноморскій побытъ“; далѣе передѣлки изъ Гоголя, пьесы Гоголя-отца, минскаго актера (и малорусскаго писателя) Паливоды-Карпенка. Малорусская драма вообще очень понравилась въ Галиціи: почти въ каждой изъ этихъ пьесъ выставлялась въ сочувственномъ видѣ какая-нибудь черта малорусскаго быта, столь презираемаго польскимъ панствомъ; „Сава Чалый“ прямо проводилъ мысль о полной независимости Руси отъ Польши,—такъ что пьесы возбуждали въ публикѣ народное чувство и самоуваженіе. Эти факты наглядно указывали выгоду сближенія съ малорусской литературой: гораздо болѣе развитая въ тѣсной связи съ обще-русской литературой, она приносила съ собой уже опредѣленныя, сознательныя сочувствія къ народу, поэтическое содержаніе несомнѣннаго достоинства, выработанную форму и чистѣйшій народный языкъ—этихъ сочувствій не умѣла еще высказать галицкая литература, этого содержанія и формы она почти еще не знала, этимъ языкомъ еще не могла вполнѣ овладѣть. Въ галицкихъ хрестоматіяхъ („читанки“—Тороньскаго, Партицкаго, Барвинскаго), литературы галицкая и украинская преспокойно слиты въ одно: литература, которую представляютъ эти хрестоматіи, начинается Котляревскимъ, Гулакомъ-Артемовскимъ, Квиткой, продолжается Маркіаномъ Шашкевичемъ, Головацкимъ, Костомаровымъ, Устіановичемъ, Шевченкомъ, Гушалевичемъ, въ перемежку.

Наконецъ и въ галицкой литературѣ явился писатель, въ которомъ сказалось живое, свѣжее отношеніе къ народной жизни. Это былъ Осипъ, или Юрій Городенчукъ Федьковичъ. Онъ родился въ 1834 въ Буковинѣ, между Гуцулами, въ достаточной сельской семьѣ; въ 1848—49 семью постигло несчастье, онъ нашелъ пріютъ у одного

[1]) Повісті Ивана Нечуя. Томъ I. Львовъ, 1872 (Дві московки. Рибáлка Панас Круть. Причéпа).

[2]) Въ «Правдѣ», а также и въ «Словѣ».

нѣмца-живописца, который научилъ его нѣмецкому языку и познакомилъ съ нѣмецкой поэзіей. Въ 1852 ему пришлось идти въ военную службу; она далась ему нелегко; но онъ съ дѣтства научился у сестры „русско-народнымъ“ пѣснямъ и сказкамъ, которыя сдѣлали его любимцемъ между буковинскими и русинскими товарищами въ полку. Въ 1859 онъ получилъ офицерскій чинъ. Въ это время Федьковичъ писалъ уже нѣмецкіе стихи, и одинъ нѣмецкій профессоръ и поэтъ, съ которымъ онъ познакомился въ Черновцахъ, говорилъ ему, что онъ можетъ мѣряться въ лирикѣ съ каждымъ нѣмецкимъ поэтомъ. Но тамъ же встрѣтился Федьковичъ съ однимъ русинскимъ писателемъ, который, услышавъ его нѣмецкія стихотворенія, убѣдилъ его писать по-русински. Такъ началось его русинское писательство. Въ 1863 болѣзнь доставила ему отставку и небольшую пенсію. Вернувшись домой, онъ нашелъ свою мать въ живыхъ, но въ большой нуждѣ; вскорѣ она умерла. Земляки-Гуцулы выбирали его въ разныя земскія должности, а въ 1867 году онъ былъ назначенъ окружнымъ школьнымъ инспекторомъ. Въ 1872 онъ оставилъ службу, жилъ нѣсколько времени во Львовѣ, работая при обществѣ „Просвіта“, и наконецъ снова вернулся домой.

Стихотворенія Федьковича собраны были въ нѣсколькихъ книжкахъ въ 1860-хъ годахъ („Поезіи Іосифа Федьковича“, Львовъ, 1862, съ автобіографическимъ письмомъ къ Дѣдицкому и статьей послѣдняго; второй и третій выпускъ, Коломыя, 1867). Его повѣсти, печатавшіяся въ 1862—1867 годахъ въ „Вечерницахъ“, „Метѣ“, „Нивѣ“ и „Правдѣ“, собраны въ книжкѣ: „Повісті Осипа Федьковича“, Кіевъ, 1876, съ автобіографіей и предисловіемъ Драгоманова о галицкой литературѣ.

Сочиненія Федьковича явились въ такое время, когда у Галичанъ именно завязался споръ о литературныхъ направленіяхъ. Его стихотворенія и особенно разсказы, писанные съ непосредственностью свѣжаго, не школьнаго человѣка и съ несомнѣннымъ талантомъ, въ стилѣ, близкомъ къ малорусскому и русскому реализму народныхъ разсказовъ, явились новымъ свидѣтельствомъ, что живая литература возможна только на живомъ языкѣ. Федьковичъ родился въ Буковинѣ, гдѣ народъ — православный, гдѣ по крайней мѣрѣ церковныя понятія не такъ спутаны и раздвоены, какъ у галицкихъ уніатовъ. Поляковъ также нѣтъ въ Буковинѣ; оффиціальный языкъ—нѣмецкій, который хотя непонятенъ для народа, но не могъ мѣшаться въ народный языкъ, а Федьковичъ не прошелъ и семинарскаго образованія, и остался совершенно свободенъ отъ книжной искусственности. Поэтому, ставши русинскимъ писателемъ, онъ прямо заговорилъ тѣмъ языкомъ, который былъ роднымъ языкомъ его семьи и его края. Его содержа-

ніе — тѣ прямыя впечатлѣнія, какія онъ переживалъ самъ, та дѣйствительная жизнь, которую онъ видѣлъ кругомъ себя. Горизонтъ его не широкъ,—но онъ не придуманъ.

Подъ вліяніемъ взглядовъ народной партіи, дѣятельность галицкихъ поэтовъ и повѣствователей приняла гораздо болѣе оживленный характеръ; вмѣсто натянутаго риѳмоплетства, слышится настоящая поэзія, въ повѣстяхъ и разсказахъ является дѣйствительная жизнь. Одной изъ главныхъ причинъ этого поворота, какъ вообще усиленія народной партіи было то, что въ галицкое движеніе вмѣшиваются и украинскія силы — мы и поставимъ ихъ здѣсь вмѣстѣ съ собственно галицкими. Въ ряду поэтовъ и повѣствователей, наиболѣе извѣстны или дѣятельны: О. Кониссkій, поэтъ и разсказчикъ, которому галицкіе критики отдавали иногда первое мѣсто между современными южнорусскими поэтами; О. Яковенко (псевдонимъ?), въ послѣднее время напечатавшій повѣсть, гдѣ изображаются (какъ и у Нечуя-Левицкаго) русско-украинскія общественныя отношенія; Данило Млака (псевдонимъ), родомъ Буковинецъ, авторъ стихотвореній, которыя очень цѣнятся, и разсказовъ; Степ. Руданскій, печатавшій вольный переводъ „Иліады", въ стихахъ; Евгеній Згарскій; Заревичъ; Н. Лѣсѣкевичъ; Гетьманецъ (псевдонимъ: между прочимъ, переводы изъ сербскихъ пѣсенъ, изъ Некрасова); Корнило Устіановичъ (род. 1840), сынъ Николая, издавшій, кромѣ отдѣльныхъ стихотвореній, свои „Письма" (ч. I—II, Львовъ, 1875), т.-е. собраніе сочиненій, гдѣ заключаются историческія поэмы „Вадимъ" и „Искоростень", дума „Святослав Хоробрий", трагедія „Олег Святославич Овруцький": эти сочиненія встрѣчены были галицкой критикой съ сочувствіемъ, но для поэзіи здѣсь слишкомъ много ученой археологіи и миѳологіи; и др.

Галицкій театръ, какъ замѣчено, воспользовался всѣмъ матеріаломъ нашей малорусской литературы; затѣмъ довольно много переводилось, между прочимъ, съ польскаго и русскаго; оригинальныя пьесы писали Гушалевичъ, Данило Млака, Федьковичъ, Устіановичъ. Изъ Львова драматическая труппа дѣлала поѣздки по провинціальнымъ городамъ...

Ученая дѣятельность Русиновъ представляетъ уже нѣкоторый запасъ трудовъ особенно по старой исторіи, но ей нужно сдѣлать еще многое для изученія галицкой старины и народности. Старѣйшимъ дѣятелемъ былъ здѣсь извѣстный Денисъ Зубрицкій (1777—1862). Съ 1829 года онъ былъ членомъ ставропигійскаго института и долго управлялъ его типографіей, завѣдовалъ архивомъ и съ великимъ трудолюбіемъ изучалъ галицкую старину. Свой первый историческій трудъ онъ написалъ по-нѣмецки: „Die griechisch-katholische Stavropigial-

Kirche in Lemberg und das mit ihr vereinigte Institut", Вѣна, 1830; далѣе, по-польски—изслѣдованіе о старыхъ галицкихъ типографіяхъ: „Historiczne badanie o drukarniach rusko-slawiańskich w Galicyi", Львовъ, 1836; по-польски также писалъ онъ ту исторіи Галиціи, которая позднѣе вышла въ полномъ видѣ въ русскомъ переводѣ Бодянскаго: „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси", М. 1845. Составивши обширное собраніе историческихъ актовъ, Зубрицкій просилъ австрійское правительство объ изданіи своего труда, но получилъ отказъ и тогда предоставилъ этотъ матеріалъ петербургской археографической коммиссіи, которая и употребила его въ своихъ изданіяхъ. Затѣмъ, опять по-польски была написана „Kronika miasta Lwowa" (1844) по актамъ львовскаго городского архива. Въ 1848 году Зубрицкій былъ членомъ „головной рады", редакторомъ „Галицкой Зори", принималъ дѣятельное участіе въ вопросахъ галицкой народности; онъ написалъ тогда упомянутую выше политическую брошюру: „Die ruthenische Frage in Galizien, von einem Russinen", и по поводу проекта о раздѣленіи Галиціи по народностямъ другую брошюру, по-польски: „Granice między polskim i ruskim narodem w Galicyi" (послѣдняя также и по-нѣмецки). Наконецъ, въ пятидесятыхъ годахъ онъ началъ издавать уже на русскомъ языкѣ: „Исторію древняго галицко-русскаго княжества" (4 ч. Львовъ, 1852—1855), доведенную до 1337 года. Какъ видимъ, Зубрицкій былъ человѣкъ стараго вѣка; выше приведенъ его отзывъ о „мрачныхъ изступленникахъ", какими онъ считалъ галицкихъ писателей, желавшихъ ввести въ книгу народный языкъ; но самъ онъ только въ концѣ жизни овладѣлъ тѣмъ „русскимъ языкомъ", какимъ пишутъ Галичане старой школы.... Выше мы говорили о трудахъ Як. Головацкаго. Для старой исторіи Галицкой Руси много работаль Исидоръ Шараневичъ (род. 1829), профессоръ львовскаго университета, писавшій и по-нѣмецки, и по-польски, и по-русски; выше, въ библіографіи указаны его главные труды, къ которымъ прибавимъ еще его „Стародавный Галичъ" (1860) и „Стародавный Львовъ" (1861). Заслуженный дѣятель по изученію галицкой старины есть Антоній Петрушевичъ (род. 1821), ученый каноникъ архикатедральной церкви св. Георгія во Львовѣ, галицкій библіографъ, историкъ и филологъ: отдѣльныя изслѣдованія его по галицкой церковной исторіи печатались въ „Галицкомъ историческомъ сборникѣ", „Галичанинѣ", „Науковомъ сборникѣ", между прочимъ: „Исторія Почаевскаго монастыря и его типографіи", „Краткое извѣстіе о Холмской епархіи"; имъ изданы: „Львовская лѣтопись съ 1498 по 1649 годъ" (Львовъ, 1868) и „Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ" изъ лѣтописныхъ отрывковъ и разныхъ современныхъ историческихъ замѣтокъ (въ „Литературномъ

Сборникѣ" Галицкой Матицы, т. I, 1872—1873). Въ послѣднее время Петрушевичъ велъ полемику по поводу старо-чешскихъ памятниковъ, какъ „Судъ Любуши" и „Краледворская рукопись", подлинность которыхъ онъ отвергаетъ. По филологіи и исторіи литературы есть почтенные труды Омеляна Огоновскаго (род. 1833), профессора въ львовскомъ университетѣ (теперь онъ и предсѣдатель, „голова", общества Просвіта); между прочимъ онъ издалъ новый комментарій къ „Слову о полку Игоревѣ" (Львовъ, 1876) и вообще много работалъ въ рядахъ новой литературной школы. Омелянъ Партицкій (род. 1840), профессоръ учительской семинаріи, также одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей этой школы, составилъ нѣмецко-русскій, т.-е. русинскій словарь (1867), издалъ обширную „Читанку", т.-е. хрестоматію, вышеупомянутую книжку о поэзіи Шевченка и пр. Другая читанка составлена Александромъ Барвинскимъ. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ галицкихъ писателей есть Иванъ Верхратскій (род. 1846). Ему принадлежатъ: „Почтаки до уложеня номенклатуры и терминологіи природописноі, народнёі" (4 вып., Львовъ 1864—72); „Знадоби до словаря южно-руского" (Львовъ, 1877), важный лексикографическій матеріалъ; много статей въ журналѣ „Правда"; наконецъ, сборникъ стихотвореній („Калина", 1874; „Байки", 1876) и пр. Иванъ Левицкій издалъ въ „Правдѣ" 1874 — 1876, и отдѣльно, довольно обширный очеркъ южнорусской миѳологіи: „Світогляд украінського народа".

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ разрядѣ писателей, относящихся на половину къ польской, на половину къ русинской литературѣ. Это — отрасль польской „украинской школы", писатели польскіе, которые, увлекаясь южнорусской народностью (но вмѣстѣ считая ее оттѣнкомъ польской), передавали ея бытовыя и историческія тэмы на южнорусскомъ языкѣ, писанномъ польской азбукой,—явленіе, правда, рѣдкое и довольно странное, но симпатичное, какъ образчикъ возможности мирнаго сожительства и образовательнаго союза двухъ племенъ. Таковъ былъ въ сороковыхъ годахъ Тимко Падура (1801—1871, родомъ съ Украйны), наиболѣе извѣстный изъ этихъ писателей (Pyśma Tymka Padurri. Wydanie posmertne, Львовъ 1874, съ біографіей); собиратели народныхъ пѣсенъ въ Галиціи, какъ Вацлавъ изъ-Олѣска, Жегота Паули, о которыхъ упомянемъ далѣе; далѣе, Сп. Осташевскій (Spirydion Ostaszewski: Piй kopy kazok, Вильно, 1850), умершій въ глубокой старости въ 1875 году [1]); Левъ Евг. Венглиньскій (Nowyi poezyi maloruskii etc. w czystom jazyci Czerwono-Rusyniw. 3 ч. Львовъ и Перемышль, 1859); Павлинъ Свенцицкій

---

[1]) Правда, 1875, 689.

(1840—1876), Полякъ-„хлопоманъ", писавшій по-русински подъ псевдонимомъ „Павелъ Свій" или „Стахурскій", и т. д.

Если сравнить настоящее положеніе русинскаго возрожденія съ тѣмъ, что̀ было тридцать лѣтъ тому назадъ, нельзя не увидѣть въ немъ большого успѣха. Отчасти онъ былъ данъ внѣшними обстоятельствами, — какъ бо́льшая степень политической свободы, которая не была завоевана самими Русинами; но отчасти онъ достигнутъ ихъ усиліями. За это время русинскій языкъ получилъ доступъ въ школу и общественную жизнь; литература сдѣлала успѣхи и въ научной, и въ поэтической области; въ университетахъ львовскомъ и черновецкомъ (въ Буковинѣ, основанномъ въ 1874) нѣкоторые предметы читаются на русскомъ языкѣ; основался русскій театръ; выросъ интересъ къ народности, который обнаруживается усилившимся литературнымъ потребленіемъ и успѣхомъ обществъ, основанныхъ для расширенія народнаго образованія [1]); вмѣсто единственнаго прежде, образованнаго класса — клирошанъ, является новый слой образованнаго свѣтскаго класса; политическое сознаніе выростаетъ.

Внутри галицкаго общества возникло, правда, разногласіе: партія „старо-русская" упорно враждуетъ противъ народной, закрываетъ для нея учрежденія, которыя должны бы быть обще-народными, и не принимаетъ участія въ ея работахъ на пользу народности. Народная партія должна пробивать сама дорогу для своей дѣятельности. Эта вражда исторически понятна; каковы бы ни были недостатки и эгоистическіе мотивы отдѣльныхъ лицъ, здѣсь выразились два теченія идей: одно ищетъ спасенія народности въ союзѣ съ сильнѣйшимъ племенемъ (въ союзѣ, за которымъ должно ожидать подчиненія и поглощенія сильнѣйшимъ); другое настаиваетъ на племенной индивидуаль-

---

[1]) Общества старой партіи: Матица, общ. имени Качковскаго; новой: Просвіта товарищество имени Шевченка. Общества академической молодежи, также съ цѣлями народно-образовательными: Сѣчь (Січ), Русская Основа, Буковина—въ Вѣнѣ; академическій кружокъ (находившійся прежде подъ вліяніемъ старой партіи) и Дружній Лихвяр — во Львовѣ. Въ послѣднее время два львовскіе кружка̀ соединились: акад. кружокъ перешелъ къ народной партіи.

Внѣшніе размѣры литературы увеличились. Дѣдицкій, издавая въ 1860 сочиненія Устіановича, радуется, что кругъ читателей галицкихъ расширился до того, что изданія въ 1000—2000 экз. исчерпываются меньше чѣмъ въ годъ: «Явленіе то,—замѣчаетъ онъ,—говоритъ такъ добытно о укрѣпившомся розвою житья нашого народного, же навѣть у недовѣрôвъ зчезае сомнѣнье въ существованіе животныхъ силъ австрійско-руского народа.

Въ настоящее время выходятъ: политическая газета «Слово», о́рганъ старой партіи; «Правда», изданіе политическое и литературно-научное, о́рганъ новой партіи; далѣе: «Письмо з Просвіти», разъ въ мѣсяцъ для членовъ общества; «Газета школьна», изд. Партицкимъ; «Рускій Сіонъ», о́рганъ уніатскаго митрополита Сембратовича; «Ластівка», дѣтскій журналъ на малор. языкѣ, Клемертовича—всѣ во Львовѣ. Въ Коломыѣ выходитъ литературный журналъ «Весна», Исидора Трембицкаго.

ности. Право народной партіи не подлежитъ сомнѣнію, и старая партія дѣлала теоретическую и практическую ошибку, когда не умѣла понять и не хотѣла признать его. Молодая партія видимо беретъ верхъ, особенно пользуясь нашими малорусскими силами, которыя не могли дѣйствовать у себя дома [1]). Необходимость обращаться къ народному языку въ Галиціи, очевидно гораздо настоятельнѣе, чѣмъ въ Малороссіи: русская народность въ Галиціи окружена чужими племенами, находится подъ чужимъ господствомъ, еще не достигла полной, столько обѣщанной равноправности, не имѣетъ подспорья въ русской литературѣ, какъ Малороссія. „Старо-русская" партія этого не понимаетъ, и о ней доселѣ можно сказать то, что̀ говорилъ Максимовичъ объ ея дѣятеляхъ въ сороковыхъ годахъ, что они „отъ одного берега отстали, а къ другому не пристали".

Итакъ, здѣсь, какъ въ другихъ славянскихъ земляхъ остается еще очень много работы для установленія національной жизни. Галицкіе патріоты далеко не выяснили своего отношенія къ „двумъ русскимъ народностямъ". „Старо-русская" партія, толкуя объ „обще-руссизмѣ", не умѣла доселѣ даже знакомить Галичанъ съ русской литературой, и успѣла сдѣлать свою точку зрѣнія антипатичной и даже ненавистной, отыскивая въ „обще-руссизмѣ" союзниковъ своимъ ретроградными наклонностямъ; но будетъ очень странно, если союзъ съ „обще-руссизмомъ" сама новая партія будетъ представлять возможнымъ только въ той нелѣпой формѣ, какую даетъ ему „Слово"... Народовцы, защищая галицко-малорусскую народность, опасаясь поглощенія „Москвою", меньше вникаютъ въ свойства этой послѣдней, чѣмъ нужно для вѣрнаго историческаго пониманія дѣла и, можетъ быть, для разсчетовъ о будущемъ. Галицко-украинское единство, на которомъ они всего больше настаиваютъ, также не достаточно выяснено. Правда, по народному характеру, быту, языку, Галичане и Малоруссы одинъ народъ, — одинъ и по многимъ явленіямъ исторіи, — но не по всѣмъ. Въ ихъ исторіи есть различія, которыя не могли остаться безъ вліянія на складъ народности. Еще съ глубокой старины, иноземныя вліянія бывали сильнѣе на западѣ южнорусской земли, чѣмъ на востокѣ. Со времени присоединенія Галиціи къ Польшѣ, и завоеванія Кіева Литвой, положеніе южнорусской народности тамъ и здѣсь было сходно, но не тождественно; народность восточная сохранила больше чувства независимости, и въ ней созрѣло зерно козачества, возстаній, поэзіи „думъ". Съ половины

[1]) О домашнихъ отношеніяхъ народовцевъ см., напр., ихъ собственныя разсужденія въ «Правдѣ», 1872, 236 и слѣд.; 1876, 799—808, 953—959. Отзывы о современномъ положеніи украинской литературы въ Россіи, тамъ же, 1876, 500—505, 545—546, 638—640.

XVII вѣка Украйна стала опять въ совсѣмъ иныя отношенія, соединившись съ родственнымъ племенемъ, сохранивши вѣру, освободившись отъ чужеплеменнаго господства, между тѣмъ Галиція потеряла ту самую вѣру, изъ-за которой въ XVI—XVII вѣкахъ шла такая отчаянная борьба, гдѣ и сами Галичане имѣли свою великую заслугу; польскія вліянія возобладали здѣсь до того, что одна народная масса—порабощенная и полусознательная—сохранила старину обычая и народность; и сама эта народность, говоря по правдѣ, доселѣ еще мало успѣла воздѣйствовать на литературную образованность. Литературное возрожденіе малорусскаго племени въ Россіи на полъ-столѣтія опередило Галичанъ, и народная стихія, когда появилась въ малорусской книгѣ, съ разу явилась въ ней во всей чистотѣ языка, тогда какъ въ Галиціи народный языкъ доселѣ не можетъ выбиться изъ чуженародныхъ наслоеній.

Такимъ образомъ единство галицко-украинское есть относительное. Правда, и вообще въ національныхъ возрожденіяхъ требуется извѣстное усиліе, чтобы возстановить потерянную или ослабленную связь общества съ народомъ, надо изучать или „опроститься“; но для галицкаго Русина сдѣлать это относительно южнорусской старины и народности труднѣе, чѣмъ для Малорусса. Мы понимаемъ ту привлекательность, какую имѣютъ для галицкаго Русина сильныя проявленія южнорусскаго характера въ украинской исторіи; но въ отождествленіи двухъ этихъ оттѣнковъ есть все-таки искусственность, натяжка, которыя еще не покрыты и не упразднены собственнымъ развитіемъ или, по крайней мѣрѣ, сильнымъ усвоеніемъ украинства. Можетъ ли галицкій Русинъ *непосредственно* считать своими старыя козацкія думы, или новую поэзію Шевченка? Кромѣ того: Галичане отождествляютъ свою литературу съ малорусской,—но послѣдняя многоразличнымъ образомъ связана съ развитіемъ русской литературы, и съ этой стороны Галичанамъ опять необходимо ближе познакомиться съ содержаніемъ и направленіями русской литературы [1]). А главное, изученіе это важно было бы и съ болѣе общей точки зрѣнія: русская (по ихъ терминологіи: „россійская“) народность есть ближайшая силь-

---

[1]) О недостаткахъ галицкой интеллигенціи вообще, и въ частности по этому вопросу, не разъ говорилось въ русской литературѣ, напр., въ статьяхъ, указанныхъ выше въ библіографіи. Ср. также Ламанскаго, Національности итальянская и славянская, стр. 15.

Люди, которымъ нельзя отказать въ широкомъ взглядѣ и большомъ знаніи славянства, предостерегаютъ отъ крайностей украинофильства (см. Ягича, Archiv für slav. Philologie, I, 542—543) Украинофилы галицкіе имѣютъ, конечно, свой raison d'être (какъ и у русскихъ, крайности имѣютъ свое *историческое* объясненіе) и другой славянскій авторитетъ (Штура, Славянство и міръ будущаго. М. 1867, стр. 140—141), — но во всякомъ случаѣ требуется больше внимательнаго изученія вопроса о великорусскихъ и малорусскихъ отношеніяхъ въ прошломъ и въ современности, чѣмъ ему даютъ Галичане.

ная народность, въ которой они могли бы находить опору для своей національной будущности и которой, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣ новой внутренней работы надъ своей организацiей, еще предстоитъ своя роль въ будущихъ судьбахъ Славянства.

Остается еще одна небольшая область русскаго языка — Угорскіе или Венгерскіе Русины, въ сѣверо-западной Венгріи, на южныхъ склонахъ Карпатъ, въ сосѣдствѣ Словаковъ на западѣ, Мадьяръ и Румынъ на югѣ, Галицкихъ Русиновъ по ту сторону Карпатъ, съ населеніемъ до 500,000, которое дѣлится на „Верховинцевъ“ и „Долинянъ“ (жителей горъ и долинъ). Это были коренные жители края, къ которымъ впослѣдствіи приходили въ разное время новые выселенцы изъ южной Руси. Во время прихода Мадьяръ, Русскіе, какъ говорятъ историческія преданія, были ихъ проводниками, союзниками, передовымъ отрядомъ ихъ войска. Въ то время Русскіе были уже христіанами по восточному обряду, и въ первые вѣка не только пользовались національной свободой, имѣли собственное управленіе, но и при самомъ венгерскомъ дворѣ слышался русскій языкъ. Но съ теченіемъ времени дѣло измѣнилось. Политическія и династическія связи Венгріи уже рано доставили вліяніе католицизму; многіе Русскіе были перекрещены, другіе считались язычниками. Русское боярство, занимавшее мѣста въ мадьярской аристократіи, мало-по-малу потеряло свою народность и смѣшалось съ этой аристократіей. Русскіе, оторванные политически отъ своихъ единоплеменниковъ, больше и больше теряли свои права; съ половины XVII вѣка здѣсь водворилась унія, и венгерскіе Русины пришли въ то же, или еще худшее положеніе, какъ Русины галицкіе. Русскихъ въ краѣ также были только „попъ да хлопъ“.

Австрійское правительство старалось ограждать русскій народъ, т.-е. крестьянство, отъ помѣщичьяго мадьярскаго угнетенія. При Маріи-Терезіи изданъ былъ „урбаріумъ“, опредѣлявшій крестьянское землевладѣніе и повинности; Іосифъ II уничтожилъ крѣпостную зависимость; въ 1848 г. венгерскій парламентъ отмѣнилъ барщину: но такъ какъ ближайшая власть была все-таки въ рукахъ Мадьяръ, то они умѣли обходить законъ и притѣсненія продолжались по прежнему. Подобнымъ образомъ церковная жизнь была крайне отягощена вмѣшательствами католическихъ епископовъ, мадьярскихъ помѣщиковъ и т. п. Русскіе епископы, нѣкогда выборные, стали назначаться правительствомъ, и въ число ихъ попадали злѣйшіе „мадьяроны“ (какъ называютъ русскихъ ренегатовъ), какъ недавній епископъ Панковичъ. Русское юношество, учившееся въ семинаріяхъ въ Вѣнѣ или Пештѣ, отставало отъ своей народности, и мало приносило ей пользы, зани-

мая потомъ духовныя мѣста на родинѣ. Народный патріотизмъ въ русскомъ смыслѣ навлекалъ подозрительность и притѣсненія.

Но, какъ ни заброшенъ былъ этотъ русскій островъ, какъ ни была невозможна какая-нибудь помощь, народное чувство здѣсь не заглохло и къ нашему времени заявляется хотя еще слабыми, но несомнѣнными стремленіями къ развитію. Здѣсь, какъ и въ Галиціи, первыми защитниками народности были духовные люди, епископы, какъ Бачинскій въ прошломъ столѣтіи, Василій Поповичъ въ недавнее время, каноники и монахи, у которыхъ ревность къ церкви сопровождалась и заботой о паствѣ, т.-е. о забытомъ всѣми народѣ. Упомянемъ изъ нихъ историковъ угорско-русской церкви, протоигумена Іоанникія Базиловича (ум. 1821), который написалъ, впрочемъ, по-латыни, исторію русскаго князя Ѳеодора Коріатовича, жившаго въ Угорской Руси и основавшаго монастырь мукачевскій; каноника Андрея Балудянскаго, въ Ужгородѣ или Унгварѣ (ум. 1853), издавшаго церковную исторію на трехъ языкахъ—русскомъ („Исторіа“, 3 ч., Віенна, 1851—52), латинскомъ и мадьярскомъ.

Сорокъ восьмой годъ и здѣсь былъ началомъ особеннаго національнаго движенія. Русскіе сначала очень сочувствовали венгерскому возстанію, въ надеждѣ, что это будетъ установленіемъ народной самобытности; они уже скоро разочаровались, — революціонное правительство преслѣдовало русскихъ патріотовъ, — но мысль о національномъ правѣ была возбуждена и нашла своихъ ревнителей. Первымъ изъ нихъ былъ Адольфъ Добрянскій, который былъ дѣятельнымъ заступникомъ своего народа въ правительственныхъ сферахъ и умѣлъ соединить около себя кружокъ людей, готовыхъ работать и бороться за народное дѣло. Его считаютъ начинателемъ угорско-русскаго возрожденія. Во время борьбы съ венгерскимъ возстаніемъ, австрійское правительство пожелало выслушать русскую депутацію, и депутація, во главѣ которой былъ Добрянскій, заявила желанія своего народа, состоявшія въ автономіи Угорской Руси, равноправности съ Мадьярами, учрежденіи русскихъ школъ и университета во Львовѣ и т. д. Желанія были благосклонно приняты; русскіе патріоты исполнились надеждами, которыя, конечно, потомъ не оправдались... Главнымъ помощникомъ Добрянскаго въ народномъ дѣлѣ былъ каноникъ Александръ Духновичъ (1803—1865), личность, какія встрѣчались и въ другихъ славянскихъ литературахъ въ критическія минуты ихъ перваго пробужденія. Духновичъ происходилъ отъ одного изъ князей Черкасскихъ, который замѣшанъ былъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, бѣжалъ въ Угорскую Русь и принялъ эту фамилію. Духновичъ учился въ Кошицахъ и Ужгородѣ, съ 1827 года поступилъ на службу въ епархіальную канцелярію, съ 1833 г. былъ священникомъ, и съ 1843 г. каноникомъ

въ Пряшевѣ. Свою книжную дѣятельность онъ посвятилъ народной литературѣ, писалъ все, что́ требовалось для первыхъ книжныхъ потребностей народа и для школы—букварь, грамматику (1853), географію, народную педагогію (1857), „Хлѣбъ души" (1857), писалъ драмы, собиралъ пѣсни, принималъ дѣятельное участіе въ галицкихъ журналахъ, основалъ „литературное заведеніе пряшевское", правда, очень скромное, и ему же приписываютъ мысль объ основаніи „общества св. Василія", которое открылось на другой годъ по его смерти, въ 1866. Духновичъ былъ и поэтомъ; его стихотворенія разбросаны по журналамъ и альманахамъ; одно изъ нихъ: „Я Русинъ былъ, есмь и буду", пріобрѣло большую популярность [1]). Ученики Духновича продолжали патріотическое дѣло, въ качествѣ священниковъ дѣйствуя на свои паствы или работая въ литературѣ. Начали составляться патріотическіе кружки́ и собранія; общество св. Василія издавало учебныя и популярныя книги (между прочимъ, русскія грамматики Ив. Раковскаго и Кирилла Сабова), наконецъ, газету „Свѣтъ" (1867—71), подъ редакціей сначала Игнаткова, потомъ Сабова, наконецъ, Кирилла Кимака, при которомъ газета прекратилась вслѣдствіе гоненій отъ упомянутаго выше Панковича. Кромѣ того, издавались „Церковная Газета" Раковскаго (1856—57), „Учитель" (1867). Послѣ закрытія „Свѣта", Кимакъ началъ издавать сатирическую газету „Сова", гдѣ нападалъ на систему и кругъ Панковича, но и „Сова" должна была прекратиться послѣ нѣсколькихъ нумеровъ, и издатель выѣхалъ въ Россію, гдѣ сталъ учителемъ въ классической гимназіи.

И здѣсь опять, какъ въ Галиціи, власти вмѣшивались въ вопросы правописанія, чтобы языкъ не походилъ на „московскій". Былъ планъ замѣнить кирилловскую азбуку латино-мадьярской. Наперекоръ тому, что́ дѣлалось въ Галиціи, власти желали ввести кулишовку...

Изъ другихъ писателей Угорской Руси назовемъ еще народнаго и патріотическаго поэта Александра Павловича, и историка Угорской Руси I. Дулишковича: „Историческія черты Угро-русскаго народа", 3 вып. Унгваръ, 1875—77.

Въ послѣдніе годы издавалась газета „Карпатъ" Николая Гомичкова, но не внушала особеннаго довѣрія угро-русскимъ патріотамъ.

Головацкій въ упомянутомъ разсказѣ о русинской литературѣ хвалитъ Угорскую Русь, что она „не соблазнялась ни партикуляризмомъ, ни украйнофильствомъ, ни кулишовкой, а старалась употреблять чистый русскій языкъ". Стараніе, впрочемъ, до сихъ поръ еще не было исполненіемъ. Газета „Свѣтъ" уже была въ недоумѣніи: „какъ имѣемъ

---

[1]) О Духновичѣ см. Нила Попова въ «Бесѣдахъ» общ. любит. русск. слов., вып. III. М. 1871, стр. 50—61; здѣсь приведена и названная пѣсня.

писати?“ и недоумѣніе можетъ выросги, какъ скоро книга будетъ разсчитывать не на тѣхъ только людей, которые нѣсколько научились церковному языку въ семинаріи. „Русскій“ языкъ угорскихъ писателей—такая же неправильная смѣсь, какъ у „старо-русской“ галицкой школы, и пониманіе литературнаго вопроса — то же. Но такъ мудрено вести живое народное дѣло [1]).

Съ народнымъ движеніемъ въ Галицкой Руси, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, соединилось стремленіе къ изученію народной поэзіи, старины и преданій.

„Собраніемъ пѣсенъ,—говоритъ Головацкій [2]),—до новѣйшаго времени никто не занимался, хотя въ пѣсенникахъ набожныхъ иногда попадаются и пѣсни простонародныя свѣтскія. Впрочемъ, сборниковъ такихъ не встрѣчается старше XVII вѣка, и то на языкѣ славяно-польско-русскомъ [3]). Несмотря на отсутствіе всякой творческой искры въ этихъ виршахъ, онѣ переходили изъ рукъ въ руки, благодаря охотѣ до пѣсенъ и пѣнія. Въ тѣ времена все пѣло, или слушало пѣніе. Самые вельможные, несмотря на измѣну народу и вѣрѣ его, охотно держали у себя бандуристовъ, которые распѣвали козацкія думы, думки и разныя пѣсни. Съ этими-то южно-русскими господами перешли и въ Галицкую Русь многія былевыя и бытовыя пѣсни изъ Украйны обѣихъ сторонъ Днѣпра, освѣжающія и поддерживающія доселѣ народный духъ Червоно-руссовъ. Самое духовенство русское, какъ извѣстно, благопріятствовало и благопріятствуетъ пѣсенности своего народа, чѣмъ, по признанію даже польскихъ писателей, превосходитъ оно духовенство польское и вообще католическое... Дьячки, дѣти священниковъ и вообще причта церковнаго, ихъ учни, всегда были и есть большіе охотники къ пѣнію, пѣли и поютъ, сколько собственныя стиходѣлія, столько же и пѣсни народнаго творчества. По крайней мѣрѣ еще въ недавнее время не обходилось ни одно пиршество у духовныхъ и свѣтскихъ, горожанъ, чиновниковъ, дворянъ, безъ русскихъ пѣсенъ; да и вообще по вечерамъ города и села представляли собой, особливо

---

[1]) Напр. угорскій «Карпатъ», какъ нѣкоторые Галичане «старо русской» школы, возставалъ противъ украинскихъ попытокъ писать народнымъ языкомъ, потому что это—«языкъ слугъ», и ихъ тенденція—«слить господъ со слугами». Затѣмъ послѣдовательно было бы защищать «господъ», а господа въ Угорской Руси — Мадьяры; и дѣйствительно, во время послѣдней войны «Карпатъ» во вкусѣ господъ защищалъ Турцію, и громилъ Россію.

Ср. Свѣтъ 1869, №№ 30, 32; «Карпатъ», 1877—78. Вѣстн. Евр., 1878, янв., 371—372.

[2]) См. въ предисловіи къ его пѣсенному сборнику въ «Чтеніяхъ» 1863, кн. III.

[3]) Ср. въ «Русалкѣ Днѣстровой» 1837, стр. 117—120: «пѣснѣ зо староѣ рукописи» (какъ отмѣчено въ оглавленіи).

въ лѣтнее время, какъ бы одинъ огромный хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ: все пѣло и распѣвало. Говорю, пѣло и распѣвало, потому что въ нынѣшнее время каждый, кто только сколько-нибудь *помазался* школой, скорѣе затянетъ какую ни есть арію изъ оперы, или куплетъ водевильный, чѣмъ русскую пѣсню, либо же молчитъ, словно Нѣмецъ; разумѣется, exceptis excipiendis, особливо что касается до простаго народа. Здѣсь все еще, слава Богу, по старинѣ: нравы, обычаи, обряды, преданія, вѣрованія и пѣсенность не выводятся, и не выведутся, пока Русь останется Русью, кто бы что́ тамъ ни говорилъ и ни дѣлалъ. Не напрасно же испоконные сосѣди наши, Поляки, называютъ насъ „упрямой Русью“ (uparta Ruś). Да и зимой молодежь обоего пола поетъ на своихъ „вечорницахъ“ и „досвѣткахъ“ (посидѣлкахъ), при забавахъ, играхъ, праздникахъ, самыхъ работахъ, не говоря уже объ обрядахъ, особливо свадебныхъ. Въ особенности женщины строго смотрятъ, чтобы на нихъ все было „по старовинѣ, якъ съ давныхъ давень бувало“, чтобы „то, що не за насъ настало,—какъ говорятъ онѣ, —не черезъ насъ и перестало“. Даже тамъ, гдѣ смѣшанное населеніе, Русскіе и Ляхи, послѣдніе на свадьбахъ весьма часто поютъ пѣсни русскія, приглашаютъ нарочно ихъ спѣвакъ (пѣвцовъ и пѣвицъ), не только для пѣнья, но и чтобъ показали и научили ихъ, какъ это тамъ водится у Руси, какъ Русь, напримѣръ, отправляетъ „закладчину хаты“, справляетъ „весѐлье“ (свадьбу); не рѣдко, кромѣ своего ксёндза, приглашаетъ и попа, чтобы онъ „и хату посвятивъ, и панихиду одправивъ, и души померших помянувъ“ и т. д.

Русинская народная поэзія имѣетъ столько близкаго, родственнаго съ украинской, что часто съ нею тождественна, и именно въ своихъ старыхъ элементахъ; новые историческіе періоды, когда народная жизнь въ Галиціи и на Украйнѣ шла разными путями, внесли извѣстное различіе и въ народномъ творчествѣ. Украинскій народъ въ особенности создалъ поэзію думъ, фактическимъ центромъ которыхъ была Днѣпровская Русь; но какъ у Сербовъ героическая поэзія Косовскаго цикла перешла далеко за предѣлы края, гдѣ совершались событія, такъ и козацкія думы разошлись, кажется, по всей области южнорусскаго языка. Хотя иныя отрасли народа вовсе не участвовали, или мало, въ самыхъ подвигахъ, но поразительныя событія овладѣвали умами и чувствомъ, и чужая пѣсня принималась какъ своя. Любопытно, что съ пѣснями изъ Украйны усвоивалось даже нарѣчіе, на которомъ онѣ были созданы, — такъ что уже этотъ фактъ указываетъ на мѣсто, гдѣ произошли пѣсни.

Впрочемъ, эти пѣсни могли отчасти имѣть и болѣе близкихъ проводниковъ, чѣмъ тѣ, взятые съ Украйны бандуристы, о которыхъ

упоминаетъ Головацкій. Козацкое движеніе отчасти захватило, вмѣстѣ съ другими окрестными мѣстами, и Галичъ [1]).

„Козачество,—говоритъ Житецкій,—сосредоточило въ себѣ передовую и въ то же время притягательную силу. Оно привлекло къ себѣ народныя массы изъ всѣхъ земель южнорусскихъ... Одушевленіе овладѣло всею громадою народа, до самой ея глубины, — вмѣстѣ съ тѣмъ возрасло и поэтическое вдохновеніе, плодомъ котораго были думы. А поэтическое творчество, какъ извѣстно, ведетъ за собою творчество въ языкѣ, и потому-то языкъ думъ, несмотря на всю древнюю основу, есть новый языкъ. Въ немъ достигло малорусское нарѣчіе той нормы, которая составляетъ характеристику собственно украинскаго говора, чуждаго звуковыхъ архаизмовъ, свойственныхъ другимъ малорусскимъ говорамъ... Его вліянія подчиняются другіе малорусскіе говоры... „Ще до сей поры, — говоритъ Головацкій, — въ декоторыхъ сторонахъ (Галиціи) *уважаютъ* въ народѣ *украинское нарѣчіе* буцѣмъ красче, благороднѣйше... Вмѣстѣ съ думами, оно давно расширилось по всей Галиччинѣ; сами Горяне (Гуцулы, Верховинцѣ, Бойки, Лемки) спѣваютъ пѣснѣ украинского похоженья (козацькіи) по тамошнему (т.-е. украинскому) выговору, коли тымчасомъ въ лиричныхъ спѣванкахъ и въ обрядовыхъ пѣсняхъ заховують свое помѣстне нарѣчіе" [2]).

Выше упомянуто, что для Галиціи первымъ собирателемъ пѣсенъ былъ Доленга-Ходаковскій (Адамъ Чарноцкій), который въ началѣ столѣтія, при первыхъ шагахъ этнографіи и археологіи, предчувствовалъ много вопросовъ, ставшихъ потомъ на очередь въ наукѣ. Въ знаменитой статьѣ „O Słowiańszczyznie przed Chrześciańctwem" (1818, изданной потомъ отдѣльно, Краковъ, 1835) онъ обратилъ вниманіе польскихъ ученыхъ на важность изученія народныхъ пѣсенъ — польскихъ и русскихъ, и собиралъ ихъ, хотя самъ не успѣлъ издать своего собранія. Его примѣру стали слѣдовать другіе, и образчики галицкихъ пѣсенъ вошли въ собраніе Челяковскаго („Slovanské nár. pisně", кн. 2—3, 1825—1827) и Максимовича (первый сборникъ, 1827, изъ польскихъ рукъ). Затѣмъ первое обширное собраніе русинскихъ пѣсенъ, долго остававшееся лучшимъ, издалъ Вацлавъ изъ-Олѣска, или Залѣсскій, прибавивъ музыку, написанную Липинскимъ и замѣчательное по времени введеніе о народномъ творчествѣ [3]). Пѣсни были записаны здѣсь латинской азбукой, которую Залѣсскій и предлагалъ вмѣсто кирилловскаго письма; это Галичанамъ не понравилось,

---

[1]) На это есть указанія въ лѣтописи Самовидца, который говоритъ, что у Хмельницкаго былъ «полкъ Животовскій, бо тамъ козацство звалося ажъ и по за Днѣстромъ коло Галича», и проч.

[2]) Росправа, 42, 39; Житецкій, 290—291.

[3]) Wacław z Oleska, Pieśni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego, Львовъ, 1833.

но богатый сборникъ произвелъ впечатлѣніе, открывая въ первый разъ богатство народнаго творчества, льстившее и помогавшее національному чувству. Льстило и то, что это богатство было признано національными противниками. Августинъ Бѣлёвскій, разбирая тогда этотъ сборникъ, открыто восхвалялъ высокое достоинство и красоту южнорусскихъ пѣсенъ, и ставилъ ихъ выше не только сербскихъ, но и пѣсенъ прочихъ Славянъ. Упомянемъ дальше „Ruskoje Wesile“ (Перемышль, 1835) Іосифа Лозинскаго — описаніе свадебныхъ обычаевъ, гдѣ приведено нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ латинской азбукой: впослѣдствіи Лозинскій помѣстилъ описаніе разныхъ народныхъ игръ въ „Зорѣ Галицкой“, 1860. Выше названъ сборникъ Лукашевича, гдѣ червоно-русскій отдѣлъ взятъ отъ Вацлава Залѣсскаго. Затѣмъ новое собраніе издалъ Жегота Паули („Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi“, 2 ч., Львовъ, 1839—1840), даже болѣе обширное, чѣмъ собраніе Залѣсскаго, но далеко уступающее ему по редакціи: Жегота Паули переписалъ польскими буквами пѣсни изъ готовыхъ собраній, не критически обращался съ своими источниками, и напримѣръ приписывалъ иногда Галицкой Руси пѣсни, ей не принадлежащія и взятыя имъ изъ русскихъ сборниковъ.

Кружокъ Маркіана Шашкевича, издавшій „Русалку Днѣстровую“ (1837), гдѣ было помѣщено болѣе 50 народныхъ пѣсенъ, проникся сознаніемъ важности народныхъ изученій; самъ Шашкевичъ и его друзья, напр. Головацкій, Вагилевичъ, Илькевичъ, усердно собирали пѣсни, пословицы, описывали обычаи и обряды. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ много русинскихъ священниковъ занимались собираніемъ народныхъ пѣсенъ, между прочимъ и извѣстные какъ писатели Іос. Левицкій, Ив. Гушалевичъ.

Въ Угорской Руси первый Михаилъ Лучкай, протоіерей въ Ужгородѣ (ум. 1843), въ своей Grammatica Slavo-Ruthena (1830) помѣстилъ четыре народныя пѣсни (cantilenae populares, стр. 166—174). Въ новѣйшее время собираніемъ пѣсенъ занимались здѣсь также священники, Талапковичъ, Ал. Духновичъ, Ал. Павловичъ.

Въ 1861—62 Игнатій Галько издалъ во Львовѣ „Народныи звычаи и обряды зъ околицъ надъ Збручемъ“, 2 ч., гдѣ помѣщено также нѣсколько пѣсенъ, и пословицы, въ дополненіе сборника Илькевича. Въ „Старосвѣтскомъ Бандуристѣ“ Закревскаго помѣщено и нѣсколько галицкихъ пѣсенъ изъ Залѣскаго, и сборникъ пословицъ Илькевича.

Въ 1864, во Львовѣ вышли „Коломыйки и шумки“, сборникъ Саламона Счастнаго. Затѣмъ печатались пѣсни въ журналахъ [1]), альманахахъ, небольшихъ сборникахъ. Наконецъ, самый обширный сборникъ состав-

[1]) Замѣтимъ «Коляди Гуцулівъ», въ Метѣ 1863, II, 164—172.

ленъ былъ Я. Ѳ. Головацкимъ. Онъ собиралъ ихъ, во времена Шашкевича, въ 1834—40, въ многочисленныхъ странствіяхъ по Галицкой и Угорской Руси, присоединилъ къ нимъ все, что́ было издано другими, затѣмъ получилъ много рукописныхъ собраній, и передалъ свое собраніе Бодянскому. Въ 1863 году Бодянскій началъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей" печатаніе этого замѣчательнаго собранія, которое должно составить нѣсколько томовъ [1]). Здѣсь помѣщены пѣсни самыхъ разнообразныхъ видовъ: думы былевыя козацкія; думы о событіяхъ обыкновенныхъ; бытовыя козацкія; воинскія и рекрутскія; гайдамацкія; чумацкія и бурлацкія; господарскія и скотарскія; думки народныя; думки образованнаго сословія:—коломыйки и шумки;—обрядныя пѣсни; колядки; ладканя или пѣсни свадебныя; пѣсни при крестинахъ; щедровки; гаилки или весеннія хороводныя пѣсни; веселыя и охочія: насмѣшливыя, шутливыя, праздничныя, небыличныя; корчемныя и піяцкія; соботки и т. д. Въ сборникъ вошли собраніи Гушалевича, Торонскаго, пѣсни, собранныя въ Угорской Руси Талапковичемъ, Духновичемъ, Павловичемъ и проч.

Богатый матеріалъ русинской народной поэзіи и вообще народнаго быта, обычаевъ, преданій, и прибавимъ, языка [2]), далеко еще не собранныхъ, даетъ обширное поприще для изслѣдованій. Галичане показали довольно много усердія въ собираніи, но изслѣдованій до сихъ поръ очень немного. На нашъ взглядъ, изученіе, направленное на народный бытъ, могло бы быть чрезвычайно благодарной задачей для галицкихъ ученыхъ, не только въ чисто-научномъ, но и практически народномъ смыслѣ: это ближе знакомило бы съ народомъ, который есть все-таки господствующая идея возрожденія, основная опора національной жизни; это была бы еще одна связь съ русскимъ „общерусскимъ" національнымъ сознаніемъ, съ русской литературой—то и другое принесло бы галицкому возрожденію несомнѣнную пользу.

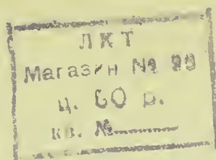

[1]) «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», съ предисловіемъ Бодянскаго, заключающимъ подробную библіографію пѣсенныхъ собраній. Изданіе начато съ III книги 1863 года и продолжалось въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ „Чтеній".

[2]) До сихъ поръ еще нѣтъ настоящаго южнорусскаго словаря, какъ тѣ, какіе есть у другихъ Славянъ: словари Караджича, Юнгманна, Линде были великими фактами національной литературы, а первые два — могущественными двигателями «возрожденія».

ОПЕЧАТКИ

Стран. 4, строка 29, вм. 1871 должно быть 1867; стр. 307, стр. 14, вм. 1871—1878; стр. 377, въ кол.-тит. должно быть: Кирилло-Меѳодіевское братство.

ЛКТ
Магазин № 99
ц. 60 р.
кв. №

